

Монтескье Шарль Луи

Избранные произведения о духе законов

Шарль Луи Монтескье
Избранные произведения
О ДУХЕ ЗАКОНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы среди бесконечного разнообразия предметов, о которых говорится в этой книге, и оказалось что-нибудь такое, что против моего ожидания может кого-либо обидеть, то не найдется в ней по крайней мере ничего, сказанного со злым умыслом. Мой ум не имеет от природы склонности к порицанию. Платон[27] благодарил небо за то, что родился во времена Сократа[28], я же благословляю небо за то, что оно судило мне родиться при правительстве, под властью которого я живу, и повелело мне повиноваться тем, к которым внушило любовь.

Я прошу одной милости, хотя и, боюсь, что мне в ней откажут: не судить по минутному чтению о двадцатилетнем труде; одобрять или осуждать всю мою книгу целиком, а не отдельные ее фразы. Когда хотят узнать цели и намерения автора, то где же всего ближе искать их как не в целях и намерениях его произведения.

Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона.

Обратившись к древности, я постарался усвоить дух ее, чтобы случаи, существенно различные, не принимать за сходные и не просмотреть различий между теми, которые кажутся сходными.

Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами. Чем больше будут размышлять над подробностями, тем более будут убеждаться в верности общих начал. Самые эти подробности приведены мною не все, ибо кто может сказать все и не показаться при этом смертельно скучным?

Здесь не найдут тех крайностей, которые как будто составляют характерную особенность современных сочинений. При известной широте взгляда все крайности исчезают; проявляются же они обыкновенно лишь вследствие того, что ум писателя, сосредоточившись всецело на одной стороне предмета, оставляет без внимания все прочие.

Я пишу не с целью порицать установления какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства.

Нельзя относиться безразлично к делу просвещения народа. Предрассудки, присущие органам управления, были первоначально предрассудками народа. Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего; они рассматривают части только для

того, чтобы познать целое, и исследуют все причины, чтобы уразуметь все последствия.

Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, — я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли новое удовольствие в повиновении, — я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предрассудков. Предрассудками я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя.

О духе законов.

Стремясь просветить людей, мы всего более можем прилагать к делу ту общую добродетель, в которой заключается любовь к человечеству. Человек — это существо столь гибкое и в общественном быту своем столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей — одинаково способен и понять свою собственную природу, когда ему показывают ее, и утратить даже всякое представление о ней, когда ее скрывают от него.

Я много раз начинал и оставлял этот труд, тысячу раз бросал я на ветер уже исписанные мною листы и каждый день чувствовал, что мои руки опускаются от бессилия. Исследуя свой предмет без всякого предварительного плана, я не знал ни правил, ни исключений и если находил истину, то для того только, чтобы тут же утратить ее; но когда я открыл мои общие начала, то все, чего я искал, предстало предо мною, и на протяжении двадцати лет я видел, как труд мой возник, рос, развивался и завершился.

если этому труду суждено иметь успех, я буду в значительной степени обязан этим величию моего предмета. Не думаю, однако, чтобы тут не было никакой заслуги и с моей стороны. Когда я прочел все, что было написано прежде меня столь многими великими людьми во Франции, в Англии и Германии, я был поражен восхищением, но не пал духом. «И я тоже художник!», — воскликнул я вместе с Корреджио.

ЗАЯВЛЕНИЕ АВТОРА

Для понимания первых четырех книг этого труда следует заметить, что 1) под словом *республиканская добродетель* я разумею любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская или нравственная, а *политическая* добродетель; она представляет ту главную пружину, которая приводит в движение республиканское правительство подобно тому, как *честь* является движущей пружиной монархии. На этом основании я и назвал любовь к отечеству и к равенству политической добродетелью: новые идеи, к которым я пришел, обязывали меня приискать для них и новые названия или употреблять старые слова в новом смысле. Лица, не понявшие этого, приписали мне много таких нелепых мнений, которые показались бы возмутительными во всех странах мира, так как во всех странах мира дорожат нравственностью. 2) Следует обратить внимание на то, что между утверждением, что известное свойство, душевное расположение или добродетель не являются главными двигателями такого-то правительства, и утверждением, что они в этом правительстве совсем отсутствуют, есть большое различие. Если я скажу, что такое-то колесо или шестерня не относятся к орудиям, приводящим в движение механизм часов, то можно ли из этого заключить, что их совсем не имеется в этих часах? Столько же оснований для заключения, что христианские и нравственные добродетели и даже сама политическая добродетель отсутствуют в монархии. Одним словом: *честь* существует и в республике, хотя движущее начало республики — политическая добродетель, а политическая добродетель существует и в монархии, несмотря на то, что движущее начало монархии *честь*.

Говоря в V главе третьей книги моего сочинения о добродетельном человеке, я имел в виду не человека, обладающего христианскими или нравственными добродетелями, а человека, стремящегося к политическому благу, т. е. обладающего тою политическою добродетелью, о которой была речь. Это человек, который любит законы своей страны и любовью к ним руководствуется в своей деятельности. Все это я уточнил в настоящем издании путем еще более четкого определения своих идей; в большинстве случаев, где было употреблено мною слово *добродетель*, я заменил его выражением *политическая добродетель*.

КНИГА ПЕРВАЯ О законах вообще

ГЛАВА I О законах в их отношениях к различным существам

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Те, которые говорят, что все *видимые нами в мире явления произведены слепю судьбою*, утверждают великую нелепость, так как что может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же — это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и охранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их, и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишеного разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов — Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира.

Эти правила — неизменно установленные отношения. Так, все движения и взаимодействия двух движущихся тел воспринимаются, возрастают, замедляются и прекращаются согласно ПЛ Монтестье отношениям между массами и скоростями этих тел; в каждом различии есть *единообразие*, и в каждом изменении — *постоянство*.

Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собою.

Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества; если разумные существа

облагодетельствованы другим существом, они должны питать к нему благодарность; если разумное существо сотворено другим разумным существом, то оно должно оставаться в той же зависимости, в какой оно находилось с первого момента своего существования; если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же злом, и т. д.

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

Неизвестно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с богом более близкими отношениями, чем остальной материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, к другим существам и к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним.

Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они, подобно нам, умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы.

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя — и бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя — и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних — и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

ГЛАВА II О законах природы

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Тот закон, который, запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает **первое** место по своей важности, но не по порядку законов во времени. Человек в природном состоянии обладает не столько познаниями, сколько способностью познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охранении. Такой

человек вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство.

В таком состоянии каждый чувствует себя низшим по отношению к другим людям и лишь с трудом доходит до чувства равенства с ними. Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека.

Гоббс[29] неправ, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека.

Если война не есть естественное состояние людей, то почему же, спрашивает Гоббс, люди всегда ходят вооруженными и запирают на ключ свои жилища? Однако не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты.

С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд. Поэтому **второй** естественный закон человека — стремление добывать себе пищу.

Я сказал, что страх побуждает людей бежать друг от друга; но как только они увидят, что страх их является взаимным, у них появится желание подойти друг к другу. Кроме того, их влечет к сближению и чувство удовольствия, испытываемое каждым животным при встрече с животным той же породы, причем то очарование, которое связано с различием двух полов, еще более увеличит это удовольствие. Таким образом, просьба, обращенная одним человеком к другому, составляет **третий** естественный закон человека.

Первоначально человек обладает способностью чувствовать; в дальнейшем он доходит до приобретения познаний. Таким образом, людей связывает вторая нить, которой нет у животных; отсюда возникает новый повод к сближению. Желание жить в обществе — **четвертый** естественный закон человека.

ГЛАВА III О положительных законах

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу — отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества — отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это *международное право*. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это *право политическое*. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это *право гражданское*.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны — победа; цель победы — завоевание; цель завоевания — сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Международное право имеется у всех народов, оно есть даже у ирокезов, поедающих своих пленников: они отправляют и принимают послов, у них существуют определенные

правила ведения войны и поведения в период мира; плохо только, что это международное право основано не на истинных принципах.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них в отдельности. Общество не может существовать без правительства. «Соединение всех отдельных сил, — как прекрасно говорит Гравина, — образует то, что называется *политическим состоянием* (государством)».

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу или нескольким лицам. Основываясь на том, что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного — самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев соответствует правлению нескольких лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств.

Вернее будет сказать, что правительство наиболее сообразно с природой в том случае, если его особенные свойства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли; это последнее единство и есть то, что, опять-таки по прекрасному выражению Гравина, называется гражданским состоянием.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату холодному, жаркому или умеренному, — качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов, — степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Это именно я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется *Духом законов*.

В этом исследовании я не отделяю *политических* законов от *гражданских*, так как, занимаясь исследованием не законов, а Духа законов, который заключается в различных отношениях законов к различным предметам, я должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов.

Я начну с рассмотрения тех отношений, в которых законы состоят к природе и принципу каждого правительства, уделяя особое внимание изучению этого принципа, ввиду того что он оказывает решающее влияние на законы. И если мне удастся установить этот принцип, я покажу, что законы вытекают из него, как из своего источника. Затем я перейду к рассмотрению других, по-видимому, более частных отношений.

КНИГА ВТОРАЯ

О законах, вытекающих непосредственно из природы правительства

ГЛАВА I

О природе трех различных образов правления

Есть три образа правления: республиканский, *монархический* и *деспотический*. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление — это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, — при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

ГЛАВА II

О республиканском правлении и законах, относящихся к демократии

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией.

В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях — подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии — знать, кто государь и как он должен управлять.

Либаний говорит, что в Афинах иностранец, вмешавшийся в народное собрание, подлежал смертной казни; он был виновен в узурпации прав верховной власти.

Существенно важно определить число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его. В Лакедемонне требовалось 10 тысяч граждан. В Риме, рожденном в ничтожестве и возвысившемся до величия, в Риме, которому было суждено изведать все превратности фортуны, в Риме, который то видел всех своих граждан вне своих стен, то заключал в своих стенах всю Италию и часть земного шара, это число не было определено, и в этом заключалась одна из важных причин его падения [30].

Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т. е. должностных лиц государства.

Подобно монархам и даже в еще большей степени народ нуждается в руководстве со стороны совета или сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений или непосредственно, как в Афинах, или чрез посредство особого учреждения, созданного народом для того, чтобы их выбирать, как это делалось в некоторых

случаях в Риме.

Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти. Тут ему нужно руководиться лишь обстоятельствами, которых он не может не знать, и самыми очевидными фактами. Он знает, например, что такой-то человек часто бывал на войне и воевал успешно — и вот он уже способен избрать полководца. Он знает, что такой-то судья усердно исполняет свои обязанности, никогда не был уличен в подкупности и что люди вообще довольны им, — и он уже достаточно осведомлен для избрания претора. Он поражен роскошью и щедростью какого-нибудь гражданина, и это все, что ему нужно знать для выбора эдила. Все это факты, о которых он узнает на своих площадях гораздо лучше, чем монархи в своих дворцах. Но сумеет ли он сам выполнить какое-нибудь дело, изучить места, возможности, благоприятные моменты, воспользоваться этими знаниями? Нет, этого он не сумеет сделать.

Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснять случайностью.

Известно, что, хотя в Риме народ и завоевал себе право поручать отправление государственных должностей плебеям, он так и не мог решиться выбирать их, и, хотя в Афинах по закону Аристида дозволялось избирать на эти должности лиц из всех классов, простой народ, по словам Ксенофонта[31], никогда не претендовал на те должности, от которых зависело его благополучие и его слава.

Подобно тому, как большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам.

Необходимо, чтобы дела шли, и шли не слишком скорым и не слишком замедленным шагом; но народ всегда или не в меру деятелен или совсем безучастен. Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползет, как насекомое.

В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависели всегда прочность и процветание демократии.

Сервий Туллий создавал свои классы, руководствуясь аристократическим принципом. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский рассказывают нам, как он сосредоточил право голосования в руках первых граждан государства. Он разделил римский народ на сто девяносто три центурии, образовавшие шесть классов. Поместив богатых в относительно меньшем количестве в первые центурии, а менее богатых в количестве сравнительно большем в следующие, он отбросил всю массу бедняков в одну последнюю центурию. И так как центурии имели только по одному голосу каждая, то выходило, что право голоса принадлежало не столько лицам, сколько влиянию и богатству.

Солон[32] разделил афинский народ на четыре класса. Руководствуясь демократическим духом, он образовал эти классы для того, чтобы обозначить не тех, которые должны избирать, а тех, которые могут быть избраны; предоставив каждому гражданину право избирать, он разрешил избирать судей из граждан всех четырех классов, между тем как на более высокие государственные должности могли быть избраны лица только первых трех классов, в которые входили зажиточные граждане.

Итак, разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики. Другим основным ее законом является способ подачи голосов.

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам аристократии.

Жребий представляет самый безобидный способ избрания: он предоставляет каждому гражданину возможность послужить отечеству.

Но так как в этом именно состоит недостаток этого способа, то великие законодатели

затратили большие усилия для того, чтобы его исправить и упорядочить.

В Афинах Солон постановил, чтобы назначения на все военные должности производились по выбору, а сенаторы и судьи назначались по жребию.

Далее, он постановил, чтобы те гражданские должности, которые были связаны с большими расходами, замещались по выбору, а прочие — по жребию.

Но для исправления недостатков, связанных с назначением по жребию, он определил, что избирать следует только из числа тех граждан, которые сами выставят свои кандидатуры, что достоинство избранного таким образом лица подлежит рассмотрению судей и что каждый гражданин может выдвинуть против него обвинение в том, что он недостойн избрания. Таким образом, получалось нечто среднее между избранием и жребием. Наконец, по истечении установленного срока снова производилось обсуждение деятельности данного должностного лица. Все это должно было в значительной степени удерживать неспособных людей от согласия баллотироваться по жребию.

Закон, определяющий самую форму подачи избирательных бюллетеней, также принадлежит к числу основных законов демократии. Здесь особую важность имеет вопрос, будет ли голосование открытым или тайным. Цицерон пишет, что законы, установившие в последние времена римской республики тайное голосование, были одною из главных причин ее падения. Ввиду того что этот вопрос решается в различных республиках неодинаково, вот что, полагаю я, следует сказать о нем.

Когда голоса подает народ, то голосование, несомненно, должно быть открытым, и в этом следует видеть один из основных законов демократии. Нужно, чтобы руководители вразумляли простой народ и чтобы известные лица сдерживали его своим авторитетом. Поэтому, когда в римской республике было введено тайное голосование, все в ней стало разрушаться; не было уже более возможности вразумить погибающий народ. Когда же голоса подаются в аристократии знатью или в демократии сенатом и когда поэтому все дело сводится лишь к предупреждению происков честолюбия, то в этих случаях находит применение самая строгая тайна голосования.

Происки честолюбия опасны в сенате и в знати, но они не опасны в народе, которому свойственно действовать по влечению страсти. В государствах, где народ не имеет никакого участия в управлении, он будет увлекаться каким-нибудь актером, так же как в других случаях увлекался бы государственными делами. Полное отсутствие честолюбивых стремлений большое несчастье для республики. Оно постигает ее, когда народ развращен подкупам; он становится тогда равнодушным, пристращается к деньгам, но уже больше не интересуется государственными делами, не думает ни о правительстве, ни о его намерениях и пребывает в тупом спокойствии.

К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу. Однако есть тысячи случаев, когда бывают необходимы постановления сената; часто полезно даже испробовать закон, прежде чем установить его окончательно. Конституции Рима и Афин отличались в этом отношении большой мудростью. Определения сената имели там силу закона в продолжение года и обращались в постоянный закон только по воле народа.

ГЛАВА III

О законах, относящихся к природе аристократии

В аристократии^[33] верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают законы и заставляют исполнять их; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю.

Выбор по жребию не должен иметь места; он проявил бы здесь только свои дурные стороны. В самом деле, в правлении, которое уже установило самые прискорбные различия между людьми, должностное лицо не станет менее ненавистным оттого, что оно выбрано по

жребию: тут завидуют не служебной должности человека, а его знатности.

Если число знатных очень велико, то является необходимостью в сенате для решения дел, которые знать не в состоянии решать сама, и для подготовки тех дел, которые подлежат ее решению. В этом случае можно сказать, что сенат представляет собою аристократию, знать — демократию, а народ ничто.

В аристократическом государстве отрадны случаи, когда народ каким-нибудь косвенным способом оказывается выведенным из такого состояния небытия. Так, вследствие того что генуэзский банк св. Георгия управляется в основном почетными лицами из народа, народ получает возможность оказывать некоторое влияние на правительство, от чего зависит все его благосостояние.

Сенаторы не должны иметь права замещать по собственному выбору вакантные места в сенате: это повело бы к большим злоупотреблениям. В Риме, который первоначально был аристократическим государством, сенат не имел права избирать своих членов, новые сенаторы назначались [34] цензорами. Чрезмерная власть, внезапно предоставленная в республике гражданину, образует монархию и даже больше чем монархию. В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как тут он не встречает никакого противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства.

Исключение из этого правила допустимо лишь в том случае, когда самое устройство государства таково, что оно нуждается в должности, сопряженной с чрезвычайною властью. Таков был Рим со своими диктаторами; такова Венеция со своими государственными инквизиторами: это страшные власти, насильственно возвращающие государство к утраченной свободе. Но чем объясняется столь существенное различие между обоими учреждениями в этих двух республиках? Тем, что в Риме диктатура защищала остатки его аристократии против народа, тогда как Венеция пользуется своими государственными инквизиторами, чтобы поддерживать свою аристократию против знати. Отсюда проистекают все различия: в Риме диктатура была кратковременной, потому что народом двигают не обдуманые намерения, а вспышки страсти; она должна была действовать гласно и торжественно, потому что имела в виду устрашить, народ, а не карать его; диктатор назначался только для одного определенного дела и только в границах этого дела пользовался своей неограниченной властью, потому что назначение диктатора всегда вызывалось каким-нибудь непредвиденным случаем. Наоборот, в Венеции инквизиция должна быть учреждением постоянным: здесь намерения зарождаются, развиваются, откладываются на время и снова возрождаются, здесь честолюбивые стремления одного лица овладевают всем семейством, а от одного семейства передаются многим. Здесь необходимо тайное судилище, потому что преступления, которые оно карает, имеют глубокие корни и зарождаются в тишине и тайне. Власть этого судилища должна распространяться на все дела, потому что цель его — не только пресекать уже известное зло, но и предупреждать то зло, которое еще никому неизвестно. Наконец, инквизиция установлена, чтобы мстить даже за те преступления, о существовании которых она только подозревает, между тем как римская диктатура действовала более угрозами, чем карами, даже против тех преступлений, в которых виновные уже сознались.

Во всех установлениях подобного рода обширность власти должна иметь свой противовес в кратковременности ее существования. БОЛЬШИНСТВО законодателей назначает ей срок в один год. Большая продолжительность была бы опасна, а меньшая — не соответствовала бы существу дела. Кто согласился бы управлять на таких условиях даже домашними делами? В Рагузе глава республики сменяется каждый месяц, прочие должностные лица — каждую неделю, а комендант крепости — каждый день. Но это может иметь место лишь в небольшой республике, окруженной могущественными державами, которые легко могли бы подкупать мелких должностных лиц.

Лучшая аристократия та, где часть народа, не принимающая никакого участия во власти, настолько бедна и малочисленна, что господствующая часть народа не может извлечь никакой выгоды из того, чтобы угнетать ее. Так, Антипатр своим постановлением, лишившим в Афинах права голоса всех, у кого не было двух тысяч драхм, образовал лучшую из возможных аристократий, потому что этот ценз был так мал, что исключал лишь очень немногих и не затронул никого из граждан, пользовавшихся некоторым почетом в городе.

Итак, аристократические роды должны, насколько это возможно, сближаться с народом. Аристократия будет тем лучше, чем она более приближается к демократии и тем хуже, чем она более приближается к монархии.

Худшая из аристократий та, где часть народа, которая повинуется, находится в гражданском рабстве у той, которая повелевает, какова, например, аристократия Польши, где крестьяне — рабы дворянства.

ГЛАВА IV, О законах в их отношении к природе монархического правления[35]

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона.

Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: «Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха». В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом.

Есть люди, которые в некоторых государствах Европы задумали полностью отменить юрисдикцию сеньоров. Они не видели, что добивались того, что было сделано английским парламентом. Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое.

Трибуналы одной великой европейской державы [36] на протяжении нескольких веков наносят удары исключительной юрисдикции господ и духовенства. Мы не хотим критиковать столь мудрых судей, но предлагаем подумать о том, до какой степени может измениться от этого государственное устройство.

Я не питаю чрезмерного пристрастия к привилегиям духовенства, но мне хотелось бы, чтобы его юрисдикция была раз навсегда точно определена. Вопрос не в том, следовало ли ее устанавливать, а в том, установлена ли она, составляет ли она часть законов страны, связанную со всеми прочими ее учреждениями, не должно ли существовать соответствие в положении двух властей, признаваемых независимыми, и не все ли равно для доброго подданного — защищать ли юстицию государя или те пределы, на которые она всегда претендовала.

Насколько власть духовенства опасна в республике, настолько она уместна в монархиях и в особенности в тех из них, которые склоняются к деспотизму. Что случилось бы с Испанией и Португалией после утраты их законов без этой власти, которая одна только сдерживает могущество произвола? За неимением других преград хороша и эта, так как в виду ужасных зол, которые деспотизм причиняет природе человека, даже зло, которое ограничивает его, есть уже благо.

Подобно тому как море, готовое, кажется, затопить всю землю, останавливается, встретив на своем пути травы и крошечные камешки, рассыпанные по его берегам, так и

монархи с их, невидимому, безграничной властью останавливаются перед малейшими препятствиями, смиряя свойственную им гордость перед обращенной к ним жалобой и мольбой.

Чтобы создать благоприятные условия для свободы, англичане уничтожили все посредствующие власти, входившие в состав их монархии. И они совершенно правы, сохраняя эту свободу; утратив ее, они стали бы самым рабским народом на земле.

Г. Ло, не понимавший ни республиканского, ни монархического государственного устройства, был одним из величайших поборников деспотизма, каких когда-либо видела Европа. Кроме произведенных им изменений, столь резких, столь необычных и неслыханных, он хотел устранить все посредствующие классы и уничтожить политические сословия; своими химерическими выкупами он подрывал монархию и чуть ли не замышлял выкупить и самую конституцию.

Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы. Таким учреждением могут быть лишь политические коллегии, которые обнаружат вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают. Свойственное знати невежество, ее невнимательность и презрение к гражданской власти вызывают необходимость в учреждении, которое постоянно извлекало бы законы из тьмы забвения, в которой они были бы погребены. Состоящий при государе совет не годится для этой цели. По самой природе своей он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов. Сверх того, совет государя постоянно меняется, он не действует непрерывно, не может быть многочисленным, наконец, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к повиновению.

В деспотических государствах, где нет основных законов, нет также и охраняющих их учреждений. Этим объясняется та особенная сила, которую в этих странах обычно приобретает религия: она заменяет непрерывно действующее охранительное учреждение; иногда же место религии занимают обычаи, которые там почитаются вместо законов.

ГЛАВА V

О законах, относящихся к природе деспотического государства[37]

Из природы деспотической власти следует, что одно лицо, обладающее ею, поручает осуществлять ее также одному только лицу. Человек, которому все его пять чувств постоянно говорят, что он — все, а прочие люди ничто, естественным образом, ленив, невежествен, сластолюбив. Поэтому он сам не занимается делами. Но если он поручит их нескольким лицам, то между ними пойдут распри, начнутся интриги из-за чести быть первым между рабами, и государю снова придется вмешиваться в дела правления. Поэтому гораздо проще предоставить все дела визирю, наделив его всей полнотой власти. Учреждение должности визиря есть поэтому основной закон такого государства.

Говорят, что некий папа, проникнутый во время избрания сознанием своей неспособности, очень долго отказывался от сана. Наконец, он согласился и поручил вести все дела своему племяннику. Он был в восторге и говорил: «Я и не думал, что это так просто». То же и с государями Востока. Когда из затвора, где евнухи расслабляли их ум и сердце, часто оставляя их даже в полном неведении об их сане, их извлекают для того, чтобы возвести на трон, они сначала бывают озадачены; но после того как они назначили визиря, удовлетворили свои необузданные страсти в серале да увидели, как легко выполняются все самые бессмысленные их капризы раболепным двором, они тоже находят, что «это так просто».

Чем обширнее государство, тем обширнее сераль и тем, следовательно, более государь упивается наслаждениями; так что, чем большим количеством народов приходится в этих

государствах управлять государю, тем меньше он озабочен делами правления; чем значительнее дела, тем меньше о них рассуждают.

КНИГА ТРЕТЬЯ

О принципах трех видов правления

ГЛАВА I

О различии между природой правления и его принципом

После рассмотрения законов, вытекающих из природы каждого образа правления, надо рассмотреть те, которые вытекают из их принципа.

Различие между природой правления и его принципом в том, что природа его есть то, что делает его таким, каково оно есть; а принцип — это то, что заставляет его действовать. Первая есть его особенный строй, а второй человеческие страсти, которые двигают им.

Но законы должны в такой же степени соответствовать принципу каждого правительства, как и его природе. Итак, надо найти этот принцип. Это и будет предметом настоящей книги.

ГЛАВА II

О принципе различных видов правления

Я сказал, что природа республиканского правления заключается в том, что там верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств; природа монархического — в том, что там этою властью обладает государь, управляющий, однако, в соответствии с установленными законами; природа деспотического образа правления — в том, что там управляет одно лицо по своей воле и прихотям. Вот все, что мне нужно для выяснения принципов этих трех видов правления; они естественно вытекают из этих определений. Я начну с республиканского образа правления и прежде всего с его демократической формы.

ГЛАВА III

О принципе демократии

Для того чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет и сдерживает сила законов в монархии и вечно подъятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель — добродетель.

Сказанное мною подтверждается всей совокупностью исторических данных и вполне сообразно с природой вещей.

Ясно, ведь, что монархия, при которой лицо, заставляющее исполнять законы, считает себя выше законов, не имеет такой надобности в добродетели, как народное правление, при котором лицо, заставляющее исполнять законы, чувствует, что само подчинено им и само несет ответственность за их исполнение.

Ясно также, что государь, который вследствие небрежности или дурных советов перестал бы блюсти за исполнением законов, может легко исправить порожденное этим зло: для этого ему стоит только взять других советников или самому исправиться от своей небрежности. Но если законы перестают соблюдаться в народном государстве, то оно уже

погибло, так как причина этого зла может быть только в испорченности самой республики.

Поучительное зрелище представили нам в прошлом столетии бессильные попытки англичан водворить у себя демократию. Так как лица, принимавшие здесь участие в делах правления, далеко не отличались добродетелью, а честолюбие их разжигалось успехами лица, отличавшегося наибольшим дерзновением[38], и так как стремления одной партии могли быть обузданы только стремлениями другой, то правительства постоянно менялись и народ, всюду искавший демократию, к удивлению своему, не находил ее нигде. Наконец, после многих движений, толчков и потрясений пришлось остановиться на том самом образе правления, который до этого был отвергнут.

Когда Сулла захотел вернуть Риму свободу, Рим уже не мог принять ее. Он сохранил лишь слабый след прежней добродетели, и так как в дальнейшем добродетель продолжала угасать, Рим вместо того, чтобы пробудиться после Цезаря, Тиберия, Кая, Клавдия. Нерона, Домициана, все более погрязал в рабстве; все удары падали на тиранов, и ни один — на тиранию.

Политические деятели Греции, жившие во времена народного правления, не признавали для него никакой другой опоры, кроме добродетели. Нынешние же только и говорят, что о мануфактурах, торговле, финансах, богатстве и даже о роскоши.

Когда эта добродетель исчезает, честолюбие овладевает всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием. Предметы желаний изменяются: что прежде любили, того уже не любят; прежде была свобода по законам, теперь хотят свободы противозаконной; каждый гражданин ведет себя, как раб, убежавший от своего господина; что было правилом, то стало казаться строгостью; что было порядком, то стало стеснением, осмотрительность называют трусостью, корыстолюбие видят в умеренности, а не в жажде стяжаний. Прежде имущества частных лиц составляли общественную казну, теперь общественная казна стала достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила — это власть немногих и произвол всех.

В период своего позорного рабства Афины обладали теми же силами, что и во времена своего славного господства. Там было двадцать тысяч граждан, когда они защищали греков от персов, боролись за господство с Лакедемоном и шли походом на Сицилию, там было двадцать тысяч граждан и тогда, когда Деметрий Фалернский пересчитал их поголовно, как на рынке считают рабов. Когда Филипп осмелился господствовать в Греции, когда он показался у ворот Афин, то там ничего еще не было потеряно, кроме времени. Можно видеть из речей Демосфена, каких трудов стоило пробудить афинян: они боялись Филиппа не как врага народной свободы, но как врага удовольствий. Этот город, уцелевший от стольких поражений и столько раз возрождавшийся после разрушений, был побежден при Херонее и побежден навсегда. Что из того, что Филипп возвращает ему всех пленных? Он не возвращает прежних людей. Восторжествовать над силами Афин было всегда столь же легко, как трудно было восторжествовать над их добродетелью.

Каким образом мог бы удержаться Карфаген? Когда Ганнибал, став претором, захотел помешать чиновникам грабить республику, не обратились ли они с жалобами на него к римлянам? Эти несчастные хотели быть гражданами без государства и поручить охранять свое богатство своим разорителям! Вскоре Рим потребовал у них в заложники триста их знатнейших граждан, заставил их выдать оружие и корабли и затем объявил им войну. По тем подвигам, которые совершило в безоружном Карфагене отчаяние, можно судить о том, что могла бы совершить добродетель, когда он еще обладал всеми своими силами.

ГЛАВА IV

О принципе аристократии

Добродетель, составляющая условие народного образа правления, нужна также и для аристократического. Правда, в последнем она не столь настоятельно необходима.

Народ, который по отношению к знати является тем же, чем подданные по отношению к своему государю, сдерживается ее законами. Поэтому добродетель менее необходима для него, чем для народа демократического государства. Но что же будет сдерживать самую знать? Те ее представители, которым придется применять законы против равных себе, сразу же почувствуют, что они действуют против самих себя. Итак, добродетель необходима для аристократии по самой природе этого государственного устройства.

Аристократическое правительство по самой своей природе обладает некоторой силой, которой нет у демократии. Знать является в нем таким сословием, которое в силу своих прерогатив и ради своих собственных интересов сдерживает народ; так что в этом отношении, поскольку законы существуют, они исполняются.

Но насколько легко этому сословию обуздывать другие, настолько трудно ему обуздывать самого себя. Природа этого государственного строя такова, что он как будто в одно и то же время и ставит людей под власть закона и освобождает их от нее.

Такое сословие может обуздывать себя двумя способами: или при посредстве великой добродетели, которая в некоторых отношениях как бы уравнивает знать с народом, что может послужить основой великой республики; или посредством меньшей добродетели, которая заключается в некоторой умеренности, и по крайней мере уравнивает знать в ее среде, что и составляет охраняющую силу.

Умеренность есть поэтому душа этих правлений. Разумеется, умеренность, которая основана на добродетели, а не та, источник которой в трусости и духовной лени.

ГЛАВА V

О том, что добродетель не есть принцип монархического образа правления

В монархиях политика совершает великие дела при минимальном участии добродетелей, подобно тому как самые лучшие машины совершают свою работу при помощи минимума колес и движений. Такое государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей, которые мы находим у древних и о которых знаем только по рассказам.

Законы заменяют здесь все эти добродетели, ставшие ненужными; государство освобождает всех от них: всякое действие, не производящее шума, там в некотором смысле остается без последствий.

Хотя все преступления по природе своей суть явления публичные, тем не менее от преступлений действительно публичных принято отличать преступления частные, называемые так потому, что они вредят более отдельному лицу, чем целому обществу.

Но в республиках частные преступления ближе к публичным, т.е. — таким, которые нарушают скорее конституцию государства, чем права отдельных лиц; а в монархиях публичные преступления имеют более характер частных, т.е. таких, которые скорее нарушают интересы отдельного лица, чем конституцию самого государства.

Убедительно прошу не оскорбляться тем, что я сказал; я говорю согласно со всеми свидетельствами истории. Я очень хорошо знаю, что добродетельные государи встречаются нередко, и хочу только сказать, что очень трудно достигнуть того, чтобы в монархии народ был добродетельным.

Прочитайте, что писали историки всех времен о дворах государей; вспомните, что говорят во всех странах о гнусной природе придворных; это не умозрение, а плоды печального опыта.

Честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, забвение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх перед добродетелью государя, надежда на его пороки и,

что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью — вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмечавшиеся — всюду и во все времена. Но трудно допустить, чтобы низшие были честны там, где большинство высших лиц в государстве люди бесчестные, чтобы одни были обманщиками, а другие довольствовались ролью обманываемых простаков.

Если же в народе и найдется какой-нибудь злополучный честный человек, то кардинал Ришелье в своем политическом завещании намекает, что государю следует остерегаться пользоваться его услугами. Вот до какой степени непреложна истина, что добродетель не есть движущее начало этого образа правления. Конечно, она может встретиться и в нем, но не она управляет его деятельностью.

ГЛАВА VI

Чем восполняется отсутствие добродетели в монархическом правлении

Лечу вперед поспешными шагами, чтобы предупредить подозрение, будто я пишу сатиру на монархическое правление. Нет, взамен одного двигателя у него есть другой. Честь, т. е. предрассудки каждого лица и каждого положения, заменяет в нем политическую добродетель, о которой я говорю выше, и всюду ее представляет. *Честь* может там вдохновлять людей на самые прекрасные деяния и в соединении с силою законов вести их к целям правительства не хуже самой добродетели.

Поэтому в благоустроенных монархиях всякий человек будет более или менее добрым гражданином, но редко кто будет человеком добродетельным, так как для того, чтобы быть человеком добродетельным, надо иметь желание быть таковым и любить государство не столько ради себя, сколько ради его самого.

ГЛАВА VII

О принципе монархии

Таким образом, в хорошо управляемых монархиях почти всякий человек является хорошим гражданином, и мы редко найдем в них человека, обладающего политической добродетелью, ибо, чтобы быть человеком, обладающим политической добродетелью, надо иметь намерение стать таковым и любить государство больше ради него самого, чем ради собственной пользы.

Монархическое правление, как мы сказали, предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа *чести* требует предпочтений и отличий. Таким образом, честь по самой своей природе находит себе место в этом образе правления.

Честолюбие, вредное в республике, может быть благотворно в монархии; оно одушевляет этот образ правления и притом имеет то преимущество, что не опасно для него, потому что может быть постоянно обуздываемо.

Все это напоминает систему мира, где есть сила, постоянно удаляющая тела от центра, и сила тяжести, привлекающая их к нему. Честь приводит в движение все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу.

Правда, с философской точки зрения, эта честь, приводящая в движение все силы государства, есть ложная честь, но эта ложная честь так же полезна для общества, как была бы полезна истинная честь для отдельного лица.

И разве этого мало — обязывать людей выполнять все трудные и требующие больших усилий дела, не имея при этом в виду другого вознаграждения, кроме производимого этими

делами шума?

ГЛАВА VIII

О том, что честь не есть принцип деспотических государств

Честь не может быть принципом деспотических государств: там все люди равны и потому не могут превозноситься друг над другом; там все люди рабы и потому не могут превозноситься ни над чем.

Сверх того, так как честь имеет свои законы и правила, от соблюдения которых она не может уклониться, так как она зависит от своих собственных прихотей, а не от чужих, то по всему этому она может иметь место лишь в государствах с определенным устройством и твердыми законами.

Может ли деспот потерпеть ее в своем государстве? Она полагает свою славу в презрении к жизни, а вся сила деспота только в том, что он может лишать жизни. Как она сама могла бы стерпеть деспота? У нее есть неуклонные правила и неприкосновенные прихоти, а деспот не имеет никаких правил и не признает никаких прихотей, кроме своих собственных.

Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и даже в добродетели.

ГЛАВА IX

О принципе деспотического правления

Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна.

Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает. Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия.

Правительство умеренное может по желанию и без опасности для себя ослабить бразды правления: оно держится собственной силою и силою законов. Но если в деспотическом государстве государь хотя бы на мгновение опустит угрожающую руку, если он не может без замедления уничтожать лиц, занимающих первые места в государстве, то все пропало, так как страх единственное движущее начало этого образа правления — исчез, и у народа нет более защитника.

В этом, по-видимому, смысле и говорили кадии, что великий повелитель не обязан соблюдать данное им слово или клятву, если он ограничивает ими свою власть.

Нужно, чтобы народ был судим по законам, а вельможи — по прихоти государя; чтобы жизнь последнего из подданных была ограждена, а жизнь пашей — в постоянной опасности. Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении. Сефевид, низвергнутый в наши дни в Персии Мир Вейсом, был свидетелем гибели правительства еще до завоевания страны, потому что он недостаточно пролил крови.

История говорит нам, что Домициан своими страшными жестокостями до того напугал своих чиновников, что народ чувствовал некоторое облегчение во время его царствования. Так поток, разрушивший все на одном берегу, оставляет на другом нетронутые пространства, где глаз издали замечает несколько зеленеющих лужаек.

ГЛАВА X

Различие в характере повиновения в умеренных и деспотических государствах

В деспотических государствах природа правления требует беспрекословного повиновения, и, раз воля государя известна, все последствия, вызываемые ею, должны наступить с неизбежностью явлений, обусловленных ударом одного шара о Другой.

Здесь уже нет места смягчениям, видоизменениям, приспособлениям, отсрочкам, возмещен и ям, переговорам, предостережениям, предложениям чего-нибудь лучшего или равносильного. Человек есть существо, повинующееся существу повелевающему.

Здесь уже нельзя ни выразить опасений относительно будущего, ни извинять свои неудачи превратностью счастья. Здесь у человека один удел с животными: инстинкт, повиновение, наказание.

Здесь не принимаются во внимание естественные чувства — уважение к отцу, любовь к детям и женам, — законы чести, состояние здоровья: приказ объявлен — этого достаточно.

В Персии раз государь осудил кого-нибудь никто уже не смеет ни заводить с ним речь об осужденном, ни испрашивать для него помилования. И если бы, изрекая свой приговор, властелин был пьян или не в полном рассудке, приговор все-таки должен быть приведен в исполнение. Иначе государь противоречил бы самому себе, а закон не может себе противоречить. Такой образ мыслей всегда господствовал в этой стране: за невозможностью отменить указ царя Агасфера об избиении евреев, там пришлось разрешить им защищаться.

Но есть, однако, и там одна сила, которую можно иногда противопоставить воле государя: это религия. По приказу государя человек покинет своего отца, даже убьет его, но он не станет пить вина, несмотря ни на какие приказы. Законы религии исходят от высшей власти, одинаково обязательной как для государя, так и для его подданных. Иное дело — естественные права человека: тут государь перестает быть простым смертным.

В умеренной монархии верховная власть ограничивается тем, что составляет ее движущее начало, я хочу сказать — честью, которая, как монарх, господствует там над государем и народом. Там ссылаются не на требования религии — придворный счел бы это смешным, — а на правила чести. Отсюда происходят необходимые видоизменения в характере повиновения; понятию чести свойственны различные причуды, и все они отражаются на повиновении.

Но хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи — люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом Государстве.

ГЛАВА XI

Размышления обо всем этом

Таковы принципы трех видов правления. Это не значит, что в такой-то республике люди добродетельны, но это значит, что они должны быть таковыми. Из этого не следует также, что в таком-то монархическом государстве господствует честь, а в таком-то деспотическом — страх; из этого следует лишь, что так должно быть, ибо иначе эти государства не будут совершенными.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что законы воспитания должны соответствовать принципам образа правления

ГЛАВА I О законах воспитания

Законы воспитания — это первые законы, которые встречает человек в своей жизни. И так как законы эти подготавливают нас к тому, чтобы стать гражданами, то каждая семья должна управляться по образцу великой семьи, охватывающей все отдельные семьи.

Если весь народ живет каким-нибудь принципом, то все его составные части, т. е. семейства, живут тем же принципом. Поэтому законы воспитания должны быть различными для каждого вида правления; в монархиях их — предметом будет честь, в республиках — добродетель, в деспотиях — страх.

ГЛАВА II О воспитании в монархиях

В монархиях воспитание получают в основном не в публичных школах, где обучаются дети; настоящее воспитание начинается для человека лишь со времени его вступления в свет. Свет — вот та школа, где мы знакомимся с тем общим нашим наставником и руководителем, имя которому — честь.

В этой школе мы постоянно видим и слышим три вещи: «нужно известное благородство в добродетели, известная искренность в нравах и известная учтивость в обращении».

Добродетели, примеры которых мы видим здесь, всегда говорят нам менее о наших обязанностях к другим, чем о наших обязанностях к самим себе: предмет их не столько то, что влечет нас к нашим согражданам, сколько то, что отличает нас от них.

В поступке здесь ценят не доброе чувство, а показную красоту, не справедливость, а широту размаха, не благоразумие, а необычайность.

Усмотрев в известном поступке нечто благородное, честь или признает законность этого поступка как судья, или обосновывает его как софист.

Она допускает волокитство, если оно связано с представлением о чувствах сердца или о победе; и вот истинная причина того, почему в монархиях нравы никогда не бывают так чисты, как в республиканских государствах.

Она допускает хитрость, если она сочетается с представлением о великом уме или о великих делах, как это бывает в политике, уловки которой не оскорбляют ее.

Она запрещает лести лишь в том случае, когда она не связана с представлением о большой выгоде и свидетельствует только о нашей низости.

Что же касается до нравов, то, как я уже сказал, монархическое воспитание должно внести в них известную долю искренности и прямоты. Там, следовательно, требуют правды от речей человека. Но из любви ли к самой правде? Вовсе нет, а только потому, что человек, привыкший говорить правду, кажется смелым и свободным. И в самом деле, создается впечатление, что такой человек считается только с действительным положением вещей, а не с мнением людей о нем.

Вот почему там столько же ценят прямоту подобного рода, сколько презирают прямоту народа, основанную лишь на простодушии и правдивости.

Наконец, воспитание в монархиях требует известной учтивости в обращении. Люди созданы для совместной жизни, и потому они должны нравиться друг другу. Человек, который стал бы оскорблять своих ближних несоблюдением правил приличия, уронил бы

себя в общественном мнении до такой степени, что лишил бы себя всякой возможности быть полезным.

Но не из этого чистого источника проистекает обыкновенно учтивость. Ее порождает желание отличиться. Мы учтивы из чванства: нам льстит сознание, что самые приемы нашего обращения доказывают, что мы не принадлежим к низшим слоям общества и никогда не знали с этой породой людей.

В монархиях вежливость сосредоточивается при дворе. Перед необычайным величием одного человека все прочие чувствуют себя одинаково малыми. Отсюда любезная внимательность ко всем; отсюда эта вежливость, равно приятная и тем, которые ее оказывают, и тем, которым она оказывается; ибо она свидетельствует о том, что мы принадлежим ко двору и достойны состоять при нем.

При дворе люди обыкновенно отказываются от своего собственного величия для заимствованного. Последнее более лестно для придворного, чем свое. Оно сообщает некоторую высокомерную скромность, которая распространяется далеко, но горделивость которой незаметно уменьшается по мере удаления от источника этого величия.

При дворе мы находим тот тонко развитый вкус, который происходит от постоянного пользования излишествами большого богатства, от разнообразия удовольствий и особенно от пресыщения ими, от множества и даже хаотического смещения всевозможных причуд, которые там всегда поощряются, если могут доставить удовольствие.

На все это и обращает свои усилия воспитание, чтобы образовать так называемого порядочного человека[39], т. е. такого, который обладал бы всеми желательными для этого образа правления качествами и добродетелями.

Здесь все проникнуто понятием чести — оно пронизывает всякий образ мыслей, каждое чувство, оно определяет даже принципы.

Эта своеобразная честь возводит в добродетель все, что ей угодно и как угодно. Она собственной властью предписывает правила всему, что нам вменено в обязанность, и по произволу своей фантазии то расширяет, то суживает пределы наших обязанностей, где бы ни был их источник: в религии, в политике или в морали.

Ничто в монархиях не предписывается так настоятельно религией, законами и честью, как повиновение воле государя; но эта честь в то же время подсказывает нам, что государь никогда не должен требовать от нас действия, несогласного с честью, так как это лишило бы нас способности служить ему.

Крильоп отказался умертвить герцога Гиза, но заявил Генриху III, что согласен драться с ним на поединке. Когда Карл IX после Варфоломеевской ночи дал всем губернаторам приказ избивать гугенотов, виконт д'Юрт, комендант Байонны, писал королю: «Государь, между жителями и военными я нашел только добрых граждан и храбрых солдат, но ни одного палача, поэтому мы умоляем Ваше Величество употребить наши руки и жизни для дела, которое мы в состоянии исполнить». Для мужественного и великодушного сердца этого человека совершение подлости было делом невозможным.

Из всего, что честь вменяет знати в обязанность, самое настоятельное служить государю на войне. В самом деле, это особенно почетная служба, так как все ее случайности, успехи и даже неудачи ведут к величию. Но, установив этот закон, честь и его подчиняет своему, верховному суду и если почувствует себя оскорбленной, то позволяет воину вернуться домой или даже требует от него этого.

Она требует, чтобы люди с одинаковым равнодушием искали должностей и отказывались от них, и эту свободу ценит выше самого богатства.

Итак, честь имеет свои верховные правила, и воспитание должно сообразоваться с ними. Первое и главнейшее из них позволяет нам дорожить имуществом, но безусловно запрещает дорожить жизнью.

Второе правило чести требует, чтобы, возвысившись до того или иного ранга, мы не совершали сами и никому не позволяли совершать по отношению к нам ничего, показывающего, что мы не стоим на высоте, соответствующей этому рангу.

Третье правило ее внушает, чтобы мы тем более избегали нарушать требования чести, чем менее эти нарушения преследуются законом, и тем неукоснительнее выполняли эти требования, чем менее законы настаивают на их выполнении.

ГЛАВА III

О воспитании в деспотическом государстве

Как в монархических государствах воспитание стремится вселить в сердца дух высокомерия, так в деспотических государствах оно старается их унижить. Оно должно быть проникнуто духом рабства. Хорошо, если в этом духе воспитаны здесь и начальствующие, ибо в этом государстве всякий тиран в то же самое время и раб.

Безоговорочное повиновение предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает: ему незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, когда достаточно только приказать.

В деспотических государствах каждый дом — отдельное государство. Поэтому задача воспитания, заключающаяся главным образом в том, чтобы научить искусству жить с Другими людьми, там очень ограничена: она сводится к тому, чтобы вселить в сердца страх, а умам сообщить познание некоторых самых простых правил религии. Знание там было бы опасно, соревнование губительно, что же касается добродетелей, то, по мнению Аристотеля, нет ни одной добродетели, которая была бы свойственна рабам; все это очень суживает задачи воспитания в этом строе.

В известном смысле воспитание там совсем отсутствует. Надо лишить человека всего, чтобы дать ему нечто, и сначала сделать из него дурного подданного чтобы потом получить хорошего раба.

Да и зачем старагься там воспитать хорошего гражданина, чуткого к общественным бедствиям? Ведь любовь к государству может увлечь его к попыткам ослабить бразды правления, и если это ему не удастся, то он погубит себя; а если удастся, то он рискует погубить и себя самого, и государя, и государство.

ГЛАВА IV

Различные плоды воспитания у древних и у нас

Большинство древних народов жило в государствах, принципом которых была добродетель, и в пору процветания этой последней там совершались дела, которых мы теперь уже не видим и которые поражают изумлением наши мелкие души.

Их воспитание имело еще и другое преимущество перед нашим: последующая жизнь не отрицала его. Эпаминонд и в последние годы своей жизни говорил, видел, слышал и делал то же самое, чему его учили в детстве.

Ныне-же мы получаем воспитание из трех различных и даже противоположных друг другу источников: от наших отцов, от наших учителей и от того, что называют светом. И уроки последнего разрушают идеи двух первых. Это отчасти происходит от существующего у нас противоречия между требованиями религии и правилами света — явления, неизвестного древним.

ГЛАВА V

О воспитании в республиканском государстве

Ни одно правление не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как

республиканское правление. Страх в деспотических государствах зарождается сам собою под влиянием угроз и наказаний; честь в монархиях находит себе опору в страстях человека и сама служит им опорой; но политическая добродетель есть самоотверженность — вещь всегда очень трудная.

Эту добродетель можно определить как любовь к законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою не что иное, как это предпочтение.

Эта любовь получает особенную силу в демократиях. Только там управление государством вверяется каждому гражданину. Но правительства подчинены тому же закону, что и все вещи в мире. Чтобы их сохранить, надо их любить. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы государь не любил монархии, а деспот ненавидел деспотизм. Дело, следовательно, в том, чтобы водворить в республике эту любовь, ее-то и должно прививать воспитание. Но лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Человек обыкновенно способен передавать детям свои познания; в еще большей степени он способен передавать им свои страсти.

Если же этого не происходит, то это значит, что все внушаемое в родительском доме разрушается влияниями, приходящими извне.

Народ вырождается не в пору своего зарождения; он погибает лишь тогда, когда зрелые люди уже разращены.

ГЛАВА VI О некоторых учреждениях греков

Древние греки, проникнутые сознанием необходимости того, чтобы народы, живущие под властью народного правительства, воспитывались в духе добродетели, придумали с этою целью весьма оригинальные учреждения. Читая в жизнеописании Ликурга о законах, данных им лакедемонянам, мы можем подумать, что читаем историю Севарамбов[40]. Законы Крита были прообразом законов Лакедемона» а законы Платона — их исправленным изданием.

Я прошу обратить внимание на силу гения, которою должны были обладать эти законодатели для того, чтобы видеть, что, нарушая все принятые обычаи и смешивая все добродетели, они явят миру свою мудрость. Ликург, смешав грабеж с духом справедливости, беспощадное рабство с крайней свободой и самые свирепые чувства с величайшей умеренностью, дал устойчивость своему городу. Он, по-видимому, отнял у него все: ремесла, торговлю, деньги, городские стены; там есть честолюбие, но нет надежды удовлетворить его; есть влечения, вкушаемые природой, но нет ни отца, ни мужа, ни детей; и даже стыдливость отнята у целомудрия. Вот пути, которыми Спарта шла к величию и славе, и учреждения ее были столь непогрешимы, что никакие одержанные над нею победы не могли сломить ее, если не удавалось сломить эти учреждения.

Таковыми законами управлялись Крит и Лакедемон. И Лакедемон последний сдался македонянам, а Крит стал после всех добычею римлян. Те же самые учреждения были и у самнитян[41], и они доставили римлянам двадцать четыре триумфа.

Та же необычайная сила, которую мы видели в учреждениях Греции, явилась нам и среди грязи и разложения нашего времени. Один законодатель и честный человек образовал народ, у которого честность — такое же естественное качество, как храбрость у спартанцев.

Г. Пенн — настоящий Ликург, и хотя первый поставил себе целью мир, а второй — войну, они сходны по тем своеобразным путям, на которые они вывели свои народы, по силе своего влияния на свободных людей, по своим победам над их пред рассудками и господству над их страстями.

Другой пример может нам представить Парагвай. То, что было сделано здесь, хотели вменить в преступление *обществу* [42], которое в удовольствии повелевать видит

единственное благо жизни. Но управлять людьми, делая их счастливыми, всегда прекрасно.

Это общество достойно славы за то, что первое показало в этих странах пример сочетания религии с гуманностью. Исправляя опустошения, произведенные в стране испанцами, оно приступило к излечению одной из величайших ран, когда-либо нанесенных человечеству.

Топкая чувствительность этого общества ко всему, что оно называет честью, его рвение к религии, которая в гораздо большей степени смиряет тех, кому она проповедуется, чем тех, кто ее проповедует, позволили ему затеять великие предприятия и успешно выполнить их. Оно вызвало из лесов рассеянные в них народы, обеспечило их пищей, снабдило их одеждой; и если бы все это повело лишь к тому, что больше людей стало заниматься промышленностью, то и этим одним было бы уже много сделано. Те, кто пожелает создать подобные учреждения, должны установить общность имущества республики Платона, благочестие, которого он требовал по отношению к богам, отчуждение от иностранцев для охранения нравов; нужно поручить ведение торговли государству, а не отдельным гражданам; нужно дать людям наши искусства без нашей роскоши и наши нужды без наших желаний.

Нужно запретить употребление денег, которое ведет к тому, что люди увеличивают свои богатства выше меры, положенной природой, бесполезно хранят то, что они бесполезно накопили, и до бесконечности умножают свои желания. Деньги как бы восполняют природу, которая дала нам очень ограниченные средства для того, чтобы возбуждать наши страсти и развращать друг друга.

Граждане Эпидамна, почувствовав, что нравы у них портятся вследствие сношений с варварами, избрали особое должностное лицо для заведования всеми торговыми оборотами от имени города и для города. Таким образом, торговля перестает вносить разложение в государственное устройство, а государственное устройство не лишает общество выгод торговли.

ГЛАВА VII

В каком случае могут быть полезны эти своеобразные учреждения

Учреждения подобного рода могут быть уместны в республиках, так как в основе их лежит политическая добродетель. Но для того, чтобы развить чувство чести у подданных монархии и внушать страх подданным деспотических государств, не требуется так много забот.

Кроме того, такие учреждения возможны лишь в небольших государствах, где можно весь народ воспитывать, как одно семейство, в одном, общем для всех направлении.

Законы Миноса, Ликурга и Платона предполагают бдительный надзор одних граждан над другими, на который нельзя рассчитывать при смятении, рассеянности и обширном характере дел народа крупного государства.

Эти учреждения требуют, как было уже сказано, отмены денег. Но в больших обществах многочисленность, разнообразие, сложность, важность дел, удобства купли-продажи и медленность обмена требуют общей денежной меры. Для повсеместного распространения своей власти или повсеместной защиты ее надо иметь то, с чем люди везде связывают власть.

ГЛАВА VIII

Объяснение одного парадоксального мнения древних, относящегося к воспитанию нравов

Полибий, рассудительный Полибий, говорит нам, что музыка была необходима для смягчения нравов обитателей Аркадии, которые жили в стране суровой и холодной, и что жители Кинета, пренебрегавшие музыкой, превзошли в жестокости всех прочих греков, так что не было города, где совершалось бы столько преступлений, как у них. Платон не побоялся даже сказать, что нельзя внести никакого изменения в музыку, которое не повлекло бы за собой соответственного изменения в государственном устройстве.

Аристотель, который написал свою *Политику*, кажется, только для того, чтобы противопоставить свои идеи идеям Платона, согласен, однако, с ним в мнении о важном влиянии музыки на нравы. Теофраст[43, Плутарх, Страбон[44] — все древние писатели разделяли эту точку зрения. И это у них не необдуманное мнение, а одно из основных начал их политики. Так они создавали законы; так, думали они, надо управлять государствами.

Полагаю, что я буду в состоянии объяснить это. Надо иметь в виду, что в греческих городах и особенно в тех, главным занятием которых была война, всякий труд и всякая профессия, которые имели целью денежный заработок, считались недостойными свободного человека. «Большая часть ремесел, говорит Ксенофонт, — калечит тела людей, занимающихся ими; они заставляют сидеть в тени или близ огня и не оставляют времени ни для общения с друзьями, ни для участия в государственных делах». Ремесленники стали гражданами в некоторых демократиях только в пору разложения последних. И Аристотель, сообщая нам об этом, утверждает, что благоустроенная республика никогда не даст им права гражданства.

Земледелие тоже считалось делом рабским, и занимался им обыкновенно какой-нибудь покоренный народ: илоты у лакедемонян, пе)риэки у критян, пенесты у фессалийцев и другие порабощенные народы в других республиках.

Наконец, всякая мелкая торговля считалась у греков постыдной. Она заставляла гражданина оказывать услуги рабу, постояльцу, иностранцу, мысль об этом возмущала свободолюбие эллина, и Платон в своих законах требует наказания для гражданина, занявшегося торговлей.

Таким образом, греческие республики были в очень затруднительном положении. Они не хотели, чтобы граждане занимались торговлей, земледелием, ремеслами, но не хотели также, чтобы они проводили время в праздности. Граждане не имели никаких других занятий, кроме гимнастических и военных упражнений. На греков надо поэтому смотреть как на общество атлетов и воинов. Но эти упражнения, столь пригодные для воспитания людей грубых и диких, требовали противовеса в других занятиях, способных смягчать нравы. Музыка как искусство, действующее на душу через посредство органов тела, была очень подходящим для этого средством. Она занимает середину между телесными упражнениями, которые делают людей жестокими, и отвлеченными умствованиями, которые делают их нелюдимыми. Нельзя сказать, чтобы музыка внушала добродетель. Это было бы непостижимо; но она противодействовала ожесточающему влиянию грубого учреждения и в области воспитания отводила и для души место, которого у нее без этого не было бы.

Предположим, что среди нас есть общество людей, до того страстно любящих охоту, что они ею одной только и занимаются. Нет сомнения, что такое занятие подействовало бы на них ожесточающим образом. Но если бы эти люди, кроме того, получили бы еще и вкус к музыке, то вскоре в их обращении и нравах мы заметили бы некоторое различие сравнительно с прежним. Наконец, обычные упражнения греков возбуждали в них лишь грубые страсти: суровость, гнев, жестокость. Музыка же пробуждает все чувства и дает душе ощутить кротость, сострадание, нежность, тихую отраду. Наши сочинители моральных рассуждений, с такою строгостью запрещающие нам посещать театры, этим достаточно убеждают нас в силе той власти, которую имеет музыка над душой человека.

И если бы обществу, о котором я говорил, дали одни барабаны и трубы, то, не правда ли, поставленной цели, было бы труднее достигнуть, чем если бы ему дали более нежную музыку. Древние поэтому были правы, отдавая в определенных обстоятельствах предпочтение тому или другому средству воздействия на нравы. Но почему же, спросят,

отдавать предпочтение музыке? Потому, что из всех чувственных удовольствий она менее всего способна повреждать нравы. Мы краснеем, читая у Плутарха о фиванцах, которые для смягчения нравов молодежи узаконили у себя некоторый род любви, который должен был бы быть осужден всеми народами мира.

КНИГА ПЯТАЯ

Законы, издаваемые законодателем, должны соответствовать принципу образа правления

ГЛАВА I

Идея этой книги

Мы уже установили, что законы воспитания должны соответствовать принципу каждого правления. То же следует сказать и о законах, создаваемых законодателем для всего общества. Это соответствие законов с принципом правления приводит в действие все пружины правления, и самый принцип получает от этого новую силу. Так в области физических движений за всяким действием всегда следует противодействие. Мы рассмотрим это соответствие для каждого вида правления отдельно и начнем с государства республиканского, принцип которого — добродетель.

ГЛАВА II

Что такое добродетель в политическом государстве

В республике добродетель есть очень простая вещь: это — любовь к республике, это — чувство, а не ряд сведений. Оно столь же доступно последнему человеку в государстве, как и тому, который занимает в нем первое место. Раз усвоив себе добрые правила, народ держится за них дольше, чем так называемые порядочные люди. Разложение редко начинается с него, и часто из своих скудных познаний он черпает более сильную привязанность к тому, что установлено.

Любовь к отечеству порождает добрые нравы, а добрые нравы порождают любовь к отечеству. Чем менее мы можем удовлетворять наши личные страсти, тем более мы отдаемся общим. Что заставляет монахов так любить свои монашеские ордена? Именно то, чем они всего более несносны для них. Уставы орденов лишают их членов всего, что питает обычные страсти человека, оставляя место только одной страсти — к тому самому уставу, который удручает их. И чем он более суров, т. е. чем больше склонностей он урезывает, тем более силы придает он тем склонностям, которые не подвергаются его запрету.

ГЛАВА III

Что такое любовь к республике в демократии

Любовь к республике в демократии есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству.

Любовь к демократии есть, кроме того, любовь к умеренности. Так как все должны там пользоваться одинаковым благополучием и выгодами, то каждый должен иметь такие же удовольствия и предаваться таким же надеждам, что и прочие; а все это возможно только при общей умеренности.

Любовь к равенству в демократии ограничивает честолюбие одним желанием, одним

счастьем — послужить отечеству более важными деяниями, чем прочие граждане. Все не могут быть для него равно полезны, но все равно должны быть ему полезны. Граждане уже с самого рождения находятся в неоплатном долгу перед отечеством.

Таким образом, самые отличия вытекают там из принципа равенства, даже когда последнее, по-видимому, совсем устраняется превосходством таланта или удачным служением.

Любовь к умеренности ограничивает в демократии стремление приобретать желанием иметь необходимое для семьи, а излишек — для отечества. Богатство дает власть, которую гражданин не может употреблять для собственной пользы, потому что он перестал бы быть равным другим гражданам. Оно доставляет наслаждения, которыми он тоже не должен пользоваться, потому что этим также нарушалось бы равенство.

Поэтому благоустроенные демократии, утвердив умеренность в области домашней жизни, открыли двери для роскоши в области жизни общественной, как это и было в Афинах и в Риме. Так умеренность явилась источником изобилия и великолепия, и как религия требует, чтобы жертвы богам были приносимы чистыми руками, так законы устанавливают умеренность в нравах, чтобы была возможность приносить дары отечеству.

Здравый смысл и благополучие отдельных лиц в значительной степени обуславливаются посредственностью их талантов и достатка. Республика, в которой законы воспитают большое число людей посредственных, будет управляться благоразумно, ибо она будет состоять из людей благоразумных; она будет очень счастлива, ибо ее население будет счастливо.

ГЛАВА IV

Как внушается любовь к равенству и умеренности

Любовь к равенству и умеренности доводится до высшей степени самими же равенством и умеренностью у людей, живущих в обществе, где и то и другое установлено законом.

В монархиях и в государствах деспотических никто не стремится к равенству; даже мысль об этом никому не приходит в голову; там каждый стремится к возвышению. Люди самого низкого положения желают выйти из него лишь для того, чтобы господствовать над другими людьми.

То же и с умеренностью: чтобы полюбить ее, надо наслаждаться ею. И, конечно, не люди, развращенные роскошью, могут полюбить воздержание; если бы этот переход был явлением естественным и обычным, то Алкивиад не стал бы предметом восхищения всего мира. Не любят умеренность и те, которые завидуют роскоши других людей или восхищаются ею; люди, которые имеют перед глазами только или богачей или таких же бедняков, как они сами, ненавидят свою бедность, не любя и не ведая того, что составляет середину между бедностью и богатством.

Итак, вполне истинно правило, что для развития любви к равенству и умеренности в республике нужно, чтобы они были там установлены законами.

ГЛАВА V

Как законы водворяют равенство в демократии

Некоторые древние законодатели, как, например, Ликург и Ромул, разделили земли поровну. Это могло произойти лишь при основании новой республики или когда старая была до того испорчена и состояние умов в ней было таково, что бедные считали необходимым домогаться подобного средства, а богатые допустить его. Если законодатель, совершив такой

раздел, не установит особых законов для его охранения, то создание его будет недолговечно: неравенство проникнет в него с той стороны, которая не защищена законом, и республика погибнет.

Поэтому для поддержания этого порядка необходимо регулировать приданое женщин, дарения, наследования, завещания. наконец, все роды договоров. Ибо если бы было дозволено передавать свое имущество кому угодно и как угодно, то каждая отдельная воля подрывала бы положения основного закона.

Солон, дозволив афинянам в случае бездетности передавать имущество по завещанию кому угодно, пошел вразрез с древними законами, не позволявшими выхода имущества из семьи завещателя. Он стал вразрез и со своими собственными законами, так как, уничтожая долги, он добивался равенства.

Закон, запрещавший получать более одного наследства, был очень благоприятен для демократии. Он коренился в равном разделе земельных участков между гражданами. Он не допускал скопления в одних руках нескольких участков.

Из такого же источника вытекал закон, предписывавший брак наследницы с ее ближайшим родственником. Он был установлен у евреев после подобного же раздела. Платон, законы которого основаны на этом разделе, тоже дает этот закон; и это был закон Афинской республики.

В Афинах был один закон, дух которого, насколько мне известно, никто до сих пор не мог уяснить. Он разрешал жениться на сестре единокровной, но не на сестре единоутробной. Этот обычай вел свое происхождение от республик, которые согласно господствовавшему в них духу не допускали сосредоточения в одних руках двух земельных участков, а следовательно, и двух наследств. Человек, вступивший в брак со своей сестрой с отцовской стороны, мог получить только одно наследство — от своего отца; но если он вступал в брак с сестрой единоутробной, то могло случиться, что отец этой сестры за неимением у него детей мужского пола сделал бы ее своей наследницей, вследствие чего ее брат, женившийся на ней, получил бы два наследства.

И пусть не возражают мне указанием на Филона, который говорит, что если в Афинах разрешалось жениться на сестрах единокровных, а не единоутробных, то в Спарте можно было жениться лишь на единоутробных, а не на единокровных сестрах. Ибо у Страбона мы читаем, что в Лакедемонии сестра, вышедшая замуж за брата, получала в приданое половину части, приходившейся на долю брата. Ясно, что этот закон был издан для предупреждения нежелательных последствий нарушается только кажущееся равенство, так как человек, разорившийся на службе обществу, оказался бы в худшем положении, сравнительно с прочими гражданами, и этот самый человек, будучи вынужден необходимостью пренебрегать своими служебными обязанностями, мог бы этим поставить прочих граждан в положение, худшее даже по сравнению с его собственным, и т.д.

ГЛАВА VI

Как законы должны поддерживать умеренность в демократии

В благоустроенной демократии земельные участки должны быть не только равными, но также и небольшими, как у римлян. «Не дай бог, — говорил Курий своим воинам, — чтобы гражданин почитал слишком малым кусок земли, достаточный для прокормления человека!»

Как равенство состояний поддерживает умеренность, так умеренность поддерживает равенство состояний. Хотя это две различные вещи, но они таковы, что одна без другой существовать не может; каждая из них есть и причина и следствие; если одна покидает демократию, другая всегда уходит вслед за нею.

Правда, в демократиях, которые основаны на торговле, может случиться, что отдельные лица будут обладать большими богатствами, а нравы, несмотря на это, останутся

неповрежденными. Дело в том, что дух торговли влечет за собою дух воздержания, бережливости, умеренности, трудолюбия, благоразумия, спокойствия, порядка и исправности, поэтому, пока этот дух держится, богатства, производимые им, не оказывают никакого дурного влияния. Зло наступает лишь после того как этот дух торговли будет уничтожен излишним накоплением богатств. Тогда все неурядицы неравенства, которые до той поры не давали себя чувствовать, вдруг выступают наружу.

Чтобы поддержать этот дух торговли, надо, чтобы первые граждане сами занимались ею; чтобы этот дух господствовал безраздельно, не смешиваясь с другим; чтобы все законы охраняли его; чтобы те же законы, распределяя богатства по мере того, как они увеличиваются торговлей, доставляли каждому бедному гражданину такое благосостояние, которое давало бы ему возможность работать, как прочие, а каждого богатого гражданина ставили бы в такое умеренное положение, которое заставляло бы его трудиться, чтобы приобретать и сберегать.

Закон, уделяющий всем детям равную долю из наследства их отца, очень благоприятен для торговой республики. Благодаря этому закону, как бы ни был богат отец, дети всегда будут беднее его и потому будут склонны избегать роскоши и трудиться по примеру своего отца. Говоря это, я имею в виду лишь торговые республики; для прочих же есть немало других мер, о которых следует подумать законодателю.

В Греции было два рода республик: одни — военные, как Лакедемон, а другие — торговые, как Афины. В одних хотели сделать граждан праздными, в других им старались внушить любовь к труду. Солон считал праздность преступлением и хотел, чтобы каждый гражданин отдавал отчет в том, каким образом он приобретает средства к существованию. В самом деле, при хорошей демократии, в которой все должны ограничиваться необходимым, каждый должен приобретать средства к существованию своим трудом, так как никто не может их ему предоставить.

ГЛАВА VII

Другие средства, содействующие принципу демократии

Равный раздел земель возможен не для всех демократий. Есть обстоятельства, когда такая мера была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибегать к крайним мерам. И если этот раздел, цель которого — охранение нравов, окажется неподходящим для какой-нибудь демократии, — то надо обратиться к другим средствам.

Можно создать определенное учреждение, которое само собой явится образцом и правилом в области нравов, например, сенат, доступ в который открывается возрастом, добродетелью, степенностью характера, заслугами. Такие сенаторы, поставленные перед лицом народа как некое подобие богов, внушат ему чувства, которые глубоко укоренятся во всех семействах.

Особенно нужно, чтобы этот сенат отличался приверженностью к учреждениям старины и действиями своими поддерживал любовь к ним в народе и его сановниках.

Нравы много выигрывают от этой приверженности к обычаям старины. Народы с испорченными нравами редко совершают великие дела; не они учреждают общества, основывают города, устанавливают законы; напротив, большая часть учреждений создана народами, нравы которых были суровы и просты; призывать людей к заветам старины значит в большинстве случаев возвращать их к добродетели.

Сверх того, когда совершалась какая-нибудь революция и государству придавалась новая форма, то все это могло осуществиться лишь посредством бесконечных усилий и трудов и редко — при наличии испорченных нравов и праздности. Те самые люди, которые совершали революцию, желали сделать ее блага ощутимыми для всех, и они могли

достигнуть этого лишь посредством установления хороших законов. Древние учреждения поэтому обыкновенно являются исправлением зла, а новые — злоупотреблениями. В течение долгого правления люди незаметно спускаются ко злу и могут снова подняться к благу только усилием.

Было много споров о том, должны ли члены сената, о котором идет речь, избираться пожизненно или только на время. Конечно, пожизненно, как это было в Риме[46], Лакедемоне, даже в Афинах, так как не надо смешивать того, что называли в Афинах сенатом, весь состав которого обновлялся через каждые три месяца, с ареопагом, члены которого избирались на всю жизнь в качестве постоянных образцов.

Общее правило: в сенат, созданный для того, чтобы служить образцом и, так сказать, хранилищем нравов, сенаторов следует избирать пожизненно; в сенат, созданный для подготовки дел, сенаторов можно избирать на срок.

Дух, говорит Аристотель, стареет так же, как и тело. Но это замечание верно только по отношению к единичному государственному деятелю и не может быть приложимо к собранию сенаторов.

В Афинах кроме Ареопага были еще стражи нравов и стражи законов. В Лакедемоне все старцы были цензорами. В Риме цензура принадлежала двум особым сановникам. Как сенат наблюдает за народом, так цензоры должны надзирать за народом и сенатом. Они обязаны исправлять всякий порок в республике, отмечать недостаток усердия, судить упущения, исправлять ошибки, подобно тому как законы карают преступления.

Римский закон, предписывавший, чтобы обвинение в прелюбодеянии предьявлялось публично, в высшей степени способствовал охранению чистоты нравов; он устрашал женщин; он устрашал и тех, которые должны были надзирать за ними.

Ничто так не способствует охранению нравов, как крайнее подчинение молодых людей старикам. Оно сдерживает и тех и других; первых — в силу уважения к старцам, а последних — в силу уважения к самим себе.

Ничто не придает такой силы законам, как крайнее подчинение граждан их правителям. «Великое различие, которое Ликург установил между Лакедемоном и прочими государствами, — говорит Ксенофонт, — заключалось главным образом в том, что он заставил граждан повиноваться законам: на призыв правителя они устремляются бегом. В Афинах же богатый человек пришел бы в отчаяние, если бы на него посмотрели как на лицо, зависящее от чиновника».

Отецеская власть — тоже очень полезное средство для охранения нравов. Мы уже сказали, что в республике нет той сдерживающей силы, которая есть в других видах правления, поэтому законы должны стараться возместить ее чем-нибудь, и это достигается отцовской властью.

В Риме отцы имели право жизни и смерти над своими детьми. В Лакедемоне каждый отец имел право наказать чужого ребенка.

Отцовская власть исчезла в Риме вместе с республикой. В монархиях, где нет никакой надобности в такой чистоте нравов, требуется, чтобы каждый жил под властью чиновников.

Римские законы, приучив молодых людей к зависимости, установили длительный период несовершеннолетия. Мы, может быть, напрасно усвоили этот обычай: монархия не нуждается в таких стеснениях[47].

Во имя того же повиновения в республике может явиться надобность в законе, предоставляющем отцу пожизненное право распоряжаться имуществом своих детей, как это было в Риме. Но это не в духе монархии.

ГЛАВА VIII

Каково должно быть отношение законов к принципу правления в аристократическом государстве

Если в аристократическом государстве народ добродетелен, то люди могут быть почти

так же счастливы, как и при народном правлении, и государство будет могущественно. Но так как редко случается, чтобы там, где имущество граждан распределено так неравномерно, люди были бы очень добродетельны, то нужно, чтобы законы старались, насколько это от них зависит, водворить в этом государстве дух умеренности и восстановить в нем то равенство, которое неизбежно устраняется самим характером его устройства.

Этот дух умеренности и есть то, что в аристократии зовется добродетелью; он занимает там место духа равенства в народном государстве.

Если роскошь и великолепие, окружающие государя, составляют часть его могущества, то скромность и простота обращения составляют силу аристократической знати. Если она ничем не старается отличить себя от других, если она сливается с народом, носит одинаковую с ним одежду и допускает его к участию в своих удовольствиях, народ забывает о своем бессилии.

У каждого правления есть своя природа и свой принцип, поэтому аристократия не должна усваивать себе природу и принцип монархии, что произошло бы в том случае, если бы одна группа знати имела какие-нибудь личные, особенные прерогативы, отличные от тех, которые принадлежат всему сословию. Привилегии пусть даются сенату, а сенаторам — ничего, кроме простого уважения.

Есть два основных источника неурядиц в аристократических государствах: крайнее неравенство между теми, которые управляют, и теми, которыми управляют; и такое же неравенство между членами сословия, которое управляет. Из этих двух неравенств рождается и зависть и ненависть, которые должны предупреждаться или пресекаться законами.

Первое неравенство происходит по преимуществу в том случае, когда привилегии аристократии почетны лишь потому, что они позорны для народа. Таков был в Риме закон, который запрещал патрициям заключать браки с плебеями и единственные последствия которого состояли в том, что патриции стали, с одной стороны, более высокомерными, а с другой — более ненавистными. Нечего говорить о том, какую пользу извлекли трибуны для своих речей из этого закона.

Это неравенство является еще и тогда, когда граждане поставлены в неодинаковые условия по отношению к налогам, что происходит в следующих четырех случаях: когда дворяне дают себе привилегию не платить налогов, когда они обманом избегают от платежа, когда они употребляют в свою пользу эти платежи под предлогом вознаграждения или жалования за отправляемые ими должности, наконец, когда они облагают народ данью и разделяют между собою налоги, взимаемые ими с него. Последнее случается редко; в таком случае аристократическое правление является самым тягостным из всех.

Пока в Риме преобладало аристократическое направление, он очень успешно избегал этих неудобств. Его должностные лица никогда не получали жалования за свою службу. Первые лица в республике были обложены, как и прочие, и даже больше прочих, а иногда только они одни и облагались. Наконец, они не только не присваивали себе доходов государства, но все, что они могли извлечь из общественной казны, и все богатства, которыми их наделяла фортуна, — все это они распределяли в народе как бы в возмещение тех почестей, которыми они пользовались.

Одно из основных правил состоит в том, что такие подарки народу настолько же вредны в демократии, насколько они могут быть полезны в аристократическом правлении. В первом случае они губят гражданский дух, а во втором — укрепляют его.

Если же эти доходы не распределяются в народе, то надо ему показать, что ими хорошо распоряжаются: даже видя их, он уже некоторым образом пользуется ими. Золотая цепь, которую протягивали в Венеции, богатства, которые проносили на триумфах в Риме, сокровища, хранившиеся в храме Сатурна, были поистине богатствами народа.

В аристократическом государстве всего важнее то, чтобы взимание податей не было делом знати. В Риме первый разряд граждан был свободен от этой обязанности: ее возложили на второй, но и тут обнаружили впоследствии большие неудобства. При

аристократическом правлении, когда подати взимала бы знать, частные лица оказались бы оставленными на произвол должностных лиц, и над этими лицами не было бы никакого верховного суда. Люди, обязанные преследовать злоупотребления, предпочли бы пользоваться ими. Знать уподобилась бы деспотическим государям, которые конфискуют имущества у всех, у кого только пожелают.

Вскоре на получаемые таким образом доходы стали бы смотреть как на законную собственность, которую корыстолюбие приумножало бы по собственному произволу. Доходы от откупов резко снизились бы, доходы государства были бы сведены почти к нулю. Вот причина того, почему некоторые государства без всяких заметных потрясений доходят до слабости, которая удивляет их соседей и даже их собственных граждан.

Законы должны также воспрепятствовать знати заниматься торговлей, иначе такие могущественные купцы заведут всякого рода монополии. Торговля требует равенства между лицами, занимающимися ею, и из всех деспотических государств самые несчастные те, где государь занимается торговлей.

Законы Венеции запрещают дворянам торговлю, которая могла бы дать им возможность приобретать слишком большие богатства даже невинными средствами.

Законы должны во что бы то ни стало заставить знать оказывать правосудие народу. Если они не создали должности трибуна, то они сами должны быть трибуном.

Всякая возможность обойти закон губит аристократию и приближает тиранию.

Во все времена законы должны обуздывать высокомерие тех, кому принадлежит господство. Необходимо учреждение — временное или постоянное, которое заставляло бы трепетать дворян, учреждение, подобное тем эфорам Спарты и государственным инквизиторам Венеции, деятельность которых не была стеснена никакими формальностями. Это правление нуждается в крутых, сильно действующих мерах, в Венеции к услугам доносчиков была вечно открытая щель каменного ящика, словно разверстая пасть тирании.

Эти тиранические учреждения аристократии соответствуют цензуре в демократии, которая по своей природе не менее независима. В самом деле, цензоры не подлежат ответственности за свои действия на протяжении всего срока исполнения ими своих обязанностей. Им надо доверять и никогда не убивать в них энергии. Римляне были замечательны в этом отношении: они позволяли требовать отчета у всех должностных лиц, за исключением цензоров.

Две вещи пагубны для аристократии: крайняя бедность знати и ее чрезмерное богатство. Чтобы предупредить обеднение знати, надо более всего стараться обязать ее к своевременной уплате долгов. Чтобы умерять ее богатство, необходимо прибегать к мерам благоразумным и незаметным, но отнюдь не к конфискациям, аграрным законам, отмене долгов, что причиняет бесчисленные бедствия.

Законы должны отменить у дворян право первородства, дабы имущества уравнивались путем постоянного раздела наследств.

Не следует допускать субституций, выкупа родовых имений, майоратов, усыновлений. Все средства, изобретенные в монархических государствах для поддержания могущества отдельных родов, не должны иметь места в государствах аристократических.

Уравняв роды, закон должен еще поддерживать между ними дух единения. Раздоры между дворянами должны разрешаться быстро, иначе споры между лицами обращаются в родовые распри. Эти споры могут разрешаться или предупреждаться посредниками.

Наконец, законы отнюдь не должны покровительствовать тем различиям, которые устанавливает между семействами тщеславие под предлогом большей знатности или древности. Такие притязания следует рассматривать как проявление мелочности со стороны отдельных лиц.

Достаточно бросить взгляд на Лакедемон, чтобы увидеть, как умело справлялись там эфоры со слабостями царей, вельмож и народа.

ГЛАВА IX

О соответствии законов монархии их принципу

Так как принцип этого образа правления — честь, то законы его должны соответствовать этому принципу.

Они должны поддерживать знать, которая есть, так сказать, и создатель и создание этой чести.

Они должны установить наследственность дворянства, но для того чтобы оно было не стеной между силой государя и слабостью народа, а связью между ними.

Субституции, как средство, препятствующее переходу семейного имущества в чужие руки, очень полезны для этого образа правления, хотя неуместны в прочих.

Обязательный выкуп родового имущества возвращает в дворянские семьи земли, отчужденные мотовством какого-нибудь родственника.

Дворянские земли должны обладать привилегиями, подобно лицам. Нельзя отделить достоинство государя от достоинства его государства, точно так же нельзя отделять и достоинство дворянина от достоинства его поместья.

Все эти прерогативы должны составлять особенности дворянства; их нельзя предоставлять народу, если не желают поколебать принцип правления и подорвать силы и дворянства и народа.

Право субституций стеснительно для торговли; выкуп родового имущества порождает бесчисленные тяжбы; все запроданные земли государства остаются по меньшей мере в продолжение года без владельца. Прерогативы, связанные с феодами, очень обременительны для тех, кто их получает, но все эти неудобства, связанные с существованием дворянства, исчезают перед приносимой им общей пользой. Однако предоставить подобные привилегии народу значит поколебать без всякой необходимости все принципы правления.

В монархиях можно разрешить отцу завещать большую часть своего имущества одному из сыновей. Собственно, только здесь и уместно такое разрешение.

Законы должны покровительствовать всякой торговле, допускаемой этим образом правления, дабы подданные могли без крайнего разорения удовлетворять вечно возрождающиеся потребности государя и его двора.

Законы должны внести некоторый порядок в способ взимания налогов, дабы он не стал тяжелее самих налогов.

Тяжелые налоги вызывают непосильный труд; труд — изнурение; изнурение — дух лености.

ГЛАВА X

О быстром выполнении дел в монархии

Монархическое правление имеет одно преимущество перед республиканским: так как дела там ведутся одним лицом, то они выполняются скорее. Но чтобы эта скорость не выродилась во вредную поспешность, законы должны внести в нее некоторые замедления. Они должны не только покровительствовать природе каждого образа правления, но и противодействовать тем злоупотреблениям, которые могут явиться следствием этой природы.

Кардинал Ришелье не хотел допускать в монархиях образования промышленных компаний, которые создают так много затруднений. У этого человека деспотизм был не только в сердце, но и в голове.

Учреждения, обязанные охранять законы, всего лучше исполняют свои обязанности, когда они двигаются замедленным шагом и вносят в обсуждение дел государя ту обдуманность, которой невозможно ожидать ни от малосведущих в законах государства придворных, ни от торопливых государственных советов.

Что стало бы с самой лучшей в мире монархией [48], если бы должностные лица своей медлительностью, своими жалобами и просьбами не останавливали даже добрых порывов своих государей когда те, повинувшись только одним влечениям своей великой души, захотели бы награждать выше всякой меры за услуги, оказанные им мужеством и преданностью, также не знавшими меры?

ГЛАВА XI

О преимуществах монархического образа правления

Монархическое правление имеет одно большое преимущество перед деспотическим. Так как самая природа этого правления требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя, то благодаря этому государство получает большую устойчивость; его строй оказывается более прочным, а личность правителей — в большей безопасности.

Цицерон считает, что учреждение в Риме трибунов было спасением республики. «В самом деле, — говорит он, — сила народа ужаснее, когда у него нет предводителя. Предводитель чувствует, что он за все будет в ответе, и озабочен этим, между тем как ослепленный страстью народ не видит опасностей, которым он себя подвергает». Это рассуждение приложимо и к деспотическому государству, которое есть народ без трибунов, и к монархии, где у народа есть нечто подобное трибунам.

В самом деле, мы всюду видим, что в волнениях, происходящих в деспотических государствах, народ, предоставленный самому себе, доводит всякое дело до крайних пределов возможного, совершая ужасные беспорядки, между тем как в монархиях такие крайности случаются очень редко. Предводители боятся за себя; они опасаются быть покинутыми; зависимые посредствующие власти не хотят, чтобы народ забрал слишком много силы. Государственные чины редко бывают полностью развращены; государь опирается на них, и бунтовщики, не имея ни желания, ни надежды ниспровергнуть государство, не могут и не хотят низвергнуть государя.

При таких обстоятельствах люди, обладающие благоразумием и властью, выступают в качестве посредников. Начинаются переговоры, уступки, смягчения, законы снова вступают в силу и заставляют себе повиноваться.

Вот почему наша история полна рассказов о гражданских войнах без переворотов; история каждого деспотического государства изобилует переворотами без гражданских войн.

Те, кто писал историю гражданских войн в разных государствах, и даже те, кто возбуждал эти войны, достаточно убеждают нас, насколько мало подозрительной должна казаться государям та власть, которую они предоставляют некоторым государственным сословиям, ибо и писатели, и народные предводители даже среди своих заблуждений не переставали вздыхать о законах и своем долге и более сдерживали пылкую стремительность мятежных элементов, чем содействовали ей.

Кардинал Ришелье, полагая, может быть, что он уже слишком пренебрежительно относился к сословиям государства, обратился для поддержки государства к добродетелям государя и его министров, требуя от них такой пронизательности, такого просвещения, такого мужества и таких познаний, что надо поистине быть ангелом, чтобы иметь все это. Едва ли позволительно надеяться, что за все время от наших дней до исчезновения монархий будет когда-либо такой государь и такие министры.

Народы, которые живут под охраной хорошего управления, счастливее тех, которые, не зная ни законов, ни начальников, скитаются по лесам; подобно тому и монархи, которые подчиняются основным законам своего государства, счастливее тех деспотических государей, у которых нет ничего способного управлять сердцами их подданных и даже собственным сердцем.

ГЛАВА XII

Продолжение той же темы

Не ищите великодушия в деспотических государствах; государь не может передать там своим подданным величия, которого нет у него самого; слава не живет в его владениях.

Только в монархиях мы видим вокруг государя подданных, озаряемых лучами его света; только тут каждый, занимая, так сказать, более значительное пространство, может проявлять те добродетели, которые, не развивая в душе чувства независимости, все же придают ей величие.

ГЛАВА XIII

Идея деспотизма

Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление.

ГЛАВА XIV

О соответствии законов деспотического правления их принципу

Принцип деспотического правления — страх; но для народов робких, невежественных, угнетенных не нужно много законов.

Тут все должно держаться на двух, трех идеях — новых и не требуется. Обучая чему-нибудь животное, надо всего более остерегаться менять учителей, уроки и приемы обучения. Вы запечатлеваете в его мозгу два-три движения — не больше.

Если государь живет затворником, то он не может выйти из приюта своих наслаждений, не приведя в отчаяние всех, кто удерживает его там. Все эти люди боятся, чтобы его личность и власть не перешли из их рук в другие, поэтому он редко ведет войну лично и тем более боится доверить руководство военными действиями своим полководцам,

Такой государь, не привыкший встречать в своем дворце никакого противодействия, возмущается сопротивлением, которое ему оказывают с оружием в руках, поэтому он обыкновенно действует в таких случаях под влиянием гнева или мстительности. К тому же он не может иметь понятия об истинной славе. Поэтому войны здесь ведутся с первобытной свирепостью и международное право имеет менее влияния, чем при других правлениях.

Такой государь имеет столько пороков, что следует опасаться выводить на показ его тупость. Его скрывают, и никто не знает, в каком он находится состоянии. К счастью, люди в этих странах таковы, что управлять ими можно и одним только именем государя.

Когда Карл XII, будучи в Вендорах, встретил некоторое противодействие своей воле со стороны сената Швеции, он написал сенаторам, что пришлет командовать ими свой сапог. Этот сапог командовал бы не хуже деспотического государя.

Если государь попал в плен, он считается умершим и на престол вступает другой. Договоры, заключаемые пленником, не имеют силы; его преемник не утвердит их. В самом деле, так как в его лице соединены и законы, и государство, и государь, то раз он не государь, то он уже ничто, и если бы его не сочли умершим, то государство оказалось бы разрушенным.

На решение турок заключить сепаратный мир с Петром I всего более повлияло то, что московиты сообщили визирю, будто в Швеции посадили на престол другого короля.

Охрана государства сводится здесь к охране государя, или, скорее, к охране дворца, где он пребывает безвыходно. Все, что не угрожает непосредственно этому дворцу или столице,

не производит никакого впечатления на невежественные, надменные и предубежденные умы; что же касается до взаимной связи событий, то эти люди не в состоянии ни следить за нею, ни предвидеть ее, ни даже думать о ней. Политика, ее средства и ее законы являются здесь в виде очень ограниченном, и политическое управление тут столь же просто, как и гражданское.

Все сводится к тому, чтобы согласовать политическое и гражданское управление с домашним и объединить должностных лиц государства с должностными лицами серала.

Самое лучшее положение для такого государства будет то, при котором оно как бы существует одно на свете, когда оно окружено пустынями и изолировано от других народов, которых оно называет варварами. Поскольку оно не может полагаться на свои войска, оно иногда находит нужным уничтожить некоторую часть самого себя.

Если принцип деспотического государства — страх, то цель его — тишина; но это не тишина мира, а затишье города, ожидающего вступления неприятеля.

Так как сила государства заключается не в нем самом, а в войске, которое его основало, то это войско необходимо сохранять для защиты государства, а между тем оно страшно самому государю. Как же согласовать безопасность государства с безопасностью особы его государя?

Посмотрите, с каким усердием старается московское правительство освободиться от деспотизма, который тяготит его даже более, чем его народы. Были уничтожены целые большие отряды войска[49], смягчены наказания за преступления, учреждены суды, начали знакомиться с законами и просвещать народ. Но есть особые причины, которые, может быть, снова ввергнут его в то бедствие, которого оно старалось избежать.

В этих государствах религия имеет большее влияние, чем во всех прочих; она — страх, прибавленный к страху. Отчасти из ее источника и черпает народ в магометанских государствах ту изумительную преданность, которую он питает к своим государям.

Религия же несколько исправляет и недостатки турецкого государственного строя. Подданные, не связанные с величием и славой своего государства принципами чести, связываются с ним силой и принципом религии.

Из всех деспотических государств нет ни одного, которое так обременяло бы самого себя, как то, где государь объявляет себя собственником всех земель и наследником всех своих подданных. Неизбежным следствием этого бывает то, что земли перестают обрабатываться, а если государь к тому же занимается торговлей, то оказывается разрушенной и всякая промышленность.

В таких государствах ничего не исправляют, ничего не улучшают; дома строятся там лишь на время жизни их владельца; там не роют канав, не сажают деревьев; там извлекают из земли все, что она может дать, и ничего не отдают ей обратно; там все запущено, везде пустыня,

Быть может, вы думаете, что законы, отменяющие земельную собственность и наследование имуществ, ослабят скупость и жадность вельмож? Нет, это только еще более усилит их жадность и скупость. Они станут считать своим только то золото или серебро, которое им удастся украсть и припрятать, и потому будут совершать тысячи вымогательств.

Чтобы не все погибло, надо, чтобы корыстолюбие государя умерялось каким-нибудь обычаем. Так, в Турции государь обыкновенно довольствуется взиманием трех процентов со всех наследств простого народа. Но так как великий государь раздает большую часть земель своей армии и располагает ими по собственному произволу, так как он захватывает все наследства чиновников империи и так как в случае смерти человека, не оставившего после себя детей мужского пола, его имущество становится собственностью великого государя, а дочери умершего имеют только право пользования им, то в конечном счете владение большей частью имуществ в государстве является весьма непрочным.

По закону Бантама[50] царь получает в наследство даже жену, детей и дом покойного. Во избежание самого жестокого последствия этого закона там женят детей в возрасте десяти, девяти, восьми лет, а иногда и того моложе, чтобы избавить их от горькой участи стать

частью отцовского наследства.

В государствах, не имеющих основных законов, не может быть определенного порядка наследования престола. Там государь сам избирает себе преемника в своем семействе или вне его. Напрасно было бы устанавливать право престолонаследия за старшим сыном; государь всегда может избрать другого. Преемник определяется или самим государем, или его министрами, или междоусобной войной. Таким образом, в этом государстве по сравнению с монархией имеется еще одна лишняя причина для разложения.

Так как все члены семьи государя имеют равные права на избрание в преемники ему, то отсюда проистекает, что тот из них, кто вступил на престол, первым делом или приказывает передуть своих братьев, как в Турции; или ослепляет их, как в Персии; или объявляет их сумасшедшими, как у Могола; если же ни одна из этих мер предосторожности не принята, как в Марокко, то каждый случай вакантности престола сопровождается ужасными междоусобиями.

В Московском государстве царь волен избрать себе в преемники кого хочет или в своем семействе, или вне его. Такое установление о преемственности порождает тысячи смут и делает положение престола настолько шатким, насколько произвольна его преемственность. Так как порядок престолонаследия принадлежит к вещам, которые всего важнее знать народу, то лучшим будет тот, который основан на фактах наиболее очевидных, каковы, например, рождение или известный порядок родства. Такое установление прекращает интриги и пресекает замыслы властолюбия; при нем уже нет надобности стараться овладеть умом слабого государя и заставлять говорить умирающих.

Когда порядок престолонаследия установлен основным законом, наследником престола является только одно лицо и у братьев его нет уже никакого действительного или кажущегося права оспаривать у него корону. Никто уже не может строить догадок по поводу воли государя или ссылаться на нее; отнимать свободу или жизнь у брата государя так же мало надобности, как и у всякого другого подданного.

Но в деспотических государствах, где братья государя являются в одно и то же время и его рабами и его соперниками, осторожность велит держать их в руках, особенно в магометанских странах, где в победе и удаче религия видит суд божий и где вследствие этого все государи царствуют не в силу права, а в силу факта.

В государствах, где принцы крови знают, что если они не захватят престол, то будут заключены в тюрьму или преданы смерти, стремление к власти сильнее, чем у нас, где принцы крови пользуются положением, достаточно удовлетворительным если не для честолюбия, то для более скромных желаний.

Деспотические государи всегда злоупотребляли браком. Они обыкновенно берут себе несколько жен, особенно в той части света, где деспотизм, так сказать, натурализован, т. е. в Азии. И у них такое множество детей, что ни между отцом и детьми, ни между самими детьми не может существовать никакого родственного чувства.

Царская семья походит на государство: она слишком бессильна, а ее глава слишком могуществен; она обширна, но доведена до полного ничтожества. Артаксеркс умертвил всех своих детей за то, что они составили против него заговор. Трудно, однако, поверить, чтобы 50 человек детей устроили заговор против отца, и еще менее правдоподобно, что они затеяли этот заговор потому, что их отец не пожелал уступить своей наложницы старшему сыну. Гораздо проще объяснить все это одной из интриг сералей Востока, этих мест, где притворство, злоба и хитрость царствуют в тишине под покровом непроницаемого мрака и где дряхлый государь, глупеющий с каждым днем, является первым пленником дворца.

После всего сказанного естественно возникает мысль, что человеческая природа будет постоянно возмущаться против деспотического правления; но, несмотря на любовь людей к свободе, несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов все же подчинилась деспотизму. И нетрудно понять, почему это произошло. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие, подбавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла уравновешивать другую;

это такой шедевр законодательства, который редко удается выполнить случаю и который редко позволяют выполнить благоразумию. Напротив, деспотическое правление, так сказать, само бросается в глаза; оно повсюду единообразно, и так как, чтобы установить его, не нужно ничего, кроме страстей, то на это всякий пригоден.

ГЛАВА XV

Продолжение той же темы

В жарких климатах, где обыкновенно царит деспотизм, страсти пробуждаются раньше и раньше затихают, умственные способности скорее достигают зрелости; там меньше соблазнов для расточительности, меньше возможностей отличиться, меньше общения между молодыми людьми, которые живут в своих домах, как затворники; там женятся раньше, и потому права совершеннолетия там предоставляют в более раннем возрасте, чем в наших европейских климатах. В Турции совершеннолетие считается с возраста пятнадцати лет.

Там нельзя освободиться от долгов уступкой своего имущества кредитору. В государстве, где личность не имеет обеспеченного имущества, ссуды делаются более лицу, чем его имуществу.

Такого рода передача имущества естественна в правлениях умеренного типа, особенно в республиках, вследствие большего доверия к добросовестности граждан в этих государствах и большей мягкости нравов, порождаемой формой правления, которую каждый как бы сам для себя создал.

Если бы законодатели установили уступку имущества в римской республике, то эта республика не подверглась бы стольким мятежам и гражданским неурядицам и не извела бы ни опасностей недугов, ни пагубных последствий лекарств.

Бедность и непрочность владения имуществами в деспотических государствах неизбежно приводят к развитию в них ростовщичества, так как цена денег там, естественно, увеличивается соответственно риску, которому подвергается каждый, кто их ссужает. Таким образом, нищета проникает в эти государства со всех сторон. Они лишены всего, даже возможности делать займы.

Поэтому купец не может там вести крупной торговли; он живет сегодняшним днем: если он сделает большие запасы товаров, то одна уплата процентов за ссуженные ему на эту покупку деньги превысит все его барыши от продажи товаров. Вследствие этого там не существует особых законов для торговли; они сводятся к простому полицейскому надзору.

Государство не может быть несправедливым, не имея в своем распоряжении рук, посредством которых эти несправедливости совершаются. Но невозможно допустить, чтобы эти руки не порадили и о самих себе, поэтому расхищение государственной казны становится в государствах деспотических явлением естественным.

Ввиду обычности этого преступления там полезны конфискации. Ими утешают народ; они доставляют государю обильную денежную дань, которую ему было бы трудно собрать со своего разоренного народа; в этих государствах нет ни одной семьи, которую желали бы сохранить.

Иное дело в государствах умеренного типа. Там конфискации поколебали бы право собственности» разорили бы ни в чем неповинных детей, ради наказания одного виновного разрушили бы всю семью. В республиках конфискации, лишая гражданина всех средств к жизни, причинили бы зло нарушением равенства, которое составляет душу этого правления.

В Риме был закон, допускавший конфискацию только в случаях преступления оскорбления величества. Во многих случаях было бы очень благоразумно, следуя духу этого закона, ограничивать конфискации лишь известными видами преступлений. Воден[51] вполне основательно говорит, что в стране, где раздельность имущества супругов определена обычаем, конфискации должны бы подлежать только одни благоприобретенные ими имущества, не состоящие в их общем владении.

ГЛАВА XVI

О передаче власти

В деспотических государствах власть переходит целиком в руки того, кому она доверена. Визирь есть сам деспот, и каждый чиновник есть визирь. В монархических правлениях власть не передается в такой непосредственной полноте. Передавая власть, государь ограничивает ее. Он так распределяет ее, что никогда не передаст другому какую-то долю своей власти, не удержав за собою большей части ее.

Так, в монархических государствах отдельные правители городов, будучи зависимы от правителей провинции, еще в большей степени зависят от государя, и начальники отдельных частей армии, находясь в подчинении у своих генералов, состоят еще в большем подчинении у государя.

В большинстве монархических государств благоразумно установлено, что лица, имеющие более или менее высокие военные звания, не числятся постоянными командирами той или иной части войска, так что, получая назначение лишь по специальному приказу государя, могут быть использованы на службе или оставлены не у дел; таким образом, они в одно и то же время находятся на службе и как бы оказываются вне ее.

Но это несовместимо с духом деспотического правления, так как допустить существование лиц, которые, не имея определенного служебного положения, тем не менее обладали бы титулами и прерогативами, значило бы допустить в государстве существование лиц, которые значительны сами по себе, что противоречило бы природе этого государства.

Если бы правитель города был независим от паши, то для того, чтобы установить согласие между ними, пришлось бы прибегать к постоянным уступкам и смягчениям; предположение нелепое при деспотическом правлении. Кроме того, если бы начальник города мог отказать в повиновении паше, то как же мог бы паша отвечать головой за свою провинцию?

В этом государстве власти не могут быть уравновешены — как власть последнего чиновника, так и власть самого деспота. В государствах умеренных закон везде разумен, он всем известен, и самые низшие должностные лица имеют возможность руководствоваться им. Но при деспотическом правлении, где закон есть воля государя, как бы ни был мудр этот государь, чиновник все-таки не может руководствоваться его волей, потому что не может знать ее, и потому он руководствуется собственной волей.

Мало того: так как закон есть то, чего желает государь, а государь может желать лишь того, что он знает, то является надобность в бесконечном множестве лиц, которые желали бы за него и так, как он.

Наконец, так как закон есть непредвиденное проявление воли государя, то необходимо, чтобы проявление воли тех, которые желают за него, было таким же быстрым и внезапным, как и его собственное.

ГЛАВА XVII

О подарках

В деспотических государствах существует обычай, согласно которому всякое обращение к высшему лицу и даже к самим государям должно сопровождаться приношениями. Император Могола не принимает просьб от своих подданных без какого-нибудь приношения с их стороны. Эти государи доходят до того, что за подарки продают свои милости.

Так оно и должно быть в государстве, где нет граждан, в государстве, где все

убеждены, что высший не имеет никаких обязательств по отношению к низшему; в государстве, где люди думают, что единственная связь между ними состоит лишь в карах, которые одни налагают на других; в государстве, где мало делается дел и где редко встречается надобность обращаться к высокопоставленному лицу с просьбами и еще того реже — с жалобами.

В республике эти подарки ненавистны, потому что добродетель в них не нуждается. В монархии честь является более сильным двигателем, чем подарки. Но в деспотическом государстве, где нет ни добродетели, ни чести, человека можно побудить к деятельности лишь надеждой на умножение его житейских удобств.

Именно руководствуясь идеей республики, Платон требовал, чтобы лица, принимающие подарки за исполнение своего долга, были наказуемы смертью. «Не следует принимать подарков ни за хорошие, ни за дурные дела», — говорит он.

Римский закон, позволявший должностным лицам принимать небольшие приношения при том условии, чтобы их общая стоимость не превышала ста экю в год, был очень дурным законом. Кому ничего не дают, тот ничего и не желает; те же, кому дают мало, вскоре пожелают большего, а потом и многого. К тому же легче вразумить того, кто, будучи обязан не брать ничего, берет нечто, чем того, кто берет больше, чем ему дозволено брать, всегда находя для этого какие-либо предлоги, извинения, причины и оправдывающие его обстоятельства.

ГЛАВА XVIII

О раздаваемых государем наградах

В деспотических государствах, где, как уже мы сказали, люди побуждаются к деятельности лишь надеждой на увеличение своих житейских удобств, государь может награждать только деньгами. В монархии, где господствует одна честь, государь мог бы награждать только одними почетными отличиями, но так как эти установленные честью отличия связаны с роскошью, которая неизбежно порождает новые потребности, то государь награждает там почестями, ведущими к богатству. В республике же, где властвует добродетель, двигатель самодовлеющий и исключаящий все прочие, государство награждает только одним засвидетельствованием этой добродетели.

Крупные награды служат признаком упадка — это общее правило как для республики, так и для монархии; появление таких наград указывает на то, что основные начала правления испорчены, что, с одной стороны, понятие чести утратило прежнюю силу, а с другой — ослабели гражданские добродетели.

Самые худшие из римских императоров были в то же время самыми щедрыми на награды. Таковы, например, Калигула, Клавдий, Нерон, Оттон, Вителлий, Коммод, Гелиогабал и Каракалла.

Лучшие же, как Август, Веспасиан, Антонин Пий, Марк Аврелий и Пертинакс, были, напротив, самыми экономными в этом отношении. При хороших императорах государство снова возвращалось к своим принципам и сокровище чести заменяло все прочие сокровища.

ГЛАВА XIX

Другие последствия принципов трех видов правления

Не могу закончить этой книги, не сделав еще несколько применений моих трех принципов.

Первый вопрос. Должны ли законы понуждать гражданина к принятию общественных должностей? Отвечаю: да, должны, но только в республиканском правлении, а не

монархическом. В республике общественная должность является свидетельством добродетели, драгоценным залогом, который отечество вверяет гражданину, и так как вся жизнь, деятельность и все мысли последнего должны принадлежать отечеству, то он и не может отказываться от этих должностей. В монархии они являются свидетельством чести, своеобразные правила этой чести требуют, чтобы человек принимал их лишь тогда, когда это ему угодно, и в таком виде, в каком это ему угодно.

Покойный король Оардинии наказывал тех, которые отказывались от должностей и службы в его государстве. Сам того не сознавая, он действовал в духе республиканских идей. Впрочем, приемами своего правления он достаточно доказал, что осуществление этих идей не входило в его намерения.

Второй вопрос. Заслуживает ли одобрения правило, согласно которому можно обязать гражданина занять в войске место, низшее по сравнению с тем, которое он там занимал прежде? В Риме воину часто приходилось служить под начальством человека, который год тому назад был его подчиненным. Это потому, что республиканская добродетель требует постоянного самопожертвования во всех отношениях ради государства. Но в монархическом государстве честь, истинная или ложная, видит в этом несовместимое с ее правилами унижение человека.

В деспотических государствах, где равно злоупотребляют и честью, и местами, и рангами, с одинаковой легкостью превращают государя в батрака и батрака в государя.

Третий вопрос. Следует ли соединять в руках одного лица исполнение гражданской и военной должности? В республике надо их соединять, а в монархии разделять. В республике было бы опасно превращать армию в особое сословие, отличное от гражданского, а в монархии не менее опасно было бы соединять исполнение обеих этих должностей в руках одного и того же лица.

В республике люди берутся за оружие лишь в качестве защитников законов и отечества; человек становится на некоторое время солдатом именно потому, что он гражданин. При наличии же двух различных сословий каждому, кто, состоя в армии, продолжал бы считать себя гражданином, могли бы дать почувствовать, что он не более как солдат.

В монархиях военные стремятся только к славе или по меньшей мере к чести или богатству. Таким людям отнюдь не следует поручать гражданских должностей; необходимо, напротив, чтобы гражданские власти обуздывали их. Недопустимо, чтобы одни и те же лица обладали одновременно и доверием народа и силой, позволяющей злоупотреблять этим доверием.

Посмотрите, как опасаются возникновения обособленного военного сословия в государстве, где под формой монархии скрывается республика[52]; там воин не перестает быть гражданином и даже должностным лицом, дабы оба эти качества служили залогом его преданности отечеству и постоянно напоминали ему о его обязанностях.

Разделение должностей на военные и гражданские, произведенное римлянами после падения республики, не было делом произвола. Оно явилось следствием изменения римского государственного строя; оно соответствовало природе монархического правления; дело, начатое при Августе[53], должны были завершить последующие императоры для обуздания военного правления.

Прокоп, соперник Валента в борьбе за императорскую власть, совершенно не понимал этого, когда, возведя персидского царевича Гормизда в звание проконсула, он возвратил проконсулу принадлежавшее ему некогда командование войсками; возможно, впрочем, что у него были для этого особые причины. Человек, стремящийся к верховной власти, более заботится о собственной пользе, чем о пользе государства.

Четвертый вопрос. Следует ли допускать продажу должностей? В деспотических государствах, где государь назначает и смещает должностных лиц по собственному произволу, должности не должны продаваться.

Но в монархических государствах их продажа полезна, потому что она заставляет

людей заниматься, как семейным ремеслом, тем или иным видом деятельности, которым они не стали бы заниматься из любви к добродетели, ибо она каждому определяет его долг и придает более устойчивости и постоянства сословиям. Свидра недаром сказал, что Анастасий посредством продажи всех государственных должностей сделал из империи нечто вроде аристократии.

Платон не терпел такой продажи. «Это то же самое, — говорит он, — как если бы кого-либо приняли на корабль кормчим или матросом за его деньги». Может ли обычай, вредный для всякого житейского дела, оказаться полезным только для руководства республикой? Однако Платон говорит о республике, основанной на добродетели, а мы говорим о монархии. Но если бы в монархии должности не продавались согласно публично установленным правилам, то они все-таки стали бы продажными вследствие корыстолюбия и жадности придворных; случай доставит лучших покупателей, чем выбор государя. Наконец, самый способ возвышаться посредством богатства поддерживает и поощряет промышленность, в чем всегда очень нуждается этого рода правление.

Пятый вопрос. Для какого правления нужны цензоры? Они нужны для республики, где принцип правления — добродетель. Добродетель разрушается не одними только преступлениями, но также и небрежностью, ошибками, недостатком любви к отечеству, опасными примерами, семенами порчи, всем, что, не нарушая закона, обходит его и что, не уничтожая его силы, ослабляет ее. Все это должно быть исправляемо цензорами.

Нас удивляет наказание, которому подвергли члена Ареопага за то, что он убил воробья, спрятавшегося у него на груди от преследования ястреба. Мы поражены тем, что Ареопаг предал смерти ребенка за то, что тот выколол глаза птичке. Но надо иметь в виду, что тут дело идет не о приговорах уголовного суда, а о решениях суда нравственного в республике, основанной на нравственности.

Монархии не нуждаются в цензорах; эти правления основаны на чести, а природа чести в том и состоит, что для нее весь мир — цензор. Всякий человек, преступивший правила чести, услышит упреки даже от тех, у кого ее совсем нет.

Тут сами цензоры были бы развращены теми, кого им следовало исправлять. Они были бы не в силах бороться с распространенной в монархии испорченностью — эта испорченность оказалась бы сильнее их.

Понятно, что для деспотического правления цензоры совсем не нужны. Китай, по-видимому, является исключением из этого правила; но мы изложим впоследствии особые причины этого обстоятельства.

КНИГА ШЕСТАЯ

Влияние, оказываемое принципами различных образов правления на простоту гражданских и уголовных законов, на формы судопроизводства и определение наказаний

ГЛАВА I

О простоте гражданских законов в различных видах правления

При монархическом правлении законы не могут отличаться такой простотой, как при деспотическом правлении. Здесь нужны суды. Эти суды выносят приговоры. Приговоры эти надо хранить и изучать для того, чтобы суд действовал сегодня так же, как он действовал вчера, и чтобы собственность и жизнь граждан были столь же прочно и определенно обеспечены, как и само государственное устройство.

В монархии отправление правосудия, решениям которого подлежат не только имущество и жизнь, но также и честь человека, требует тщательных изысканий. Чем шире

ведомство суда, чем важнее интересы, подлежащие его решениям, тем внимательнее и осмотрительнее становится судья.

Поэтому не следует удивляться, что законы этого государства отличаются таким обилием правил, оговорок и распространений, благодаря которым умножается количество частных случаев и самый разум обращается, по-видимому, в особого рода искусство.

Установленное в монархиях различие людей по их званию, происхождению, положению часто приводит к установлению различий в характере их имущества, и законы этого государственного строя могут увеличивать количество таких различий. Так, у нас имеется имущество собственное и общее или сообща приобретенное, полученное в приданое и принадлежащее исключительно жене, отцовское и материнское, разного рода движимость, имущество свободное и ограниченное субституцией, родовое или неродовое, имущество дворянское — белопоместное и простонародное, ренты поземельные или денежные. Каждый вид имущества подчинен особым правилам, согласно которым им располагают, и все это еще более усложняет дело,

В наших государствах феодалы стали наследственными поместьями. Надо было обеспечить дворянство в имущественном отношении, т. е. придать некоторую прочность феодалу для того, чтобы собственник его был в состоянии нести службу государю. Это неизбежно породило множество различий: в одних странах, например, феодалы не могли быть разделены между братьями, в других — младшие братья получали более значительное обеспечение.

Монарх, знающий положение каждой из своих провинций, может создавать различные законы и допускать существование разнообразных обычаев. Но деспот ничего не знает и ни за чем не может следить; его приемы всегда одинаковы; он всем управляет своею суровою волею, которая всюду одинакова; все уравнивается под его стопами.

По мере того как в монархиях деятельность судов расширяется, их приговоры становятся предметом изучения юриспруденции, так как в этих приговорах иногда встречаются противоречия или вследствие того, что сменявшие друг друга судьи не все были одинакового мнения; или потому, что из двух одинаковых дел одно было проведено более умело, чем другое; или, наконец, по причине бесчисленных злоупотреблений, которые неминуемо вкрадываются во все дела рук человеческих. Это неизбежное зло, которое законодатель от времени до времени исправляет, как нечто противное духу умеренного образа правления, так как деятельность судов должна быть обусловлена природою государственного устройства, а не противоречиями и неопределенностью законов.

В правлениях, где имеются необходимые различия между лицами, должны существовать и привилегии. Это еще более вредит простоте и порождает тысячи исключений.

Одна из привилегий, наименее обременительных для общества и в особенности для тех, кто ее предоставляет, состоит в праве быть подсудным определенному суду предпочтительно перед всеми остальными. И вот возникает новый ряд дел, предмет которых состоит в том, чтобы установить, к какому именно суду должен обратиться истец.

В деспотических государствах положение народа совсем иное. Я даже не нахожу там никакого повода для деятельности законодателя или судьи. Так как все земли принадлежат государю, то там нет почти никаких гражданских законов о земельной собственности. Так как государь наследует своим подданным, то нет там также и законов о наследстве. Принадлежащее государю исключительное право торговли в некоторых странах устраняет надобность во всяком торговом законодательстве. Браки, заключаемые с рабынями, делают ненужными гражданские законы о приданом и о правах жены. Из этого всеобщего рабства вытекает еще и то следствие, что там почти вовсе нет людей, которые имели бы собственную волю и поэтому могли бы отвечать перед судьей за свое поведение. Большая часть нравственных действий обусловлена там волей отца, мужа, господина и определяется ими, а не судьями.

Я забыл сказать, что так как то, что мы называем честью, почти неизвестно в этих

государствах, то все дела, касающиеся этого предмета и занимающие у нас такое огромное место, там совсем не существуют. Деспотизм является самодовлеющим, вокруг него все пусто; поэтому путешественники, описывая страны, где он царствует, редко говорят нам о гражданских законах.

Итак, там устранены всякие поводы к тяжбам и процессам. Этим отчасти объясняется, почему там так сурово обращаются с тяжущимися; несправедливость их притязаний, не будучи прикрыта, ограждена и замаскирована бесконечным множеством законов, выступает во всей своей наготы.

ГЛАВА II

О простоте уголовных законов в различных видах правления

Постоянно приходится слышать, что следовало бы везде отправлять правосудие так, как в Турции. Неужели только самые невежественные народы ясно уразумели то, что всего важнее в мире понимать людям?

Если вы взглянете на судейские формальности с точки зрения тех затруднений, которые встречает в них гражданин, добивающийся возвращения своего имущества или получения удовлетворения за нанесенную ему обиду, то вы, конечно, найдете, что их слишком много. Если вы рассмотрите их с точки зрения их отношения к свободе и безопасности граждан, то вы нередко найдете, что их слишком мало, и увидите, что все эти затруднения, издержки, проволочки и самые ошибки правосудия являются той ценой, которую каждый гражданин оплачивает свою свободу.

В Турции, где очень мало заботятся об имуществе, жизни и чести подданных, все тяжбы оканчиваются тем или другим решением очень быстро. Самый способ решения безразличен — лишь бы только решить. Паша, собрав некоторые сведения о деле, распределяет по внушению собственной фантазии палочные удары по пяткам тяжущихся и отправляет их по домам.

И там было бы очень опасно увлекаться страстью к тяжбам: эта страсть предполагает жгучую жажду добиться правосудия, ненависть, неугомонную деятельность ума, постоянство в преследовании цели. Всего этого следует избегать в государстве, где не разрешается иметь никакого иного чувства, кроме страха, и где все внезапно и непредвиденно приводит к революциям. Здесь каждый должен понимать, что для него лучше, если должностные лица вовсе не будут знать о его существовании, и что безопасность его личности зависит от ее ничтожества.

Но в умеренных государствах голова малейшего из граждан имеет определенную ценность; здесь гражданина лишают имущества и чести только после долгого и внимательного расследования; здесь у него отнимают жизнь только тогда, когда само отечество выступает против него; но, выступив против него, оно предоставляет ему всевозможные средства защищать себя.

Поэтому всякий человек, власть которого близится к абсолютизму, начинает прежде всего заботиться об упрощении законов. В таком государстве обращают более внимания на устранение разных отдельных неудобств, чем на свободу подданных, о которой совсем перестают заботиться.

Мы видим, что в республике необходимо по меньшей мере такое же количество формальностей, как и в монархии. В том и другом правлении число их увеличивается с возрастанием уважения к чести, имуществу, жизни и свободе граждан.

Все люди равны в республиканских государствах, они равны и в деспотических государствах: в первом случае — потому, что они — все, во втором — потому, что все они — ничто.

ГЛАВА III

В каких правлениях и в каких случаях должно судить по букве закона

Чем более правление приближается к республиканскому, тем определеннее и точнее становится способ отправления правосудия. Большим недостатком Спартанской республики было то, что эфоры судили там произвольно, не руководствуясь никакими законами. В Риме первые консулы судили, как эфоры; неудобства этого суда вскоре стали очевидными, и были созданы определенные законы.

В деспотических государствах нет закона: там сам судья — закон. В монархических государствах есть законы, и если они ясны, то судья руководится ими, а если нет, то он старается уразуметь их дух. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковывать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни.

В Риме судьи выносили решения только по вопросу о виновности подсудимого в известном преступлении, а наказание назначал закон, как это видно из различных созданных там законов. Точно так же и в Англии присяжные решают лишь вопрос о том, доказан или нет проступок, представленный на их рассмотрение; если он доказан, судья произносит наказание, установленное законом за такой проступок, для чего ему нужны только глаза.

ГЛАВА IV

О способах вынесения судебных приговоров

Отсюда следуют различные способы вынесения приговоров. В монархиях судьи действуют по образцу посредников; они сообща обсуждают, обмениваются мнениями, советуются, стараются согласовать свои суждения. Мнения самого незначительного меньшинства принимаются в расчет большинством. Все это не в природе республики. В Риме и в городах Греции судьи не общались друг с другом: каждый заявлял свое мнение в одной из трех формул: *Оправдываю, Осуждаю, Сомневаюсь*, так как там судил или предполагалось, что судит, народ. Но народ не юрист. Все эти судебские оговорки и средства к примирению сторон для него не годятся. Ему надо предъявить только один предмет, один только факт и требовать от него лишь того, чтобы он решил, следует ли ему обвинить, оправдать или отложить приговор.

Римляне по примеру греков ввели у себя особые формулы для исков и признали необходимым вести каждое дело по соответствующей ему исковой формуле. Это было необходимо при их способе вершить правосудие: надо было определить состояние вопроса с неизменной точностью, чтобы он был всегда на глазах у народа. Иначе в ходе какого-нибудь крупного процесса состояние вопроса будет непрестанно изменяться, и его нельзя будет узнать. Именно по этой причине у римлян судьи принимали просьбы только по точно определенному предмету, который уже не подлежал никаким добавлениям, ограничениям и видоизменениям. Но преторы изобрели другие исковые формулы, которые получили название *добросовестных*. Эти формулы давали судье большую свободу в вынесении приговора, что более соответствовало духу монархии. Поэтому французские юристы говорят: Во Франции «все процессы ведутся по доброй совести».

ГЛАВА V

При каком образе правления государь сам может быть судьей

Макиавелли[54] приписывает утрату свободы Флоренции тому, что там преступления оскорбления величества, совершаемые против народа, не судились, как в Риме, в народных

собраниях. Эти дела рассматривались особым судом из восьми судей. Но, говорит Макиавелли, немногие и развращаются немногим. Я охотно согласился бы с этим великим человеком, но так как в данном случае политический интерес, так сказать, оказывает давление на интерес гражданский (потому что всегда возникают неудобства, если народ сам становится судьей в причиненных ему обидах), то для противодействия этому необходимо, чтобы законы сделали все возможное для ограждения безопасности частных лиц.

Законодатели Рима вынесли с этой целью два постановления: они дозволили обвиняемым избегать суда посредством добровольного изгнания и определили посвящать богам имущество осужденных, чтобы избежать его конфискации в пользу народа. В одиннадцатой книге будут изложены прочие постановления, ограничивавшие принадлежавшее народу право судопроизводства.

Солон отлично сумел предотвратить злоупотребления, которые могли бы возникнуть вследствие того, что народу принадлежало право судить преступления; он постановил, чтобы Ареопаг пересматривал дела, чтобы он снова обвинял перед народом того, кого считал несправедливо им оправданным, и, остановив исполнение приговора над тем, кого считал несправедливо обвиненным, требовал бы пересмотра его дела. Это был прекрасный закон: он подчинял народ контролю со стороны наиболее уважаемой им власти и заставлял его контролировать себя самого.

В ходе таких дел, особенно с момента ареста обвиненного, необходима некоторая медлительность для того, чтобы народ мог успокоиться и судить хладнокровно.

В деспотических государствах государь может судить сам, но он не должен быть судьей в монархиях: государственное устройство было бы разрушено, посредствующие и зависимые власти уничтожены и все формальности судопроизводства прекращены; во всех умах воцарился бы страх, на всех лицах бледность; исчезло бы взаимное доверие, исчезла бы честь, исчезла бы любовь; не было бы более безопасности, не было бы более монархии.

Вот и другие соображения. В монархических государствах государь является стороной, которая преследует обвиняемых, требует, чтобы они были наказаны или оправданы. Если бы он судил сам, то был бы в одно и то же время и судьей, и стороной.

В этих же государствах конфискованное имущество часто поступает в пользу государя: если бы он судил преступления, то опять-таки стал бы и судьей и заинтересованной стороной.

Сверх того, он лишился бы прекраснейшего атрибута своей власти — права помилования; было бы неразумно, если бы он выносил решения и затем сам же их отменял; он не пожелал бы противоречить самому себе. Не говоря уже о том, что при таком порядке оказались бы спутанными все понятия: никогда нельзя было бы знать, оправдан ли человек по суду или помилован государем.

Когда Людовик XIII пожелал сам быть судьей в процессе герцога де Лавалетта и, созвав для того в свой кабинет несколько парламентских чиновников и государственных советников, предложил им высказать свое мнение об аресте обвиняемого, президент Белльевр сказал, «что ему странно видеть государя, принимающего участие в процессе одного из своих подданных; что короли только милуют, предоставляя обвинять своим чиновникам; что Его Величеству не может быть приятно смотреть на сидящего перед ним на скамье подсудимых человека, который через час уйдет по его приговору на смертную казнь! Что особа государя, рассыпающая милости, не может выносить такого зрелища; что при одном его виде отменяются церковные интердикты и что все должны выходить от государя не иначе как довольными». Когда стали рассматривать дело по существу, тот же президент подал такое мнение: «Этот суд не имеет себе примера и даже противоречит всем примерам прошлого по сей день, ибо никогда еще не было видано, чтобы король Франции в качестве судьи и в силу своего приговора осудил дворянина на смерть».

Личный суд государя явился бы неисчерпаемым источником несправедливостей и злоупотреблений. Назойливость придворных стала бы вынуждать государя выносить приговоры. Некоторые римские императоры были одержимы страстью судить, и они-то

более всех удивили мир своими несправедливостями.

Тацит говорит, что Клавдий, завладев делами и обязанностями судей, подал этим повод ко всевозможным хищениям. Поэтому следующий за Клавдием император Нерон, желая расположить к себе умы, заявил, «что он никогда не станет сам судить все дела, так как иначе обвинители и обвиняемые могли бы оказаться оставленными в стенах дворца на произвол нескольких вольноотпущенников».

«В царствование Аркадия, — говорит Зосима, — размножившаяся порода клеветников окружила и осквернила дворец государя. Когда человек умирал, его объявляли бездетным и раздавали его имущество по указу государя; так как сам император был необычайно глуп, а слишком предприимчивая императрица потакала ненасытной жадности своих слуг и приятельниц, то честным людям оставалось только желать смерти».

«В прежнее время, — говорит Прокопий, — при дворе было немного людей, но когда при Юстиниане судьи лишены были свободы вершить правосудие, суды стояли пустыми, между тем как дворец государя оглашался криками тяжущихся, которые хлопотали там о своих делах». Всему миру известно, как там продавали приговоры и даже законы.

Законы — это глаза государя; благодаря им он видит то, чего без них не мог бы увидеть. Присваивая себе обязанности судьи, он действует не в свою пользу, а в пользу своих обольстителей, во вред самому себе.

ГЛАВА VI

О том, что в монархии министры не должны быть судьями

В монархиях возникают большие затруднения от того, что министры берутся сами решать спорные дела. И теперь еще мы видим государства, где есть множество судей для производства дел, касающихся казны, и где — кто бы этому поверил! — министры все еще хотят сами решать эти дела. Много можно было бы сказать против этого, но я ограничусь одним следующим соображением.

Между советом монарха и его судами существует некоторое противоречие, вытекающее из самой природы вещей. Совет короля должен состоять из немногих лиц, а суды требуют большого количества судей. Причина этого в том, что в первом случае за дела надо приниматься и вести их с некоторою страстью, чего можно ожидать лишь от группы, состоящей не более как из четырех или пяти лиц, всецело посвятивших себя этим делам.

Наоборот, для ведения судебных дел необходимы деятели хладнокровные, для которых все дела были бы в известном смысле безразличны.

ГЛАВА VII

О единоличном судье

Такой судья возможен лишь в деспотическом государстве. Мы видим из истории Рима, до какой степени могут доходить злоупотребления подобного судьи. Как было Аппию не презирать законов в своем суде, когда он нарушил даже тот, который сам создал? Тит Ливий рассказал нам о бесчестной уловке этого децемвира. Он встретил человека, домогавшегося выдачи ему некоей Виргинии, как принадлежащей ему рабыни. Родственники Виргинии требовали, чтобы Аппий на основании изданного им же самим закона вручил Виргинию им впредь до окончательного приговора суда. Аппий объявил, что его закон издан лишь в пользу отца, а так как Виргиния находится в отсутствии, то этот закон не может быть применен к данному случаю.

ГЛАВА VIII

О способах обвинения в различных правлениях

В Риме дозволялось гражданину обвинять гражданина. Это было установлено в духе республики, где от каждого гражданина требуется безграничное рвение к общественному благу и где предполагается, что каждый гражданин обладает всеми правами своего отечества. При императорах продолжали следовать правилам республики, что немедленно вызвало появление гнусной породы людей — своры доносчиков. Всякий, кто с большими пороками совмещал в себе большие способности и с низкой душой — честолюбивый ум, стал разыскивать преступника, осуждение которого было бы приятно государю. Это был путь к почестям и богатству, — вещь у нас невозможная.

Теперь у нас есть превосходный закон — тот именно закон, который требует, чтобы государь, обязанность которого — добиваться соблюдения законов, приставил к каждому суду чиновника для преследования от его имени всех преступлений. Таким образом, функция доносчика у нас неизвестна; а если этого публичного обвинителя заподозрят в злоупотреблении своей должностью, то его обяжут назвать человека, который сделал ему донос.

По законам Платона, всякий, кто не уведомил властей об известном ему преступлении или отказал им в содействии, подлежал наказанию. В настоящее время этот порядок был бы неуместен. Государство бодрствует за граждан; оно действует, и они спокойны.

ГЛАВА IX

О строгости наказаний в различных правлениях

Строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых — страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель.

В умеренных государствах любовь к отечеству, стыд, боязнь порицания заключают в себе обуздывающую силу, которая в состоянии удерживать от многих преступлений. Самое тяжелое наказание за совершение дурного поступка состоит там именно в том, чтобы быть уличенным в этом поступке. Поэтому гражданские законы могут там легче исправлять людей и они не нуждаются в особенной суровости.

В этих государствах хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы.

Китайские писатели постоянно замечали, что умножение казней в их империи всегда предвещало приближение революции: в самом деле, казни умножались по мере того, как портились нравы.

Нетрудно было бы доказать, что во всех или почти во всех государствах Европы наказания усиливались или смягчались в зависимости от того, насколько там приближались к свободе или удалялись от нее.

В деспотических государствах люди так несчастны, что они не столько дорожат жизнью, сколько боятся смерти, поэтому казни там должны быть более жестокими. В умеренных государствах люди более дорожат жизнью, чем боятся смерти, поэтому там достаточны казни, заключающиеся в простом лишении жизни.

Люди чрезмерно счастливые и люди чрезмерно несчастные одинаково склонны быть жестокими, доказательство — монахи и завоеватели. Только в посредственности и состоянии, смешанном из счастья и несчастья, встречаются кротость и сострадание.

То, что мы видим у отдельных лиц, наблюдается также и у целых народов. Мы встречаем одинаковую жестокость у народов диких, жизнь которых очень сурова, и у народов, живущих под деспотическим правлением, где только один человек — баловень

судьбы, а все прочие — ее пасынки. Кротость царит лишь в государствах с умеренным правлением.

Читая в истории о свирепых расправах султанов, мы с душевной болью чувствуем пороки человеческой природы.

В государствах с умеренным правлением хороший законодатель все может использовать в качестве наказания. Не удивительно ли, что в Спарте одно из главных наказаний состояло в запрещении предоставлять на время свою жену другому, получать на время чужую жену и в предписании быть окруженным у себя дома только девственницами? Одним словом, все, что закон называет наказанием, действительно является наказанием.

ГЛАВА X

О старинных французских законах

В этих старинных французских законах более всего проявляет себя дух монархии. По делам, наказуемым денежными штрафами, простые люди наказывались легче, чем благородные. В уголовных делах, наоборот, благородных лишали чести и права заседания в суде, между тем как для простого человека, у которого нет чести, предметом наказания было тело.

ГЛАВА XI

О том, что если народ добродетелен, то не требуется много наказаний

Римский народ был прямодушен. Это прямодушие обладало такой силой, что законодателю часто достаточно было указать людям путь добра, чтобы заставить их идти этим путем. Казалось, им нужны были не приказания, а только советы.

Почти все кары, установленные законами царей и законами двенадцати таблиц, во время республики были отменены или законом Валерия, или законом Порция. Но не было замечено, чтобы от этого ухудшилось управление республикой или пострадал общественный порядок.

Закон Валерия запрещал судьям применять силу против гражданина, апеллировавшего к народу, и единственное наказание за его проступок заключалось в репутации дурного человека.

ГЛАВА XII

О силе наказаний

Опыт показал, что в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания — в других странах.

Заметив какой-нибудь беспорядок в государстве, крутое и склонное к насильственным мерам правительство желает его прекратить тотчас же и вместо того, чтобы постараться восстановить силу старых законов, вводит новую жестокую казнь, которая разом пресекает зло. Но слишком туго натянутые бразды правления скоро ослабевают. Воображение привыкает к этой большей каре, как оно привыкло к прежней меньшей; и так как в результате ослабевает страх перед этой меньшей карой, то является необходимость распространить большую на все случаи. В некоторых государствах[55] стали обычным явлением грабежи на больших дорогах. Для прекращения их придумали казнь посредством колесования, которая и приостановила их на некоторое время. Но потом на больших дорогах

снова стали так же грабить, как и прежде.

В наши дни участились случаи дезертирства; за дезертирство установили смертную казнь, но оно не уменьшилось. Причина этого весьма естественна: солдат, привыкший ежедневно рисковать своею жизнью, презирает или считает делом чести презирать опасности. Его ежедневно приучают бояться стыда, поэтому следовало отвергнуть наказание, налагавшее неизгладимое пятно стыда на всю его жизнь. Думая усилить наказание, на самом деле ослабили его.

Не следует править людьми с помощью крайних мер; надо экономно использовать предоставленные нам природой средства руководства ими. Вникните в причины всякой распущенности, и вы увидите, что она — проистекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний. Последуем природе, которая вместо бича дала человеку стыд, и пусть самая чувствительная часть наказания будет заключаться в позоре быть подвергнутым стыду.

Если же есть страны, где наказание не влечет за собой чувства стыда, то в этом виновата тирания, которая подвергает одинаковым наказаниям и преступников, и честных людей.

И если есть другие страны, где люди сдерживаются лишь жестокими наказаниями, то будьте уверены, что это по большей части происходит от жестокости правительства, налагавшего эти наказания за легкие провинности.

Часто законодатель, желающий прекратить какое-нибудь зло, только и думает о достижении этой цели. Он видит лишь одну сторону дела и не замечает сопряженных с ней неудобств.

В результате после того, как зло пресекается, все видят только жестокость законодателя; в государстве остается зло, произведенное этой жестокостью: она извратила умы, она приучила людей к деспотизму.

После победы, одержанной Лисандром над афинянами, победители стали судить пленников. Афинян обвинили в том, что они побросали в море с двух галер всех своих пленников и постановили на всенародном собрании отрубать кисти рук у всех, кого захватят в плен. Все они были умерщвлены, за исключением Адиманта, протестовавшего против этого постановления. Прежде чем предать смерти Филоклеса, Лисандр упрекнул его в том, что он развратил умы и дал уроки жестокости всей Греции. «Когда аргосцы, — говорит Плутарх, — умертвили полторы тысячи своих граждан, афиняне принесли очистительные жертвы богам, умоляя их отвести от сердец афинян такую жестокую мысль».

Есть два рода испорченности: один, когда народ не соблюдает законов; другой, когда он развращается законами; последний недуг неизлечим, ибо причина его кроется в самом лекарстве.

ГЛАВА XIII

Бессилие японских законов

Чрезмерные наказания могут обессилить самый деспотизм. Взглянем на Японию.

Там наказывают смертью почти за все преступления, потому что неповиновение такому великому императору, как японский, рассматривается как страшное преступление. Цель наказания не в исправлении виновного, а в отмщении государя.

Эти идеи порождены раболепием и возникли главным образом потому, что так как император является там собственником всех имуществ, то почти все преступления оказываются прямым нарушением его интересов.

Там наказывают смертью за всякую ложь перед властями, т.е. за самый естественный прием самозащиты.

Там строго наказывают даже за одну только видимость преступления; так, человек, принявший участие в азартной игре на деньги, подлежит смертной казни.

Правда, на первый взгляд может показаться, что необычайный характер этого народа, упрямого, капризного, решительного, причудливого, презирающего всякие опасности и бедствия, оправдывает свирепые постановления законодателей; но можно ли постоянным зрелищем мучительных казней исправить или сдержать людей, которые по натуре своей, естественно, презирают смерть и вспарывают себе животы по малейшему поводу? Не освоятся ли они скорее с этими казнями?

В рассказах о воспитании у японцев говорится, что с детьми необходимо мягкое обращение, потому что наказания ожесточают их; что не следует слишком сурово обходиться с рабами, так как этим ставят их в необходимость защищаться. По духу, который должен господствовать в домашнем управлении, не следует ли заключить и о том, который необходимо бы внести в политическое и гражданское управление?

Благоразумный законодатель постарался бы умиротворить умы справедливой умеренностью наказаний и наград, правилами философии, морали и религии, соответствующими характеру данного народа, разумным применением правил чести, наказанием посредством стыда, радостями постоянного житейского благополучия и мирного благоденствия; и если бы он опасался, что людей, привыкших к жестоким карам, не будут сдерживать более легкие наказания, то стал бы действовать постепенно и осторожно и, начав со смягчения наказаний за легкие провинности, дошел бы до видоизменения их за все виды преступлений.

Но деспотизм не знает этих приемов; не такими путями ведет он людей. Он может злоупотреблять собою — и только. В Японии он напугал все свои силы и превзошел в жестокости себя самого.

Чтобы продолжать управлять людьми, напуганными и освирепевшими, ему пришлось непрестанно усиливать жестокость своего управления.

Таков источник, таков дух законов Японии. Но в этих законах больше ярости, чем силы. Им удалось искоренить христианство, но самая чрезмерность их усилий служит доказательством их слабости. Они хотели создать хорошую полицию и еще более обнаружили свое бессилие.

Прочитайте сообщение о свидании императора с дейро в Меако. Там было задушено и убито невероятное количество людей. Негодяи похищали молодых девушек и мальчиков. Потом похищенных находили каждый день в самые неожиданные часы, выставленными в публичных местах нагими и зашитыми в холщовые мешки, чтобы они не знали мест, по которым их проводили; там грабили все, что хотели; распарывали животы лошадям, чтобы повергнуть на землю всадников; опрокидывали кареты, чтобы обобрать женщин. Когда голландцам сказали, что им нельзя провести ночь на подмостках, не рискуя быть убитыми, они спустились оттуда и т. д.

Попутно я хочу отметить еще одну своеобразную черту. Император, предаваясь гнусным наслаждениям, не помышлял о браке: он рисковал умереть, не оставив наследника. Дейро прислал ему двух очень красивых девушек; он женился на одной ради приличия, но не имел с нею никаких сношений. Его кормилица приводила к нему самых красивых женщин империи, но и это не помогло: дочь оружейника, наконец, его пленила; он решился и имел от нее сына. Придворные дамы, возмущенные тем, что он предпочел им особу столь низкого происхождения, задушили ребенка. Это преступление скрыли от императора: иначе он пролил бы потоки крови. Так самая жестокость законов препятствует их соблюдению. Когда наказание безмерно, ему часто приходится предпочитать безнаказанность.

ГЛАВА XIV

О духе римского сената

В консульство Ацилия Глабрия и Пизона был издан закон Ацилия для прекращения происков искателей должностей. Дион говорит, что сенат побудил консулов предложить этот

закон потому, что трибун К. Корнелий задумал ввести ужасные кары против этого преступления и народ ему сочувствовал, Сенат полагал, что неумеренные кары, конечно, устрашат умы, но вместе с тем будут иметь и то последствие, что никто уже не решится ни обвинять, ни осуждать, между тем как при более умеренных наказаниях найдутся и судьи, и обвинители.

ГЛАВА XV О наказаниях в римском законодательстве

Я убеждаюсь в правильности моих основных положений, видя, что они подтверждаются историей римлян; я не могу сомневаться в том, что характер наказаний зависит от природы правления, когда вижу, что этот великий народ изменял в данном отношении свои гражданские законы по мере того, как он изменял политические законы.

Законы царей, которые были созданы для народа, состоящего из беглецов, рабов и разбойников, были очень суровы. Дух республики требовал, чтобы децемвиры не включали этих законов в свои двенадцать таблиц; но люди, мечтавшие о тирании, не считали нужным руководствоваться духом республики.

Тит Ливий говорит, что мучительная казнь Метия Суффей, и диктатора Альбы, который по приговору Тулла Гостилия был разорван двумя телегами, явилась первой и последней казнью, свидетельствовавшей о забвении чувства человечности. Он ошибается: законы двенадцати таблиц изобилуют очень жестокими постановлениями.

Яснее всего обнаруживается замысел децемвиров в назначении смертной казни поэтам и авторам памфлетов. Это совсем не в духе республики, где народ любит видеть унижение сильных. Но люди, замышлявшие уничтожить свободу, опасались писаний, которые могли напомнить о духе свободы.

После изгнания децемвиров исчезли почти все их законы, устанавливавшие наказания. Формально они не были отменены, но и не применялись после того, как закон Порция запретил казнить смертью римского гражданина.

Вот эпоха, к которой можно отнести заявление Тита Ливия, сказавшего о римлянах, что никогда еще ни один народ не проявил большего, чем они, сочувствия к смягчению кар.

Прибавив к мягкости наказаний право обвиняемого удалиться до суда в изгнание, мы увидим, что римляне неуклонно руководились этим духом, столь естественным, как я уже говорил, в республике.

Сулла, смешавший свободу с анархией и тиранией, создал законы Корнелия. Он, по-видимому, создавал законы только для того, чтобы создавать преступления. Так, назвав множество действий убийством, он везде находил убийц, и, действуя способами, нашедшими в дальнейшем столько последователей, ставил ловушки, сеял тернии и разверзал пропасти на пути каждого гражданина.

Почти все законы Суллы угрожали только лишением воды и огня. Цезарь добавил к этому конфискацию имущества ввиду того, что богачи, сохраняя в изгнании свои богатства, совершали преступления с большей смелостью.

Учредив военное правление, императоры вскоре почувствовали, что оно столь же пагубно для них самих, как и для их подданных; они стали придумывать средства смягчить его и сочли нужным установить различные звания и внушить почет к этим званиям.

Правление несколько приблизилось к монархическому, и наказания были разделены на три класса: самые легкие — для первых людей в государстве, более суровые — для лиц менее высокого ранга и, наконец, самые тяжелые — для людей самого низкого положения.

Жестокий и глупый Максимин вместо того, чтобы смягчить военное правление, только, так сказать, раздражил его. Сенат, говорит Капитолин, то и дело слышал, что одних казнили распятием, других выставляли на растерзание зверям или зашивали в кожи только что убитых зверей, нисколько не считаясь с их званием. Он, по-видимому, вдохновлялся идеалом

военной дисциплины, по образцу которой думал управлять делами гражданскими.

В *Размышлениях о причинах величия и падения римлян* рассказано, как Константин преобразовал военный деспотизм в деспотизм военно-гражданский и приблизился к монархии; там же можно проследить различные перевороты в этом государстве и увидеть, как в нем постепенно совершался переход от строгости к беспечности и от беспечности к безнаказанности[56].

ГЛАВА XVI

О точном соответствии между наказанием и преступлением

Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония; законодатель должен стремиться к тому, чтобы в первую очередь не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу больший вред, чем менее серьезные.

Один самозванец, назвавшийся Константином Дука, поднял крупное восстание в Константинополе. Он был схвачен и приговорен к плетям; но за то, что он обвинял высокопоставленных особ, его приговорили за клевету к сожжению. Это очень странное распределение кар за преступление оскорбления величества и за преступление клеветы.

Этот пример приводит нас на память слова Карла II, короля Англии. Однажды он увидел на дороге человека, привязанного к позорному столбу, и спросил, за что он наказан. «Государь, — отвечали ему, — он сочинял пасквили на ваших министров». — «Вот глупец, — сказал король, — отчего он не сочинял их против меня? Ему бы ничего не сделали».

«Семьдесят человек составили заговор против императора Василия. Он велел их подвергнуть бичеванию; им опалили волосы на голове и теле. Однажды олень ухватил его рогами за пояс. Некто из его свиты обнажил меч, разрезал пояс и выручил императора. Он приказал отрубить этому человеку голову за то, что тот обнажал против него меч». Кто бы мог подумать, что оба эти приговора были вынесены при одном и том же государе?

У нас очень дурно делают, что назначают равное наказание за грабеж на большой дороге и за грабеж, сопровождающийся убийством. Очевидно, что тут следовало бы в видах общественной безопасности установить некоторое различие в наказаниях.

В Китае разбойников рассекают на части, а простых воров — нет: благодаря этому различию там воруют, но не убивают.

В Московском государстве, где воров и убийц наказывают одинаково, грабеж всегда сопровождается убийством. Мертвые, говорят там, ничего не расскажут.

Если нет различия в наказаниях, то надо внести различие в надежду на облегчение участи. В Англии не убивают, потому что воры могут надеяться на ссылку в колонии, а убийцы — нет.

Указы о помиловании — великий рычаг умеренной монархии. Право помилования, которым обладает государь, при благоразумном применении может приводить к весьма благотворным последствиям. Принцип деспотического государства, которое не прощает и которому также никогда не прощают, лишает его этих выгод.

ГЛАВА XVII

О пытке преступников или допросе с пристрастием

Вследствие того, что люди дурны, закон обязан считать их лучшими, чем они есть. Так, заявление двух свидетелей полагается достаточным для наказания всех преступлений. Закон верит им, как будто устами их говорит сама истина. Положено также считать законным всякого ребенка, зачатого во время брака; закон доверяет матери, как будто она — воплощенное целомудрие. Но пытка преступников не является такой же необходимостью.

Мы знаем ныне очень благоустроенное государство[57], которое отменило ее без всяких для себя неудобств. Следовательно, она не является необходимой по своей природе.

Против этого обычая писало столько искусных писателей и великих гениев, что я не смею говорить после них. Я хотел было сказать, что он может быть уместным в деспотических государствах, где все, что внушает страх, становится одной из пружин правления; я хотел было сказать, что у греков и римлян рабы.... Но я слышу голос природы, вопиющий против меня.

ГЛАВА XVIII

О денежных и телесных наказаниях

Наши отцы, германцы, допускали только денежные наказания. Эти воинственные и свободные люди полагали, что их кровь должна проливаться лишь на поле битвы. Японцы, напротив, отвергают такого рода наказания под тем предлогом, что они не затронут богатых людей. Но разве богатые люди не боятся утраты своих имуществ? Разве денежные наказания не могут быть соразмерны богатству? И, наконец, разве нельзя соединить эти наказания с бесчестьем?

Хороший законодатель избирает средний путь: он не всегда карает денежными штрафами и не всегда приговаривает к телесному наказанию.

ГЛАВА XIX

О законе талиона

Деспотические государства, где любят простые законы, широко пользуются законом талиона. Государства умеренные также иногда его допускают; но здесь есть та разница, что в первых он действует со всюю строгостью, между тем как вторые почти всегда его смягчают.

Законы двенадцати таблиц допускали два решения в делах такого рода; они присуждали к талиону только в таком случае, когда жалобщик не соглашался на иное удовлетворение. После приговора можно было уплатить протори и убытки, и телесное наказание превращалось в денежное.

ГЛАВА XX

О наказании детей их отцами

В Китае наказывают отцов за проступки их детей. Тот же обычай был в Перу. Это опять-таки одно из проявлений идей деспотизма.

Сколько бы ни говорили, что в Китае наказывают отцов за то, что они не пользовались отеческою властью, которая установлена природой и усилена в этой стране законами, все же этот обычай предполагает, что у китайцев нет чести. У нас и отцы, дети которых присуждены к казни, и дети, отцы которых подверглись той же участи, настолько же наказаны стыдом, насколько в Китае они были бы наказаны лишением жизни [58].

ГЛАВА XXI

О милосердии государя

Милосердие есть отличительное качество монархов. В республике, принцип которой — добродетель, оно менее необходимо. В деспотическом государстве, где царствует страх, оно

встречается реже, так как там надо сдерживать высокопоставленных лиц государства примерами строгости. В монархиях, где управляет честь, часто требующая того, что запрещает закон, милосердие более необходимо. Опала там равносильна каре; даже формальности судопроизводства являются наказаниями. Стыд подкрадывается там со всех сторон и создает самые своеобразные роды наказаний.

Высокопоставленные лица чувствуют себя столь сильно наказанными немилостью государя, потерей — часто лишь воображаемой — своего благополучия, репутации, привычек, удовольствий, что строгость по отношению к ним становится излишней; она могла бы только привести к утрате подданными той любви, которую они питают к особе государя, и того уважения, которое они должны иметь к положению в обществе.

Непрочность положения высокопоставленных лиц соответствует природе деспотического правления, безопасность их соответствует природе монархии.

Монархи могут так много выиграть милосердием, оно вызывает к ним такую любовь, приносит им столько славы, что почти всегда возможность оказать милосердие есть для них счастье; а в наших странах в этих возможностях нет недостатка,

У них могут оспаривать какую-нибудь часть их власти, но почти никогда не восстают против всей их власти; и если им иногда приходится бороться за корону, то они никогда не имеют надобности бороться за жизнь.

Но, спросят нас, когда же следует наказывать? Когда следует прощать? Это легче почувствовать, так как никаких предписаний на этот счет дать нельзя. Случаи, когда миловать опасно, вполне ясны, и не трудно увидеть разницу между милосердием и тем слабодушием, которое заставляет государя пренебрегать наказаниями и доводит его до невозможности налагать их.

Император Маврикий решил никогда не проливать крови своих подданных. Анастасий совсем не карал преступников. Исаак-Ангел поклялся никого не лишать жизни в течение своего царствования. Греческие императоры забыли, что они не напрасно носят меч.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Влияние различных принципов трех видов правления на роскошь и законы против роскоши, а также на положение женщин

ГЛАВА I О роскоши

Роскошь всегда пропорциональна неравенству состояний. — При равном распределении богатств в государстве роскоши не будет, так как она основана лишь на тех удобствах, которые люди доставляют себе посредством труда других людей.

Для равного распределения богатств надо, чтобы закон давал каждому лишь необходимое для жизни. Имея больше этого, одни будут тратить, другие приобретать, и установится неравенство.

Если мы определим необходимое для жизни некоторой суммой, то роскошь тех, которые имеют одно необходимое, будет равна нулю; у тех, которые имеют вдвое больше, чем первые, она будет равна единице; у тех, которые имеют вдвое больше, чем вторые, она будет равна трем; у тех, которые имеют вдвое больше, чем третьи, она будет равна семи; так что, при предположении, что имущество каждого последующего лица вдвое больше имущества лица предыдущего, роскошь будет возрастать путем удвоения каждой предшествующей цифры с прибавлением единицы, по прогрессии: 0, 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127.

В республике Платона роскошь могла быть определена с полной точностью. Там было установлено четыре разряда ценза — первый на той границе, где кончается бедность, а

второй, третий, четвертый были вдвое, втрое и вчетверо больше первого. В первом разряде роскошь равнялась нулю, во втором она была равна единице, в третьем — двум, в четвертом — трем, т. е. возрастала в арифметической прогрессии.

Что же касается до сравнения роскоши у разных народов, то она в каждом государстве определяется отношением неравенства богатств различных граждан к неравенству богатств различных государств. В Польше, например, неравенство состояний доведено до крайности; но бедность страны в целом не допускает в ней такой роскоши, которая встречается в более богатых государствах.

Роскошь пропорциональна также и величине городов, особенно столиц, так что она определяется отношением богатства государства к неравенству состояний отдельных лиц и к количеству людей, собранных в известных местах.

Чем больше собрание людей, тем люди тщеславнее и тем сильнее ощущают они желание выделиться какими-нибудь мелочами. Если количество их так велико, что они в большинстве незнакомы друг с другом, то стремление выделиться у них усугубляется, так как увеличивается надежда на успех. Надежду эту подает роскошь; каждый усваивает себе признаки положения, которое выше его собственного. Но усиленная жажда отличий приводит к равенству, которое уничтожает возможность отличиться; так как все хотят быть заметными, то уже никого нельзя заметить.

Все это порождает большие неудобства. Лица, отличающиеся в какой-нибудь профессии, назначают за произведения своего искусства какую им угодно цену; самые посредственный дарования следуют их примеру; нет более соответствия между средствами и потребностями. Если я вынужден вести тяжбу, то необходимо, чтобы у меня были средства нанять адвоката; если я болен, надо, чтобы я имел возможность пригласить доктора.

Некоторые полагали, что при таком скоплении народа в столице слабеет торговля вследствие того, что люди уже не находятся на известном расстоянии друг от друга. Я этого не думаю: у людей больше становится желаний, больше потребностей, больше прихотей, когда они собираются вместе.

ГЛАВА II

О законах против роскоши при демократическом правлении

Я только что сказал, что в республике, где имущества распределены поровну, совсем не может быть роскоши; так как это равное распределение было, как показано в пятой книге, причиной превосходного состояния одной республики, то отсюда следует, что республика тем совершеннее, чем меньше в ней роскоши. Ее не было у древних римлян, не было и у спартанцев; и в республике, где равенство не совсем утрачено, дух торговли, трудолюбия и добродетели дает каждому и возможность, и желание обходиться собственными средствами, вследствие чего там не бывает большой роскоши.

Законы о переделе земель, которых так настойчиво домогались в некоторых республиках, были по своей природе очень благодетельны. Они могут быть опасны лишь как мероприятие внезапное. Внезапно уменьшая богатства одних и увеличивая состояния других, они производят переворот в каждой семье и должны привести к общему перевороту во всем государстве.

По мере того как в республике водворяется роскошь, умами овладевают частные интересы. Людям, которые довольствуются одним необходимым, не остается желать ничего, кроме славы для себя и отечества. Но душа человека, развращенного роскошью, имеет много иных желаний. Она вскоре станет врагом законов, которые стесняют ее. Роскошь, с которой познакомился гарнизон Реджии, побудила его к избиению жителей.

Когда римляне развратились, желания их стали безмерны. Об этом можно судить по росту цен. Кружка фалернского вина стоила 100 римских динариев; бочонок понтийской солонины — 400 динариев; хороший повар — 4 таланта; молодые мальчики и цены не

имели. И когда всех увлекло неудержимое стремление к роскоши, что стало с добродетелью?

ГЛАВА III

О законах против роскоши при аристократическом правлении

Дурно устроенная аристократия несчастна тем, что та знать обладает богатствами, а пользоваться ими не может. Роскошь, так как она противна духу умеренности, должна быть изгнана из этого государства. Население такого государства состоит из людей очень бедных, которые не имеют возможности получать, и очень богатых, которые не имеют возможности тратить.

В Венеции законы принуждали знатных людей к умеренности, и те так привыкли к бережливости, что одни только куртизанки умели выманывать у них деньги. Этим пользовались для поддержания промышленности. Презренные женщины безопасно предавались роскоши, между тем как их данники вели самую скромную и незаметную жизнь.

Благоустроенные греческие республики имели на этот счет превосходные установления. Богачи тратили свои деньги на устройство празднеств и музыкальных хоров, на колесницы и лошадей для состязаний в беге, на исполнение должностей, сопряженных с большими расходами. Богатство было столь же тягостно, как и бедность.

ГЛАВА IV

О законах против роскоши в монархиях

Сейоны[59], народ германского племени, почитают богатства, говорит Тацит, вследствие чего они живут под управлением одного. Это значит, что роскошь особенно свойственна монархии и что в монархии не должно быть законов против роскоши.

Так как неравное распределение богатств вытекает из самого устройства монархии, то роскошь там неизбежна. Если богатые будут мало тратить, то бедным придется умирать с голоду. Необходимо даже, чтобы траты богатых были пропорциональны неравенству состояний и чтобы, как мы уже сказали, роскошь возрастала в той же самой пропорции. Отдельные богатства увеличились только потому, что часть граждан была лишена необходимого для жизни; надо, следовательно, чтобы эти граждане вновь получили утраченное.

Итак, для поддержания монархического государства роскошь должна возрастать от земледельца к ремесленнику — к торговцу — к знати — к чиновникам — к вельможам — к главным откупщикам государственных доходов — к государю; иначе все погибнет.

В правление Августа римскому сенату, состоявшему из важных сановников, юристов и людей, преданных идеям прошлого, было предложено заняться исправлением нравов и ограничением роскоши среди женщин. Интересно читать у Диона о том, как искусно отклонил император неуместные требования сенаторов: ведь он основывал монархию и уничтожал республику.

В царствование Тиберия эдилы внесли в сенат предложение о восстановлении древних законов против роскоши. Государь, не лишенный проницательности, воспротивился этому. «При настоящем положении вещей, — сказал он, — это погубило бы государство. Как стал бы существовать Рим? Как стали бы существовать провинции? Мы были умеренны, пока мы были гражданами одного только города, теперь же мы потребляем богатства всего мира и заставляем работать на себя господ и рабов». Он ясно видел, что в законах против роскоши уже не было надобности.

Когда при том же императоре сенатору предложили запретить губернаторам брать с собою в провинции своих жен вследствие производимых ими там соблазнов, это

предложение также было отвергнуто. Возразили, что «суровость древних теперь уже уступила место более приятному образу жизни». Люди чувствовали, что теперь нужны иные нравы.

Итак, роскошь необходима для монархических государств; необходима она также и для государств деспотических. В первых государствах она является особым видом употребления предоставленной людям свободы; во-вторых — особым видом злоупотребления теми выгодами, которые люди могут извлекать из своего рабства; раб, поставленный своим господином в качестве тирана над его другими рабами и неуверенный в своем завтрашнем дне, не знает другого наслаждения, кроме удовлетворения своего тщеславия, сладострастия и своих минутных прихотей.

Все это приводит к заключению, что республики погибают от роскоши, а монархии — от бедности.

ГЛАВА V

В каком случае законы против роскоши полезны в монархии

Законы против роскоши, появившиеся в половине XIII столетия в Арагонии, были созданы в духе республики, если только при этом не преследовалось каких-то особых целей. Иаков I приказал, чтобы король и все его подданные не имели за своими обедами более двух сортов мяса, приготовленных каждое по одному только способу, за исключением убитой ими самими дичи.

В наши дни в Швеции тоже издаются законы против роскоши, но с иною целью, чем в Арагонии.

Государство может создавать законы против роскоши в целях безусловной умеренности; таков дух этих законов в республике, и, судя по характеру законов Арагонии, они преследовали такую именно цель.

Но законы против роскоши могут также иметь целью лишь относительную умеренность в том, например, случае, когда государство запрещает ввозить иностранные товары, видя, что ввоз этих товаров вследствие их высоких цен потребует такого вывоза его собственных товаров, что ему придется испытывать больше лишений вследствие вывоза, чем удовлетворения вследствие ввоза. Таков дух законов, созданных в наши дни в Швеции, и это единственные законы против роскоши, которые уместны в монархиях.

Вообще, чем государство беднее, тем более оно разоряется от относительной роскоши и тем более, следовательно, оно нуждается в законах против относительной роскоши. Чем государство богаче, тем более оно обогащается относительной роскошью и тем более оно должно воздерживаться от законов против этого вида роскоши. Все это мы подробнее объясним в книге о торговле. Здесь же речь идет лишь о роскоши безусловной.

ГЛАВА VI

О роскоши в Китае

В некоторых государствах существуют особые причины, требующие издания законов против роскоши. Народонаселение вследствие благоприятного климата может настолько возрасти, а средства к его существованию могут стать настолько ненадежными, что явится необходимость заставить его заниматься исключительно земледелием. В таких государствах роскошь опасна, и законы против нее должны быть очень строги. Таким образом, желая узнать, следует ли поощрять роскошь или противодействовать ей, надо прежде всего взвесить соотношение между численностью населения и его средствами к жизни. В Англии земля производит гораздо больше хлеба, чем нужно для прокормления как тех, кто

обрабатывает землю, так и тех, кто изготавливает одежду; поэтому там могут существовать разные бесполезные ремесла, а следовательно, и роскошь. Во Франции родится довольно хлеба для пропитания земледельцев и людей, занятых мануфактурой. Кроме того, торговля с иностранцами может дать в обмен на предметы роскоши столько необходимых вещей, что там совсем не следует опасаться роскоши.

В Китае, напротив, женщины так плодовиты и народонаселение увеличивается с такой быстротой, что земля, как бы ее ни обрабатывали, едва может его прокормить. Поэтому роскошь там пагубна, а дух трудолюбия и экономии столь же желателен, как в любой республике. Люди должны там заниматься производством предметов необходимости, избегая производства предметов роскоши.

Вот образчик прекрасных указов китайских императоров. «Наши предки, — говорит один из императоров династии Хань, — держались того правила, что если есть мужчина, который не пашет, и женщина, которая не прядет, то кто-нибудь в империи вследствие этого страдает от холода или голода...». И в силу этого правила он повелел разрушить множество монастырей бонз.

Третий император двадцать первой династии, которому показали несколько драгоценных камней, найденных в шахте, велел эту шахту закрыть, не желая обременять свой народ работой на дело, которое не могло ему доставить ни пищи, ни одежды.

«Наша роскошь дошла до того, — говорит Киявенти, — что народ украшает шитьем башмаки тех самых мальчиков и девочек, которых ему приходится продавать вследствие нищеты». Когда столько людей занято изготовлением одежды для одного, то как не быть людям, которые нуждаются в одежде? Когда на одного возделывающего землю приходится десять поедающих ее плоды, то как не быть людям, которые нуждаются в пище?

ГЛАВА VII

Роковые последствия роскоши в Китае

Из истории Китая видно, что там было двадцать две сменявших друг друга династии; это значит, что Китай испытал двадцать две революции общего характера, не считая множества частных. Три первые династии были у власти довольно долго, потому что они управляли благоразумно и государство не было так обширно, как впоследствии. Вообще же можно сказать, что все династии начинали довольно хорошо. Добродетель, осмотрительность, бдительность необходимы в Китае;

ими знаменовалось начало правления каждой династии, но под конец они исчезали. Весьма естественно, в самом деле, что императоры, которые были воспитаны в суровой военной обстановке и только что низвергли с престола род, погрязший в наслаждениях, сохраняли добродетель, которая принесла им столько пользы, и боялись наслаждений, губительные последствия которых они видели. Но после трех-четырех таких государей преемники их снова начинают предаваться разврату, роскоши, праздности, наслаждениям. Они замыкаются в дворце, ум их слабеет, они рано умирают, семья клонится к упадку;

сановники усиливаются, возрастает влияние евнухов, на престол начинают возводить только детей; дворец становится врагом империи, праздные люди, населяющие его, разоряют тех, кто трудится; наконец, появляется узурпатор, который свергает или убивает императора и основывает новую династию;

третий или четвертый правитель этой династии уходит в тот же дворец на новое затворничество.

ГЛАВА VIII

О публичной пристойности

Утрата женщинами добродетели связана с таким множеством пороков, вся душа их так глубоко извращается, исчезновение этой главной опоры нравственности влечет за собою утрату стольких других добродетелей, что публичную непристойность можно рассматривать как величайшее из несчастий народного государства и верный признак скорого изменения в его устройстве.

Поэтому хорошие законодатели требовали от женщин известной строгости нравов. Они изгоняли из своих республик не только порок, но даже видимость порока. Они изгнали даже эти порождаемые праздностью галантные отношения, которые делают женщин способными развращать других, прежде чем они сами успеют развратиться, которое придают цену всевозможным мелочам и обесценивают то, что действительно важно. Под влиянием таких отношений люди начинают руководствоваться в своем поведении лишь правилами боязни показаться смешными — этими правилами, которые так мастерски умеют устанавливать женщины.

ГЛАВА IX

О положении женщин в различных государствах

В монархиях женщины не отличаются скромностью, так как, будучи по условиям своего общественного положения призваны ко двору, они заражаются там духом вольного обращения, можно сказать, единственным, который там поощряется. Каждый стремится использовать их благосклонность и страсти в целях карьеры. И так как по свойственной им слабости гордость заменяется у них тщеславием, то роскошь всегда царствует вместе с ними.

В деспотических государствах женщины не вносят роскоши, но они сами становятся там предметом роскоши. Рабство их должно достигать крайних пределов. Каждый приноравливается к духу правления и перенимает то, что видел у других. Так как законы там очень строги и применяются без промедлений, то люди боятся, чтобы свобода женщин не наделала им хлопот. Их ссоры, их болтливость, их злобность, их склонности, их ревность, их подстрекательство — это искусство мелких душ подчинять себе великие души — не могли бы там остаться без последствий.

Кроме того, властители этих государств, издевающиеся над человеческой природой, имеют по нескольку жен, которых по тысяче причин они вынуждены держать взаперти.

В республиках женщины свободны по закону, но порабощены правилами нравственности; роскошь изгнана из этих государств, а вместе с нею — разврат и пороки.

В греческих городах, где люди не исповедовали той религии, которая почитает добродетелью чистоту нравов даже у мужчин; в греческих городах, где темный порок господствовал во всей своей необузданности, где любовь приняла формы, о которых мы не решаемся даже упоминать, между тем как чистая дружба находила себе приют только в браке, — добродетель, простота, целомудрие женщин достигли такой высоты, что не видано было в мире народа, столь благоустроенного в этом отношении.

ГЛАВА X

О домашнем суде у римлян

У римлян не было, как у греков, особых должностных лиц для надзора за поведением женщин. Цензоры наблюдали за ними так же, как и за всеми прочими жителями республики. Установленную у греков должность заменял домашний суд. Муж созывал родственников жены и судил ее в их присутствии. Этот суд поддерживал чистоту нравов в республике, но и сам он поддерживался этими нравами. Он должен был судить не только за нарушение

законов, но и за безнравственность. Но чтобы судить за безнравственность, надо иметь безупречные нравы.

Наказания, налагаемые этим судом, могли быть только произвольными, какими они на самом деле и были, так как все, что касается нравов, все, что относится к правилам скромности, не может быть определено в своде законов. Законами можно определять наши обязанности к другим; но трудно обнять ими все наши обязанности к себе самим.

Ведению домашнего суда подлежало все поведение женщин. Но в числе преступлений, выносившихся на его рассмотрение, было одно, которое подлежало еще и публичному обвинению; таким преступлением было прелюбодеяние — потому ли, что в республике такое нарушение законов нравственности по важности своей должно было обратить на себя особое внимание правительства, или потому, что развратное поведение жены заставляло подозревать в том же и ее мужа, или, наконец, вследствие опасения, что порядочные люди предпочтут скрывать и оставлять без последствий это преступление, чем карать и мстить за него.

ГЛАВА XI

Как в Риме изменялись учреждения вместе с образом правления

Как домашний суд, так и публичное обвинение исходили из нравов, вследствие чего оба эти учреждения пали с падением нравов и исчезли вместе с республикой.

Установление *questiones perpetuae*, т. е. разграничение юрисдикции преторов, и все более утверждавшийся обычай, по которому все дела подлежали суду этих преторов, ослабили деятельность домашнего суда до такой степени, что когда Тиберий обратился к нему для решения нескольких дел, историки уже увидели в этом нечто совсем необычное, как бы восстановление древнего обычая.

С установлением монархии и переменой в нравах прекратилось и публичное обвинение. Можно было опасаться, что в ряде случаев бесчестный человек, оскорбленный презрением к нему со стороны женщины, раздосадованный ее упорством, озлобленный самой ее добродетелью, мог воспользоваться этим обычаем, чтобы ее погубить. Закон Юлия предписал, чтобы каждому обвинению женщины в прелюбодеянии предшествовало обвинение ее мужа в потворстве ее распутству, что значительно сократило число этих обвинений и, так сказать, подорвало их.

Сикст V хотел, повидимому, восстановить публичное обвинение. Но не требуется долгих размышлений, чтобы понять, что в такой монархии, как его собственная, этот закон был еще более неуместен, чем во всякой другой монархии.

ГЛАВА XII

Об опеке над женщинами у римлян

По римским законам женщина находилась под постоянной опекой, если она не состояла под властью мужа. Эта опека поручалась ближайшему родственнику мужского пола и, судя по народной поговорке, очень стесняла их. Это было хорошо для республики, но не было необходимо в монархиях.

Различные сборники варварских законов содержат указания на то, что у первобытных германцев женщины тоже состояли в постоянной опеке. Этот обычай перешел в основанные ими монархии, но не удержался там.

ГЛАВА XIII

О законах, установленных императорами против распутства женщин

Закон Юлия назначил наказание за прелюбодеяние. Но как этот закон, так и созданные вслед за ним законы против прелюбодеяния не только не свидетельствовали о чистоте нравов, но, напротив, служили признаком их испорченности.

Все прежние установления относительно женщин изменились во время монархии. Речь шла уже не о том, чтобы воспитать в них чистоту нравов, а о том, чтобы наказывать их за преступления. Новые законы о наказаниях за эти преступления издавались только потому, что уже перестали наказывать нарушения, не входившие в разряд этих преступлений.

Ужасающая распущенность нравов обязывала императоров создавать законы для того, чтобы положить некоторый предел бесстыдству. Но общее исправление нравов не входило в их намерения. Положительные факты, сообщаемые историками, служат тому доказательством, которого не опровергнут никакие законы. Можно видеть у Диона, каково было в этом отношении поведение Августа и как он в должности претора и цензора отклонял обращенные к нему требования по этому предмету.

У историков, правда, упоминается немало суровых приговоров, вынесенных при Августе и Тиберии против бесстыдного поведения римских дам; но, знакомя нас с духом царствования этих императоров, они ознакомили нас и с духом этих приговоров.

Август и Тиберии заботились главным образом о наказании распутства своих родственниц. Они карали не разнузданность нравов, но определенные преступления нарушения благочестия или оскорбления величества, которые они выдумали сами, как средства восстановить почтение к власти и удобные предлоги для своей мести. Вот почему римские писатели так сильно восстают против этой тирании.

Кары, установленные законом Юлия, не были суровы. Императоры требовали, чтобы суд усиливал наказания, установленные созданным ими законом. За это они навлекли на себя обвинение историков. Они заботились не о том, справедливо ли были наказаны женщины, а о том, был ли нарушен закон для того, чтобы наказать их.

Одним из излюбленных тиранических приемов Тиберия было злоупотребление древними законами. Желая наказать одну римлянку строже, чем следовало по закону Юлия, он восстановил для этого случая домашний суд.

Все эти меры относительно женщин касались не народа, а только семейств сенаторов. Они были внушены желанием найти поводы для обвинения сильных, а дурное поведение женщин могло доставить бесчисленное множество таких поводов.

Наконец, сказанное мною о том, что чистота нравов не есть Принцип единоличного правления, находит лучшее подтверждение в царствование этих первых императоров; достаточно почитать Тацита, Светония, Ювенала и Марциала, чтобы в этом убедиться.

ГЛАВА XIV

О законах против роскоши у римлян

Мы говорили о публичной непристойности потому, что она связана с роскошью, всегда предшествует ей и за нею следует. Дав полную свободу порывам сердца, будете ли вы в силах противиться заблуждениям рассудка?

В Риме независимо от учреждений общего характера по настоянию цензоров было издано несколько частных законов с целью удержать женщин в границах умеренности. Эту цель преследовали законы Фанния, Лициния и Оппия. Надо видеть у Тита Ливия, в какое возбуждение пришел сенат, когда от него потребовали отмены закона Оппия. Валерий-Максим считает начало роскоши у римлян со времени уничтожения этого закона.

ГЛАВА XV

О приданом и об имущественных отношениях, связанных с браком в разных правлениях

В монархиях приданое женщин должно быть значительным, чтобы мужья их могли поддерживать образ жизни, соответствующий их положению и общепринятым требованиям роскоши. Оно не должно быть велико в республиках, где роскошь не должна царствовать. Оно должно почти совсем отсутствовать в деспотических государствах, где женщины находятся в более или менее рабском состоянии.

Установленная французскими законами общность имущества между мужем и женой весьма уместна в монархическом государстве, так как она пробуждает в женщинах интерес к хозяйству и как бы невольно привлекает их к домашним заботам. Она менее уместна в республике, где женщины более добродетельны. Она была бы нелепостью в деспотических государствах, где женщины сами почти всегда являются частью имущества своего господина.

Так как женщины по самому положению своему достаточно склонны к замужеству, то нет никакой надобности поощрять их к этому законами, предоставляющими им долю в имуществе мужа. В республике такие законы были бы даже очень вредны ввиду того, что обладание отдельным имуществом порождает среди женщин роскошь. В деспотических государствах все выгоды брака для женщин должны заключаться лишь в предоставлении им средств к существованию и ни в чем более.

ГЛАВА XVI Прекрасный обычай самнитян [60]

У самнитян существовал обычай, который в небольшой республике и особенно при том положении, в каком она находилась, должен был иметь превосходные последствия. Там собирали всех молодых людей и оценивали их достоинства. Тот, кого объявляли самым лучшим, брал себе в жены любую девицу, какую хотел; следующий за ним по достоинству делал такой же выбор и т. д. Великолепен был этот обычай ценить в молодых людях выше всего их личные достоинства и заслуги, оказанные ими отечеству. Кто был богаче всех достоинствами такого рода, тот мог выбрать любую девушку во всем государстве. Любовь, красота, целомудрие, добродетель, происхождение, даже богатство — все это, так сказать, шло в приданое к добродетели. Трудно было бы изобрести награду более благородную, более великую, менее обременительную для небольшого государства и более способную влиять на лиц того и другого пола.

Самнитяне происходили от спартанцев, и Платон, учреждения которого представляют собой не более как усовершенствование законов Ликурга, тоже создал почти такой же закон.

ГЛАВА XVII О правлении женщин

Противно и разуму, и природе ставить женщин во главе дома, как это было у египтян, но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством. В первом случае свойственная им слабость не позволяет им преобладать; во втором же случае эта самая слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные качества.

В Индии люди прекрасно чувствуют себя под управлением женщин; там установлено, что если дети мужского пола не происходят от матери той же крови, то на престол вступают

женщины, рожденные от матери царской крови. Чтобы облегчить им бремя правления, им дают известное количество помощников. По М. Смиуту, африканцы тоже очень довольны женским правлением. Прибавив к этому примеры Московского государства и Англии, мы увидим, что женщины с одинаковым успехом управляют в государствах умеренного образа правления и в деспотических государствах.

КНИГА ВОСЬМАЯ

О разложении принципов трех видов правления

ГЛАВА I

Общая идея этой книги

Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложения принципов.

ГЛАВА II

О разложении принципа демократии

Принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители. В таком случае народ отказывается признать им же самим назначенные власти и хочет все делать сам: совещаться вместо сената, управлять вместо чиновников и судить вместо судей.

Тогда в республике уже нет места для добродетели. Народ хочет исполнять обязанности правителей — значит правителей уже не уважают. Постановления сената не имеют более веса — значит нет более почтения к сенаторам, а следовательно, и к старцам. Но если нет почтения к старцам, то его не будет и к отцам; мужьям не повинуются, господам не подчиняются; все проникаются духом своеволия; труд управления становится таким же тягостным, как и обязанность повиноваться. Дети, женщины, рабы забывают о покорности. Нет более нравственности, любви к порядку, нет более добродетели.

В *Пире* Ксенофонта есть очень наивное изображение республики, где народ злоупотребляет равенством. Участники пира высказывают поочередно причины, почему каждый из них доволен собою. «Я доволен собою, — говорит Хармид, — потому что я беден. Когда я был богат, я вынужден был заискивать у клеветников, зная, что они могут причинить мне гораздо больше зла, чем я им; республика постоянно требовала от меня денег; я никуда не мог отлучиться. С тех пор как я обеднел, я стал господином; никто мне не угрожает, я сам угрожаю другим; хочу — сижу дома, хочу — уйду. Богачи, завидя меня, поднимаются и уступают мне место. Я царь, а был рабом; я платил дань республике, а теперь она меня кормит; я уже не боюсь разориться, а надеюсь приобрести».

Это несчастье постигает народ, когда те, которым он доверился, стараются его развратить, желая этим скрыть свою собственную испорченность. Чтобы он не заметил их властолюбия, они говорят ему о его величии; чтобы он не заметил их алчности, они постоянно потакают его собственной алчности.

Разврат будет усиливаться среди развратителей и тех, которые уже развращены. Народ разграбит казну, и, подобно тому, как он сумел совместить свою лень с заведыванием общественными делами, ему захочется совместить свою бедность с наслаждениями роскоши. Но при его лени и жажде роскоши единственной целью его стремлений может быть только общественная казна.

Не удивительно поэтому, что голоса начинают продаваться за деньги. Народу много

дают только для того, чтобы получить от него еще больше. Но чтобы получить это большее, необходимо произвести государственный переворот. Чем значительнее будут казаться выгоды, извлекаемые народом из своей свободы, тем ближе он будет к моменту, когда придется ее утратить. Появляются мелкие тираны со всеми пороками крупных. Вскоре все, что осталось от свободы, становится невыносимым бременем; тогда возвышается один тиран, и народ теряет все, вплоть до выгод от своей испорченности.

Итак, демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее к аристократии или правлению одного, и доведенного до крайности духа равенства, который ведет к деспотизму одного так же неминуемо, как деспотизм одного заканчивается завоеванием.

Правда, люди, разващавшие греческие республики, не всегда становились тиранами. Это объясняется тем, что они были более опытные в красноречии, чем в военном искусстве; кроме того, в сердце каждого грека жила непримиримая ненависть ко всем, кто ниспровергал республиканское правление. Вследствие всего этого анархия довела их до гибели, вместо того чтобы преобразоваться в тиранию.

Но Сиракузы, которые находились в центре множества мелких олигархий, превратившихся в тирании. Сиракузы, где был сенат, о котором почти не упоминают историки, подверглись бедствиям, превышающим последствия обыкновенной испорченности. Этот город, вечно переходивший от безначалия к рабству, одинаково страдавший и от свободы и от порабощения, которые всегда налетали на него неожиданно, как буря; город, в котором, несмотря на его внешнее могущество, при малейшей поддержке извне вспыхивали революции, — этот город вмещал в своих стенах громадное население, перед которым всегда стояла жестокая альтернатива: или подчиниться тирану, или самому стать тираном.

ГЛАВА III

О духе крайнего равенства

Как небо от земли, дух истинного равенства далек от духа крайнего равенства. Первый состоит не в том, чтобы повелевали все или не повелевал бы никто, а в том, чтобы люди повиновались равным себе и управляли равными себе. Он стремится не к тому, чтобы над нами не было высших, но чтобы наши высшие были нам равны.

В природном состоянии люди рождаются равными, но они не могут сохранить этого равенства; общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам.

Различие между демократией правильной и неправильной заключается в том, что в первой люди равны только как граждане, между тем как во второй они равны еще и как правители, как сенаторы, как судьи, как отцы, как мужья и как господа.

Естественное место добродетели — рядом со свободой; но рядом с крайней свободой добродетель бывает только тогда, когда приближается к рабству.

ГЛАВА IV

Об одной особой причине испорченности народа

Великие успехи, особенно достигнутые при большом участии народа, наполняют его такой гордостью, что руководить им становится невозможно. Завидуя должностным лицам и враждуя с правителями, он вскоре становится врагом всего государственного строя. Так победа над персами при Саламине развратила Афинскую республику; так победа сиракузян над афинянами погубила Сиракузскую республику.

Марсельская республика никогда не испытывала этих резких переходов от унижения к величию, поэтому она всегда управлялась благоразумно и сохранила свои принципы.

ГЛАВА V

О разложении принципа аристократии

Аристократия терпит ущерб, когда власть знати становится произвольной; при этом уже не может быть добродетели ни у тех, которые управляют, ни у тех, которыми управляют.

Когда правящие фамилии соблюдают законы, аристократия подобна монархии с несколькими государями; это очень хорошая по своей природе форма правления. Почти все эти государи ограничены в своей деятельности законами, но в случае несоблюдения законов это — деспотическое государство со многими деспотами.

В таком случае республика существует лишь для знати и среди знати. Республика — это правящие круги, между тем как класс управляемых живет в деспотическом государстве, что приводит к образованию двух самых разъединенных классов в мире.

Испорченность достигает высшей степени, когда власть знати становится наследственной. Такие властители утрачивают всякую умеренность. Чем меньше их число, тем больше их власть и тем меньше их безопасность; чем больше их число, тем меньше у них власти и тем больше у них безопасности. Так власть возрастает, а безопасность уменьшается вплоть до самого деспота, в лице которого крайняя степень власти соединяется с крайней степенью опасности.

Поэтому когда аристократия имеет наследственный характер, то при большом количестве знатных правление будет менее насильственным; но так как в нем будет мало добродетели, то государством овладеет дух легкомыслия, небрежности и лени, и оно лишится и сил, и стимулов для деятельности.

Аристократия может сохранить силу своего принципа, если законы установят такой порядок, что она будет более ощущать опасности и тяготы управления, чем доставляемые им наслаждения; если государство находится в таком положении, что ему все время приходится быть настороже против какой-нибудь угрожающей ему опасности; если эта опасность угрожает ему извне, а внутреннее положение является устойчивым.

Чувство известной безопасности необходимо для славы и безопасности монархии; республика же, наоборот, должна всегда чего-нибудь опасаться, страх перед персами поддерживал соблюдение законов у греков. Карфаген и Рим взаимной угрозой укрепляли друг друга. Удивительная вещь! Чем более увеличивается безопасность этих государств, тем более они, как застоявшиеся воды, подвергаются порче.

ГЛАВА VI

О разложении принципа монархии

Как демократии погибают, когда народ лишает правителей и судей отправления служебных обязанностей, так монархии разлагаются, когда мало-помалу отменяются прерогативы сословий и привилегии городов. В первом случае идут к деспотизму всех; во втором — к деспотизму одного.

«Династии Тзин и Суй, — говорит китайский писатель, — погибли по той причине, что государи, вместо того чтобы ограничиться единственным достойным самодержца делом — общим надзором за управлением, захотели всем управлять непосредственно сами»⁶¹. Китайский писатель приводит нам здесь причину порчи почти всех монархий.

Монархия гибнет, когда государь полагает, что он покажет большее могущество,

изменяя порядок вещей, чем соблюдая его неизменным, когда он отнимает у одних принадлежащие им по праву должности, чтобы произвольно передать их другим, и когда он более влюблен в свои фантазии, чем в решения своей собственной воли.

Монархия погибает, когда государь, все относя единственно к самому себе, сводит государство к своей столице, столицу — к своему двору, а двор — к своей особе[62].

Наконец, она гибнет, когда государь не имеет правильного представления о силе своей власти, о своем положении, о любви своего народа и когда он не проникся сознанием, что монарху столь же свойственно верить в свою безопасность, как деспоту считать себя в постоянной опасности.

ГЛАВА VII

Продолжение той же темы

Принцип монархии разлагается, когда высшие должности в государстве становятся последними ступенями рабства, когда сановников лишают уважения народа и обращают их в жалкое орудие произвола.

Он разлагается еще более, когда утрачивается связь между честью и почестями, так что человек может быть в одно и то же время покрытым бесчестьем и украшенным почестями.

Он разлагается, когда государь заменяет справедливость суровостью; когда он, подобно римским императорам, носит на груди голову Медузы; когда он усваивает себе тот грозный и устрашающий вид, который Коммод велел придавать своим статуям.

Принцип монархии разлагается, когда подлые души чванятся величием своего рабства и думают, что, будучи всем обязаны государю, они свободны от всяких обязанностей пред отечеством.

Во все времена по мере того, как власть государя становилась чрезмерной, безопасность его особы уменьшалась; но если это правда, то люди, развращающие его власть до изменения ее природы, не совершают ли против него преступления оскорбления величества?

ГЛАВА VIII

Опасное следствие разложения принципа монархического правления

Опасность возникает не тогда, когда государство от одного умеренного правления переходит к другому, также умеренному, правлению, как, например, от республики к монархии или от монархии к республике, а тогда, когда оно падает и устремляется от умеренного образа правления к деспотизму.

Большая часть народов Европы еще управляется обычаями. Но если вследствие долгого злоупотребления властью или крупной победы деспотизм утвердится там в каком-нибудь пункте, то никакие нравы и климаты не устоят перед ним и природа человека, по крайней мере на некоторое время, будет претерпевать такие же оскорбления в этой прекрасной части света, как и в трех прочих.

ГЛАВА IX

О стремлении дворянства к защите трона

Английская знать похоронила себя вместе с Карлом I под обломками трона. И до того, как во время Филиппа II во Франции прозвучало слово «свобода», корона всегда находила себе поддержку со стороны знати, которая считает делом чести повиноваться королю, но

сочла бы высшим бесславием для себя разделить свою власть с народом.

Известно, что дом австрийских государей непрестанно притеснял венгерское дворянство. Он не предвидел, какие драгоценные услуги окажет ему это дворянство. Он искал у этого народа денег, которых у него не было, и не обратил внимания на людей, которые там были. Иностранные государи делили между собою его государство, и все составные части его империи, так сказать, распадались, как инертные и безжизненные массы. Жизнь была только в дворянстве; движимое негодованием, оно забыло свои обиды и бросилось в бой, послушное голосу славы, призывавшей его прощать и умирать.

ГЛАВА X

О разложении принципа деспотического государства

Принцип деспотического государства непрерывно разлагается, потому что он порочен по самой своей природе. Другие государства гибнут вследствие особенных обстоятельств, нарушающих их принципы; это же погибает вследствие своего внутреннего порока, если только какие-нибудь случайные причины не помешают его принципу разлагаться. Поэтому оно может держаться лишь в том случае, если по особым условиям климата, религии, положения или народного духа оно оказывается вынужденным придерживаться какого-то порядка и подчиняться каким-то правилам. Все это противоречит его природе, но не изменяет ее; его свирепость остается прежней; она только на некоторое время укрощается.

ГЛАВА XI

Какие последствия вытекают в тех случаях, когда принципы крепки или же испорчены

Если принципы правления разложились, самые лучшие законы становятся дурными и обращаются против государства; когда же принципы здравы, то и дурные законы производят такие же последствия, как и хорошие; сила принципа все себе покоряет.

Чтобы заставить своих правителей подчиняться законам, критяне придумали весьма своеобразное средство, а именно — *восстание*. Часть граждан восставала, возмущалась, обращала в бегство правителей и заставляла их вернуться к частной жизни. Это считалось законным образом действия. Кажется, что учреждение, обращавшее мятеж в средство противодействия злоупотреблениям власти, должно было бы погубить любую республику; но оно не разрушило республики Крита и вот почему.

Когда древние желали назвать народ, отличающийся самой сильной любовью к отечеству, они обыкновенно указывали на критян. *Отечество* — слово, столь дорогое критянам, говорит Платон. Они называли его словом, которое выражало любовь матери к своим детям. А любовь к отечеству исправляет все.

Законы Польши тоже допускали восстание. По истекавшие от этого неудобства удостоверяют, что один только народ Крита был в состоянии с успехом пользоваться таким средством.

Установленные у греков гимнастические упражнения также находились в зависимости от состояния принципа правления. «Лакедемоняне и критяне, — говорит Платон, — первые открыли эти знаменитые академии, которые дали им такое почетное положение в свете. Стыдливость вооружилась было против них, но должна была склониться пред общественной пользой». Во время Платона это были превосходные учреждения, связанные с важным делом военного искусства. Но когда греки утратили добродетель, они обратились на пагубу самому этому искусству; гимнастическую арену стали посещать не для развития тела, а для того чтобы предаваться разврату.

Плутарх говорит, что современные ему римляне считали, что эти гимнастические игры были главной причиной рабства греков; на самом же деле было обратное: рабство греков явилось причиной извращения этих гимнастических игр. Во времена Плутарха гимнастические бои в нагом виде и упражнения в борьбе развращали молодых людей, внушали им гнусную страсть и делали из них гаеров, между тем как во времена Эпаминонда благодаря тем же самым упражнениям в борьбе фиванцы смогли одержать победу под Левктрами.

В государстве, не утратившем своих принципов, почти все законы хороши; «не жидкость в сосуде испортилась, а самый сосуд испорчен», — сказал Эпикур по поводу богатств.

ГЛАВА XII

Продолжение той же темы

В Риме брали судей из сословия сенаторов. Гракхи перенесли эту привилегию на всадников. Друз дал ее и сенаторам и всадникам. Сулла — одним сенаторам, Котта — сенаторам, всадникам и трибунам общественной казны (Tribuni aerarii). Цезарь исключил последних. Антоний образовал декурии из сенаторов, всадников и центурионов.

Когда республика испорчена, ни один из зарождающихся в ней недугов не может быть исцелен иначе, как посредством устранения этой испорченности и восстановления принципов; всякое другое лечение или будет бесполезно, или явится новым злом. Пока Рим сохранял свои принципы, можно было, не опасаясь злоупотреблений, поручить судебные приговоры сенаторам; когда же он начал разлагаться, то кому бы их ни поручали: сенаторам, всадникам, трибунам, двум ли из этих корпораций или всем трем вместе, или какой бы то ни было иной корпорации — все выходило плохо. У всадников было не больше добродетели, чем у сенаторов, у трибунов — не больше, чем у всадников, и у всех их — не больше, чем у центурионов.

Когда римский народ добился доступа к патрицианским должностям, естественно было ожидать, что его льстецы овладеют правительством. Но этого не случилось: римляне, открывшие доступ плебейам к правительственным должностям, всегда избирали на эти должности патрициев. Поскольку этот народ был доблестен, он был великодушен; поскольку он был свободен, он не гонялся за властью. Когда же он утратил свои принципы, то, чем более увеличивалась его власть, тем небрежнее он становился; так что, наконец, он стал и своим собственным тираном и своим собственным рабом. Он утратил силу свободы и впал в бессилие и распущенность.

ГЛАВА XIII

О силе присяги у добродетельного народа

Из всех народов, говорит Тит Ливий, римляне дольше всех противились разложению и держали в почете бедность и умеренность.

Присяга имела у этого народа такую силу, что не было лучшего средства заставить его соблюдать законы. Ради соблюдения присяги он неоднократно делал то, чего никогда не сделал бы ни ради славы, ни ради отечества. Консул Квинт Цинциннат, желая набрать в городе войско против эквов и вольсков, встретил сопротивление со стороны трибунов. «Хорошо, — сказал он, — пусть же все, кто присягнул прошлогоднему консулу, последуют за моими знаменами». Напрасно трибуны говорили, что эта присяга уже никого не связывает, что она была принесена, когда Квинт был еще частным лицом; народ оказался религиознее своих руководителей, он не внял тонкостям и толкованиям трибунов.

Когда тот же народ захотел удалиться на Священную гору, он был удержан от этого клятвой, которую дал консулам, — следовать за ними на войну. Тогда он замыслил убить этих консулов, но ему разъяснили, что и после этого его клятвенное обещание останется во всей своей силе. Можно судить по задуманному им преступлению о том, каковы были его понятия о нарушении клятвы.

После битвы при Каннах испуганный народ хотел удалиться в Сицилию[63], но Сципион взял с него клятву не покидать Рима, и страх нарушить эту клятву превозмог все прочие страхи. Рим был подобен кораблю, утвердившемуся во время бури на двух якорях: религии и нравственности.

ГЛАВА XIV

Как самые незначительные изменения в государственном строе могут повлечь за собою гибель принципов

Аристотель говорит о Карфагене как о республике весьма благоустроенной. Полибий сообщает, что во время второй пунической войны недостатком Карфагенской республики было то, что ее сенат утратил почти всю свою власть. Тит Ливий поведал нам, что, возвратившись в Карфаген, Ганнибал увидел, что чиновники и первые граждане республики расхищают государственные доходы и злоупотребляют своей властью. Итак, добродетель правителей исчезла вместе с властью сената; все вытекало из одного и того же принципа.

Известны чудесные действия цензуры у римлян. Было время, когда она казалась тягостной; однако ее все-таки сохранили, потому что в обществе было еще более роскоши, чем порока. Клавдий ослабил цензуру; в результате порока стало больше, чем роскоши, и цензура исчезла, так сказать, сама собою. Так на протяжении всего своего существования цензура то ослаблялась, то признавалась необходимой, то вновь вводилась и, наконец, была совсем приостановлена вплоть до времени, когда стала бесполезной, в царствования Августа и Клавдия.

ГЛАВА XV

Весьма действенные средства для сохранения трех принципов

Чтобы надлежащим образом понять меня, надо прочесть следующие четыре главы.

ГЛАВА XVI

Отличительные свойства республики

Республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится. В большой республике будут и большие богатства, а следовательно, и неумеренные желания. Круг общественных дел, поручаемых заботам гражданина, станет слишком обширным. Усилятся личные интересы. Сначала человек почувствует, что он может стать счастливым, великим и славным помимо своего отечества, а вскоре убедится, что он может достигнуть величия только один на развалинах отечества.

В большой республике общее благо подчинено тысяче разных соображений; не все могут им пользоваться; оно зависит от случайностей. В небольшой республике общее благо живее чувствуется, яснее сознается, ближе к каждому гражданину; злоупотребления встречаются там меньше простора, а следовательно, и меньше покровительства.

Лакедемон просуществовал так долго потому, что, несмотря на все свои войны, он

сохранил неизменной свою территорию. Единственной целью Лакедемона была свобода, а единственным преимуществом его свободы — слава.

Довольствоваться своей территорией и своими законами — таков был дух греческих республик. Афины поддались честолюбию и внушили его Лакедедону; но оно влекло их руководить свободными народами, а не управлять рабами, встать во главе союза, а не разрушить его. Однако все погибло, когда возникла монархия — образ правления, дух которого более склонен к расширению территории государства.

При обычных условиях в государстве, состоящем из одного города, трудно удержаться какому-нибудь иному правлению, кроме республиканского. Монарх в таком малом государстве будет обладать большой властью, но ничтожными средствами для того, чтобы воспользоваться ею и заставить ей повиноваться; поэтому он, естественно, станет угнетать свой народ. С другой стороны, и сам он легко может подвергнуться нападению извне или даже со стороны внутренних сил; народ может в любой момент собраться и восстать против него. Но когда государь, царствующий в одном только городе, будет из этого города изгнан, то делу конец; если же у него много городов, то дело только начинается.

ГЛАВА XVII

Отличительные свойства монархии

Монархическое государство должно быть средней величины. Если бы оно было мало, оно сформировалось бы как республика; а если бы оно было слишком обширно, то первые лица в государстве, сильные по самому своему положению, находясь вдали от государя, имея собственный двор в стороне от его двора, обеспеченные от быстрых карательных мер законами и обычаями, могли бы перестать ему повиноваться; их не устрасила бы угроза слишком отдаленной и замедленной кары.

Поэтому едва Карл Великий успел основать свою империю, как ему тотчас же пришлось разделить ее; потому ли, что начальники провинций не повиновались, или для того, чтобы заставить их лучше повиноваться, империю оказалось необходимо разделить на несколько государств.

После смерти Александра империя его распалась. Что могло заставить повиноваться вельмож Греции и Македонии, свободных и победоносных вождей, рассеянных по громадному пространству завоеванных земель?

По смерти Аттилы его царство распалось: государи, освободившиеся от подчинения, не могли более мириться со своими цепями.

В таких случаях распад государства может быть предотвращен быстрым установлением неограниченной власти т.е. новым злом, следующим за злом завоевания!

Реки стремятся слиться с морем; монархии стремятся раствориться в деспотизме.

ГЛАВА XVIII

О том, что Испанская монархия находилась в исключительных условиях

Пусть не опровергают меня примером Испании; этот пример скорее подтверждает мою мысль. Чтобы удержать за собой Америку, Испания сделала то, чего не делает даже деспотизм, — истребила ее обитателей. Для того чтобы сохранить свою колонию, она поставила ее в зависимость от себя даже в средствах пропитания.

Она попробовала править деспотически Нидерландами; когда она от этого отказалась, ее затруднения увеличились. С одной стороны, валлоны не захотели, чтобы ими управляли испанцы, с другой — испанские солдаты отказывались повиноваться офицерам-валлонам.

Она удержалась в Италии только потому, что разорялась для ее обогащения; люди,

желавшие отделаться от испанского короля, не были расположены отказываться от его денег.

ГЛАВА XIX

Отличительные свойства деспотического образа правления

Обширные размеры империи — предпосылка для деспотического управления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства.

ГЛАВА XX

Выводы из предшествующих глав

Если небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины — подчиняться монарху, а обширные империи — состоять под властью деспота, то отсюда следует, что для сохранения принципов правления государство должно сохранять неизменными свои размеры и что дух этого государства будет изменяться в зависимости от расширения или сужения пределов его территории.

ГЛАВА XXI

О китайской империи

Прежде чем закончить эту книгу, я отвечу на одно возражение, которое могут сделать против всего до сих пор мною сказанного.

Наши миссионеры рассказывают нам об обширной китайской империи, как о превосходном государстве, совмещающем в своем принципе страх, честь и добродетель. Выходит, что установленное мною различие принципов трех видов правления неосновательно.

Я не знаю, что можно понимать под словом честь у народов, которых ко всякому делу принуждают палочными ударами.

Сверх того, наши коммерсанты сообщают нам некоторые сведения об этой добродетели, которую так превозносят наши миссионеры. Послушайте, что они рассказывают о разбойничестве мандаринов.

Сошлюсь также на свидетельство великого человека, милорда Ансона.

Да и сами письма Пареннена о суде, учрежденном императором над неугодными ему новообращенными принцами крови, обнаруживают перед нами тиранию, последовательно действующую по заранее составленному плану, и ряд оскорблений, нанесенных человеческой природе по правилу, т. е. хладнокровно.

Есть еще у нас письма Мэрана и того же Пареннена о правлении Китая. После весьма основательных ответов на заданные вопросы все чудеса его исчезли.

Не могло ли случиться, что миссионеры были введены в заблуждение видимостью порядка, что они были поражены этим непрерывным, проявлением воли одного — воли, которая управляет и ими самими и которую им так приятно встречать при дворах государей Индии? По-видимому, посещая эти дворы с целью произвести там большие изменения, они находят, что гораздо легче уверить государей, что им все позволено делать, чем убедить

народы, что они все должны выносить.

Наконец, доля истины часто бывает и в заблуждениях. Возможно, что в силу особенных и, может быть, единственных в своем роде обстоятельств китайское правление не так испорчено, как оно должно было бы быть. Причины, зависящие главным образом от климата, могли пересилить действие моральных причин в этой стране и произвести в ней своего рода чудесные явления,

Климат Китая необыкновенно благоприятствует росту народонаселения. Женщины там так плодовиты, как нигде на земле, самая жестокая тирания не останавливает там процесса прироста населения. Государь Китая не может сказать, подобно фараону: *«Будем притеснять их с благоразумием»*. Ему, скорее, приходится пожелать вместе с Нероном, чтобы у рода человеческого была только одна голова. Несмотря на тиранию, население Китая благодаря его климату не перестанет размножаться и одолеет тиранию.

Китай, как и всякая страна, где возделывается рис, подвержен частым голодовкам. Умиравший от голода народ рассыпается по стране искать средства существования; повсюду образуются воровские шайки из трех-четырех или пяти человек. Большую часть их тотчас же истребляют; другие увеличиваются, но затем их тоже истребляют. Но при таком множестве областей, и притом столь отдаленных, может случиться, что какой-нибудь из этих шаек посчастливится. Она удерживается, усиливается, становится армией, идет прямо на столицу, и вождь ее восходит на престол.

Такова природа вещей, что дурное правительство там прежде всех несет наказание. Смуты возникают там внезапно, когда народ лишается продовольствия. Если в других государствах злоупотребления исправляются так медленно, то это потому, что там их последствия менее чувствительны, и государь не получает о них такого быстрого и решительного известия, как в Китае.

Китайский государь не будет, подобно нашим государям, печалиться о том, что если он дурно управляет, то будет менее блажен в той жизни и менее могуч и богат в этой: он знает, что если его управление дурно, то он лишится и престола, и жизни.

Так как, несмотря на забрасывание детей, население Китая все увеличивается, то необходим неустанный труд, чтобы извлечь из земли пропитание. Это требует усиленного внимания со стороны правительства. Собственный интерес побуждает его ежеминутно заботиться о том, чтобы люди могли работать без опасения лишиться плодов своего труда. Его управление должно быть более домашним, чем гражданским.

Вот причина регламентации, о которых столько говорят. Царство закона хотели соединить с царством деспотизма, но все, что соединяется с деспотизмом, утрачивает свою силу. Тщетно этот деспотизм, преследуемый собственными бедствиями, попытался сам надеть на себя цепи: он вооружается этими цепями и становится еще ужаснее.

Итак, Китай есть государство деспотическое, принцип которого — страх. Может быть, при первых династиях, когда государство не было еще так обширно, оно несколько отклонялось от этого образца, но теперь этого уже нет.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

О законах в их отношении к оборонительной силе

ГЛАВА I

Как республики охраняют свою безопасность

Небольшие республики погибают от внешнего врага, а большие — от внутренней язвы

Эти два бедствия свойственны и демократиям, и аристократиям, независимо от того,

хороши они или дурны. Зло лежит в самой сути вещей, и никакое изменение формы не может его искоренить.

Очень вероятно поэтому, что люди оказались бы в конце концов вынужденными жить всегда под управлением одного. если бы они не изобрели особого строя, который со всеми внутренними достоинствами республиканского правления совмещает внешнюю силу монархического правления. Я говорю о федеративной республике.

Эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность входящих в него государственных единиц.

Греция была обязана своим долгим процветанием этим союзам. Благодаря им римляне смогли выступить против всего мира, и только благодаря им мир смог защищаться от Рима. И когда Рим достиг вершины своего величия, именно благодаря таким союзам, возникшим за Дунаем и Рейном под влиянием страха, варвары смогли ему сопротивляться.

Благодаря им Голландия, Германия и швейцарские союзы сльвут в Европе вечными республиками.

В былые времена союзы городов были более необходимы. чем теперь. Город, недостаточно могущественный, подвергался величайшим опасностям. В случае завоевания он лишался не только, как ныне, исполнительной и законодательной власти, но еще и всего того, что составляет собственность людей.

Такого рода республика, способная сопротивляться внешней силе, может сохранять свои размеры, не подвергаясь внутренней порче. Форма этого общества спасает его.

Человек, стремящийся к захвату власти, не мог бы там пользоваться одинаковым доверием со стороны всех государств, входящих в союз. Если бы он чрезмерно усилился в одном из них, то возбудил бы тревогу всех прочих; и если бы он подчинил своей власти какую-то часть союза, то другая, оставшаяся свободной часть могла бы противиться ему, используя силы, независимые от тех, которые он захватил, и одолеть его прежде, чем он успел бы утвердиться.

Если случится какая-нибудь смута в одном из членов союза, то прочие могут прекратить ее. Если где-либо возникнут какие-нибудь злоупотребления, то они могут быть исправлены свободными от подобных злоупотреблений членами федерации. Одна часть этого государства может разрушиться без разрушения другой части; союз может распасться, а члены его остаться независимыми государствами.

Состоя из небольших республик, федерация пользуется благами внутреннего управления каждой из них. а для отношений внешних она располагает благодаря объединению сил всеми выгодами крупных монархий.

ГЛАВА II

О том, что федерация должна состоять из государств одинаковой природы и в особенности из республик

Хананеяне погибли, потому что они были разделены на небольшие монархии, которые не заключили между собой союза и не защищались общими силами. Конфедерация не в природе малых монархий. Федеративная республика Германии состоит из вольных городов и небольших владений, подчиненных государям. Опыт показывает, что она менее совершенна, чем Голландия и Швейцария.

Дух монархии[65] — война и расширение территорий; дух республики — мир и умеренность. Оба эти вида правления не могут без насилия над своей природой совмещаться

в федеративной республике.

Римская история говорит нам, что когда жители Вей избрали себе царя, все маленькие тосканские республики[66] отшатнулись от них. Когда цари Македонии добились места среди Амфикионов, все погибло в Греции.

Федеративная республика Германии, состоящая из вольных городов и государей, держится потому, что у нее есть глава, который является и чем-то в роде высшего должностного лица союза и чем-то в роде его монарха.

ГЛАВА III

Некоторые Другие требования, предъявляемые к федеративной республике

В голландской республике ни одна провинция не может заключать союза без согласия всех прочих. Для федеративной республики это очень хороший и даже необходимый закон. Его недостает конституции Германии, где он мог бы предупредить много бед, которые могут постигнуть всех членов из-за неосторожности, честолюбия или жадности одного из них. Республика, примкнувшая к политической федерации, отдается ей всецело и ничего уже не может более дать.

Трудно ожидать, чтобы государства, вступившие в союз, были все равны по величине и могуществу. Республика ликийцев была ассоциацией 23 городов. Большие города имели в общем совете по три голоса каждый; средние — по два, а малые — по одному. Голландская республика состоит из семи провинций, различных по величине, каждая из которых имеет по одному голосу.

Налоги, уплачиваемые городами Ликии, были пропорциональны количеству голосов. Провинции Голландии не могут следовать этой пропорции: они должны платить пропорционально своему могуществу.

В Ликии судьи и городские власти избирались общим советом по указанной выше пропорции. В голландской республике они не избираются общим советом, но каждый город сам назначает своих должностных лиц. Если бы надо было привести образец прекрасной федеративной республики, я указал бы на республику Ликии.

ГЛАВА IV

Как обеспечивают свою безопасность деспотические государства

Республики охраняют себя, соединяясь друг с другом. а деспотические государства ради той же цели отделяются и, так сказать, изолируются друг от друга. Они жертвуют частью своей страны, опустошают ее окраины и обращают их в пустыню, вследствие чего ядро государства становится недоступным неприятелю.

По закону геометрии — чем больше объем тела, тем относительно меньше его поверхность. Поэтому практика опустошения окраин более выгодна для больших государств, чем для средних.

Такое государство само причиняет себе все то зло, которое мог бы причинить ему жестокий и неотразимый враг.

Деспотическое государство, охраняя себя, использует еще и другой вид отделения; оно передает свои отдаленные провинции в управление вассальным государям. Могол, Персия, императоры Китая имеют вассалов; турки с большими для себя выгодами поместили между собою и своими неприятелями татар, молдаван, валахов и некогда — трансильванцев.

ГЛАВА V

Как обеспечивает свою безопасность монархия

Монархия не разрушает сама себя, как деспотическое государство, Но государство средних размеров может подвергнуться нашествию. Поэтому у монархии есть крепости для защиты границ и армии для защиты этих крепостей. Малейший клочок земли обороняется там с большим искусством, упорством и мужеством. Деспотические государства совершают друг против друга нашествия; войны ведутся только между монархиями.

Крепости составляют принадлежность монархии; деспотические государства боятся заводить их у себя. Они никому не решаются доверить их, так как там никто не любит ни государства, ни государя.

ГЛАВА VI

Об оборонительной силе государств вообще

Чтобы государство было сильным, оно должно иметь такие размеры, чтобы быть в состоянии отразить любое нападение с такой же быстротой, с какой оно будет предпринято. Так как нападения можно ожидать, то и защита должна быть готова явиться повсюду, что возможно только при ограниченных размерах государства. Размеры государства должны соответствовать степени скорости, которую природа дала человеку для его передвижений с места на место.

Испания и Франция имеют именно такие размеры. Связь между их военными силами налажена так хорошо, что они легко могут быть переброшены в любую сторону; их войска быстро соединяются и переходят от одной границы к другой, и никакое дело, требующее известного времени для своего выполнения, не внушает там опасений.

Во Франции по счастливому совпадению близость столицы государства к его различным границам находится в прямом отношении к их слабости; таким образом, государь из своей столицы видит все части страны и лучше всего те, которые наиболее беззащитны.

Другое дело, когда приходится защищаться от нападения такому обширному государству, как Персия. Ему понадобится несколько месяцев, чтобы собрать рассеянные войска; и оно не может заставить их идти столько времени таким ускоренным маршем, который возможен в продолжение каких-нибудь двух недель. Если находящаяся на границе армия разбита, она непременно рассеется, ибо пункты ее отступления находятся слишком далеко. Победоносное войско, не встречая сопротивления, подвигается большими переходами, подходит к столице и осаждает ее, в то время как государь едва успевает уведомить правителей провинций о необходимости присылки помощи. Те, кто думает, что переворот близок, ускоряют его, отказывая государю в повиновении, так как люди, верность которых основана только на страхе близкой кары, изменяют, когда угроза кары отдалается. Они действуют только в своих личных интересах. Империя распадается, столица переходит в руки врага, и победитель начинает борьбу с правителями областей из-за провинций.

Истинное могущество государя состоит не столько в том, что он легко завоевывает, сколько в том, что на него трудно нападать; оно заключается, если можно так выразиться, в неизменности его положения. Но с увеличением государства открываются новые пункты для нападения на него.

Итак, если государи нуждаются в мудрости для того, чтобы увеличивать свое могущество, то не менее нуждаются они в благоразумии для того, чтобы предписать этому могуществу надлежащие границы. Устранив неудобства, связанные с малыми размерами государства, они никогда не должны упускать из виду тех неудобств, которые связаны с чрезмерной его обширностью.

ГЛАВА VII

Размышления

Недрузи великого государя, столь долго царствовавшего [67], тысячу раз обвиняли его (как я полагаю, более вследствие своих опасений, чем на основании серьезных рассуждений) в том, что он составил проект всемирной монархии и стремился его осуществить. Ничто не могло бы быть пагубнее для Европы, для его подданных, для него самого и его семейства, чем успех такого намерения. Небо, которому лучше известно истинное благо, устроило так, что он более выиграл от своих поражений, чем мог бы выиграть от своих побед. Вместо того чтобы сделать его единственным государем Европы, оно сделало его самым могущественным из всех ее государей, что было для него гораздо лучше.

Народ этого государя, который в чужих странах думает только о том, что он оставил в своей; который, покидая родину, считает славу верховным благом, а попав в далекие края, смотрит на славу лишь как на препятствие к своему возвращению домой; народ, в котором даже хорошие качества кажутся отталкивающими, так как к ним примешивается пренебрежение; который может выносить рапы, опасности и всякие лишения, за исключением лишения своих удовольствий, который больше всего любит свою веселость и мирится с проигранным сражением, если ему удастся высмеять своего военачальника, — такой народ, говорю я, никогда не был бы в состоянии довести до конца предприятие, которое не может потерпеть неудачи в одной стране и в один определенный момент, чтобы не потерпеть ее во всех странах и навсегда.

ГЛАВА VIII

Случай, когда оборонительная сила государства слабее его наступательной силы

Сир Куси сказал королю Карлу V, что «англичане всего слабее у себя дома и легче всего могут быть побеждены именно там». То же говорилось о римлянах, то же самое испытали карфагеняне, и то же самое случится со всяким государством, которое посылает в далекие страны армии, чтобы силой военной власти и дисциплины объединить людей, разъединенных у себя дома политическими и гражданскими интересами. Государство, ослабленное своей постоянной болезнью, ослабляется к тому же и лекарством от этой болезни.

Замечание сира Куси есть исключение из общего правила, запрещающего предпринимать отдаленные войны. Но это исключение отлично подтверждает правило, так как оно применяется лишь к тем, которые сами нарушили правило.

ГЛАВА IX

Об относительной силе государств

Всякое величие, всякая сила, всякое могущество — явления относительные. Стремясь увеличить действительное величие, следует всегда остерегаться, чтобы при этом не уменьшилось величие относительное.

Около середины царствования Людовика XIV Франция была на высшей точке своего относительного величия. Германия еще не имела тех великих государей, которые явились там впоследствии. Италия была в таком же положении. Шотландия еще не составляла единой монархии с Англией, а Арагония с Кастилией, части, отделенные от Испании, были слабы и в свою очередь ослабляли Испанию. Москва была в Европе столь же мало известна,

как Крым.

ГЛАВА X

О слабости соседнего государства

Имея по соседству государство, находящееся в упадке, государь отнюдь не должен ускорять его гибель, так как в таком случае он находится в самом счастливом из всех возможных положений. Ничто не может быть для него выгоднее, чем иметь у себя под боком государя, который получает за него все удары и оскорбления фортуны. И очень редко бывает, чтобы в результате завоевания такого государства действительная сила завоевавшего увеличилась настолько же, насколько при этом уменьшилась его относительная сила.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

О законах в их отношении к наступательной силе

ГЛАВА I.

О наступательной силе

Наступательная сила регулируется международным правом, которое есть политический закон наций, рассматриваемых с точки зрения отношений, в которых они состоят друг к другу.

ГЛАВА II.

О войне

Жизнь государства подобна жизни человека. Люди имеют право убивать в случае естественной самообороны; государства имеют право вести войну в целях самосохранения.

В случае естественной самообороны я имею право убить, потому что моя жизнь принадлежит мне, так же как жизнь того, кто на меня нападает, принадлежит ему; и государство вправе вести войну, потому что его самозащита равна всякой другой самозащите.

Между гражданами право естественной самообороны не включает в себе необходимости нападения. Вместо того чтобы нападать, человек должен обратиться к судебным органам. Поэтому человек может осуществлять это право самообороны лишь в краткие моменты такого положения, когда он погиб бы, если бы стал дожидаться, пока ему помогут законы. Но что касается общества, то тут право естественной обороны иногда влечет за собою и необходимость нападения, в том, например, случае, когда народ видит, что более продолжительный мир даст другому государству возможность его уничтожить и что в данный момент нападение является для него единственным средством предотвратить это уничтожение.

Отсюда следует, что небольшие общества чаще, чем крупные, имеют право прибегать к войне, так как им чаще приходится опасаться за свое существование.

Поэтому право войны вытекает из необходимости и строгой справедливости. Если люди, которые управляют совестью государя или являются его советниками, превышают свои права, то все погибло; если в основу будут положены произвольные принципы славы,

приличия и пользы, то земля будет залита потоками крови.

И главное — пусть не говорят нам о славе государя. Его властолюбие и гордость — вот что будет его славой; но это страсти, а не законное право.

Правда, престиж его могущества может увеличить силы его государства; но престиж его справедливости может привести к тому же.

ГЛАВА III О праве завоевания

Из права войны вытекает право завоевания; оно — его следствие, и потому должно следовать его духу.

Права завоевателя по отношению к завоеванному им народу определяются четырьмя родами законов: законом природы, по которому все существующее стремится к сохранению своего вида; законом естественного разума, который требует, чтобы мы поступали с другими так, как хотели бы, чтобы они поступали с нами; законом образования политических обществ, по которому природа не ограничила продолжительности их существования, и, наконец, законом, который вытекает из самой сути дела. Завоевание есть приобретение; но дух приобретения связан с духом сохранения и пользования, а не с духом разрушения.

Государство, завоевавшее другое государство, поступает с ним по одному из следующих четырех способов: или оно продолжает управлять им по его собственным законам, взяв на себя лишь дело политического и гражданского управления, или оно дает ему новое политическое и гражданское управление. или оно разрушает это общество и растворяет его в Других обществах, или, наконец, истребляет всех граждан.

Первый способ согласен с международным правом, которым мы руководствуемся ныне; четвертый — более согласуется с международным правом римлян, из чего можно судить, до какой степени мы стали лучше их в этом отношении. Воздадим здесь должное новейшему времени, современному разуму, нашей религии, нашей философии, нашим нравам.

Наши авторы, занимавшиеся публичным правом, основываясь на данных древней истории, исходя из требования строгой справедливости, впали в большие заблуждения. Они увлеклись произвольными суждениями и признали за завоевателями какое-то неведомое право убивать, что привело их к заключениям, столь же ужасным, как и самый этот принцип, и побудило установить такие правила, которым никогда не следовали и сами завоеватели, если у них оставалась хоть капля здравого смысла. Ясно, что раз завоевание совершено, завоеватель уже не имеет права убивать, потому что он уже не находится в положении естественной обороны и действует не в целях самосохранения.

Думали же эти авторы так потому, что, признав за завоевателем право уничтожить общество, они заключили отсюда, что это дает ему и право уничтожить людей, из которых общество состоит. Но это не более как ложный вывод из ложного принципа, так как из того, что нужно уничтожить общество, вовсе не следует, что необходимо для этого уничтожить и людей, его составляющих. Общество есть союз людей, а не сами люди. Гражданин может погибнуть, а человек остаться.

Из права убивать при завоевании политики вывели право обращать в рабство; но это заключение столь же мало основательно, как и исходное положение.

Завоеватель имеет право обращать в рабство лишь тогда, когда это необходимо для сохранения результатов завоевания. Цель завоевания — сохранение завоеванного, а отнюдь не порабощение; может, однако, случиться, что порабощение явится необходимым средством сохранения завоеванного.

В таком случае было бы противно природе вещей устанавливать это рабство на вечные времена. Надо, чтобы порабощенный народ мог обратиться в подданного. Порабощение есть случайное последствие завоевания. Когда по истечении некоторого времени все части

государства-завоевателя объединятся с частями завоеванного государства, посредством обычаев, браков, законов, сообществ и некоторого единомыслия рабство должно прекратиться. Права завоевателя основываются лишь на отсутствии такого объединения и на наличии отчуждения между обоими народами, при котором между ними не может быть взаимного доверия.

Итак, завоеватель, обращающий народ в состояние рабства, должен всегда иметь в запасе средства, чтобы вывести его из этого состояния.

То, что я говорю здесь, — это не плод досужей фантазии. Так поступали наши отцы, завоевавшие Римскую империю. Законы, которые они, опьяненные гордостью по поводу своих побед, создали в пылу битв, в разгаре действия, были ими впоследствии смягчены: их законы были суровы, они же сделали их беспристрастными. Бургунды, готы и лангобарды всегда хотели держать римлян в положении побежденного народа, а законы Эврика, Гундобада и Ротаря сделали из варваров и римлян сограждан.

Карл Великий, чтобы укротить саксов, лишил их наивной простоты быта и права собственности на имущество, Людовик Благочестивый освободил их; это было самым лучшим делом его царствования. Время и рабство смягчили нравы саксов, и они всегда оставались верны ему.

ГЛАВА IV

Некоторые выгоды, приносимые покоренному народу завоеванием

Политики сделали бы лучше, если бы, вместо того чтобы выводить из права завоевания столь роковые последствия, они указали на те выгоды, которые это право может иной раз принести покоренному народу. Эти выгоды были бы для них ощутительнее, если бы наше международное право соблюдалось более строго и было бы установлено по всей земле.

Внутренние порядки государств, подвергшихся завоеванию, обыкновенно ослабляются: в учреждениях распространяется продажность, законы не соблюдаются, и правительство становится притеснителем. Можно ли сомневаться, что такое государство выиграло бы, извлекло бы для себя какие-нибудь выгоды даже из своего завоевания, если бы оно не было столь разрушительным! Что потеряет от преобразования правление, дошедшее до такого расстройств, при котором оно уже не в силах само себя преобразовать? Завоеватель, явившийся среди народа, где богач с помощью тысячи уловок и ухищрений незаметно обеспечил себе бесчисленные средства ко всякого рода захватам; где бедняк видит, как все, что он считал злоупотреблением, становится законом, и, терпя угнетение, не смеет на него жаловаться, — завоеватель, говорю я, может все это разрушить, и слепая тирания первая пострадает от насилия.

Были, например, случаи, когда государства, угнетенные откупщиками, получали облегчение от завоевателя, свободного от обязательств и нужд, которые имел их законный государь. Злоупотребления исчезали сами собою, даже без содействия завоевателя.

Иногда завоеватели нации в силу своей умеренности не лишали побежденных необходимых средств существования, которых они не имели при законном государе.

Завоевание может разрушить вредные предрассудки и, если смею так выразиться, дать в руководители народу лучшего гения.

Сколько добра могли бы сделать испанцы мексиканцам! Они должны были даровать мексиканцам кроткую религию, а они принесли с собой свирепые предрассудки. Они должны были сделать рабов свободными, — вместо того они свободных сделали рабами. Они могли разъяснить мексиканцам зло человеческих жертвоприношений, — а вместо этого они истребили их. Я бы никогда не кончил, если бы стал перечислять все добро, которого они не сделали, и все причиненное ими зло.

Завоеватель должен исправить часть сделанных им зол. Право завоевания я определяю так: это необходимое, законное и злосчастное право, которое всегда налагает на завоевателя

громадные обязательства, чтобы он мог расквитаться с человеческой природой.

ГЛАВА V

Гелон, царь Сиракузскин

Мирный договор, который Гелон заключил с карфагенянами, является, как я полагаю, самым прекрасным из всех известных истории договоров этого рода. Он потребовал от них отмены жертвоприношения детей. Это поистине великолепно! Одержав победу над 300 тысячами карфагенян, он предъявил им требование, которое было полезно только для них же самих, или, вернее, явился перед ними заступником за человеческий род.

Бактриане отдавали своих престарелых родителей на съедение большим собакам, Александр запретил им это, и это запрещение было победой, которую он одержал над предрассудками.

ГЛАВА VI

О завоеваниях республики

Противно природе вещей, чтобы в федеративном государстве один из членов союза делал завоевание за счет другого члена его, как это мы видели в наши дни у швейцарцев. Но в смешанных федеративных республиках, состоящих из небольших республик и небольших монархий, это менее неуместно.

Несогласно также с природою вещей, чтобы демократическая республика завоевывала города, которые не могут войти а сферу демократии. Надо, чтобы завоеванный народ мог пользоваться привилегиями верховной власти, как это было вначале установлено римлянами. Размер завоевания должен быть ограничен для демократии определенным количеством граждан.

Если демократия покорит народ, чтобы управлять им как своим подданным, то этим она подвергнет опасности свою собственную свободу, так как ей придется доверять слишком большую власть лицам, которых она пошлет управлять завоеванным государством.

Какая опасность угрожала бы республике Карфагена, если бы Ганнибал овладел Римом! Чего бы не мог сделать в своем городе после победы тот, кто произвел в нем столько переворотов после своего поражения!

Ганнон никогда не смог бы убедить сенат не посылать помощи Ганнибалу, если бы в нем говорила только одна зависть. Этот сенат, благоразумие которого хвалит Аристотель (оно доказывается и цветущим состоянием карфагенской республики), мог принять такое решение лишь на основании разумных доводов. Было бы уже слишком нелепо не понимать, что армия, удаленная на 300 миль от своей страны, должна неизбежно нести потери, которые необходимо пополнять.

Партия Ганнона хотела, чтобы Ганнибал был предан римлянам. Римлян тогда еще не боялись, значит боялись Ганнибала.

Говорят, что карфагеняне не могли поверить победам Ганнибала. Но возможно ли было такое сомнение? Могли ли рассеянные по всей земле карфагеняне не знать того, что происходило в Италии? Нет именно потому, что они знали это, они и не хотели посылать помощи Ганнибалу. После битв при Требии, Тразименском озере и при Каннах Ганнон все более и более утверждался в своем решении: в нем усиливалось не недоверие, а страх.

ГЛАВА VII

Продолжение той же темы

Завоевания, совершаемые демократиями, имеют еще следующую отрицательную сторону: правление их всегда ненавистно покоренным государствам. Оно кажется монархическим, но на деле оно более сурово, чем монархическое, как об этом свидетельствует опыт всех времен и стран.

Положение покоренных народов под этим правлением очень печально; они не могут пользоваться ни преимуществами республики, ни преимуществами монархии.

Сказанное мною о народном государстве может быть применено и к аристократическому государству.

ГЛАВА VIII

Продолжение той же темы

Итак, республика, которая держит в подчинении какой-нибудь народ, должна стараться исправить неудобства, естественно вытекающие из такого порядка вещей, и с этой целью даровать этому народу хорошее государственное право и хорошие гражданские законы.

Одной итальянской республике были подчинены островитяне[68], но ее политическое устройство и гражданское право были по отношению к ним очень дурны. Все помнят дарованную ею амнистию, в которой сказано, что жителей не будут более присуждать к телесным наказаниям *по усмотрению губернатора*. Нередко народы требуют себе привилегий; здесь же властитель дарует народу как привилегию право, общее для всех народов.

ГЛАВА IX

О монархии, покоряющей соседние страны

Если монархия может существовать долгое время, прежде чем ослабит себя чрезмерным расширением своих границ, то она достигнет грозного могущества и не утратит своей силы, пока ее будут теснить соседние монархии.

Но ее завоевания должны продолжаться только до тех пор, пока они не выйдут из границ, свойственных природе ее правления. Благоразумие предписывает ей остановиться, как только она переступила эти границы.

При завоеваниях такого рода надо, чтобы в завоеванной стране все осталось в прежнем положении: те же суды, те же законы, те же обычаи, те же привилегии; ничто не должно быть изменено, кроме армии и имени государя.

Когда монархия расширит свои пределы путем завоевания нескольких соседних провинций, она должна управлять ими с величайшей кротостью.

Если монархия долгое время вела завоевательную политику, то области, составляющие ее исконное владение, обыкновенно бывают очень истощены. Им приходится терпеть и от новых, и от старинных злоупотреблений, и часто обширная столица, которая все поглощает, отнимает у них значительную часть населения. Если же монархия, завоевав провинции, окружающие ее исконные владения, станет обращаться с покоренными народами так же, как со своими исконными подданными, то государство погибнет. Покоренные провинции ничего не получают за те подати, которые они будут посылать в столицу; пограничные области будут разорены и, следовательно, ослаблены; их население исполнено неприязни; в результате станет труднее содержать армии, которые должны там оставаться и действовать,

Таково неизбежное положение монархии, которая ведет завоевательную политику; чудовищная роскошь в столице, нищета в отдаленных от нее провинциях и изобилие на окраинах — совсем как на нашей планете: огонь в центре, зелень на поверхности, сухая,

бесплодная и холодная земля посредине.

ГЛАВА X

О монархии, которая завоевывает другую монархию

Иногда монархия завоевывает другую монархию. Чем последняя меньше, тем легче удерживать ее в подчинении посредством крепостей; чем она больше, тем удобнее сохранять ее в своем владении посредством колоний.

ГЛАВА XI

Об обычаях побежденного народа

При такого рода завоеваниях недостаточно оставить побежденному народу его законы; быть может, еще более важно сохранить его обычаи, потому что народ всегда лучше знает, сильнее любит и ревностнее защищает свои обычаи, чем свои законы.

Французов девять раз изгоняли из Италии по причине, как говорят историки, их наглого обращения с женщинами. Народ, страдающий от высокомерия победителя, отказывается терпеть еще и его невоздержанность, и эту беззастенчивость, которая хуже всего, потому что порождает бесчисленные оскорбления.

ГЛАВА XII

Об одном законе Кира

Я не считаю хорошим закон Кира, по которому лидянам разрешалось заниматься одними только низкими и постыдными профессиями. Спешат предупредить ближайшую беду и, опасаясь восстаний, не помышляют о нашествиях. Но вскоре последуют и нашествия; завоеватели и завоеванные смешиваются и развращают друг друга. Я считаю, что законы должны скорее поддерживать суровые нравы победителя, чем поощрять изнеженность побежденного.

Аристократ, тиран Кум, старался подорвать мужество молодежи. Он хотел, чтобы юноши, также как и девушки, отпускали длинные волосы, украшали их цветами и одевались в разноцветные платья длиной до пят; чтобы женщины носили за ними зонтики, ароматы и опахала, когда они отправлялись к своим учителям танцев или музыки, и подавали им гребни и зеркала, когда они находились в банях. Такое воспитание продолжалось до двадцатилетнего возраста. Все это прилично лишь маленькому тирану, который подрывает свою власть ради спасения своей жизни.

ГЛАВА XIII

Карл XII

Этот государь, опиравшийся только на свои собственные силы, погубил себя потому, что строил замыслы, требовавшие для своего выполнения долгой войны, которая была не по силам его государству.

Он задумал сокрушить не государство в период упадка, а империю в период ее зарождения. Для московитов война с ним явилась хорошей школой. После каждого поражения они приближались к победе и, терпя внешний урон, научались внутренней обороне.

Блуждая по пустыням Польши, которые как бы стали частью Швеции, он считал себя повелителем мира, между тем как его главный враг укреплялся против него, теснил его, утверждался на берегах Балтийского моря и частью разрушал, частью завоевывал Ливонию.

Швеция походила на реку, течению которой дали другое направление, поставив плотину у ее истока.

Не Полтава погубила Карла, он все равно погиб бы, если не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей.

Однако главным врагом его была не столько природа или фортуна, сколько он сам.

В своей деятельности он не считался с существующим положением вещей, а следовал принятому им известному образцу, которому притом подражал очень дурно. Он не был Александром, но мог бы быть лучшим солдатом Александра.

Замыслы Александра увенчались успехом только потому, что они были разумны. Неудачный исход нашествий персов на Грецию, завоевания Агесилая и отступление 10 тысяч ясно обнаружили превосходство военной тактики и вооружения греков; всем было известно, что персы слишком высокомерны, чтобы исправиться.

Они не могли уже ослаблять Грецию, производя в ней внутренний раскол. Она была объединена тогда под властью вождя, который знал, что лучшим средством не дать Греции заметить ее подчиненного положения будет ослепить ее уничтожением ее исконного врага и надеждой на покорение Азии.

Государство, населенное самым трудолюбивым народом в мире и возделывавшее землю по заповеди религии, плодоносное и изобилующее всеми благами, давало неприятелю удобные возможности удерживать свои позиции.

Судя по высокомерию его царей, которые не извлекли никаких уроков из своих поражений, можно было предвидеть, что они ускорят свое падение тем, что постоянно будут давать сражения, и что лесть никогда не позволит им усомниться в своем величии.

Предприятие Александра было не только мудро задумано, но и разумно выполнено. При всей стремительности своих действий и даже в самом пылу своих страстей Александр всегда сохранял ту, если можно так выразиться, остроту рассудка, которая всегда руководила им и которую не удалось скрыть от нас тем, кто по внушению своего более слабого рассудка хотел сделать роман из его истории. Поговорим же о нем.

ГЛАВА XIV

Александр

Он выступил в поход лишь после того, как обезопасил Македонию от соседних варварских народов и закончил покорение греков; он воспользовался покорением этого народа лишь для выполнения своего замысла; он сделал бессильной зависть лакедемонян; он атаковал приморские области; он повел свою сухопутную армию по берегу моря, чтобы не удалять ее от флота; он с необыкновенным искусством ввел строгую дисциплину в своей многочисленной армии; он не терпел нужды в продовольствии; и если победа доставила ему все, чего он желал, то и он тоже сделал все, чтобы доставить себе победу.

В начале своего предприятия, т. е. в то время, когда каждая неудача могла его погубить, он очень немногое оставлял на волю случая; когда же счастье вознесло его выше случайностей, дерзкая отвага бывала иногда одним из средств его успехов. Напав перед выступлением в поход на трибаллов и иллирийцев, он ведет с ними войну, подобную той, которую Цезарь вел против галлов. Возвратившись в Грецию, он как бы нехотя берет и разрушает Фивы. Расположившись лагерем против этого города, он ждет от фиванцев предложения мира; они сами ускоряют свою гибель. Когда дело идет о сражении с персидским флотом, то наиболее отважным является Парменион, а наиболее благоразумным Александр. Он искусно отводит персов от берегов моря, чтобы они сами покинули свой

флот, который был могущественнее его флота. Тир был принципиально сторонником персов, которые не могли обходиться без его торговли и его кораблей; Александр разрушил этот город. Он взял Египет, который был оставлен без защиты Дарием, собиравшим в то время бесчисленные армии в другой части света.

Переход через Граник доставил Александру господство над греческими колониями; битва при Иссе отдала в его руки Тир и Египет; битва при Арбеллах сделала его господином всей земли.

После битвы при Иссе он оставляет без внимания бегущего Дария и заботится только об упрочении и приведении в порядок своих завоеваний; после битвы при Арбеллах он преследует его по пятам, не оставляя ему ни одного убежища во всем его царстве. Дарий вступает в свои города и области только для того, чтобы тотчас же бежать далее; переходы Александра так быстры, что господство над миром как будто стало не столько вопросом борьбы и победы, сколько наградой за состязание в беге, как на играх Греции.

Так он совершал свои завоевания; посмотрим, как он сохранял их.

Он не внимал тем, кто хотел, чтобы он обращался с греками, как с господами, а с персами, как с рабами. Он заботился только о том, чтобы соединить обе нации и стереть различия между народом-завоевателем и народом завоеванным. Он отбросил после победы все предрассудки, которые помогли ему одержать ее. Он принял персидские обычаи, чтобы не огорчить персов тем, что он заставил их принять обычаи греков. Поэтому он так почтительно обошелся с женой и матерью Дария и выказал такую воздержанность, которая привлекла к нему симпатии персов. Не удивителен ли этот завоеватель, оплаканный всеми завоеванными им народами? Не поразителен ли этот узурпатор, чья смерть вызывает слезы семьи государя, которого он лишил престола? Это неповторимая черта этой единственной в своем роде жизни; историки не сообщают нам ничего подобного ни об одном завоевателе.

Ничто так не упрочивает завоевания, как брачные союзы между завоевателями и завоеванными. Александр брал себе жен из среды побежденного им народа; он хотел, чтобы так же поступали его придворные; остальные македоняне последовали этому примеру. Франки и бургунды разрешали такие браки; вестготы сначала воспретили их в Испании, а потом разрешили; лангобарды не только разрешали, но и поощряли их. Когда римляне захотели ослабить Македонию, они запретили заключение браков между жителями ее различных провинций.

Желая объединить оба народа, Александр задумал основать в Персии большое количество греческих колоний. Он построил бесчисленные города и так крепко спаял части своего нового царства, что по его смерти среди тревог и смут жесточайших междоусобиц, в то время, когда греки, так сказать, сами уничтожали себя, ни одна из провинций Персии не возмутилась.

Чтобы не истощать Грецию и Македонию, он послал в Александрию колонию евреев: для него были безразличны нравы народа, лишь бы он был верен ему.

Он оставлял побежденным народам не только их обычаи, но и их гражданские законы, а часто даже и их прежних царей и областных правителей. Он ставил македонян во главе войск, а во главе гражданского управления — туземцев, предпочитая возможную измену какого-нибудь отдельного лица (что иногда и случалось) возможности общего восстания. Он относился с уважением к древним традициям и ко всем памятникам славы или тщеславия народов. Персидские цари разрушили храмы греков, вавилонян и египтян, он восстановил их. Он приносил жертвы на алтарях почти всех подчинившихся ему народов. Казалось, он совершал свои завоевания для того, чтобы стать государем каждого народа в отдельности и первым гражданином каждого города. Римляне все завоевали, чтобы все разрушить; он хотел все завоевать, чтобы все сохранить. В какой бы стране он ни появлялся, первая мысль его, первые его намерения всегда были направлены на то. Чтобы сделать что-нибудь для увеличения ее благосостояния и могущества. Средства для этого он находил прежде всего в величии своего гения, затем в своей воздержанности и умеренности своих личных расходов и, наконец, в своей безграничной щедрости на великие дела. Его рука сжималась для личных

издержек и широко раскрывалась для публичных. В ведении своего домашнего хозяйства он был македонцем, уплачивая долги своих солдат, делясь военной добычей с греками и заботясь о благополучии каждого воина своей армии, — он был Александром.

Он сделал два дурных дела — сжег Персеполь и убил Клита, но он прославил их своим раскаянием. Люди забыли его преступления, сохранив лишь память о его уважении к добродетели, так что на эти преступления смотрели скорее как на постигшее его несчастье, чем на свойственные ему поступки. Потомство даже любит прекрасными проявлениями его души почти рядом с его увлечениями и слабостями; приходилось его жалеть, потому что ненавидеть его было невозможно.

Сравню его с Цезарем, Когда Цезарь захотел подражать царям Азии, он возмутил римлян своим тщеславием; когда Александр захотел подражать царям Азии, он совершил дело, входившее в план его завоевания.

ГЛАВА XV

Новые средства сохранить завоевания

Монарху, завоевавшему большое государство, предстоит прекрасная деятельность, направленная на то, чтобы умерять деспотизм и сохранить завоеванное. Завоеватели Китая проявляли именно такую деятельность.

Чтобы не довести до отчаяния побежденный народ и не дать слишком возгордиться победителю, чтобы предотвратить образование военного правления и удержать оба народа в пределах долга, татарская династия, ныне царствующая в Китае, определила, чтобы войска, размещенные по провинциям, состояли наполовину из китайцев и наполовину из татар, дабы самая вражда, с которой обе эти нации относятся друг к другу, удерживала их в границах долга. Суды там тоже наполовину китайские, наполовину татарские. Все это принесло много положительных результатов: 1) обе нации сдерживают друг друга; 2) поскольку та и другая обладают военной и гражданской властью, они не могут подавлять друг друга; 3) народ-завоеватель может рассеяться повсюду, не ослабляясь и не растворяясь в побежденном народе; он становится способным противостоять врагам внутренним и внешним. Это учреждение настолько благогворно, что именно отсутствие его и погубило почти всех, кто совершал завоевания на земле.

ГЛАВА XVI

О завоеваниях деспотического государства

Грандиозный характер завоевания порождает деспотизм. Войско, рассыпанное по провинциям, тогда уже не может справиться со всеми стоящими перед ним задачами. Надо, чтобы около государя был всегда отряд из особо ему преданных воинов, всегда готовых устремиться в ту область империи, где могло бы вспыхнуть восстание. Эта гвардия должна сдерживать все прочие части войска и наводить трепет на всякого, кому пришлось предоставить какую-то власть в государстве. Китайский император всегда имеет под рукой большой отряд татар, готовый выступить при первой надобности. У Могола, у турок, в Японии помимо армии, которая содержится на доходы от земли, есть особые полки, состоящие на жалованьи государя. Эти отдельные силы удерживают в повиновении общие силы.

ГЛАВА XVII

Продолжение той же темы

Мы уже сказали, что государства, завоеванные деспотическим монархом, должны быть обращены в вассальные государства. Историки восхваляют великодушные завоевателей, которые возвращали корону побежденным ими государям. С этой точки зрения надо считать особенно великодушными римлян, которые всюду ставили государей, чтобы затем пользоваться ими как своими орудиями в целях порабощения. Подобная мера объясняется необходимостью. Если завоеватель присоединит завоеванное государство, то посылаемые им туда губернаторы не будут в силах справляться с подданными, а он сам не сможет справляться с губернаторами. Ему придется ослабить военную охрану своих исконных владений ради упрочения за собою новых. Всякое бедствие в одном из государств станет общим бедствием обоих; междоусобие одного распространится и на другое. Если же, напротив, победитель возвратит престол законному государю, то будет иметь в нем союзника, который увеличит его силы своими собственными силами. Так, на наших глазах Шах-Надир завоевал у Могола его сокровища, но оставил ему Индустан.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству

ГЛАВА I

Общая идея

Я отличаю те законы, которые определяют политическую свободу в ее отношении к государственному устройству, от тех, которые определяют ее отношения к гражданину. Первые составляют предмет настоящей книги; о вторых я буду говорить в следующей.

ГЛАВА II

Различные значения, придаваемые слову «свобода»

Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие — право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочие. Люди, вкусившие блага республиканского правления, отождествили понятие свободы с этим правлением, а люди, пользовавшиеся благами монархического правления, — с монархией. Наконец, каждый именовал свободой то правление, которое наиболее отвечало его обычаям или склонностям. Так как в республике пороки правления, на которые жалуются люди, выступают не так заметно и назойливо, причем создается впечатление, что там более действует закон, чем исполнители закона, то свободу обыкновенно отождествляют с республиками, отрицая ее в монархиях. Наконец, ввиду того что в демократиях народ, по-видимому, может делать все, что хочет, свободу приурочили к этому строю, смешав, таким образом, власть народа со свободой народа.

ГЛАВА III

Что такое свобода

Действительно, в демократиях народ, по-видимому, делает, что хочет. Но политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть.

Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане.

ГЛАВА IV

Продолжение той же темы

Демократия и аристократия не являются государствами, свободными по самой своей природе. Политическая свобода имеет место лишь при умеренных правлениях. Однако она не всегда встречается и в умеренных государствах; она бывает в них лишь тогда, когда там не злоупотребляют властью. Но известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела. А в пределе — кто бы это мог подумать! — нуждается и сама добродетель.

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. Возможен такой государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему дозволяет.

ГЛАВА V

О цели различных государств

Хотя у всех государств есть одна общая им всем цель, заключающаяся в охране своего существования, тем не менее у каждого из них есть и своя особенная, ему только свойственная цель. Так, у Рима была цель — расширение пределов государства, у Лакедемона — война, у законов иудейских — религия, у Марсея — торговля, у Китая — общественное спокойствие, у родосцев — мореплавание; естественная свобода есть предмет заботы дикарей, цель деспотических государств — наслаждения государя, цель монархий — слава государя и его государства, цель законов Польши — независимость каждого отдельного лица и вытекающее отсюда угнетение всех.

Есть также на свете народ, непосредственным предметом государственного устройства которого является политическая свобода. Обратимся к рассмотрению общих начал, на которых он ее утверждает. Если они хороши, то свобода отразится в них, как в зеркале.

Нам не потребуется много труда для того, чтобы обнаружить в конституции политическую свободу. Если можно увидеть ее там, где она есть, если она уже найдена, то зачем долее искать ее?

ГЛАВА VI

О государственном устройстве Англии

В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского.

В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую — просто исполнительной властью государства.

Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина.

Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц.

В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми властями, предоставляют своим подданным отправление третьей.

У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм.

В республиках Италии, где эти три власти также соединены, свободы меньше, чем в наших монархиях. Поэтому там правительство нуждается в целях самосохранения в столь же свирепых мерах, как турецкое, о чем свидетельствуют государственные инквизиторы *69* и ящик, куда всякий доносчик может в любое время бросить свою обвинительную записку.

Подумайте, в каком положении находится гражданин такой республики. Каждое ведомство обладает там, как исполнитель законов, всею полнотою власти, которую предоставило себе, как законодатель. Оно может разрушить государство своей волей, облеченной в форму общеобязательных законов; обладая, кроме того, судебною властью, оно имеет возможность погубить каждого гражданина своей волей, облеченной в форму единичного приговора.

Все три проявления власти являются тут в нераздельном единстве; и хотя там и нет той внешней пышности, которая отличает деспотического государя, но дух его чувствуется ежеминутно.

Поэтому государи, стремившиеся к деспотизму, всегда начинали с того, что объединяли в своем лице все отдельные власти, а многие короли Европы — с того, что присваивали себе все главные должности в своем государстве.

Конечно, чистая наследственная аристократия итальянских республик не воспроизводит в точности азиатского деспотизма. Многочисленность должностных лиц иногда смягчает там самую должность; там не все дворяне бывают согласны в своих намерениях; там существуют различные суды, взаимно ограничивающие друг друга. Так, в Венеции Большой совет обладает законодательной властью, прегадия — исполнительной, а

кварантии — судебной. Но дурно то, что все эти различные трибуналы состоят из должностных лиц одного и того же сословия, вследствие чего они представляют собою в сущности одну и ту же власть.

Судебную власть следует поручать не постоянно действующему сенату, а лицам, которые в известные времена года по указанному законом способу привлекаются из народа для образования суда, продолжительность действия которого определяется — требованиями необходимости.

Таким образом, судебная власть, столь страшная для людей, не будет связана ни с известным положением, ни с известной профессией; она станет, так сказать, невидимой и как бы несуществующей. Люди не имеют постоянно перед глазами судей и страшатся уже не судьи, а суда.

Необходимо даже, чтобы в случае важных обвинений преступник пользовался по закону правом самому избирать своих судей или по крайней мере отводить их в числе настолько значительном, чтобы на остальных можно было бы уже смотреть как на им самим избранных.

Обе же другие власти можно поручить должностным лицам или постоянным учреждениям ввиду того, что они не касаются никаких частных лиц, так как одна из них является лишь выражением общей воли государства, а другая — исполнительным органом этой воли.

Но если состав суда не должен быть неизменным, то в приговорах его должна царить неизменность, так чтобы они всегда были лишь точным применением текста закона. Если бы в них выражалось лишь частное мнение судьи, то людям пришлось бы жить в обществе, не имея определенного понятия об обязанностях, налагаемых на них этим обществом.

Нужно даже, чтобы судьи были одного общественного положения с подсудимым, равными ему, чтобы ему не показалось, что он попал в руки людей, склонных притеснять его.

Если власть законодательная предоставит исполнительной право заключать в тюрьму граждан, которые могут представить в обеспечение своего поведения поручительство, то свобода будет уничтожена, за исключением случаев, когда человека арестуют для того, чтобы без всякой отсрочки привлечь к ответу по обвинению в уголовном преступлении. В этих последних случаях арестованные на самом деле свободны, так как они подчиняются лишь власти закона.

Но если бы законодательная власть оказалась в опасности вследствие какого-нибудь тайного заговора против государства или каких-либо сношений с внешним врагом, то она могла бы разрешить исполнительной власти арестовать на короткое и ограниченное время подозрительных граждан, которые в таком случае утратили бы свободу на время для того, чтобы сохранить ее навсегда.

И это — единственная сообразная с разумом замена тирании эфоров и столь же деспотической власти государственных инквизиторов Венеции.

Ввиду того что в свободном государстве всякий человек, который считается свободным, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать там всему народу. Но так как в крупных государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, чего он не может делать сам.

Люди гораздо лучше знают нужды своего города, чем нужды других городов; они лучше могут судить о способностях своих соседей, чем о способностях прочих своих соотечественников. Поэтому членов законодательного собрания не следует избирать из всего населения страны в целом; жители каждого крупного населенного пункта должны избирать себе в нем своего представителя.

Большое преимущество избираемых представителей состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем непригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии.

Нет необходимости в том, чтобы представители, получив от своих избирателей общую инструкцию, получали от них еще и частные указания по каждому особому делу, как это делается на сеймах в Германии. Правда, в последнем случае слова депутата были бы более верным отзвуком голоса нации; но это повело бы к бесконечным проволочкам, дало бы каждому депутату власть над всеми остальными, и в самых неотложных случаях вся сила народа могла бы быть парализована чьим-нибудь капризом.

Сидней[70] совершенно прав, говоря, что если депутаты являются представителями сословий, как в Голландии, то они должны отчитываться перед теми, кто их уполномочил; но иное дело, когда они являются представителями городов и местечек, как в Англии.

Право подавать голос в своем округе для выбора представителей должны иметь все граждане, исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю.

Большинство древних республик имело один крупный недостаток: народ имел здесь право принимать активные решения, связанные с исполнительной деятельностью, к чему он совсем неспособен. Все его участие в правлении должно быть ограничено избранием представителей. Последнее ему вполне по силам, так как если и мало есть людей, способных установить точные границы способностей человека, то всякий способен решить в общем, является ли его избранник более способным и сведущим, чем большинство остальных.

Представительное собрание следует также избирать не для того, чтобы оно выносило какие-нибудь активные решения, — задача, которую оно не в состоянии хорошо выполнить, — но для того, чтобы создавать законы или наблюдать за тем, хорошо ли соблюдаются те законы, которые уже им созданы, — дело, которое оно — и даже только оно — может очень хорошо выполнить.

Во всяком государстве всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей; и если бы они были смешаны с народом, если бы они, как и все прочие, имели только по одному голосу, то общая свобода стала бы для них рабством и они отнюдь не были бы заинтересованы в том, чтобы защищать ее, так как большая часть решений была бы направлена против них. Поэтому доля их участия в законодательстве должна соответствовать прочим преимуществам, которые они имеют в государстве, а это может быть достигнуто в том случае, если они составят особое собрание, которое будет иметь право отменять решения народа, как и народ имеет право отменять его решения.

Таким образом, законодательная власть была бы поручена и собранию знатных, и собранию представителей народа, каждое из которых имело бы свои отдельные от другого совещания, свои отдельные интересы и цели.

Из трех властей, о которых мы говорили, судебная в известном смысле вовсе не является властью. Остаются две первые; для того, чтобы удерживать их от крайностей, необходима регулирующая власть; эту задачу очень хорошо может выполнить та часть законодательного корпуса, которая состоит из знати.

Законодательный корпус, состоящий из знатных, должен быть наследственным. Он является таким уже по самой своей природе. Кроме того, необходимо, чтобы он был очень заинтересован в сохранении своих прерогатив, которые сами по себе ненавистны и в свободном государстве неизбежно будут находиться в постоянной опасности.

Но так как власть наследственная может быть вовлечена в преследование своих отдельных интересов, забывая об интересах народа, то необходимо, чтобы — во всех случаях, когда можно опасаться, что имеются важные причины для того, чтобы ее развратить, как, например, в случае законов о налогах, все ее участие в законодательстве состояло бы в праве отменять, но не постановлять.

Под *правом постановлять* я разумею право приказывать самому или исправлять то, что было приказано другим. Под *правом отменять* я разумею право обратиться в ничто решение, вынесенное кем-либо другим, — право, в котором заключалась власть трибунов Рима[71]. И хотя тот, кто имеет право отменять, имеет также и право одобрять, однако это одобрение в данном случае не что иное, как заявление об отказе пользоваться своим правом

отмены, и вытекает из этого права.

Исполнительная власть должна быть в руках монарха, так как эта сторона правления, почти всегда требующая действия быстрого, лучше выполняется одним, чем многими; напротив, все, что зависит от законодательной власти, часто лучше устраивается многими, чем одним.

Если бы не было монарха и если бы законодательная власть была вверена известному количеству лиц из числа членов законодательного собрания, то свободы уже не было бы: обе власти оказались бы объединенными, так как одни и те же лица иногда пользовались бы — и всегда могли бы пользоваться — и тою и другою властью.

Свободы не было бы и в том случае, если бы законодательное собрание не собиралось в течение значительного промежутка времени, так как тогда произошло бы одно из двух: либо законодательная деятельность совсем прекратилась бы и государство впало бы в состояние анархии, либо эту деятельность приняла бы на себя исполнительная власть, вследствие чего эта власть стала бы абсолютной.

Нет никакой надобности в том, чтобы законодательное собрание было постоянно в сборе. Это было бы неудобно для представителей и слишком затруднило бы исполнительную власть, которой в таком случае пришлось бы заботиться уже не о том, чтобы выполнять свои обязанности, а лишь о том, чтобы защищать свои прерогативы и свое право на исполнительную деятельность.

Кроме того, если бы законодательное собрание было в постоянном сборе, то могло бы случиться, что все изменения в его личном составе свелись лишь к замещению умершего депутата новым. В таком случае, если бы законодательное собрание оказалось не соответствующим своему назначению, этому уже ничем нельзя было бы помочь. При смене одного состава законодательного собрания другим народ, не расположенный к данному законодательному собранию, возлагает не без основания свои надежды на то, которое придет ему на смену, между тем как при бессменности этого собрания он в случае испорченности последнего не ожидает уже ничего хорошего от его законов и впадает в ярость или в равнодушие.

Законодательное собрание должно собираться по собственному усмотрению, так как всякий политический организм признается обладающим волею лишь тогда, когда он уже находится в сборе. Если бы оно собралось не единодушно, то нельзя было бы решить, какая часть является действительно законодательным собранием: та ли, которая собралась, или та которая не собралась. Если же оно имело бы право само распускать себя, то могло бы случиться, что оно никогда не постановило бы этого роспуска, что было бы опасно в случае, если бы оно замыслило какое-нибудь покушение на исполнительную власть. К тому же одни времена более благоприятны для деятельности законодательного собрания, чем другие; необходимо поэтому, чтобы время созыва и продолжительность заседания этих собраний определяла исполнительная власть, основываясь на известных ей обстоятельствах.

Если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти.

Наоборот, законодательная власть не должна иметь права останавливать действия исполнительной власти. Так как исполнительная власть ограничена по самой своей природе, то нет надобности еще как-то ограничивать ее; кроме того, предметом ее деятельности являются вопросы, требующие быстрого решения. Один из главных недостатков власти римских трибунов состоял в том, что они могли останавливать деятельность не только законодательной, но даже исполнительной власти, что причиняло большие бедствия.

Но если в свободном государстве законодательная власть не должна иметь права останавливать власть исполнительную, то она имеет право и должна рассматривать, каким образом приводятся в исполнение созданные ею законы; и в этом состоит преимущество такого правления над тем, которое было у критян и в Лакедемоне, где космы и эфоры не

отчитывались в своем управлении.

Но к чему бы ни привело это рассмотрение, законодательное собрание не должно иметь власти судить лицо, а следовательно, и поведение лица, отправляющего исполнительную власть. Личность последнего должна быть священна, так как она необходима государству для того, чтобы законодательное собрание не обратилось в тиранию; свобода исчезла бы с того момента, как исполнительная власть подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду.

Хотя вообще судебную власть не следует соединять ни с какою частью власти законодательной, это правило допускает три исключения, основанные на наличии особых интересов у лиц, привлекаемых к суду.

Люди знатные всегда возбуждают к себе зависть; поэтому если бы они подлежали суду народа, то им угрожала бы опасность и на них не распространялась бы привилегия, которой пользуется любой гражданин свободного государства, — привилегия быть судимым равными себе. Поэтому необходимо, чтобы знать судилась не обыкновенными судами нации, а той частью законодательного собрания, которая составлена из знати.

Возможно, что закон, в одно и то же время дальновидный и слепой, окажется в некоторых случаях слишком суровым. Но судьи народа, как мы уже сказали, — не более как уста, произносящие слова закона, безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость. Поэтому и в настоящем случае должна взять на себя обязанности суда та часть законодательного собрания, о которой мы только что говорили как о необходимом суде в другом случае. Верховному авторитету этого суда предстоит умерять закон для блага самого же закона произнесением приговоров, менее суровых, чем те, которые им предписываются.

Может также случиться, что гражданин нарушит в каком-либо общественном деле права народа и совершит преступления, которые не смогут и не пожелают карать назначенные судьи. Но, как правило, законодательная власть не имеет права судить; тем менее она может пользоваться этим правом в том особенном случае, когда она представляет заинтересованную сторону, какой является народ. Итак, за ней остается только право обвинения. Но перед кем же будет она обвинять? Не перед теми ли судами, которые поставлены ниже ее и к тому же состоят из людей, которые, принадлежа, как и она, к народу, будут подавлены авторитетом столь высокого обвинителя? Нет: для охранения достоинства народа и безопасности частного лица надо, чтобы часть законодательного собрания, состоящая из народа, обвиняла перед тою частью законодательного собрания, которая состоит из знатных и потому не имеет с первой ни общих интересов, ни одинаковых страстей.

И в этом заключается преимущество такого рода правления перед правлением большей части древних республик, имевших тот недостаток, что народ там был в одно и то же время и судьей, и обвинителем.

Исполнительная власть, как мы сказали, должна принимать участие в законодательстве своим правом отмены решений, без чего она скоро лишилась бы своих прерогатив. Но она погибнет и в том случае, если законодательная власть станет принимать участие в отправлении исполнительной власти.

Если монарх станет участвовать в законодательстве своим правом издавать постановления, то свободы уже не будет. Но так как ему все же надо участвовать в законодательстве ради интересов собственной защиты, то необходимо, чтобы его участие выражалось только в праве отмены.

Причина изменения образа правления в Риме заключалась в том, что сенат, обладавший одною частью исполнительной власти, и судьи, обладавшие другою ее частью, не имели, подобно народу, права отмены законов.

Итак, вот основные начала образа, правления, о котором мы ведем речь. Законодательное собрание состоит здесь из двух частей, взаимно сдерживающих друг друга принадлежащим им правом отмены, причем обе они связываются исполнительной властью,

которая в свою очередь связана законодательной властью.

Казалось бы, эти три власти должны прийти в состояние покоя и бездействия. Но так как необходимое течение вещей заставит их действовать, то они будут вынуждены действовать согласованно.

Так как исполнительная власть участвует в законодательстве только посредством своего права отмены, она не должна входить в самое обсуждение дел. Нет даже необходимости, чтобы она вносила свои предложения; ведь она всегда имеет возможность не одобрить заключения законодательной власти и потому может отвергнуть любое решение, состоявшееся по поводу нежелательного для нее предложения.

В некоторых древних республиках, где дела обсуждались всенародно, исполнительная власть, естественно, должна была и вносить предложения, и обсуждать их вместе с народом, так как иначе получилась бы необычайная путаница в постановлениях.

Если исполнительная власть станет участвовать в постановлениях о налогах не одним только изъявлением своего согласия, то свободы уже не будет, потому что исполнительная власть обратится в законодательную в одном из — самых важных пунктов законодательства.

Если по тому же вопросу законодательная власть будет выносить свои постановления не на годичный срок, а навсегда, то она рискует утратить свою свободу, так как исполнительная власть уже не будет зависеть от нее; а если такое право приобретено навсегда, вопрос о том, кому мы обязаны этим приобретением — самим ли себе или кому-то другому, — уже становится безразличным. То же самое произойдет, если законодательная власть станет выносить такие же бессрочные постановления по вопросам о сухопутных и морских силах, которые она должна поручать ведению исполнительной власти.

Чтобы тот, кому принадлежит исполнительная власть, не мог угнетать, надо, чтобы поручаемые ему войска представляли собою народ и были проникнуты одним духом с народом, как это было в Риме до времени Мария. А чтобы это было так, необходимо одно из двух: или те, кто служит в армии, должны иметь достаточные средства, чтобы отвечать за свое поведение перед прочими гражданами своим имуществом. причем служба их должна быть ограничена годичным сроком, как это практиковалось в Риме; или, если имеется в виду постоянное войско, составленное из подонков народа, законодательной власти должно быть предоставлено право распустить это войско, когда ей вздумается; солдаты должны жить вместе с народом; не следует создавать ни отдельных лагерей, ни казарм, ни крепостей.

Армия, после того как она создана, должна находиться в непосредственной зависимости не от законодательной, а от исполнительной власти; это вполне согласуется с природой вещей, ибо армии надлежит более действовать, чем рассуждать.

По свойственному им образу мыслей люди более уважают смелость, чем осторожность; деятельность, чем благоразумие; силу, чем советы. Армия всегда будет презирать сенат и уважать своих офицеров. Она отнесется с пренебрежением к приказам, посылаемым ей от имени собрания, состоящего из людей, которых она считает робкими и потому не достойными ею распоряжаться. Таким образом, если армия будет зависеть единственно от законодательного собрания, правление станет военным. Если и были где-либо уклонения от этого правила, то лишь вследствие каких-нибудь чрезвычайных причин: оттого, например, что армия была изолирована; оттого, что она состояла из нескольких частей, зависящих от разных провинций; оттого, что главные города страны были отлично защищены по своему природному положению и потому не содержали в себе войска.

Голландия еще лучше защищена, чем Венеция. Она может потопить взбунтовавшиеся войска или умирить их голодом. Там войска размещаются не по городам, которые могли бы снабжать их продовольствием, поэтому их легко можно лишить этого продовольствия.

Но если в случае непосредственной зависимости армии от законодательного корпуса какие-нибудь особенные обстоятельства помешают правлению стать военным правлением, то этим не устраняются другие неудобства такого положения.

Должно будет случиться одно из двух: или армия разрушит правительство, или правительство ослабит армию.

И это ослабление явится следствием причины поистине роковой: оно будет порождено слабостью самого правительства.

Всякий, кто пожелает прочитать великолепное творение Тацита о нравах германцев, увидит, что свою идею политического правления англичане заимствовали у германцев. Эта прекрасная система найдена в лесах.

Все человеческое имеет конец, и государство, о котором мы говорим, утратит свою свободу и погибнет, как погибли Рим, Лакедемон и Карфаген; погибнет оно тогда, когда законодательная власть окажется более испорченной, чем исполнительная.

Не мое дело судить о том, пользуются ли в действительности англичане этой свободой или нет. Я довольствуюсь указанием, что они установили ее посредством своих законов, и не ищу большего.

Я не имею намерения ни унижать другие правления, ни говорить, что эта крайняя политическая свобода должна служить укором тем, у которых есть свобода умеренная. Да и как мог бы я сказать это, когда сам считаю, что в избытке даже разум не всегда желателен и что люди почти всегда лучше приспособляются к середине, чем к крайностям?

Гаррингтон[74] в своей *Oceana* стремился выяснить, какова та высшая ступень свободы, которой может достигнуть конституция государства. Но можно сказать, что он разыскивал эту свободу, отвернувшись от нее, и что он построил Халкедон, имея перед глазами берега Византии.

ГЛАВА VII

Об известных нам монархиях

Монархии, которые нам известны[75], не имеют своим непосредственным предметом свободу, подобно той монархии, о которой мы только что говорили; они стремятся лишь к славе граждан, государства и государя. Но из этой славы проистекает дух свободы, который может в этих государствах творить дела столь же великие и, возможно, столько же способствовать счастью людей, как и сама свобода.

Распределение и соединение трех властей там осуществлено не по образцу того государственного устройства, о котором мы говорили выше. Каждая власть распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе, без чего монархия выродилась бы в деспотизм.

ГЛАВА VIII

Почему древние не имели достаточно ясного представления о монархии

Древние совсем не знали правления, основанного на сословии знати, и тем более правления, основанного на законодательном собрании, составленном из представителей нации. Республики Греции и Италии были городами, каждый из которых управлялся по-своему и заключал в своих стенах всех своих граждан. Прежде чем все эти республики были поглощены римлянами, королей не было почти нигде; в Италии, Галлии, Испании. Германии — всюду были небольшие народы да маленькие республики. Даже Африка находилась в подчинении у большой республики, а Малая Азия была занята греческими колониями. Городского представительства и государственных собраний не было нигде, и надо было добраться до Персии, чтобы найти правление одного лица.

Существовали, правда, федеративные республики; несколько городов посылали своих представителей на общее собрание. Но монархии, устроенной по такому образцу, не было.

Вот как возникли первоначальные очертания известных нам монархий. Племена германцев, которые завоевали Римскую империю, как известно, пользовались очень большой

свободой. Стоит только почитать, что говорит Тацит о нравах германцев, чтобы убедиться в этом. Завоеватели распространились по всей стране; они расселялись по деревням, и очень немногие жили в городах. Пока они жили в Германии, весь народ мог сходиться на общее собрание. После того как они рассеялись по завоеванной территории, это уже стало невозможным. Но так как – народ все же должен был совещаться о своих делах, как он это делал до завоевания, то он стал совещаться посредством представителей. Вот зародыш готического правления[76] у наших предков. Первоначально оно представляло собой смесь аристократии с монархией и имело то неудобство, что простой народ был там рабом. Но все же это было хорошее правление, обладавшее способностью сделаться лучшим. В нем установился обычай давать освободительные грамоты, и вскоре гражданская свобода народа, прерогативы знати и духовенства, власть королей были так хорошо согласованы, что я не знаю, было ли когда-нибудь на земле правление, столь хорошо уравновешенное, как то, которым пользовались все части Европы в то время, когда оно там существовало. И не поразителен ли тот факт, что самое разложение правления народа-завоевателя породило лучшее из правлений, которое люди могли только себе вообразить.

ГЛАВА IX Воззрения Аристотеля

Видно, что Аристотель испытывает затруднения, когда он говорит о монархии. Он устанавливает пять родов ее и различает их не по форме государственного устройства, а по случайным признакам, каковы добродетели или пороки государя, или по признакам внешним, каковы захват тирании или ее преемственность.

Аристотель* причисляет к монархиям и государство персов, и государство лакедемонян. Но кто не видит, что первое было деспотическим государством, а второе республикой?

Не зная распределения трех властей в правлении одного, древние не могли составить себе верного представления о монархии.

ГЛАВА X Воззрения других политиков

Аррибас, царь Эпира, видел в республике средство умерить власть одного. Молоссы, не зная, как ограничить ту же самую власть, поставили двух царей; этим они более ослабили государство, чем государей; они думали создать соперников и получили врагов.

Существование двух царей могло быть терпимо лишь в Лакедемонии; там они были не сущностью государственного устройства, но лишь одним из его элементов.

ГЛАВА XI О греческих царях героической эпохи

У греков в героическую эпоху установилось нечто вроде монархии, которая продержалась недолго. Лица, которые создавали ремесла, вели войны за народ, соединяли людей в общества или наделяли их землями, получали царскую власть и передавали ее своим детям. Они были царями, жрецами и судьями. Это один из пяти родов монархии, о которых нам говорит Аристотель, и единственный действительно имеющий сходство с монархическим строем. Но характер этого строя противоположен устройству наших нынешних монархий.

Распределение трех властей было в нем таково, что народ имел законодательную власть, а царь — исполнительную власть вместе с судебной; между тем как в известных нам государствах государь обладает властью исполнительной и законодательной или по крайней мере частью законодательной, но сам не судит.

В правлении царей героической эпохи распределение трех властей было проведено очень дурно. Эти монархии были недолговечны, так как народ, обладая законодательной властью, мог уничтожить их по малейшему капризу, что он повсюду и сделал.

У народа, свободного и обладающего законодательной властью, у народа, заключенного в стенах города, где все ненавистное является еще более ненавистным, высшее искусство законодательства состоит в умении хорошо распорядиться судебной властью. Но ею нельзя было распорядиться хуже, чем поручив тому, кто имел уже исполнительную власть. С этого момента монарх становился страшным. Но так как в то же время он не участвовал в законодательстве и потому был перед ним беззащитен, можно сказать, что у него было и слишком много, и слишком мало власти.

Тогда еще не было обнаружено, что истинная деятельность государя состоит в том, чтобы назначать судей, а не судить самому. Противоположная этому политика сделала власть одного невыносимой. Все эти цари были изгнаны. Греки не составили себе правильного представления о распределении трех властей в правление одного; они дошли до этого представления только в применении к правлению многих и назвали государственный строй такого рода политией.

ГЛАВА XII

О правлении царей Рима и о том, как там были распределены три власти

Правление царей Рима в некоторых отношениях сходно с правлением царей у греков героического периода. Оно пало, как и прочие, вследствие общего им всем порока, хотя само по себе и по своей природе оно было очень хорошим.

Для ознакомления с этим правлением я разделю его на правление пяти первых царей, правление Сервия Туллия и правление Тарквиния.

Царя избирали, и во времена пяти первых царей сенат играл преобладающую роль при его избрании.

По смерти царя сенат обсуждал, следует ли сохранить существующую форму правления. Если он находил нужным сохранить ее, то он назначал из своей среды сановника, который избирал царя; сенат должен был одобрить избрание, народ — утвердить его, гадания — освятить. Если одного из этих трех условий не было налицо, совершались новые выборы.

Государственный строй был монархическим, аристократическим и народным; между властями была установлена такая гармония, что в период первых царствований не было ни зависти, ни вражды. Царь предводительствовал войсками и ведал жертвоприношениями; он имел власть судить дела гражданские и уголовные; он созывал сенат и собирал народ; некоторые дела он выносил на рассмотрение народа, а остальные решал совместно с сенатом.

Сенат пользовался большим авторитетом. Цари часто призывали сенаторов для участия в своем суде и не выносили на рассмотрение народа ни одного дела, которое не было бы предварительно обсуждено в сенате.

Народ имел право избирать должностных лиц, изъявлять согласие на издание новых законов и с дозволения царя объявлять войну и заключать мир. Но он не имел власти судить; и если Тулл Гостилий отдал на его суд Горация, то у него были для этого особые причины, которые приводит Дионисий Галикарнасский.

Государственный строй изменился при Сервии Туллии. Сенат уже не участвовал в избрании этого царя; он был провозглашен народом. Он перестал судить гражданские дела и

оставил за собой только уголовные; он выносил все дела на обсуждение народа; он облегчил налоги и все бремя их возложил на патрициев. Так, ослабляя царскую власть и авторитет сената, он соответственно этому усиливал власть народа.

Тарквиний не был избран ни сенатом, ни народом. Он видел в Сервии Туллии узурпатора и занял престол, считая, что имеет на него наследственное право. Он истребил большую часть сенаторов, а с оставшимися не совещался и не привлекал их даже к участию в своем суде. Его власть увеличилась; но все, что было в этой власти ненавистного, стало еще более ненавистным. Он захватил власть народа; он создавал законы без него и даже против него. Он соединил бы в своем лице все три власти, но народ, наконец, вспомнил, что законодатель — он сам, и Тарквиния не стало.

ГЛАВА XIII

Общие рассуждения о состоянии Рима после изгнания царей

Расстаться с римлянами невозможно; так еще и теперь в их столице люди покидают новые дворцы и ищут развалин; так глаз, успокоенный зеленой эмалью лугов, любит созерцать скалы и горы.

Патрицианские фамилии всегда имели большие привилегии. Эти привилегии, столь значительные в эпоху царей, стали еще значительнее после их изгнания. Это возбудило зависть плебеев, которые захотели принизить патрициев. Недовольство было направлено против государственного строя и не ослабляло правления: поскольку учреждения сохраняли свою власть, было в общем безразлично, к каким семьям принадлежали должностные лица.

Избирательная монархия, какою был Рим, должна по необходимости опираться на могущественную аристократию, без которой она превратится в тиран-ию или народное государство. Но народное государство не нуждается для своей поддержки в родовых привилегиях. Поэтому патриции, которые были необходимым элементом государственного строя во времена царей, стали в нем излишними во времена консулов. Народ мог принизить патрициев без вреда для себя и преобразовать строй, не извращая его.

После того как Сервий Туллий унизил патрициев, Рим должен был перейти из рук царей в руки народа, между тем как народ, принижая патрициев, не имел основания опасаться снова оказаться под властью царей.

Природа государства изменяется двумя путями: или потому, что государственный строй исправляется, или потому, что он разлагается. Если он изменяется, сохраняя свои принципы, — это значит, что он исправляется; если же при изменении он утрачивает свои принципы, — это значит, что он разлагается.

Рим после изгнания царей должен был стать демократией. Народ уже обладал законодательной властью; цари были изгнаны по его единодушному решению; и если бы он не настаивал на этом решении, то Тарквиний могли бы возвратиться ежеминутно. Предполагать, что он изгнал их для того, чтобы стать рабом нескольких фамилий, было бы неразумно. Итак, положение вещей требовало, чтобы Рим стал демократией, и, однако, он не был ею. Надо было умерить власть главных сановников и изменить законы в сторону демократии.

Часто государства более процветают в период незаметного перехода от одного строя к другому, чем в период господства того или другого строя. В такую пору все пружины правления напрягаются, все граждане исполнены честолюбивых стремлений, люди то борются между собой, то ласкают друг друга, и возникает благородное соревнование между защитниками падающего государственного строя и сторонниками строя, получающего преобладание.

ГЛАВА XIV

Каким образом распределение трех властей начало изменяться после изгнания царей

Четыре обстоятельства более всего нарушали свободу Рима. Все должности — жреческие, политические, гражданские и военные — доставались одним патрициям; консулам была дана чрезмерная власть: народ подвергали оскорблениям и, наконец, ему не оставили почти никакого влияния на голосование. Эти-то четыре злоупотребления и исправил сам народ.

1. Он добился того, что плебеям было предоставлено право занимать некоторые должности, и мало-помалу распространил это право на все, за исключением должности интеррекса.

2. Власть консулов была разделена, из нее образовали несколько должностей. Была создана должность преторов с властью судить гражданские дела; были назначены квесторы для суда над преступлениями против общества; были установлены эдилы, которым поручили полицейские функции; была учреждена должность казначеев для заведования общественной казной; наконец, посредством создания должности цензоров консулы были лишены той части законодательной власти, которая следит за нравами граждан и касается временного надзора за различными государственными сословиями. Главные оставшиеся за ними прерогативы заключались в праве председательствовать на больших народных собраниях, созывать сенат и предводительствовать войсками.

3. Священные законы установили должность трибунов, которые могли в любой момент останавливать действия патрициев и не допускать не только частных, но и общих несправедливостей.

Наконец, плебеи добились усиления своего влияния в общественных постановлениях. Римский народ был разделен трояким образом: по центуриям, по куриям и по трибам; для подачи голосов его собирали и распределяли по одному из этих трех подразделений.

В центуриях почти вся власть принадлежала патрициям, первым гражданам, богачам и сенату, что было почти одно и то же; в куриях они имели менее власти, и еще менее — в трибах.

Деление по центуриям было более делением цензов и достатков, чем делением лиц. Весь народ был разделен на 193 центурии, причем каждая имела один голос. Первые 98 центурий состояли из патрициев и первых граждан; остальные граждане были распределены по 95 прочим центуриям. Таким образом, в этом делении патриции господствовали при голосовании.

В делении по куриям патриции не имели этих преимуществ. Тем не менее некоторые преимущества были у них и тут. Здесь надо было обращаться к гаданиям, которыми ведали патриции, и нельзя было выносить на рассмотрение плебеев никакого предложения, которое предварительно не было представлено сенату и одобрено его постановлением.

Только в делении по трибам не было речи ни о гаданиях, ни о сенатских постановлениях, и патриции на эти собрания не допускались.

Но народ всегда добивался того, чтобы собрания, которые обыкновенно проводились по центуриям, проводились по куриям, а собрания, которые проводились по куриям, проводились по трибам, вследствие чего дела, наконец, и перешли из рук патрициев в руки плебеев.

Поэтому когда плебеи добились права судить патрициев, чего они домогались со времени дела Кориолана, то они стали судить их в собраниях по трибам, а не по центуриям; когда же были установлены в пользу народа новые должности трибунов и эдилов, то народ добился права избирать этих должностных лиц в собраниях по куриям; а вслед затем, когда власть его достаточно упрочилась, он получил право избирать их в собраниях по трибам.

Каким образом во время процветания республики Рим внезапно утратил свою свободу

В пылу раздоров между патрициями и плебеями последние потребовали установления определенных законов, дабы приговоры суда перестали быть следствием произвола или прихотей власти. После долгого сопротивления сенат дал свое согласие. Для составления этих законов назначили децемвиров. Полагали, что их необходимо наделить большой властью, ввиду того что им предстояло создать законы для сторон, почти ни в чем не согласных друг с другом. Назначение всех должностных лиц было приостановлено; в комициях были избраны децемвиры, для того чтобы они одни распоряжались всеми делами в качестве правителей республики. Они были облечены и консульской, и трибунской властью. Первая давала им право созывать сенат; вторая — созывать народ; но они не созывали ни сената, ни народа. Десять человек в республике обладали всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. Рим оказался во власти тирании, столь же жестокой, как тирания Тарквиния. Когда Тарквиний чинил свои насилия, Рим был возмущен властью, которую Тарквиний захватил; когда чинили свои насилия децемвиры, он был поражен властью, которую сам вручил им.

Но какова же была система тирании, проводимая людьми, которые получили политическую и военную власть только потому, что они были сведущи в гражданских делах, и которым по обстоятельствам того времени внутри страны было необходимо малодушие граждан, чтобы они позволили властвовать над собою, а вне ее границ — их мужество, чтобы они могли защищать своих владык?

Зрелище смерти Виргинии, закланной своим отцом на алтаре стыда и свободы, низвергло власть децемвиров. Каждый стал свободным, потому что каждый был оскорблен; все стали гражданами, потому что все почувствовали себя отцами. Сенат и народ вновь обрели свободу, которая была доверена жалким тиранам.

Римский народ более, чем какой-либо другой, был чувствителен к зрелищам. Зрелище окровавленного тела Лукреции положило конец власти царей. Покрытый ранами должник, появившийся на площади, заставил изменить форму республики. Образ Виргинии побудил изгнать децемвиров. Чтобы заставить осудить Манлия, надо было скрыть от народа вид Капитолия. Окровавленная тога Цезаря снова свергла Рим в рабство.

ГЛАВА XVI

О законодательной власти в римской республике

Раздоры были воспрещены при децемвирах, но зависть воскресла вместе со свободой; пока у патрициев оставались какие-то привилегии, плебеи не переставали отнимать у них эти привилегии.

Большого зла тут не было бы, если бы плебеи удовлетворились тем, что лишили патрициев их преимуществ и не оскорбили их еще и как граждан. В народных собраниях по куриям или по центуриям народ состоял из сенаторов, патрициев и плебеев. В ходе борьбы плебеи завоевали себе право создавать законы одни, без участия патрициев и сената. Эти законы были названы плебисцитами, а комиции, в которых они создавались, — комициями по трибам. Таким образом, были случаи, когда патриции не имели никакого участия в законодательной власти и когда они были подчинены законодательной власти другого государственного сословия. Это было какое-то опьянение свободой. Во имя установления демократии народ ниспровергал основы демократии. Казалось бы такая чрезмерная власть должна была уничтожить власть сената; но Рим имел превосходные учреждения. Особенно хороши были два, из коих одно регулировало законодательную власть народа, а другое —

ограничивало ее.

Цензоры, а до них консулы каждые пять лет, так сказать, формировали и создавали политическое тело народа; им принадлежало законодательство над самой законодательной властью. «Цензор Тиберий Гракх, — говорит Цицерон, — переместил вольноотпущенников в городские трибы не силой своего красноречия, но одним только словом и жестом; и если бы он не сделал этого, то у нас не было бы этой республики, которую мы теперь с таким трудом поддерживаем».

С другой стороны, сенат имел власть изъять, так сказать, республику из рук народа посредством назначения диктатора, перед которым преклонял голову самодержавный народ и смолкали самые благоприятные для народа законы.

ГЛАВА XVII

Об исполнительной власти в той же республике

Народ, столь ревниво охранявший свою законодательную власть, менее дорожил своей исполнительной властью. Он отдал ее почти целиком сенату и консулам, а за собою оставил только право избирать должностных лиц и утверждать распоряжения сената и полководцев.

Вследствие своей страсти повелевать и честолюбивого стремления все подчинить своей власти, вследствие узурпации, которые он всегда производил и продолжал производить, Рим был постоянно обременен большими заботами: то против него составляли заговор его враги, то он сам составлял заговор против своих врагов.

Все это обязывало его действовать, с одной стороны, с героической отвагой, а с другой — с величайшим благоразумием и создавало такое положение вещей, которое требовало, чтобы делами его руководил сенат. Народ оспаривал у сената все отрасли законодательной власти, потому что дорожил своей свободой. Но он не оспаривал у него ни одной из отраслей исполнительной власти, потому что дорожил своею славой.

Доля участия сената в исполнительной власти была так велика, что, по словам Полибия, все иностранцы считали Рим аристократией. Сенат распоряжался общественной казной и отдавал на откуп государственные доходы, был третейским судьей в делах между союзниками, решал вопросы о войне и мире и руководил в этом отношении консулами. Он определял численность войск римлян и союзников, распределял провинции и войска между консулами или преторами и по истечении их служебного года мог назначать им преемников. Он присуждал триумфы, принимал и отправлял послов, возводил на престол царей, награждал, наказывал, судил их, жаловал им звание союзника римского народа или лишал их этого звания.

Консулы собирали войска, которые они должны были вести на войну; они командовали сухопутными и морскими силами, располагали союзниками; они имели в провинциях неограниченную власть; они заключали мир с побежденными — народами и предписывали им условия мира сами или отсылали их для этого к сенату.

Даже в те времена, когда народ принимал некоторое участие в делах войны и мира, он проявлял при этом более свою законодательную власть, чем власть исполнительную. Он только утверждал то, что было сделано царями, а после них — консулами или сенатом. Он не только не объявлял войны, но мы даже видим, что консулы или сенат часто вели ее вопреки сопротивлению его трибунов. Но, опьяненный своим могуществом, народ усилил свою исполнительную власть. Так, он сам стал назначать военных трибунов, которых ранее назначали полководцы, и незадолго до первой пунической войны постановил, что ему одному принадлежит право объявления войны.

ГЛАВА XVIII

О судебной власти в римском государстве

Судебная власть была предоставлена народу, сенату, государственным сановникам и судьям. Надо рассмотреть, как она была распределена. Начиная с дел гражданских.

Консулы судили после царей, а преторы — после консулов. Сервий Туллий сложил с себя обязанность творить суд по делам гражданским; консулы тоже не решали этих дел, за исключением очень редких случаев, которые поэтому получили название *чрезвычайных*. Они довольствовались тем, что назначали судей и формировали трибуналы, которые должны были судить. Судя по речи Аппия Клавдия, переданной Дионисием Галикарнасским, начиная с 259 года от основания Рима в этом видели установившийся обычай; и мы не зайдём слишком далеко, если отнесем установление этого обычая к Сервию Туллию.

Претор каждый год составлял список, или табель, лиц, которых он избирал для выполнения обязанности судей в продолжение года отправления им своей должности. Для каждого дела привлекали достаточное для его рассмотрения количество судей. Почти то же самое практикуется в Англии. Особенно благоприятно для свободы было тут то, что претор назначал судей с согласия сторон. Значительное количество отводов, которое допускается теперь делать в Англии, очень близко подходит к этому обычаю.

Эти судьи должны были только устанавливать факты, например, была или нет уплачена такая-то сумма, было или не было совершено такое-то действие. Что же касается вопросов о праве, решение которых требует некоторых специальных способностей, то они выносились на обсуждение трибунала центумвиров.

Цари сохранили за собой право суда по делам уголовным; от них это право перешло к консулам. В силу этой-то судебной власти консул Брут и предал смерти своих детей и всех участников заговора в пользу Тарквиниев. Эта власть была чрезмерна. Консулы уже обладали военной властью, теперь они стали применять эту власть и к гражданским делам, и их судебные решения, не стесняемые никакими формами судопроизводства, были скорее актами насилия, чем суда.

Этим было вызвано издание закона Валерия, дозволявшего апеллировать к народу по поводу всякого распоряжения консулов, угрожавшего жизни гражданина. Консулы уже не могли вынести смертного приговора римскому гражданину иначе, как по воле народа.

Мы видим, что во время первого заговора в пользу возвращения Тарквиниев виновных судит консул Брут, во время второго — для суда над виновными созывают сенат и комиции.

Законы, названные *священными*, дали народу трибунов, которые образовали корпорацию, заявившую вначале безмерные притязания. Трудно сказать, что было сильнее: дерзкая требовательность плебеев или робкая уступчивость сенаторов. Закон Валерия дозволил апеллировать к народу, т. е. к народу, состоящему из сенаторов, патрициев и плебеев; но плебеи постановили, что апелляции следует обращать только к ним одним. Вскоре был поднят вопрос, о том, могут ли плебеи судить патриция, что стало предметом распри, порожденной делом Кориолана и вместе с этим делом окончившейся. Кориолан, обвиненный трибунами перед народом, утверждал вопреки духу закона Валерия, что его как патриция могут судить только консулы. Плебеи также вопреки духу закона решили, что его должны судить только одни плебеи, и действительно судили его.

Законы двенадцати таблиц все это изменили. Они постановили, что вопрос о жизни и смерти гражданина должен решаться лишь большими народными собраниями. Таким образом, плебеи, или, что то же самое, комиции по трибам, стали судить только преступления, наказуемые денежным штрафом. Для вынесения смертного приговора нужен был закон; для присуждения к денежному штрафу достаточно было плебисцита.

Это определение законов двенадцати таблиц было очень благоразумно. Благодаря ему плебеи и сенаторы стали действовать с удивительным согласием: так как компетенция тех и других была поставлена в зависимость от строгости наказания и природы преступления, то им было невозможно обойтись без взаимного соглашения.

Закон Валерия лишил государственный строй Рима всего, что у него еще оставалось

общего с правлением греческих царей героической эпохи. Консулы уже не имели власти карать за преступления. Хотя все преступления имеют публичный характер, тем не менее надо отличать те из них, которые касаются взаимных отношений граждан, от тех, которые, скорее, касаются отношений государства к гражданам. Первые называются преступлениями частными, а вторые — публичными. Публичные преступления судил сам народ. Что касается частных, то он поручал специальной комиссии назначать квестора для суда над каждым преступлением этого разряда. В квесторы народ часто избирал должностное лицо, но иногда и частное. Их называли *квесторами отцеубийства*. О них упоминается в законах двенадцати таблиц.

Квесторы назначали так называемого судью данного дела, который избирал по жребию судей, составлял суд и председательствовал в нем.

Следует обратить внимание на участие, которое принимал сенат в назначении квестора, для того чтобы уяснить себе, каким образом были в этом отношении уравновешены власти. Иногда сенат заставлял избрать диктатора для отправления должности квестора; иногда он приказывал, чтобы избрание квестора было поручено народному собранию, созванному трибуном; наконец, случалось, что народ давал поручение избранному им для этого должностному лицу сообщить сенату о каком-нибудь преступлении и просить его назначить квестора, как это видно из суда над Луцием Сципионом, о котором говорит Тит Ливий.

В 604 году от основания Рима некоторые из этих временных комиссий были обращены в постоянные. Мало-помалу материал преступлений был разделен по вопросам, которые составили предмет *постоянных судов*. Каждый из этих судов был поручен ведению особого претора. Власть преторов судить эти преступления была ограничена годичным сроком, по истечении которого они отправлялись управлять своими провинциями.

В Карфагене совет ста состоял из пожизненных судей. Но в Риме преторы назначались на один год, а судьи — даже на более короткий срок, потому что они назначались для каждого дела особо. Мы уже сказали в VI главе этой книги, насколько такой порядок был в некоторых государствах благоприятен для свободы.

До Гракхов судей избирали из сословия сенаторов. Тиберий Гракх заставил избирать их из сословия всадников; эта перемена была настолько важной, что сам трибун считал, что он одной этой мерой подорвал силу сословия сенаторов.

Надо заметить, что распределение трех властей может быть очень благоприятно для свободы конституции, хотя менее благоприятно для свободы гражданина. В Риме могущество народа, обладавшего законодательной властью и частью власти исполнительной и судебной, было так велико, что оно нуждалось в противовесе со стороны другой власти. Хотя сенат и обладал частью исполнительной власти и некоторыми отраслями законодательной, но этого было мало для противовеса народу. Нужно было, чтобы он пользовался частью судебной власти, и он пользовался ею, когда судей выбирали из сенаторов. Но после того как Гракхи лишили сенаторов участия в суде, сенат уже не мог противостоять народу. Таким образом, Гракхи поколебали свободу строя ради усиления свободы народа, но последняя погибла вместе с первой.

Отсюда произошли бесконечные бедствия. Государственный строй был изменен в такое время, когда в пылу гражданской борьбы основные законы уже почти не существовали. Всадники перестали быть тем средним сословием, которое соединяло народ с сенатом, и узы единения в государственном строе были порваны.

Существовали и частные причины, в силу которых не следовало поручать судебную власть всадникам. Государственный строй Рима был основан на том принципе, что войско его должно было состоять из лиц, достаточно состоятельных, чтобы отвечать перед республикой за свое поведение своим имуществом. Всадники, как люди самые богатые, составляли кавалерию легионов. Но после своего возвышения они уже не захотели служить в этом войске. Надо было образовать новую кавалерию: Марий стал набирать в свои легионы всякий сброд, и республика погибла.

Кроме того, всадники брали на откуп доходы республики; они были жадны, они сеяли

одно общественное бедствие за другим, одну нужду за другой. Таких людей не только не следовало делать судьями, но и самих их надо было бы постоянно держать под надзором судей. К чести наших старинных французских законов надо сказать, что при заключении договоров с деловыми людьми они относились к ним с недоверием, которое, естественно, внушает неприятель. Когда в Риме судебная власть была передана откупщикам, не стало ни добродетели, ни порядка, ни законов, ни судов, ни судей.

В некоторых отрывках из Диодора Сицилийского[77] и Диона встречается довольно наивное изображение такого положения дел. «Муций Сцевола, — говорит Диодор, — захотел воскресить нравы старицы, жить честно и воздержанно, только на средства от своего собственного имущества. Предшественники его, вступив в сообщничество с откупщиками, которые были в это время судьями в Риме, наводнили провинцию всякого рода преступлениями. Но Сцевола покарал ростовщиков и посадил в тюрьмы тех, которые сажали туда других».

Дион рассказывает, что наместник Сцеволы Публий Рутилий — человек, не менее Сцеволы ненавистный всадникам, был обвинен по своем возвращении из провинции в том, что он получил подарки и присужден к денежному штрафу. Он тотчас же заявил об уступке своего имущества. Он доказал свои права на владение им, и его невинность обнаружилась в том, что ценность его имущества оказалась гораздо меньше ценности того, в похищении чего его обвиняли. Он не захотел более жить в одном городе с такими людьми.

Диодор говорит еще, что итальянцы закупали в Сицилии партии рабов для возделывания своих полей и ухода за своими стадами и не кормили их, вследствие чего эти несчастные, одетые в шкуры животных, вооруженные копьями и дубинами и окруженные стаями больших собак, были вынуждены грабить по большим дорогам. Они опустошали всю провинцию, так что жители ее могли считать своим только то имущество, которое находилось под охраной городских стен. И ни один проконсул, ни один претор не мог или не хотел воспротивиться этим беспорядкам, не смел наказать этих рабов, потому что они принадлежали всадникам, которые обладали судебной властью в Риме. Это было, однако, одной из причин восстания рабов. Скажу только одно: людям, занимавшимся профессией, единственная цель которой — нажива, профессией, которая всегда всего требовала, но от которой никто ничего не требовал, профессией, неумолимой и глухой ко всему на свете, — этим людям, которые не только расхищали богатства, но разоряли и самую бедность, не следовало вручать судебную власть в Риме.

ГЛАВА XIX

Об управлении римскими провинциями

Таково было распределение трех властей в столице, но далеко не таким было оно в провинциях. В центре царил свобода, а на окраинах господствовала тирания.

Пока господство Рима простиралось на одну Италию, он управлял ее народами как союзниками. В каждой республике соблюдались ее законы. Но когда Рим расширил свои завоевания, когда сенат не мог уже осуществлять непосредственного надзора за провинциями, когда должностные лица, находившиеся в Риме, не могли более управлять империей, — пришлось посылать в провинции преторов и проконсулов. С этих пор не стало более гармонии между тремя властями. Посылаемый правитель соединял в своем лице власть всех должностных лиц Рима; да что я говорю? — даже власть самого сената, даже власть самого народа. Это были правители деспотические, очень подходящие для тех отдаленных мест, куда их посылали. Они обладали всеми тремя властями и были, если можно так выразиться, пашами республики.

Мы уже сказали в другом месте, что в республике соединение в лице одного и того же гражданина должностей военных и гражданских вытекало из природы вещей. Это доказывает, что республика, производящая завоевания, не может управлять завоеванным

государством в согласии с формой своего собственного государственного строя, не может передать ему своего образа правления. В самом деле, посылаемый ею правитель, имея уже в руках исполнительную власть — и гражданскую, и военную — должен обладать еще и законодательной властью, так как кто же без него будет издавать законы? Столь же необходимо, чтобы он обладал и властью судебной, так как кто же будет судить независимо от него? Необходимо, следовательно, чтобы назначаемый республикой правитель обладал всеми тремя властями, как это и было в римских провинциях.

Монархия может с меньшими затруднениями навязывать свой образ правления, так как из посылаемых ею для управления чиновников одни обладают исполнительной властью гражданской, а другие — исполнительной властью военной, что не влечет за собой деспотизма.

Право римского гражданина быть подсудным только суду народа было для него очень важной привилегией, так как иначе, находясь в провинций, он оказался бы оставленным на произвол проконсула или пропретора. Рим не ощущал тирании, которая действовала только среди покоренных народов.

Таким образом, в Риме, как и в Лакедемонне, свободные пользовались крайней свободой, а рабы были в крайнем рабстве.

С граждан налоги собирали со строгой справедливостью. Основой налогообложения служило постановление Сервия Туллия, который разделил граждан на шесть классов по степени их богатства и определил размеры налога, уплачиваемого каждым из этих классов пропорционально его участию в делах правления. Благодаря этому большие налоги не возбуждали неудовольствия по причине связанного с ними большого доверия, а с малым доверием мирились вследствие связанных с ним малых размеров налога.

Была тут и еще одна прекрасная сторона: так как деление Сервия Туллия было, так сказать, основным принципом государственного строя, то, следовательно, справедливость при взимании налогов коренилась в самом основном принципе правления и могла быть нарушена лишь вместе с ним.

Но между тем как город легко уплачивал налоги или вовсе не платил их, провинции опустошались всадниками — откупщиками республики. Мы уже говорили об их насилиях; история сохранила множество рассказов об этом.

«Вся Азия ожидает меня как избавителя, — сказал Митридат, — до того возбуждена ненависть к римлянам хищничеством проконсулов, вымогательствами дельцов и клеветами судей».

Вот почему все, что составляло силу провинций, не только не усилило республику, но, напротив, ослабило ее. Вот почему провинции видели в утрате Римом его свободы начало своего собственного освобождения.

ГЛАВА XX

Конец этой книга

Я хотел бы рассмотреть способ распределения трех властей во всех известных нам умеренных правлениях и согласно с этим определить степень свободы, присущей каждому из них. Но никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничего не остается на долю читателя. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

О законах, которые устанавливают политическую свободу в ее отношении к гражданину

ГЛАВА I

Основная мысль этой книги

Недостаточно рассмотреть политическую свободу в ее отношении к государственному строю, надо еще рассмотреть ее в отношении к гражданину.

Я уже сказал, что в первом случае она устанавливается известным распределением трех властей, но во втором случае ее следует рассматривать с иной точки зрения; тут она заключается в безопасности или в уверенности гражданина в своей безопасности.

Может случиться, что и при свободном государственном строе гражданин не будет свободен, или при свободе гражданина строй все-таки нельзя будет назвать свободным. В этих случаях свобода строя бывает правовая, но не фактическая, а свобода гражданина фактическая, но не правовая.

Свобода по отношению к государственному строю устанавливается только законами и даже законами основными; но по отношению к гражданину она может явиться результатом известных нравов, обычаев, усвоенных примеров при благоприятном характере некоторых гражданских законов, как мы все это увидим в настоящей книге.

Кроме того, так как в большей части государств свобода стесняется, нарушается и подавляется более, чем это требуется их устройством, то следует обратить внимание на те отдельные законы, которые в каждом государстве могут оказывать полезное или вредное влияние на принцип свободы, в зависимости от того, отрицают ли они его или нет.

ГЛАВА II

О свободе гражданина

Свобода философская состоит в беспрепятственном проявлении нашей воли, или по крайней мере (по общему смыслу всех философских систем) в нашем убеждении, что мы ее проявляем беспрепятственно. Свобода политическая заключается в нашей безопасности или по крайней мере в нашей уверенности, что мы в безопасности.

Эта безопасность всего более подвергается нападениям в уголовных процессах по обвинениям публичного или частного характера. Поэтому свобода гражданина зависит главным образом от доброкачественности уголовных законов.

Уголовные законы усовершенствовались не сразу. Даже там, где наиболее усердно искали свободы, не всегда находили ее. Аристотель говорит, что в Кумах родственники обвинителя могли выступать свидетелями на суде. В Риме эпохи царей закон был еще настолько несовершенно, что Сервий Туллий вынес приговор над детьми Анка Марция, обвиненными в убийстве царя, который был тестем Сервия Туллия. В эпоху первых королей Франции Хлотарь издал закон, по которому обвиненный не мог быть осужден, не будучи предварительно выслушан. Это доказывает, что в некоторых случаях или у некоторых варварских народов такие осуждения имели место. Наказания за лжесвидетельство были впервые установлены Харондом. Если не оградена невиновность граждан, то не оградена и свобода.

Сведения о наилучших правилах, которыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве, важнее для человечества всего прочего в мире. Эти сведения уже приобретены в некоторых странах и должны быть усвоены прочими.

Только на применении к делу этих сведений и может быть основана свобода. В государстве, которое обладает в этом отношении самыми лучшими законами, человек, которого суд приговорил повесить на следующий день, будет более свободен, чем паша в Турции.

ГЛАВА III

Продолжение той же темы

Законы, допускающие гибель человека на основании показаний одного только свидетеля, пагубны для свободы. Разум требует двух свидетелей, потому что свидетель, который утверждает, и обвиняемый, который отрицает, уравниваются друг друга, и нужно третье лицо для решения дела.

У греков и римлян можно было осуждать большинством одного голоса. Наши французские законы требуют двух голосов. Греки говорили, что их обычай был установлен богами, но с большим основанием это можно сказать о нашем.

ГЛАВА IV

О том, каким образом характер и степень строгости наказаний благоприятствуют свободе

Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком.

Есть четыре рода преступлений: к первому роду принадлежат преступления против религии, ко второму — преступления против нравов, к третьему — преступления против общественного спокойствия, к четвертому — преступления против безопасности граждан. Налагаемые за них наказания должны вытекать из природы каждого рода преступлений.

Я отношу к разряду преступлений против религии только те, которые затрагивают религию непосредственно, каково, например, всякое святотатство. Так как преступления, нарушающие исповедание религии, по природе своей принадлежат к тем, которые нарушают спокойствие и безопасность граждан, они должны быть причислены к последнему разряду.

Чтобы наказание за святотатство проистекало из природы преступления, оно должно заключаться в лишении всех доставляемых религией преимуществ: в изгнании из храмов, в отлучении от общества верных на время или навсегда. в том, чтобы избегать присутствия преступника, выражать по отношению к нему чувства омерзения, отвращения, отчуждения.

В делах, нарушающих спокойствие или безопасность государства, тайные действия подлежат ведению человеческого правосудия; но в преступлениях против божества, там, где нет публичного действия, нет и материала для преступления: все происходит между человеком и богом, который знает время и меру своего отмщения. Если же судья, не обратив внимания на это различие, станет разыскивать и скрытое святотатство, то он внесет иск в область таких деяний, где в нем нет никакой необходимости, он разрушит свободу граждан, вооружив против них религиозное рвение и робких, и смелых душ.

Зло произошло от представления, что надо мстить за божество. Но божество надо почитать, и никогда не следует мстить за него. В самом деле, если бы люди стали руководствоваться этим последним правилом, то когда же наступил бы конец казням? Если человеческие законы должны будут мстить за существо бесконечное, то они будут сообразоваться с бесконечностью этого существа, а не со слабостями, невежеством и непостоянством человеческой природы.

Один провансальский историк приводит факт, отлично рисующий, какого рода действие может произвести на слабые умы эта мысль о мщении за божество. Еврей, обвиненный в хуле на святую деву, был присужден к казни через сдираание кожи. Несколько рыцарей в масках и с ножами в руках поднялись на эшафот и прогнали палача, чтобы самим

отомстить за честь святой девы... Не хочу предвосхищать мнение читателя.

Второй разряд состоит из преступлений против нравов. Таковы оскорбления публичной и частной благопристойности, т.е. установленных способов пользования чувственными удовольствиями и половыми сношениями. Здесь наказания тоже должны вытекать из природы преступления. Они должны заключаться в лишении выгод, которые общество связывает с чистотой нравов, в штрафах, позоре, необходимости скрываться, публичном посрамлении, в изгнании из города и общества, наконец, все наказания, относящиеся к области исправительной юстиции, достаточны для борьбы с распущенностью обоих полов. В самом деле, основание этих преступлений лежит не столько в злой воле, сколько в забвении своего достоинства и в неуважении к самому себе.

Но здесь идет речь лишь о тех преступлениях, которые касаются исключительно нравов, а не о тех, которые кроме того нарушают и общественную безопасность, каковы изнасилование и похищение. Эти уже принадлежат к четвертому разряду.

К преступлениям третьего разряда относятся те, которые нарушают спокойствие граждан. Наказания за них должны соответствовать природе преступления, следовательно, они должны быть связаны с общественным спокойствием. Таковы: тюрьма, ссылка, исправительные меры и другие наказания, которые укрощают беспокойные умы и возвращают их в границы установленного порядка.

Преступления против спокойствия я отношу к простым нарушениям благочиния, так как те из этих преступлений, которые, нарушая спокойствие, направлены в то же время и против безопасности, должны быть отнесены к четвертому разряду.

Наказания за эти последние преступления состоят в том, что именуется казнью. Это своего рода талион, посредством которого общество лишает безопасности гражданина, лишившего или покушавшегося лишиться безопасности других. Это наказание извлечено из природы вещей, оно почерпнуто из разума и из самого источника добра и зла. Гражданин заслуживает смерти, если он нарушил безопасность до такой степени, что лишил кого-нибудь жизни или покушался это сделать. Смертная казнь является тут как бы лекарством для больного общества. Могут быть причины, оправдывающие ее применение и к преступлениям, нарушающим безопасность собственности; но, может быть, было бы лучше и сообразнее с природой, если бы преступления против собственности наказывались только лишением собственности. Так и должно бы быть, если бы собственность состояла в общем владении или была равно распределена. Но так как всего охотнее покушаются на чужую собственность те, кто не имеет своей, то явилась надобность добавить к денежному наказанию еще и телесное.

Все сказанное мною почерпнуто из самой природы и весьма благоприятствует свободе гражданина.

ГЛАВА V

О некоторых обвинениях, которые требуют особенной умеренности и осмотрительности

Вот важное правило: надо быть очень осмотрительным в деле преследования волшебства и ереси. Обвинения в этих преступлениях могут иметь самые пагубные последствия для свободы и породить бесчисленные акты тирании, если законодатель не сумеет ввести их в надлежащие границы. Поскольку эти обвинения основываются не непосредственно на действиях гражданина, а скорее на мнении, составившемся о его характере, они становятся тем опаснее, чем невежественнее народ, и являются вечной угрозой для гражданина, так как самое безукоризненное в мире поведение, самая чистая нравственность, выполнение всех обязанностей не могут защитить человека от подозрения в этих преступлениях.

В царствование Мануила Комнина протестатор был обвинен в заговоре против

императора и в употреблении для этой цели тайных средств, с помощью которых можно делать людей невидимками. Аарон, сказано в жизнеописании этого императора, был застигнут над книгой Соломона, чтением которой вызывались легионы демонов. Но если исходить из представления о волшебстве как о средстве повелевать адом, то, естественно, на того, кого называют волшебником, будут смотреть как на человека, более чем кто бы то ни было способного возмущать и разрушать общество и потому заслуживающего безмерного наказания.

Негодование против волшебства возрастает, когда ему приписывается способность разрушать религию. В истории Константинополя сообщается, что некий епископ имел откровение о том, что некоторое чудо перестало совершаться вследствие волшебства одного человека; в результате этот человек и его сын были приговорены к смерти. Чтобы такое преступление могло совершиться, надо было признать наличие целого ряда необычайных фактов: что нередко бывают откровения, что епископ имел такое откровение, что это откровение было истинным, что совершалось чудо, что это чудо перестало совершаться, что виною этому было волшебство, что волшебство может разрушать религию, что этот человек был волшебник, что он, наконец, действительно совершил этот акт волшебства.

Император Феодор Ласкарис приписал свою болезнь волшебству; обвиняемые могли оправдаться, только взяв раскаленное железо без обжога рук. Таким образом, надо было быть волшебником, чтобы очиститься от обвинения в волшебстве. Эти люди были до такой степени неразумны, что самое сомнительное в мире преступление обставляли столь же сомнительными доказательствами.

В царствование Филиппа V евреи были изгнаны из Франции, так как их обвинили в отравлении колодцев посредством прокаженных. Казалось бы, это нелепое обвинение должно было бы заставить усомниться в правдивости всех обвинений, основанных на общественной ненависти.

Я не говорю, что ересь совсем не надо наказывать, я хочу только сказать, что ее следует наказывать очень осмотрительно.

ГЛАВА VI

О преступлении против естества

Избави бог, я отнюдь не намерен ослабить ужас, внушаемый преступлением, которое одинаково осуждается религией, нравственностью и политикой. Это преступление надо было бы преследовать в том случае, если бы оно только сообщало слабости одного пола другому и посредством постыдно проводимой юности подготавливало бесславную старость. Я вовсе не собираюсь ослабить заслуженный им позор; все, что я хочу сказать, будет направлено лишь против тирании, которая способна употребить во зло даже самое отвращение, которое вызывает к себе это преступление.

Так как это преступление в силу самой своей природы всегда тщательно скрывается, то случилось, что законодатели наказывали его на основании свидетельского показания ребенка. Этим они открывали двери клевете. «Юстиниан, — сообщает Прокопий, — издал закон против этого преступления и приказал разыскивать всех, которые провинились в нем не только после обнародования его закона, но и ранее. Показания одного свидетеля, иногда ребенка, иногда раба, было достаточно для осуждения человека, особенно если он был богат или принадлежал к партии зеленых».

Замечательно, что три преступления: волшебство, ересь и преступление против естества, из коих о первом можно сказать, что оно вовсе не существует, о втором, что оно подлежит множеству различений, истолкований и ограничений, а о третьем, что его часто очень трудно определить, — что все эти три преступления одинаково наказывались у нас сожжением на костре.

Надо сказать, что преступления против естества никогда не получают большого

распространения в обществе, если склонность к ним не будет развиваться каким-нибудь существующим у народа обычаем, как это было у греков, где молодые люди совершали все свои гимнастические упражнения обнаженными; как это есть у нас, где домашнее воспитание стало редкостью; и как мы видим у народов Азии, где некоторые лица имеют большое количество жен, которыми они пренебрегают, между тем как прочие люди не могут иметь ни одной. Не создавайте благоприятных условий для развития этого преступления, преследуйте его строго определенными полицейскими мерами наравне с прочими нарушениями правил нравственности, и вы скоро увидите, что сама природа встанет на защиту своих прав или вернет их себе. Эта кроткая, ласковая и очаровательная природа щедрою рукой рассыпала удовольствия и, окружив нас наслаждениями, готовит нам в наших детях, в которых мы, так сказать, возрождаемся, еще более значительные радости, чем все эти наслаждения.

ГЛАВА VII

О преступлении оскорбления величества

Законы Китая осуждают на смерть всякого, кто провинится в неуважении к императору. Так как они не определяют, в чем состоит это неуважение, то любое действие может послужить предлогом для того, чтобы лишить жизни какого угодно человека и истребить какое угодно семейство.

Два лица, на обязанности которых лежало составление придворной газеты, при изложении какого-то факта сообщили некоторые подробности, оказавшиеся неверными, и были за это преданы смерти на том основании, что лгать в газете, предназначенной для двора, значит выказывать неуважение к двору. Принц крови, сделавший по рассеянности несколько замечаний на документе, подписанном государем красной кистью, был обвинен в неуважении к императору и навлек на всю свою семью одно из жесточайших преследований, о которых когда-либо сообщала история.

Итак, если преступление оскорбления величества не определено точно, этого уже достаточно, чтобы правление выродилось в деспотизм. Я остановлюсь на этом подробнее в книге *О составлении законов*.

ГЛАВА VIII

О неправильном применении терминов «святотатства» и «оскорбления величества»

Одно из жесточайших злоупотреблений заключается в том, что иногда определение «оскорбления величества» относят к действиям, которые не заключают в себе этого преступления. Один закон римских императоров преследовал как виновных в святотатстве, тех, кто критиковал приговор государя или сомневался в достоинстве назначенных им на какую-нибудь должность чиновников. Конечно, закон этот был установлен кабинетом и фаворитами государя. Другой закон определил, что лица, покушающиеся на жизнь министров или чиновников государя, виновны в преступлении оскорбления величества, как бы совершившие покушение на особу самого государя. Мы обязаны этим законом двум государям, знаменитым в истории своей слабостью, двум государям, которыми управляли министры, как пастухи управляют своими стадами, двум государям, которые во дворце были рабами, а в совете — детьми, которые были чужды своим армиям и сохраняли власть только потому, что ежедневно поступались ею. Некоторые из этих фаворитов составляли заговоры против своих императоров. Они делали больше: составляли заговоры против самой империи, призывая в нес варваров. Когда, наконец, решились взять их под стражу, государство было

уже так ослаблено, что пришлось нарушить изданный ими закон и совершить преступление оскорбления величества для того, чтобы наказать их.

Тем не менее именно на этом законе основывался докладчик по делу Сен-Мара; доказывая, что Сен-Мар виновен в преступлении оскорбления величества, потому что стремился отстранить от дел кардинала Ришелье, он говорил: «Преступление против министра государя признано законами императоров равносильным преступлению против особы самого императора. Министр служит своему государю и государству; устранить его значит нанести ущерб и тому и другому; это то же самое, как если бы государя лишили руки, а государство — части его могущества». Олицетворенное рабство не говорило бы иным языком.

Другой закон, Валентиниана, Феодосия и Аркадия, объявил фальшивомонетчиков виновными в преступлении оскорбления величества. Но не значило ли это смешивать разнородные вещи? Не будет ли ослаблено страшное понятие оскорбления величества, если это название будут применять к преступлениям иного рода?

ГЛАВА IX

Продолжение той же темы

Павлин доложил императору Александру, «что он намерен преследовать по обвинению в оскорблении величества судью за произнесение приговора, противного постановлению императора». Император ответил ему, что «в веке, ознаменованном его царствованием, косвенные преступления оскорбления величества не имеют места».

Фаустиниан писал тому же императору, что однажды он поклялся жизнью государя никогда не простить своего раба и теперь видит себя вынужденным держать этого раба в вечной опале, дабы не оказаться виновным в оскорблении величества. «Ваши страхи напрасны, — отвечал ему император, — и вам неизвестны мои правила».

Один сенатусконсульт повелел не приравнивать к оскорблению величества расплавку неудачно отлитых статуй императора. Императоры Север и Антонин писали Понтию, что человек, продающий непосвященные статуи императора, не совершает преступления оскорбления величества. Те же императоры писали Юлию Кассиану, что того, кто нечаянно попадет камнем в статую императора, не следует преследовать как виновного в оскорблении величества. Особенно нуждался в подобных смягчениях закон Юлия, так как он признавал оскорблением величества не только переплавку статуй императоров, но и всякое подобное этому действие, что давало возможность произвольных истолкований. После того как были установлены преступления оскорбления величества, появилась необходимость установить различия между этими преступлениями. Так, юрисконсульт Ульпиан, сказав, что преступление оскорбления величества не погашается даже смертью виновного, прибавил, что это относится не ко всем преступлениям оскорбления величества, установленным законом Юлия, но только к тем из них, которые содержат покушение на безопасность империи или на жизнь императора.

ГЛАВА X

Продолжение той же темы

Один английский закон, проведенный при Генрихе VIII, объявлял виновным в государственной измене всякого, кто предсказывает смерть короля. Вот, поистине, недостаточно ясный закон. Деспотизм так ужасен, что губит даже самих деспотов. Во время последней болезни этого короля медики ни разу не осмелились сказать, что он находится в опасности, и, конечно, сообразно с этим лечили его.

ГЛАВА XI

О помышлениях

Некто Марсий видел однажды во сне, что перерезал горло Дионисию. Последний предал его за это смерти, рассудив, что ему не приснилось бы ночью то, о чем он не помышлял днем. Это был акт грубой тирании, так как если бы он даже и помышлял об этом, то он все-таки не покушался этого сделать. Законы обязаны карать одни только внешние действия.

ГЛАВА XII

О нескромных словах

Нет ничего произвольнее преступления оскорбления величества в тех случаях, когда предметом его становятся нескромные слова. Речи людей так легко могут быть превратно истолкованы, различие между несдержанностью и злоумышлением так велико, а различие между словами, в которых они выражаются, так мало, что закон не должен назначать смертной казни за слова, не обозначив по крайней мере в точности те слова, за которые она назначается.

Слова не входят в состав преступления, они остаются в сфере мысли. Значение их по большей части заключается не в них самих, а в тоне, которым они высказаны. Часто одни и те же слова повторяются в различном смысле: смысл слов зависит от их связи с другими вещами. Иногда молчание бывает выразительнее всяких речей. Все это совершенно неумовимо. Как же можно создавать из такого материала преступление оскорбления величества? Везде, где установлен такой закон, нет не только свободы, но даже и тени ее.

По манифесту покойной царицы [78], изданному против семьи Долгоруких, один из этих князей был приговорен к смерти [79] за произнесение неприличных слов против ее особы, а другой — за злонамеренное истолкование ее мудрых государственных мер и оскорбление ее священной особы непочтительными отзывами.

Я вовсе не намерен ослабить негодование, которое люди должны чувствовать к тем, кто хочет омрачить славу своего государя; но скажу не обинуясь; для того чтобы умерить деспотизм, в таких случаях более уместно простое исправительное наказание, чем обвинение в оскорблении величества, всегда страшное даже для самой невинности,

Такие деяния совершаются не каждый день; они могут быть замечены многими, и ложное обвинение, опирающееся на те или иные факты, может быть легко выяснено. Слова, сопровождающиеся действием, получают свой смысл от этого действия. Так, человек, призывающий подданных на площади к восстанию, виновен в оскорблении величества, потому что слова его сопровождаются действием и составляют часть этого действия. В таком случае карают не за слова, а за совершенное действие, при котором эти слова употребляются. Слова становятся преступлением лишь тогда, когда они готовят преступное деяние, сопровождают его или следуют за ним. Но делать из слов преступление, подлежащее смертной казни, вместо того чтобы видеть в них один из признаков такого преступления, значит все извратить и перепутать.

Императоры Феодосии, Аркадий и Гонорий писали префекту Руфину: «Человека, который сказал бы что-либо дурное о нашей особе или о нашем правлении, не следует подвергать наказанию: если он сказал это по легкомыслию, то этим делом надо пренебречь, если по безумию, то надо его пожалеть, если это брань с целью оскорбления, то надо его простить. Поэтому, ничего не предпринимая со своей стороны, доведите его дело до нашего сведения, дабы мы могли, оценивая слова по людям, основательно взвесить, следует ли

предать этих людей суду или пренебречь ими».

ГЛАВА XIII

О литературных произведениях

Литературные произведения представляют собой нечто более прочное, чем устное слово; но если они не подготавливают к преступлению оскорбления величества, то и не являются материалом для этого преступления.

Август и Тиберий наказывали за них, однако, именно как за оскорбление величества; первый — в деле о некоторых памфлетах, направленных против знаменитых мужей и женщин; а второй — в деле о сочинениях, которые, как он думал, были направлены против него самого. Это имело самые роковые последствия для римской свободы. Кремуций Корд был обвинен за то, что в своих анналах назвал Кассия последним из римлян.

Сатирические сочинения совсем неизвестны в государствах деспотических, где вследствие подавленности, с одной стороны, и невежества — с другой, ни у кого нет ни желаний, ни способности заниматься ими. В демократиях им не препятствую!» по той же причине, по которой они запрещаются в правлении одного. Эти произведения, обыкновенно направленные против людей могущественных, приятно щекочут в демократии злорадство самодержавного народа. В монархии[80] их запрещают, но там они бывают более предметом полицейских мер, чем уголовных кар. Их насмешки забавляют общество, они могут доставить утешение недовольным, ослабить зависть к людям высокопоставленным, дать народу силу терпеливо переносить свои страдания и даже заставить его смеяться над ними.

Аристократическое правление ревностнее всех прочих преследует сатирические произведения. Правители его — маленькие монархи, неспособные возвыситься до того, чтобы отвечать на брань презрением. В монархии государь стоит так высоко, что стрелы сатиры не достигают до него, между тем как аристократического сановника они пронизывают насквозь; поэтому-то децемвиры, представлявшие собой аристократию, и наказывали смертью за сатирические произведения.

ГЛАВА XIV

Оскорбление стыдливости при наказании преступников

Существуют определенные правила стыдливости, соблюдаемые почти всеми народами мира, и было бы нелепо нарушать их при наказании преступлений, которое всегда должно иметь предметом восстановление порядка.

Жители Востока, отдававшие женщин в жертву слонам, выдрессированным для совершения чудовищной казни, кажется, задались целью нарушать закон посредством закона.

Древний обычай Рима запрещал предавать смертной казни девственниц, но Тиберий сумел обойти этот обычай, приказав палачам изнасиловать их перед казнью. Этот хитрый и свирепый тиран разрушал нравы ради сохранения обычаев.

Японское правительство, выставив в публичных местах раздетых донага женщин и приказав им ходить, подобно скотам, на четвереньках, заставило содрогнуться человеческую стыдливость; но когда оно захотело принудить мать..., когда оно захотело принудить сына..., я не в силах продолжать, — оно заставило содрогнуться самую природу.

ГЛАВА XV

Об освобождении раба с целью дать ему возможность обвинять своего господина

Август постановил, чтобы рабы господ, составляющих заговоры против него, продавались с торгов, чтобы они могли показывать против своего господина. Ради раскрытия важного преступления не надо ничем пренебрегать. Поэтому в государстве, где есть рабы, они, естественно, могут быть доносчиками, но они не могут быть свидетелями.

В индекс донес о составленном в пользу Тарквиния заговоре; но он не мог быть свидетелем против детей Брута. Человеку, оказавшему столь великую услугу отечеству, по справедливости даровали свободу, но он получил ее не для того, чтобы иметь возможность оказать эту услугу.

Поэтому император Тацит издал закон, воспрещавший рабам свидетельствовать против своих господ даже в случае преступления оскорбления величества. Закон этот не был внесен в сборник Юстиниана.

ГЛАВА XVI

Клеветническое обвинение в оскорблении величества

Надо отдать справедливость цезарям: изданные ими мрачные законы не были плодом их собственной изобретательности. Оставлять клеветников безнаказанными научил их Сулла. Вскоре этих клеветников стали даже награждать.

ГЛАВА XVII

О раскрытии заговоров

«Если твой брат или твой сын, или твоя дочь, или жена твоя возлюбленная, или твой друг, который тебе, как душа твоя, скажет тебе втайне: *обратимся к другим богам*, то побей его камнями: сперва твоя рука да поднимется на него, а затем и рука всего народа». Это постановление Второзакония не может быть гражданским законом у большей части известных нам народов, так как оно — открыло бы у них двери для всевозможных преступлений.

Существующий во многих государствах закон, который требует под страхом наказания, чтобы человек доносил даже о тех заговорах, в которых он сам не участвовал, не менее жесток, чем вышеприведенный. Если он вводится в монархическом государстве, то необходимо подвергнуть его ограничениям.

Там он должен применяться во всей своей строгости лишь к преступлениям оскорбления величества по первому пункту. В этих государствах очень важно не смешивать различные виды этого преступления.

В Японии, где законы опрокидывают все понятия человеческого разума, обвинение в недонесении применяется к самым обыденным случаям.

Мы читаем о двух девушках, которых там продержали до смерти в утыканном гвоздями сундуке, — одну за ее любовные похождения, а другую за то, что она не донесла на первую.

ГЛАВА XVIII

Как опасно в республиках наказывать слишком строго за преступление оскорбления величества

Когда республике удалось уничтожить тех, кто хотел ее ниспровергнуть, она должна

поспешить положить конец мщению, наказаниям и даже наградам.

Нельзя осуществлять больших наказаний, а следовательно, и больших изменений, не доверяя нескольким гражданам большой власти; поэтому в таких случаях лучше много прощать, чем много наказывать, лучше изгонять немногих, чем многих, лучше вовсе не лишать имущества, чем производить массовые конфискации. Иначе под предлогом мщения за республику установится тирания мстителей. Надо уничтожать не того, кто господствует, а господство. Надо как можно скорее возвратиться к обычному порядку правления, при котором закон все охраняет и никого не угнетает.

Греки не полагали никаких пределов мщению тиранам или тем, кого они считали тиранами. Они предавали смерти детей, иногда — пятерых ближайших родственников осужденного. Они изгнали бесчисленное количество семейств. Их республики были потрясены этим до основания, и возвращение сосланных всегда было эпохой, знаменовавшей перемену государственного строя.

Римляне поступали благоразумнее. Когда Кассий был осужден за стремление к тирании, был поставлен вопрос: не следует ли умертвить его детей, но их не подвергли никакому наказанию. «Те, — говорит Дионисий Галикарнасский, — которые в конце марсийской войны и гражданской войны хотели изменить этот закон и не допускать к должностям детей лиц, изгнанных Суллой, были настоящими преступниками».

Из войн Мария и Суллы видно, до какой степени мало-помалу извратились души римлян. События этого времени были так ужасны, что, казалось, они уже не повторятся. Но во время триумвиров люди хотели быть более жестокими и в то же время казаться менее жестокими; можно прийти в отчаяние от софизмов, которыми оправдывала себя эта жестокость. Аппиан сообщает нам формулу проскрипций. Можно подумать, что единственным их предметом было благо республики, так хладнокровно говорится там об интересах общества, о превосходстве принятых мер над всеми прочими, о безопасности богачей и спокойствии простого народа, об опасении подвергнуть угрозе жизнь граждан, о желании умиротворить солдат и, наконец, о том, как все будут счастливы.

Рим был залит потоками крови, когда Лепид праздновал свой триумф после побед в Испании; несмотря на это, он отдал беспримерный по нелепости приказ, повелевавший гражданам радоваться под угрозой проскрипции.

ГЛАВА XIX

Как приостанавливают пользование свободой в республике

В государствах, где наиболее дорожат свободой, существуют законы, позволяющие нарушить свободу одного, дабы сохранить ее для всех. Таковы в Англии так называемые БШз от аиатйег. Они принадлежат к одному разряду с теми афинскими законами, которые создавались против отдельного лица голосованием 6 тысяч граждан. Они принадлежат к одному разряду с теми законами, которые создавались в Риме против отдельных граждан и назывались там *привилегиями*. Право создавать их принадлежало лишь большим собраниям народа. Но каким бы образом народ их и создавал, Цицерон требовал, чтобы они были уничтожены, на том основании, что вся сила закона заключается в его всеобщем применении. Признаюсь, однако, что ввиду обычая, существующего у самых свободных народов мира, я склонен думать, что в некоторых случаях на свободу следует набросить покрывало, подобно тому как закрывали иногда статуи богов.

ГЛАВА XX

О законах, благоприятствующих свободе гражданина в республике

В народных государствах обвинения часто бывают публичными, так что каждому дозволяется обвинять, кого он захочет. Это вызвало установление законов, ограждающих невинность граждан. В Афинах обвинитель, не поддержанный пятой частью голосов собрания, уплачивал штраф в 5 тысяч драхм. К такому штрафу был приговорен Эсхин, обвинявший Ктесифона. В Риме недобросовестный обвинитель считался опозоренным, и ему клеймили лоб литерой К. Чтобы обвинитель не мог подкупить судей или свидетелей, к нему приставляли стражу.

Я уже говорил об афинском и римском законе, который позволял обвиненному избавляться от суда добровольным изгнанием.

ГЛАВА XXI

О жестокости законов против должников в республике

Гражданин, ссудивший деньги другому гражданину, который занял их для того, чтобы израсходовать, и потому уже не имеет их, в силу одного этого обстоятельства получает над ним большое превосходство. Что же произойдет в республике, если это превосходство будет еще более усилено законами?

В Афинах и в Риме первоначально дозволялось продавать несостоятельного должника. Солон отменил этот обычай в Афинах; он постановил, что кредитор не имеет власти над личностью должника. Но в Риме децемвиры не отменили этого обычая; имея перед глазами реформу Солона, они не захотели последовать его примеру, и это не единственный пункт в законах двенадцати таблиц, где обнаруживается намерение децемвиров поколебать дух демократии.

Эти жестокие законы против должников не раз подвергали опасности Римскую республику. Человек, покрытый ранами, выбежал из дома своего кредитора на площадь. Народ был потрясен этим зрелищем. Тогда и другие граждане вышли из тюрем своих кредиторов, которые не решились их задерживать. Им надавали обещаний, но ничего этим не добились, и народ удалился на Священную Гору. Он добился не отмены законов, а назначения особого должностного лица, на обязанности которого лежало защищать народ. Общество вышло из состояния анархии, но ему угрожала тирания. Манлий задумал для приобретения популярности вырвать из рук кредиторов граждан, которых они обратили в рабство. Замыслы Манлия были предупреждены; но старое зло продолжало существовать. Было издано несколько отдельных законов, облегчавших уплату долгов, и в 428 году от основания Рима консулы провели закон, который лишил кредиторов права держать своих должников в рабстве у себя в доме. Ростовщик Папирий попытался обесчестить молодого человека по имени Публий, которого он держал в оковах, и, подобно тому как преступление Секста дало Риму политическую свободу, преступление Папирия дало ему гражданскую свободу.

Такова была судьба этого города, что новые преступления упрочили в нем свободу, доставленную ему старыми преступлениями. Покушение Аппия на Виргинию вновь пробудило в народе то отвращение к тиранам, которое вселила в него несчастная участь Лукреции. Через 37 лет после позорного преступления Папирия подобное же преступление заставило народ удалиться на Яникульский холм и придало новую силу закону, созданному для ограждения должников.

С этого времени не столько кредиторы преследуют своих должников за неуплату долгов, сколько должники — своих кредиторов за нарушение законов против ростовщичества.

ГЛАВА XXII

О мерах, нарушающих свободу в монархиях

В монархиях свобода часто терпела ущерб от меры, бесполезной в первую очередь для самого государя, а именно — от назначения особых комиссаров для суда над отдельной личностью.

Государь получает так мало пользы от комиссаров, что не стоило бы из-за этого изменять обычного порядка вещей. В моральном отношении он должен быть уверен, что у него больше честности и справедливости, чем у его комиссаров, которые всегда считают себя достаточно оправданными его приказами, сомнительными требованиями государственной пользы, оказанным им предпочтением и даже своей трусостью.

При Генрихе VIII для суда над пэрами назначали комиссаров из палаты пэров, в результате были казнены все пэры, от которых желательно было отделаться.

ГЛАВА XXIII

О шпионах в монархии

Нужны ли шпионы в монархии? Хорошие государи обычно не пользуются их услугами. Человек, который соблюдает законы, выполняет все, чего может требовать от него государь;

надо, чтобы по крайней мере он мог найти убежище в собственном доме и спокойно заниматься своими делами, поскольку это не связано с каким-либо нарушением законов. Шпионаж, может быть, и был бы терпим, если бы шпионами были честные люди. Но по позору, который неизбежно ложится на лицо, можно судить о позоре самого дела. Государь должен проявлять по отношению к своим подданным кротость, прямоту и доверие. Тот, кто много тревожится, подозревает и опасается, подобен актеру, который затрудняется выполнить свою роль. Видя, что законы в общем остаются в силе и уважаются, государь может считать себя в безопасности. Поведение всех служит ему порукой за повеление каждого. Пусть он только оставит страх — и он сам поразится тому, как его будут любить. Да и в самом деле, почему бы его не любить? В нем видят лишь источник чуть ли не всего добра, которое совершается в государстве, между тем как все кары ставятся в счет законам. Государь показывается народу всегда с ясным выражением лица. Даже его славу мы считаем нашей славой и в его могуществе видим нашу силу. Одно из доказательств любви к государю заключается в том доверии, которое питают к нему: когда министр откажет в просьбе, думают, что государь удовлетворил бы ее. Даже в пору общественных бедствий его не обвиняют, но только сожалеют о том, что он многого не знает или находится «под влиянием дурных людей. *Если бы государь знал!* — говорит народ. Эти слова — призыв к государю и доказательство доверия, которым он пользуется.

ГЛАВА XXIV

Об анонимных письмах

Татары должны надписывать свои имена на стрелах, чтобы можно было узнать, чья рука выпустила их. Филипп Македонский был ранен при осаде города дротиком, на котором было написано: *этот смертельный удар Филиппу нанес Астер*. Если бы те, которые обвиняют человека, имели в виду общественное благо, то они обращались бы со своими обвинениями не к государю, который может быть легко предубежден, а к судьям, которые действуют по правилам, страшным только для одних клеветников. Если же обвинитель не хочет допустить между собою и обвиненным посредничества законов, то это значит, что он имеет основание бояться их, и самое малейшее наказание, которого он заслуживает в таком случае, состоит в том, чтобы не верить ему. Можно удостоить его внимания лишь в тех

случаях, которые не терпят медлительных приемов обычного судопроизводства и когда дело идет о безопасности государя. В таком случае можно предположить, что тот, кто обвиняет, сделал над собой усилие, чтобы заставить себя говорить, Во всех же прочих случаях следует сказать вместе с императором Констанцием: «Мы не можем подозревать того, кто, имея врага, не имел обвинителя».

ГЛАВА XXV

О приемах правления в монархии

Королевская власть есть великий двигатель, действия которого должны совершаться легко и без шума. Китайцы прославляют одного из своих императоров, который, по их словам, правил, как само небо, т. е. своим личным примером.

Есть случаи, когда власть должна действовать со всею своею силой, и другие, когда она должна действовать, ограничивая себя. Высшее искусство управления состоит в том, чтобы твердо знать, каковы должны быть пределы власти, которую следует применять при различных обстоятельствах.

В наших монархиях все наше благоденствие состоит в мнении, которое составил себе народ о кротости правления. Неискусный министр любит заявлять вам, что вы рабы. Но если бы это было и так, то он должен был бы стараться скрывать это от вас. Он только и знает, что извещает вас и сло-весно, и письменно о том, что государь разгневался, что он возмущен, что он наведет порядок. Дело управления может быть сильно облегчено; для этого надо, чтобы государь ободрял, а угрожали только законы.

ГЛАВА XXVI

О том, что монарх должен быть доступным

Легче всего это понять из примера противоположного:

«Царь Петр I, — рассказывает г. Перри, — издал новый указ, по которому подавать ему жалобы разрешается лишь после того, как уже будут поданы две жалобы его чиновникам. Тогда в случае отказа в правосудии можно подать ему третью; но тот, чья жалоба окажется несправедливой, подвергается смертной казни. С тех пор никто не подавал царю жалоб».

ГЛАВА XXVII

О нравах монарха

Нравы государя содействуют свободе в такой же степени, как и законы. Государь, как и закон, может обращать людей в животных и животных в людей. Если он любит свободные души — у него будут подданные; если ему нравятся низкие души — у него будут рабы. Если он желает постигнуть великое искусство царствовать, пусть приближает к себе честь, добродетель, пусть поощряет личные заслуги. Он даже может иногда обратить взор и на таланты. Ему незачем бояться соперничества так называемых достойных людей; он равен им, коль скоро он их любит. Пусть он покоряет сердца, но не налагает оковы на разум. Пусть он станет популярным. Ему должна быть приятна любовь малейшего из его подданных, ибо они тоже люди. Народ так радуется малейшему проявлению внимания к нему, что было бы несправедливо отказать ему в этом: бесконечное расстояние, которое отделяет его от монарха, не позволит ему стать назойливым. Пусть монарх будет благосклонен к просьбам и непреклонен перед требованиями, и пусть он знает, что народ радуется, когда он отказывает придворным, а придворные радуются его милостям.

ГЛАВА XXVIII

Об уважении монархов к своим подданным

Монархи должны соблюдать большую осторожность в шутках. Умеренная шутка приятна, потому что она устанавливает более непринужденные отношения, но колкая шутка менее дозволительна для них, чем для последнего из их подданных, так как только в их устах она всегда наносит смертельные раны.

Еще менее позволительно им подвергать подданного явному оскорблению: они поставлены для того, чтобы прощать или наказывать, но отнюдь не для того, чтобы оскорблять.

Оскорбляя своих подданных, они поступают с ними более жестоко, чем повелители турок или москвитов — со своими. Эти последние своими оскорблениями унижают, но не бесчестят людей; а они и унижают, и бесчестят их.

Азиаты по свойственному им предрассудку видят в причиненной им государем обиде доказательство его отеческого внимания; а в нас по свойственному нам образу мыслей жгучая боль от перенесенного оскорбления усугубляется отчаянием от невозможности смыть его.

Государи должны радоваться, что имеют подданных, для которых честь дороже жизни, для которых она является стимулом не только мужества, но и верности.

Вспомним о несчастьях, постигших государей, которые оскорбили своих подданных: о мести Херея, евнуха Нарсеса и графа Юлиана, наконец, о герцогине Монпансье, которая, обидевшись на Генриха III за то, что он разгласил некоторые ее тайные недостатки, нарушала его спокойствие в продолжение всей его жизни.

ГЛАВА XXIX

О гражданских законах, которые могут внести немного свободы в деспотическое правление

Хотя деспотическое правление по своей природе везде одинаково, но различные обстоятельства, религиозные убеждения, предрассудки, полученные примеры, свойства ума, обычаи, нравы могут внести в него значительные различия.

Весьма полезно, если в таком государстве имеются определенные укоренившиеся понятия. Так, в Китае на императора смотрят, как на отца народа, а в начале существования государства арабов государь был там проповедником.

Хорошо также, если там есть какие-нибудь священные книги, которые могут служить правилом поведения, каковы Коран у арабов, книги Зороастра у персов, Ведды у индийцев, классические книги у китайцев. Религиозный кодекс восполняет недостатки гражданского и ограничивает произвол.

Уместно также, чтобы судьи в сомнительных случаях совещались с духовными властями, как это делается в Турции, где кади вопрошают мулл. В случаях же преступлений, караемых смертью, желательно, чтобы судья, если он есть, уведомлял и губернатора, дабы гражданские власти и церковные умерялись еще и политической властью.

ГЛАВА XXX

Продолжение той же темы

Деспотизм в своем неистовстве распространил опалу отца на его детей и жен. Но

последние и так уже несчастны, не будучи виновными. Кроме того, надо, чтобы между государем и обвиняемыми стояли лица, которые могут своими мольбами смягчить его гнев или побудить его вынести более справедливое решение.

У малдивов есть хороший обычай, чтобы сановник, впавший в немилость, ежедневно являлся ко двору своего государя до тех пор, пока он снова не завоеует его благосклонность: его присутствие обезоруживает разгневанного государя.

Есть деспотические государства, где полагают, что ходатайствовать за опального перед государем значит нарушать должное почтение к последнему. Эти государи как будто употребляют все усилия для того, чтобы лишиться добродетели милосердия.

Аркадий и Гонорий объявили в законе, о котором я столько говорил, что они не будут щадить тех, кто осмелится умолять их за виновных. Это очень дурной закон, так как он нехорош даже для деспотизма.

Очень хорош обычай Персии, позволяющий всем, кто этого пожелает, покинуть государство, хотя противоположный обычай имеет свое начало в деспотизме, который смотрит на подданных, как на рабов, а на тех, кто покидает государство, как на беглых рабов. Этот персидский обычай очень выгоден для деспотизма, так как опасение ухода плательщиков останавливает или ограничивает притеснения пашей и сборщиков податей.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

О зависимости между взиманием податей и размерами государственных доходов, с одной стороны, и свободой — с другой

ГЛАВА I

О доходах государства

Доходы государства — это та часть имущества, которую каждый гражданин отдает государству для того, чтобы оно обеспечило за ним остальную часть или дало ему возможность приятно ее использовать.

Чтобы правильно определить размеры этих доходов, следует иметь в виду как нужды государства, так и нужды граждан. Не следует лишать народ действительно необходимого ради удовлетворения мнимых потребностей государства.

Мнимые потребности государства — это все то, чего требуют страсти и слабости тех, кто управляет: очарование необычного проекта, болезненная жажда суетной славы и некоторое бессилие рассудка перед фантазией. Нередко беспокойные умы, поставленные государем во главе правления, считали, что нужды государства — это нужды их мелких душ.

Ни один государственный вопрос не требует такого мудрого и благоразумного рассмотрения, как вопрос о том, какую часть следует брать у подданных и какую часть оставлять им.

Доходы государства надо измерять не тем, что парод может давать, а тем, что он должен давать. Если же их измеряют тем, что он может давать, то надо по крайней мере, чтобы он мог это давать всегда.

ГЛАВА II

О том, что дурно рассуждают те, которые говорят, что большие налоги хороши сами по себе

В некоторых государствах[81] было замечено, что небольшие страны, избавленные от налогов[82], столь же бедны, как и окружающие их обремененные налогами страны. Главная причина тут в том, что небольшое государство при таких соседях не может иметь ни промышленности, ни ремесел, ни мануфактур, потому что во всех этих отношениях его стесняют множеством различных способов окружающие его большие государства. У этих государств есть и промышленность, и ремесла, и мануфактуры, которые они регламентируют так, что им достается вся приносимая ими выгода. При таком положении вещей малое государство по необходимости будет бедно, как бы ни были низки взимаемые там налоги,

Однако из факта бедности этих малых стран было выведено заключение, что для процветания трудолюбия в народе необходимы высокие налоги. Было бы правильнее заключить, что их совсем не нужно. Дело в том* что все бедняки из соседних государств направляются в такие страны, чтобы предаваться там праздности; доведенные до отчаяния непосильным трудом, они все свое счастье видят в лени. Богатство страны пробуждает честолюбие в сердцах людей, а бедность поражает их отчаянием. В первом случае люди ищут удовлетворения в труде, а во втором — находят утешение в лени.

Природа справедлива к людям; она не оставляет без вознаграждения их труды. Она учит их трудолюбию, ибо с большей работой связывает и большее вознаграждение. Но если произвол власти лишил *их установленных природой наград, они проникаются отвращением к труду и праздность кажется им единственным благом.

ГЛАВА III

О налогах в странах, где часть народа прикреплена к земле

Прикрепление народа к земле бывает иногда последствием завоевания. В таком случае раб, возделывающий землю, должен быть издольщиком у своего господина. Одни только отношения, основанные на общности выгоды и убытка, могут примирить тех, удел которых работать, с теми, удел которых наслаждаться.

ГЛАВА IV

О положении республики в подобном случае

Республика, принудившая народ обрабатывать для нее землю, не должна допускать, чтобы гражданин мог увеличивать платежи раба. В Лакедемоне не позволяли этого: там полагали, что илоты будут лучше обрабатывать землю, если они будут знать, что их рабство не станет более тяжелым; там полагали, что господа будут лучшими гражданами, если будут довольствоваться тем, что они привыкли иметь.

ГЛАВА V

О положении монархии в подобном случае

Когда в монархии дворянство заставляет покоренный народ возделывать землю в свою пользу, то и тут тоже не следует допускать увеличения податей. Более того, хорошо, если государь будет довольствоваться своим доменом и военной повинностью. Если же он хочет взимать денежные налоги с рабов своих дворян[83], то надо, чтобы за правильное поступление налогов был ответствен господин этих рабов; чтобы он уплачивал за них, а они возмещали ему уплаченное. Если же это правило не будет соблюдаться, то господин и сборщики налогов государя будут поочередно угнетать раба, передавая его друг другу из рук

в руки до тех пор, пока он не погибнет от нищеты или не убежит от них в леса.

ГЛАВА VI

О положении деспотического государства в подобном случае

Все сказанное мною еще более необходимо для деспотического государства. Господин, который ежеминутно может лишиться своих земель и своих рабов, не очень склонен заботиться о них.

Петр I, желая по примеру Германии собирать налоги в денежной форме, сделал очень благоразумное распоряжение, которому до сих пор следуют в России. Дворянин собирает установленные подати с крестьян — и уплачивает их царю. Если число крестьян уменьшается, он платит, как и прежде; если число их увеличивается, он не платит больше прежнего. Таким образом, дворянин сам заинтересован в том, чтобы не притеснять своих крестьян.

ГЛАВА VII

О налогах в странах, где нет крепостного права

В государстве, где все люди — граждане, где каждый владеет своей собственностью, как государь — своим государством, можно взимать налоги с лиц, с земли или с товаров, с двух из этих категорий или со всех трех вместе.

В подушном налоге способ обложения, строго пропорциональный имуществам, несправедлив. В Афинах граждане были разделены на четыре класса. Те, которые извлекали из своих имуществ 500 мер продуктов жидких или сухих, платили обществу один талант; те, которые имели 300 мер, вносили половину таланта; те, которые получали 200 мер, уплачивали 10 мин, или шестую часть таланта; граждане четвертого класса не платили ничего. Налог был справедлив, хотя и непропорционален: если он не был пропорционален имуществам, то был пропорционален нуждам. Было принято во внимание, что все нуждаются в равном минимуме необходимого для жизни; что этот минимум не подлежит обложению; что за необходимым для жизни следует полезное, которое следует облагать, но менее, чем излишнее; что высокое обложение излишнего препятствует излишеству.

При обложении земель производятся росписи, в которые вносят различные классы поземельных имуществ. Но определить эти различия очень трудно, и еще труднее найти людей, которые не были бы заинтересованы в том, чтобы скрывать их. Отсюда — два рода несправедливостей: несправедливости, зависящие от людей, и несправедливости, связанные с самим существом дела. Но если обложение в общем не чрезмерно велико, если необходимое оставлено народу в изобилии, то эти частные несправедливости ничтожны. Если же, напротив, народу оставят лишь то, что ему нужно в обрез для поддержания жизни, то малейшая диспропорция поведет к самым пагубным последствиям.

Нет большой беды, если некоторые граждане платят меньше, чем следует: их благосостояние всегда обращается на пользу обществу; но если некоторые лица платят слишком много — их разорение обратится во вред обществу. Если государство соразмеряет свое богатство с богатством отдельных лиц, то с обогащением последних увеличится вскоре и его богатство. Здесь все сводится к вопросу времени: начнет ли государство обогащать себя посредством разорения своих подданных или оно подождет, пока достигшие материального благосостояния подданные обогатят его? Станет ли оно пользоваться выгодами первого или второго способа обогащения? Начнет ли оно с богатства или кончит богатством?

Налоги на товары менее всего ощутительны для народа, потому что они не связаны с

формальным требованием уплаты. Они могут быть так благоразумно распределены, что народ почти и знать не будет, что уплачивает их— Для этого особенно важно, чтобы уплата налога была возложена на того, кто продает товары. Последний прекрасно знает, что он платит не из своих средств; а в представлении покупателя, который в сущности уплачивает этот налог, он сливается в одно целое с ценой товара. Некоторые авторы сообщают, что Нерон отменил налог в размере одной двадцать пятой части с цены продаваемых рабов. Однако он только распорядился, чтобы этот налог уплачивал не покупатель, а продавец. Это распоряжение, оставлявшее весь налог без изменения, показалось отменой налога.

В Европе есть два государства, где установлены очень высокие налоги на напитки: в одном[84] налог уплачивается только производителем, в другом — он безразлично взимается со всех потребителей[85]. В первом — никто не ощущает тяжести налога; во втором — он считается тяжелым. Там гражданин ощущает лишь свободу не платить; здесь он ощущает лишь необходимость платить.

Кроме того, чтобы гражданин платил постоянно, приходится производить в его доме розыски, что в высшей степени противно свободе; и те, которые установили такого рода налоги, не имели счастья найти для этого удачной администрации.

ГЛАВА VIII

Как сохраняется иллюзия

Чтобы цена товара и налог, которым он облагается, могли образовать одно целое в представлении налогоплательщика, надо, чтобы между товаром и налогом существовало некоторое соотношение и чтобы малоценные вещи не облагались высоким налогом. Есть страны, где налог на товар в 17 или 18 раз превышает цену товара[86]. В таком случае государь не оставляет у подданных никаких иллюзий; они видят, что ими управляют неблагоприятно, и потому особенно остро ощущают свою несвободу.

Кроме того, чтобы государь мог собирать налог, столь несообразный с ценностью товара, надо, чтобы он сам продавал этот товар и чтобы народ больше нигде не мог покупать его, а это сопряжено с массой неудобств.

В таком случае злоупотребления становятся очень выгодными, причем естественное наказание за них, предписываемое разумом и состоящее в конфискации товара, не в состоянии остановить их, тем более, что стоимость этого товара обыкновенно ничтожна. Поэтому приходится прибегать к чрезвычайным наказаниям, подобным тем, которые назначаются за величайшие преступления. При этом уничтожается всякая пропорциональность между наказаниями. Люди, несколько не злонамеренные, наказываются, как злодеи, что в высшей степени противно духу умеренного правления.

Прибавлю, что, чем больше создается поводов для того, чтобы народ обманывал откупщиков, тем более обогащаются откупщики и разоряется народ. Чтобы прекратить злоупотребления, надо предоставить откупщику чрезвычайную власть, а тогда все погибло[87].

ГЛАВА IX

Об одном дурном налоге

Скажем мимоходом об установленном в некоторых государствах налоге на различные виды гражданских договоров. Чтобы защитить себя от Откупщика, необходимо большое знание дела, так как дела этого рода подлежат самому тонкому расследованию. Поэтому в качестве истолкователя уставов государя откупщик получает произвольную власть над чужим имуществом. Опыт показал, что было бы гораздо лучше заменить эти налоги

обложением бумаги, на которой должен быть написан контракт.

ГЛАВА X

О том, что размеры налогов зависят от природы правления

В деспотическом государстве налоги должны быть очень низкими. Иначе, кто согласится заниматься там земледелием? Да и как платить большие подати при правлении, которое ничем не возмещает подданному то, что получает от него?

При страшной силе государя и крайнем бессилии народа необходимо, чтобы между ними не было ничего двусмысленного. Налоги должны быть так ясно установлены и способы взимания их так легки, чтобы сборщики не могли ни увеличивать, ни уменьшать их по собственному произволу. Некоторая часть натурой, подушная подать, налог на товары в размере определенного процента — вот что единственно приличествует такому правлению.

Хорошо, если в деспотическом государстве купцам дается личная охрана и к ним принято относиться с уважением; без этого они оказались бы бессильными при возможных столкновениях с чиновниками государя.

ГЛАВА XI

О фискальных наказаниях

Фискальные наказания имеют ту особенность, что вопреки общему положению вещей они более строги в Европе, чем в Азии. В Европе конфискуют товары, иногда даже корабли и повозки, а в Азии не делают ни того, ни другого. Причина тут в том, что в Европе для купца есть судьи, которые могут оградить его от притеснения, между тем как деспотические судьи Азии сами являются в таком случае притеснителями. Что мог бы сделать купец против какого-нибудь паши, вздумавшего конфисковать его товары?

Произвол видит себя вынужденным несколько смягчить гнет и преодолевает сам себя. В Турции ввозная пошлина взимается только однажды, после чего перед купцом открывается вся страна. Ложные заявления относительно товара не навлекают ни конфискации, ни увеличения пошлины. В Китае багаж лиц, не занимающихся торговлей, не подвергается освидетельствованию. В стране Могола контрабанда наказывается не конфискацией, а удвоением пошлины. Татарские государи, обитающие в городах Азии, почти ничего не взимают с провозимых товаров. И если в Японии торговая контрабанда считается уголовным преступлением, то это объясняется единственно желанием этой страны не иметь никакого общения с иностранцами, так что контрабанда является там не столько нарушением законов торговли, сколько нарушением законов, созданных для охраны безопасности государства.

ГЛАВА XII

Отношение размеров налогов к свободе

Общее правило: чем больше свобода подданных, тем большие можно взимать с них налоги; и чем больше рабство, тем более приходится снижать их платежи. Так оно всегда было, и так всегда будет. Это правило самой природы, всегда и везде неизменное; ему подчиняются все страны — Англия, Голландия — и все государства, где свобода ограничена. вплоть до самой Турции. Швейцария составляет, по-видимому, исключение, так как там вообще не платят налогов; но особенная причина этого известна, и она даже подтверждает мою мысль. На этих бесплодных горах предметы продовольствия так дороги, а страна

населена так густо, что швейцарец платит природе вчетверо больше, чем турок — султану.

Народ-властелин, каковы были афиняне и римляне, может освободить себя от всех налогов, потому что он царит над подвластными ему народами. Тогда он не платит пропорционально своей свободе, так как в этом отношении он уже не народ, а монарх.

Но общее правило остается неизменным. В умеренных государствах есть вознаграждение за тяжесть налогов: оно заключается в свободе. В деспотических государствах есть вознаграждение за лишение свободы: оно заключается в умеренности налогов.

В некоторых монархиях Европы встречаются провинции[88], которые благодаря природе их политического правления находятся в лучшем положении, чем прочие. Обыкновенно говорят, что они слишком мало платят, так как при более строгом правлении они могли бы платить больше; при этом всегда является желание лишить их этой привилегии, имеющей тенденцию распространяться и на другие провинции, которые охотно воспользовались бы этими преимуществами.

ГЛАВА XIII

В каких видах правления допустимо увеличение налогов

Увеличение налогов допустимо в большей части республик, потому что гражданин, думающий, что он платит их самому себе, желает платить их и обычно благодаря природе этого правления имеет возможность это делать.

В монархии можно увеличивать налоги, потому что умеренный характер правления способствует там накоплению богатств: это как бы награда государю за то, что он уважает законы.

В деспотическом государстве налоги увеличивать нельзя, потому что нельзя еще более увеличить и без того доведенное до крайней степени рабство.

ГЛАВА XIV

Об отношении природы налогов к образу правления

Подушный налог более свойствен рабству, налог на товары — свободе, потому что он не столь непосредственно затрагивает личность плательщика.

В деспотическом правлении государь обыкновенно не платит денег своим воинам и придворным, но наделяет их землями, вследствие чего там взимают немного налогов— Если же государь хочет платить деньгами, то наиболее естественным налогом будет в таком случае подушный налог. Но этот налог должен быть по необходимости очень умерен, так как там невозможно разделять плательщиков на различные классы, ибо при несправедливости и жестокости правления это повело бы к злоупотреблениям; необходимость заставляет сообразоваться при определении величины налога с тем, что могут платить наиболее бедные люди.

Для умеренного правления самый естественный налог — это налог на товары. Этот налог, в действительности уплачиваемый покупателем, хотя и взимаемый с продавца, есть ссуда, получаемая от купца покупателем; поэтому купец является общим должником государства и кредитором всех отдельных лиц. Он наперед уплачивает государству налог, который когда-нибудь будет ему уплачен покупателями; и он уже уплатил за покупателя налог, уплатив его за свои товары. Понятно поэтому, что, чем умереннее образ правления, чем более царит в нем дух свободы, чем в большей безопасности находятся имущества, тем легче купцу вносить вперед государству большие налоги, предоставляя таким образом ссуду частным лицам. В Англии купец авансом уплачивает государству от 50 до 60 фунтов

стерлингов с каждой получаемой им бочки вина. Какой купец решился бы сделать что-либо подобное этому в стране, управляемой, как Турция? А если бы он решился, то как мог бы он сделать это в стране, где нет неприкосновенности имущества и где собственник может быть разорен в любой момент?

ГЛАВА XV

Злоупотребление свободой

Преимущества свободы привели к тому, что люди стали злоупотреблять самой свободой. Видя, что умеренное правление дало превосходные результаты, они пожелали расстаться с этой умеренностью, получая большие налоги, пожелали получать налоги чрезмерные и, не поняв, что этот дар приносит рука свободы, обратились к рабству, которое всегда бесплодно,

Свобода привела к чрезмерным налогам; но чрезмерные налоги ведут к рабству, а рабство ведет к уменьшению налогов.

Азиатские монархи издают ежегодно указы, избавляющие от налогов какую-нибудь провинцию их государства[89]: каждое изъявление их воли — благодеяние. У нас же, в Европе⁹⁰, указы государей огорчают подданных даже прежде, чем станет известно их содержание, потому что там всегда говорится о нуждах государей и никогда — о нуждах подданных.

Непростительная беспечность правителей азиатских стран, обусловленная образом правления и часто климатом, приносит народам ту выгоду, что их не обременяют беспрестанно новыми требованиями. Расходы там не возрастают, потому что там не создают новых проектов, а если когда-либо такие проекты и возникают, то их всегда доводят до конца, не ограничиваясь одним началом. Лица, управляющие государством, не держат его в постоянной тревоге, потому что они сами не охвачены тревогой. Что же касается нас, то установить какой-нибудь порядок в наших финансах нет возможности, потому что мы всегда знаем, что будем что-то делать, но никогда не знаем, что именно.

У нас великим министром называют уже не того, кто благоразумно распределяет общественные доходы, а того, кто отличается изворотливостью и всегда находит средства выпутаться из затруднительного положения.

ГЛАВА XVI

О завоеваниях магометан

Чрезмерные налоги были причиной той поразительной легкости, с которой магометане совершали свои завоевания. Народы, уплачивавшие ранее бесконечный ряд тяжких поборов, изобретаемых жадностью императоров, теперь должны были платить один простой налог, который было легко и уплачивать, и взимать. И они предпочитали повиноваться этим варварам, чем испорченному правительству, под властью которого им приходилось претерпевать все неудобства уже не существующей свободы вместе со всеми ужасами существующего рабства.

ГЛАВА XVII

Об увеличении войска

Новая болезнь распространилась в Европе; она захватила наших государей и заставила их содержать беспорядочную массу войск. Она усиливается и становится заразительной, ибо как только одно государство увеличивает то, что оно называет своими войсками, другие тотчас же делают то же самое, так что в результате не получается ничего, кроме всеобщего разорения. Каждый монарх держит наготове столько войска, сколько ему пришлось бы иметь разве лишь в том случае, если бы его народам угрожало истребление; и эти усилия всех против всех называют миром. Немудрено, что Европа до того разорена, что если бы частные лица оказались в положении трех самых богатых держав этой части света, то им нечем было бы жить. Мы бедны, обладая богатствами и торговлей всего мира; и при нашем желании иметь побольше солдат скоро ничего не будем иметь, кроме солдат, и станем подобны татарам.

Большие государства, не довольствуясь наймом войск у мелких государей, стараются приобретать себе повсюду за деньги союзников, что почти всегда означает бросать деньги на ветер.

Следствием такого положения является непрерывное возрастание налогов, а также то исключаящее всякую возможность исцеления обстоятельство, что войны ведутся уже не на доходы, а на самый капитал. И уже теперь мы видим, что государства нередко закладывают свои земли даже во время мира и употребляют для собственного разорения средства, которые они называют чрезвычайными и которые, действительно, настолько чрезвычайны, что едва ли до них может додуматься самый расточительный молодой наследник.

ГЛАВА XVIII

Об освобождении от налогов

Обычай великих империй Востока освобождать от налогов пострадавшие провинции следовало бы ввести и в монархических государствах. Во многих из них он существует, но стал для них только лишним отягощением, так как там государь не уменьшает общей цифры налогов, взимаемых со всего государства, вследствие чего все государство и является солидарным в их уплате. Чтобы облегчить одну деревню, которая платит неисправно, обременяют другую, которая платит исправнее, и, не оказав существенной помощи первой, разоряют последнюю. Народ, раздираемый между необходимостью платить из страха вымогательств и опасностью платить из страха надбавки, приходит в отчаяние.

Хорошо управляемое государство должно всегда держать в запасе определенную сумму на непредвиденные нужды. Общество подобно отдельным лицам, которые разоряются, если расходуют без остатка доходы со своих земель.

Круговая порука среди жителей одного и того же села оправдывалась тем, что в противном случае можно было бы предположить с их стороны заговор с целью обмана. Но не бессмысленно ли устанавливать на основании одних предположений правило, которое само по себе несправедливо и разорительно для государства?

ГЛАВА XIX

Что выгоднее для государя и народа: отдача налогов на откуп или казенное управление ими?

Казенное управление есть управление хорошего семьянина, который сам расчетливо и благоразумно заведует своими доходами.

При казенном управлении государь властен ускорять или замедлять взимание налогов, смотря по собственным нуждам или нуждам своих народов. При казенном управлении он сохраняет для государства огромные барыши откупщиков, которые разоряют страну

всевозможными способами. При казенном управлении он избавляет народ от неприятного зрелища внезапного обогащения отдельных лиц. При казенном управлении собранные деньги проходят через немногие руки; они идут прямо к государю и, следовательно, скорее возвращаются к народу. При казенном управлении государь избавляет народ от бесчисленного множества дурных законов, которые всегда вынуждают у него жадность откупщиков, преследующих выгоды настоящего посредством мероприятий, губительных для будущего.

И так как тот, у кого есть деньги, всегда имеет некоторую власть над людьми, то откупщик приобретает деспотическую власть даже над самим государем. Он не может сам издавать законы, но заставляет государя издавать их.

Допускаю, что иногда бывает полезно начать с отдачи на откуп какого-нибудь вновь установленного налога. Для предупреждения обманов нужны искусство и изобретательность, на которые неспособны чиновники и которые, естественно, внушаются откупщику его личным интересом. Однако после того как откупщик установит систему взимания данного налога, можно с успехом перейти к казенному управлению. В Англии система управления акцизом и почтовыми доходами в том виде, как она теперь существует, была заимствована у откупщиков.

В республиках доходы государства почти всегда находятся в казенном управлении. Противоположный этому порядок был большим недостатком правления Рима. В деспотических государствах, где установлено казенное управление, народы бесконечно счастливее: примеры — Персия и Китай. Несчастнее, же всего те страны, где государь отдает на откуп морские порты и торговые города. История монархий содержит бесчисленные примеры зол, причиненных откупщиками.

Нерон, возмущенный вымогательствами сборщиков податей, задумал неосуществимый и великодушный проект отмены всех налогов. Он не изобрел казенного управления, но издал четыре указа, которыми повелевалось: чтобы законы, изданные против откупщиков и до сих пор содержащиеся в тайне, были обнародованы; чтобы откупщики лишались права взыскивать то, на что они не предъявляли требований в продолжение года; чтобы был назначен претор для обсуждения их требований без всяких формальностей; чтобы купцы были избавлены от уплаты пошлин за свои суда. Вот хорошие дни царствования этого императора.

ГЛАВА XX

Об откупщиках налогов

Все погибло, если корыстная профессия откупщиков сделается благодаря их богатствам еще и уважаемой профессией. Это явление может быть уместно в деспотических государствах, где сбор налогов нередко составляет часть служебных обязанностей самих губернаторов. Но оно неуместно в республике, и подобное явление было причиной падения римской республики. Не менее неуместно это и в монархиях: нет ничего более противного духу этого правления. Прочие сословия проникаются недовольством, исчезает всякое уважение к чести, люди начинают пренебрегать более медленными и естественными средствами отличиться, и правление поражено в самом своем принципе.

В минувшие времена также нередко происходили скандальные обогащения; это было одно из бедствий пятидесятилетней войны; но тогда эти богатства презирали, а мы ими восхищаемся. У всякой профессии — свой удел. Удел тех, которые собирают налоги и богатства, как бы в вознаграждение за их профессию и есть это самое богатство. Честь и слава — удел знати, которая не знает, не видит, не понимает иного истинного блага, кроме славы и чести. Почет и уважение остаются на долю тех министров и чиновников, которые, получая в награду за свой труд все новые и новые труды, дни и ночи неустанно трудятся на пользу государства.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к свойствам климата

ГЛАВА I

Общая идея

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров.

ГЛАВА II

Насколько люди различны в различных климатах

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость.

Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши. Обратив внимание на последние войны 92, которые по своей близости к нам позволяют подметить некоторые легкие и незаметные издала влияния, мы увидим, что народы севера, сражаясь в южных странах, не совершили там таких прекрасных подвигов, как их соотечественники, которые, сражаясь в своем родном климате, обладали всем своим мужеством.

Благодаря силе своих мышц народы севера извлекают из пищи самые грубые соки. Отсюда два последствия: во-первых, частицы лимфы вследствие их значительного размера крепче удерживаются в волокнах и лучше питают их, во-вторых, по причине своей грубости они менее способны придавать некоторую остроту нервному соку, поэтому у этих народов будут крупные тела и мало живости.

Нервы, которые со всех сторон примыкают к нашей кожной ткани, соединены в нервные пучки. Обыкновенно возбуждается не весь нерв, а лишь бесконечно малая часть его. В жарких климатах, где кожная ткань ослаблена, концы нервов развернуты и доступны самому слабому действию самых ничтожных предметов. В холодных странах кожная ткань сокращена, бугорки ее сжаты и малые нервные клеточки как бы парализованы; впечатление доходит до мозга лишь в том случае, если оно чрезвычайно сильно и овладевает всем нервом целиком. Но известно, что воображение, вкус, чувствительность и живость зависят от

восприимчивости к бесконечному множеству малых впечатлений.

Я наблюдал внешнюю ткань языка овцы в том месте, где она кажется невооруженному глазу покрытой бугорками. В микроскопе я заметил, что эти бугорки покрыты волосиками, чем-то вроде пуха, а между бугорками находились пирамидки, которые заканчивались как бы кисточками. Есть большая вероятность, что эти пирамидки и составляют главный орган вкуса.

Я заморозил половину этого языка и увидел простым глазом, что бугорки значительно уменьшились, а несколько рядов их углубилось в свои влагалища. Обследовав ткань под микроскопом, я уже совсем не увидел пирамидок. По мере того как язык оттаивал, бугорки заметно для простого глаза приподнимались, а в микроскопе можно было наблюдать постепенное появление нервных кисточек.

Это наблюдение подтверждает сказанное мною о том, что в холодном климате нервные кисточки менее развернуты, они углубляются в свои влагалища, которые защищают их от действия внешних предметов, понижая, таким образом, живость ощущений.

В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей. Я видел оперы в Италии и Англии: те же были пьесы и те же актеры, но одна и та же музыка производила на людей обеих наций столь различное впечатление, так мало волновала одну и приводила в такой восторг другую, что все это казалось непонятным.

Так обстоит дело и с ощущением боли: она возбуждается п пас разрывом волокон нашего тела. Создатель природы устроил так, что боль ощущается тем сильнее, чем значительнее эти разрывы. Но очевидно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу.

При такой нежности органов людей жарких стран душа их в высшей степени восприимчива ко всему, что связано с соединением обоих полов; там все ведет к этому предмету.

В северном климате физическая сторона любви едва ощущается с достаточной силой; в умеренном климате любовь, сопровождаемая бесчисленными аксессуарами, прельщает разными приманками, которые кажутся любовью, хотя на самом деле все это еще не любовь; в более жарком климате любовь любят ради нее самой, там она единственная причина счастья, там она сама жизнь.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне к вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем

усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

ГЛАВА III

Противоречия в характере некоторых южных народов

Индийцы от природы лишены мужества. Даже европейцы, рожденные в Индии, утрачивают мужество, свойственное европейскому климату. Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мукам, а женщины сами себя сжигают: вот сколько силы при такой слабости.

Природа, которая дала этим людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, дает им силу презирать эти опасности.

Подобно тому как хорошее воспитание более необходимо для детей, чем для людей зрелого ума, народы этих климатов более нуждаются в мудрых законодателях, чем народы нашего климата. Чем люди впечатлительнее, тем важнее, чтобы получаемые ими впечатления были правильными, чтобы они не усваивали предрассудков и чтобы ими руководил разум.

Во времена римлян народы Северной Европы жили без ремесел, без воспитания и почти без законов; и тем не менее благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов, они с удивительной мудростью противостояли римскому могуществу и, наконец, вышли из своих лесов, чтобы разрушить его.

ГЛАВА IV

Причина неизменяемости религии, нравов, обычаев и законов в странах Востока

Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую лень ума, естественно, связанную с такою же ленью тела, что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, невидимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад.

ГЛАВА V

О том, что дурные законодатели — это те, которые поощряли пороки, порожденные климатом, а хорошие — те, которые боролись с этими пороками

Индийцы полагают, что покой и небытие составляют основу и конец всего существующего. Таким образом, полное бездействие является для них самым совершенным состоянием и главным предметом их желаний. Они дают верховному существу название неподвижного. Жители Сиама считают, что высшее блаженство состоит в том, чтобы не быть обязанным приводить в движение свое тело.

В этих странах, где чрезмерная жара обессиливает и подавляет людей, покой

доставляет такое наслаждение, а движение так тягостно, что эта метафизическая система кажется вполне естественной. Будда, законодатель Индии, следовал внушению собственных чувств, рекомендуя людям состояние полной пассивности; но его учение, порожденное созданной климатом ленью и в свою очередь поощряющее эту лень, причинило неисчислимое зло.

Законодатели Китая[93] проявили более здравого смысла: имея в виду не то состояние покоя, к которому некогда придут люди, а ту деятельность, которая им необходима для выполнения житейских обязанностей, они дали своей религии, своей философии и своим законам чисто практическое направление. Чем более физические причины склоняют людей к покою, тем более должны удалять их от него причины моральные.

ГЛАВА VI

О земледелии в жарких климатах

Земледелие — самый важный труд людей. Чем более климат побуждает их избегать этого труда, тем более должны поощрять их к нему религия и законы. Поэтому законы Индии, которые отдают земли государям и лишают частных лиц духа собственности, усиливают неблагоприятное влияние климата, т. е. производимую им ленью.

ГЛАВА VII

О монашестве

Такое же зло производит там и монашество. Оно родилось в жарких странах Востока, где люди более склонны к созерцанию, чем к деятельности.

В Азии количество дервишей, или монахов, видимо возрастает по мере того, как климат становится более жарким; Индия, где жара достигает своего предела, переполнена ими. То же соотношение наблюдается и в Европе.

Чтобы победить внушаемую климатом лень, законы должны были бы лишить людей всякой возможности жить не работая. Но на юге Европы они действуют в обратном направлении: они ставят людей, желающих быть праздными, в положение, благоприятствующее созерцательной жизни, и связывают с этим положением огромные богатства. Эти люди, живя в таком изобилии, которое даже тяготит их, естественно, уделяют свои излишки простому народу. Последний утратил собственность; они вознаграждают его за это возможностью наслаждаться праздностью; и он в конце концов начинает любить даже свою нищету.

ГЛАВА VIII

Хороший китайский обычай

В описаниях Китая рассказывается о ежегодно совершаемой императором церемонии открытия земледельческих работ. Цель этого публичного и торжественного акта — побудить народ заниматься земледелием.

Сверх того, императора каждый год извещают о наиболее отличившемся в своем занятии земледельце, которого он и производит в мандарины восьмого разряда.

У древних персов ежегодно в восьмой день месяца *chorremruz* государи покидали свои пиршества, чтобы разделять пищу с пахарями. Все это превосходные установления для поощрения земледелия.

ГЛАВА IX

Способы поощрения промышленности

В книге девятнадцатой я покажу, что ленивые нации обыкновенно отличаются тщеславием. Можно было бы обратить следствие против его причины и бороться с ленью посредством тщеславия. На юге Европы, где народы так чувствительны к почестям, следовало бы назначать премии наиболее отличившимся в своем деле земледельцам и ремесленникам. Эта мера хороша даже для всякой страны. В наши дни она способствовала учреждению в Ирландии одной из самых значительных во всей Европе мануфактур полотна.

ГЛАВА X

О законах, относящихся к трезвости народов

В жарких странах водянистая часть крови сильно улетучивается вследствие испарины, и ее нужно восполнять подобною же жидкостью. Поэтому вода там в большом употреблении; крепкие же напитки произвели бы там сгущение кровяных шариков, которые остаются после испарения водянистых частей крови.

В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, она остается в крови в избытке, поэтому там можно употреблять спиртные напитки, не опасаясь сгущения крови. Там тела переполнены влагой, и крепкие напитки, усиливающие движение крови, не будут неуместны.

Закон Магомета, запрещающий пить вино, является, таким образом, законом самого климата Аравии; известно, что вода и до Магомета была обычным напитком арабов. Карфагенский закон, запрещающий употребление вина, был тоже законом климата; и в самом деле, обе эти страны имеют почти одинаковый климат.

Подобный закон не годился бы для холодных стран, где в силу климата развивается некоторое национальное пьянство, сильно отличающееся от пьянства отдельного лица. Пьянство распространено по всей земле в прямом отношении к холоду и сырости климата. Двигаясь от экватора к нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастает вместе с градусами широты. Двигаясь от экватора к полюсу, противоположному нашему, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу.

Естественно, что там, где употребление вина противно климату, а следовательно, и здоровью, злоупотребление им наказывается строже, чем в странах, где дурные последствия пьянства не велики как для личности, так и для общества и где оно только дурманит людей, а не делает их свирепыми. Поэтому закон, каравший пьяного человека и за совершенный им проступок, и за его пьянство, касался только его личного, а не национального пьянства. Немец напивается по обычаю, испанец — по личному желанию.

В жарких странах вследствие расслабленного состояния волокон происходит сильное выделение жидкостей посредством испарения, но твердые части тела сохраняются лучше. Волокна, действующие вяло и с малым напряжением, почти не изнашиваются, и требуется немного питательных соков для их восстановления; поэтому люди там очень умеренны в пище.

От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов. Для народа, у которого существует большое общение между людьми, нужны одни законы, для народа, у которого такого общения нет, — другие.

ГЛАВА XI

О законах, имеющих отношение к болезням, порождаемым климатом

Геродот говорит, что законы евреев о проказе были заимствованы ими у египтян. В самом деле, одинаковые болезни требуют одинаковых лекарств. Эти законы были неизвестны грекам и первым римлянам, так же как и сам вызвавший их недуг. Климат Египта и Палестины сделал их необходимыми, а легкость, с которой распространяется эта болезнь, служит нам достаточным доказательством предусмотрительности и мудрости этих законов.

Мы и сами испытали их действие. Крестовые походы занесли к нам проказу, а благоразумные меры, принятые против нее, не дали ей распространиться в массе народа.

Из законов лангобардов видно, что эта болезнь была распространена в Италии до крестовых походов и обратила там на себя внимание законодателей. Ротарь повелел, чтобы прокаженный, изгнанный из своего дома и удаленный в особое место, был лишен права распоряжаться своим имуществом, так как с того момента, как его выбросили из его дома, он уже считался умершим. Чтобы устранить всякое общение с прокаженными, их лишали гражданских прав.

Я думаю, что эта болезнь была занесена в Италию завоеваниями греческих императоров, в войсках которых могли быть отряды из Палестины или Египта. Как бы то ни было, дальнейшее ее распространение было остановлено до времени крестовых походов.

Говорят, что солдаты Помпея, возвратившись из Сирии, принесли оттуда болезнь, весьма сходную с проказой. Не сохранилось никаких сведений о принятых против нее мерах, но надо полагать, что такие меры были, так как эта болезнь была приостановлена до времен лангобардов.

Два века тому назад болезнь, неизвестная нашим отцам, проникла из Нового Света в наш и стала поражать человеческую природу в самом источнике жизни и наслаждений. Большая часть самых знатных фамилий юга Европы погибла от пагубного недуга, который стал до того обычным, что его уже перестали стыдиться. Упрочила эту болезнь жажда золота, за которым люди постоянно устремлялись в Америку, принося оттуда все новые и новые семена заразы.

Благочестивое нравственное чувство требовало сохранения этой кары за преступление, но бедствие проникло в недра брака и заразило даже детей.

Поскольку мудрость законодателей должна охранять здоровье граждан, было бы весьма благоразумно остановить распространение заразы посредством законов, составленных по образцу законов Моисеевых.

Чума производит свои опустошения еще быстрее и внезапнее. Главный источник ее находится в Египте, откуда она распространяется по всему свету. Большая часть государств Европы приняла очень хорошие меры, чтобы не допустить ее к себе, и в наше время найдено превосходное средство остановить ее распространение: зачумленная область оцепляется войсками, которые делают невозможным всякое сообщение с нею.

Турки, которые не принимают никаких мер против чумы, видят, как в одном и том же городе христиане избегают опасности, а они одни погибают. Они покупают одежды зачумленных, носят их и не изменяют обычного образа жизни. Учение о неумолимой судьбе, которая всем управляет, обращает правителя в невозмутимого зрителя; он думает, что бог уже сделал все, что нужно, и ему больше нечего делать.

ГЛАВА XII

О законах против тех, которые сами себя убивают

Из истории не видно, чтобы римляне причиняли себе смерть без причины; но англичане убивают себя даже при счастливейших обстоятельствах жизни, так что

невозможно бывает понять, что привело человека к такому решению. У римлян самоубийство было следствием их воспитания, оно имело основание в их образе мыслей и в их обычаях; у англичан оно есть следствие болезни, имеет свое основание в физическом состоянии организма и ни от какой другой причины не зависит.

Весьма вероятно, что оно связано с недостаточной фильтрацией нервного сока. Организм, двигательные силы которого остаются в постоянном бездействии, становится в тягость самому себе; душа не испытывает боли, но ощущает некоторую трудность существования. Боль есть местное зло, которое возбуждает в нас желание избавиться от этого зла; но чувство тягости жизни не имеет определенного места и возбуждает в нас желание прекратить эту жизнь.

Без сомнения, в некоторых странах законы, карающие самоубийство, не лишены разумного основания; но карать его в Англии — все равно, что карать поступки помешанного.

ГЛАВА XIII

Следствия, вытекающие из климата Англии

Для нации, у которой порождаемая климатом болезнь удручает душу до такой степени, что поселяет в ней отвращение ко всему на свете, вплоть до самой жизни, для людей, которым все стало невыносимо, — наиболее подходящим образом правления был бы тот, при котором они не могли бы возлагать вину за свое несчастье на одно лицо, при котором страной управляют не столько люди, сколько законы, и потому для изменения государственного строя пришлось бы ниспровергать самые законы.

И если бы при этом та же нация получила от климата некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла бы ей долго терпеть однообразие, то очевидно, что образ правления, о котором мы только что говорили, оказался бы для нее еще более подходящим.

Эта нетерпеливость характера сама по себе еще не имеет большого значения, но в соединении с мужеством она может стать великим благом.

Она не похожа на ту легкость, с которой люди принимаются за дела неизвестно зачем и оставляют их неизвестно почему. Она ближе к настойчивости, потому что порождается таким живым ощущением зла, которое не притупляется даже привычкой терпеть его.

Такой характер у народа свободного был бы очень большим препятствием для происков тирании, действия которой обыкновенно бывают столь же вялы и медлительны при ее начале, как они быстры и решительны в конце, которая начинает помогать одной рукой для того, чтобы вслед затем угнетать всем бесчисленным множеством своих рук.

Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы ощупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой, народ не может поддаться сну.

Политика — беззвучная пила, которая незаметно совершает свою работу и медленно достигает своей цели. Но люди, о которых мы только что говорили, не были бы в состоянии выдержать медлительность, мелочность хладнокровных переговоров; тут они нередко оказывались бы слабее всякой другой нации и могли бы утратить посредством своих трактатов то, что приобрели своим оружием.

ГЛАВА XIV

Другие следствия климата

Наши отцы — древние германцы — жили в климате, где страсти людей не были бурными. В своих законах они принимали вещи такими, какими видели их, не давая

простора собственной фантазии. Судя об обидах, нанесенных мужчинам, по величине полученных им ран, они с той же простотой оценивали и обиды, нанесенные женщинам. Очень своеобразен в этом отношении закон аллеманов. За обнажение головы женщины надо было платить штраф в шесть солидов, за обнажение ее ноги до колена — столько же и вдвое больше — за обнажение выше колена. Кажется, закон измерял величину оскорбления, нанесенного женщине, так, как измеряют величину геометрической фигуры; он наказывал не преступление воображения, а преступление глаз. Но когда одна из германских наций переправилась в Испанию, климат этой страны внушил ей совсем иные законы. Закон вестготов позволял медикам пускать кровь свободнорожденной женщине только, в присутствии ее отца или матери, брата, сына или дяди. Воображение народов воспламенилось, а от него разгорелось и воображение законодателей; закон стал подозревать во всем народ, который сам был способен все заподозрить.

Поэтому законы эти отнеслись с величайшим вниманием к поведению обоих полов. Но, судя по установленным ими наказаниям, они, кажется, стремились более удовлетворять требования личной мести, чем требования общественной мести. Так, в большинстве случаев они отдавали обоих виновных в рабство родителям или оскорбленному супругу. Свободнорожденная женщина, отдавшаяся женатому человеку, предоставлялась в полное распоряжение его супруги. Эти законы обязывали рабов связать и привести к мужу женщину, застигнутую ими во время прелюбодеяния. Они разрешали детям этой женщины обвинять свою мать и подвергать ее рабов пытке, для того чтобы уличить ее. Поэтому эти законы были более пригодны для утонченной разработки определенного вопроса чести, чем для должной охраны нравов. И не надо удивляться, если граф Юлиан полагал, что оскорбление подобного рода требовало гибели его отечества и его короля. Нет ничего удивительного и в том, что при подобном состоянии нравов мавры так легко смогли поселиться в Испании, удержаться там и замедлить падение своей империи.

ГЛАВА XV

О влиянии климата на доверие законодателей к народу

Японский народ обладает таким свирепым характером, что его законодатели и правители не могли питать к нему никакого доверия. Они говорят ему только о суждях, угрозах и наказаниях. Японец и шагу не может ступить без полицейского надзора, Эти законы, которые из пяти глав семейства ставят одного как бы правителем над четырьмя прочими, эти законы, которые за одно преступление карают всю семью или целый квартал, эти законы, для которых нет невинных там, где, может быть, имеется один виноватый, — эти законы созданы для того, чтобы люди не доверяли друг другу, чтобы каждый следил за поведением другого и был для него сыщиком, свидетелем и судьей.

Индийский народ, напротив, кроток, нежен и сострадателен, поэтому его законодатели выказали к нему большое доверие. Они установили немного наказаний и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых. Они поручили племянников дядям и сирот — опекунам, как у других поручают детей их отцам; они основали право наследования на признании наследника достойным. Кажется, что они думали, что каждый гражданин должен полагаться на природные добрые качества прочих граждан.

Они охотно отпускают на волю своих рабов, они женят их, они обращаются с ними, как со своими детьми. Счастливый климат, который порождает чистые нравы и производит кроткие законы!

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Об отношении законов гражданского рабства к природе климата

ГЛАВА I О гражданском рабстве

Рабство, собственно говоря, есть установление права, дающего такую власть одному человеку над другим, что первый становится безусловным господином над имуществом и жизнью последнего. Оно дурно по самой своей природе; от него нет пользы ни рабу, ни господину: первому — потому, что он ничего не может делать по внушению добродетели, второму — потому, что он усваивает всевозможные дурные привычки, незаметно привыкает пренебрегать всеми нравственными добродетелями, становится гордым, нетерпеливым, суровым, гневным, сладострастным, жестоким.

В деспотических странах, где уже существует политическое рабство, гражданское рабство более сносно. Там каждый доволен уже тем, что может жить и питаться, поэтому положение раба там не тягостнее, чем положение подданного.

Но в монархическом правлении, когда безусловно необходимо воздерживаться от подавления и унижения природы человека, не должно быть рабов. В демократии, где все люди равны, и в аристократии, где законы должны употреблять все усилия, чтобы сделать их равными, насколько допускает природа этого правления, рабство противно устройству государства и служит только для того, чтобы доставлять гражданам могущество и роскошь, которыми они отнюдь не должны пользоваться.

ГЛАВА II Происхождение рабства по мнению римских юристов

Трудно поверить, что рабство обязано своим происхождением чувству сострадания и что оно было установлено по следующим трем причинам.

Международное право сделало пленников рабами для того, чтобы их перестали убивать. Римское гражданское право дозволило должникам продавать себя в рабство во избежание жестокого обращения с ними их кредиторов. Естественное право признало справедливым, чтобы дети раба, которых отец не в состоянии прокормить, были такими же рабами, как и он сам.

Эти доводы юристов несколько не убедительны.

1) Неверно утверждение, что на войне дозволяется убивать только в случаях крайней необходимости; раз человек сделал другого своим рабом, нельзя уже сказать, что он был поставлен в необходимость убить его, так как ведь он его и не убил. Единственное право, которое война может дать в отношении пленников, — это право поставить их в такое положение, чтобы они не имели возможности вредить. Убийства, хладнокровно совершаемые солдатами не в пылу сражения, отвергаются всеми народами мира.

2) Неправда, будто свободный человек может себя продать. Продажа предполагает уплату, но так как купленный раб вместе со всем своим имуществом становится собственностью своего господина, то выходит, что господин ничего не дает, а раб ничего не получает. Скажут: рабу дозволяется иметь благоприобретенное имущество; однако он не может ни продать это имущество, ни передать его по наследству. Если недозволительно убивать себя, потому что самоубийца отнимает себя у отечества, то столь же недозволительно и продавать себя. Свобода каждого гражданина есть часть общей свободы, а в народном государстве — даже часть верховной власти. Продавать свое гражданство — это такая нелепость, на которую не решится ни один человек. Если свобода имеет ценность для того, кто ее покупает, то она бесценна для того, кто ее продает. Гражданский закон, дозволивший людям произвести раздел имуществ, не мог включить в разряд имуществ и

часть тех самых людей, которые должны были производить этот раздел. Гражданский закон, лишаящий силы договоры, которые заключают в себе какой-нибудь ущерб лицу, не может не лишиться силы соглашение, заключающее в себе самый чудовищный из всех ущербов.

Третья причина касается рождения. Она исчезает вместе с двумя предыдущими, ибо если человек не имел права продать самого себя, то тем менее был он вправе продать своего еще не рожденного сына. Если нельзя обращать в рабство военнопленного, то еще менее допустимо обращать в рабство его детей.

Смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осудившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него. Но другое дело раб: закон рабства никогда не мог быть ему полезен, во всех случаях этот закон был против него и никогда не был за него, что противно основному принципу всех обществ.

Скажут, что закон рабства мог быть полезен рабу тем, что господин давал ему пропитание. В таком случае рабство следовало бы ограничить лицами, неспособными добывать себе средства к жизни. Но таких рабов никто не желает иметь. Что же касается детей, то природа, давшая матери молоко, обеспечила этим пропитание младенцу; вся же остальная часть их детства так близка к тому возрасту, в котором они способны приносить наибольшую пользу, что нельзя сказать, будто человек, который кормил детей для того, чтобы стать их господином, дал им что-нибудь.

Наконец, рабство столь же противно гражданскому праву, как и естественному праву. Какой закон мог бы удержать от бегства раба, который стоит вне общества и на которого поэтому не распространяются никакие гражданские законы? Он может быть удержан только по семейственному праву, т. е. по закону его господина.

ГЛАВА III

Другой источник происхождения рабства

С не меньшим правом я мог бы сказать, что право рабства проистекает из презрения, которое один народ питает к другому вследствие разницы в их обычаях.

Лопец де Гомара говорит, что «испанцы нашли близ порта св. Марфы корзины, наполненные съестными припасами жителей; там были морские раки, улитки, стрекозы и саранча. Победители вменили это побежденным в преступление». Автор признает, что существование такого обычая, а также то, что американцы курили табак и не подстригали бороду на испанский манер, было сочтено достаточным юридическим основанием для того, чтобы испанцы обращали в рабство американцев.

Знание смягчает людей; разум ведет их к человечности, и одни только предрассудки удаляют их от всего этого.

ГЛАВА IV

Еще один источник происхождения рабства

С не меньшим правом я мог бы сказать, что религия дает тем, кто ее исповедует, право обращать в рабство тех, кто ее не исповедует, для того чтобы ее легче было распространять.

В этом-то мнении разрушители Америки и находили поддержку своим преступлениям. На этой-то мысли они и основали право, в силу которого обратили в рабство столько народов; ибо эти разбойники, которые непременно хотели быть одновременно и разбойниками, и христианами, были очень религиозны.

Людовик XIII долго не решался на издание закона, обращавшего в рабство негров его

колоний; но, когда его убедили, что это самое верное средство обратить их в истинную веру, он согласился.

ГЛАВА V

О рабстве негров

Если бы мне пришлось защищать право, в силу которого мы сделали негров рабами, то я сказал бы следующее.

Народы Европы, истребив народы Америки, были вынуждены обращать в рабство народы Африки, чтобы заставить их расчищать обширные земли Америки.

Сахар был бы слишком дорог, если бы растение, из которого он получается, не возделывалось рабами.

Люди, о которых идет речь, черны от головы до пят, и нос у них до такой степени приплюснут, что жалеть их почти невозможно.

Нельзя себе представить, чтобы бог — существо очень мудрое — вложил душу, и при том хорошую, в совсем черное тело.

Мысль, что сущность человека заключается в цвете его кожи, так естественна, что народы Азии, кастрирующие чернокожих с целью пополнить число своих евнухов, прибегают тем самым к наиболее наглядному средству, чтобы лишить негров сходства с нами.

О важности цвета кожи можно судить по цвету волос, которому египтяне — лучшие философы в мире — придавали такое огромное значение, что предавали смерти всех рыжеволосых, которые попадались им в руки.

Что негры лишены здравого смысла, доказывается тем, что они предпочитают ожерелья из стеклышек золота, которое в таком великом почете у народов просвещенных.

Невозможно допустить, чтобы эти существа были людьми, потому что если бы мы их причислили к людям, то пришлось бы усомниться в том, принадлежим ли мы сами к числу христиан.

Недальновидные умы слишком преувеличивают несправедливость, причиняемую африканцам; ведь если бы она была действительно так велика, то неужели ни одному из государей Европы, которые заключают между собою столько бесполезных соглашений, не пришло бы в голову заключить одно общее соглашение во имя милосердия и сострадания?

ГЛАВА VI

Истинный источник происхождения рабства

Но пора обратиться к разысканию истинного источника рабства. Оно должно быть основано на природе вещей; посмотрим, не найдутся ли обстоятельства, объясняющие его происхождение.

Во всех деспотических государствах люди продают себя с большой легкостью: политическое рабство в известном смысле уничтожило гражданскую свободу.

Перри говорит, что московиты очень легко продают себя. И я знаю почему: потому, что их свобода ничего не стоит.

В Ассаме все стараются продать себя. Некоторые из главных сановников имеют не менее тысячи рабов, которые состоят из главных торговцев, имеющих под собой также немало рабов, в свою очередь тоже владеющих рабами. Их передают по наследству и заставляют торговать. В этих государствах свободные люди, слишком бессильные перед правительством, домогаются стать рабами тех, кто имеет тираническую власть над правительством.

Вот истинная и разумная причина происхождения существующего в некоторых странах умеренного рабства, которое и должно быть умеренным, потому что оно основано на свободном выборе, который делает человек, ради собственной пользы отыскивающий себе господина, и является, таким образом, следствием взаимного соглашения обеих сторон.

ГЛАВА VII

Другой источник происхождения рабства

Вот другой источник происхождения рабства, причем именно того жестокого рабства, которое мы видим у людей.

Есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством.

Аристотель хочет доказать, что есть рабы от природы, но то, что он говорит, совершенно не убедительно. Я думаю, что если такие рабы и существуют, то это именно те, о которых я сейчас говорил. Но так как все люди рождаются равными, то следует сказать, что рабство противно природе, хотя в некоторых странах оно имеет естественные причины; при этом отнюдь не следует забывать различия, существующего между этими странами и теми, где сами естественные причины противодействуют рабству, каковы страны Европы, где оно было так счастливо уничтожено.

Плутарх в своем жизнеописании Нумы говорит нам, что в век Сатурна не было ни господ, ни рабов. В наших климатах этот век водворен христианством.

ГЛАВА VIII

Бесполезность рабства у нас

Итак, область естественного рабства должна быть ограничена лишь некоторыми отдельными странами земного шара. Что же касается всех прочих стран, то, как бы ни были тяжелы работы, которые там требуются обществом, мне кажется, что все они могут быть выполнены свободными людьми.

Думаю я это потому, что в то время, когда гражданское рабство не было еще отменено в Европе христианством, там смотрели на работу в рудниках, как па труд, до такой степени тяжелый, что выполнять его возможно только силами рабов или преступников; между тем как теперь мы знаем, что люди, занимающиеся им, живут счастливо. Их профессию поощряли небольшими привилегиями, увеличенный труд соединили с повышенным вознаграждением; в результате они полюбили свое положение более всякого другого из доступных им.

Нет такого тяжелого труда, который нельзя было бы привести в соответствие с силами тех, кто его выполняет, если только этим трудом управляет разум человека, а не его жадность. Машины, которые изобретает и применяет искусство человека, могут заменить усиленный труд, выполняемый в других местах рабами. Турецкие рудники в Темешварском Банате были богаче рудников Венгрии, а производили меньше, потому что турки не знали иных орудий производства, кроме рук рабов.

Не знаю, ум или сердце диктует мне этот последний абзац. Нет, вероятно, такого климата на земле, где труд не мог бы быть свободным. Так как законы были дурны, люди оказались ленивыми, а так как они были ленивы, их обратили в рабство.

ГЛАВА IX

О народах, у которых установлена гражданская свобода

Постоянно приходится слышать, что было бы хорошо, если бы у нас были рабы.

Чтобы основательно обсудить это, не надо исследовать, будут ли рабы полезны для имеющейся в каждой нации небольшой группы богачей, наслаждающихся всеми благами жизни; для нее-то они, без сомнения, будут полезны. Но если встать на иную точку зрения, то я не думаю, чтобы кто-нибудь из этой части общества согласился прибегнуть к жребию для решения вопроса, кто должен принадлежать к свободной части общества, а кто — к числу рабов. Те, кто более всего толкует о пользе рабства, со страхом отшатнулись бы от него; оно привело бы в ужас даже самых несчастных и обездоленных людей. Поэтому крик в пользу рабства есть крик роскоши и сладострастия, а не голос любви и общего блага. Кто сомневается, что каждый отдельный человек очень охотно стал бы господином имущества, чести и жизни других людей, что при одной мысли об этом пробуждаются все его страсти? Но чтобы установить в делах этого рода, законны ли желания каждого, необходимо рассмотреть желания всех.

ГЛАВА X

Различные роды рабства

Есть два рода рабства: реальное и личное. Реальное — то, которое прикрепляет раба к земле поместья. Таковые были рабы германцев, по словам Тацита. Они не служили в доме господина; они давали ему известное количество зерна, скота или тканей; этим и ограничивались их повинности. Рабство этого рода существует еще в Венгрии, в Богемии и во многих областях Нижней Германии — Личное рабство связано с домашним хозяйством и имеет большее отношение к личности господина.

Рабство становится величайшим злоупотреблением, если оно является одновременно и реальным, и личным. Таково было у македонян рабство илотов; они исполняли все работы вне дома и терпели всевозможные оскорбления внутри дома. Это илотство противно природе вещей. У народов с простыми нравами есть только реальное рабство, потому что домашние работы там исполняют женщины и дети. У народов, преданных роскоши, есть личное рабство, потому что роскошь нуждается в домашней службе рабов. Илотство же представляет собой соединение рабства, существующего у народов, преданных роскоши, с рабством, существующим у народов с простыми нравами.

ГЛАВА XI

Что должны делать законы по отношению к рабству

Но какого бы рода ни было рабство, законы должны стараться очистить его, с одной стороны, от злоупотреблений, а с другой — от связанных с ним опасностей.

ГЛАВА XII

Злоупотребления рабством

В магометанских государствах господин имеет власть не только над жизнью и имуществом рабынь, но и над тем, что называют их добродетелью и их честью. Одно из несчастий этих стран составляет то, что большая часть народа существует лишь для того,

чтобы служить прихотям остальной части. В вознаграждение подобным рабам предоставляют наслаждаться ленью, что составляет новое несчастье для государства.

Эта-то лень и обращает серали Востока в приюты наслаждений даже для тех, против кого они созданы. Люди, которые более всего боятся труда, могут обрести счастье в этих спокойных пристанищах. Но мы видим, что всем этим нарушается самый смысл учреждения рабства.

Разум требует, чтобы власть господина не простиралась далее требования необходимых для него услуг; рабство должно служить пользе, а не сладострастию. Законы целомудрия принадлежат к естественному праву и должны соблюдаться всеми народами мира.

Если закон, охраняющий целомудрие рабов, полезен и для таких государств, где все служит прихотям неограниченной власти, то насколько же он необходим для монархии? Насколько он необходим для республиканских государств?

У лангобардов был закон, который хорош для «всякого правления. «Если господин развратит жену своего раба, то и этот раб, и жена его получают свободу». Вот превосходное средство предупредить и обуздать без большой суровости распутство господ.

Я не вижу, чтобы у римлян были хорошие постановления по этому предмету. Они освободили от всякой узды невоздержанность господ и даже до известной степени лишили их рабов права на брак. Рабы составляли там самую презренную часть народа; но как бы >их ни презирали, все же было бы хорошо, чтобы они имели добрые нравы; кроме того, запрещение браков среди рабов вносило разврат в браки граждан.

ГЛАВА XIII

Опасность от большого количества рабов

Большое количество рабов приводит к различным последствиям при различных правлениях. Для деспотического правления оно не составляет затруднений: из-за политического рабства, установленного при этом государственном строе, гражданское рабство ощущается слабо. Те, кого там называют свободными людьми, не более свободны, чем те, кто не имеет этого почетного наименования; и так как эти последние в качестве евнухов, вольноотпущенников или рабов держат в руках почти все дела, то разница между состоянием свободного человека и раба очень невелика. Поэтому вопрос о том, много или мало людей является там рабами, почти безразличен для этого государства.

Но для государств с умеренным правлением очень важно не иметь у себя слишком большого количества рабов. Политическая свобода придает там большую ценность гражданской свободе, а кто лишается последней, тот утрачивает и первую. Он видит счастливое общество, к которому он сам не принадлежит; он видит закон, охраняющий всех, но не его; он чувствует, что у его господина есть душа, которая может возвышаться, между тем как его душа принуждена постоянно принижаться. Ничто так не приближает человека к животным, как то положение, при котором он всегда видит свободных людей, а сам остается рабом. Такие люди — естественные враги общества, и большое количество их для него опасно,

Не надо поэтому удивляться тому, что государства с умеренным правлением так часто видели восстания рабов, между тем как в деспотических государствах эти восстания происходили очень редко.

ГЛАВА XIV

О предоставлении рабам права ношения оружия

Вооружать рабов менее опасно в монархии, чем в республике. В монархии воинственный народ и знать могут сдерживать вооруженных рабов. Но мирные граждане республики не будут в состоянии обуздать людей, которые с оружием в руках окажутся равными гражданам.

Готы, овладев Испанией, рассеялись по покоренной стране и вскоре почувствовали себя очень слабыми. Они сделали три важных распоряжения: отменили древний обычай, запрещавший им браки с римлянами; постановили, чтобы все вольноотпущенники государства ходили на войну под страхом быть вновь обращенными в рабство; повелели, чтобы каждый гот приводил с собою на войну и вооружал десятую часть своих рабов. Это количество было незначительно по сравнению с количеством тех, которые оставались. При том рабы, выступавшие на войну во главе со своим господином, не составляли отдельного отряда; они вливались в армию и в то же время

ГЛАВА XV

Продолжение той же темы

Если вся нация воинственна, то вооруженные рабы еще менее опасны для нее.

По закону аллеманов раб, который похищал доверенную ему вещь, подлежал одинаковому наказанию с человеком свободным; но если он похищал ее силой, то был обязан только возратить похищенное. У аллеманов действия, отличавшиеся мужеством и силой, не считались преступными. Они пользовались своими рабами для ведения войн. В большей части республик всегда старались подавить мужество рабов; народ аллеманов, уверенный в себе, стремился увеличить отвагу своих рабов. Всегда вооруженный, он не боялся их; он видел в них орудие, служившее для его разбоев или для его славы.

ГЛАВА XVI

Предосторожности, которые должны быть приняты в умеренном правлении

В государствах с умеренным образом правления опасность от большого количества рабов может быть предупреждена гуманным обращением с ними. Люди привыкают ко всему, даже к рабству, если только господин не более жесток, чем самое рабство. Афиняне обращались со своими рабами очень кротко — и рабы, поколебавшие государство лакедемонян, не возмущали покоя афинской республики.

Римляне первоначально также не испытывали затруднений от своих рабов. И только когда они утратили к ним все человеческие чувства, начались те гражданские войны, которые сравнивали с пуническими.

Народы с простыми нравами, которые сами работают, обыкновенно относятся к своим рабам более мягко, чем те народы, которые перестали работать. Первые римляне жили, работали и ели вместе со своими рабами. Они обращались с рабами весьма кротко и справедливо. Самое большое наказание, которому они подвергали раба, состояло в том, чтобы заставить его пройти перед соседями с ярмом на шее. Верность рабов достаточно поддерживалась обычаями, и в законах не было надобности.

Но когда могущество римлян возросло и рабы стали уж — для них не сотрудниками, а орудиями их роскоши и тщеславия, то нравы пришли в упадок и явилась надобность в законах. Необходимы были очень жестокие законы для того, чтобы охранять этих свирепых господ, которые жили среди своих рабов, как во вражеском окружении.

И вот появился сенатусконсулт Силлания и другие законы, которыми было

определено, чтобы в случае убийства господина все без различия рабы, находившиеся с ним под одной крышей или на расстоянии слышимости человеческого голоса от его дома, наказывались смертью. Те, кто в таком случае укрывал раба, чтобы спасти его, наказывались, как убийцы. Виновен был и тот раб, который убил своего господина по его же приказанию, и тот, кто не помешал господину убить себя. Если господин был убит в пути, то предавали смерти и тех рабов, которые остались при нем, и тех, которые от него убежали. Все эти законы применялись даже к людям, невиновность которых была доказана. Они имели целью внушить рабу благоговейный ужас перед своим господином. Они были порождены не гражданским правлением, а пороком или несовершенством гражданского правления. В них не было и следа духа справедливости, присущего гражданским законам, потому что их принципы были противоположны принципам гражданских законов. Принцип, на котором они были основаны, был, собственно, принципом войны, но войны против неприятеля, находившегося в самых недрах государства. Сенатусконсульт Силлания вытекал из международного права, требующего, чтобы даже несовершенное общество охраняло себя.

Несчастье для государства, когда его правители оказываются вынужденными прибегать к таким жестоким законам. Когда людей ставят в такие условия, что им становится трудно повиноваться, то поневоле приходится усиливать наказания за неповиновение и сомневаться в их верности. Но благоразумный законодатель старается избежать тягостной необходимости превратиться в законодателя жестокого. Римские законы не могли иметь доверия к рабам именно потому, что рабы не могли иметь доверия к законам.

ГЛАВА XVII

О законах, которые должны определять отношения между господином и рабами

Должностные лица обязаны наблюдать, чтобы раба не лишали пищи и одежды; это должно быть установлено законом.

Законы должны следить за тем, чтобы больные и престарелые рабы пользовались уходом. Клавдий повелел, чтобы рабы, которых господин покинул на произвол судьбы во время их болезни, получали по выздоровлении свободу. Этот закон обеспечивал им свободу, но следовало бы обеспечить им и жизнь.

Господин, которому закон предоставляет право лишать жизни своего раба, должен пользоваться этим правом как судья, а не как господин раба; поэтому закон должен предписать известные формальности, которыми устранялась бы возможность простого насилия.

Когда в Риме было запрещено отцам умерщвлять своих детей, то судьи стали налагать те наказания, которым желали подвергнуть своих сыновей отцы. Этот обычай было бы хорошо ввести по отношению к рабам в странах, где господа имеют над ними право жизни и смерти.

Закон Моисея был очень суров. «Господин, наносящий своему рабу побои, будет наказан, если раб умрет под его рукою; но если он проживет после этих побоев день или два, то господин не подлежит наказанию, так как раб — его деньги». Что за удивительный народ, у которого гражданский закон до такой степени расходился с естественным законом!

По одному закону греков рабы, подвергавшиеся слишком суровому обращению со стороны своих господ, могли требовать, чтобы их продали другому лицу. В последние времена Рима там тоже существовал подобный закон, требовавший, чтобы господин, озлобленный на своего раба, и раб, озлобленный на своего господина, были разлучены.

Необходимо, чтобы раб, обиженный не своим господином, мог жаловаться судье. Законы Платона и законы большинства народов лишили рабов естественных способов защиты, поэтому надо было предоставить им гражданскую защиту.

В Лакедемонне рабы были совершенно беззащитны против всякого рода обид и

несправедливостей. Положение их было особенно тяжелым потому, что каждый из них был не только рабом того или иного гражданина, но и рабом всего общества; они принадлежали всем и одному. У римлян вред, причиненный рабу, оценивался лишь с точки зрения интересов его господина. Закон Аквиллия не делал различия между ранением животного и ранением раба; в обоих случаях имелось в виду лишь уменьшение их цены. В Афинах наказывали строго, иногда даже смертью, за жестокое обращение с чужим рабом, Афинский закон не захотел добавить к утрате свободы утрату безопасности.

ГЛАВА XVIII

Об освобождении рабов

Очевидно, что, чем больше у республики рабов, тем большее количество их она должна освобождать от рабства. Зло тут в том, что если рабов слишком много, то их трудно удерживать в повиновении; если же становится слишком много вольноотпущенных, то они за невозможностью прокормить себя становятся бременем для республики, не говоря уже о том, что для республики в равной мере может оказаться опасным и слишком большое количество вольноотпущенных, и слишком большое количество рабов. Итак, законы не должны упускать из виду оба эти неудобства.

Различные законы и постановления сената, изданные в Риме за и против рабов, то с целью затруднить, то с целью облегчить их освобождение, ясно показывают, как трудно было прийти к определенному решению по этому поводу. Были даже времена, когда совсем не решались издавать законов. Когда при Нероне в сенате было предложено позволить патронам вновь обращать в рабство неблагодарных вольноотпущенников, император написал, чтобы не выносили никаких общих постановлений по этому предмету, но каждый частный случай обсуждали в отдельности.

Трудно сказать, какие меры должна была бы принять в этом отношении благоустроенная республика; все это слишком зависит от обстоятельств. Но вот несколько соображений.

Не следует производить сразу и в силу одного общего закона большого количества освобождений. Известно, что у Вальсиниев вольноотпущенники, получив возможность влиять на исход голосования, провели чудовищный закон, который давал им право проводить первую ночь с женщинами, выходящими замуж за свободнорожденных.

Есть разные способы незаметно вводить в республику новых граждан. Законы могут поощрять личную собственность рабов и этим дать им возможность выкупать свою свободу; они могут определить известный срок рабству, подобно законам Моисея, которые ограничили рабство у евреев шестью годами. Хорошо также ежегодно отпускать на волю некоторое количество рабов из числа тех, которые по своему возрасту, состоянию здоровья и трудолюбию будут в состоянии добывать себе средства к жизни. Можно даже врачевать зло в самом его корне: так как количество рабов связано с количеством различных занятий, составляющих их обязанность, то можно уменьшить их число, перенося с рабов на свободнорожденных некоторую часть этих занятий, например торговлю или мореплавание.

Если вольноотпущенных много, то все их обязанности по отношению к их патронам должны быть или определены законом, или обозначены в самом договоре об их освобождении.

Понятно, что положение их должно быть более благоприятным в гражданском отношении, чем в политическом, так как даже при народном правлении власть не должна переходить в руки низшего слоя населения.

В Риме, где было очень много вольноотпущенников, существовали по этому предмету превосходные — законы. Вольноотпущенникам дали немного, но и ни в чем не отказали. Они принимали некоторое участие в законодательстве, но не имели почти никакого влияния на решения законодательных собраний. Их допускали к должностям, не исключая и

жреческих, но они не могли пользоваться этой привилегией вследствие своего бессилия при выборах. Им был открыт доступ к военной службе, но для того, чтобы стать солдатом, требовался известный ценз. Ничто не мешало вольноотпущенным вступать посредством браков в родство с семьями свободнорожденных, но им запрещалось вступать в такое родство с семьями сенаторов. Наконец, дети вольноотпущенного признавались свободнорожденными, хотя бы сам он и не был таковым.

ГЛАВА XIX

О вольноотпущенных и о евнухах

Итак, при правлении многих часто бывает полезно, чтобы положение вольноотпущенных было лишь немногим ниже положения свободнорожденных и так поставлено законом, чтобы они не питали отвращения к своему состоянию. Но при правлении одного, где царят роскошь и произвол, ничего этого уже не требуется. Там вольноотпущенники почти всегда стоят выше свободных людей: они господствуют при дворе государя и в дворцах вельмож; и так как они стараются угождать не добродетелям своего господина, а его слабостям, то и заставляют его царствовать не посредством его добродетелей, а посредством его слабостей. Таковы были в Риме вольноотпущенники во времена императоров.

Что же касается евнухов, занимающих высшее положение среди рабов, то какие бы привилегии им ни предоставлялись, их все же нельзя ставить на одну доску с вольноотпущенниками. Не имея возможности иметь собственную семью, они по самой природе вещей должны быть включены в чужую семью и потому только посредством своего рода фикции могут считаться гражданами.

И тем не менее существуют страны, где им открыт доступ ко всем должностям. Дампьер говорит, что «в Тоикине все мандарины, гражданские и военные, — евнухи, У них нет семьи, и хотя они по самой своей природе люди скупые и жадные, но самая жадность их в конечном счете идет на пользу их господину или государю».

Тот же Дампьер рассказывает, что в этих странах евнухи не могут обойтись без женщин и что они женятся. Закон, позволяющий им жениться, не может иметь другого основания, кроме уважения, которым там пользуются подобные люди, с одной стороны, и презрения, которое там питают к женщинам, — с другой.

Итак, этим людям поручаются различные должности, потому что у них нет семьи, а с другой стороны, им дозволяется жениться, потому что у них есть должности.

И вот тогда-то те страсти, которые у них остались, упорно стремятся возместить те, которые ими утрачены, и предприятия, внушенные отчаянием, доставляют им своеобразное наслаждение. Так, у Мильтона^[94], дух, у которого ничего не осталось; кроме желаний, проникнутый сознанием всей глубины своего унижения, стремится обратить в силу даже самое свое бессилие.

В истории Китая мы находим множество законов, воспрещающих евнухам все гражданские и военные должности, но они все-таки достаются им. Создается впечатление, что на Востоке евнухи являются необходимым злом.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Об отношении к климату законов, регулирующих домашнее рабство

ГЛАВА I

О домашнем рабстве

Рабы не столько входят в состав семьи, сколько предназначены для семьи. Поэтому я отличаю рабство в собственном смысле от того положения, в котором находятся женщины в некоторых странах и которое я буду называть домашним рабством.

ГЛАВА II

О естественном неравенстве полов в южных странах

В жарких климатах женщины достигают половой зрелости в возрасте восьми, девяти или десяти лет, поэтому детство и брак там почти всегда идут рядом. В 20 лет они уже старухи; таким образом, расцвет разума у них никогда не совпадает с расцветом красоты. Когда они могли бы властвовать благодаря своей красоте, это оказывается невозможным из-за отсутствия разума; когда же они могли бы властвовать благодаря разуму — красоты уже нет. И так как разум не может им доставить под старость ту власть, которой не дала им во время их юности даже красота, то женщины неизбежно должны находиться в зависимом положении. Поэтому нет ничего необычного в том, что там мужчина покидает свою прежнюю жену, — поскольку религия не противится этому, — чтобы взять новую, и водворяется многоженство.

В странах с умеренным климатом, где красота женщин сохраняется дольше, где половая зрелость наступает позднее и где женщины рожают в более зрелом возрасте, они старятся почти одновременно со своими мужьями, и так как во время вступления в брак у них больше разума и знаний уже по одному тому, что они старше, то, естественно, должно было установиться некоторое равенство между обоими полами, а следовательно, и закон единоженства.

В странах с холодным климатом почти необходимое употребление крепких напитков развивает в мужчинах несдержанность, и женщины, которые в этом отношении от природы сдержанны, потому что им всегда приходится защищаться, превосходят их, таким образом, и в отношении разума.

Природа, наделившая мужчин силой и разумом, не положила никакого другого предела их власти, кроме самой этой силы и этого разума. Женщине она даровала очарование красоты и определила, чтобы вместе с ним оканчивалось и влияние женщины; но в жарких странах красота встречается только в начале, а не в продолжение всей жизни женщины.

Итак, закон, позволяющий мужу иметь только одну жену, более подходит к физическим свойствам европейского климата, чем азиатского. Это одна из причин, почему магометанство так легко установилось в Азии и с таким трудом распространялось в Европе, почему христианство удержалось в Европе и было уничтожено в Азии, и почему, наконец, в Китае так преуспевают магометане и так мало успеха имеют христиане. Человеческие соображения всегда подчиняются той высшей причине, которая делает все, что хочет, и пользуется всем, что ей нужно.

По некоторым особым причинам Валентиниан дозволил многоженство в империи. Этот закон, противный нашим природным условиям, был отменен Феодосием, Аркадием и Гонорием.

ГЛАВА III

О том, что многоженство в значительной степени зависит от стоимости содержания жен

Хотя в странах, где установлено многоженство, количество жен в значительной

степени зависит от богатства их мужа, однако нельзя сказать, чтобы причиной установления и государстве полигамии было богатство: к тому же последствию может привести и бедность, как я это покажу, говоря о дикарях.

Полигамия — не столько роскошь, сколько один из поводов для проявления большой роскоши у богатых наций. В жарких климатах у людей меньше потребностей, и потому требуется меньше средств на содержание жены и детей. Следовательно, там можно иметь и большее количество жен.

ГЛАВА IV

О многоженстве и его различных причинах

По произведенным в разных местах Европы подсчетам, там рождается больше мальчиков, чем девочек; а в описаниях Азии и Африки сообщается, что там, наоборот, рождается больше девочек, чем мальчиков. Законы единоженства в Европе и многоженства в Азии и в Африке имеют, следовательно, некоторое отношение к климату.

В холодных климатах Азии, как и в Европе, рождается больше мальчиков, чем девочек. В этом, по словам лам, заключается причина, почему у них закон позволяет женщине иметь несколько мужей.

Но я не думаю, чтобы было много стран, где эта неравномерность настолько значительна, что появляется надобность и законах, устанавливающих многоженство или многожние. Все это значит только, что в некоторых странах численное преобладание женщин или даже мужчин более или менее отклоняется от естественной пропорции, существующей в других странах.

Признаюсь, что если бы то, что нам сообщают о Бантаме, а именно, что там на одного мужчину приходится десять женщин, было верно, то это был бы особо характерный случай полигамии.

Я говорю все это не для того, чтобы оправдывать обычаи, но для того, чтобы объяснить их.

ГЛАВА V

Причина одного закона на Малабаре

На Малабарском побережье в касте найров мужчина может иметь только одну жену, а женщина, напротив, может иметь несколько мужей. Я думаю, что возможно обнаружить причину этого обычая. Найры — это каста знати, а у всех этих народов знатные являются воинами. В Европе солдатам препятствуют жениться. На Малабаре, где климат требует смягчения этого правила, ограничились тем, что по мере возможности облегчили для них затруднения, связанные с браком, и дали нескольким мужчинам по одной женщине, чтобы ослабить в них привязанность к семье, облегчить им хозяйственные заботы и сохранить в полной силе их боевой дух.

ГЛАВА VI

О многоженстве как таковом

Многоженство, рассматриваемое вообще, независимо от обстоятельств, в силу которых оно может быть до некоторой степени терпимо, не приносит никакой пользы ни человеческому роду, ни обоим полам, — ни тому, который злоупотребляет, ни тому, которым злоупотребляют. Не приносит оно пользы и детям; одно из главных его неудобств

состоит в том, что при нем отец и мать не могут питать одинаковой привязанности к детям; отец не может любить двадцать человек детей так, как мать любит двух. Но еще хуже, когда у женщины несколько мужей, так как в таком случае отцовская любовь держится лишь на том мнении, что отец, если пожелает, может поверить, что некоторые дети принадлежат ему, или что другие могут этому поверить.

Говорят, у марокканского государя в серале есть женщины белые, черные и желтые. Несчастный! Едва ли он нуждается и в одном-то цвете.

Обладание многими женами не исключает вожделения к чужой жене. Сладострастие подобно скупости: его жажда распаляется по мере приобретения сокровищ.

В правление Юстиниана некоторые философы, стесненные христианством, удалились в Персию к Хосрою. Агафий говорит, что там их всего более поразило то, что полигамия была позволена людям, которые не воздерживались даже от прелюбодеяния.

Многоженство — кто бы мог это подумать! — ведет даже к той любви, которая отвергается природой: так одно распутство всегда влечет за собой другое. Говорят, что во время волнений в Константинополе, происшедших при свержении султана Ахмеда, народ, разграбивший дом кияи (министра двора), не нашел в нем ни одной женщины. Говорят, что в Алжире дело дошло до того, что в большинстве сералей совсем нет женщин.

ГЛАВА VII

О равном положении всех жен при многоженстве

Из закона о многоженстве вытекает требование равенства между женами. Магомет, который позволяет иметь четырех жен, требует, чтобы они были равны во всем: в пище, в одежде, в отношении супружеских обязанностей. Такой же закон установлен у малдивов, где можно жениться на трех женщинах.

Закон Моисея даже предписывает, чтобы сын, которому отец дал в жены рабу и который впоследствии женился на свободной женщине, не отнимал у своей первой жены ничего из ее одежды, пищи и обязанностей. Новой супруге можно было дать больше, но прежняя не должна была получать меньше прежнего.

ГЛАВА VIII

Об изоляции женщин от мужчин

Одно из последствий многоженства заключается в том, что у народов сладострастных и богатых некоторые мужчины имеют очень большое количество жен. Естественные результаты этой многочисленности — изоляция женщин от мужчин и их затворничество. Этого требует домашний порядок: несостоятельный должник старается укрыться от преследования своих кредиторов. Есть такие климаты, при которых правила нравственности почти совершенно бессильны перед физическими потребностями. Оставьте мужчину наедине с женщиной — и всякий соблазн приведет к падению, всякое наступление будет победоносно, а сопротивление — ничтожно. В этих странах вместо моральных правил нужны замки.

Одна классическая книга Китая видит чудо добродетели в поведении человека, который, оставшись в отдаленной комнате наедине с женщиной, не изнасилует этой женщины.

ГЛАВА IX

Связь домашнего управления с политическим

Республика ставит гражданина в условия жизни умеренной, тихой, ровной и ограниченной; там на всем лежит печать общественной свободы. Власть над женщинами не могла бы там проявиться с достаточной силой; и когда эта власть была обусловлена климатом, наиболее подходящим для нее образом правления оказалось правление одного. Вот одна из причин, почему на Востоке всегда было трудно установить народное правление.

Наоборот, рабство женщин вполне сообразно с духом деспотического правления, которое охотно злоупотребляет всем, потому-то в Азии деспотическое правление всегда сопровождалось домашним рабством.

В государстве, где прежде всего требуют спокойствия и где доведенную до крайности покорность называют миром, надо держать женщин взаперти, потому что их интриги могли бы иметь роковые последствия для их мужей. Правительство, у которого нет времени входить в рассмотрение поведения подданных, относится к ним с подозрением уже по одному тому, что их поведение бросается всем в глаза и они дают о себе знать.

Предположим на мгновение, что легкомыслие и нескромность, симпатии и антипатии наших женщин, их страсти и пристрастия были бы перенесены в одно из государств Востока со всей стремительностью и свободой, с которыми они проявляются у нас. Какой отец семейства мог бы иметь хоть минуту спокойствия? Везде подозрительные люди, повсюду враги; государство было бы потрясено, и полились бы потоки крови.

ГЛАВА X

Принцип нравственности Востока

Чем более расстраивается единство семьи при многоженстве, тем более должны законы привлекать к центру отделившиеся части; чем больше различия в интересах, тем важнее, чтобы закон приводил это разнообразие к единству.

Эта цель достигается преимущественно посредством затворничества. Женщины должны быть отделены от мужчин не только стенами дома, но и внутри этих стен, так, чтобы они составляли как бы отдельную семью в семье. Из этого положения вытекают все обязательные для них правила нравственности: стыдливость, целомудрие, сдержанность, молчаливость, кротость, послушание, почтительность, любовь и, наконец, общее направление чувств к тому, что по природе своей лучше всего в мире, а именно — к привязанности к семье.

Женщинам, естественно, предстоит выполнять столько свойственных им обязанностей, что необходимо обратить усиленное внимание на то, чтобы отдалить их от всего, что могло бы внушить им иные мысли, т. е. от всего, что называют развлечениями, и от всего, что называют делами.

В различных государствах Востока чистота нравов находится в прямой зависимости от строгости затвора женщин. В больших государствах есть, конечно, и крупные вельможи, и, чем они богаче, тем большую они имеют возможность держать своих жен в строжайшем заключении и тем с большим успехом могут противодействовать их возвращению в общество. Потому-то в Турции, Персии, Китае, Японии и в государстве Могола так изумительно хороши нравы женщин.

Нельзя, однако, сказать того же об Индии. Вследствие ее положения и наличия множества островов она распалась на бесчисленные крошечные государства, ставшие по множеству причин, которые здесь не время излагать, деспотическими.

Население этих государств состоит только из нищих, которые грабят, и нищих, которых грабят. Те, кого там называют знатными, имеют очень небольшие средства, а те, кого называют богатыми, имеют лишь необходимое. Затворничество женщин не может там быть столь строгим; там нельзя принимать таких больших предосторожностей, чтобы сдерживать женщин; в результате возвращение их нравов не поддается описанию.

Здесь можно видеть, до каких крайностей доходят пороки, порождаемые климатом, когда им предоставляют слишком большую свободу. Здесь природа проявляет непостижимую силу, а стыдливость — столь же непостижимое бессилие. В Патане похотливость женщин так велика, что мужчины вынуждены прибегать к особым средствам, чтобы оградить себя от их покушений. По словам М. Смита, не лучше обстоят дела и в малых государствах Гвинеи. Кажется, в этих странах люди обоего пола утрачивают даже свойственные их полу законы.

ГЛАВА XI

О других формах домашнего рабства

В некоторых странах Востока затворничество женщин вызывается не только многоженством, но и климатом. Всякий, кто прочтет об ужасах, преступлениях, коварствах, низостях, отравлениях, убийствах, которые являются следствием свободы женщин в Гоа и в португальских владениях Индии, где религия запрещает многоженство, и сравнит это с чистыми нравами женщин в Турции, Персии, Китае, Японии и государстве Могола, — ясно увидит, что часто бывает столь же необходимо отделять женщин от мужчин при единоженстве, как и при многоженстве.

В этих случаях все определяется климатом. Зачем было бы, например, подвергать заключению женщин в наших северных странах, где их нравы хороши от природы, где страсти их так спокойны, так мало стремительны и так безыскусственны, где любовь так благоразумно властвует над сердцем, что достаточно самых легких мер для того, чтобы управлять ими?

Счастливы люди, живущие в этих климатах, которые позволяют им общение друг с другом, где прекрасный пол составляет украшение общества и где женщины, составляя счастье одного, в то же время являются источником радости и для всех.

ГЛАВА XII

О естественной стыдливости

Все народы единодушно относятся с презрением к распущенности женщин, потому что всем им внятн голос природы. Она установила нападение, она же установила и защиту и, внушив обеим сторонам желание, дала одной стороне дерзость, а другой — стыд. Она дала людям много времени для забот о самосохранении и лишь короткие моменты для воспроизведения своего рода.

Поэтому неправильно мнение, будто невоздержанность порождается законами природы, напротив, она является их нарушением; скромность и самообладание — вот что предписывается этими законами.

Кроме того, в природе разумных существ заложена способность чувствовать свои несовершенства; потому-то природа и дала нам стыдливость, т. е. чувство стыда перед этими несовершенствами.

И если физическое воздействие некоторых климатов нарушает и естественный закон обоих полов, и закон, управляющий поступками разумных существ, то дело законодателя — дать гражданские законы, которые противодействовали бы природе климата, восстанавливая силу первоначальных законов.

ГЛАВА XIII

О ревности

Следует тщательно различать у народов ревность, которая порождается страстью, от ревности, которая имеет основание в обычаях, нравах, законах. Одна — все пожирающее лихорадочное пламя; другая же, холодная, но порою страшная, может соединяться с равнодушием и презрением.

Одна, будучи извращением любви, любовью же и порождается. Другая зависит единственно от нравов и обычаев народа, от законов страны, от морали, а иногда даже и от религии.

Она почти всегда является результатом физического воздействия климата и в то же время целительным средством против этого воздействия.

ГЛАВА XIV

Об управлении домом на Востоке

На Востоке так часто меняют жен, что им нельзя поручать управление домом; поэтому ведение хозяйства возлагают на евнухов; им вручают все ключи от дома, и они заведуют домашними делами. «В Персии, — говорит г. Шарден, — женщинам выдают одежду, как детям». Таким образом, их совершенно не касается дело, которое так им свойственно, которое повсюду составляет их первую заботу.

ГЛАВА XV

О разводе и репудии

Между разводом и репудией та разница, что развод совершается по взаимному соглашению, вследствие взаимного несоответствия, тогда как репудия совершается по воле и в интересах одной из сторон, независимо от интересов и желания другой стороны.

Репудия иногда бывает так необходима для женщин и сопряжена для них с такими трудностями, что закон, который дает это право мужчинам, отказывая в нем женщинам, очень жесток по отношению к последним. Муж — глава дома, у него есть тысячи средств заставить жен исполнять свой долг, так что право репудии является в его руках как бы одним из средств злоупотребления властью. Со стороны же женщины оно может быть только печальной необходимостью. Необходимость искать себе второго мужа после того, как она утратила большую часть своего очарования в первом браке, является для женщины всегда большим несчастьем. Одна из существенных выгод очарования женщины в молодости заключается в том, что воспоминание о прошлых наслаждениях побуждает мужа относиться к жене благосклонно и во время ее старости.

Поэтому должно быть принято за общее правило, чтобы во всех странах, где закон предоставляет мужчине право репудии, то же право предоставлялось и женщине. Более того, мне кажется, что в климатах, где женщины живут в домашнем рабстве, закон должен позволить женщинам репудию, а мужчинам — только развод.

Когда женщин держат в гареме, то муж не может пользоваться правом отвергнуть жену по причине несоответствия характеров, так как если согласия нет, то виноват в этом муж.

Репудия вследствие бесплодия жены может иметь место только в случае единобрачия, так как если жен много, то это обстоятельство не имеет для мужа никакого значения.

Закон малдивов позволяет вновь соединиться с отвергнутой женой, а закон Мексики запрещает это под страхом смертной казни. Этот мексиканский закон разумнее, чем малдивский: при разводе он не забывает о вечности брака, между тем как закон малдивов, кажется, относится с одинаковым пренебрежением и к браку, и к репудии,

Закон Мексики позволял только развод. Это опять-таки было основанием для того, чтобы не разрешать вновь сходиться людям, которые разлучились по взаимному соглашению. Репулиация кажется скорее следствием вспыльчивости и страсти, а развод — результатом обдуманного решения.

Развод обычно бывает очень полезен в политическом отношении; что же касается до гражданской стороны дела, то он полезен для мужа и для жены, но не всегда благоприятен для детей.

ГЛАВА XVI О репулиации и разводе у римлян

Ромул дозволил мужу расторгнуть брак с женой, если она совершила прелюбодеяние, приготовила яд или подделала ключи. Но он не дал того же права жене по отношению к ее мужу. Плутарх называет этот закон очень суровым.

Так как в Афинах закон предоставил это право обоим супругам и так как римские женщины получили это право уже в древнейшие времена, невзирая на закон Ромула, то ясно, что это учреждение принадлежит к числу тех, которые римские послы вывезли из Афин и внесли в число законов двенадцати таблиц.

Цицерон говорит, что причины расторжения брака вытекали из закона двенадцати таблиц. Нельзя поэтому сомневаться в том, что этот закон умножил число причин расторжения брака, установленных Ромулом.

Право развода было также установлением или по крайней мере следствием законов двенадцати таблиц, так как если оба супруга имели, каждый в отдельности, право расторгать брак, то тем более могли они разлучаться по взаимному соглашению и по обоюдному желанию.

Закон не требовал заявления причин развода. По самой сущности дела такое заявление необходимо при одностороннем расторжении брака, но несколько не нужно для развода, потому что там, где причины, по которым брак может быть расторгнут, определяются законом, взаимное несоответствие следует считать наиболее убедительной причиной.

Дионисий Галикарнасский, Валерий Максим и Авл Геллий сообщают факт, который кажется мне неправдоподобным. Они говорят, что хотя в Риме и было дозволено разрывать брак с женою, но вследствие особенного уважения к ауспициям там до Карвилия Руги, отвергнувшего жену по причине бесплодия, никто не пользовался этим правом в течение 520 лет. Но достаточно знать природу человеческого ума, чтобы признать невероятным то обстоятельство, что никто во всем народе, которому было дано подобное право законом, не воспользовался им. Кориолан, удаляясь в изгнание, посоветовал своей жене найти себе более счастливого мужа, чем он; мы только что видели, что законы двенадцати таблиц и нравы римлян значительно расширили рамки закона Ромула. Но зачем нужно было это расширение закона, если никто не пользовался правом, установленным в законе? Сверх того, если граждане не пользовались им по своему чрезвычайному уважению к ауспициям, то почему же римские законодатели менее уважали ауспиции? Неужели сам закон непрестанно оказывал разлагающее влияние на нравы?

При сопоставлении двух цитат из Плутарха все недоумения разрешаются. Закон царей дозволял мужу расторгать брак в одном из трех случаев, о которых мы говорили. «Если же, — говорит Плутарх, — кто отлучал от себя жену по каким-либо другим причинам, то закон требовал, чтобы одна половина его имущества доставалась его жене, а другая — посвящалась Церере». Следовательно, подвергая себя этому штрафу, можно было отвергнуть жену по любой причине. Никто этого не делал до Карвилия Руги, «который, — по словам того же Плутарха, — разорвал брак со своей женой по причине ее бесплодия через двести тридцать лет после Ромула», т. е. за 71 год до опубликования законов двенадцати таблиц, которые расширили право репулиации и умножили число его причин.

Писатели, которых я цитировал, говорят, что Карвилий Руга любил свою жену, но что ввиду ее бесплодия цензоры обязали его клятвой разлучиться с нею, дабы он мог дать детей республике, и что именно это сделало его ненавистным народу. Надо, однако, знать дух римского народа, чтобы обнаружить истинную причину его ненависти к Карвилию. Карвилий навлек на себя немилость народа не потому, что он разорвал брак с женой, — делами этого рода народ не возмущался, — а потому что он дал клятву цензорам разлучиться с женою по причине ее бесплодия для того, чтобы дать детей республике. В этом обязательстве римский народ видел бремя, которое цензоры собирались взвалить и на его плечи. В дальнейшем я буду говорить о том, как ненавидел народ подобное распоряжение. Но как объяснить такое противоречие между Плутархом и прочими писателями? Очень просто: Плутарх исследовал факт, а прочие рассказывали сказку.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Об отношении законов о политическом рабстве к природе климата

ГЛАВА I

О политическом рабстве

Политическое рабство, как это будет сейчас показано, не менее, чем гражданское и домашнее, зависит от природы климата.

ГЛАВА II

О различии между народами в отношении мужества

Мы уже сказали, что чрезмерная жара подрывает силы и бодрость людей и что холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным. Это различие можно наблюдать не только при сравнении одного народа с другим, но и при сравнении различных областей одной и той же страны. Народы Северного Китая мужественнее, чем народы Южного Китая; народы Южной Кореи уступают в этом отношении жителям Северной Кореи.

Не надо поэтому удивляться, что малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу. Все это следствия, вытекающие из их естественной причины.

То же самое оказалось справедливым в отношении Америки; деспотические государства Мексики и Перу лежали близ экватора, а почти все свободные племена жили и теперь еще живут ближе к полюсам.

ГЛАВА III О климате Азии

В сообщениях путешественников говорится, что «север Азии, этот обширный материк, который простирается от сорокового градуса или около того до полюса и от границ Московии до Великого океана, лежит в очень холодном климате; что эта громадная область пересечена от запада к востоку горной цепью, к северу от которой находится Сибирь, а к югу — великая Татария; что климат Сибири до того суров, что в этой стране, за исключением немногих мест, земледелие невозможно; что хотя у русских по всему течению Иртыша есть поселения, но они там ничего не возделывают; что в этой стране растут лишь низкорослые

ели да кустарник, а туземцы разделены на несколько бедствующих народцев, подобных тем, которые встречаются в Канаде; что причина этого холода заключается, с одной стороны, в гористом характере местности, а с другой — в том, что горы идут там, понижаясь от юга к северу, так что северный ветер, не встречая препятствия, дует в ней повсюду; что этот ветер, сделавший необитаемой Новую Землю, обдувая Сибирь, делает ее непригодной для земледелия; в Европе же, напротив, горы Норвегии и Лапландии составляют превосходные преграды, прикрывающие от этого ветра северные страны; по этой причине в Стокгольме, который находится на 59-м градусе широты или около того, почва производит плоды, зерновые хлеба, растения, а вокруг Або, который лежит на 61-м градусе, точно так же как и в местностях 63-го и 64-го градусов, есть серебряные рудники и почва довольно плодородна.

Из тех же сообщений мы узнаем, что «великая Татария, лежащая к югу от Сибири, тоже очень холодна и земля там не возделывается; что там нет ничего, кроме пастбищ для стад, а вместо деревьев имеются только редкие кустарники, как в Исландии; что близ Китая и Монголии есть несколько стран, где растет род проса, но ни пшеница, ни рис там не созревают; что в китайской Татарии, на 43-м, 44 и 45-м градусах, нет ни одного места, где бы морозы не держались в течение семи или восьми месяцев в году, так что там так же холодно, как в Исландии, хотя должно бы быть теплее, чем на юге Франции; городов, за исключением четырех или пяти у Восточного моря и нескольких городов, которые китайцы по политическим соображениям построили близ Китая, здесь совсем нет, а во всей остальной великой Татарии есть лишь несколько городов, расположенных в Бухаре, Туркестане и Хиве; что причина этого чрезвычайного холода заключается в свойствах почвы, пропитанной селитрой и песчаной, и, кроме того, — в высоте места. Патер Верби нашел, что одна местность, в 80 милях к северу от великой стены, у истока Кавамизрама, лежит на 3 тысячи геометрических шагов выше морского берега близ Пекина и что эта высота является причиной того, что, хотя в этой стране находятся истоки почти всех больших рек Азии, она испытывает недостаток в воде, так что население в ней возможно лишь близ рек и озер».

Установив эти факты, я вывожу из них следующее заключение: Азия, собственно говоря, совершенно не имеет умеренного пояса, и ее страны, расположенные в очень холодном климате, непосредственно соприкасаются с теми, которые находятся в Климате очень жарком, каковы Турция, Персия, Китай, Корея, Япония и государство Могола.

В Европе, напротив, умеренный пояс очень обширен; и хотя он охватывает страны с весьма различными климатами, например, Испанию с Италией и Норвегию со Швецией, однако так как климат становится более холодным от юга к северу лишь постепенно, почти пропорционально широте каждой страны, то каждая страна по своему климату весьма сходна с соседней; в этом отношении там не встречается резких различий, и, как я только что сказал, умеренный пояс занимает там очень большое пространство.

Отсюда следует, что в Азии народы противостоят друг другу, как сильный слабому; народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно соприкасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой — завоеванным. В Европе, напротив, народы противостоят друг другу как сильный сильному; те, которые соприкасаются друг с другом, почти равно мужественны. Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии, причина, насколько мне известно, никем еще не выясненная. Вот отчего в Азии свобода никогда не возрастает, между тем как в Европе она возрастает или убывает, смотря по обстоятельствам.

Хотя знать Московского государства и была обращена в рабство одним из своих государей, но в ней все-таки постоянно замечаются признаки неудовольствия, которое не встречается в климатах юга. Мы видели, что там в течение нескольких дней было создано аристократическое правление. И если другое государство севера утратило свои законы, то климат его может служить нам порукой, что оно утратило их не окончательно.

ГЛАВА IV

Следствия всего этого

Все сказанное нами согласуется с историческими событиями. Азия была покорена 13 раз: 11 раз северными народами и 2 раза — южными. В отдаленные времена ее 3 раза завоевывали скифы, потом по одному разу — мидяне и персы, а также греки, арабы, монголы, турки, татары, персы и афганцы. Я говорю лишь о верхней Азии и совсем не упоминаю о нашествиях, которым подвергались южные области этой части света, постоянно претерпевавшие великие перевороты.

Наоборот, в Европе со времени основания в ней греческих и финикийских поселений нам известны лишь четыре великих переворота: первый был вызван завоеваниями римлян, второй — наплывом варваров, уничтоживших римлян, третий — победами Карла Великого и последний — нашествиями норманнов. И если хорошенько вникнуть во все это, то мы увидим, что в самих этих переворотах сказалось присутствие общей силы, разлитой по всем частям Европы. Известно, как трудно было римлянам покорять Европу и как легко они овладевали Азией. Известно, каких усилий стоило народам севера разрушить Римскую империю, известны войны и подвиги Карла Великого и различные предприятия норманнов. Разрушители сами постоянно терпели поражения.

ГЛАВА V

О том, что завоевания, произведенные народами Северной Азии, имели иные последствия, чем завоевания, произведенные народами Северной Европы

Народы Северной Европы покорили ее как свободные люди; народы Северной Азии покорили ее как рабы и одержали победы лишь для своего господина.

Причина тут в том, что татарский народ — естественный завоеватель Азии — сделался сам рабом. Он непрестанно совершает завоевания на юге Азии, он создает империи. Но часть этого народа, пребывающая в своей стране, находится в подчинении у великого хана, который, властвуя деспотически на юге, хочет так же властвовать и на севере и, подчинив своему произволу побежденные народы, распространяет эту произвольную власть и на своих подданных — победителей. Все это ясно обнаруживается в наши дни на примере обширной страны, которую называют Китайской Татарией и которой император управляет почти так же деспотически, как самим Китаем, постоянно расширяя ее пределы своими завоеваниями.

Из истории Китая видно, что императоры устраивали в Татарии китайские колонии. Эти колонисты-китайцы сделались татарами и смертельными врагами Китая, что не помешало им внести в Татарию дух китайского правления.

Нередко часть татарского народа, совершившая завоевание, в свою очередь изгоняется из завоеванной ею страны и вносит в свои пустыни дух рабства, который она усвоила в климате рабства. Яркие примеры этого дает нам история Китая, а также и наша древняя история.

Вот почему дух татарского, или гетского народа был всегда сродни духу, господствовавшему в империях Азии. Народы этих империй управлялись палкой, а татарские народы — длинной плетью. Эти нравы всегда были противны духу Европы, и во все времена то, что народы Азии называли наказанием, народы Европы называли тяжким оскорблением.

Татары, разрушив греческую империю, установили в завоеванных странах рабство и деспотизм, а готы[95], покорившие Римскую империю, основали повсюду монархии и свободу.

Я не знаю, указал ли пресловутый Рудбек, столь восхвалявший в своей Атлантике

Скандинавию, на то великое преимущество, которое ставит народы, населяющие эту страну, выше всех народов в мире: именно на то, что они были источником свободы Европы, т. е. им мы обязаны почти всей той свободой, которой пользуются в настоящее время люди.

Гот Иордан назвал север Европы фабрикой человеческого рода. Я бы скорее назвал его фабрикой орудий, которыми сокрушают выкованные на юге цепи. Здесь образуются те мощные народы, которые выступают из своей страны для того, чтобы уничтожать тиранов и рабов и заявить людям, что поскольку природа создала их равными, то разум может побудить их стать зависимыми только ради их собственного благополучия.

ГЛАВА VI

Еще одна физическая причина рабства Азии и свободы Европы

В Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды.

Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны.

В Европе в силу ее естественного разделения образовалось несколько государств средней величины, где правление, основанное на законах, не только не оказывается вредным для прочности государства, но, напротив, настолько благоприятно в этом отношении, что государство, лишенное такого правления, приходит в упадок и становится слабее других.

Вот что образовало тот дух свободы, благодаря которому каждая страна в Европе с большим трудом подчиняется посторонней силе, если эта последняя не действует посредством торговых законов и в интересах ее торговли.

Напротив, в Азии царит дух рабства, который никогда ее не покидал; во всей истории этой страны невозможно найти ни одной черты, знаменующей свободную душу; в ней можно увидеть только героизм рабства.

ГЛАВА VII

Об Африке и Америке

Вот что я могу сказать об Азии и Европе. Африка лежит в климате, сходном с климатом южной Азии, и находится в таком же рабстве. Америка, опустошенная и вновь населенная народами Европы и Африки, не может еще в настоящее время проявить своего собственного духа; но все, что мы знаем о ее древней истории, вполне согласуется с нашими основными положениями.

ГЛАВА VIII

О столице империи

Одно из последствий только что сказанного нами заключается в том, что для государя очень большого государства весьма важен хороший выбор места для своей столицы. Тот, кто поместит ее на юге, рискует утратить север; а кто поместит ее на севере, легко сохранит за собою и юг. Я не говорю о частных случаях: в механике часто приходится сталкиваться с силой трения, которая изменяет или опрокидывает выводы теории; подобная сила трения

действует и в политике.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к природе почвы

ГЛАВА I

Как природа почвы влияет на законы

В стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска. «Кого следует считать добрыми гражданами? — говорил Цицерон Аттику. — Уж не торговцев ли и земледельцев, которых по крайней мере нельзя считать противниками монархии, так как для них все правления равны, лишь бы сами они были спокойны?»

Таким образом, в странах плодородных всего чаще встречается правление одного, а в странах неплодородных — правление нескольких, что является иногда как бы возмещением за неблагоприятные природные условия.

Бесплодная почва Аттики породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление, как более близкое к правлению одного — правлению, которого в те времена совсем не желала Греция.

Плутарх говорит нам, что, «после того как в Афинах был усмирен мятеж Килона, город снова возвратился к своим старым раздорам и разделился на столько партий, сколько было разных сортов земель в Аттике. Горцы хотели во что бы то ни стало иметь народное правление; жители равнин требовали правления знати; а те, которые жили близ моря, стояли за правление, смешанное из двух первых».

ГЛАВА II

Продолжение той же темы

Эти плодородные страны — равнины, где ничего нельзя защитить от посягательств более сильного — поэтому ему подчиняются; а раз ему подчинились, дух свободы уже не может вернуться; имущества деревни являются залогом ее верности. Но в стране гористой можно сохранить свою собственность, да там немного приходится и сохранять. Свобода, т. е. существующее правление, есть единственное благо, которое там стоит защищать, поэтому она и царит главным образом в странах горных и неудобных, а не в тех, которые, повидимому, всего более благодетельствованы природой.

Горцы пользуются более умеренным правлением, потому что им менее грозит опасность завоевания. Защищаться им легко, а нападать на них трудно; собирание и доставка военного снаряжения и провианта в войне с ними требуют больших издержек, так как в их стране ничего этого добыть нельзя. Таким образом, вести с ними войну труднее, а предпринимать ее опаснее, поэтому там нет такой надобности в законах, которые издаются для охранения безопасности народа.

ГЛАВА III

О странах с высокоразвитым земледелием

Степень развития земледелия в стране зависит не от ее плодородия, а от ее свободы. Если мы мысленно разделим землю, то удивимся, так как увидим по большей части пустыни в наиболее плодородных областях и густое население там, где земля, кажется, ничего не дает человеку.

Весьма естественно, что народ покидает плохую страну, чтобы искать лучшей, а не хорошую страну в поисках худшей. Поэтому нашествиям чаще всего подвергаются страны, которые созданы природой для счастливой жизни; и так как нет ничего столь близкого к опустошению, как нашествие, то опустошению чаще всего подвергаются наиболее благодатные страны, между тем как ужасные страны севера всегда бывают населены именно по той причине, что они почти непригодны для жизни человека.

Из того, что нам говорят историки о переходе народов Скандинавии на берега Дуная, видно, что это было не завоевание, а только переселение на пустующие земли.

Очевидно, эти благодатные страны некогда были опустошены прежними переселенцами, и мы ничего не знаем о трагедиях, которые разыгрывались там.

Аристотель говорит, что «Сардиния, судя по многим ее памятникам, есть греческая колония. Некогда она была очень богата, и Аристей, столь прославленный своею любовью к земледелию, дал ей законы. Но с тех пор она пришла в упадок, потому что завладевшие ею карфагеняне разрушили в ней все, что могло давать пищу людям, и под страхом смертной казни запретили обрабатывать там землю». Сардиния еще не оправилась во времена Аристотеля; она не оправилась и до сих пор.

Самые умеренные по климату части Персии, Турции, Московского государства и Польши не смогли оправиться от опустошений больших и малых татарских орд.

ГЛАВА IV

Прочие следствия плодородия и бесплодия страны

Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью.

Было замечено, что немецкие войска, набранные в местах, где крестьяне богаты, как в Саксонии, уступают по качеству прочим. Военные законы могут восполнить этот недостаток посредством более строгой дисциплины.

ГЛАВА V

Об островитянах

Островитяне более склонны к свободе, чем жители континента. Острова бывают обыкновенно небольших размеров; там труднее употребить одну часть населения для угнетения другой; от больших империй они отделены морем, и тирания не может получить от них поддержку; море преграждает путь завоевателям; островитянам не угрожает опасность быть покоренными, и им легче сохранять свои законы.

ГЛАВА VI

О странах, созданных трудолюбием людей

Страны, которые стали обитаемы благодаря труду человека и существование которых поддерживается этим же трудом, стремятся к умеренному правлению. Есть три главные

страны этого рода: две прекрасные провинции Китая (Цзаннань и Чжзуюн), Египет и Голландия.

Древние императоры Китая не были завоевателями. Первое дело, которое они совершили для увеличения территории своей страны, более всего доказало их мудрость. Благодаря им выступили из вод две самые прекрасные провинции империи; они созданы людьми, и они-то своим беспримерным плодородием и внушили Европе представление о благоденствии этой обширной страны. Но необходимость постоянно заботиться об охране столь значительной части империи от разрушения требовала скорее благоразумия народа, чем изнеженности, скорее законного правления монарха, чем тиранической власти деспота. Эта страна нуждалась в умеренной власти, какая некогда была в Египте, какая есть в настоящее время в Голландии, которую природа создала для того, чтобы она заботилась о себе самой и не предавалась беспечности или прихотям.

Таким образом, несмотря на климат Китая, по природе своей располагающий к рабскому повиновению, несмотря на ужасы, связанные с чрезмерной обширностью империи, первые законодатели Китая были вынуждены издать очень хорошие законы, а правительство часто оказывалось вынужденным соблюдать их.

ГЛАВА VII

О делах человеческих рук

Посредством труда и хороших законов люди сделали землю более удобной для обитания. Реки протекают там, где прежде были лишь озера да болота. Это благо, которое не создано природой, но ею поддерживается. Сделавшись властителями Азии, персы дозволяли всякому, кто проведет воду на земли, еще не пользовавшиеся орошением, владеть ими в течение пяти поколений; и люди не останавливались ни перед какими издержками для проведения воды из бесчисленных ручьев, стекающих с гор Тавра. Теперь они находят эту воду в своих полях и садах, не зная, откуда она течет.

Подобно тому как есть народы-разрушители, причиняющие зло, которое переживает их самих, есть и народы трудолюбивые, творящие добрые дела, которые не погибают вместе с ними.

ГЛАВА VIII

Общее соотношение законов

Законы очень тесно связаны с теми способами, которыми различные народы добывают себе средства к жизни. Народ, занимающийся торговлей и мореплаванием, нуждается в более обширном своде законов, чем народ, который довольствуется возделыванием своих земель; последний в более обширном, чем народ, живущий скотоводством; и скотоводческий в свою очередь— в более обширном, чем народ, который живет охотой.

ГЛАВА IX

О землях Америки

В Америке потому так много диких народов, что там земля сама собою «производит много плодов, которыми можно питаться». Кусок земли вокруг хижины, обрабатываемый женщинами, доставляет людям маис, а охота и рыбная ловля довершают их изобилие. Сверх того, животные травоядные, как, например, быки и буйволы, там более распространены, чем плотоядные. Царством последних была всегда Африка.

Я думаю, что Европа не имела бы ни одного из этих преимуществ, если бы ее земли не обрабатывались. В таком случае она была бы покрыта лесами дубов и прочих неплодовых деревьев.

ГЛАВА X

Об отношении между народонаселением и способами, которыми люди добывают себе пропитание

У народов, не возделывающих землю, народонаселение определяется следующей пропорцией: число дикарей одной страны относится к числу земледельцев другой страны, как продукт невозделанной земли относится к продукту земли возделанной. Если же народ, который возделывает землю, занимается, кроме того, ремеслами, то получается пропорция, требующая более сложного расчета.

Такие племена не могут образовать большого народа. Если они занимаются скотоводством, то для существования в определенном количестве они нуждаются в большом пространстве земли; если они живут охотой, то они еще малочисленнее, и для того, чтобы жить, должны образовать еще меньшую группу.

Страна их обыкновенно покрыта лесами, и так как люди там не осушают почвы, то она усеяна болотами, среди которых мелкие племена образуют отдельные небольшие народцы.

ГЛАВА XI

О диких и варварских народах

Между дикими и варварскими народами та разница, что первые представляют собой малые, рассеянные народцы, которые по каким-либо особым причинам не могут объединиться, между тем как варвары — это малые народцы, которые смогли объединиться. К первым обыкновенно принадлежат народы охотничьи, ко вторым — народы пастушеские. Все это мы видим на севере Азии. Народы Сибири не могут вести совместного образа жизни, потому что в таком случае им нечем было бы питаться. Татары способны к совместной жизни на некоторое время, потому что они могут на некоторое время сгонять свои стада в одно место. Итак, все татарские орды могут объединиться. Это объединение и происходит, когда какой-нибудь их вождь подчинит своей власти многих других вождей, после чего им остается одно из двух: или снова разойтись, или отправиться совершать завоевания в пределах какой-нибудь империи юга.

ГЛАВА XII

О международном праве у народов, не занимающихся земледелием

Так как эти народы не занимают определенного пространства с точно обозначенными границами, то у них всегда будет много причин для раздоров. Они будут спорить из-за невозделанных земель, как у нас спорят из-за наследств. Они будут вести частые войны друг с другом за места для охоты или рыбной ловли, за корм для скота, за похищение их рабов и, не имея определенной территории, должны будут тем чаще разрешать свои столкновения путем международного права, чем реже можно будет разрешать их посредством гражданского права.

ГЛАВА XIII

О гражданских законах у народов, не занимающихся земледелием

Раздел земель — вот главная причина, увеличивающая объем гражданского свода законов народов. У народов, не имеющих этого раздела, гражданских законов очень мало. Учреждения этих народов скорее можно назвать *обычаями*, чем *законами* [96].

У таких народов старики, помнящие дела минувших лет, пользуются большим авторитетом; там люди приобретают почет не богатством, а силой рук и разумными советами.

Эти народы ведут кочевой образ жизни и рассеяны по лесам и пастбищам. Брак у них не так прочен, как у нас, где он скрепляется общим жилищем и где женщина принадлежит к дому; поэтому им легче менять жен, обзаводиться несколькими женами, а иногда и иметь с женщинами беспорядочные сношения наподобие животных.

Пастушеские народы не могут разлучаться со своими стадами, которые дают им пропитание, а потому не могут разлучаться и со своими женами, которые ухаживают за этими стадами. Все это должно быть неразлучно, тем более, что в противном случае их жены, дети и стада сделались бы добычей неприятеля, так как они обыкновенно живут на больших равнинах, где имеется мало мест, защищенных природой.

Законы их должны установить правила дележа добычи и, подобно нашим салическим законам, обратить особое внимание на воровство.

ГЛАВА XIV

О политическом состоянии народов, не занимающихся земледелием

Эти народы пользуются большой свободой, так как, не занимаясь возделыванием земли, они и не связаны с нею. Они ведут кочевой образ жизни, и если бы какой-нибудь из их вождей захотел лишить их свободы, то они или стали бы искать свободы под главенством другого вождя, или удалились бы в леса, чтобы жить там со своими семьями. У этих народов свобода личности так велика, что она естественно влечет за собой и свободу гражданина.

ГЛАВА XV

О народах, которым известно употребление денег

Аристипп, потерпев кораблекрушение, достиг вплавь ближайшего берега и, увидав там начерченные на песке геометрические фигуры, очень обрадовался, заключив, что он попал в страну, населенную греками, а не варварами.

Если какой-нибудь случай забросит вас к неизвестному вам народу, то, увидев монету, можете быть уверены, что вы находитесь в стране с благоустроенными гражданскими порядками.

Возделывание земель требует употребления денег. Оно требует большого искусства и знаний; вслед за искусствами и знаниями всегда идут потребности, и все это приводит к установлению денежных единиц.

Благодаря потопам и пожарам мы узнали, что земля содержит металлы, которые легко вошли в употребление после того, как были открыты.

ГЛАВА XVI

О гражданских законах у народов, которым неизвестно употребление денег

У народа, не знающего употребления денег, существуют лишь те несправедливости,

которые порождаются насилием; слабые люди объединяются между собой, чтобы защищаться от насилия. Подобные объединения носят чисто политический характер. Но у народа, употребляющего деньги, люди подвергаются несправедливостям, которые порождаются хитростью. Несправедливости такого рода могут совершаться самыми разнообразными способами; отсюда возникает необходимость в хороших гражданских законах, которые рождаются вместе с новыми способами делать зло.

В странах, где нет денег, похититель похищает только вещи, а вещи всегда различны. В странах, где есть деньги, похититель похищает денежные знаки, а они всегда сходны. В первых странах ничего нельзя утаить, потому что похититель всегда носит с собой улику своей вины, но в других странах дело обстоит иначе.

ГЛАВА XVII

О политических законах у народов, не знающих употребления денег

У народов, не возделывающих землю, свобода более всего поддерживается тем обстоятельством, что они не знают денег. Продукты охоты, рыбной ловли или скотоводства не могут быть ни накоплены в достаточно большом количестве, ни сохраняться достаточно долго для того, чтобы дать возможность человеку подкупать других; между тем как богатство в форме денежных знаков можно накапливать в любом количестве и раздавать кому угодно.

У народов, не употребляющих денег, потребности не велики, и удовлетворяются они легко, причем все делится поровну. Таким образом, равенство у них вынужденное, почему их вожди и не являются деспотами.

ГЛАВА XVIII

Сила предрассудков

Исключение из этого правила составляет народ *начесы* в Луизиане, если справедливо то, что сообщают нам о его государственном устройстве путешественники. Глава этого народа располагает по своему усмотрению всем имуществом своих подданных и заставляет их работать по собственному произволу. Он властен над их жизнью; он подобен турецкому султану. Когда у него рождается наследник, то все грудные младенцы назначаются новорожденному в слуги на всю его жизнь. Можно подумать, что это — сам великий Сезострис. В своем шалаше он окружен таким же церемониалом, как японский и китайский императоры в своих дворцах.

Предрассудки суеверия сильнее всех прочих предрассудков, и его суждения одерживают верх над всеми прочими суждениями. Так, хотя дикие народы вообще не знают деспотизма, этот народ знает его. Дело в том, что он боготворит солнце, и если бы его вождь не выдумал назвать себя братом солнца, то остался бы в глазах своих подданных таким же ничтожеством, как они сами.

ГЛАВА XIX

О свободе арабов и рабстве татар

Арабы и татары — два пастушеских народа. Арабы находятся в тех общих условиях, о которых мы только что говорили, и пользуются свободой; между тем татары (самый своеобразный народ на земле) находятся в политическом рабстве. Я уже привел некоторые причины этого обстоятельства, вот еще несколько других.

У них нет ни городов, ни лесов; у них мало болот, их реки почти всегда скованы льдом; они живут на громадной равнине; у них есть пастбища и стада, а следовательно, имущества, но нет ничего, что могло бы служить убежищем или защитой. Если какой-нибудь хан терпит поражение, ему отрубают голову, таким же образом поступают с его детьми, и все его подданные отныне уже принадлежат победителю. Их не обращают в гражданское рабство; такие рабы были бы только в тягость народу, который ведет простой образ жизни, не обрабатывает землю и не нуждается в домашней прислуге; поэтому они входят в состав этого народа, умножая его численность. Но понятно, что вместо гражданского рабства в этом народе должно было водвориться рабство политическое.

В самом деле, в стране, где различные орды постоянно воюют друг с другом, непрерывно покоряя друг друга, где политический организм каждой побежденной орды вследствие смерти ее вождя всегда разрушается, народ вообще не может быть свободным, потому что нет ни одной части его, которая не перебивала бы множество раз под игом завоевателя.

Побежденные народы могут сохранить некоторую долю свободы лишь в том случае, если они в силу своего положения в состоянии заключать договоры с победителем. Но всегда беззащитные татары, потерпев поражение, никогда не могли предлагать своих условий победителю.

Во II главе я сказал, что земледельческие народы, жившие на равнинах, редко бывали свободны; в силу особо сложившихся обстоятельств татары, населяющие невозделываемые земли, разделяют их судьбу.

ГЛАВА XX

О международном праве у татар

Татары в своих взаимоотношениях друг с другом мягки и человечны, но как завоеватели они очень жестоки. Они истребляют жителей взятых ими городов и думают, что оказывают им милость, когда продают их или раздают своим солдатам. Они опустошили Азию — от Индии до Средиземного моря; весь край, составляющий восточную часть Персии, обратился в пустыню в результате их завоеваний.

Вот чем, по моему мнению, было порождено такое международное право. У этих народов не было городов, и все их войны были стремительны и быстры. Они сражались, если надеялись победить, и присоединялись к войскам сильнейшего, если этой надежды не было. В силу таких обычаев они видели нечто противное своему международному праву, когда какой-нибудь город, который не мог им противостоять, задерживал их продвижение вперед. В городах они видели не скопление жителей, а места, способные устоять перед их властью. Осадного искусства они совсем не знали и, неся большие потери при осаде, мстили кровью за пролитую кровь.

ГЛАВА XXI

Гражданские законы татар

Отец Дюгальд говорит, что у татар всегда бывает наследником младший из детей мужского пола по той причине, что старшие, по мере того как они становятся способными вести пастушеский образ жизни, уходят из дома с некоторым количеством скота, полученным от отца, и основывают новое хозяйство. Поэтому последний из сыновей, который остается в доме вместе со своим отцом, становится его естественным наследником.

Я слышал, что подобный обычай существовал в некоторых малых округах Англии, встречается он еще в Бретани и в герцогстве Роганском у простолюдинов. Это, без сомнения,

один из законов пастушеского быта, заимствованный у какого-нибудь бретонского народца или занесенный каким-нибудь германским народом. Как известно из Цезаря и Тацита, германцы мало занимались земледелием.

ГЛАВА XXII

Об одном гражданском законе германских народов

Я объясню здесь, каким образом то своеобразное положение салического закона, которое обыкновенно и называют салическим законом в узком смысле, вытекает из учреждений народа, который совсем не занимался земледелием или во всяком случае мало им занимался.

По салическому закону салическую землю после умершего отца наследует мужское потомство, дочери исключаются.

Чтобы узнать, чем были эти салические земли, надо рассмотреть, что представляло собою право собственности и владения землями у франков до их выхода из Германии.

Эккар убедительно доказал, что слово *салический* происходит от слова *sala*, которое значит дом, и что, следовательно, салическая земля была землей, принадлежащей дому (усадебная земля). Я пойду далее и рассмотрю, чем были дом и усадебная земля у германцев.

«Они не живут в городах,— говорит Тацит,— и не могут терпеть, чтобы их дома соприкасались друг с другом; каждый оставляет вокруг своего дома небольшое пространство огороженной и замкнутой земли». Правильность сообщения Тацита подтверждается тем, что многие законы из варварских кодексов содержат различные наказания для тех, кто разрушит эту ограду, и для тех, кто проникнет в самый дом.

Мы знаем по Цезарю и Тациту, что земли, которые германцы обрабатывали, давались им только на один год, по истечении которого они снова становились общественной собственностью. Их наследственную собственность составлял только дом и участок земли в ограде около дома. Вот эта частная собственность и принадлежала лицам мужского пола, В самом деле, не было оснований для того, чтобы она принадлежала дочерям. Ведь они переходили в другой дом, в другую семью.

Салической землей, следовательно, была та окружавшая дом германца земля, которая находилась в этой ограде. И это была его единственная собственность. Когда после завоевания франки приобрели в собственность новые земли, усадьбы продолжали называться салическими землями.

Пока франки жили в Германии, их имущества состояли из рабов, стад, лошадей, оружия и т. д. Дом вместе с окружавшим его небольшим участком земли, естественно, передавался детям мужского пола, которые должны были жить там. Но когда после завоевания франки приобрели большие земли, им уже показалось несправедливым не выделять из них никакой части дочерям и детям этих дочерей. Образовался обычай, который позволял отцу оставлять наследство дочери и ее детям. Закон заставили умолкнуть. И наследование такого рода, конечно, было весьма обычным делом, судя по тому, что они было облечено в формулы.

Между всеми этими формулами я нахожу одну весьма своеобразную: дед назначает наследниками после себя вместе со своими сыновьями и дочерьми и своих внуков. Что же случилось при этом с салическим законом? Одно из двух: или этот закон в те времена перестал соблюдаться, или вследствие укоренившегося обычая оставлять наследство дочерям такого рода наследование казалось всем самым обычным делом.

Салический закон не имел предметом узаконить преимущества одного пола пред другим и еще менее того — сохранить семью, имя или узаконить передачу земель: ничего подобного не могло прийти на ум германцам. Закон, отдававший дом вместе с зависевшей от него землей мужчинам, которые должны были там жить и потому являлись его естественными обладателями, был законом чисто экономическим.

Чтобы убедиться в этом, достаточно привести здесь статью салического закона о поместьях, эту знаменитую статью, о которой столь многие рассуждали и которую столь немногие прочли.

- «1) Если человек умер бездетным, то ему наследуют его отец или его мать.
- 2) Если у него нет ни отца, ни матери, то ему наследуют его брат или его сестра.
- 3) Если у него нет ни брата, ни сестры, то ему наследует сестра его матери.
- 4) Если у его матери нет сестры, то ему наследует сестра его отца.
- 5) Если у его отца* нет сестры, то ему наследует его ближайший родственник мужского пола.
- 6) Ни одна часть салической земли не переходит к женщинам; она должна принадлежать мужчинам, т. е. наследниками по отцу будут его дети мужского пола».

Ясно, что первые пять пунктов касаются наследования имущества человека, умершего бездетным, а шестой — имущества человека, у которого остались дети.

Когда человек умирал бездетным, то закон только в некоторых случаях давал преимущества одному полу перед другим. В первых двух степенях наследования оба пола имели равные права, в третьей и четвертой преимущество принадлежало женскому полу, а в пятой — мужскому.

Я нахожу древнейшие следы этих странностей у Тацита. «Дядя, — говорит он, — заботится о детях своей сестры, как их родной отец. Есть люди, которые почитают эту степень родства более близкой и даже более священной; при получении заложников они отдают ей предпочтение». Вот почему наши первые историки так много говорят нам о любви франкских королей к их сестрам и детям их сестер. Если в доме на детей сестры смотрели, как на собственных, то и дети, естественно, относились к тетке, как к собственной матери.

Сестре матери оказывалось предпочтение перед сестрой отца. Это объясняется другими текстами салического закона: вдова попадала под опеку родственников своего мужа, и закон оказывал предпочтение для этой опеки родственникам по женской линии перед родственниками по мужской линии. В самом деле, женщина, вступившая в семью, живя в обществе лиц своего пола, была более тесно связана с родственниками по женской линии, чем по мужской. Сверх того, когда человек, убивший другого человека, не был в состоянии уплатить полагавшийся за это денежный штраф, закон позволял ему прибегнуть к уступке своего имущества, причем его родственники должны были доплатить то, чего не доставало до суммы штрафа. После отца, матери и брата доплата производилась сестрою матери, как будто эта родственная связь заключала в себе нечто более нежное; но родство, налагавшее обязанности, должно было доставлять также и выгоды.

Салический закон требовал, чтобы после сестры отца наследовал ближайший родственник по мужской линии; но родственники далее пятой степени наследовать не могли. Так, женщина в пятой степени родства наследовала предпочтительно перед мужчиной в шестой степени родства. Этот порядок мы находим в законе рипуарских франков, который дает верное истолкование салического закона о поместьях, следуя шаг за шагом за всеми его постановлениями по этому предмету.

Если после отца оставались дети, то салический закон требовал, чтобы дочери не наследовали салической земли и чтобы эта земля переходила к сыновьям.

Мне не трудно будет доказать, что салический закон устранял дочерей от наследования салической земли не во всех случаях, но лишь тогда, когда в числе наследников имелись и сыновья.

1) Это видно из самого салического закона, который, сказав, что салической землей должны владеть не женщины, а только мужчины, истолковывает и ограничивает это положение, говоря: «т. е., что наследником отца должен быть сын».

2) Текст салического закона объясняется законом рипуарских франков, который тоже включает в себе статью о поместьях, очень сходную со статьей салического закона.

3) Законы этих варварских народов, которые были все уроженцами Германии, объясняют друг друга тем более, что все они проникнуты почти одним и тем же духом. Закон саксов требует, чтобы отец и мать оставляли наследство сыну, а не дочери, но если есть только дочери, то все наследство должно принадлежать им.

4) Мы имеем две старинные формулы, в которых определяется случай, когда по салическому закону дочери исключаются в пользу мужчин, а именно тогда, когда после умершего остаются и дочери, и сыновья.

5) Другая формула доказывает, что дочь наследовала предпочтительно перед внуком, из чего следует, что ей предпочитался только сын.

6) Если бы дочери были вообще отстранены салическим законом от наследования земель, то были бы необъяснимы все истории, формулы и хартии, в которых постоянно говорится о принадлежащих женщинам имениях и землях при королях первой династии.

Напрасно утверждали, что салические земли были феодами, так как:

1) Эта статья носит заглавие: *об аллодах*.

2) Первоначально феоды совсем не были наследственными.

3) Если бы салические земли были феодами, то как мог бы Маркульф назвать безбожным обычай, устранявший женщин от их наследования, тогда как феоды не наследовались даже и мужчинами? 4) Документы, на которые ссылаются в доказательство того, что салические земли были феодами, доказывают только то, что они были свободными землями, не платящими налогов. 5) Феоды были учреждены уже после завоевания, а салические обычаи существовали еще до переселения франков из Германии. 6) Не салический закон, ограничив наследование женщин, привел к учреждению феодов, а, наоборот, учреждение феодов ограничило наследование женщин и действие салического закона.

Кто поверит после всего сказанного нами, что постоянное наследование французского престола лицами мужского пола было обусловлено салическим законом? И тем не менее это было именно так. Я доказываю это ссылками на различные кодексы варварских народов. По салическому закону и закону бургундов дочери не имели права наследовать земли вместе со своими братьями, не наследовали они также и престола. Закон вестготов, напротив, допускал дочерей к наследованию земель вместе с их братьями. Там женщины имели и право престолонаследования. У этих народов определенное постановление гражданского закона обуславливало политический закон.

И это не единственный случай, когда, политический закон отступал у франков перед гражданским законом. По салическому закону все братья имели равное право на наследование земли; такое же постановление содержит и закон бургундов. Поэтому в монархии франков, а также и бургундов престол переходил по наследству ко всем братьям, не считая некоторых случаев захвата, насилий и убийств у бургундов.

ГЛАВА XXIII

О длинных волосах франкских королей

Народы, не возделывающие земель, не имеют даже понятия о роскоши. Читая Тацита, удивляешься простоте жизни германских народов. Искусство не трудилось над их украшением; свои украшения они находили в природе. Если им надо было отметить семейство своего вождя каким-нибудь отличительным признаком, то они обращались с этой целью все к той же природе. Королям франков, бургундов и вестготов их длинные волосы заменяли диадему.

ГЛАВА XXIV

О браках франкских королей

Выше я сказал, что у народов, не возделывающих земель, браки гораздо менее прочны и что у них в обычае многоженство. «Из всех варваров, — говорит Тацит, — почти одни только германцы довольствовались одной женой, за исключением отдельных лиц, которые имели по нескольку жен, но не ради распутства, а в знак своего благородства».

Этим объясняется, почему короли первой династии имели так много жен. Такие браки были у них не столько свидетельством невоздержанности, сколько признаком достоинства, и лишить их этого преимущества значило бы нанести им весьма чувствительный удар. Отсюда понятно, почему подданные не следовали примеру своих королей.

ГЛАВА XXV Хильдерик

«У германцев браки соблюдаются строго, — говорит Тацит, — там не видят ничего потешного в пороках и не называют разврата обычаем или образом жизни; среди этого столь многочисленного народа редко встречаются случаи нарушения супружеской верности».

Этим объясняется изгнание Хильдерика: он оскорблял строгость нравов, которую не успело еще изменить завоевание.

ГЛАВА XXVI О совершеннолети франкских королей

Варварские народы, не возделывающие земель, не имеют земельной собственности и, как мы сказали, руководствуются более международным, чем гражданским правом, поэтому они почти всегда вооружены. Тацит говорит, что «германцы отправляли все частные и общественные дела с оружием в руках. Они подавали голоса, потрясая копьями. Как только юноша оказывался в состоянии носить оружие, его представляли собранию и давали ему в руки копье. С этого момента он переставал быть ребенком; до этого он был членом семьи, отныне он становился членом республики».

«Орлы, — говорил король остготов, — перестают кормить своих птенцов, как только окрепнут их крылья и когти; они уже не нуждаются в чужой помощи, когда могут сами вылетать на поиски добычи. И было бы недостойно считать наших молодых людей, находящихся в нашей войске, слишком малолетними для того, чтобы распоряжаться своим имуществом и управлять своими поступками. У готов совершеннолетие определяется доблестью».

Хильдеберту II было 15 лет, когда его дядя Гонтран объявил его совершеннолетним и способным управлять самостоятельно.

Из закона рипуарских франков видно, что юноша считался совершеннолетним и способным носить оружие с пятнадцатилетнего возраста. «Сын рипуария, — сказано там, — отец которого умер или был убит, не может ни прибегать к защите суда, ни привлекаться к судебной ответственности, прежде чем ему исполнится 15 лет; с этой же поры он или отвечает за себя сам, или избирает себе защитника». Нужен был зрелый ум, чтобы защищаться на суде, и достаточно окрепшее тело, чтобы защищаться в сражении. Для бургундов, у которых тоже существовал обычай судебных поединков, совершеннолетие наступало также в 15 лет.

Агафий говорит, что оружие у франков было легкое, а потому они и могли быть совершеннолетними уже в пятнадцатилетнем возрасте. Впоследствии оружие стало

тяжеловеснее, оно было очень тяжелым уже при Карле Великом, как это видно из наших капитуляриев и романов. Те, которые имели феоды и вследствие этого были обязаны нести военную службу, считались тогда совершеннолетними лишь в возрасте 21 года.

ГЛАВА XXVII

Продолжение той же темы

Мы видели, что у германцев несовершеннолетние не принимали участия в собрании; они были членами семьи, но еще не были членами республики. Поэтому-то дети Хлодомира, короля Орлеанского и завоевателя Бургундии, не были объявлены королями, так как по причине своего юного возраста они не могли быть представлены собранию. Они еще не были королями, но должны были стать ими, как только будут способны носить оружие; пока же государством управляла их бабка Клотильда. Их дяди — Лотарь и Хильдеберт — умертвили их и разделили между собою их государство. Этот случай послужил причиной того, что впоследствии несовершеннолетние принцы провозглашались королями тотчас после смерти своих отцов. Так, герцог Гундовальд, спасая Хильдеберта II от жестокостей Хильдерика, провозгласил его королем в пятилетнем возрасте.

Но даже и на этой перемене сказалось влияние первоначального народного духа, так как все дела и распоряжения совершались помимо малолетних королей и даже не от их имени. Так у франков возникла двойная администрация: одна, связанная с особой малолетнего короля, а другая, относившаяся к королевству. Внутри феофов тоже появилось различие между делами личной опеки и делами управления.

ГЛАВА XXVIII

Об усыновлении у германцев

Германцы становились совершеннолетними, получая оружие; таким же точно способом они усыновлялись. Так, Гонтран, желая объявить совершеннолетним своего племянника Хильдеберта и сверх того усыновить его, сказал ему: «Я вложил тебе в руки это копьё в знак того, что отдаю тебе все мое королевство». И, обратившись к собранию, добавил: «Вы видите, что сын мой Хильдеберт стал мужем, повинуйтесь ему». Теодорих, король остготов, желая усыновить короля герулов, писал ему: «Наш обычай усыновлять посредством оружия прекрасен, так как одни только мужественные люди достойны называться нашими детьми. В этом обряде заключается такая сила, что всякий, над кем он был совершен, согласится скорее умереть, чем вынести какой-либо позор. Итак, по обычаю народа и потому, что ты муж, мы усыновляем тебя этими щитами, мечами и конями, которых посылаем тебе».

ГЛАВА XXIX

О жестокости франкских королей

Из франкских королей не один только Хлодвиг предпринимал походы в Галлию. Многие его родственники совершали походы туда во главе отдельных племен; но так как он имел большой успех и мог лучше вознаграждать тех, кто следовал за ним, то франки стекались к нему из всех племен, а прочие вожди были не в силах ему сопротивляться. Он замыслил истребить весь свой род и привел в исполнение этот замысел. Он опасался, говорит Григорий Турский[97], чтобы франки не взяли себе другого вождя. Его дети и преемники следовали, насколько могли, его примеру: брат, дядя, племянник, даже сын и отец беспрерывно составляли заговоры против всей своей семьи. Закон постоянно разделял

монархию, а страх, честолюбие и жестокость стремились воссоединить ее.

ГЛАВА XXX

О народных собраниях у франков

Выше было сказано, что народы, не возделывающие земель, пользуются большой свободой. Таковы были германцы. Тацит говорит, что они предоставляли своим королям или вождям лишь весьма умеренную власть, а Цезарь — что во время мира у них не было общего начальника, но что в каждом селении старейшины вершили правосудие над своими односельчанами. Поэтому в Германии франки и не имели короля, как это прекрасно доказывает Григорий Турский.

Старейшины, говорит Тацит, совещаются о незначительных делах, а о важных совещается весь народ; однако дела, которые обсуждаются народом, представляются также и на рассмотрение князей. Как свидетельствуют все памятники, этот обычай сохранился и после завоевания.

Тацит говорит, что уголовные дела могли вноситься на рассмотрение собрания. Так было и после завоевания, и знатнейшие вассалы судились на собрании.

ГЛАВА XXXI

О власти духовенства при королях первой династии

У варварских народов духовенство пользуется обыкновенно большой властью, так как оно обладает и авторитетом, связанным с религией, и могуществом, которое у подобных народов порождается суеверием; потому мы и видим у Тацита, что у германцев жрецы пользовались большим уважением; так, они наблюдали за порядком в народных собраниях. Только им одним было дозволено карать, вязать и бить, что они и делали, но не по приказу государя и не для наложения наказания, а как бы по вдохновению божества, всегда присутствующего среди воинов.

Поэтому не надо удивляться тому, что с самого воцарения первой династии епископы являются верховными судьями, что они присутствуют в народных собраниях, что они оказывают большое влияние на решения королей и что их осыпают такими богатствами.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к основным началам, образующим общий дух, нравы и обычаи народа

ГЛАВА I

О предмете этой книги

Предмет этот очень обширен. В этой массе мыслей, которые представляются моему уму, я буду обращать внимание более на порядок вещей, чем на самые вещи. Я должен пробиваться то направо, то налево, чтобы выйти к свету.

ГЛАВА II

О том, как необходимо, чтобы умы были подготовлены к восприятию наилучших законов

Ничто не было столь нестерпимо для германцев, как суд Вара. Суд, учрежденный Юстинианом у лазийцев над убийцей их короля, показался им ужасным и варварским делом. Митридат в своей речи против римлян более всего упрекает их за формальности их судопроизводства. Парфяне не могли выносить этого царя, который, получив воспитание в Риме, был со всеми приветлив и для всех доступен. Сама свобода казалась несносной народам, которые не привыкли ею пользоваться. Так чистый воздух бывает иногда вреден для обитателей болотистых стран.

Венецианец по имени Бальби, находясь в Пегю, был приведен к туземному королю. Последний, услышав, что в Венеции нет короля, так расхохотался, что закашлялся и потом лишь с большим трудом мог говорить со своими придворными. Какой законодатель мог бы предложить народное правление подобным народам?

ГЛАВА III О тирании

Вот два рода тирании: одна действительная, которая заключается в насильственном правлении, другая — тирания мнения, которая дает себя чувствовать, когда правители вводят порядки, противные образу мыслей народа.

Дион говорит, что Август хотел принять имя Ромула, но, узнав, что народ боится, как бы он не захотел стать царем, отказался от этого намерения. Древнейшие римляне не захотели иметь царя, потому что не могли терпеть его власти. Римляне эпохи Августа не захотели иметь царя, потому что не хотели терпеть его обычаев, ибо, хотя Цезарь, триумвиры, Август были настоящими царями, они сохранили все внешние признаки равенства и их частная жизнь не имела ничего общего с пышностью прежних царей. Поэтому сказать, что римляне не хотели царя, значит сказать, что они не хотели менять своих обычаев на обычаи народов Африки и Востока,

Дион говорит, что римский народ вознегодовал на Августа за некоторые изданные им слишком суровые законы; но когда Август велел возвратить изгнанного из города партиями актера Пилада, то это неудовольствие прекратилось. Подобный народ живет чувствует тиранию, когда изгоняют комедианта, чем когда лишают народ всех его законов.

ГЛАВА IV Что такое общий дух

Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа.

Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих. Над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам, над Лакедемоном в былое время господствовали нравы, принципы правления и нравы старины господствовали в Риме.

ГЛАВА V О том, как важно избегать всего, что может изменить общий дух нации

Если бы на свете был народ с общительным нравом, открытым сердцем, веселым характером, одаренный вкусом и способностью легко сообщать свои мысли; если бы это был

народ живой, приятный, веселый, иногда ветреный, часто нескромный, и если бы при этом он обладал мужеством, великодушием и определенными понятиями о чести, то не следовало бы стеснять законами его обычаев, чтобы не стеснить и его добродетелей. Если характер в целом хорош, то не беда, если в нем оказываются и некоторые недостатки.

У такого народа можно было бы обуздать женщин, создать законы для исправления их нравов и ограничения их роскоши; но почему знать, не утратил ли бы он от этого тот вкус, который является источником его богатства, и ту вежливость, которая привлекает к нему иностранцев?

Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением.

Внушите дух педантизма народу, веселому по своей природе, — и государство ничего не выиграет от этого ни для своего внешнего, ни для своего внутреннего благополучия. Не мешайте же этому народу серьезно заниматься пустяками и весело — серьезными делами.

ГЛАВА VI

О том, что не все следует исправлять

Оставьте нас такими, каковы мы есть, сказал один дворянин, принадлежащий к нации, очень похожей на ту, которую мы только что описали. Природа все исправляет. Она наделила нас живостью, способной оскорблять и нарушать все правила приличия, но это исправляется в нас вежливостью, которую порождает та же самая живость, внушающая нам склонность к общежитию и в особенности к женскому обществу.

Оставьте нас такими, каковы мы есть. Наши нескромные качества в соединении с нашей незлобивостью делают непригодными для нас законы, подавляющие дух общительности.

ГЛАВА VII

Об афинянах и лакедемонянах

Афинский народ, продолжает тот же дворянин, имел некоторое сходство с нашим. Он вносил веселость в дела, остроумная шутка нравилась ему в суде не меньше, чем в театре. Живость, с которой он обсуждал дела, он проявлял и при выполнении этих дел. Лакедемоняне отличались важным, серьезным, молчаливым и сдержанным характером. У афинянина столь же мало можно было выиграть важностью, сколько у лакедемонянина — шутками.

ГЛАВА VIII

Последствия духа общительности

Чем более народы общаются друг с другом, тем легче они изменяют свои обычаи, так как они чаще видят друг друга и лучше замечают особенности отдельных лиц. Климат, возбуждающий в народе потребность общения, возбуждает в нем также и жажду перемен, а то, что вызывает в народе жажду перемен, формирует также и его вкус.

Общество женщин портит нравы и формирует вкус. Желание нравиться более, чем другие, порождает наряды, а желание нравиться более, чем можешь сам по себе, порождает моды. Моды же — дело очень важное. Чем прихотливее становится ум людей, тем более умножают они отрасли своей торговли.

ГЛАВА IX

О тщеславии и гордости народов

Тщеславие служит для правительства настолько же полезной пружиной, насколько гордость — опасной. Достаточно только представить себе, с одной стороны, бесчисленные блага, вытекающие из тщеславия: отсюда рождаются роскошь, промышленность, искусство, моды, вежливость, вкус;

с другой стороны, вспомним бесчисленное множество зол, порождаемых гордостью некоторых народов: леность, бедность, пренебрежение всем, истребление народов, случайно оказавшихся под их властью, и даже разрушение своей собственной нации. Леность порождается гордостью, труд — следствие тщеславия. Гордость заставляет испанца не работать; тщеславие побуждает француза научиться работать лучше других.

Всякий ленивый народ отличается важностью, ибо те, кто не работает, считают себя как бы владыками тех, кто работает.

Изучите все народы, и вы увидите, что у большинства их важность, гордость и лень идут рука об руку.

Народы Ахима горды и ленивы: у кого нет рабов, тот нанимает раба хотя бы для того только, чтобы он прошел с ним сотню шагов и пронес две кружки риса; эти люди сочли бы за бесчестие нести их сами.

Есть много мест на земле, где люди отращивают себе ногти в знак того, что они не работают.

Индийские женщины считают для себя стыдом учиться читать. Это, говорят они, дело рабов, поющих гимны в пагодах. В одной касте женщины не прядут; в другой — делают только корзины и циновки и даже не могут толочь рис; в третьей — они не должны ходить за водой. Гордость установила свои правила и заставляет следовать им. Нет надобности говорить, что нравственные качества производят различные действия в зависимости от других качеств, с которыми они связаны. Так, гордость в сочетании с безмерным честолюбием, возвышенными понятиями и т. д. произвела у римлян всем известные последствия.

ГЛАВА X

О характере испанцев и китайцев

Различные характеры народов являются смесью добродетелей и пороков, хороших и дурных качеств. Есть счастливые смешения, производящие много добра, часто неожиданного, есть и такие, которые столь же неожиданно производят много зла.

Честность испанцев славилась во все времена. Юстин говорит нам о верности, которую они проявляют, охраняя вверенное им добро. Они часто жертвовали жизнью, чтобы сохранить его в тайне. Эту верность они сохранили доныне. Все народы, ведущие торговлю в Кадиксе, доверяют свое состояние испанцам и никогда в этом не раскаивались. Но это прекрасное качество в соединении с их ленью образует сочетание, имеющее вредные для них последствия: народы Европы ведут у них на глазах всю торговлю их монархии.

Характер китайцев представляет собой другую смесь, противоположную характеру испанцев. Необеспеченность существования развивает в китайцах поразительное трудолюбие и такую чрезмерную жажду стяжания, что ни одна торговая нация не может им довериться. Эта общеизвестная их нечестность сохранила за ними японскую торговлю. Ни один европейский купец не решился попытаться вести ее от их имени, несмотря на то, что их северные приморские области представляли для этого большие удобства.

ГЛАВА XI Размышление

Все это я сказал отнюдь не для того, чтобы уменьшить бесконечное расстояние между пороками и добродетелями: избави бог! Я хотел только объяснить, что не все политические пороки являются пороками нравственными и что не все пороки нравственные являются пороками политическими. Это всегда должны иметь в виду те, кто издает законы, противные общему духу.

ГЛАВА XII О нравах и обычаях в деспотическом государстве

Один из основных принципов деспотического государства состоит в том, что там никогда не следует изменять нравы и обычаи. Ничто скорее этого не вызовет там революции. Причина тут в том, что в этих государствах, так сказать, совсем нет законов. Там есть только нравы и обычаи, разрушив их, вы разрушите все.

Законы издаются, а нравы внушаются; последние более зависят от общего духа, а первые — от отдельных учреждений; но извращать общий дух столь же и даже более опасно, чем изменять отдельные учреждения.

Люди менее общаются друг с другом в странах, где каждый и как начальник, и как подчиненный проявляет произвольную власть и страдает от нее, чем в тех странах, где свобода господствует во всех сословиях. Поэтому нравы и обычаи там менее изменяются, а наиболее укоренившиеся обычаи приближаются к законам. Государю или законодателю приходится там нарушать нравы и обычаи в меньшей степени, чем в любой другой стране мира.

Женщин там обыкновенно держат взаперти, и они не имеют никакого влияния. В других странах, где они живут в обществе мужчин, их желание нравиться, а также желание мужчин нравиться им производят постоянные перемены в *обычаях*. Оба пола портятся и утрачивают свои отличительные и существенные качества; то, что было непреложным, становится произвольным, и обычаи изменяются с каждым днем.

ГЛАВА XIII Обычаи китайцев

Но где обычаи неистребимы, так это в Китае. Там женщины совершенно изолированы от мужчин, а нравы и обычаи преподаются в школах. Там ученого узнают по непринужденности его поклона. Эти обычаи, раз навсегда принятые за правила важными учеными, укореняются там в качестве основных начал нравственности и уже более не изменяются.

ГЛАВА XIV Каковы естественные средства изменения нравов и обычаев народа

Мы сказали, что законы являются частными и точно определенными установлениями законодателя, а нравы и обычаи — установлениями народа в целом. Отсюда следует, что тот, кто желает изменить нравы и обычаи, не должен изменять их посредством законов: это

показалось бы слишком тираническим; лучше изменять их посредством внедрения иных нравов и иных обычаев.

Итак, государь, который пожелает произвести большие перемены в своем народе, должен преобразовать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями. Изменять же посредством законов то, что должно быть изменено посредством обычаев, — очень дурная политика.

Закон, обязывавший москвитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании. Есть средства бороться с преступлениями: это наказания; есть средства для изменения обычаев: это примеры.

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и, что его пароды вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью.

Ом и сам видел, как легко совершались эти перемены. Женщины были затворницами и в известном смысле рабынями. Он призвал их ко двору, велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им материн на платье, — и женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин.

Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями. Петр I сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал. Власть климата сильнее всех иных властей.

Итак, он не нуждался в законах для изменения нравов и обычаев своего народа; было бы достаточно, если бы он сообщил этому народу другие нравы и другие обычаи.

Народы, как правило, очень привязаны к своим обычаям, и лишать их этих обычаев при помощи насилия значит делать их несчастными: поэтому надо не изменять обычаи народа, а побуждать народ к тому, чтобы он сам изменил их.

Всякое наказание, не обусловленное необходимостью, есть тирания. Закон не есть простое проявление силы; вещи, по своей природе безразличные, не входят в круг его компетенции.

ГЛАВА XV

Влияние домашнего управления на политическое

Это изменение нравов женщин окажет, без сомнения, сильное влияние на правление Московского государства. Все тесно связано между собой; деспотизм государя естественно соединяется с рабством женщин, а свобода женщин — с духом монархии.

ГЛАВА XVI

Как некоторые законодатели смешали принципы, управляющие людьми

Нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их.

Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют преимущественно действия гражданина, а нравы — действия человека. Между нравами и обычаями есть то различие, что первые регулируют внутреннее, а вторые — внешнее поведение человека.

Иногда в государстве эти вещи смешиваются. Ликург составил один общий кодекс законов, нравов и обычаев; то же самое сделали и законодатели Китая.

Нет ничего удивительного в том, что законодатели Лакедемона и Китая смешали законы, нравы и обычаи; ведь в нравах проявляются законы, а в обычаях — нравы.

Главной целью китайских законодателей было стремление обеспечить своему народу спокойную жизнь. Они желали, чтобы люди питали большое уважение друг к другу; чтобы каждый ежеминутно чувствовал, сколь многим он обязан другим; чтобы не было гражданина, который не зависел бы в каком-нибудь отношении от другого гражданина. Поэтому они уделили самое большое внимание правилам вежливости.

Поэтому у китайских народов деревенские жители соблюдают между собою такие же церемонии, как люди высокого звания. Это — средство весьма пригодное для того, чтобы внушать кротость, поддерживать мир и порядок в народе и противодействовать порокам, происходящим от крутого нрава. В самом деле, освободить себя от соблюдения правил приличия не значит ли искать средства для свободного проявления своих недостатков?

Правила приличия в этом отношении лучше утонченной учтивости. Учтивость побуждает нас льстить чужим порокам, а правила приличия не позволяют нам выставлять напоказ наши собственные пороки; это — преграда, которую люди возводят между собою, чтобы помешать себе развращать друг друга.

Ликург, установления которого были очень суровы, формируя народные обычаи, не ставил своей целью создать правила приличия; его целью был тот воинственный дух, который он хотел внушить своему народу. Люди, которые постоянно исправляли других и которых постоянно исправляли, люди, которые всегда поучали и которых всегда поучали, — эти простые и суровые люди в своих взаимоотношениях более соблюдали правила добродетели, чем правила приличия.

ГЛАВА XVII

Особенные свойства правления в Китае

Законодатели Китая пошли еще дальше: они смешали воедино религию, законы, нравы и обычаи, — все это стало моралью, все это стало добродетелью. Правила, относившиеся к этим четырем пунктам, составили то, что было названо обрядами. Неуклонное исполнение этих обрядов и было торжеством китайского правления. Люди проводили всю свою молодость в изучении их, и всю свою жизнь — в их исполнении. Ученые преподавали эти обряды, чиновники их проповедовали. И так как они обнимали все малейшие житейские дела, то, раз было найдено средство заставить выполнять их в точности, Китай оказался хорошо управляемой страной.

Два обстоятельства могли легко запечатлеть эти обряды в сердце и уме китайцев: одно заключалось в их способе письма, настолько сложном, что значительная часть жизни человека посвящалась исключительно этим обрядам, потому что ему надо было сначала научиться читать, а затем прочесть книги, в которых они изложены; другое обстоятельство заключается в том, что правила обрядов, не имеющие в себе ничего духовного, но состоящие из простых предписаний обыденной практики, легче могли убеждать и поражать умы, чем предметы более отвлеченные.

Государи, которые вместо того, чтобы управлять при помощи обрядов, управляли силой казней, захотели предоставить казням совершить то, чего они не могут сделать, а именно — создать нравы. Казни могут, конечно, устранить из общества гражданина, который, утратив добрые нравы, нарушает законы; но если добрые нравы утрачены всеми, то можно ли восстановить их посредством казней? Казни, конечно, могут предупредить многие последствия общего зла, но самого зла они не исправят. Поэтому, когда основные начала китайского правления были отвергнуты и нравственность его утрачена, государство впало в анархию и начались революции.

ГЛАВА XVIII

Следствие, вытекающее из предыдущей главы

Из этого следует, что Китай не утрачивает своих законов вследствие завоевания. Обычай, нравы, законы и религия составляют в нем одно нераздельное целое, и изменить все это сразу нельзя. Но так как необходимо, чтобы изменился или победитель, или побежденный, то в Китае этой необходимости всегда подчинялся победитель: у него никогда не было такого тождества между нравами и обычаями, между обычаями и законами, между законами и религией, и ему легче было мало — помалу приспособливаться к побежденному народу, чем побежденному народу — к победителю.

Отсюда вытекает весьма печальное следствие, а именно, что христианство не имеет почти никакой возможности когда-либо утвердиться в Китае. Обеты безбрачия, присутствие женщин в церкви, их необходимое общение со служителями религии, их участие в таинствах, их исповедь на ухо священнику, соборование, единоженство — все это разрушает нравы и обычаи Китая, нанося одновременно удар и его религии, и его законам.

Христианская религия своими делами благотворительности, своим общим для всех богослужением и таинствами, кажется, хочет все соединить; обряды китайцев как бы предписывают все разъединять и разлучать.

И так как мы уже видели, что это стремление к разъединению составляет вообще характерное свойство духа деспотизма, то мы находим здесь одну из причин, по которым монархическое правление и всякое умеренное правление лучше всего сочетаются с христианством.

ГЛАВА XIX

Каким образом произошло у китайцев это объединение религии, законов, нравов и обычаев

Главной целью законодателей Китая было спокойствие империи. Лучшим средством для этого они сочли подчинение. Исходя из этого представления, они нашли должным внушать почтение к родителям и сосредоточили на этом все свои силы. Они ввели бесчисленные обряды и церемонии для воздаяния им почестей как при жизни, так и после смерти. Но такое почитание умерших неизбежно должно было повлечь за собой подобное же почтение к живым. Церемонии в честь умерших родителей были скорее делом религии; церемонии же в честь живых родителей были скорее делом законов, нравов и обычаев; но и те, и другие были лишь частями одного и того же кодекса, а кодекс этот был очень обширен.

Почтение к родителям по необходимости распространялось на всех, кто мог быть отнесен к их числу: на старцев, господ, начальников, императора. Это почтение к родителям предполагало в свою очередь любовь к детям, и, следовательно, такую же любовь стариков к молодым людям, начальников к подчиненным, императора к подданным. Из всего этого складывались обряды, а из обрядов — общий дух народа.

Теперь не трудно будет заметить то отношение, которое могут иметь к основам государственного строя Китая некоторые, казалось бы, самые безразличные вещи. Это государство построено по образцу семьи. Уменьшить в нем отцовскую власть или даже только отменить церемонии, в которых выражается почтение к этой власти, значит ослабить уважение к начальникам, на которых смотрят, как на отцов; начальники не будут уже заботиться о народах, в которых они должны видеть своих детей; и та любовь, которая существует между государем и подданными, тоже мало-помалу исчезнет.

Отменить один из этих обрядов значило бы поколебать основы государства. По существу не так уж важно, чтобы невестка каждое утро оказывала те или иные услуги свекрови; но, приняв во внимание, что эти внешние действия постоянно напоминают о

чувстве, которое необходимо запечатлеть во всех сердцах и которое должно, охватив все сердца, создать дух, управляющий империей, мы поймем, как необходимо, чтобы продолжало выполняться то или иное определенное действие.

ГЛАВА XX

Объяснение одной странности у китайцев

Нам кажется странным, что китайцы, жизнь которых всецело управляется обрядами, тем не менее являются самым плутовским народом на земном шаре. Это особенно обнаруживается в торговле, которая никогда не могла внушить им свойственной ей идеи добросовестности. Там покупатель должен носить с собой свои собственные весы, так как у каждого купца имеется трое весов: тяжелые — для покупок, легкие — для продажи и верные — для людей осторожных. Я надеюсь, что смогу объяснить это противоречие.

Законодатели Китая преследовали две цели. Они хотели сделать народ покорным и спокойным и в то же время трудолюбивым и изобретательным. Свойства климата и почвы не дают ему верных, обеспеченных средств к существованию, и только усиленным трудом и изобретательностью он может обеспечить свою жизнь.

Когда все повинуются и все работают, государство находится в счастливом положении. Но нужда, а может быть, и природа климата развили у всех китайцев непомерную жажду стяжаний, а законы не позаботились ограничить ее. Там все запрещено, когда дело идет о приобретении насилием, и все дозволено, когда дело идет о приобретении посредством хитрости или обмана. Не будем же сравнивать китайскую мораль с европейской. В Китае каждому приходилось не упускать из виду того, что ему полезно; если обманщик соблюдал свои выгоды, то обманутый должен был подумать о своих. В Лакедемонне было дозволено воровать; в Китае дозволяется обманывать.

ГЛАВА XXI

Каково должно быть отношение законов к нравам и обычаям

Только весьма своеобразные учреждения смешивают подобным образом такие естественно разделенные вещи, как законы, нравы и обычаи; но и там, где они разделены, между ними все же сохраняется самая тесная связь.

Когда Солон спросили, дал ли он афинянам лучшие из всех законов, он отвечал: «Я дал им лучшие из тех, которые они могли вынести». Вот прекрасные слова, которые должны принять к сведению все законодатели. Когда божественная премудрость сказала еврейскому народу: «Я дал вам правила, которые не хороши», то это значило, что они были хороши только в относительном смысле. В этом заключается ключ к пониманию всех затруднений, которые могут быть вызваны законами Моисея.

ГЛАВА XXII

Продолжение той же темы

У народа с хорошими нравами законы отличаются простотой. Платон говорит, что Радамант, управлявший народом чрезвычайно религиозным, быстро оканчивал все процессы, отбирая лишь у тяжущихся показания под присягой по каждому пункту их дела. Но тот же Платон говорит, что если народ не религиозен, то присягой следует пользоваться только в том случае, когда присягающий — лицо незаинтересованное, каковы судья и свидетели.

ГЛАВА XXIII

Как законы следуют за нравами

Пока у римлян не были испорченные нравы, они не имели особого закона против казнокрадства. Когда же это преступление начало появляться, оно показалось до такой степени позорным, что присуждение возратить похищенное почиталось величайшим наказанием. Об этом свидетельствует суд Сципиона.

ГЛАВА XXIV

Продолжение той же темы

Законы, поручающие опеку матери, направлены главным образом на охранение личности опекаемого; а законы, поручающие опеку ближайшему наследнику, имеют в виду главным образом сохранность имущества. У народов с испорченными нравами лучше поручать опеку матери; там же, где законодатель может доверять нравам граждан, опека поручается либо наследнику имущества, либо его матери, а иногда им обоим.

Тот, кто вдумается в римские законы, найдет, что сказанное мною согласно с их духом. Во время создания законов двенадцати таблиц у римлян были превосходные нравы. Опека была тогда поручена ближайшему родственнику малолетнего на том основании, что обязанности, опеки должны нести те, кому могут достаться выгоды наследства. Жизнь малолетнего не почиталась в опасности, несмотря на то, что она была отдана в руки того, кому была выгодна его смерть. Но когда нравы римлян изменились, изменился и образ мыслей законодателей. «Если завещатель, назначивший своему малолетнему наследнику преемника, опасается, как бы тот не стал чинить козни против этого наследника, то завещатель, — говорят Кай и Юстиниан, — может оставить открытой одну вульгарную субституцию, а пупиллярную поместить в такой части завещания, которую можно будет вскрыть лишь по истечении известного времени». Вот опасения и предосторожности, не известные прежним римлянам.

ГЛАВА XXV

Продолжение той же темы

Римский закон позволял брачующимся делать друг другу подарки до бракосочетания, после него дарить что-либо уже воспрещалось. Этот закон основывался на нравах римлян, которых брак привлекал только воздержанным, скромным и простым образом жизни, но которые могли поддаваться соблазну домашнего ухода, удобств и благополучия целой жизни.

Закон вестготов требовал, чтобы жених не дарил невесте более десятой части своего имущества и не дарил ей ничего в первый год брака. Это тоже вытекало из нравов страны. Законодатели хотели обуздать испанское хвастовство, которое склонно поражать умы блеском своей чрезмерной щедрости.

Римляне своими законами противодействовали некоторым слабостям самой прочной в мире власти — власти добродетели. Испанцы своими законами хотели предупредить дурные последствия самой непостоянной в мире тирании — тирании красоты.

ГЛАВА XXVI

Продолжение той же темы

Закон Феодосия и Валентиниана заимствовал причины развода из древних нравов и обычаев римлян. К этим причинам он отнес действие мужа, который наказал бы свою жену недостойным для свободнорожденного человека образом. Эта причина была опущена в последующих законах, потому что нравы в этом отношении уже изменились; обычаи Востока заняли место европейских. Из истории известно, что главный евнух императрицы, жены Юстиниана II, угрожал ей тем наказанием, которым наказывают детей в школах. Только уже установившиеся или близкие к тому, чтобы установиться, нравы способны навести на подобную мысль.

Мы видели, как законы приспособляются к нравам; посмотрим теперь, как нравы приспособляются к законам.

ГЛАВА XXVII

Каким образом законы могут способствовать образованию нравов, обычаев и характера народа

Обычаи рабского народа составляют часть его рабства; обычаи свободного народа составляют часть его свободы.

В книге одиннадцатой[98] я говорил о народе свободном и указал на принципы его государственного строя. Посмотрим теперь, какие результаты должны были проистекать из этого строя, какой характер мог сложиться под его влиянием, какие обычаи были им порождены.

Я не говорю, что большая часть законов, нравов и обычаев такого народа не была произведена климатом, но хочу только сказать, что его нравы и обычаи должны быть тесно связаны с его законами.

Так как у этого народа имеются две видимые власти — законодательная и исполнительная — и так как каждый гражданин обладает там собственной волей и может распоряжаться своей независимостью, как ему угодно, то большая часть людей будет там предпочитать какую-нибудь одну из этих властей « по той причине, что у большинства обыкновенно не хватает ни справедливости, ни рассудка, чтобы равно оценить обе.

И так как исполнительная власть, располагающая всеми должностями, может там возбуждать большие надежды народа, не внушая страха, то на ее стороне окажутся все, кого она удовлетворила, и против нее выступят все те, кому нечего от нее ожидать.

Так как там предоставлена свобода всем страстям, то ненависть, ревность, зависть, жажда обогащения и отличий обнаружатся во всей своей силе. Если бы этого не произошло, то государство уподобилось бы изнуренному болезнью человеку, у которого нет страстей, потому что нет совсем и сил.

Взаимная ненависть обеих партий там никогда не прекратится, потому что она всегда будет бессильна.

Эти партии состоят из людей свободных; поэтому если бы одна из них слишком взяла верх над другой, то свобода стала бы действовать для понижения первой, а граждане подобно рукам, помогающим телу, старались бы приподнять другую.

Так как в этом народе каждая отдельная личность, пользуясь своей независимостью, может беспрепятственно предаваться собственным причудам и прихотям, то люди часто будут переходить из одной партии в другую, покидая ту, где находятся их друзья, чтобы примкнуть к противоположной, где они найдут всех своих врагов, и в этом народе часто будут нарушаться законы и дружбы, и ненависти.

Монарх будет там находиться в положении частного лица и вопреки обычным правилам благоразумия часто окажется вынужденным доверяться тем, которые его всего более оскорбляли, и лишать своей милости тех, которые всего лучше ему служили, делая под давлением необходимости то, что другие государи делают по свободному решению.

Народ там будет постоянно опасаться упустить благо, которое он чувствует, хотя и не имеет о нем определенного представления, и которое от него могли бы скрыть, а страх всегда все преувеличивает. Народ будет тревожиться за свое положение и считать его опасным чаще всего в самое безопасное время,

Такое положение будет усугубляться тем, что лица, которые всего сильнее противятся исполнительной власти, не желая обнаружить корыстных мотивов своего сопротивления, станут увеличивать опасения народа, который никогда не будет знать намеренно, находится ли он в опасности или нет. Впрочем, эти опасения помогут народу избежать и действительных опасностей, которым он впоследствии мог бы подвергнуться.

Между тем законодательное собрание, пользуясь доверием народа и обладая большим образованием, может рассеять внушенные ему дурные впечатления и успокоить его волнения.

В этом состоит большое преимущество такого образа правления перед древними демократиями, где народ обладал непосредственной властью и где поэтому возбужденные ораторами народные волнения всегда оказывали свое действие.

Здесь же все беспредметные страхи, внушенные народу, не производят ничего, кроме пустого крика и брани, и даже приносят пользу, напрягая все пружины правления и сосредоточивая внимание всех граждан. Но если бы народные страхи были порождены ниспровержением основных законов, то они явились бы силой глухой, пагубной, ужасной и повели бы к катастрофам.

Тогда вскоре водворилась бы страшная тишина, во время которой все соединилось бы против власти, нарушившей законы.

Если в то время, когда опасения народа не имеют определенной причины, какая-нибудь иностранная держава станет угрожать государству, подвергая опасности его богатство или славу, то мелкие интересы умолкнут перед более важными и все силы объединятся, чтобы поддержать исполнительную власть.

Если же иностранная держава станет угрожать государству в такое время, когда в нем происходят раздоры, возникшие вследствие нарушения его основных законов, то в государстве произойдет переворот, который не изменит ни формы его правления, ни его основных законов, потому что переворот, произведенный свободой, есть лишь утверждение свободы[100].

У свободного народа может быть освободитель; у народа порабощенного может быть только новый притеснитель, ибо каждый человек, достаточно сильный для того, чтобы изгнать деспота, достаточно силен и для того, чтобы самому стать деспотом.

Для того чтобы пользоваться свободой, надо, чтобы каждый мог говорить то, что он думает; для того чтобы сохранить свободу, опять-таки надо чтобы каждый мог говорить то, что он думает; поэтому гражданин такого государства будет говорить и писать обо всем, о чем не запрещено говорить и писать прямым постановлением законов.

Такой народ будет находиться в постоянно возбужденном состоянии; поэтому он будет более руководствоваться своими страстями, чем доводами рассудка, которые никогда не производят большого действия на умы. В результате лица, управляющие им, легко смогут вовлекать его в дела, противные его истинным интересам.

Такой народ будет страстно любить свою свободу, потому что это свобода истинная; и может случиться, что для защиты ее он пожертвует своим имуществом, своим благосостоянием, своими интересами, что он обложит себя такими высокими налогами, какими не решится обременить своих подданных даже самый неограниченный самодержец.

Но так как этот народ будет иметь ясное сознание необходимости нести такие тяготы и будет уплачивать налоги, твердо надеясь, что вскоре ему уже не придется их платить, то бремя налогов покажется ему легче, чем оно есть на самом деле; между тем, в других государствах[101], наоборот, налоги кажутся гораздо тяжелее, чем они есть в действительности.

Такой народ обладает верным кредитом, так как он занимает у самого себя и самому же

себе уплачивает долги[102].

Может случиться, что он затеет предприятия, превышающие его естественные силы. и употребит для борьбы со своими врагами огромные фиктивные богатства, которые сила доверия и природа правления обратят в реальные богатства.

Для защиты своей свободы это государство будет делать займы у своих подданных, а его подданные, зная, что кредит его погибнет, если оно будет завоевано, почерпнут в этом сознании новое побуждение к усилиям для защиты его свободы.

Если бы. этот народ жил на острове, то он не стал бы заниматься завоеваниями, так как завоеванные земли, отрезанный от метрополии, могут лишь его ослабить. Если бы почва этого острова была плодородна, то он еще менее стал бы думать о завоеваниях потому, что не нуждался бы в войне для своего обогащения. И так как ни один гражданин этого государства не находился бы в подчинении у другого гражданина, то каждый более дорожил бы своей свободой, чем славой нескольких граждан или одного человека.

Там на военных стали бы смотреть как на людей, занимающихся ремеслом, которое может быть полезно, но нередко и опасно, как на людей, услуги которых слишком дорого стоят для всей нации; поэтому люди гражданского звания были бы у этого народа в большем почете.

Этот народ, которому мир и свобода доставили бы довольство, освободившись от разрушительных предрассудков, получил бы склонность к занятию торговлей. Если бы у него были какие-либо естественные богатства, служащие для изготовления ценных изделий ремесла, то он мог бы устроить заведения, которые дали бы ему возможность использовать этот дар небес в полном объеме.

Если бы этот народ жил ближе к северу и имел большое количество излишних для него товаров, то, нуждаясь и сам во множестве товаров, в которых ему отказано климатом, он по необходимости завел бы обширную торговлю с народами юга и, избрав благоприятные для этой торговли государства, стал бы заключать выгодные для обеих сторон договоры с избранными им народами.

В государстве, где, с одной стороны, царит полнейшее изобилие, а с другой — существуют чрезвычайно высокие налоги, люди с ограниченным состоянием не могут жить без определенного занятия. Поэтому многие будут там покидать родину под предлогом путешествий или необходимости поправки здоровья, чтобы искать счастья даже в таких странах, где господствует рабство.

У торгового народа есть бесчисленное множество мелких частных интересов, а следовательно, и тысячи возможностей для разных столкновений, в которых то он сам обижает других, то его обижают. Поэтому он становится в высшей степени завистливым и даже больше огорчается чужим благосостоянием, чем радуется собственному.

Законы этого народа, в общем мягкие и необременительные, могут быть настолько суровыми в отношении торговли и мореплавания, как будто он торгует только с неприятелями.

Если этот народ станет основывать колонии в отдаленных странах, то он будет при этом иметь в виду не столько распространение своего владычества, сколько расширение своей торговли.

Следуя общей склонности вводить в чужих странах свои собственные порядки, он установит в своих колониях свою собственную форму правления; и так как это правление приносит с собой благосостояние, то даже в лесах, которые он заселит, образуются многочисленные народы.

Могло быть, что он некогда подчинил своей власти какую-нибудь соседнюю нацию¹⁰³, которая возбуждает его зависть своим положением, удобствами своих гаваней и своими природными богатствами. В таком случае, хотя он и даст ей свои собственные законы, он будет держать ее в величайшем подчинении, так что граждане покоренного им государства будут пользоваться свободой, а само государство будет находиться в рабстве.

Покоренное им государство получит очень хорошее гражданское управление, но будет

стеснено обременительным международным правом. Его отношения к другим народам будут определены такими законами, которые сделают его благополучие непрочным, так что из него будет извлекать пользу только его господин.

Господствующий народ, обитающий на большом острове и обладающий обширной торговлей, будет иметь благоприятные условия для создания морских сил. Так как охранение его свободы требует, чтобы у него не было ни укрепленных городов, ни крепостей, ни сухопутных армий, то ему нужен будет военный флот, чтобы обеспечить себя от вторжений; и его флот будет сильнее, чем у всех других держав, которые вынуждены тратить большую часть своих средств на содержание сухопутных войск и потому не могут уже много тратить на морские силы.

Владычество над морями всегда внушает естественную гордость народам, которые им обладают. Сознавая, что они могут повсюду чинить насилия, они воображают, что их власть безгранична, как океан.

Такой народ может оказывать большое влияние на дела своих соседей. Так как он не пользуется своим могуществом для завоеваний, то его дружбы будут искать, а его ненависти — опасаться более, чем можно было бы, невидимому, этого ожидать ввиду частых перемен в его правлении и волнений в народе.

Все это определит судьбу исполнительной власти этого народа: она будет постоянно подвергаться тревогам внутри государства и пользоваться уважением за его пределами.

Если бы этому народу пришлось по тому или иному случаю играть центральную роль в общеевропейских переговорах, то он внес бы в эти переговоры несколько более честности и прямоты, чем другие народы, по той причине, что его министры, будучи обязаны отдавать отчет о своем поведении перед народным собранием и не имея вследствие этого возможности держать в тайне свое поведение при этих переговорах, были бы вынуждены явиться в них немного более честными.

Сверх того, так как на них лежала бы в известном смысле ответственность за события, которые могли быть следствием их двуличного поведения, то самый прямой путь оказался бы для них и самым безопасным.

Если дворянство пользовалось когда-нибудь в этом народе чрезмерной властью, а монарх нашел средство ограничить его, возвышая народ, то рабство достигло бы высшей точки в период между моментом принижения дворян и тем, когда народ начал ощущать свою силу.

Могло быть, что этот народ, некогда подчиненный произвольной власти¹⁰⁴, сохранил в некоторых случаях следы своего прежнего подчинения, так что на фоне его свободного правления часто виделись бы формы неограниченного правления.

Что же касается религии, то, так как в этом государстве каждый гражданин обладает собственной волей и, следовательно, руководствуется собственным разумом или собственной фантазией, отсюда произойдет, что люди либо будут питать большое равнодушие ко всякого рода вероисповеданиям, вследствие чего они станут придерживаться вероисповедания господствующего, либо проникнутся рвением к религии вообще, вследствие чего среди них размножатся религиозные секты.

Возможно и то, что в этой стране окажутся люди, которые совсем не имеют религии, но которые, однако, не потерпят, чтобы их заставили изменить ту, которая у них могла бы быть, ибо в таком случае они почувствовали бы, что их имущество и жизнь столь же мало принадлежат им, как и их образ мыслей, и что тот, кто может лишить их одного, без труда сможет отнять у них и другое.

Если бы между различными религиями была там такая^[105], которую пытались водворить при помощи рабства^[106], то она возбудила бы общую ненависть; потому что мы судим о вещах по тем отношениям и побочным обстоятельствам, которые связываем с ними; а такая религия никогда не явится уму в связи с представлением о свободе.

Законы, изданные против тех, кто исповедует эту религию, не были бы жестокими, так как свобода не изобретает такого рода кар. Но они были бы там столь тягостны, что

причинили бы все то зло, которое только можно причинить с полным хладнокровием.

Может случиться по тысяче причин, что духовенство будет там пользоваться гораздо меньшим доверием, чем прочие граждане; поэтому вместо того чтобы отделяться от них, оно предпочтет нести такие же повинности, как и люди светского звания, составляя с ними в этом отношении как бы одно сословие; но, стараясь всегда привлечь к себе уважение народа, оно будет отличаться более скромным образом жизни, более строгим поведением и более чистыми нравами.

Это духовенство, не будучи в состоянии ни покровительствовать религии, ни само пользоваться ее покровительством, за невозможностью принуждать будет стараться действовать убеждением, вследствие чего из-под его пера выйдут прекрасные сочинения, имеющие целью доказать истинность откровения и промысла высшего существа.

Может статься, что люди будут избегать его собраний, что ему даже не захотят позволить исправлять свои злоупотребления и в опьянении свободой предпочтут оставить его преобразование незавершенным, чем позволить ему стать преобразователем.

Высшие должности, составляющие существенный элемент государственного строя, будут здесь более устойчивы, чем в других странах; но, с другой стороны, люди знатные в этой стране свободы будут ближе к народу; так что тут сословия будут более отдалены друг от друга, а между личностями будет существовать более близкое общение.

Лица, управляющие государством, обладая властью, которая, так сказать, ежедневно обновляется и преобразуется, станут более дорожить людьми, которые им полезны, чем теми, которые их забавляют; так что тут мало будет придворных, льстецов, угодников, наконец, всякого сорта людей той породы, которая заставляет вельмож платить себе даже за пустоту своего ума.

Там будут почитать людей не за их внешние таланты и свойства, но за их действительные качества; а таких качеств имеется всего два: богатство и личное достоинство.

Там водворится роскошь, солидная, основанная на утонченном удовлетворении реальных нужд, а не на тщеславии, и люди не станут искать в вещах иных наслаждений, кроме тех, которые вложены в них самой природой.

Там будут пользоваться большим избытком, и все же предметы суетных удовольствий будут там запрещены; вследствие этого многие люди, имея больше богатства, чем возможностей его тратить, будут употреблять его на разные причуды, и у этого народа будет более ума, чем вкуса.

Так как люди будут там всегда заняты попечением о собственных выгодах, то у них не разовьется той вежливости, которую порождает праздность, да у них и не хватит времени для этого.

У римлян эпоха вежливости была вместе с тем эпохой установления господства произвола. Абсолютное правление производит праздность, а праздность порождает вежливость.

Чем больше в народе людей, которые должны угождать и нравиться друг другу, тем более он вежлив. Но то, что должно отличать нас от варварских народов, состоит не столько в учтивых манерах, сколько в добрых нравах.

В народе, где все мужчины по-своему принимают участие в управлении государством, женщины должны мало бывать в обществе мужчин; поэтому они будут скромны, т. е. робки, и эта робость составит их добродетель; между тем как мужчины, не привыкшие к тонкому обращению, станут предаваться распутству, которое позволит им сохранить свою свободу и даст им возможность распоряжаться своим досугом по собственному усмотрению.

Так как законы там одинаковы для всех, то каждый будет смотреть на себя, как на монарха, и представители этого народа будут между собой скорее союзниками, чем согражданами.

Если климат страны, государственный строй которой предоставляет всем участие в управлении и политических интересах, наделил многих ее жителей беспокойным умом и

обширными замыслами, то в этой стране станут много рассуждать о политике и явятся люди, которые станут проводить свою жизнь в предугадывании таких событий, которые по природе вещей и капризам судьбы, т. е. людей, предсказать невозможно.

В свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают люди. Важно лишь, чтобы они рассуждали, так как это порождает свободу, которая обеспечивает от дурных последствий этих рассуждений.

Подобным образом в деспотическом правлении и хорошие, и дурные рассуждения одинаково пагубны. Вредно самое рассуждение, так как принцип этого правления подрывается уже тем одним, что там рассуждают.

Многие люди этого народа при отсутствии стремления нравиться кому бы то ни было дадут полную волю своему дурному характеру. Людей, наделенных умом, будет мучить самый их ум, и в своем презрении и отвращении ко всему они станут несчастны, имея столько причин не быть несчастными.

И так как там ни один гражданин не боится никакого другого гражданина, то это будет гордый народ: ведь и гордость самих царей основана лишь на их независимости.

Свободные народы горды, а прочие легче становятся тщеславными.

Но эти столь гордые и занятые собой люди, попав в среду незнакомых им людей, будут робки, и в них вы по большей части увидите тогда странную смесь застенчивости с гордостью.

Характер этого народа более всего обнаруживается в произведениях его ума, в которых видны люди, углубившиеся в себя и много размышлявшие в уединении.

Общество учит нас замечать смешное; одиночество развивает в нас способность замечать порок. Сатирические произведения этого народа будут отличаться беспощадною резкостью;

и вы здесь найдете множество Ювеналов[107], прежде чем вам удастся отыскать хоть одного Горация[108].

В неограниченных монархиях историки изменяют истине, потому что не имеют свободы ее высказать; в государствах чрезвычайно свободных они изменяют истине по причине самой свободы, которая вследствие постоянно производимых ею разделений побуждает каждого становиться таким же рабом предрассудков своей партии, каким он был бы и по отношению к деспоту.

Поэты этого народа будут чаще отличаться оригинальною резкостью выдумки, чем той утонченностью, которая внушается вкусом. Вы найдете в них больше сходства с силой Микеланджело[109], чем с грацией Рафаэля[110].

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Об отношении законов к торговле, рассматриваемой с точки зрения ее природы и ее подразделений

ГЛАВА I О торговле

То, о чем я буду говорить, требовало бы более обширного обсуждения, но характер настоящего труда не позволяет этого*. Мне хотелось бы плыть по спокойной реке, но меня уносит бурный поток.

Торговля исцеляет нас от пагубных предрассудков. Можно считать почти общим правилом, что везде, где нравы кротки, там есть и торговля, и везде, где есть торговля, там и нравы кротки.

Поэтому не надо удивляться, что наши нравы менее жестоки, чем прежде. Благодаря

торговле все народы узнали нравы других народов и смогли сравнить их. Это привело к благотворным последствиям.

Можно сказать, что законы торговли совершенствуют нравы по той же причине, по которой они их и губят. Торговля возвращает чистые нравы: на это жаловался Платон; она шлифует и смягчает варварские нравы: это мы видим ежедневно.

ГЛАВА II

О духе торговли

Естественное действие торговли — склонять людей к миру. Между двумя торгующими друг с другом народами устанавливается взаимная зависимость: если одному выгодно покупать, то другому выгодно продавать, все их связи основаны на взаимных нуждах.

Но дух торговли, соединяя народы, не соединяет частных лиц. Мы видим, что в странах, где людей воодушевляет только дух торговли, все их дела и даже моральные добродетели становятся предметом торга. Малейшие вещи, даже те, которых требует человеколюбие, там делаются или доставляются за деньги.

Дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости; это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабежам, а с другой — тем моральным добродетелям, которые побуждают нас не только преследовать неуклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей.

Совершенное же отсутствие торговли приводит, наоборот, к грабежам, которые Аристотель относит к числу различных способов приобретения. Дух разбойничества не исключает некоторых нравственных добродетелей. Так, например, гостеприимство, очень редко встречающееся у торговых народов, процветает у разбойнических.

Германцы, говорит Тацит, считают большим святотатством затворять двери своих домов перед каким бы то ни было человеком, знакомым или незнакомым. Человек, оказавший гостеприимство иностранцу, указывает ему другой дом, где ему снова оказывают гостеприимство и принимают его с тем же радушием. Но когда германцы основали государства, гостеприимство стало им в тягость. Это видно по двум законам кодекса бургундов, из коих в одном назначается наказание всякому варвару, который укажет страннику дом римлянина, а другой постановляет, что принявший странника должен быть вознагражден жителями, сколько с кого причтется.

ГЛАВА III

О бедности народов

Есть два рода бедных народов: одни доведены до бедности жестокостью правления, и такие неспособны почти, ни к какой добродетели, потому что их бедность составляет часть их рабства; другие же бедны только потому, что пренебрегают житейскими удобствами или не знают их, и такие способны совершать великие дела, потому что их бедность составляет часть их свободы.

ГЛАВА IV

О торговле при разных правлениях

Торговля связана с государственным строем. При правлении одного она обыкновенно основана на роскоши, и хотя она удовлетворяет также и действительные нужды, но главная цель ее состоит в том, чтобы доставить торгующему народу все, что может служить его

тщеславию, наслаждениям и прихотям. При правлении многих она чаще всего основана на экономии. Купцы, обзревая все народы земного шара, доставляют одним то, что берут у других. Так вели торговлю республики Тира, Карфагена, Афин, Марселя, Флоренции, Венеции и Голландии.

Этот род торговли связан по своей природе с правлением многих, а в монархических правлениях составляет случайное явление. Поскольку он основан на том, чтобы, получая прибыли небольшие и даже меньшие, чем все прочие народы, вознаграждать себя непрерывностью получения этих малых прибылей, он не может быть свойствен народу, у которого водворилась роскошь, который тратит много и стремится лишь к великим целям.

Поэтому-то Цицерон и сказал: «Я не допускаю, чтобы один и тот же народ был одновременно и властелином, и торгашом вселенной». В самом деле, в противном случае надо было бы допустить, что каждый человек в этом государстве и даже все государство в целом были бы всегда поглощены одновременно великими замыслами и мелочными делишками; но одно противоречит другому.

Из этого, однако, не следует, что в государствах, ведущих экономичную торговлю, не могут иметь места величайшие предприятия, в которых проявляется мужество, невиданное и в монархиях. Дело тут в следующем:

Один род торговли ведет к другому: мелочный к среднему, последний к крупному; поэтому тот, кто так сильно желал малой прибыли, оказывается в положении, в котором он не менее сильно желает крупной наживы.

Сверх того, большие торговые предприятия всегда по необходимости связаны с общественными делами. Но обычно общественные дела кажутся купечеству настолько же сомнительными в монархиях, насколько надежными в республиках, поэтому большие предприятия свойственны не монархии, а правлению многих.

Одним словом, так как в этих последних государствах собственность людей более ограждена, то люди отваживаются на всевозможные предприятия, и так как они уверены в неприкосновенности того, что ими приобретено, то и не опасаются пускать свои приобретения в оборот, чтобы приобрести еще больше. Они рискуют только средствами приобретения, но люди вообще слишком полагаются на свое счастье.

Я не хочу сказать, что существуют монархии, где вовсе не имеет места экономичная торговля, но она менее свойственна природе монархии. Я не говорю и того, что в известных нам республиках не ведется торговли предметами роскоши, но я утверждаю, что эта торговля менее соответствует основам их государственного строя.

Что же касается до деспотического государства, то о нем нечего и говорить. Вот общее правило: если народ поработан, люди работают более для того, чтобы сохранять, чем для того, чтобы приобретать; если народ свободен, они работают более для того, чтобы приобретать, чем для того, чтобы сохранить.

ГЛАВА V

О народах, производивших экономичную торговлю

Марсель — это необходимое убежище среди бурного моря. Марсель — это место, куда ветры, морские отмели и расположение берегов по необходимости заставляют приставать корабли, — часто посещался моряками. Бесплодие почвы заставило граждан этого города заняться экономичной торговлею.

Чтобы возместить скупость природы, они должны были стать трудолюбивыми; чтобы ужиться с варварскими народами, которым предстояло создать их благосостояние, они должны были стать справедливыми; чтобы всегда пользоваться спокойным правлением, они должны были стать умеренными; наконец, для того чтобы иметь возможность всегда существовать торговлей, которую тем вернее можно сохранить в своих руках, чем она менее выгодна, они должны были стать людьми воздержанными.

Экономичная торговля повсюду обязана своим происхождением насилиям и притеснениям, которые вынуждали людей искать убежища в болотах, на островах, морских отмелях и даже на утесах. Так были основаны Тир, Венеция и города Голландии. Беглецы нашли там безопасность, но они нуждались в средствах существования — и стали извлекать их из всех стран мира.

ГЛАВА VI

О некоторых последствиях крупного мореходства

Иногда случается, что народ, ведущий экономичную торговлю, нуждается в товарах одной страны лишь для того, чтобы посредством их приобрести товары другой страны, довольствуется очень малой прибылью и даже вовсе не получает прибыли от одних товаров в надежде или в уверенности получить большую прибыль от других. Так, когда Голландия почти одна вела торговлю между Южной и Северной Европой, французские вина, которые она перевозила в северные страны, служили ей как бы только средством для ведения ею северной торговли.

Известно, что в Голландии некоторые товары, привезенные издалека, часто продаются не дороже того, во что они обошлись на месте. Объясняют это следующим образом: капитан, нуждаясь в балласте для своего корабля, нагружает его мрамором, нуждаясь в дереве для укладки груза, закупает дерево, и если он не понесет убытка на этих предметах, то считает себя в большом выигрыше. Таким образом, Голландия имеет свои каменоломни и свои леса.

Не только не прибыльная, но даже убыточная торговля может быть полезна. Я слышал в Голландии, что китобойный промысел почти никогда не окупает своей стоимости. Но так как главными участниками в нем являются те же самые люди, которые строят корабль, снабжают его снастями и съестными припасами, то они, теряя на промысле, выигрывают на снаряжении судов. Эта торговля походит на лотерею, где каждый надеется выиграть. Все на свете любят игру; и люди самые благоразумные охотно отдаются ей, пока не увидят всех сопряженных с нею насилий, уловок, заблуждений, потери денег и времени, пока не поймут, что на нее можно затратить всю жизнь.

ГЛАВА VII

Торговый дух Англии

У Англии нет определенного тарифа для торговли с другими народами. Ее тариф меняется, так сказать, с каждым новым парламентом, ибо каждый парламент то вводит новые установления, то отменяет прежние. Она и в этом отношении хочет сохранить свою независимость. Она в высшей степени ревнива к производимой в ее пределах торговле и потому мало связывает себя договорами и зависит лишь от собственных законов.

Другие нации жертвуют торговыми интересами ради политических интересов. Англия же всегда жертвовала политическими интересами ради интересов своей торговли.

Этот народ лучше всех народов мира сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение; религией, торговлей и свободой.

ГЛАВА VIII

Каким стеснениям подвергалась иногда экономичная торговля

В некоторых монархиях^[111] издавались законы, весьма способные причинить вред государствам, которые производят экономичную торговлю. Здесь запретили ввоз всяких

товаров, кроме тех, которые изготовлены из сырья, добываемого в этих монархиях, и дозволили приезжать для торговли только на кораблях, построенных в той стране, куда они прибывают.

Необходимо, чтобы государство, издающее такие законы, было само в состоянии легко вести торговлю, иначе оно причинит себе по крайней мере равный убыток. Лучше иметь дело с народом, который довольствуется малым и по требованиям своей торговли находится в некоторой зависимости, с народом, который по обширности своих замыслов и дел знает, куда направить все свои излишние товары, который богат, может забирать большие массы товаров и скоро расплачиваться за них, который сама необходимость заставляет быть исправным, который миролюбив по принципу и старается приобретать, а не поработать; лучше, говорю я, иметь дело с таким народом, чем с теми, которые постоянно соперничают друг с другом и не доставят всех этих выгод.

ГЛАВА IX

Об ограничении торговых сношений

Истинная польза народа требует, чтобы он без важных причин не устранил ни одного народа от торговли со своею страной. Японцы торгуют лишь с двумя нациями: китайской и голландской, и китайцы выручают с них по тысяче процентов на сто на сахаре и иногда столько же — на полученном за него в обмен товаре. Почти такие же прибыли получают и голландцы. Всякий народ, который пожелает следовать правилам японцев, будет неизбежно обманут. Справедливая цена товаров и истинное отношение между ними устанавливаются только конкуренцией.

Еще менее должно государство обязываться продавать свои товары лишь одному какому-нибудь народу под тем предлогом, что он будет забирать их все по определенной цене. Поляки заключили такой договор по продаже хлеба с городом Данцигом, а многие индийские государи — с голландцами по продаже пряностей. Такие соглашения свойственны лишь бедным народам, которые готовы отказаться от надежды на обогащение, лишь бы им были обеспечены необходимые средства к существованию, или народам поработанным, которые вынуждены отказаться от пользования дарованными им природой благами или вести невыгодную торговлю этими благами.

ГЛАВА X

Об одном учреждении, свойственном экономической торговле

В государствах, ведущих экономичную торговлю, весьма полезную роль играют банки, которые с помощью своего кредита создали новые знаки ценности; но было бы неблагоразумно перенести эти учреждения в государства, ведущие торговлю предметами роскоши. Вводить их в странах, где существует правление одного, значит предполагать на одной стороне деньги, а на другой — власть, т. е. на одной стороне возможность все иметь без всякой власти, а на другой — власть с полной невозможностью что-либо иметь. В подобном правлении только сам государь обладает или может обладать сокровищами, все же сокровища прочих лиц, как только они достигают более или менее крупных размеров, тотчас же становятся сокровищами государя.

По той же причине в правление одного редко оказываются уместными и компании купцов, объединяющихся для ведения какой-либо торговли. Эти компании по самой своей природе придают частному богатству силу общественного богатства. Но в таких государствах эта сила всегда находится в руках государя. Скажу более: такие компании не всегда пригодны и для государств, производящих экономичную торговлю, и если торговые

операции там не настолько обширны, чтобы быть не под силу отдельным лицам, то лучше не стеснять свободы торговли установлением исключительных привилегий.

ГЛАВА XI

Продолжение той же темы

В государствах, производящих экономичную торговлю, можно учредить порто-франко. Экономия со стороны государства, всегда являющаяся результатом воздержанного образа жизни частных лиц, придает, так сказать, душу экономичной торговле. И все потери на пошлинах, которые оно понесет от установления порто-франко, будут возмещены доходами, которые оно получит в связи с увеличением промышленного богатства республики. Но в монархическом государстве заводить подобные учреждения было бы нелепо, так как здесь все их действие заключалось бы только в том, чтобы уменьшить налоги на роскошь и таким образом уничтожить и единственную выгоду от этой роскоши, и единственное ограничение в этом правлении.

ГЛАВА XII

О свободе торговли

Свобода торговли заключается не в том, чтобы дать волю купцам делать все, что им угодно; это было бы скорее рабством торговли. Не все, что стеснительно для торговца, тем самым делается стеснительным и для торговли. Нигде торговец не встречает такого бесчисленного множества ограничений, как в странах свободы, и нигде он так мало не стеснен законами, как в странах рабства.

Англия запрещает вывозить свою шерсть; она хочет, чтобы уголь доставлялся в ее столицу по морю; она позволяет вывоз своих лошадей — только в том случае, если они выхолощены; корабли ее колоний, торгующих с Европой, должны бросать якорь в английских портах. Она стесняет торговца, но делает это для блага торговли.

ГЛАВА XIII

Чем разрушается эта свобода

Где торговля, там и таможи. Предмет торговли — ввоз и вывоз товаров для пользы государства; предмет таможен — обложение этого ввоза и вывоза пошлинами тоже для пользы государства. Поэтому государство должно занимать нейтральное положение между своими таможнями и своей торговлей и поступать так, чтобы они не вредили друг другу. В таком случае в этом государстве существует свобода торговли.

Откупная система разрушает торговлю своими несправедливостями, своей требовательностью, чрезмерностью своих налогов и, кроме того, независимо от всего этого, затруднениями, которые она порождает, и формальностями, которые она предписывает. В Англии, где таможи состоят в государственном управлении, торговля производится с удивительной легкостью; одна подпись решает важнейшие дела; торговцу не приходится терять время на бесконечные проволочки и содержать особых посредников для удовлетворения или отклонения требований откупщиков.

ГЛАВА XIV

О торговых законах, воспрепятствующих конфискацию товаров

Великая хартия англичан[113] запрещает во время войны захват и конфискацию товаров, принадлежащих иностранным купцам, за исключением случаев репрессалии. Поистине прекрасно, что английский народ сделал из этого правила одну из статей своей свободы.

Испания во время своей войны с Англией в 1740 году издала закон, запрещавший под страхом смертной казни ввозить английские товары в Испанию и испанские — в Англию. Что-либо подобное можно, мне кажется, найти разве только в законах Японии. Это распоряжение противно нашим нравам, духу торговли и той гармонии, которая должна существовать в соразмерности наказаний; оно смешивает все понятия, обращая в государственное преступление простое нарушение полицейских правил.

ГЛАВА XV

О лишении свободы за долги

Солон издал в Афинах закон, отменявший лишение свободы за долги. Он заимствовал этот закон в Египте, где его издал Бохирис и возобновил Сезострис.

Это очень хороший закон для обычных дел гражданского оборота. Но мы имеем основание не применять его к коммерческим делам. Ввиду того что торговцы должны верить большие суммы часто на очень короткие сроки, причем то выдавать их, то получать обратно, необходимо, чтобы их должники всегда исполняли свои обязательства в определенные сроки, а это предполагает и необходимость лишения свободы за долги.

По делам, вытекающим из обыкновенных гражданских договоров, закон не должен допускать лишения свободы, потому что свобода гражданина для него дороже, чем достаток другого гражданина. Но в соглашениях, вытекающих из торговых отношений, закон должен более дорожить общественным достоянием, чем свободой отдельного гражданина, допуская, однако, исключения и ограничения, которых требуют гуманность и порядок.

ГЛАВА XVI

Прекрасный закон

Очень хорош женеvский закон, не допускающий к занятию государственных должностей и даже к вступлению в Большой совет детей лиц, которые умерли неоплатными должниками, если они не уплатят долгов своих отцов. Он внушает доверие и к торговцам, и к правителям, и даже к самой республике. Доверие к отдельному лицу усиливается там верой в общественную честность.

ГЛАВА XVII

Родосский закон

Родосцы пошли еще дальше. Секст Эмпирик[115] говорит, что у них сын не мог отказаться уплачивать долги отца под предлогом отказа от наследства. Родосский закон был издан для республики, основанной на торговле. Но я думаю, что самый дух торговли требовал ограничить его тем условием, что долги, сделанные отцом с тех пор, как его сын стал сам заниматься торговлей, не касались бы имущества, приобретенного сыном. Купец должен всегда знать свои обязательства и во всех случаях поступать в соответствии с состоянием своего капитала.

ГЛАВА XVIII

О коммерческих судьях

Ксенофонт в книге *О доходах* выражает желание, чтобы те из заведующих торговлей чиновников, которые скорее всех оканчивают дела, получали за это награды. Он уже чувствовал надобность в нашей консульской юрисдикции.

Торговые дела очень мало доступны формальностям. Это действия повседневные, повторяющиеся изо дня в день, поэтому они должны и решаться ежедневно. Иной характер носят дела житейские, которые оказывают большое влияние на будущее, но случаются редко. Люди женятся один только раз; они не каждый день совершают дарственные записи или духовные завещания; они становятся совершеннолетними только в один определенный день своей жизни. Платон говорит, что в городе, где нет морской торговли, требуется вдвое меньше гражданских законов, чем в городах, где такая торговля имеется, — и это вполне справедливо. Торговля привлекает в страну разнообразные народы, она влечет за собой великое множество договоров, различных родов имущества и способов приобретения.

Поэтому в торговом городе судей меньше, а законов больше.

ГЛАВА XIX

О том, что государь не должен заниматься торговлей

Теофил, увидев корабль, нагруженный товарами для своей жены Феодоры, приказал его сжечь. «Я император, — сказал он ей, — а ты превращаешь меня в корабельщика. Чем будут существовать бедняки, если мы станем заниматься их промыслами?» Он мог бы добавить к этому: кто воспротивится нам, если мы станем заводить монополии? Кто заставит нас выполнять наши обязательства? Наши придворные вслед за нами тоже пожелают заняться торговлей, и они будут и жаднее, и несправедливее, чем мы. Народ полагается на наше правосудие, а не на наше богатство; множество налогов, ввергающих его в нищету, служит верным доказательством и нашей нищеты.

ГЛАВА XX

Продолжение той же темы

Когда португальцы и кастильцы господствовали в Ост-Индии, там имелись настолько выгодные отрасли торговли, что их государи не преминули ими завладеть. Это вызвало упадок их поселений в тех краях.

Вице-король в Гоа раздавал отдельным лицам исключительные привилегии. Но таким лицам никто не доверяет; торговля подвергается постоянным перерывам вследствие беспрестанной смены тех, кому она вверяется. Никто не заботится о процветании такой торговли, никто не смущается, передавая ее своему преемнику в разоренном виде. Прибыль со остается в руках немногих лиц и не распространяется широко.

ГЛАВА XXI

О торговле дворянства в монархии

Дворянство в монархии не должно заниматься торговлей. — Это противно духу

торговли. «Это причинило бы вред городам, — говорят императоры Гопорий и Феодосии, — и затруднило бы куплю-продажу для купцов и простого народа».

Занятие дворянства торговлей противно и духу монархии. Обычай, дозволивший в Англии дворянству торговать, послужил одной из причин, которые более всего содействовали ослаблению в ней монархического правления.

ГЛАВА XXII

Размышление по одному частному вопросу

Люди, прельщенные тем, что делается в некоторых государствах, полагают, что во Франции следовало бы издать законы для поощрения дворян к торговле. Но таким путем можно было бы только погубить дворянство этой страны, без всякой выгоды для ее торговли. В этой стране существует очень благоразумный обычай: купцы там не дворяне, но они могут стать дворянами. Они могут надеяться получить дворянство, не испытывая в настоящем связанные с ним неудобства. Самое верное средство подняться над своей профессией состоит для них в том, чтобы хорошо, т. е. с честью, заниматься ею, а это обычно зависит от способностей.

Законы, повелевающие каждому оставаться при его занятии и передавать его своим детям, полезны и могут быть полезными лишь в деспотических государствах, где не может и не должно быть соревнования.

И пусть мне не говорят, что каждый будет лучше выполнять обязанности, связанные с его званием, если он не будет иметь возможности его изменить. Я утверждаю, что люди будут лучше выполнять свои обязанности, если наиболее отличившиеся смогут надеяться возвыситься над своим званием.

Возможность приобретать дворянство за деньги весьма привлекает купцов и побуждает их стремиться к этому. Я не останавливаюсь здесь на вопросе о том, хорошо ли вознаграждать богатство тем, что по существу является наградой за добродетели. Есть государства, где и это может оказаться очень полезным.

Во Франции есть судейская знать, которая занимает среднее положение между народом и высшим дворянством и, не имея блеска последнего, обладает всеми его привилегиями. Это сословие, в котором отдельные личности ведут самый незаметный образ жизни, тогда как сословие в целом, как блюститель законов, окружено почетом и славой; это сословие, в котором можно отличиться лишь благодаря способностям и добродетели. Над этим почтенным дворянством возвышается другое, более славное, воинственное дворянство — то дворянство, которое, как бы ни было велико его богатство, считает необходимым стремиться его приумножить, но при этом находит, что стыдно заботиться об увеличении своего богатства, не растратив его предварительно. Это часть нации, в которой люди посвящают военной службе все свое имущество и, разорившись, уступают место другим, поступающим точно так же. Эти люди идут на войну, чтобы никто не смел сказать, что они не были на войне. Не имея надежды на приобретение богатства, они стремятся к приобретению почестей, а не достигнув почестей, утешают себя тем, что приобрели честь. Оба эти дворянства, без сомнения, содействовали величию своего государства. И если могущество Франции неуклонно возрастало на протяжении двух или трех столетий, то это следует приписать достоинству ее законов, а отнюдь не счастью, которому не свойственно такое постоянство.

ГЛАВА XXIII

Каким народам невыгодно заниматься торговлей

Богатства состоят из земель и движимостей. Землями в каждом государстве обыкновенно владеют его жители. В большинстве государств есть законы, которые отбивают у иностранцев охоту приобретать там земли, а между тем многие из этих земель при одном только присутствии хозяина и могут приносить доходы. Богатства этого рода принадлежат поэтому каждому государству в отдельности. Но движимые имущества, — каковы деньги, банковые билеты, векселя, акции компаний, корабли и всякие товары, — принадлежат всему миру; весь мир составляет по отношению к ним одно государство, членами которого являются все общества; и самый богатый народ тот, у кого всего более этих движимостей общемирового значения. Некоторые государства имеют их в огромном количестве. Они приобретают их продажей своих товаров, трудами своих ремесленников, своей промышленностью, своими открытиями и даже благодаря случаю. Корыстолюбие народов вовлекает их в борьбу за обладание всемирным имуществом, т. е. движимостями. При этом какое-нибудь несчастное государство может лишиться не только иностранных, но и почти всех своих собственных продуктов. Его землевладельцы станут работать на иностранцев; оно будет терпеть недостаток во всем и ничего не будет в состоянии приобрести. Лучше было бы, если бы оно не вело торговли ни с одним народом мира, так как именно эта торговля при обстоятельствах, в которых оно находилось, и довела его до бедности.

В стране, которая всегда вывозит товаров менее, чем ввозит, равновесие между ввозом и вывозом устанавливается по мере ее обеднения, так как, получая товары все в меньшем и меньшем количестве, она дойдет, наконец, до такой крайней бедности, что уже совсем не будет их получать.

В торговых странах деньги внезапно исчезают и столь же внезапно возвращаются обратно, потому что получившие их государства состоят в долгу у этих стран. Но в государствах, о которых идет речь, деньги никогда не возвращаются, потому что взявшие их не должны им ничего.

Примером такого государства может служить Польша. Того, что мы назвали всемирными движимостями, у нее почти вовсе нет, если не считать хлеба ее полей. Несколько магнатов владеет там целыми областями и притесняет землевладельцев, стараясь выжать из них как можно больше хлеба, чтобы, продав его иностранцам, приобрести предметы роскоши, которых требует их образ жизни. Народы Польши были бы счастливее, если бы она совсем не вела внешней торговли. Вельможи ее, не имея ничего, кроме хлеба, стали бы отдавать его для пропитания своим крестьянам. Слишком обширные владения сделались бы им в тягость, и они поделили бы их со своими крестьянами. Так как у всех было бы довольно кож и шерсти от животных, то не было бы надобности в огромных затратах на одежду, и вельможи, которые всегда любят роскошь, не имея возможности найти ее нигде, кроме своего отечества, стали бы поощрять бедных людей к труду. Я утверждаю, что такой народ пришел бы в более цветущее состояние, если бы только он не обратился в варварство; но последнее обстоятельство можно было бы предотвратить законами,

Посмотрим теперь на Японию. Чрезмерное обилие привозимых товаров вызывает их чрезмерный вывоз, и так как между ее ввозом и вывозом существует равновесие, то и самая чрезмерность их не приносит вреда; она даже может доставить государству множество выгод: у него будет больше предметов потребления, больше сырья для обработки, больше занятых работой людей, больше средств к приобретению могущества. В случаях, когда потребуются скорая помощь, такое изобилующее всем государство сможет оказать ее раньше других. Редко случается, чтобы в стране не было излишков; но торговле свойственно по ее природе делать излишние вещи полезными, а полезные необходимыми. Поэтому торговое государство может доставить необходимые вещи большему количеству своих подданных.

Итак, можно сказать, что от торговли проигрывают не те народы, которые ни в чем не нуждаются, а те, которые нуждаются во всем; и отсутствие внешней торговли выгодно не тем народам, у которых всего довольно, а тем, которые у себя ничего не имеют.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О законах в их отношении к торговле, рассматриваемой в свете переворотов, которые она претерпевала

ГЛАВА I.

Некоторые общие рассуждения

Хотя торговля подвержена великим переворотам, но бывает, что природа ее раз навсегда определяется некоторыми физическими причинами, каковы, например, качества почвы или климата.

Ныне мы ведем торговлю с Индией не иначе, как на деньги, которые посылаем туда. Римляне ежегодно отправляли туда около 50 миллионов сестерций, и эти деньги, как теперь наши, обращались там в товары, которые они вывозили на Запад. Все народы, торговавшие с Индией, всегда отправляли туда металлы и вывозили оттуда товары.

Причина этого лежит в самой природе. У индийцев существуют свои ремесла, приспособленные к их образу жизни. Их роскошь — не наша роскошь, и их нужды — не наши нужды, Климат их не требует и не позволяет им почти ничего из того, что исходит от нас. Они ходят по большей части нагими; подходящую для них одежду доставляет им их собственная страна. Их религия, имеющая столь сильную власть над ними, внушает им отвращение к тому, что служит нам пищей. Поэтому они нуждаются лишь в наших металлах, служащих знаками ценности, и отдают за них товары, которые благодаря природе страны и воздержанности этого народа имеются у него в изобилии. В описаниях древних авторов Индия является такой же, какой мы видим ее в настоящее время. Нравы, обычаи, порядки — все это осталось без изменения. Индия была и будет тем, что она есть теперь, и торгующие с ней народы всегда будут ввозить туда деньги, а не вывозить их оттуда.

ГЛАВА II

О народах Африки

Большая часть народов, живущих по берегам Африки, — дикари или варвары, Я думаю, что это в значительной степени происходит от того, что там небольшие удобообитаемые страны отделены друг от друга странами, почти совсем непригодными для обитания. У этих народов нет промышленности, нет ремесел, но есть изобилие драгоценных металлов, которые они получают непосредственно из рук природы; поэтому все цивилизованные народы могут выгодно торговать с ними. Они могут продавать им по весьма высоким ценам вещи, не имеющие никакой ценности.

ГЛАВА III

О том, что нужды южных народов отличаются от нужд северных народов

В Европе существует некоторое равновесие между народами юга и севера. Первые имеют всевозможные удобства для жизни и мало нужд; у вторых много нужд и мало удобств для жизни. Одним природа дала много, а они требуют от нее немногого; другим природа дала мало, а они требуют от нее многого. Равновесие между этими народами поддерживается ленью, которой природа наделила южные народы, и изобретательностью и энергией, которыми она наделила народы севера. Последние должны работать много, иначе они будут

нуждаться во всем и обратятся в варваров. У южных народов утвердилось рабство по той причине, что, легко обходясь без богатства, они еще легче могут обойтись без свободы. Ию народы севера требуют свободы, доставляющей им средства для удовлетворения нужд, которыми их наделила природа. Поэтому северные народы подавлены природой, если они не свободны или не варвары; а почти все южные народы, если они не рабы, то во всяком случае находятся под гнетом насилия.

ГЛАВА IV

Главное различие между торговлей в древности и в настоящее время

От времени до времени мир претерпевает изменения, которые отражаются на торговле. Ныне европейская торговля ведется преимущественно между севером и югом; таким образом, причиной, по которой народы нуждаются в чужих товарах, является различие климатов. Так, например, напитки юга, вывозимые на север, составляют статью торговли, совсем неизвестную древним, и самая вместимость кораблей, которая прежде измерялась хлебными мерами, ныне измеряется мерами жидких тел.

Известная нам торговля древних, производившаяся между портами Средиземного моря, велась почти исключительно на юге. Но народы одного и того же климата, имеющие приблизительно одинаковые товары, не так нуждаются в торговле друг с другом, как народы различных климатов. Поэтому торговля в Европе была прежде менее обширна, чем в настоящее время.

И это нисколько не противоречит тому, что я сказал о нашей торговле с Индией, потому что при чрезмерной разнице в климате потребность в обмене продуктами совсем уничтожается.

ГЛАВА V

Другие различия

Торговля, то уничтожаемая завоевателями, то стесняемая монархами, странствует по свету, убегая оттуда, где ее угнетают, и отдыхая там, где ее не тревожат. Ныне мы видим ее царствующей там, где прежде были одни только моря, пустыни да скалы, и видим одни только пустыни там, где она царила прежде.

Кто бы сказал теперь, что Колхида, представляющая собой ныне один громадный лес с населением, которое, уменьшаясь с каждым днем, отстаивает свою свободу лишь для того, чтобы продавать себя в розницу туркам или персам, что Колхида во времена римлян изобиловала городами, торговля которых привлекала туда все народы мира. В стране не сохранилось ни одного памятника от этих времен, мы находим упоминания о них только у Плиния и Страбона.

История торговли есть история общения народов. Произведенные ими разрушения да те или иные приливы и отливы народов с сопровождавшими их опустошениями составляют величайшие события в ее летописях.

ГЛАВА VI

О торговле древних народов

Бесчисленные сокровища Семирамиды, приобретение которых не могло быть делом одного дня, приводят нас к заключению, что ассирийцы ограбили немало богатых народов, прежде чем сами были ограблены.

Торговля ведет к богатству, богатство ведет к роскоши, а роскошь — к усовершенствованию ремесел. Высокий уровень развития ремесел во время Семирамиды свидетельствует о существовавшей уже тогда обширной торговле.

В государствах Азии велась большая торговля предметами роскоши. История роскоши составила бы одну из прекраснейших страниц в истории торговли. Роскошь персов была роскошью мидян, а роскошь мидян — роскошью ассирийцев. Северо-восточная часть Персии, Гиркания, Маргиана, Бактрия и др. были некогда усеяны цветущими городами, которых уже нет. Север этой страны, т. е. перешеек, отделяющий Каспийское море от Черного, также был покрыт городами и народами, которых тоже уже нет.

Эратосфен[114] и Аристокл[115] сообщают на основании Пат-рокла, что товары Индии переправлялись по Аму-Дарье в Черное море. Марк Вяррон говорит, что при Помпее, во время войны с Митридатом, римляне узнали, что из Индии можно в семь дней добраться до Бактрии и до реки Икары, впадающей в Аму-Дарью, по которой товары Индии могли переправиться через Каспийское море и войти в устье Кира, а от этой реки дней через пять сухого пути достигнуть реки Фаза, приводившей к Черному морю. При помощи народов, населявших эти различные страны, великие империи ассирийцев, мидян и персов, без сомнения, и устанавливали связи с самыми отдаленными областями Востока и Запада.

Этих путей сообщения теперь уже нет. Все эти страны были опустошены татарами, и этот разрушительный народ все еще живет там на их пагубу. Аму-Дарья уже не впадает в Каспийское море. Татары в собственных интересах отвели от него течение этой реки, и она исчезает в песчаных пустынях.

Река Сыр-Дарья, составлявшая прежде границы между цивилизованными и варварскими народами, тоже отведена татарами и уже не доходит до моря.

Селевк Никатор вознамерился было соединить Черное море с Каспийским. Но это намерение, которое значительно облегчило бы торговлю того времени, не было выполнено после его смерти. Неизвестно, смог ли бы он осуществить его на перешейке, разделяющем оба моря. Эта страна ныне очень мало известна. Она бедна населением и покрыта лесами. В водах там нет недостатка благодаря бесчисленному множеству рек, стекающих с Кавказских гор. Но самый Кавказ, образующий северную часть перешейка и простирающий свои отроги к югу, оказался бы великим препятствием, особенно в те времена, когда совсем не было известно искусство строить шлюзы.

Можно предположить, что Селевк хотел соединить оба моря в том самом месте, где впоследствии это было сделано царем Петром I, т. е. на той полосе земли, где Дон приближается к Волге. Но северное побережье моря тогда еще не было исследовано.

В то время как в азиатских империях торговля велась предметами роскоши, купцы Тира во всех странах мира вели экономичную торговлю. Бошар посвятил первую книгу своего Ханаана перечислению их колоний во всех приморских странах; они проникли за Геркулесовы столпы и основали поселения на берегах океана.

В те времена мореплаватели должны были держаться берегов, которые служили им своего рода компасом. Путешествия были долгие и трудные. Мореплавание Одиссея послужило благородной темой для прекраснейшей в мире поэмы, созданной после первой из всех поэм[116].

Недостаточная осведомленность большей части народов относительно отдаленных стран благоприятствовала народам, которые вели экономичную торговлю. Они могли держать втайне свои торговые операции и пользовались всеми преимуществами образованных народов перед невежественными.

Египет, отрешенный своей религией и нравами от всякого общения с иностранцами, совсем не вел внешней торговли:

плодородная почва и чрезвычайное изобилие всех земных благ приносили ему процветание. Это была Япония тех времен; он довольствовался тем, что имел у себя.

Египтяне так мало заботились о внешней торговле, что предоставили всю торговлю по Красному морю мелким народам, которые в той или иной мере принимали в ней участие.

Они допустили, что идумеяне, евреи и сирийцы держали на этом море свои флоты. Соломон использовал для плавания по этому морю тирян, которым оно было известно.

Иосиф говорит, что его народ, занимавшийся единственно земледелием, был мало знаком с мореплаванием; и действительно, евреи стали торговать на Красном море лишь благодаря случаю. Они завоевали в войне с идумеянами Элаф и Азионгабер, которые и доставили им эту торговлю. Лишившись этих двух городов, евреи лишились и их торговли. Иначе обстояло дело у финикийцев: они торговали предметами роскоши и не вели торговли, связанной с завоеваниями, но благодаря своей воздержанности, ловкости, изобретательности, бесстрашию и неутомимости они сумели стать необходимыми для всех пародов мира.

Народы, жившие близ Красного моря, вели торговлю только по этому морю и по озерам Африки. Об этом ясно свидетельствует всеобщее изумление, вызванное открытием Индийского моря при Александре. Мы уже сказали, что драгоценные металлы всегда ввозятся в Индию, но никогда не вывозятся оттуда. Еврейские корабли, привозившие золото и серебро через Красное море, возвращались из Африки, а не из Индии. Более того, это мореплавание совершалось вдоль восточного берега Африки, и состояние тогдашнего мореходства служит достаточным доказательством того, что купеческие корабли не заходили в слишком отдаленные страны.

Я знаю, что флоты Соломона и Иосафата вернулись лишь на третий год после отплытия; но я не считаю, что продолжительность путешествия может служить доказательством дальности пройденного расстояния.

Илиний и Страбон говорят, что греческий или римский корабль проходил в семь дней тот путь, который корабли Индии или Красного моря, построенные из тростника, проходили в двадцать дней. Согласно этой пропорции один год пути для греческих и римских кораблей равнялся почти трем годам пути для кораблей Соломона.

Продолжительность путешествия двух кораблей, имеющих различную скорость, не всегда пропорциональна их скорости. Одно промедление часто влечет за собой другое, еще большее промедление. Когда в плавании надо держаться берегов, и постоянно изменять курс, выждать одного благоприятного ветра для выхода из залива и другого для того, чтобы продвигаться вперед, хорошее парусное судно сумеет использовать каждый благоприятный момент, между тем как худшее будет оставаться в неудобном месте и выждать по нескольку дней перемены ветра.

Медленность индийских кораблей, совершавших лишь третью часть того пути, который за то же время проходили корабли греков и римлян, может найти объяснение в опыте современного мореплавания. Дело в том, что индийские суда, построенные из тростника, сидели в воде менее глубоко, чем греческие и римские корабли, построенные из дерева и скрепленные железом.

Эти индийские суда можно сравнить с кораблями некоторых современных пародов, гавани которых неглубоки, как, например, в Венеции и вообще в большей части итальянских городов, а также в балтийских и голландских портах.

Корабли, которые должны выходить из этих гаваней и возвращаться в них, имеют круглую форму и плоское дно, тогда как корабли других пародов, имеющих глубокие гавани, построены так, чтобы они могли глубоко сидеть в воде. Вследствие такого устройства эти корабли могут пользоваться и боковыми! ветрами, между тем как первые — только одним по-путным. Корабль, глубоко сидящий в воде, идет, не меняя курса, почти при всяком ветре, что зависит от сопротивления воды, которое при противном ветре дает ему точку опоры, и от удлиненной формы корабля, благодаря которой, повернувшись в бейдештнд, он может идти и при боковом ветре, т. е. повернувшись боком к той стороне, откуда дует ветер. Но если корабль имеет круглую и плоскодонную форму и, следовательно, мало погружается в воду, то у него уже нет точки опоры; в таком случае ветер гонит корабль, который, не имея возможности противиться ему, плывет лишь по ветру. Отсюда следует, что плоскодонные корабли совершают свой путь медленнее других, так как. 1) они теряют много времени на

выжидание благоприятного ветра, в особенности, когда должны часто изменять направление, и 2) потому что, не имея точки опоры, не могут иметь и столько парусов, как другие корабли. И если в наше время, когда мореплавание так усовершенствовано, когда взаимодействие между различными ремеслами достигло такой высокой ступени, когда искусство исправляет недостатки не только природы, но и самого искусства, если в такое время эти различия все еще дают себя чувствовать, то какова же была их роль в мореплавании древних?

Не могу не добавить еще несколько слов по этому вопросу. Индийские корабли были малы, а корабли греков и римлян, за исключением отдельных гигантов, сооружавшихся из тщеславия, были меньше наших. Но чем меньше корабль, тем опаснее для него бури. Буря, которая на большом корабле вызовет только качку, может затопить судно меньших размеров. Чем больше объем тела, тем относительно менее его поверхность по сравнению с другим телом меньшего объема, откуда следует, что меньший корабль имеет и меньшую вместимость, или, что то же, — большую разницу между величиной его поверхности и весом груза, который он в состоянии вынести. Известно, что по общепринятому обычаю корабли нагружаются так, чтобы вес груза равнялся половине веса воды, которую мог бы вместить корабль. Так, если корабль может содержать 800 топи воды, то вес его груза будет равен 400 тоннам, между тем как для корабля, вмещающего лишь 400 тонн воды, он будет равен 200 тоннам. Отсюда, объем первого корабля относится к весу его груза, как 8 к 4; а объем второго, как 4 к 2. Если предположить, что поверхность большего корабля относится к поверхности меньшего, как 8 к 6, то поверхность последнего будет относиться к весу его груза, как 6 к 2, между тем как поверхность первого — к его грузу, лишь как 8 к 4; и так как ветер и волны действуют лишь на поверхность, то больший корабль своим весом окажет более значительное сопротивление их напору, чем меньший.

ГЛАВА VII О торговле греков

Греки древнейшего периода все были пиратами. Минос, владычествовавший над морями, может быть, только удачнее прочих разбойничал. Владычество его было ограничено пределами его острова. Но когда греки стали сильным народом, афиняне приобрели действительное владычество над морем, так как этот торговый и победоносный народ предписывал законы самому могущественному монарху того времени и разрушал морские силы Сирии, Кипра и Финикии.

Я должен остановиться на этом владычестве афинян над морем. «Афины, — говорит Ксенофонт, — господствуют над морем, но так как Аттика находится на материке, то неприятель опустошает ее в то время, когда ее войска совершают отдаленные походы. Знатные люди отвозят свои имущества для сохранения на какой-нибудь остров и допускают, чтобы неприятель разорял их земли, а простой люд, вовсе не имеющий земель, живет ни о чем не беспокоясь. Но если бы афиняне жили на острове и в то же время господствовали над морем, то они, будучи владыками моря, могли бы вредить всем, между тем как им самим никто не мог бы вредить». Можно подумать, что, говоря это, Ксенофонт имел в виду Англию.

Афины, постоянно стремившиеся к славе, вызывавшие зависть к себе, вместо того чтобы усиливать свое влияние, более заботившиеся о расширении своего морского владычества, чем о том, чтобы им пользоваться, — эти Афины с их политическим строем, дозволявшим черни делить общественные доходы, между тем как богатые люди подвергались угнетению, не вели такой обширной торговли, какую они могли бы вести благодаря своим рудникам, множеству рабов, многочисленным морякам, своей власти над греческими городами и, главное, благодаря превосходным законам Солона. Торговля их почти ограничивалась Грецией и берегами Черного моря, откуда они и получали все нужное для себя.

Коринф пользовался превосходным положением: он лежал на перешейке между двумя морями, он открывал и замыкал вход в Пелопоннес и в самую Грецию. Этот город имел огромное значение в то время, когда Греция была целым миром, а ее города — народами. Его торговля была обширнее афинской. У него был отдельный порт для азиатских товаров и другой — для итальянских. Так как моряки встречали большие затруднения при огибании Малейского мыса, где от столкновения противоположных ветров происходят кораблекрушения, то они предпочитали заходить в гавани Коринфа, откуда можно было перетащить судно волоком до другого моря. Ни в одном городе произведения искусства не достигали такого совершенства. Религия довершила порчу того, что осталось еще не поврежденным роскошью в нравах Коринфа. Она воздвигла там храм Венере, которому было посвящено более тысячи куртизанок. Из этой-то школы и вышла большая часть тех знаменитых прелестниц, историю которых осмелился написать Атеней.

Во времена Гомера самыми богатыми городами Греции были, по-видимому, Родос, Коринф и Орхомен. «Юпитер, — говорит он, — возлюбил родосцев и даровал им большие богатства», Коринфу Гомер дает эпитет богатого.

Когда же он заводит речь о городах, имеющих много золота, то упоминает Орхомен, который ставит рядом с египетскими Фивами. Родос и Коринф сохранили свое могущество, а Орхомен утратил его. Положение Орхомена вблизи Геллеспонта, Пропонтиды и Черного моря естественно наводит на мысль, что он обогащался от торговли, производившейся по берегам этих морей, которая дала повод к возникновению легенды о золотом руне. Действительно, и жителей Орхомена, и аргонавтов называли одним общим именем миниев. Когда же впоследствии эти моря стали более известны, когда греки основали по их берегам множество колоний, установивших торговые сношения с варварскими пародами и вступивших в общение со своей метрополией, то Орхомен начал приходить в упадок и смешался с другими городами Греции.

Греки до Гомера торговали только между собою и с некоторыми варварскими народами; но по мере того, как они образовывали новые народы, владычество их расширялось. Греция была большим полуостровом, мысы которого, казалось, отодвигали от нее море, а заливы со всех сторон открывались перед ним как бы для того, чтобы снова привлечь его к земле. Бросив взгляд на Грецию, мы увидим довольно узкую полосу земли с большим протяжением берегов. Ее бесчисленные колонии образовали вокруг нее громадную окружность, которая охватывала, так сказать, весь цивилизованный мир. Проникая в Сицилию и Италию, к Черному морю, к берегам Малой Азии и Африки, она создавала там новые народы. Благополучие ее городов возрастало пропорционально их близости к этим народам. И — что было особенно прекрасно — ее окружали бесчисленные острова, которые как бы составляли первую линию ее ограды.

Я уже не говорю о том, каким важным источником благополучия для Греции были ее игры, которые она устраивала, так сказать, для всей вселенной; эти храмы, куда посылали вклады все цари; эти празднества, на которые стекались толпы со всех концов; эти оракулы, которые привлекали к себе всеобщее любопытство; наконец, этот вкус и эти искусства, доведенные до такой высокой степени совершенства, что попытка превзойти их всегда будет означать лишь неспособность их понять!

ГЛАВА VIII

Об Александре и его завоеваниях

Большой переворот в торговле произвели следующие четыре события, случившиеся при Александре: взятие Тира, завоевание Египта, завоевание Индии и открытие моря, которое находится к югу от этой страны.

Персидская империя простиралась до Инда. Задолго до Александра Дарий послал корабли, которые спустились по этой реке и достигли Красного моря. Почему же греки

первые завязали торговые отношения с Индией с юга? Почему не предупредили их персы? К чему послужила персам близость морей, омывавших их государство? Правда, Александр покорил Индию, но разве необходимо покорить страну для того, чтобы торговать с нею! Исследуем все эти вопросы.

Ариана, простиравшаяся от Персидского залива до Инда и от Аравийского моря до гор Паропамиза, находилась в некоторой зависимости от персидской империи; но в южной своей части это была страна бесплодная, выжженная солнцем, необработанная и варварская. Предание говорит, что в ее пустынях погибли войска Семирамиды и Кира; и сам Александр, за которым следовал его флот, не избежал там потери большей части своего войска. Персы оставили весь берег этой страны во власти ихтиофагов, ориттов и других варваров. К тому же персы не были мореплавателями, и самая религия их не позволяла им и думать о морской торговле. Произведенный Да-рием опыт плавания по Инду и Индийскому морю был более прихотью государя, желающего показать свое могущество, чем обдуманном намерением монарха, умеющего пользоваться этим могуществом. Этот опыт ничем не обогатил ни торговлю, ни мореплавание, и если он и привел к приобретению каких-то новых познаний, то эти познания вскоре были утрачены.

Более того, до похода Александра южная часть Индии считалась необитаемой; к такому заключению приводило предание, сообщавшее, что Семирамида вывела оттуда только двадцать человек, а Кир — семь.

Александр вступил в Индию с севера. Он намеревался идти далее на восток, но когда выяснилось, что южная часть страны изобилует многочисленными народами, городами и реками, он попытался покорить ее — и покорил.

Затем он вознамерился связать Индию с Западом посредством морской торговли, подобно тому как он уже установил связь между этими странами посредством колоний, основанных им на суше.

Он построил флот на Гидаспе, поплыл вниз по этой реке, а затем по Инду и спустился до устья Инда. Оставив войско и флот в Патале, он отправился с несколькими кораблями осматривать море и назначил места для устройства портов, пристаней и арсеналов. Вернувшись в Паталу, он отделился от флота и пошел сушей так, чтобы его сухопутные и морские силы могли оказывать помощь друг другу. Флот следовал за армией от устья Инда вдоль владений ориттов, ихтиофагов, Карамании и Персии. Александр велел рыть колодцы, строить города и запретил ихтиофагам питаться одной рыбой; он желал, чтобы берега этого моря были населены цивилизованными народами. Нearch и Онесикрит вели дневник этого плавания, продолжавшегося десять месяцев. Прибыв в Сузы, они нашли там Александра, дававшего празднества своему войску.

Этот завоеватель основал Александрию для того, чтобы закрепить за собой Египет; она была для него ключом, отпиравшим двери этой страны в том самом месте, где предшествовавшие ему цари имели ключ, чтобы запирали их, и он тогда еще не помышлял о той торговле, мысль о которой могла зародиться у него лишь после открытия Индийского моря.

Пожалуй, даже после этого открытия у него не зародилось никаких новых планов насчет Александрии; и хотя он вообще и намеревался установить торговлю между Индией и западными частями своей империи, но у него было еще слишком мало сведений для того, чтобы он мог помыслить вести ее через Египет. Он видел Инд, видел Нил, но ничего не знал о находящихся между ними морях Аравии. Однако по возвращении из Индии он тотчас же велел построить новые флоты, совершил плавания по морю, а также по Эвфрату, Тигру и Евфрату, уничтожил пороги, сделанные на этих реках персами, и открыл, что Персидский залив представляет собою часть океана. И так как он обследовал это море, как прежде Индийское, построил в Вавилоне арсеналы и порт для тысячи кораблей, послал в Финикию и Сирию 500 талантов для вывоза оттуда моряков, которых хотел разместить в колониях, основанных им на морских берегах; так как, наконец, он произвел большие работы на Евфрате и других ассирийских реках, то не может быть никакого сомнения в том, что он

намеревался вести торговлю с Индией через Вавилон и Персидский залив.

Некоторые писатели, основываясь на том, что Александр хотел покорить Аравию, утверждали, что он имел намерение перенести туда столицу своей империи; но разве он мог выбрать для этой цели место, которого сам не знал? К тому же Аравия подходила для этого менее, чем какая бы то ни было другая страна на свете: она отдалила бы его — от его империи. Калифы, завоевав отдаленные страны, не замедлили покинуть Аравию, чтобы поселиться в других местах.

ГЛАВА IX

О торговле греческих царей после Александра

Когда Александр покорил Египет, Красное море было еще очень мало известно и совсем неизвестна та часть океана, которая соединяется с этим морем и с одной стороны омывает берега Африки, а с другой — берега Аравии. Даже в более поздние времена считалось невозможным объехать морем Аравийский полуостров, и лица, пытавшиеся с разных сторон осуществить этот объезд, отказались от своего замысла. «Возможно ли, — говорили тогда, — плавать у южных берегов Аравии, когда войско Камбиза, прошедшее северной частью этой страны, почти все погибло, а войско, посланное Птолемеем, сыном Лага, в Вавилон на помощь Селевку Никатору, терпело невероятные бедствия и из-за зноя могло идти только ночью?»

Персы совсем не занимались мореплаванием. Покорив Египет, они внесли в него тот же дух, который господствовал в их собственной стране. Сами же они отличались такой поразительной небрежностью в этом отношении, что, по свидетельству греческих царей, ничего не знали не только о путешествиях по океану тирян, идумеян и евреев, но даже и о мореплавании по Красному морю. Я думаю, что в результате уничтожения Навуходоносором первого Тира и разных племен и городов близ Красного моря были утрачены все сведения, накопленные в более раннее время.

В эпоху персов Египет не соприкасался с Красным морем; всю его территорию составляла длинная и узкая полоса земли орошаемая наводнениями Нила и сжатая с обеих сторон горными цепями. Поэтому надо было вторично открыть и Красное море, и океан. Честь этого открытия принадлежит любознательности греческих царей.

При них совершались плавания к истокам Пила; стали охотиться на слонов в странах между Нилом и морем; открыли берега этого моря, дойдя до них сухим путем; и так как эти открытия были сделаны в эпоху владычества греков, то названия новооткрытым местам были даны греческие, и храмы были посвящены греческим богам.

Египетские греки могли вести обширную торговлю. Они владели портами Красного моря, Тир — соперник всякой торговой нации — уже не существовал, древние предрассудки страны не стесняли их — так Египет стал центром вселенной.

Сирийские цари оставили царям Египта южную торговлю с Индией и занялись лишь тою северной торговлей, которая велась через Аму-Дарью и Каспийское море. В то время думали, что это море составляет часть Северного океана, и Александр незадолго до своей смерти построил флот, чтобы разведать, не сообщается ли оно с океаном через Черное море или через какое-нибудь другое восточное море, лежащее на пути в Индию. После него Селевк и Антиох обратили особое внимание на исследование этого моря и держали на нем флоты. Часть его, открытая Селевком, названа морем Селевка, а часть, открытая Антиохом, — Антиохийским морем. Внимательно следя за всем, что могло быть предпринято с этой стороны, эти цари пренебрегали южными морями, может быть, потому, что там Птолемеи флот уже господствовал, или потому, что они заметили в персах непобедимое отвращение к мореплаванию. Южный берег Персии не поставлял матросов; они появились там лишь в последние годы жизни Александра. Между тем египетские цари, владевшие Кипром, Финикией и множеством мест на берегах Малой Азии, имели все средства для морских

предприятий. Им не приходилось для этого идти наперекор духу своих подданных; надо было только, чтобы они ему следовали.

Трудно понять, почему древние так упорно держались мнения, что Каспийское море составляет часть океана. Экспедиции Александра, сирийских царей, парфян и римлян не могли разубедить их в этом. Люди вообще склонны как можно дольше сохранять свои заблуждения. Сначала была известна только южная часть Каспийского моря, и ее принимали за океан, а когда начали исследовать берега его северной части, то думали, что здесь океан вдается в землю. Это береговое мореплавание с востока достигало только Аму-Дарьи, а с запада — пределов Албании. Северная сторона моря была тинистая и потому малопригодная для судоходства. По всем этим причинам его продолжали принимать за океан.

Войско Александра с восточной стороны дошло только до реки Гипаниса, последней из впадающих в Инд, поэтому первоначально торговля греков с Индией производилась лишь в очень небольшой части страны. Селевк Никатор проник до Ганга, что привело к открытию моря, куда впадает эта река, т. е. Бенгальского залива. Ныне открывают земли посредством морских путешествий; прежде открывали моря посредством завоевания земель.

Страбон, несмотря на свидетельство Аполлодора, повидимому, сомневается, чтобы греческие цари Бактрии заходили далее, чем Селевк и Александр. Но если они и действительно не проникли дальше Селевка на восток, то они проникли дальше на юг: они открыли Сигер и малабарские порты, подавшие повод к мореплаванию, о котором я сейчас буду говорить.

Плиний сообщает нам, что плавание в Индию совершалось последовательно тремя путями. Сначала отправлялись от Сиагрского мыса к острову Паталена, расположенному в устье Инда: это путь флота Александра. Потом избрана была более короткая и верная дорога; ее начинали от того же мыса, идя к Сигеру. Этот Сигер не может быть ничем иным, кроме царства Сигерского, о котором говорит Страбон и которое было открыто греческими царями Бактрии. Плиний мог назвать этот путь более коротким только потому, что на него тратилось менее времени, так как Сигер должен был лежать далее Инда, ибо он был открыт царями Бактрии; но этот путь избирали, вероятно, для того, чтобы избежать обхода разных берегов и воспользоваться некоторыми ветрами. Наконец, купцы* открыли еще третий путь: они отправлялись в Кан или Окел — два порта, расположенные в устье Красного моря, — откуда с западным ветром достигали первой индийской пристани Музирис и шли далее к другим портам.

Отсюда видно, что вместо того, чтобы идти от устья Красного моря до Сиагры, поднимаясь вдоль северо-восточных берегов Счастливой Аравии, они шли прямо с запада на восток, используя муссоны, которые были открыты во время плаваний по этим местам. Древние удалялись от берегов только, когда могли пользоваться муссонами и пассатами, которые были для них своего рода компасом.

Плиний говорит, что в Индию отправлялись в середине лета, а возвращались оттуда к концу декабря или началу января. Это совершенно согласно с дневниками мореплавателей нашего времени. В той части Индийского моря, которая находится между полуостровом, образованным Африкой, и полуостровом к западу от Ганга, есть два муссона: один, дующий с запада на восток, начинается в августе — сентябре, другой, дующий с востока на запад, начинается в январе. Мы и теперь отправляемся из Африки в Малабар в то же самое время, когда туда отправлялись флоты Птолемея, и в одно время с ними возвращаемся оттуда.

Флот Александра употребил семь месяцев на путь от Паталы до Суз. Он отплыл в июле,* т. е. в такое время, когда в наши дни ни один корабль не рискнет пуститься в обратный путь из Индии. В период между тем и другим муссоном дуют переменные ветры. В это время северный ветер, смешавшись с обычными ветрами, производит, особенно вблизи берегов, ужасные бури. Это продолжается три месяца — июнь, июль и август. Флот Александра, отправившийся из Паталы в июле, перенес немало бурь, и путешествие его продолжалось долго, потому что он плыл при противном муссоне.

Плиний говорит, что в Индию отправлялись в конце лета, следовательно, пользовались

временем смены муссона для совершения пути от Александрии к Красному морю.

Обратите внимание на то, как постепенно усовершенствовалось мореплавание. Предпринятая по приказанию Дария экспедиция, спустившаяся по Инду и достигшая Красного моря, продолжалась два с половиной года. Флот Александра, отплывший вниз по Инду, прибыл в Сузы через десять месяцев, причем плавание по Инду заняло три месяца, а по Индийскому морю — семь. Впоследствии путь от малабарского берега до Красного моря совершался в сорок дней,

Страбон, объясняя причины неизвестности стран между Гипанисом и Гангом, говорит, что лишь немногие из мореплавателей, отправляющихся из Египта в Индию, доходят до Ганга. И действительно, флоты туда не ходили; они шли по направлению муссонов с запада на восток, от устья Красного моря до малабарского берега. Они останавливались в имевшихся там портах и не предпринимали объезда полуострова к западу от Ганга через мыс Коморин и по коромандельскому берегу. И у египетских царей, и у римлян был один план мореплавания — возвратиться в том же году.

Поэтому торговля греков и римлян никак не могла сравниться по объему с торговлей, которую ведем мы; нам известны громадные страны, о существовании которых они даже не подозревали; мы ведем торговлю со всеми народами Индии; более того, ведем даже их торговлю и плаваем для них.

Но им было легче вести эту торговлю, чем нам; и если бы мы ограничились ныне торговлей по берегам Гузарата и Мала-бара и, не заходя на южные острова, довольствовались товарами, которые приносили бы к нам островитяне, то тогда следовало бы предпочесть путь через Египет пути вокруг мыса Доброй Надежды. Страбон говорит, что так велась торговля с народами Такробапа.

ГЛАВА X

О путешествиях вокруг Африки

Из истории известно, что до изобретения компаса было четыре попытки объехать Африку. Финикийцы, посланные Нехо, и Эвдокс бежавший от гнева Птолемея-Латура, отплыли из Красного моря; их путешествие увенчалось успехом. Сатасп при Ксерксе и Ганнон, посланный карфагенянами, отправились от Геркулесовых столпов и потерпели неудачу.

Самым важным в путешествиях вокруг Африки было открыть и обогнуть мыс Доброй Надежды. Но при отправлении из Красного моря этот мыс был на полпути ближе, чем при отправлении из Средиземного моря. Берега между Красным морем и мысом Доброй Надежды имеют более здоровый климат, чем берега между этим мысом и Геркулесовыми столпами. Для того чтобы мореплаватели, отправлявшиеся от Геркулесовых столпов, могли открыть мыс Доброй Надежды, необходимо было изобретение компаса, благодаря которому можно было удалиться от берегов Африки и плыть по обширному океану, направляясь к острову св. Елены или к берегам Бразилии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что корабли, отбившие из Красного моря, доходили до Средиземного, но из Средиземного моря не доходили до Красного.

Поэтому, чтобы не совершать такого не допускавшего возвращения объезда, удобнее было вести торговлю с восточной Африкой через Красное море, а с западной — через Геркулесовы столпы.

Греческие цари Египта сначала открыли в плаваниях по Красному морю ту часть африканского берега, которая простирается от города Герума до Диры, т. е. до нынешнего Баб-эль-Мандебского пролива. Отсюда до мыса Ароматов, лежащего у входа в Красное море, берег не был исследован мореплавателями. Это явствует из сообщения Артемидора, который говорит, что порты этого берега известны, но неизвестно расстояние между ними — обстоятельство, объясняющееся тем, что их открывали порознь со стороны суши и не

совершали переходов от одного порта к другому.

Далее же этого мыса, где начинается берег океана, уже ничего не было известно, как свидетельствуют Эратосфен и Артемидор.

Таковы были сведения о берегах Африки в эпоху Страбона, т. е. в эпоху Августа. Но после Августа римляне открыли мысы Раптум и Прассум, о которых Страбон ничего не говорит, потому что тогда они еще не были известны. Как мы видим, мысы эти носят римские названия.

Географ Птоломей жил при Адриане и Антонине, а автор «Перипла Эритрийского моря», кто бы он ни был, жил немного позднее. Однако первый считает пределом известной в то время Африки мыс Прассум, лежащий близ 14-го градуса южной широты, а автор «Перипла» ограничивает ее мысом Раитум, лежащим почти на 10-м градусе той же широты. Весьма вероятно, что последний назвал в качестве предела место, куда в то время ездили, а Птоломей — место, куда не ездили.

Мне кажется, эта мысль подтверждается тем, что народы, обитавшие около мыса Прассум, были людоеды. Птоломей, сообщая о многих местах между портом Ароматов и мысом Раптум, ни слова не говорит об областях, расположенных между мысами Раптум и Прассум.

Большие выгоды, доставляемые индийским мореплаванием, заставили пренебречь африканским. Наконец, римляне никогда не имели регулярного мореходства вдоль берегов Африки. Они открыли эти порты или с суши, или же благодаря бурям, которые заносили корабли к этим берегам. И если теперь мы знаем довольно хорошо берега Африки и очень плохо — ее внутренние области, то римляне, наоборот, были довольно хорошо знакомы с центральной частью этой страны и очень плохо — с ее побережьем,

Я сказал, что посланные Пехо финикийцы и Эвдокс при Птолемею-Латуре совершили путешествия вокруг Африки. Весьма вероятно, что оба эти путешествия считались баснословными во времена географа Птолемея, так как последний говорит о существовании неизвестной страны, которая простирается от *Великого залива* — вероятно, нынешний Сиамский залив — и, соединяя Азию с Африкой, примыкает к мысу Прассум, вследствие чего Индийское море должно было бы оказаться озером. Древние, проникнув в Индию с севера и продвинувшись к востоку, помещали эту неведомую страну на юге.

ГЛАВА XI Карфаген и Марсель

В международном праве карфагенян имелось одно весьма своеобразное положение: они топили всех иностранцев, торговавших в Сардинии и у Геркулесовых столпов. Не менее необычайно было и их государственное право: оно запрещало сардинцам под страхом смертной казни обрабатывать землю. Карфаген усилил свою власть посредством богатства, а потом стал умножать богатства посредством власти. Овладев средиземноморским побережьем Африки, он распространил свои владения вдоль берегов океана. Ганнон по повелению карфагенского сената поселил 30 тысяч карфагенян на пространстве от Геркулесовых столпов до Церпси. Он говорит, что это место находится на таком же расстоянии от Геркулесовых столпов, как Геркулесовы столпы от Карфагена. Такое положение весьма замечательно; оно показывает, что Гаипон ограничил свои поселения 25-м градусом северной широты, т. е. на два или три градуса южнее Капарских островов.

Из Церпеи Ганнон предпринял новое плавание к югу с целью новых открытий. Он не собрал почти никаких сведений о континенте и, проплавав у берегов 26 дней, вынужден был возвратиться вследствие недостатка продовольствия. Кажется, карфагеняне несколько не воспользовались этим предприятием Ганнона. Сцилак говорит, что по ту сторону Церпеи море неудобно для судоходства, потому что оно там мелко, илесто и покрыто морскими травами; действительно, всего этого имеется вдоволь в тех местах. Карфагенских купцов, о

которых говорит Сцилак, могли остановить препятствия, которые смог преодолеть Ганнон со своими 60 пятидесяти-весельными кораблями. Затруднения — дело относительное; кроме того, нельзя же смешивать обыкновенное житейское дело с предприятием, которое было продиктовано смелостью и дерзкой отвагой.

Описание путешествия Ганиона — одно из прекрасных творений древности. Оно написано тем самым человеком, который его совершил. В нем не заметно и следа тщеславия. Великие мореплаватели описывают свои подвиги просто, потому что они более гордятся своими делами, чем словами.

Содержание его соответствует стилю. Здесь нет ничего чудесного, Все, что рассказывает Гапнон о климате, почве, правах и обычаях жителей, — все это мы видим и теперь на этом африканском берегу; можно подумать, что перед нами дневник современного мореплавателя.

Гапнон заметил во время своего путешествия, что днем на континенте царила глубокая тишина, а по ночам там раздавались звуки разных музыкальных инструментов и повсюду видны были огни различной яркости. Подтверждение этого встречается в сообщениях наших мореплавателей; там говорится, что днем эти дикари укрываются в лесах от солнечного зноя, а по ночам раскладывают большие костры, чтобы отогнать диких зверей, и что они страстно любят танцы и музыку.

Ганнон описывает вулкан со всеми теми явлениями, которые ныне наблюдаются на Везувии, и даже его рассказ о двух косматых женщинах, кожу которых он привез в Карфаген, так как сами они предпочли быть убитыми, чем следовать за карфагенянами, не так невероятен, как думают.

Это сообщение особенно драгоценно, как пунический памятник, и на том основании, что оно было пуническим памятником, его и считали баснословным: римляне продолжали ненавидеть карфагенян и после того, как истребили их. Но одна только победа решила, какому из двух выражений войти и поговорку: *пуническая верность* или *римская верность*.

Этот предрассудок разделяли и некоторые писатели нового времени. Что случилось с теми городами, говорят они, которые описал Ганнон и от которых уже во время Плипия не осталось и следа? Но было бы удивительно, если бы эти следы остались. Разве Гапнон построил на этих берегах вторые Афины или Коринф? Он поселил в некоторых пригодных для торговли местах по несколько карфагенских семей и наскоро устроил им ограждения от дикарей и хищных животных. Когда после поразивших карфагенян бедствий прекратилось мореплавание в Африку, этим семействам оставалось или погибнуть, или превратиться в дикарей. Мало того, если бы даже развалины этих городов и сохранились, то кто же нашел бы их среди лесов и болот? Однако и Сцилак и Полибий говорят, что у карфагенян имелись значительные поселения на этих берегах. Вот где следы городов Ганнона; других нет и не может быть, потому что других следов почти не сохранилось и от самого Карфагена.

Карфагеняне были на пути к богатству; если бы они проникли до 14-го градуса северной широты и 15-го западной долготы, то открыли бы Золотой Берег и соседние с ним берега. Они бы завели там гораздо более серьезную торговлю, чем та, которая ведется там в настоящее время, когда Америка, невидимому, обесценила богатства всех прочих стран. Они нашли бы тут сокровища, которых римляне не могли бы у них отнять.

Много чудесного рассказывалось о богатствах Испании. Если верить Аристотелю, то финикийцы, приставшие к Тартесу, нашли там столько серебра, что у них не хватило кораблей, чтобы его погрузить. Из этого металла они стали изготовлять вещи для самого низкого употребления. По свидетельству Диодора, карфагеняне нашли в Пиренеях столько золота и серебра, что употребляли его на якоря для своих кораблей. Не следует полагаться на эти народные предания, но вот действительные факты.

Из приведенного Страбоном отрывка Полибия видно, что серебряные рудники при истоке реки Бетнса, на разработке которых было занято 40 тысяч человек, доставляли римскому народу 25 тысяч драхм в день, что составляет около 5 миллионов ливров в год, считая по 50 франков в марке. Горы, содержавшие эти рудники, называли Серебряными

горами, что заставляет отождествить их с горами Потози. Ныне для разработки рудников в Ганновере употребляют вчетверо меньше рабочих, чем для испанских рудников того времени, а дают они больше. Но так как у римлян были почти исключительно медные рудники и очень мало серебряных, а греки знал я только очень небогатые рудники Аттики, то немудрено, что они удивлялись богатству рудников Испании.

Во время войны за испанское наследство некто маркиз де Род, о котором говорили, что он разорился на золотых рудниках и обогатился на больницах, предложил французскому двору разыскать рудники в Пиренеях. Он указывал на примеры тирян, карфагенян и римлян. Ему позволили предпринять розыски; он искал повсюду, не переставая цитировать древних авторов, и не нашел ничего.

Карфагеняне, владевшие торговлей золотом и серебром, пожелали овладеть также торговлей свинцом и оловом* Эти металлы перевозились сухим путем от галльских портов из океана к портам Средиземного моря. Карфагеняне захотели получать их из первых рук и послали Гимилькона с поручением основать колонии на Касситерндских островах, как полагают, тех самых, которые ныне называются Силлейскими. На основании этих путешествий из Бетики в Англию высказывалось предположение, что у карфагенян был компас; ясно, однако, что они придерживались берегов. Лучшим доказательством этому служит заявление самого Гимилькона о том, что он употребил четыре месяца на переезд от устья Бетиса до Англии. Да и пресловутая повесть о карфагенском кормчем который, увидев приближение римского корабля, посадил свое судно на мель. чтобы не показать ему дороги в Англию, доказывает, что в момент встречи эти корабли находились на очень близком расстоянии от берегов.

Древние совершали иногда и такие морские путешествия, которые давали повод думать, что они употребляли компас, хотя его у них и не было. Так, например, кормчий, удалившийся от берегов и совершавший свое плавание в ясную погоду, когда ему постоянно были видны ночью одна из полярных звезд, а днем — восход и закат солнца, мог направлять по ним свой путь так же, как ныне по компасу. Но такие путешествия были случайностью, а не правилом,

Из договора, которым завершилась первая пуническая война, видно, что Карфаген главным образом заботился о сохранении своего господства над морем, а Рим — над сушей. Ганнон заявил во время переговоров с римлянами, что он не потерпит даже, чтобы они умывали себе руки в сицилийских морях; им запрещено было плавать далее Прекрасного мыса: они не должны были торговать в Сицилии, Сардинии и Африке ни с кем, кроме Карфагена, — исключение, показывающее, что торговля там не обещала быть для них выгодной.

В древности между Карфагеном и Марселем пелись большие войны из-за рыбной ловли. После заключения мира они начали конкурировать друг с другом в экономической торговле. Особую зависть Марсея возбуждало то обстоятельство, что, не уступая своему сопернику в промышленности, он уступал ему в силе. Вот причина непоколебимой верности Марсея римлянам. Война, которую последние вели с карфагенянами в Испании, способствовала обогащению Марсея, служившего складочным местом. Разрушение — Карфагена и Коринфа еще более увеличило славу Марсея. И если бы не междоусобицы, разделявшие его жителей на враждебные друг другу партии, он мог бы жить счастливо под покровительством римлян, которые нисколько не завидовали его торговле.

ГЛАВА XII Остров Делос. Митридат

Когда римляне разрушили Коринф, купцы удалились отсюда в Делос. Религия и всеобщее благоговение народов заставляли смотреть на этот остров, как на безопасное убежище. Кроме того, он занимал очень выгодное положение для итальянской и азиатской

торговли, значение которой возросло после уничтожения Африки и ослабления Греции.

Греки, как мы уже сказали, с давних времен основывали колонии на берегах Мраморного и Черного морей; эти колонии сохранили при персах свою свободу и свои законы. Александр, выступивший в поход только против варваров, не тронул их. Повидимому, даже понтийские цари, овладевшие многими из этих колоний, не лишили их государственной самостоятельности.

Могущество понтийских царей возросло после того, как они овладели этими колониями. Митридат оказался в состоянии нанимать везде войска, постоянно возмещать свои потери, иметь работников, корабли, военные машины, приобретать союзников, подкупать союзников римлян и даже самих римлян, содержать на жаловании азиатских и европейских варваров, вести продолжительную войну и, следовательно, приучать свои войска к дисциплине. Он смог их вооружить, обучить римскому военному искусству и образовать большие отряды из римских перебежчиков; наконец, он мог нести большие потери и выдерживать великие поражения. Митридат бы не погиб, если бы этот государь, великий в несчастьях, не оказался сладострастным варваром в счастье и не разрушил того, что сам же создал.

Таким-то образом, в то время, когда римляне были на вершине величия и, казалось, не должны были бояться никого, кроме самих себя, Митридат снова поставил под вопрос то, что уже было решено взятием Карфагена и поражениями Филиппа, Антиоха и Персея. Не было еще войны пагубнее этой; и так как обе стороны обладали огромным могуществом и равными выгодами, народы Греции и Азии истреблялись то как друзья, то как враги Митридата. Делос не избежал общего несчастья. Торговля погибала повсюду; да и как ей было не погибать, когда погибали народы.

Римляне, которые, следуя указанной мною в другом месте системе, предпочитали разрушать, чтобы не являться завоевателями, уничтожили Карфаген и Коринф и, может быть, продолжая действовать таким образом, погубили бы и себя самих, если «бы не завоевали весь мир. Напротив того, «понтийские цари, овладев греческими колониями на Черном море, остерегались разрушать то, что должно было стать источником их величия.

ГЛАВА XIII

Об отношении римлян к морскому делу

Римляне признавали только сухопутное войско, дух которого состоял в том, чтобы всегда стоять твердо, сражаться и умирать не сходя с места. Они не могли уважать тактики моряков, которые, вступив в бой, то отступают, то наступают и, всегда избегая опасности, более берут хитростью, чем силой. Все это было совсем не в духе греков и еще того менее — римлян.

Поэтому они назначали для морской службы только таких граждан, которые по своему менее почетному положению не могли служить в легионах. Моряками были обыкновенно вольноотпущенники.

В настоящее время мы не питаем ни этого уважения к сухопутной армии, ни этого презрения к флоту. У первой военное искусство снизилось, у второго оно повысилось; а люди всегда выносят свои оценки в зависимости от способностей, которые требуются для выполнения того или иного дела.

ГЛАВА XIV

О торговом духе римлян

Римляне никогда не проявляли зависти к чужой торговле. Они вступили в борьбу с

Карфагеном как с соперником, а не как с торговым городом. Они покровительствовали городам, занимавшимся торговлей, хотя эти города и не были им подвластны. Так, например, они увеличили могущество Марсея, уступив ему несколько областей. Они опасались варваров, но не опасались торговых народов. Да и самый дух римлян, их слава, военное воспитание и форма правления отдаляли их от торговли.

Жителей города занимали лишь войны, выборы, интриги и судебные процессы, сельское население занималось только земледелием, а в провинциях суровое и тираническое управление было несовместимо с торговлей.

Не менее чем их государственное устройство было противно торговле и их международное право. «Народы, — говорит юрист Помпоний. — с которыми у нас нет ни дружбы, ни взаимного гостеприимства, ни союза, нам не враги; но если что-либо принадлежащее нам попадает им в руки, оно становится их собственностью, свободные люди делаются их рабами; и мы относимся к ним точно так же».

Не менее стеснительным было их гражданское право. Закон Константина, объявив незаконорожденными детей человека низкого происхождения, женившегося на женщине высшего звания, далее смешивает женщин, имеющих лавку товаров, с рабынями, кабатчицами, комедиантками, с дочерьми человека, содержащего непотребный дом или осужденного на бой в цирке.

Я знаю, что люди, убежденные, во-первых, в том, что торговля есть самое полезное в мире дело для государства, и, во-вторых, в том, что римляне имели наилучшее в мире государственное устройство, полагали, что римляне весьма поощряли и уважали торговлю. Однако в действительности они мало о ней думали.

ГЛАВА XV

Торговля римлян с варварами

Римляне образовали из Европы, Азии и Африки одну обширную империю. Слабость народов и тирания правления сплотили воедино части этого огромного тела. С тех пор целью политики Рима было отчуждение от всех не подвластных ему народов: опасение передать им свое искусство побеждать заставляло римлян пренебрегать искусством обогащаться. Они создали законы, воспрещавшие всякое общение с варварами. «Да не осмелится никто, — говорят Валент и Грациан, — посылать им вино, масло и другие жидкости даже только для угощения». «Пусть не отвозят к ним золота, — добавляют Грациан, Валентиниан и Феодосии, — но пусть стараются хитростью лишить их даже того, которое у них есть». Вывоз железа был запрещен под страхом смертной казни.

Домициан, этот робкий государь, приказал истребить в Галлии виноградники, конечно из опасения, чтобы вино не привлекло туда варваров, как оно некогда привлекло их в Италию. Проб и Юлиан, несколько не боявшиеся варваров, восстановили эти виноградники.

Я знаю, что в пору слабости империи варвары вынудили римлян устроить складочные места для товаров и торговать с ними. Но это-то и доказывает, что дух римлян был противен торговле.

ГЛАВА XVI

О торговле римлян с Аравией и Индией

Торговля со Счастливой Аравией и с Индией была почти единственной отраслью внешней торговли. Арабы владели большими богатствами, которые извлекали из своих морей и лесов; и так как они покупали мало, а продавали много, то привлекали к себе золото и серебро соседних стран. Август знал об их богатствах и решил иметь в их лице друзей или

врагов. Он послал Элия Галла из Египта в Аравию. Последний нашел там народ праздный, смиренный и мало привыкший к войне. Он давал сражения, осаждал города и потерял всего семь солдат; но вероломство проводников, трудные переходы, климат, голод, жажда, болезни и неудачные распоряжения погубили его войско.

Итак, приходилось довольствоваться лишь той торговлей с арабами, которую вели с ними прочие народы, т. е. давать за их товары золото и серебро. Так торгуют с ними и ныне: караваны из Алеппо и корабли из Суэпа доставляют им огромные суммы.

Природа предназначила арабов к торговле, а совсем не к войне. Но, оказавшись соседями парфян и римлян, эти миролюбивые народы стали союзниками тех и других. Элий Галл застал их еще торговцами; ко времени Магомета они уже были воинами; Магомет внушил им энтузиазм — и они стали завоевателями.

Торговля римлян с Индией была значительна. Страбон узнал в Египте, что они употребляли для нее 120 кораблей, но эта торговля поддерживалась только римскими деньгами. Римляне посылали туда ежегодно по 50 миллионов сестерций. Плиний говорит, что привозимые из Индии товары продавались в Риме в 100 раз дороже, чем они стоили на месте. Но я думаю, что это оказано в слишком общем смысле, так как если бы кто-нибудь действительно получил такую прибыль, то все погнались бы за нею, и, следовательно, никто бы ее не получил.

Можно еще спросить, выгодна ли была римлянам их торговля с Аравией и Индией. Они должны были посылать туда деньги, а у них не было, как у нас, Америки, которая восполняет нам наши затраты. Я убежден, что одна из причин, заставивших римлян увеличить номинальную ценность их монеты, т. е. чеканить преимущественно медную монету, заключалась в редкости денег, происходившей от постоянного вывоза их в Индию. Если же товары этой страны в Риме оплачивались сторицей, то такая прибыль не могла служить к обогащению империи, так как римляне наживались при этом на самих же римлянах.

Можно, с другой стороны, сказать, что эта торговля развивала морские силы римлян, а следовательно, и увеличивала их могущество; что новые товары усиливали внутреннюю торговлю, благоприятствовали развитию ремесел, поддерживали промышленность; что с появлением новых средств к существованию увеличивалось число граждан; что эта новая торговля порождала роскошь, которая, как мы уже доказали, столь же полезна в правлении одного лица, сколь вредна в правлении многих; что время ее появления совпадает со временем падения республики; что роскошь в Риме была необходима и что город, привлекавший к себе все богатства мира, должен был по необходимости возвращать их посредством своей роскоши.

Страбон говорит, что Рим вел с Индией гораздо более значительную торговлю, чем египетские цари. Но не странно ли, что римляне, столь мало сведущие в торговле, уделяли торговле с Индией гораздо больше внимания, чем египетские цари, у которых она была, так сказать, под рукой. Надо это объяснить.

По смерти Александра египетские цари установили с Индией морскую торговлю, а цари Сирии, владевшие отдаленными восточными областями империи и, следовательно, Индией, поддерживали ту упомянутую нами в VI главе торговлю, которая велась по суше и по рекам и которой весьма благоприятствовало учреждение македонских колоний, так что Европа могла сношаться с Индией и через Египет, и через Сирийское царство. Распад этого последнего и возникновение на его развалинах государства Бактрийского не нанесли никакого вреда этой торговле. Марин, тирянин, цитируемый Птоломеем, говорит об открытиях, сделанных в Индии несколькими македонскими купцами. Чего не удалось сделать экспедициям, посланным царями, то сделали купцы. По словам Птолемея, они совершали экспедиции за Каменную Башню и доходили до Серы; открытие купцами столь отдаленной области северо-восточного Китая было своего рода чудом. Таким образом, при царях Сирии и Бактрии товары Южной Индии шли через Инд, Аму-Дарью и Каспийское море на Запад; а товары более отдаленных восточных и северных стран шли от Серы,

Каменной Башни и других складочных мест к Евфрату. Эти купцы совершали свой путь, держась приблизительно 40-го градуса северной широты, по странам к западу от Китая, которые в то время были более цивилизованы, чем теперь, так как татары не успели еще их наводнить.

Но в то время, как Сирия так усердно распространяла свою сухопутную торговлю, морская торговля Египта увеличилась очень мало.

Явились парфяне и основали свое государство. Когда Египет подпал под власть римлян, это государство было в полной силе и расширяло свои границы.

Рим и Парфянское государство были две державы-соперницы, которые боролись друг с другом не за господство, а за существование. Между ними образовалась пустыня; обе империи всегда находились в состоянии боевой готовности; между ними не было не только что торговли, но даже и никакого сообщения. Честолюбие, зависть, ненависть, религия, нравы совершенно разъединили их. Вследствие этого для торговли между Востоком и Западом, имевшей прежде много путей, остался лишь один, и Александрия, сделавшаяся главным складочным местом этой торговли, стала быстро расти.

О внутренней торговле скажу только одно. Главной отраслью ее был ввоз хлеба для пропитания римского народа, что относилось скорее к управлению, чем к собственной торговле. Судохозяева, занимавшиеся этим делом, получили некоторые привилегии, так как от их бдительности зависело спасение государства.

ГЛАВА XVII

О торговле после разрушения Западной Римской империи

Римская империя была завоевана, и одним из последствий общего бедствия было разрушение торговли. Варвары сначала видели в ней лишь предмет грабежа. Когда же они осели на месте, то проявляли к ней не больше уважения, чем к земледелию и другим промыслам побежденного народа.

Вскоре торговля в Европе почти совсем исчезла. Господствовавшее повсюду дворянство нисколько о ней не заботилось.

Закон вестготов позволял частным лицам занимать половину русла больших рек при условии, чтобы вторая половина оставалась свободной для рыболовных сетей и лодок; повидимому, в странах, покоренных вестготами, торговля была самая незначительная.

В эти-то времена установилось безрассудное право наследования государем имущества иностранцев и береговое право. Люди полагали, что поскольку они не связаны с иностранцами никакими предписаниями гражданского права, то и не обязаны оказывать им ни правосудия, ни сострадания.

В тесных границах, в которые заключена была жизнь северных народов, все им казалось чуждым, а при их бедности все казалось им богатством. До своих завоеваний они жили на берегах моря, стесненного скалами и усеянного подводными камнями; и они умудрялись извлекать пользу даже из этих камней.

Но римляне, которые были законодателями вселенной, издали весьма гуманные законы относительно кораблекрушений; они обуздали и разбой прибрежных жителей и — что еще важнее — алчность своей казны.

ГЛАВА XVIII

Особое постановление

Однако закон вестготов содержал одно благоприятное для торговли постановление. Он предписал, чтобы взаимные тяжбы купцов, приехавших из-за моря, обсуждались по законам

их страны и их судьями. Это вытекало из укоренившегося у всех этих смешанных народов обычая, чтобы каждый жил под законом своего народа, о чем я много буду говорить впоследствии.

ГЛАВА XIX

О торговле после ослабления римлян на Востоке

Магометане пришли, совершили завоевания и разделились. Египет имел своих отдельных государей. Он продолжал вести торговлю с Индией. Сделавшись господином над товарами этой страны, он привлек к себе богатство всех прочих стран. Его султаны были самыми могущественными государями того времени. Мы видим из истории, как их постоянные и правильно распределенные силы восторжествовали над пылом, рвением и неукротимой отвагой крестоносцев.

ГЛАВА XX

Как торговля проложила себе в Европе путь среди варварства

Перенесенная в Европу философия Аристотеля пришлась по вкусу людям утонченного ума, которые во времена невежества слышат за умных людей. Схоластики пристрастились к ней и заимствовали у этого философа множество мнений о займе под проценты, вместо того чтобы руководствоваться в этом деле простыми правилами евангелия. Они осудили проценты безусловно, во всех случаях. Вследствие этого торговля, бывшая до тех пор профессией людей низкого происхождения, стала к тому же и профессией людей нечестных, так как, запрещая какое-либо дело, само по себе дозволительное или необходимое, мы тем самым только принуждаем быть нечестными людей, которые им занимаются.

Тогда торговля перешла в руки народа, считавшегося в то время презренным [116], и вскоре ее перестали отличать от самого ужасного ростовщичества, от монополий и всех бесчестных средств добывания денег.

Евреи, обогащавшиеся посредством своих вымогательств, в свою очередь подверглись столь же жестокому ограблению со стороны государей, что утешало народ, но не облегчало его положения.

По тому, что происходило в Англии, можно судить о том, что делалось в других странах. Король Иоанн, пожелав завладеть имуществом евреев, заключил их в тюрьмы, и у редкого из заключенных не было там хотя бы выколото по одному глазу. Так этот король отправлял правосудие. Один из евреев, у которого вырвали семь зубов, по одному в день, дал на восьмой день 10 тысяч серебряных марок. Генрих III вытребовал у йоркского еврея Аарона 14 тысяч марок серебром для себя и тысяч для королевы. В те времена проявляли жестокое насилие, делая то, что теперь совершается в Польше несколько более умеренно. Не имея возможности запустить руку в кошелек своих подданных по причине их привилегий, короли подвергали пытке евреев, которые не считались гражданами.

Наконец, вошло в обычай конфисковывать все имущество у евреев, принимавших христианство. О существовании этого странного обычая мы знаем по изданному в его отмену закону. Причины, приводимые для его объяснения, были вздорные. Говорили, что евреев хотели испытать и совершенно очистить от власти дьявола. Но очевидно, что эта конфискация была для короля и сеньоров своего рода возмещением за те поборы, которые они взимали с евреев и которых лишались при переходе последних в христианство. В те времена на людей смотрели, как на земельные участки. Я хочу лишь мимоходом отметить, как из века в век издевались над этим народом. У евреев конфисковывали имущество, когда

они выражали желание стать христианами, а вскоре их стали сжигать за то, что они не хотели принимать христианства.

И все же торговля пробивала себе путь из самых глубин насилия и отчаяния. Евреи, которых изгоняли попеременно то из одной, то из другой страны, нашли средство обезопасить свое имущество и этим навсегда лишили государей возможности изгонять их, так как государи, весьма желавшие избавиться от них, не имели никакого желания избавиться от их денег.

Они изобрели вексель, посредством которого торговля ограждалась от насилия и могла удержаться повсюду, так как благодаря ему имущество богатейших торговцев принимало неуловимую форму, в которой оно могло переноситься всюду, не оставляя следа нигде.

Богословы были вынуждены ограничить свои предписания, и торговля, которой силой было навязано бесчестие, возвратилась, так сказать, в лоно чести.

Итак, умствованиям схоластиков мы обязаны всеми бедствиями, сопровождавшими разрушение торговли, а корыстолюбие государей — изобретением вещи, которая некоторым образом поставила торговлю вне их произвола.

С этого времени государям пришлось проявлять благоразумие, о котором они прежде и не помышляли, так как установленная опытом несостоятельность крутых мер власти ясно доказывала, что благоденствие может быть достигнуто только кротким управлением.

Государства начали исцеляться от макиавеллизма и с каждым днем будут все более и более от него избавляться. Во всех решениях должна будет проявляться уже большая умеренность. То, что прежде именовалось чрезвычайными мерами, стало теперь, не говоря об ужасных последствиях подобных действий, просто неблагоразумными поступками.

Большое счастье для людей — находиться в положении, которое заставляет их быть добрыми ради собственной выгоды, в то время как страсти внушают им злобные мысли.

ГЛАВА XXI

Открытие двух новых миров; состояние Европы в связи с этим событием

Изобретение компаса открыло, так сказать, всю вселенную. Благодаря ему были открыты Азия и Африка, до того известные лишь очень мало, и Америка, которая была совсем неизвестна.

Португальцы, плавая по Атлантическому океану, открыли самую южную оконечность Африки и увидели перед собой обширное море, которое привело их к Ост-Индии. Опасности, которым они подвергались в этом море, и сделанные ими открытия Мозамбика, Мелинды и Калькутты были воспеты Камоэнсом в поэме, напоминающей очарование Одиссеи и величие Энеиды.

Венецианцы производили до того времени торговлю через турецкие владения, где они подвергались всевозможным притеснениям и обидам. Вследствие открытия мыса Доброй Надежды и других последовавших за этим открытий Италия перестала быть центром торгового мира; она осталась, так сказать, в углу вселенной, где находится и теперь. И даже в торговле с Востоком, зависящей ныне от торговли, которую сильные нации ведут с обеими Индиями, Италия играет лишь второстепенную роль,

Португальцы вели торговлю с Индией как завоеватели, Стеснительные торговые законы, которые теперь голландцы навязывают мелким индийским государям, были раньше их установлены португальцами.

Австрийский дом был удивительно счастлив. Карл V соединил в своих руках Бургундию, Кастилию и Арагон; он сделался императором, и, как бы для того чтобы еще более его возвеличить, вселенная раздвинула свои границы и явила новый мир, подчинившийся его власти.

Христофор Колумб открыл Америку, и хотя Испания послала туда не большее войско,

чем мог бы послать какой-нибудь второстепенный европейский государь, она все-таки покорила две больших империи и другие крупные государства,

В то время как испанцы открывали и покоряли на Западе, португальцы продвигали свои завоевания и открытия на Востоке. Оба эти народа встретились и обратились с просьбой разрешить их притязания к папе Александру VI, который проведением знаменитой разграничительной линии решил этот великий спор.

Но другие европейские народы не позволили им спокойно пользоваться этим разделом: голландцы вытеснили португальцев почти из всей Ост-Индии, а в Америке основали свои колонии различные нации[117].

Испанцы сначала смотрели на открытия земель, как на предмет завоевания; более прозорливые народы увидели в них предмет торговли и на ней-то и сосредоточили все свое внимание. Многие из этих народов проявили большое благоразумие, предоставив там власть торговым компаниям, которые, управляя этими отдаленными странами единственно с торговыми целями, образовали в них своего рода большие добавочные государства без всякого обременения для метрополии[118].

Основанные там колонии, зависят ли они непосредственно от государства или от какой-нибудь существующей в нем торговой компании, представляют своеобразную форму зависимости, почти не имеющую примеров в колониях древности.

Цель этих колоний состоит в том, чтобы вести торговлю на лучших условиях, чем те, на которых она ведется с соседними народами, когда все выгоды являются взаимными. При этом принято за правило, что одна только метрополия может торговать в колониях; правило очень основательное, так как колонии создаются с целью расширения торговли, а не для того, чтобы основать новый город или новое государство.

Отсюда вытекает второй основной закон Европы, в силу которого всякая торговля с иностранной колонией рассматривается как чистая монополия[119], караемая законом страны. Не следует судить об этом законе по законам и примерам древних народов, которые тут совсем не применимы.

Принято также за правило, что торговля, установленная между метрополиями, не распространяется на их колонии, в которых она все время остается под запретом.

Что же касается до неудобств, вытекающих для колоний от лишения их свободы торговли, то они явно возмещаются покровительством метрополии, которая защищает их торговлю своим оружием и поддерживает ее своими законами.

Отсюда следует третий закон Европы, по которому запрещение иностранцам торговать с колонией влечет за собой и запрещение мореплавания в морях этих колоний, за исключением случаев, установленных специальными договорами.

Нации, которые по отношению ко вселенной являются тем же, чем частные лица по отношению к государству, управляются, подобно этим частным лицам, естественным правом и законами, которые они сами для себя создали. Один народ может уступить другому море, так же как он уступил бы ему землю. Карфагеняне потребовали, чтобы римляне ограничили свое мореплавание известными пределами, подобно тому как греки потребовали от царя персов, чтобы он не подходил к морским берегам ближе, чем на расстояние конского пробега.

Чрезвычайная отдаленность наших колоний не составляет препятствия для их безопасности, потому что если метрополия слишком удалена для того, чтобы их защищать, то соперничающие с метрополией народы не менее удалены для того, чтобы их завоевывать.

Кроме того, эта отдаленность колоний имеет следствием, что люди, поселяющиеся там, не могут усвоить себе образа жизни страны со столь непривычным для них климатом и вынуждены получать все предметы житейских удобств из страны, откуда они прибыли. Для того чтобы держать в большей зависимости жителей Сардинии и Корсики, карфагеняне запретили им под угрозой смертной казни что-либо сажать или сеять, а также всякие иные занятия подобного рода и высыпали им продовольствие из Африки. Мы пришли к тому же без помощи столь жестоких законов, примером чему могут служить паши превосходные в

этом отношении колонии на Антильских островах: они имеют такие товары, которых у нас нет и не может быть, и нуждаются в таких, которые составляют предмет нашей торговли.

Открытие Америки имело следствием сближение Азии и Африки с Европой. Европа стала получать из Америки материал для своей торговли с той обширной частью Азии, которая носит название Ост-Индии. Серебро — этот металл, столь полезный для торговли как знак ценности, — стал в качестве товара предметом самой обширной в мире торговли. Наконец, плавание в Африку стало необходимо как средство добывать там рабов для разработки американских рудников и земель.

Европа достигла могущества, не имеющего примеров в истории; достаточно обратить внимание на ее колоссальные издержки, огромные обязательства, многочисленные постоянные армии, которые содержатся даже тогда, когда они совсем бесполезны и служат лишь удовлетворению тщеславия.

Дюгальд говорит, что внутренняя торговля Китая превосходит торговлю всей Европы. Это могло бы быть справедливо, если бы к нашей внутренней торговле не добавлялась паша внешняя торговля. Европа держит в своих руках торговлю и мореплавание трех прочих частей света, подобно тому как Франция, Англия и Голландия держат в своих руках торговлю и мореплавание почти всей Европы.

ГЛАВА XXII

О богатствах, извлеченных Испанией из Америки

Если Европа получила столько выгод от торговли с Америкой, то естественно было бы думать, что самые большие выгоды выпали при этом на долю Испании. Она вывезла из Нового Света колоссальное количество золота и серебра, несравненно превосходившее, то, которое имелось в Европе до этой поры.

Но, — чего никто не мог бы предположить, — бедность преследовала ее по пятам. Филипп II, наследовавший Карлу V, был вынужден понести знаменитое, всему свету известное банкротство; еще ни одному государю не пришлось столько вынести от ропота, дерзости и возмущений своих всегда дурно оплачиваемых войск.

С этого времени испанская монархия неизменно склонялась к упадку по той причине, что в самой природе ее богатств заключался внутренний естественный порок, который уничтожал их и с каждым днем проявлялся все сильнее.

Золото и серебро — богатство фиктивное, состоящее из знаков. Знаки эти очень прочны и по самой своей природе разрушаются очень медленно. Но, чем более возрастает их количество, тем более они обесцениваются, потому что они начинают представлять меньшее количество вещей.

Завоевав Мексику и Перу, испанцы забросили разработку естественных богатств в погоне за богатством, состоящим из этих обесценивающихся знаков. Золото и серебро были очень редки в Европе. Испания, внезапно ставшая обладательницей огромного количества этих металлов, увлеклась надеждами, которых ранее никогда не имела. Богатства, найденные ею в покоренных странах, составляли лишь малую часть того, что находилось в их рудниках. Индейцы скрыли часть этих богатств; кроме того, этот народ, у которого золото и серебро служили лишь для украшения храмов его богов и дворцов его государей, не разыскивал эти металлы так жадно, как мы; наконец, он не обладал искусством добывать металлы из любых рудников и разрабатывал только те рудники, где отделение их производится огнем, так как ему неизвестно было употребление ртути, а может быть, и сама руть.

Между тем количество денег в Европе вскоре удвоилось, что отразилось на ценах всех товаров, которые также увеличились вдвое.

Испанцы рылись в рудниках, прокапывали горы, изобрели машины для вычерпывания воды, раздробления руд и выделения металлов и, ставя ни во что жизнь индейцев, нещадно заставляли их работать. Когда количество денег в Европе удвоилось, получаемая от них

Испанией прибыль уменьшилась вдвое, так как она каждый год получала все то же количество металла, который стал вдвое дешевле.

По прошествии некоторого времени количество денег снова вдвое увеличилось, а прибыль соответственно вдвое уменьшилась.

Она уменьшилась даже больше чем вдвое, и вот почему.

Чтобы извлечь золото из рудников, обработать его надлежащим образом и перевезти в Европу, требовались определенные издержки. Положим, что величина их выражается отношением 1 к 64; после того как количество денег удвоилось и, следовательно, цена их стала вдвое меньше, величина издержек выражалась отношением 2 к 64, так что корабли, привезшие в Испанию прежнее количество золота, на самом деле привозили туда товар, который ценился вдвое дешевле, а стоил вдвое дороже.

Идя, таким образом, от удвоения к удвоению, мы обнаружим, каким образом прогрессировали причины истощения испанских богатств.

Американские рудники разрабатываются уже около 200 лет. Предположим, что количество денег, обращающихся теперь в торговом мире, относится к тому количеству их, которое имелось до открытия Америки, как 32 к 1, т. е., что оно возросло в 5 раз. По прошествии еще 200 лет то же количество денег будет откоститься к их количеству до открытия Америки уже как 6-1 к 1, т. е., оно еще раз удвоится. Но теперь 50 квинталов золотой руды дают 4, 5 или 6 унций чистого золота, а когда они дают не более 2 унций, то рудокоп только покрывает издержки, понесенные им на добыче золота. Значит, через 200 лет, когда то же количество руды будет давать по-прежнему не более 4 унций, рудокоп будет только покрывать свои издержки, поэтому добыча золота не обещает быть прибыльной. То же самое следует сказать и о серебре, с той разницей, что разработка серебряных рудников немного выгоднее золотых.

Если когда-нибудь найдут рудники настолько богатые, что они будут давать большую прибыль, то, чем они будут богаче, тем скорее прекратится прибыль.

Португальцы нашли в Бразилии так много золота, что неизбежным последствием этого должно быть значительное уменьшение прибыли у испанцев, а также и у них самих.

Не раз приходилось мне слышать жалобы на недальновидность советников Франциска I, которые оттолкнули Христофора Колумба, предлагавшего им Индию. На самом деле, они, может быть, по своему неразумию поступили очень благоразумно. Испания же уподобилась тому безрассудному королю, который испросил у богов, чтобы все, до чего он коснется, обращалось в золото, и йотом был вынужден умолять их избавить его от такого бедствия.

Компании и банки, учрежденные многими народами, довершили упадок золота и серебра в качестве знаков стоимости товаров, так как посредством новых фикций они до такой степени размножили эти знаки, что золото и серебро утратили свое исключительное значение и должны были подешеветь,

Таким образом, публичный кредит заменил собою рудники и этим еще больше уменьшил доходность испанских рудников.

Правда, голландцы посредством своей торговли с Ост-Индией придали некоторую ценность испанским товарам, так как в обмен на произведения Востока они вывозили деньги и этим освобождали Испанию и Европу от некоторой части товаров, имевшихся там в избытке.

Эта торговля была одинаково выгодна как для занимавшихся ею народов, так и для Испании, которую она, казалось бы, затрагивала лишь косвенно.

На основании всего сказанного можно судить о тех постановлениях испанского совета, которыми запрещалось употреблять золото и серебро для позолоты и тому подобных излишеств. Это все равно, как если бы голландские штаты запретили потребление корицы.

Сказанное мною не относится ко всем рудникам вообще: рудники Германии и Венгрии, дающие очень немного сверх стоимости их разработки, очень полезны. Они находятся на территории самого государства и дают работу множеству людей, потребляющих излишние припасы страны. Это, собственно говоря, отечественная мануфактура.

Рудники Германии и Венгрии содействуют развитию земледелия, а разработка рудников Мексики и Перу разрушает его.

Америка и Испания — две державы, подвластные одному и тому же государю; но Америка — главная, а Испания — лишь побочная держава. И тщетно политика хочет привлечь главную державу к побочной; Америка всегда привлекает к себе Испанию.

В Америку ежегодно привозится товаров на сумму около 50 миллионов, причем доля Испании составляет всего 2,5 миллиона. Таким образом, Америка ведет торговлю на 50 миллионов, а Испания — на 2,5 миллиона.

Доходы, зависящие от случая, не связанные ни с промышленностью страны, ни с численностью ее населения, ни с ее земледелием, составляют самый дурной род богатства. Испанский король, получающий огромные суммы от своей таможни в Кадиксе, является лишь очень богатым человеком в очень бедном государстве. Все идет от иностранцев к нему почти без всякого участия его подданных; эта торговля не зависит от хорошего или бедственного состояния его государства.

Этот государь был бы гораздо могущественнее, если бы ту же сумму, которую доставляет ему кадикская таможня, он получал от каких-либо провинций Кастилии. Его личное богатство было бы тогда следствием богатства его страны; его благоденствующие провинции оказали бы влияние на все прочие; всем им вместе стало бы легче нести общие тяготы, и вместо великой сокровищницы Испания имела бы великий народ.

ГЛАВА XXIII

Задача

Не мне решать вопрос о том, не лучше ли было бы для Испании, если бы она, не будучи в состоянии сама вести торговлю с Америкой, дала свободу торговать с нею иностранцам. Скажу только, что ей следовало бы ради собственной выгоды чинить возможно меньше препятствий этой торговле, насколько только это совместимо с интересами ее политики. Когда товары, привозимые в Америку различными народами, бывают там дороги, то Америка дает в обмен за них большее количество своих товаров, т. е. золота и серебра, чем тогда, когда они бывают дешевы. Может быть, для сохранения низких цен на эти товары было бы полезно, чтобы народы, привозящие их в Америку, старались вредить друг другу[120]. Вот принципы, которые следует рассмотреть, не отделяя их, однако, при этом от других соображений, каковы, например, те, которые имеют в виду безопасность Америки, пользу единственной таможни, опасности, связанные с крупными переменами, и все неудобства, которые можно предусмотреть, — часто менее опасные, чем те, которых предусмотреть нельзя.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О законах в их отношении к употреблению денег

ГЛАВА I

Смысл употребления денег

Народы, имеющие мало товаров для торговли, как, например, дикие народы или же народы просвещенные, но располагающие всего двумя-тремя видами таких товаров, ведут меновую торговлю. Так, караваны мавров, отправляющиеся к Тимбукту, вовнутрь Африки, для обмена соли на золото, не нуждаются в монете: мавр ссыпает свою соль в одну кучу, негр свой золотой песок — в другую, если золота недостаточно, мавр убавляет соли или негр

прибавляет золота, пока обе стороны не останутся довольны.

Но когда народ ведет торговлю весьма разнородными товарами, появляется необходимость в деньгах, потому что удобный для перемещения металл служит средством к сокращению многих расходов, которые были бы неизбежны, если бы во всех случаях прибегали к обмену.

Все народы нуждаются в предметах, производимых другими народами, причем часто случается, что один из них желает получить много различных товаров от другого, а этот последний нуждается лишь в очень небольшом количестве его произведений, между тем по отношению к третьему народу соотношение оказывается обратным. Но когда народы имеют деньги и ведут торговлю путем купли-продажи, то те из них, которые берут больше товара, оплачивают излишек его деньгами. Разница в том, что при купле торговля совершается соответственно потребностям народа, предъявляющего наибольший спрос, тогда как при мене торговля не идет дальше удовлетворения потребностей народа с наименьшим спросом, иначе этот последний не имел бы возможности произвести уплату по предъявленному к нему счету.

ГЛАВА II

О природе денег

Деньги — это знак, выражающий ценность всех товаров. Чтобы этот знак был прочным, мало изнашивался в обращении и мог, не разрушаясь, делиться на большое количество частей, для него берут какой-нибудь металл, выбирая при этом металл ценный, ввиду больших удобств его перемещения. Металл вообще весьма пригоден для того, чтобы служить общей мерой, потому что его легко можно привести к одной определенной пробе. Всякое государство ставит свою печать на деньгах, чтобы внешний вид соответствовал пробе и весу и чтобы то и другое можно было узнать с первого взгляда.

Когда афиняне еще не знали употребления металлов, они пользовались вместо денег быками, а римляне — овцами, но один бык не тождествен с другим, тогда как кусок металла может быть вполне тождествен с другим таким же куском металла.

Подобно тому как деньги служат знаком ценности товаров, бумага служит знаком ценности денег, и если этот знак доброкачествен, то он так хорошо представляет их, что вполне может их заменять.

Подобно тому как деньги служат знаком предметов и представляют их, всякий предмет есть знак денег и представляет их. Государство процветает постольку, поскольку, с одной стороны, деньги действительно представляют в нем все предметы, а с другой — всякий предмет представляет собой деньги и они взаимно служат друг другу знаками, т. е. тот, кто имеет одно, может получить и другое соответственно их относительной ценности. Это возможно только при умеренном образе правления, но и при нем не всегда: например, если законы покровительствуют недобросовестному должнику, то принадлежащие ему вещи не представляют собою денег и не служат их знаками. При деспотическом правлении было бы чудом, если бы вещи представляли собой знаки, тирания и недоверие в таких странах доводят до того, что люди зарывают свои деньги в землю. Следовательно, вещи здесь не представляют денег.

Иногда законодатели искусственными мерами достигали того, что вещи не только по природе своей представляли деньги, но и становились таким же средством обмена, как и самые деньги. Цезарь, будучи диктатором, разрешил должникам расплачиваться с заимодавцами земельными участками по цене, которую эти земли имели до междоусобной войны. Тиберий постановил, что желающие могут получать деньги от казны под залог земель на том условии, чтобы стоимость закладываемых земель вдвое превышала выдаваемую сумму. При Цезаре земля стала монетой, которой уплачивались все долги. При Тиберии 10 тысяч сестерций земель сделались такой же общей монетой, как и 5 тысяч

сестерций деньгами.

Английская «Великая хартия» запрещает налагать арест на земли и доходы должника в тех случаях, когда его движимое имущество или личный заработок достаточны для покрытия долга и он передает их в распоряжение займодавца. Таким образом, все имущество англичанина представляло собою деньги.

Законы германцев определяли в деньгах меру удовлетворения за причиненные обиды и наказания за совершенные преступления. Но так как деньги в стране были очень редки, то закон заменил их соответствующим количеством съестных припасов и домашнего скота. Мы находим такого рода определения в законе саксов с известными видоизменениями, сообразно степени благосостояния и требованиям удобства у отдельных народов. Прежде всего закон определяет ценность солида, выраженную в домашнем скоте: солид 2 тремис соответствовал 12-месячному быку или овце с ягненком, солид 3 тремис — 16-месячному быку. У этих народов деньги становились домашним скотом, товаром или съестными припасами, и все эти предметы становились деньгами.

Деньги составляют не только знак вещей, но и знак самих денег, т. е. деньги могут представлять деньги, как мы увидим в главе об обмене.

ГЛАВА III **Об идеальной монете**

Есть монета реальная и монета идеальная. Почти все цивилизованные народы употребляют идеальную монету и пришли к этому в результате превращения своей реальной монеты в идеальную. Сначала их реальная монета представляла собой какой-либо металл определенного веса и определенной пробы, но скоро недобросовестность или нужда побуждают к уменьшению веса каждой отдельной монеты при сохранении ее прежнего названия. Например, от монеты весом в 1 фунт серебра отнимают половину этого количества и продолжают называть ее ливром, т. е. фунтом, монету, заключающую в себе двадцатую часть фунта серебра, продолжают называть су, хотя она уже более не содержит в себе двадцатой части фунта. И вот ливр становится идеальным ливром, а су — идеальным су. То же происходит и с прочими монетами, в конце концов ливром начинают называть то, что в действительности составляет лишь ничтожную часть ливра, и это делает его еще более идеальным. Может даже случиться, что совершенно перестанут чеканить монету, равную одному ливру, т. е. фунту металла, и монету, равную одному су. Тогда ливр и су станут монетой чисто идеальной. Каждой монете станут произвольно давать наименование стольких-то ливров и стольких-то су. При этом возможны бесконечные изменения, потому что как легко дать предмету новое название, так трудно изменить его сущность. Для уничтожения самого источника злоупотреблений был бы весьма полезен такой закон, который в целях процветания торговли в стране предписал бы употребление одной только реальной монеты и воспретил бы все операции, которые могут сделать ее идеальной.

Ничто не должно быть столь неизменным, как то, что предназначено служить всему мерой.

Торговле всегда присуще определенное непостоянство, добавлять к этому основанному на природе вещей непостоянству еще новое есть великое зло.

ГЛАВА IV **О количестве золота и серебра**

Когда над миром господствуют цивилизованные народы, количество золота и серебра неуклонно возрастает, — добывают ли эти народы их у себя или отправляются за ними туда,

где они имеются. Напротив, количество их уменьшается, когда берут верх варварские народы. Известно, как редки стали эти металлы во время нашествий, с одной стороны, готов и вандалов, с другой — сарацин и татар.

ГЛАВА V

Продолжение той же темы

Серебро, извлеченное из американских рудников и перевезенное в Европу, а из Европы на Восток, благоприятствовало развитию мореплавания в Европе. Это был новый товар, который Европа получала путем обмена из Америки и отправляла для обмена в Индию. Поэтому увеличение количества золота и серебра следует считать благоприятным обстоятельством, если смотреть на эти металлы как на товар, но мы придем к обратному заключению, если будем смотреть на них как на знаки, так как их изобилие понижает их качество как знаков, ибо это качество в значительной степени основано на их редкости. До первой пунической войны цена меди относилась к цене серебра, как 960 к 1, в настоящее время это отношение снизилось приблизительно до 731 /2 к 1. Если бы сохранилось прежнее отношение, серебро только лучше исполняло бы свою функцию знака.

ГЛАВА VI

По какой причине проценты уменьшились вдвое со времени открытия Вест-Индии

Инк Гарцилассо говорит, что в Испании после покорения Вест-Индии доход с капиталов упал с 10 до 5 процентов. Иначе не могло и быть. В Европу внезапно было ввезено большое количество серебра, и скоро число людей, нуждающихся в деньгах, уменьшилось. Цены на все предметы поднялись, а цена серебра упала. Таким образом, старое отношение было нарушено, все старые долги были погашены. Это напоминает время системы Ло, когда все вещи, за исключением денег, повысились в цене. После покорения Вест-Индии те, кто имел деньги, вынуждены были уменьшить цену своего товара или плату за заем его, т. е. процент. С этих пор процент с ссуды уже более никогда не достигал прежних размеров, потому что количество серебра в Европе с каждым годом увеличивалось. Кроме того, так как фонды некоторых государств, основанные на богатстве, которое доставляла им торговля, стали давать очень умеренный процент, сделки между частными лицами по необходимости должны были сообразоваться с этими изменениями в размере процента. Наконец, вексельные операции, чрезвычайно облегчившие перевод денег из одной страны в другую, привели к тому, что, как только в каком-нибудь месте обнаружился недостаток денег, они начинали притекать туда отовсюду, где только находились в изобилии.

ГЛАВА VII

Как определяются цены на вещи при изменяющемся богатстве в знаках

Деньги — это цена товаров или жизненных припасов. Но как определяется эта цена? Иными словами, какой частью денег будет представлен каждый предмет?

Если мы противопоставим всей массе имеющегося в мире золота и серебра сумму всех существующих товаров, для нас станет ясно, что каждому из этих продуктов или товаров соответствует известная доля всей массы золота и серебра. Как сумма одних относится к сумме других, так и определенная часть одних будет относиться к соответствующей части других. Предположим, что на свете существует всего лишь один вид продуктов или товара,

или что существует только один вид, который продается, и что он делим, как деньги. Определенная часть этого товара будет соответствовать определенной части всей массы денег: половина всего товара — половине всех денег, одна десятая, сотая, тысячная товара — одной десятой, сотой, тысячной части денег. Но так как не все из того, что составляет собственность людей, находится одновременно в торговом обороте, точно так же как не находятся одновременно в обороте все металлы или деньги, которые служат им знаками, то цены определяются пропорцией между отношением совокупности всех вещей к совокупности всех знаков и отношением совокупности всех вещей, находящихся в торговом обороте, к совокупности всех знаков, также находящихся в обороте. А так как вещи, не вошедшие в торговый оборот сегодня, могут войти в него завтра, точно так же как и знаки, то установление цен на вещи всегда в основе своей зависит от отношения между совокупностью вещей и совокупностью знаков.

Таким образом, государь или власти не в большей степени могут установить цену на товар, чем определить правительственным распоряжением, чтобы отношение 1 к 10 было равно отношению 1 к 20. Когда Юлиан понизил цены на съестные припасы в Антиохии, то вызвал этим в стране страшный голод.

ГЛАВА VIII

Продолжение той же темы

Чернокожие, обитающие на африканском побережье, имеют свой знак ценностей, хотя и не употребляют монеты. Это — чисто идеальный знак, основанный на оценке, которую они мысленно дают тому или другому товару соответственно ощущаемой в нем потребности. Один продукт или товар стоит 3 макуты, другой — 6, третий — 10 макут. Это то же, как если бы они просто говорили: 3, 6, 10. Они устанавливают цену путем сравнения всех товаров между собой. Таким образом, собственно денег у них нет, но всякая часть одного товара служит деньгами по отношению к другому товару.

Перенесем в круг наших понятий этот способ оценки и соединим его с тем, который существует у нас. Товары и продукты питания всего света или, лучше, товары и продукты питания одного какого-либо отдельно взятого государства будут стоить известное число макут, если мы разделим деньги этого государства на число этих макут, то одна такая часть денег будет знаком одной макуты.

Если мы предположим, что количество денег в государстве удвоится, то на одну макуту также придется вдвое большее количество денег. Но если, удвоив количество денег, вы удвоите и число макут, отношение останется прежним.

Если со времени открытия Вест-Индии количество золота и серебра в Европе увеличилось в 20 раз, то и цены на продукты питания и товары должны были также увеличиться в отношении 1 к 20. Но если, с другой стороны, количество товаров возросло в отношении 1 к 2, то цены на товары и продукты питания необходимо должны были, с одной стороны, повыситься в отношении 1 к 20, а с другой — понизиться в отношении 1 к 2, следовательно, они будут определяться отношением 1 к 10.

Количество товаров и продуктов питания возрастает с увеличением торговли, торговля же возрастает вследствие увеличения количества денег, входящих последовательно в оборот, и вновь открываемых сообщений с новыми землями и морями, которые доставляют нам новые продукты питания и новые товары.

ГЛАВА IX

Об относительной редкости золота и серебра

Кроме действительного обилия и действительной редкости золота и серебра возможны еще относительное обилие и относительная редкость этих металлов.

Скупость хранит золото и серебро, потому что, избегая расходов, любит знаки, не подверженные разрушению, она предпочитает золото серебру, потому что, находясь под постоянным страхом потерять свои сокровища, легче может спрятать предмет меньшего объема. Золото исчезает, когда серебро имеется в изобилии, потому что все его прячут, оно появляется снова, когда серебро становится редким, потому что оказывается необходимо извлечь его из мест его хранения.

Итак, вот правило: золото бывает в изобилии, когда серебро редко, и золото бывает редко, когда серебро имеется в изобилии. Так объясняется разница между относительными и действительными обилием и редкостью — предмет, о котором мне придется еще много говорить.

ГЛАВА X О вексельном курсе

Относительное обилие и относительная редкость денег в разных странах и составляют то, что называют курсом.

Вексельный курс есть определение действительной, в данный момент существующей ценности денег.

Серебро как металл имеет стоимость подобно всякому другому товару, кроме того, оно имеет еще стоимость, которая происходит от его способности служить знаком других товаров. Если бы оно было только простым товаром, то, несомненно, его стоимость была бы значительно ниже.

Серебро как деньги имеет стоимость, которую государь страны может установить в одних отношениях, но не в состоянии установить в других.

Государь определяет отношение между количеством серебра как металла и количеством его как монеты, он устанавливает отношение ценности между различными металлами, употребляемыми в качестве денег, он определяет вес и пробу каждого монетного знака, наконец, для каждого из них устанавливает его идеальную стоимость, о которой говорилось выше. Стоимость монеты в этих четырех отношениях я назову *положительной стоимостью*, потому что она может быть установлена законом.

Монета всякого государства имеет, кроме того, еще *относительную стоимость*, в смысле сравнения ее с монетой других стран. Вот эта-то относительная стоимость и определяется курсом. Она в значительной мере зависит от положительной стоимости. Она определяется наиболее распространенной в торговой среде оценкой, а отнюдь не распоряжением государя, так как беспрестанно меняется и зависит от тысячи обстоятельств.

При установлении относительной стоимости различные нации должны в значительной степени сообразоваться с той, которая имеет наибольшее количество денег. Если она имеет их столько же, сколько все остальные вместе взятые, то необходимо, чтобы каждая из этих последних соразмерялась с нею, из чего следует, что их взаимные отношения определяются приблизительно так же, как и отношения каждой из них к сильнейшей между ними.

В настоящее время роль такой сильнейшей в мире державы принадлежит Голландии. Рассмотрим курс по отношению к ней.

В Голландии есть монета, называемая флорином. Флорин стоит 20 су, или 40 полусу (грошей). Для упрощения предположим, что в Голландии нет флоринов, а есть только гроши, что человек, имеющий тысячу флоринов, имеет 40 тысяч грошей и т. д. Таким образом, курс на Голландию будет состоять в том, чтобы определить, скольким грошам равняется каждая из монет других стран, а так как во Франции счет обыкновенно ведется на экю в 3 ливра, то вопрос будет ставиться так: сколько грошей стоит один экю в 3 ливра? Если курс равен 54, то экю в 3 ливра стоит 54 гроша, а при курсе 60— 60 грошей. Если деньги во Франции редки,

экую в 3 ливра будет равняться большему числу грошей, а если они имеются в изобилии — то меньшему.

Эти редкость и обилие, вызывающие изменение курса, суть не действительные редкость и обилие, а относительные. Например, когда Франция более нуждается в фондах Голландии, чем Голландия — в фондах Франции, то говорят, что Франция изобилует деньгами и что они редки в Голландии, и наоборот.

Положим, что курс на Голландию равен 54. Если бы Франция и Голландия составляли один город, то дело обошлось бы, как при простом размене экою: француз вынул бы из кармана 3 ливра, а голландец — 54 гроша. Но так как Париж отделен от Амстердама немалым расстоянием, то необходимо, чтобы тот, кто дает мне за мой экою в 3 ливра 54 гроша, которые он имеет в Голландии, дал мне вексель на 54 гроша на Голландию. Таким образом, дело уже идет не о 54 грошах, а о векселе на 54 гроша. Таким образом, чтобы судить о степени редкости или изобилия денег, надо знать, чего во Франции больше — векселей в 54 гроша, предназначенных для Франции, или экою, предназначенных для Голландии. Если со стороны Голландии предложено много векселей, а со стороны Франции — мало экою, тогда деньги редки во Франции, а Голландия ими изобилует, курс должен повыситься, и мне за мой экою должны дать не 54 гроша, а больше, иначе я его не отдам, и наоборот.

Из этого видно, что различные операции курса образуют приходо-расходный счет, который нужно постоянно покрывать, и что государство, на котором лежит долг, не погашает его вексельными операциями, подобно тому как частное лицо не оплачивает своего долга тем, что оно разменивает свои деньги.

Предположим, что на свете существует всего три государства — Франция, Испания и Голландия, что разные частные лица в Испании должны во Франции 100 тысяч марок серебра, что разные частные лица во Франции в свою очередь должны в Испании 110 тысяч марок серебра и что вследствие каких-то обстоятельств все кредиторы в Испании и во Франции захотели разом получить свои деньги. В чем же при этом будут состоять операции курса? Он освободит обе нации от обоюдного обязательства на сумму в 100 тысяч марок. По Франции останется должна Испании 10 тысяч марок, и испанцы будут иметь на Францию на 10 тысяч марок векселей, тогда как Франция не будет иметь ни одного векселя на Испанию.

Предположим далее, что Голландия находится по отношению к Франции в обратном положении, т. е., что она должна ей как остаток по счету 10 тысяч марок серебра. В таком случае Франция может уплатить Испании свой долг двумя способами: либо дав своим кредиторам в Испании на своих должников в Голландии векселей на 10 тысяч марок, либо же отослав эти 10 тысяч марок серебра наличными в Испанию.

Из этого следует, что если государству нужно передать какую-то сумму денег в другую страну, то по существу дела безразлично, будут ли перевезены деньги или взяты векселя. Преимущество того или другого способа уплаты будет зависеть единственно от обстоятельств: надо знать, что в данное время даст больше грошей в Голландии — наличные ли деньги или вексель на Голландию на такую же сумму.

Если монета определенного веса и пробы во Франции дает мне монету того же веса и той же пробы в Голландии, я говорю, что курс стоит альпари. При нынешних отношениях *121* курс альпари равняется приблизительно 54 грошам за экою. Когда курс выше 54 грошей, говорят, что он стоит высоко, когда ниже — говорят, что он стоит низко.

Чтобы при известном состоянии курса определить, выигрывает государство или теряет, необходимо рассмотреть его в отдельности как должника, как кредитора, как продавца и как покупателя. Если курс ниже альпари, государство теряет как должник и выигрывает как кредитор, теряет как покупатель и выигрывает как продавец. Вполне понятно, почему оно теряет как должник: если, например, Франция должна Голландии известное число грошей, то, чем меньше грошей будет стоить ее экою, тем больше потребуется ей экою, чтобы уплатить свой долг, наоборот, если Франция состоит кредитором на известное количество экою, то, чем меньше грошей будет стоить экою, тем больше экою она получит. Государство теряет как покупатель, потому что для покупки одного и того же количества товара требуется одно и то

же количество грошей, а когда курс падает, каждый французский экю стоит меньше грошей. На том же основании государство выигрывает как продавец: я продаю мой товар в Голландии за то же число грошей, что и прежде, но получаю большее количество экю во Франции, платя за один экю 50 грошей, чем если бы платил за тот же экю 54 гроша. В Голландии мы получим обратную картину, если она должна известное количество, то будет в выигрыше, а если ей должны — то потеряет, продавая, она теряет, покупая — выигрывает.

Следует, однако, иметь в виду следующее. Когда курс стоит ниже альпари, например, равен 50 вместо 54, следовало бы, кажется, ожидать, что, послав в Голландию переводом 54 тысячи экю, Франция купит на них товару только на 50 тысяч, с другой стороны, Голландия, послав во Францию 50 тысяч экю, купит на них товару на 54 тысячи, что составит разницу в восемь пятьдесят четвертых, т. е. более одной седьмой потери для Франции, которой придется послать в Голландию на одну седьмую деньгами или товарами больше, чем она посылала, когда курс стоял альпари, а так как подобный долг должен вызвать дальнейшее падение курса, то зло, непрерывно возрастаая, приведет Францию к разорению. Казалось бы, говорю, что так должно быть, но этого нет в силу правила, которое было установлено выше, а именно, что государства всегда тяготеют к равновесию и к свободе от обязательства, поэтому они занимают пропорционально средствам, которыми располагают для уплаты, и покупают лишь по мере того, как продают. Вернемся к только что приведенному примеру. Если курс во Франции упал с 54 до 50, голландец, который в прежнее время, покупая товар на тысячу экю, платил за него 54 тысячи грошей, не заплатит за него более 50 тысяч грошей, если француз на это согласится. Но французский товар мало-помалу поднимается в цене, и прибыль поделится между французом и голландцем, ибо если торговец может выиграть, он охотно делится прибылью, и таким образом прибыль будет распределена между французом и голландцем. Точно так же, француз, который, покупая в Голландии товар на 54 тысячи грошей, платил за него тысячу экю, когда курс был 54, должен был бы дать теперь за прежний товар на четыре пятьдесят четвертых больше французских экю, но, предвидя угрожающий ему убыток, он постарается заплатить меньше за голландский товар, и таким образом установится равновесие в убытках между французским и голландским купцами. Государство мало-помалу восстановит свой баланс, и падение курса не повлечет за собою всех тех бедствий, которых можно было опасаться.

Когда курс стоит ниже альпари, торговец может без ущерба для себя поместить свои капиталы за границей, потому что когда он возьмет их назад, то получит обратно потерянное, но государь, посылающий в чужие края только такие деньги, которые никогда не вернутся, всегда теряет.

Когда торговцы производят значительные операции в какой-либо стране, курс в ней неизбежно повышается. Происходит это вследствие многочисленных принятых по отношению к ней обязательств и большого количества покупаемых у нее товаров и векселей, трассируемых для уплаты за эти товары.

Если государь делает в своей стране большой запас денег, эти последние могут быть в действительности редки, но в относительном изобилии, если бы этому государству предстояло произвести платежи чужой стране одновременно за многие товары, курс упал бы, хотя денег было бы мало.

Курс всех городов тяготеет к определенному соотношению, что лежит в самой природе вещей. Если курс Ирландии на Англию ниже альпари и курс Англии на Голландию также ниже альпари, курс Ирландии на Голландию будет еще ниже, т. е. будет определяться отношением курса Ирландии на Англию к курсу Англии на Голландию. Надо полагать, что голландец, имея возможность получить свои деньги из Ирландии через посредство Англии, не захочет платить дороже за непосредственный перевод этих денег. Я говорю, что так должно было бы быть, но в действительности бывает не совсем так. Встречаются всегда такие обстоятельства, которые видоизменяют эти условия, и разница в прибыли от перевода векселей через тот, а не другой город составляет предмет особого искусства или ловкости банкиров, но на этом мы не будем останавливаться.

Когда государство повышает номинальную ценность своей монеты, например 3 ливра, или 1 экю, начинает называть 6 ливрами, или 2 экю, это новое наименование, не прибавляя ничего действительного к стоимости экю, не дает при размене по курсу ни одного лишнего гроша: за 2 новых экю можно получить лишь то же количество грошей, которое получали за 1 старый. Если же этого нет, то причина тут не в самом факте новой цены, а в его новизне и внезапности. Курс находится в зависимости от начатых сделок и устанавливается лишь по прошествии известного времени.

Когда государство, вместо того чтобы повышать ценность своей монеты посредством простого законодательного определения, переливает ее в более легковесную монету, то во время производства этой операции оказывается в наличности 2 сорта монеты: более тяжеловесная — старая и легковесная — новая монета, а так как первая изъята из обращения и принимается только на монетном дворе, так что платеж по векселям также должен производиться новой монетой, то казалось бы, что курс должен регулироваться новой монетой. Если бы, например, монета во Франции потеряла половину своего веса, то, если старый экю в 3 ливра стоил в Голландии 60 грошей, новый экю не должен был бы стоить более 30. С другой стороны, казалось бы, что курс должен регулироваться стоимостью старой монеты, потому что банкир, который, имея деньги, покупает векселя, обязан отнести на монетный двор старую монету для обмена на новую, на которой он теряет. Поэтому установится новый курс — средний между новой и старой монетой. Стоимость старой монеты, так сказать, падает потому, что в обращении есть уже новая монета, а также потому, что банкир не в состоянии строго блюсти свои выгоды: в его интересах выпустить скорее из кассы старую монету, чтоб она не оставалась без оборота, тем более, что его понуждает к тому и производство платежей. С другой стороны, стоимость новой монеты, так сказать, повышается потому, что банкир, имея новую монету, получает возможность, как мы это сейчас увидим, с большой для себя выгодой приобретать старую монету. Поэтому курс, как я уже сказал, получится средний между новой и старой монетами. И вот банкиры заинтересованы в том, чтобы старая монета уходила из государства, потому что это дает им такие же выгоды, какие давал бы курс, регулируемый старой монетой, т. е. они получают много грошей в Голландии, с другой стороны, получая обратно разницу по более низкому курсу, среднему между новой и старой монетами, они получают много экю во Франции.

Предположим, что 3 ливра, или экю, старой монетой стоят по действующему курсу 45 грошей и что, переводя тот же экю в Голландию, мы получим за него 60 грошей, но вексель в 45 грошей даст во Франции экю в 3 ливра, который, если мы перевезем его в старой монете в Голландию, даст опять 60 грошей. Таким образом, при переливке монеты вся старая монета уйдет из государства, и выгоду от этого получают банкиры.

Чтобы устранить это неудобство, необходимо будет прибегнуть к новой операции. Государство, предпринимающее переливку монеты, должно будет отправить большое количество старой монеты в страну, регулирующую курс, и, обеспечив себе кредит, заставить курс подняться на высоту, при которой новый экю в 3 ливра стоил бы почти столько же грошей, сколько стоил при вывозе из страны экю в 3 ливра старой монетой. Я говорю *почти*, потому что при малой прибыли не будет побуждений к вывозу монеты за границу вследствие издержек провоза и риска конфискации.

При этом полезно уяснить еще следующее. Бернар или иной банкир, услугами которого захочет воспользоваться государство, предлагает векселя на Голландию по цене на 1, 2 и 3 гроша выше действительного курса: он запасся ими за границей, постоянно переправляя туда старую монету. Таким образом, он поднимает курс на ту высоту, о которой мы только что говорили. Посредством выдачи векселей он сосредоточивает в своих руках всю новую монету и заставляет других банкиров, которым надлежит производить платежи, представлять имеющуюся у них старую монету на монетный двор, мало того, сосредоточив незаметно в своих руках все деньги, он заставляет других банкиров в свою очередь давать ему переводные векселя по очень высокому курсу, прибыль в конце операции, таким образом, в значительной степени вознаграждает его за убытки, понесенные в начале ее.

Очевидно, что в продолжение всей этой операции государство будет страдать от жестокого кризиса. Количество денег в нем уменьшается до крайности, во-первых, потому что приходится изъять из обращения большую часть их, во-вторых, потому что придется вывезти часть их за границу, в-третьих, потому что все будут скрывать их, не желая уступить государю прибыли, которую надеются получить сами. Опасно совершать эту операцию медленно, опасно совершать ее и слишком быстро. Если предполагаемые выгоды очень велики, то соответственно возрастут и неудобства от этой операции.

Выше мы видели, что, когда курс бывает ниже стоимости монеты, выгодно вывозить деньги, по той же причине становится выгодным снова ввозить их, когда курс поднимается выше этой стоимости.

Но есть один случай, когда бывает выгодно вывозить монету, хотя бы курс и стоял альпари: это когда ее посылают за границу, чтобы перечековать или наложить клеймо. С возвращением обратно, будет ли она употребляться внутри страны или будут взяты векселя па другие государства, монета принесет прибыль.

Если бы в каком-нибудь государстве образовалась промышленная компания с очень большим количеством акций и ей удалось бы за несколько месяцев поднять их цену в 20 или 25 раз против первоначальной покупной цены, если бы то же государство основало банк, билеты которого должны были бы исполнять роль монеты, причем эти билеты имели бы колоссальную номинальную стоимость соответственно колоссальной номинальной стоимости акций (это система Ло[122]), — то в силу самой природы вещей эти акции и билеты должны будут уничтожиться таким же порядком, каким они возникли. Нельзя внезапно поднять акции в 20 или 25 раз против их первоначальной стоимости, не дав многим людям возможности приобрести громадные богатства в бумагах. Всякий будет стараться при этом упрочить свое состояние, а так как вексельный курс дает наиболее легкий способ изменить его природу или переместить его по желанию, то и начнется непрерывное перемещение части этих ценностей в страну, регулиующую курс. Но постоянное стремление к переводу в чужие страны понизит курс. Предположим, что во время системы Ло при существовавших тогда пробе и весе серебряной монеты обмен по курсу равнялся 40 грошам за эю. После того как бесчисленное количество бумаг стало монетой, начали давать лишь 39 грошей за эю, затем 38, 37 и т. д., пока курс не упал до 8 грошей, и, наконец, всякий обмен по курсу прекратился.

На долю курса выпало в этом случае определить во Франции отношение между серебром и бумагой. Предположим, что по весу и пробе серебряный эю в 3 ливра стоил 40 грошей и что по курсу, выраженному в бумагах, эю в 3 ливра в бумагах стоил всего 8 грошей, разница была па четыре пятых. Итак, эю в 3 ливра в бумагах стоил на четыре пятых менее, чем эю в 3 ливра серебром.

ГЛАВА XI

Об операциях с монетой у римлян

Как ни произвольны были правительственные мероприятия с монетой во Франции в наше время, при двух сменивших друг друга министерствах, римляне предпринимали в этом отношении еще более произвольные операции не в то время, когда республика разлагалась, и не тогда, когда она находилась в состоянии полной анархии, но в пору ее расцвета, когда, покорив города Италии, она оспаривала силой своей мудрости и своего мужества владычество над миром у Карфагена.

Я охотно углублюсь в рассмотрение этого предмета для того, чтобы не приводили как образец то, что не может служить образцом.

В первую пуническую войну ас, который должен был содержать 12 унций меди, весил всего 2 унции, а во вторую пуническую войну — 1. Это уменьшение веса соответствует тому, что мы теперь называем повышением номинальной стоимости монеты. Разве не одно и то же

— отнять от экю в 6 ливров половину серебра, чтобы сделать из 1 экю 2, или присвоить ему стоимость 12 ливров?

До нас не дошло никаких сообщений о том, каким способом римляне произвели эту операцию в первую пуническую войну, но то, что они сделали во вторую, свидетельствует об их поразительной прозорливости. Республика не имела возможности уплатить свои долги. Ас весил 2 унции меди, а динарий стоил 10 асов, или 20 унций меди, республика выпустила асы весом в 1 унцию меди и выиграла половину на своих кредиторах, уплатив за каждый динарий 10 унций меди. Эта операция произвела сильное потрясение в государстве, надо было его по возможности умерить. Она заключала в себе несправедливость, надо было сделать ее возможно менее несправедливой. Целью ее было освобождение республики от обязательств по отношению к гражданам, не следовало, чтобы она освобождала граждан от их обязательств по отношению друг к другу. Это дало повод ко второй операции: было постановлено, чтобы динарий, содержащий 10 асов, впредь содержал 16 асов. Следствием этой двойной операции было то, что, в то время как кредиторы республики теряли половину, кредиторы частных лиц теряли только одну пятую, товары поднялись в цене всего на одну пятую, действительное изменение в монете равнялось всего одной пятой. Остальные последствия ясны.

Итак, римляне поступали лучше, чем мы, так как мы включили в свои операции и общественное, и частное имущество. Это еще не все: они, как это будет показано ниже, совершали свои операции при более благоприятных условиях, чем мы.

ГЛАВА XII

Обстоятельства, при которых римляне производили свои операции с монетой

В древней Италии было очень мало золота и серебра: в этой стране мало и даже вовсе нет золотых и серебряных рудников. Когда Рим был взят галлами, в нем была найдена всего тысяча фунтов золота, хотя римляне ограбили многие могущественные города и перенесли к себе их богатства. Долгое время они употребляли только медную монету, и лишь после заключения мира с Пирром у них оказалось достаточно серебра, чтобы ввести у себя серебряную монету. Они выпустили серебряные динарии стоимостью в 10 асов, или 10 фунтов меди. Следовательно, серебро относилось к меди, как 1 к 960. Римский динарий, равный 10 асам, или 10 фунтам меди, стоил 120 унций меди, и тот же динарий стоил одну восьмую унции серебра, что и дает отношение 1 к 960.

Установив свое владычество над той частью Италии, которая ближе всего лежит к Греции и Сицилии, Рим мало-помалу оказался между двумя богатыми народами: греками и карфагенянами. Количество серебра стало увеличиваться, и прежнее его отношение к меди, как 1 к 960, не могло более держаться. Тогда Рим предпринял ряд операций со своей монетой, сущность которых осталась для нас неизвестной. Мы знаем только, что в начале второй пунической войны римский динарий стоил не более 20 унций меди, таким образом, отношение серебра к меди было не более чем 1 к 160. Сокращение это было весьма значительно, так как республика выигрывала пять шестых на всей медной монете, но этим было сделано лишь то, чего требовала сама природа вещей, а именно — восстановлено равновесие между металлами, служившими монетой.

Мир, которым закончилась первая пуническая война, сделал римлян владыками Сицилии. Вскоре затем они перешли в Сардинию, вступили в сношения с Испанией, и количество серебра в Риме снова увеличилось. Новая операция уменьшила вес серебряного динария с 20 унций на 16, и следствием ее было установление нового отношения серебра к меди-1 к 128 вместо 1 к 160.

Изучая историю римлян, вы лучше всего постигнете их превосходство, в выборе ими обстоятельств, при которых они творили добро или зло.

ГЛАВА XIII

Операции с монетой во времена императоров

Сущность операций с монетой во время республики сводилась к уменьшению веса монеты, причем государство поверяло народу свои затруднения и не пыталось вводить его в заблуждение. Императоры вступали на путь примесей. Эти государи, доведенные до отчаяния собственной щедростью, были вынуждены прибегнуть к порче монеты. Это было околное средство, которое ослабляло зло, хотя, по-видимому, его не затрагивало. Часть дара втихомолку брали обратно, ни слова не говорилось об уменьшении оплаты или раздач, и тем не менее они оказывались уменьшенными. Можно еще видеть в коллекциях медали так называемого накладного металла, в которых медь покрыта лишь одной пластинкой серебра. Об этой монете говорится в одном фрагменте книги LXXVII Диана.

Дидий Юлиан первый начал практиковать уменьшение ценности монеты. Находят, что монета Каракаллы содержала наполовину примесей, а Александра Севера — на две трети, так шло дальше, и при Галлене употреблялась только посеребренная медь.

Очевидно, что эти насильственные операции невозможны в наше время, государь, который попытался бы к ним прибегнуть, обманул бы только себя самого — и никого больше. Вексельный курс научил банкиров сравнивать между собою монеты всех стран света и определять их действительное достоинство. Проба монеты не может более оставаться тайной. Если государь начнет чеканить низкопробную монету, все бросятся помогать ему. Прежде всего уйдет полноценная монета и вернется к нему малоценной. Если бы он стал, подобно римским императорам, обесценивать серебро, не касаясь золота, он увидел бы быстрое исчезновение золота, и ему осталось бы одно его порченное серебро. Вексельный курс, как я сказал в предыдущей книге, сделал невозможными произвольные мероприятия власти в этом отношении или по крайней мере исключил возможность их успеха.

ГЛАВА XIV

Почему вексельный курс стеснителен для деспотических государств

Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма — и не может. Торговля, чтобы сделаться прочной, требует вексельных операций, но вексельные операции находятся в противоречии со всеми законами этой страны.

В 1745 году царица [123] подписала указ об изгнании евреев за то, что они перевели за границу деньги лиц, сосланных в Сибирь, и иностранцев, состоящих на русской службе. Подданные империи, подобно рабам, не имеют права без специального разрешения ни выехать за границу, ни переслать туда свое имущество. Итак, вексельный курс, дающий возможность переводить деньги из одной страны в другую, противоречит законам Московии.

Самая торговля противоречит этим законам. Народ там состоит из одних рабов — рабов, прикрепленных к земле, и рабов, которые называются духовенством или дворянством на том основании, что они — господа первых. Таким образом, в Московии нет третьего сословия, которое должно состоять из ремесленников и купцов.

ГЛАВА XV

Обычай, существующий в некоторых государствах Италии

В некоторых государствах Италии были изданы законы, имевшие целью воспрепятствовать продаже земель подданными этих государств для перевода денег за

границу. Эти законы могли быть хороши, когда богатства всякого государства были его неотъемлемой собственностью, так что нельзя было без больших затруднений передать их другому государству. Но с тех пор как благодаря употреблению вексельного курса богатства не принадлежат, так сказать, тому или другому государству в отдельности и существует возможность без всяких затруднений переводить их из одного государства в другое, закон, не позволяющий распоряжаться земельной собственностью, тогда как можно распоряжаться своими деньгами, должен быть признан дурным законом. Он дурен, потому что дает преимущество движимому имуществу перед землей, потому что отбивает у иностранцев охоту селиться в стране и, наконец, потому что его легко обойти.

ГЛАВА XVI

О помощи, которая может быть оказана государству банкирами

Банкиры существуют для того, чтобы менять деньги *и*, а не для того, чтобы давать их взаймы. Если государь пользуется их услугами лишь в целях дисконта, то, поскольку он делает большие обороты, самая малая прибыль, которую он доставляет банкирам за их переводные векселя, составляет значительную сумму. Если же от него требуют больших прибылей, он может быть уверен, что причина тому заключается в дурной администрации. Когда, напротив, к банкирам обращаются за получением авансов, искусство их должно проявиться в том, чтобы получать возможно большие барыши, не подвергаясь при этом обвинению в ростовщичестве.

ГЛАВА XVII

О государственных долгах

Существовало мнение, что государству выгодно состоять в долгу у самого себя. Предполагалось, что это умножает богатство путем усиления обращения.

Я полагаю, что здесь смешали понятие обращения бумаг, представляющих собой деньги[125] или служащих знаком уже реализованных или предстоящих прибылей какой-нибудь торговой компании[126], с обращением долговых расписок[127]. Первые два случая для государства очень выгодны, последний — нет, все, чего можно ожидать от долгового обязательства, — это, чтобы оно служило для частных лиц надежным ручательством в уплате национального долга, т. е. доставляло следуемые по нему платежи. Но, с другой стороны, из обращения таких бумаг проистекают следующие неудобства:

1. Если в руках иностранцев находится много таких долговых обязательств, то они ежегодно извлекают из страны значительные суммы в виде процентов.

2. В стране, которая состоит в постоянном долгу, вексельный курс должен быть очень низок.

3. Налог, взимаемый для уплаты процентов по долгу, вредит промышленности, повышая заработную плату.

4. Прямые доходы государства отнимаются у труда и промышленности и передаются людям праздным, другими словами, облегчается труд для тех, кто не трудится, и создаются затруднения для труда тех, кто трудится.

Вот неудобства, выгод же никаких я не знаю. Предположим, что десять человек имеют каждый по тысяче экю дохода от земли или от промышленности. Для нации это составляет из расчета 5 процентов капитал в 200 тысяч экю. Если эти десять человек употребляют половину своего дохода, т. е. 5 тысяч экю, на уплату процентов на занятые ими 100 тысяч экю, то для государства это составляет те же 200 тысяч экю, или на языке математики: 200 тысяч экю — 100 тысяч экю + 100 тысяч экю = 200 тысяч экю.

При этом может еще ввести в заблуждение то, что бумаги, представляющие собою национальный долг, суть свидетельство богатства, так как только богатое государство может поддерживать такие бумаги, не подвергаясь разорению. Если оно не разоряется, следует заключить, что оно располагает другими большими богатствами. На том основании, что есть средства против зла, утверждают, будто нет самого зла, и называют зло добром, потому что средства борьбы со злом сильнее зла.

ГЛАВА XVIII

О погашении государственных долгов

Необходимо соблюдение известной соразмерности между государством как кредитором и государством как должником. Государство может быть кредитором без ограничения, но должником оно может быть только до известного предела, далее которого оно утрачивает право быть кредитором.

Если такое государство пользуется еще твердым кредитом, оно может последовать счастливому примеру одного из европейских государств[128], а именно: приобрести большое количество наличных денег и предложить своим кредиторам — частным лицам возвращение капитала, если они не предпочтут снизить процент. И действительно, когда государство занимает, размер процента определяется капиталистами, поэтому если оно предлагает уплатить долг, то оно может само определить и размер процента.

Но одного уменьшения процента недостаточно, надо, чтобы сберегаемая этим путем сумма пошла на образование фонда погашения для ежегодной уплаты части капитала, — операция тем более счастливая, что выгода от нее возрастает с каждым днем[129].

Когда кредит государства не вполне прочен, является новая побудительная причина для того, чтобы образовать фонд погашения, ибо создание такого фонда скоро возвращает государству утраченное доверие.

1. Если это государство — республика, т. е. имеет образ правления, который по природе своей допускает мероприятия, рассчитанные на продолжительное время вперед, то капитал фонда погашения может быть незначителен. В монархии размер его должен быть больше.

2. Правила этой операции должны быть такого рода, чтобы тяжесть ее падала на всех граждан государства, так как все они несут тяжесть долга, причем кредиторы государства, внося свою долю, сами себе платят.

3. Есть четыре класса людей, уплачивающих государственные долги: землевладельцы, лица торговых профессий, земледельцы и ремесленники и, наконец, лица, живущие на доход с государственной ренты или капиталов. Из этих четырех классов последний в случае нужды, казалось бы, наименее заслуживает пощады, как класс совершенно бездеятельный в государстве, которое поддерживается деятельными усилиями трех остальных классов. Но так как нельзя отягощать его более других, не уничтожая этим того чувства общественного доверия, без которого не могут обойтись ни государство в целом, ни эти три класса в отдельности, так как утрата общественного доверия известным количеством граждан неизбежно заставляет думать, что это доверие утрачено всеми, так как класс заимодавцев наиболее подвергается угрозе каких-либо преобразований со стороны правительства и всегда находится, так сказать, у него на глазах и под рукой, — надо, чтобы государство оказывало ему особое покровительство и чтобы должник не имел никогда ни малейших преимуществ перед заимодавцами.

ГЛАВА XIX

О ссуде под проценты

Деньги суть знаки ценностей. Ясно, что тот, кто нуждается в этих знаках, должен их занимать, подобно тому как он это делает со всеми другими вещами, в которых имеет нужду. Разница лишь в том, что все другие вещи могут наниматься и покупаться, тогда как деньги, составляющие цену вещей, «нанимаются», но не покупаются.

Давать кому-либо свои деньги займы без процентов — дело весьма похвальное, очевидно, однако, что такое действие может быть предметом религиозного совета, но отнюдь не гражданского закона.

Для правильного хода торговли необходимо, чтобы деньги имели известную цену и чтобы цена эта была невысока. Если она слишком высока, то торговец, соображая, что ему, пожалуй, придется заплатить по процентам более, чем он получит барышей, ничего не предпринимает, если же деньги не имеют цены, тогда никто не дает их в ссуду, и торговец опять-таки ничего не предпримет.

Я неправ, говоря, что никто не дает денег в ссуду. Общественные дела не могут оставаться без движения, устанавливаются повышенные проценты, но они сопровождаются неурядицей, которая была известна во все времена.

Закон Магомета не делает разницы между лихвой и ссудой из процента, и ростовщичество растет в магометанских странах пропорционально строгостям запрета. Заимодавец вознаграждает себя этим способом за риск, проистекающий из нарушения закона.

В этих странах Востока большинство людей ни в чем не имеет уверенности. Шансы на получение обратно суммы, отданной в ссуду, очень невелики, и потому лихвенный процент растет пропорционально угрозе несостоятельности должника.

ГЛАВА XX

О процентах в морской торговле

Чрезвычайно высокие проценты в морской торговле вызваны двумя причинами: опасностью морских плаваний, вследствие чего люди решаются одалживать свои деньги лишь в расчете получить гораздо больше, и легкостью, с которой заемщик может совершать в короткий срок многочисленные крупные торговые операции. Между тем в прочих видах торговли высокие проценты не имеют ни того, ни другого из этих оснований и потому воспрещены законом или же, что гораздо разумнее, ограничены справедливыми размерами.

ГЛАВА XXI

О ссуде по договору и о лихве у римлян

Кроме торговой ссуды существует своеобразная ссуда по гражданскому договору, дающая также процент — простой или лихвенный.

Когда могущество римского народа росло с каждым днем, власти старались угождать ему и предлагали на его утверждение такие законы, которые были ему наиболее приятны. Народ сократил размеры капиталов, уменьшил проценты, воспретил взимать их, отменил лишение свободы за долги, наконец, каждый раз, как тот или другой трибун хотел завоевать себе популярность, поднимался вопрос об уничтожении долговых обязательств.

Эти постоянные перемены, осуществлявшиеся то законодательным путем, то посредством плебисцитов, привели к тому, что лихвенные проценты стали в Риме обычным явлением: кредиторы, видевшие в народе одновременно своего должника, законодателя и судью, потеряли всякую веру в договоры. Народ, как утративший доверие должник, не мог достать денег займы иначе, как под высокие проценты, тем более что, если законы вступали

в силу лишь время от времени, жалобы народа не прекращались никогда и постоянно устрашали кредиторов. В результате в Риме были уничтожены все честные способы брать и давать деньги займы и водворилось самое ужасное ростовщичество. С ним вели постоянную борьбу, но оно неизменно возрождалось. Зло проистекало от того, что было утрачено чувство меры. Законы, не соблюдающие пределов в добре, причиняют людям беспредельное зло. Приходилось платить и за получение денег в ссуду, и за опасность подвергнуться каре закона.

ГЛАВА XXII

Продолжение той же темы

Древние римляне не имели законов, определяющих размер процента. В распрях, возникших по этому поводу между плебеями и патрициями, и во время самого удаления плебеев на Священную гору, одна сторона ссылалась только на верность данному слову, другая — на срок договора.

Итак, в делах ссуды стороны руководились частными соглашениями, и я полагаю, что наиболее распространенной нормой было 12 процентов в год. Я основываюсь на том, что на древнем языке римлян рост в 6 процентов назывался половинным, в 3 процента — четвертным, полным ростом были, следовательно, 12 процентов.

На вопрос, каким образом могли установиться столь высокие проценты у народа, почти не имевшего торговли, я отвечаю, что народ этот, очень часто воевавший только по обязанности, без жалования, постоянно нуждался в займах, что, поскольку эти походы обычно оканчивались удачно, он очень часто мог без затруднений уплачивать свои долги. Это чувствуется и в повествовании о возникших по этому поводу распрях: в нем не оспаривается алчность заимодавцев, но говорится, что жалобщики могли бы заплатить долги, если бы вели более умеренный образ жизни.

Таким образом, издавались законы, которые несколько не изменяли существующего положения вещей: постановлялось, например, что кредиторы не будут преследовать тех, кто поступит на службу, чтобы принять участие в предстоящей войне, что заключенные в оковы будут освобождены, а наиболее нуждающихся отправят в колонии, иногда производились раздачи из общественной казны. Народ успокаивался, чувствуя облегчение от настоящих страданий, а так как он затем ничего не требовал для предотвращения того же зла в будущем, то сенат не находил нужным предупреждать его.

В те времена, когда сенат с большой настойчивостью отстаивал высокие проценты, римлян отличали любовь к бедности, воздержание и довольство скромным положением. Государственное устройство было таково, что первые граждане несли все повинности, простой же народ не платил ничего. Каким образом можно было лишить первых права преследовать своих должников и в то же время требовать, чтобы они исполняли свои обязанности и приходили на помощь настоятельным потребностям республики?

Тацит говорит, что закон двенадцати таблиц установил размер роста в 1 процент в год. Очевидно, он ошибся, приняв за закон двенадцати таблиц другой закон, о котором мы будем говорить ниже. Если законы двенадцати таблиц действительно определили размер роста, то невозможно понять, почему в возникавших впоследствии спорах между заимодавцами и должниками никто на него ни разу не сослался? Мы не находим нигде следов этого закона о росте, к тому же достаточно самого общего знакомства с римской историей, чтобы понять, что подобный закон не мог быть делом децемвиров.

Закон Лициния, изданный 85 лет спустя после закона двенадцати таблиц, был одним из тех временных законов, о которых говорилось выше. Он предписывал уменьшение капитала на сумму внесенных уже процентов и уплату его в три срока равными частями.

В 398 году от основания Рима трибуны Дуэлий и Менений провели закон, ограничивший размер роста до 1 процента в год. Это и был тот самый закон, который Тацит

смешал с законом двенадцати таблиц,— первый закон, установивший у римлян определенный размер роста. Десять лет спустя этот рост был уменьшен вдвое, а впоследствии отменен совершенно — в 413 году от основания Рима, при консулах Кае Марции Рутилии и Квинте Сервилии, если верить свидетельству некоторых авторов, которыми пользовался Тит Ливий.

С этим законом произошло то же, что и со всеми законами, в которых законодатель впал в крайность, а именно: найдено было средство обходить его. Чтобы его утвердить, исправить и ввести в должные рамки, пришлось издать целый ряд других законов. В одних случаях оставляли законы, чтобы следовать обычаям, в других покидали обычаи, чтобы следовать законам, причем обычаи все-таки легко одерживали верх. Занимая деньги, человек встречает препятствие со стороны того самого закона, который создан для защиты его интересов, противниками этого закона оказываются и тот, кого он защищает, и тот, кого он осуждает. Претор Семпроний Азеллио, разрешивший должникам действовать согласно закону, был умерщвлен займодавцами за то, что осмелился напомнить о неукоснительности в исполнении закона, которого не могли более переносить.

Оставляю город, чтобы бросить взгляд на провинции. Я говорил уже 13 °, что римские провинции были разорены деспотическим и жестоким правлением. Но это не все: они были разорены еще и страшным ростовщичеством.

Цицерон говорит, что саламинцы хотели сделать заем в Риме, но не могли по причине закона Габиния. Следует объяснить, что это был за закон.

После того как в Риме были запрещены займы из процентов, начались всевозможные измышления с целью обойти закон. Так как союзники и латины не были подчинены гражданскому законодательству римлян, то стали прибегать к содействию латина или союзника, который давал свое имя и принимал на себя роль кредитора. Таким образом, закон достиг только того, что подчинил займодавцев новой формальности, но народу от этого не стало легче.

Народ начал жаловаться на этот обман, и народный трибун Марк Семпроний по распоряжению сената провел плебисцит, который распространял действие закона, воспрещающего заключение займов из процента между двумя римскими гражданами, на сделки между римским гражданином и союзником или латином.

В те времена союзниками называли народы собственно Италии до Арно и Рубикона, которые не подлежали управлению, установленному для римских провинций.

Тацит говорит, что это не пресекло новых обходов законов о росте. Если нельзя было больше ни брать, ни давать займы под личиной союзника, можно было легко заменить его провинциалом, дававшим свое имя для заключения сделки.

Потребовался новый закон, который прекратил бы и это злоупотребление. Габиний, создавший знаменитый закон, целью которого было устранить подкуп при подаче голосов, естественно, должен был прийти к заключению, что лучшим средством к тому было сделать затруднительными займы. Подкупы и займы были между собой тесно связаны: рост на деньги всегда увеличивался ко времени выборов, так как деньги были нужны для приобретения голосов. Очевидно, Габиниев закон распространил на провинциалов действие Сем-пронисва сенатского постановления, так как саламинцы не могли занять денег в Риме именно по причине этого закона. Брут под чужими именами дал им деньги займы из четырех процентов в месяц и получил на это два сенатских постановления: в первом из них было сказано, что заем этот не будет считаться обманном обходом закона и что правитель Киликии должен разбирать это дело согласно договору, изложенному в заемном документе саламинцев.

Так как займы из процентов между провинциалами и римскими гражданами были воспрещены законом Габиния, римские же граждане имели в то время в своих руках деньги всей вселенной, то приходилось соблазнять их обещанием высоких процентов, которые заставляли алчных людей забывать об опасности, грозившей отданной займы сумме. К тому же в Риме находились сильные люди, которых боялись сами власти и которые заставляли

безмолвствовать закон, они смело давали займы и смело требовали очень высоких процентов. Поэтому провинции одна за другой подвергались ограблению со стороны всех, кто только пользовался влиянием в Риме, а так как всякий новый правитель, вступая в управление провинцией, издавал свой эдикт, в котором определял размер роста по произволу, то и выходило, что корыстолюбие и законодательство подавали друг другу руку.

Необходимо, чтобы дела шли своим чередом: государство погибает, если в нем все бездействует. Были случаи, когда города, сословия, городские общества, частные лица, понуждаемые крайней необходимостью, занимали хотя бы для того, чтобы исправить опустошения, произведенные армиями, хищениями властей, лихоимством должностных лиц и дурными привычками, которые укоренялись с каждым днем, ибо никогда еще не было ни столько богатства, ни столько бедности. Сенат, обладавший исполнительной властью, по необходимости, а часто и по попустительству разрешал займы у римских граждан и издавал соответствующие сенатусконсулты. Но эти сенатусконсулты были сами опорочены законом и могли послужить для народа поводом к требованию новых таблиц. Все это, усиливая риск потери капитала, еще более увеличило размер роста. Опять повторю: людьми управляет умеренность, а не крайности.

Тот платит меньше, говорит Ульпиан, кто платит позже. Вот принцип, который руководил законодателями после разрушения римской республики.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О законах в их отношении к численности населения

ГЛАВА I

О людях и животных с точки зрения продолжения рода

Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада, О благая Венера!

...Тобою все сущие твари

Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят. Ветры, богиня, бегут перед тобою, с твоим приближеньем Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские, И умирная гладь сияет разлившимся светом. Ибо весеннего дня лишь только откроется облик, И, вострепнувшись от пут, Фавоний живительный дунет, Первыми весть о тебе и твоём появлении, богиня, Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою. Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный, Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь. И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам, По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым, Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце, Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье. Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы, И ничего без тебя на божественный свет не рождается, Радости нет без тебя никакой и прелести в мире[132].

Самки животных обладают способностью почти постоянного размножения, но у человека образ мыслей, характер, страсти, прихоти, капризы, желание сохранить красоту, неудобства беременности и слишком многочисленного семейства ставят размножению тысячи помех.

ГЛАВА II

О браке

Естественная обязанность отца кормить своих детей послужила поводом к

установлению брака, указывающего на лицо, которое должно нести эту обязанность. Народы, о которых говорит Помпоний Мела, определяли отцовство лишь на основании сходства.

У цивилизованных народов отцом считается тот, кого в силу брачного обряда законы признают за такового, потому что в нем они находят то лицо, которое ищут.

У животных эти обязанности обыкновенно настолько ограничены, что могут быть в достаточной мере выполнены одной матерью, но у человека они несравненно шире: если дети и одарены разумом, то он развивается у них лишь постепенно, поэтому недостаточно их выкормить, ими нужно еще и руководить, когда они уже могут жить, они еще не в состоянии управлять собою.

Незаконные связи мало способствуют размножению рода. Личность отца, на котором лежат естественные обязанности прокормления и воспитания детей, остается в таком случае невыясненной, мать же, на которую ложатся эти обязанности, встречает в исполнении их тысячу препятствий, как, например, стыд, угрызения совести, стеснения, свойственные ее полу, строгость законов, к тому же в большинстве случаев она не имеет и средств для этого.

Женщины, предающиеся открытой проституции, лишены удобств, требуемых для воспитания детей. Заботы по воспитанию даже несовместимы с их положением, к тому же они настолько развращены, что не могут пользоваться доверием закона.

Из всего этого следует, что общественная нравственность составляет естественное условие размножения человеческого рода.

ГЛАВА III

О положении детей

Самый рассудок говорит нам, что в браке дети получают звание отца, а вне брака могут иметь отношение лишь к матери.

ГЛАВА IV

О семействе

Почти повсеместно принято, чтобы жена вступала в семью мужа. Обратное существует без всяких, впрочем, неудобств на Формозе, где муж становится членом семьи жены.

Закон, устанавливающий семью, как преемственный ряд лиц одного пола, весьма благоприятствует размножению человеческого рода. Семья становится как бы собственностью, человек, имеющий детей только того пола, который не обеспечивает существования семьи в будущем, бывает всегда недоволен, что у него нет детей другого пола, который должен ее увековечить.

Фамилии, дающие человеку представление о чем-то, что не должно погибнуть, обладают способностью внушать всякому семейству желание продолжить свое существование. Есть народы, у которых имена служат для обозначения семейств, у других ими отличают лишь отдельных лиц, что менее удобно.

ГЛАВА V

О различных разрядах законных жен

Иногда законы и религия устанавливают несколько видов гражданского союза, например, у магометан, у которых различают несколько разрядов жен и дети распознаются

по рождению в доме или по гражданским контрактам, или по нахождению матери в рабстве, или же по последующему признанию их отцом.

Было бы противно разуму, если бы закон стал признавать позорным в детях то, что одобрял в отце, следовательно, все его дети должны участвовать в наследстве, если для этого нет каких-либо особых препятствий, как, например, в Японии, где наследуют лишь дети от жены, взятой по назначению императора. Последнее делается по политическим соображениям, требующим, чтобы пожалованное императором имущество не подвергалось слишком мелкому дроблению, так как владение им соединено с обязательной службой, подобно тому как у нас в прежнее время владение феодами.

Есть страны, где каждая законная жена пользуется в доме приблизительно таким же почетом, каким у нас — единственная жена, дети от наложниц считаются там принадлежащими первой жене: так установлено в Китае. Сыновнее почтение, церемониал строгого траура оказывают здесь не естественной матери, а матери, назначенной законом.

Посредством такой фикции устраняется представление о незаконнорожденных детях, но, где этой фикции нет, там закон, признающий законными детей от наложницы, должен быть, очевидно, законом насильственным, потому что он налагает позорное клеймо на большую часть народа.

Точно так же в этих странах не может быть речи и о детях, рожденных в прелюбодейной связи, изоляция женщин, их затворничество, евнухи и замки так затрудняют подобные отношения, что закон считает их невозможными. Последствием их было бы уничтожение одним и тем же мечом и матери, и ребенка.

ГЛАВА VI

О незаконнорожденных детях при разных образах правления

Итак, незаконнорожденных детей не знают там, где дозволено многоженство, но это понятие существует в таких странах, в которых закон разрешает иметь только одну жену. В этих странах приходилось клеймить позором незаконное сожительство, а следовательно, и рожденных в нем детей.

В республиках, где необходимо блюсти чистоту нравов, незаконнорожденных детей еще более презирают, чем в монархиях.

Законы в Риме были к ним, быть может, слишком суровы, но так как древние учреждения делали брак необходимым для всех граждан, а, с другой стороны, брачные узы облегчались разрешением репудии или развода, то только чрезмерное развращение нравов могло побуждать к незаконному сожительству.

Следует еще заметить, что так как в демократиях звание гражданина, соединенное там с правами верховной власти, пользовалось большим уважением, то при этой форме правления часто издавались законы о незаконнорожденных детях, имевшее отношение не столько к существу предмета и достоинству брака, сколько к частным свойствам республиканских учреждений. Так, народ иногда принимал незаконнорожденных в число граждан с целью увеличить свои силы против влиятельной знати. Так, в Афинах он, напротив, исключал незаконнорожденных из числа граждан, чтобы увеличить причитающуюся на гражданина долю из присланного египетским царем хлеба. Наконец, Аристотель говорит нам, что во многих городах, когда чувствовался недостаток в гражданах, незаконнорожденные допускались к наследованию и устранялись от наследования, когда граждан было достаточно.

ГЛАВА VII

О согласии родителей на брак

Требование согласия родителей основано на их власти, т. е. на их праве собственности. Кроме того, оно основано на их любви и разуме, а также на неразумии детей, невежественных по причине их молодости и легко поддающихся опьянению страстей.

В малых республиках или при тех особенных учреждениях, о которых мы говорили, возможны законы, предоставляющие должностным лицам наблюдение за браками детей граждан, т. е. дающие им право, которым природа наделила отцов. Любовь к общественному благу может быть там не слабее, а даже сильнее всех других чувств. Поэтому Платон требовал, чтобы браки устраивались властями, правители Лакедемона, действительно, вмешивались в заключение брачных союзов.

Но при обыкновенном строе право устраивать браки детей принадлежит отцам, они проявляют большее благоразумие, чем какое бы то ни было учреждение. Природа внушает родителям желание обеспечить своим детям наследников — желание, которое у самих детей проявляется в гораздо более слабой степени. В различных поколениях отцы видят свое собственное постепенное восхождение к будущему. Но что произошло бы, если бы насилие и алчность захотели похитить эту власть у отцов? Послушаем, что говорит Томас Гаж о поведении испанцев в Америке:

«Для увеличения числа плательщиков податей было приказано, чтобы все индейцы, достигшие пятнадцати лет, вступили в брак, был даже установлен возраст брачующихся — 14-летний для мужчин и 13-летний для девушек. При этом ссылались на правило, гласящее, что «злонравие восполняет возраст». Автор видел одну из таких переписей: это было, говорит он, нечто позорное. Таким образом, в житейском деле, которое более всякого другого нуждается в свободе, индейцы остаются еще рабами.

ГЛАВА VIII

Продолжение той же темы

В Англии девушки часто злоупотребляют законами, выходя замуж по собственному выбору, не посоветовавшись с родителями. Мне кажется, что в Англии этот обычай может быть терпим более, чем в какой-либо другой стране, потому что английские законы не знают монастырского безбрачия, и девушки, не предвидя в будущем иного состояния, кроме брачного, не могут от него воздерживаться. Во Франции же существует учреждение монашества, и потому девушки всегда могут избрать безбрачие, поэтому и закон, связывающий их родительским согласием, может считаться в этом случае более уместным. С этой точки зрения наименее разумными следует признать обычаи Италии и Испании: монашество в них утверждено законом, и в то же время допускается брак помимо родительского согласия.

ГЛАВА IX

О девушках

Девушки, которым только брак открывает путь к удовольствиям и свободе, ум которых не дерзает мыслить, а сердце чувствовать, глаза не смеют видеть, а уши слышать, — девушки, которые являются в общество только для того, чтобы показать, как они глупы, которые осуждены на бесконечный вздор и стеснительные правила, не обнаруживают отвращения к браку. Не их, а молодых людей приходится поощрять к нему.

ГЛАВА X

Что побуждает людей к браку

Всюду, где только есть место для спокойного существования двух человеческих существ, заключается брак. Людей располагает к тому сама природа, если только ей не препятствуют трудности в добывании средств существования.

Вновь нарождающиеся народы размножаются и быстро растут, жизнь в безбрачии составляет для них большое неудобство, тогда как многодетность их не страшит. Обратное происходит в народе, уже сформировавшемся.

ГЛАВА XI

О суровости правительств

У людей, которые решительно ничего не имеют, как, например, у нищих, бывает много детей, потому что они находятся в положении народов нарождающихся: отцу ничего не стоит научить детей своему ремеслу, более того, они, едва родившись, сами становятся уже орудием этого ремесла. Люди эти в стране богатой или суеверной плодятся потому, что не несут никаких общественных обязанностей и только отягощают общество.

Но люди, которые бедны, потому что находятся под управлением сурового правительства, которые смотрят на свои поля не как на средство к пропитанию, а как на предлог к притеснению со стороны властей,— эти люди, говорю я, производят мало детей. У них не хватает пищи даже для самих себя, могут ли они думать о том, чтобы разделить ее с другими? Они не могут иметь попечения о самих себе во время болезни: как же они станут воспитывать существа, которые находятся в состоянии постоянной болезни, именуемой детством?

Только способность легко говорить в соединении с неспособностью думать могла привести к заключению, что чем беднее подданные, тем многочисленнее их семейства и чем обременительнее налоги, тем легче они уплачиваются. Вот два софизма, которые всегда губили монархии и в конце концов погубят их. Суровость правления может достигнуть того, что станет истреблять естественные чувства людей другими естественными же чувствами. Разве американские женщины не делали себе искусственно выкидышей, чтобы только их дети не имели столь жестоких господ?

ГЛАВА XII

О количестве детей мужского и женского пола в разных странах

Я уже сказал, что в Европе рождается больше мальчиков, чем девочек. Замечено, что в Японии девочек рождается немного больше, чем мальчиков. При прочих равных условиях в Японии будет больше способных к деторождению женщин, чем в Европе, а следовательно, и больше жителей.

В «Донесениях» Томаса Гажа говорится, что в Бантаме на одного мальчика приходится десять девочек. Эта несоразмерность, вследствие которой количество семей в Бантаме оказывается в пять с половиною раз меньше, чем в других странах, слишком велика. Конечно, семьи в Бантаме могут быть многочисленнее, но немногие люди настолько состоятельны, чтобы содержать столь большие семьи.

ГЛАВА XIII

О портовых городах

В портовых городах, где мужское население подвергается бесчисленным опасностям и уходит жить и умирать в отдаленные страны, мужчин меньше, чем женщин, детей же больше, чем где бы то ни было. Причина тому — легкость добывания средств к жизни. Возможно также, что жирные части рыбы в большом количестве содержат вещество, необходимое для деторождения. В таком случае это может быть одна из причин чрезвычайной многочисленности населения в Японии и Китае, где люди питаются почти одной рыбой. Если это так, то монастырские правила, обязывающие к употреблению только рыбной пищи, находятся в противоречии с намерением законодателей.

ГЛАВА XIV

О произведениях земли, требующих большего или меньшего количества населения

Страны, где преобладают пастбища, бывают слабо населены, потому что они дают занятие лишь небольшому количеству людей, пахотные земли требуют большего числа работников и еще несравненно большего — виноградники.

В Англии часто слышались жалобы на то, что увеличение пастбищ ведет к сокращению населения. Во Франции же замечено, что множество виноградников составляет одну из главных причин многочисленности ее населения.

Страны, где каменноугольные копи дают топливо, имеют то преимущество, что, не нуждаясь в лесе, могут обрабатывать все свои земли.

В областях, где произрастает рис, необходимы большие работы для правильного распределения влаги, а следовательно, нужно и много рабочих рук. Но это еще не все: для пропитания одной семьи там требуется меньший участок земли, чем в странах, производящих другие зерновые культуры. Наконец, поскольку работы производятся там не животными, а людьми, пространства земли, идущие в других странах под кормовые для животных, служат непосредственно для производства пищи для человека, и земледелие становится как бы одной колоссальной мануфактурой.

ГЛАВА XV

О количестве населения по отношению к ремеслам

При аграрных законах и равномерном распределении земель страна может иметь очень плотное население, хотя бы ремесла и были в ней очень слабо развиты, потому что каждый гражданин получает от обработки своей земли все то, что необходимо для его пропитания. Так было в некоторых древних республиках.

Но в современных государствах земли распределены неравномерно, они производят более, чем могут потребить те, кто их обрабатывает. Если в такой стране пренебрегают ремеслами и остаются при одном земледелии, она не может иметь густого населения. Тех, которые работают сами или заставляют работать других, ничто не будет побуждать работать в следующем году, если в текущем у них остался избыток продуктов. Продукты эти не будут потребляться праздными людьми, потому что праздным людям будет не на что покупать их. Необходимо поэтому развитие ремесел, чтобы продукты земледелия потреблялись не только земледельцами, но и ремесленниками. Короче, необходимо, чтобы в этих государствах многие земледельцы производили больше, чем нужно для их пропитания, а для этого в свою очередь необходимо развить в них потребность излишка, а эта потребность пробуждается с развитием ремесла.

Машины, предназначенные для облегчения промышленного труда, не всегда бывают полезны. Если какое-нибудь изделие продается по умеренной цене, выгодной как для

покупщика, так и для работника, то машина, которая упростит его производство, а следовательно, сократит число рабочих, будет иметь пагубное действие. Если бы водяные мельницы не находились во всеобщем употреблении, я не считал бы их столь полезными, как это обыкновенно полагают, так как они оставили бесчисленное множество рук без работы, отняли у многих людей воду и лишили плодородия многие земли.

ГЛАВА XVI

Об отношении законодателя к размножению рода

Характер постановлений, регулирующих число граждан, во многом зависит от обстоятельств. Есть страны, где природа сделала для этой цели все, ничего не оставив на долю законодателя. Нет надобности поощрять законодательным путем к размножению там, где самый климат обеспечивает достаточное количество населения. Иногда климат более благоприятствует размножению, чем почва, в таком случае количество жителей быстро растет, а голод истребляет их. Таково положение в Китае, где отец продает своих дочерей и забрасывает младенцев. Те же причины производят в Тонкине те же последствия, и для их объяснения нет надобности, подобно арабским путешественникам, о которых говорит Ренадо, обращаться к учению о переселении душ.

По тем же побуждениям на острове Формозе религия не позволяет женщине иметь детей ранее 35-летнего возраста. Женщине, забеременевшей ранее этого возраста, жрица мнет живот, пока не произойдет выкидыш.

ГЛАВА XVII

О Греции и численности ее населения

То, что в некоторых странах Востока было следствием физических причин, в Греции явилось результатом ее политического устройства. Многочисленная греческая нация состояла из отдельных городов, из которых каждый имел свое правительство и свои законы. Они обнаруживали так же мало склонности к завоеваниям, как города Швейцарии, Голландии или Германии в наше время. В каждой отдельной республике законодатель стремился, чтобы граждане были счастливы и во внешнем могуществе не уступали соседним городам. При ограниченной территории и высоком благосостоянии населения число граждан быстро возрастало и становилось стране в тягость, поэтому греки постоянно основывали колонии, нанимались на военную службу, подобно тому как это делают в наше время швейцарцы, и не пренебрегали никакими средствами, чтобы приостановить слишком высокую рождаемость.

Некоторые из греческих республик отличались своеобразным устройством: у них покоренные народы были обязаны поставлять гражданам продовольствие, так, лакедемоняне кормили илоты, критяне — периэки, фессалийцы — пенесты. Количество свободных людей не должно было превышать известной цифры, чтобы рабы могли прокормить их. Мы говорим теперь, что следует ограничить число регулярных войск. Лакедемон же весь был одной армией, которую содержали земледельцы. Необходимо было ограничить численность этой армии, иначе свободные люди, пользовавшиеся всеми общественными преимуществами, размножились бы настолько, что земледельцы оказались бы не в состоянии их прокормить.

Поэтому греческие политические деятели обращали особое внимание на способы урегулирования числа граждан. Платон определяет их число в 5 040 человек и требует, чтобы размножение населения, смотря по надобности, задерживалось или поощрялось посредством почестей, угрозы позора, увещаний старцев. Он хочет даже, чтобы государство

определяло число браков с целью нормирования количества населения, дабы не обременять республики.

Если законы страны, говорит Аристотель, воспрещают забрасывать детей, то, чтобы ограничить их число, необходимо заранее определить, сколько каждый может их произвести. Если же их оказывается больше, чем то определено законом, он советует производить искусственные выкидыши, пока зародыш не одарен еще способностью жизни.

Аристотель же свидетельствует о гнусном средстве, к которому прибегали критяне для предотвращения слишком большого числа детей, но чувство стыдливости не позволяет мне о нем говорить.

В некоторых местах, говорит еще Аристотель, закон признает гражданами иностранцев, незаконнорожденных и людей, у которых только мать была гражданкой, но закон этот отменяется, как только численность населения оказывается достаточной. Дикари Канады обыкновенно сжигают своих пленников, но если у них оказываются незанятые хижины, они дают их пленникам и считают их принадлежащими к своему народу.

По подсчетам Петти[133], в Англии человек стоит столько же, за сколько его можно продать в Алжире. Это может быть верно только для Англии, но есть страны, где человек ничего не стоит, а есть и такие, где он стоит еще менее чем ничего.

ГЛАВА XVIII

О состоянии народов до римлян

Италия, Сицилия, Малая Азия, Испания, Галлия, Германия почти так же, как Греция, изобиловали малыми народами и кишели жителями, следовательно, в этих странах не было никакой надобности в законах, поощряющих рост народонаселения.

ГЛАВА XIX

О том, как обезлюдил мир

Все эти мелкие республики поглощались одной большой, и мир мало-помалу обезлюдил. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, чем были Италия и Греция до и после римских завоеваний.

«Меня спросят,— говорит Тит Ливий,— где вольски могли найти достаточное количество воинов для ведения войны, после того как они уже столько раз терпели поражения. Надо думать, что несметное множество народа обитало некогда в этих странах, которые теперь были бы пустыней без тех немногих воинов и римских рабов, которые в них еще живут».

«Оракулы умолкли,— говорит Плутарх,— потому что разорены те места, где раздавался их голос, едва ли найдется теперь в Греции и три тысячи воинов».

«Я не стану описывать,— говорит Страбон,— Эпир и окрестные места, потому что они совсем запустели. Безлюдье в них началось уже давно и растет с каждым днем, так что римские солдаты размещаются в покинутых домах». Причину этому он находит у Полибия, который говорит, что Павел Эмилий после одержанной им победы уничтожил в Эпире 70 городов и вывел оттуда 15 тысяч рабов.

ГЛАВА XX

О том, что обстоятельства заставили римлян издать законы, имеющие целью увеличение населения

Уничтожив все народы, римляне уничтожили и самих себя. Находясь в постоянном действии и напряжении, постоянно кого-нибудь притесняя, они как бы изнашивались подобно тому, как изнашивается оружие от постоянного употребления. Я не стану говорить здесь об их заботах по приобретению «новых граждан по мере того, как они утрачивали прежних» о созданных ими союзах, о предоставлении гражданских прав жителям провинций и о неисчерпаемом питомнике граждан, который они нашли в своих рабах. Я буду говорить о том, что они сделали для пополнения убыли не в гражданах, а в людях, и так как этот народ умел лучше, чем какой бы то ни было другой, приводить свои законы в согласие со своими намерениями, то будет во всяком случае не бесполезно рассмотреть, что именно они сделали в этом направлении.

ГЛАВА XXI

О законах римлян для увеличения численности населения

Древние римские законы настойчиво побуждали граждан ко вступлению в брак. Сенат и народ часто издавали соответствующие постановления, как о том свидетельствует Август в своей речи, приводимой Дионом.

Дионисий Галикарнасский считает невероятным, чтобы после гибели 305 членов рода Фабиев, истребленных жителями Вей, в живых из всего рода остался только один ребенок, потому что древний закон, предписывавший, чтобы всякий гражданин был женат и воспитывал всех своих детей, находился еще в полной силе.

Независимо от законов за браками наблюдали цензоры, которые, если того требовали интересы республики, побуждали граждан ко вступлению в брак под угрозой стыда и наказания.

Начавшаяся затем порча нравов много способствовала тому, что граждане мало-помалу прониклись отвращением к браку, который не дает ничего, кроме забот, людям, утратившим способность наслаждаться невинными радостями. Таков смысл увещания, с которым обратился цензор Метелл Нумидик к народу: «Если бы возможно было обойтись совсем без жен, мы избавились бы от этого зла, но так как установлено природой, что нельзя ни счастливо жить с ними, ни обойтись без них, то следует более иметь в виду сохранение нашего рода, чем преходящие радости».

Падение нравов устранило цензуру, созданную для борьбы с порчей нравов, она оказалась бессильной, после того как зло стало всеобщим.

Гражданские войны, триумvirаты, проскрипции ослабили Рим более всякой войны. Граждан оставалось мало, да и те большей частью были неженаты. Чтобы устранить это последнее зло, Цезарь и Август восстановили цензуру и захотели сами сделаться цензорами. Ими изданы различные постановления. Цезарь назначил награды тем, кто имел много детей, запретил женщинам моложе 45 лет, не имевшим ни мужа ни детей, носить драгоценности и употреблять носилки — превосходный способ борьбы с безбрачием при помощи тщеславия. Законы Августа были еще требовательнее: он наложил новые наказания на холостяков и увеличил награды женатым и тем, кто имел детей. Тацит называет эти законы *Юлиевыми*, по-видимому, они образовались из сочетания древних постановлений, изданных сенатом, народом и цензорами.

Закон Августа встретил при своем применении множество препятствий, и 34 года спустя после его издания римские всадники стали просить об его отмене. Август приказал поставить на одну сторону всех женатых, на другую — холостых. Последние оказались в большинстве, что очень удивило и смутило граждан. Тогда Август с суровостью древних цензоров произнес следующую речь:

«В то время как болезни и войны похищают у нас множество граждан, что же будет с Римом, если никто более не захочет вступать в брак? Не дома, портики и площади составляют город, его составляют люди. Они не выйдут из-под земли, как в басне, чтобы

взять на себя попечение о ваших делах. Вы остаетесь холостыми вовсе не для того, чтобы жить в одиночестве, ибо каждый из вас имеет любовниц: вы ищите лишь покоя в вашем распутстве. Не сошлетесь ли вы, например, на дев-весталок? Но тогда за нарушение целомудрия вас следовало бы подвергать одинаковому с ними наказанию. Последуют ли все вашему примеру или никто не станет подражать вам,— и в том и в другом случае вы останетесь одинаково дурными гражданами. Моя единственная цель — долговечность республики. Я увеличил наказания тем, которые оказали неповиновение, что же касается наград, то не думаю, чтобы добродетель когда-нибудь получала большие. Тысячи людей готовы рисковать жизнью ради меньших наград, а вас и эти награды не могут заставить взять жену и кормить детей».

Он издал закон, который по имени его самого получил название *Юлия* и двух консулов — *Папия* и *Поппея*, занимавших эту должность в то время. Повсеместно распространившееся зло проявилось даже при их избрании. Дион говорит, что оба были неженаты и не имели детей.

Закон Августа был собственно законодательным кодексом и систематическим сборником всех законоположений по этому предмету. Законы Юлия были в нем переработаны и усилены. Эти законы так дальновидны и охватывают такой широкий круг вопросов, что составляют прекраснейшую страницу римского гражданского уложения.

Отрывки их содержатся в драгоценных фрагментах Ульпи-ана, в законах Дигест, заимствованных у авторов, писавших о законах Папия, у историков и других авторов, которые на них ссылались, в кодексе Феодосия, который их отменил, у отцов церкви, которые осуждали их с ревностью, похвальной с точки зрения будущей жизни, но с весьма слабым пониманием земной жизни.

Законы эти содержали много статей, из которых известны 35. Но избирая кратчайший путь к моему предмету, я начну со статьи, которую Авл Геллий называет седьмой и которая касается почестей и наград, предоставляемых этим законом.

Римляне, которые были большей частью выходцами из латинских городов — прежних лакедемонских колоний и даже отчасти заимствовали у этих городов свои законы, питали, подобно лакедемонянам, то почтение к старости, которое предоставляет ей все почести и все права старшинства. Когда в республике стал ощущаться недостаток в гражданах, преимущества, ранее принадлежавшие старости, были переданы браку и определенному числу детей в семье. Одни из этих преимуществ предоставлялись браку независимо от детей, которые могли от него произойти, это называлось правом мужей. Другие преимущества были присвоены лицам, имевшим двоих детей, наибольшие — если детей было не менее трех. Не следует смешивать эти три случая: были преимущества, которыми неизменно пользовались все женатые люди, как, например, особые места в театре, другими же они пользовались лишь в том случае, если их не оспаривали лица, имевшие детей или имевшие больше детей, чем они.

Преимущества эти были весьма обширны. Людям женатым, имевшим наибольшее число детей, всегда оказывалось предпочтение как при соискании почестей, так и при пользовании ими. Консул, имевший большое число детей, первый принимал знаки своего достоинства и имел преимущество в выборе провинций. Сенатор с наибольшим числом детей вносился первым в список сенаторов и первый высказывал в сенате свое мнение. Дети давали возможность занимать государственные должности ранее общеустановленного срока — каждый ребенок давал один год преимущества по службе. Кто имел в Риме трех детей, тот избавлялся от всех личных повинностей. Свободнорожденные матери троих детей и вольноотпущенницы, имевшие не менее четырех детей, избавлялись от той постоянной опеки, в которой их держали древние римские законы.

Наряду с наградами полагались и наказания. Холостые не могли наследовать по завещанию постороннего лица, лица, которые хотя и были женаты, но не имели детей, получали по такому завещанию только половину. Римляне, говорит Плутарх, вступали в брак для того, чтобы наследовать, а не для того, чтобы иметь наследников.

Права супругов завещать друг другу свое имущество были ограничены законом. Супруги могли передавать друг другу все свое имущество, если имели от своего брака детей, если детей не было, супружество давало право на одну десятую долю наследства, если же супруги имели детей от другого брака, то могли завещать друг другу столько десятых долей своего имущества, сколько было таких детей.

Муж, оставивший жену не по делам республики, а по иным причинам, не мог после нее наследовать.

В случае смерти одного из супругов закон давал оставшемуся в живых два года срока для вступления в новый брак, в случае развода — полтора года. Если родители мешали детям вступать в брак или не давали дочерям приданого, то власти принуждали их к этому.

Помолвка не допускалась в тех случаях, когда заключение брака откладывалось более чем на два года, а так как нельзя было жениться на девушке моложе 12 лет, то нельзя было и обручиться с нею прежде, чем она достигала десятилетнего возраста. Этот закон был направлен против того, чтобы граждане пользовались преимуществами женатых людей под предлогом обручения.

Человеку в 60 лет воспрещалось брать жену пятидесяти лет. Предоставляя женатым большие преимущества, закон воспрещал бесполезные браки. По той же причине сенатским определением Кальвизия был объявлен неравным брак между женщиной старше 50 и мужчиной моложе 60 лет, так что женщина 50 лет, выходя замуж, всегда подвергалась взысканиям, налагаемым законом. Тиберий еще усугубил суровость закона Папия, запретив мужчине в 60 лет вступать в брак с женщиной моложе 50, так что человек 60 лет не мог ни в каком случае жениться, не подвергаясь взысканию. Но Клавдий отменил все постановления Тиберия по этому предмету.

Все эти распоряжения более соответствовали климату Италии, чем севера, где мужчина в 60 лет не лишен еще силы, а женщина в 50 лет не всегда бесплодна. Чтобы устранить бесполезные ограничения при выборе супруга, Август разрешил всем свободнорожденным, кроме сенаторов, жениться на вольноотпущенницах. Закон Папия воспрещал сенаторам брак с женщинами, игравшими на сцене, и вольноотпущенницами. Во время же Ульпиана свободнорожденный не мог жениться на женщине распутной игравшей на сцене или осужденной по судебному приговору. По-видимому, это было постановлено каким-нибудь сенатусконсультом, во времена республики подобные законы не встречаются, потому что исправление и предупреждение бесчинств этого рода входили в обязанности цензоров.

Константин издал закон, который распространил ограничения, предусмотренные законом Папия, не только на сенаторов, но и на лиц, занимавших в государстве высокие должности, не говоря о людях более скромного положения. После этого ограничение браков касалось только тех свободнорожденных, на которых указывал закон Константина. Юстиниан отменил и этот закон Константина, разрешив вступление в брак всем лицам без различия. Это положило начало той печальной свободе, которой мы пользуемся донныне.

Понятно, что наказания за воспрещенные законом браки были те же, что и за невступление в брак, браки эти не давали никаких гражданских выгод, и закон о приданом после смерти жены терял для мужа свою силу.

После того как Август объявил собственностью казны полученные по закону и по завещанию наследства всех тех, кого законы объявили неспособными в этом отношении, законы эти получили более фискальный, чем политический и гражданский характер. Отвращение к налагаемым ими стеснениям, которые и без того уже почитались крайне обременительными, еще усилилось от угрозы постоянных притязаний со стороны алчной казны. В результате при Тиберии пришлось ограничить действие этих законов, Нерон уменьшил размер вознаграждения доносчикам, Траян остановил их грабительства, Север видоизменил эти законы, а юристы считали их тягостными и в своих решениях уклонялись от точного их соблюдения.

К тому же императоры ослабляли значение этих законов дарованием преимуществ, соединенных с правом мужей и лиц, имеющих двоих и троих детей. Они пошли еще дальше,

когда стали освобождать граждан от налагаемых этими законами взысканий, хотя в делах общественной пользы согласно общепринятым правилам отнюдь не следовало бы допускать таких изъятий.

Здравый смысл потребовал распространения прав детей на весталок, которых религия обязывала вечно оставаться девственницами. Право мужей было даровано солдатам, потому что они не имели возможности жениться. Согласно обычаю императоры освобождались от стеснений, налагаемых некоторыми гражданскими законами. Так, Август был избавлен от исполнения закона, ограничивающего право отпуска на волю рабов, и закона, ограничивающего завещательные права.

Все это были лишь частные случаи, но впоследствии изъятия раздавались так неумеренно, что общее правило стало исключением.

Философские секты внесли в империю тот дух отчуждения от общественных дел, который не мог бы так сильно распространиться во времена республики, когда все были поглощены военными занятиями или мирными ремеслами. Отсюда идея совершенствования, сопутствующая всему, что только влечет к созерцательной жизни, отсюда удаление от семейных забот и стеснений. Христианская религия, явившаяся на смену философии, как бы упрочила понятия, которые философия только подготовила.

Христианство сообщило свой характер и юриспруденции, ибо между светской и духовной властью всегда существует известная связь. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на кодекс Феодосия, который представляет собой не что иное, как свод указов христианских императоров.

Один из панегиристов Константина говорит этому императору: «Единственной целью твоих законов было наказание пороков и исправление нравов. Ты уничтожил коварство старых законов, которые, казалось, стремились только к тому, чтобы уловлять в свои сети простодушных».

Перемены, произведенные Константином, несомненно, имели в основании или идею распространения христианства или заключающуюся в нем идею совершенствования. Первая из этих идей породила законы, предоставившие епископам столь широкую власть, что законы эти послужили основанием для церковной юрисдикции, отсюда возникли законы, ослабившие родительскую власть тем, что лишили отцов права собственности на имущество их детей. В интересах распространения новой религии потребовалось ограничить чрезмерную зависимость детей, которые всегда более склонны отвергать установленные понятия и усваивать новые.

К законам, имевшим в виду христианское совершенствование, прежде всего следует отнести отмену наказаний, установленных законом Папия как для холостых, так и для тех, которые, будучи женаты, не имели детей.

«Устанавливали эти законы, — говорит один церковный историк, — так, как будто размножение человеческого рода зависит от нас, не думали о том, что количество людей растет и уменьшается по воле провидения».

Принципы религии всегда оказывали чрезвычайное влияние на размножение человеческого рода: в одних случаях они ему благоприятствовали, как, например, у евреев, магометан, гебров, китайцев, в других — препятствовали ему, как то было, например, у римлян, принявших христианство.

Всюду непрестанно проповедовалось воздержание — высочайшая добродетель, потому что по природе своей она должна соблюдаться лишь весьма немногими.

Константин не коснулся законов о десятой части, которые увеличивали право одного из супругов дарить часть своего имущества другому пропорционально числу их детей. Феодосий младший отменил и эти законы.

Юстиниан объявил действительными все браки, запрещенные законами Папия. Эти законы требовали, чтобы вдовцы женились снова, Юстиниан предоставил преимущества тем из них, которые оставались неженатыми.

По древним законам никто не мог быть лишен естественного права вступить в брак и

иметь детей, поэтому, если кто-нибудь получал наследство при условии не вступать в брак или патрон брал со своего вольноотпущенника клятву, что он не женится и не будет иметь детей, папиев закон признавал недействительными и это условие, и эту клятву. Следовательно, существующая у нас оговорка: *при условии сохранения вдовства*, противоречит древнему праву и ведет свое начало от императорских постановлений, возникших на основе представления о совершенстве.

Хотя не было издано специального закона, который содержал бы в себе прямую отмену преимуществ и почестей, предоставленных римлянами-язычниками браку и многодетности, там, где оказывали преимущество безбрачию, не могло воздаваться почестей браку. И если удалось в результате отмены штрафов лишить откупщиков значительных выгод, то уничтожить награды было, конечно, еще легче.

Те же духовные соображения, которые побудили разрешить безбрачие, скоро сделали самое безбрачие необходимостью. Избави бог, чтобы я стал говорить здесь против безбрачия, установленного религией. Но кто может молчать при виде безбрачия, созданного распущенностью,— безбрачия, в котором оба пола, развращаемые даже вполне естественными чувствами, избегают союза, который должен сделать их лучшими, чтобы пребывать в ином союзе, который делает их все более худшими.

Самой природой установлено, что, чем более мы сокращаем число браков из тех, которые могли бы состояться, тем более развращаем те, которые уже существуют, чем меньше людей женатых, тем меньше верности в браках. Подобным образом можно сказать, чем больше воров, тем больше воровства.

ГЛАВА XXII О выбрасывании детей

У древних римлян имелись тщательно разработанные правила относительно выбрасывания детей. «Ромул, — говорит Дионисий Галикарнасский,— вмнил всем гражданам в обязанность воспитывать всех сыновей и старших дочерей. Если дети были безобразны или уродливы, он позволял выбрасывать их, показав предварительно пятерым из ближайших соседей».

Ромул не позволял убивать ни одного ребенка моложе трех лет, этим он примирял закон, предоставлявший отцам право жизни и смерти над детьми, с законом, запрещающим выбрасывать их.

У того же Дионисия Галикарнасского мы находим, что закон, обязывавший граждан вступать в брак и воспитывать всех своих детей, был в силе в 277 году от основания Рима, из этого видно, что закон Ромула, дозволявший выбрасывать младших дочерей, был в то время уже ограничен обычаем.

Мы не знаем, какого рода постановления относительно выбрасывания детей были приняты законами двенадцати таблиц в 301 году от основания Рима, до нас дошло только одно место из Цицерона, где он говорит, что учреждение народных трибунов было задушено тотчас же вслед за своим рождением подобно тому, как душили уродливых детей по законам двенадцати таблиц. Следовательно, тех детей, которые не были уродами, оставляли в живых и закон двенадцати таблиц ничего не изменил в прежних постановлениях.

«Германцы, — говорит Тацит, — не выбрасывают своих детей, у них добрые нравы имеют более силы, чем в других странах добрые законы». Следовательно, у римлян были законы, направленные против этого обычая, но их не соблюдали. Мы не находим ни одного римского закона, который разрешал бы выбрасывать детей. Это было, без сомнения, злоупотребление, практиковавшееся в последние времена Рима, когда роскошь уничтожила благосостояние, когда поступившее в раздел богатство стало называться бедностью, когда отец считал потерянным то, что давал своему семейству, и противопоставлял свою семью своей собственности.

ГЛАВА XXIII

О состоянии мира после падения Рима

Мероприятия римлян, направленные на увеличение числа граждан, оказывались действенными до тех пор, пока республика, сохраняя всю силу своей организации, должна была возмещать лишь ту убыль, которая являлась следствием ее мужества, отваги, твердости, любви к славе и даже ее добродетели. Но скоро и самые мудрые законы не в состоянии уже были восстановить того, что последовательно разрушали и умирающая республика, и всеобщая анархия, и военное правление, и суровая власть, и надменный деспотизм, и слабая монархия, и бездарный, слабоумный и суеверный двор. Казалось, римляне покорили мир лишь для того, чтобы обессилить его и беззащитным предать в руки варваров. Нашествия готов[134], гетов, сарацин и татар попеременно терзали их. И скоро остались одни только варварские народы, которых уничтожали другие варварские народы. Так в баснословные времена, после наводнений и потопов, из земли вышли вооруженные люди, истребившие друг друга.

ГЛАВА XXIV

Изменение численности населения Европы

В том состоянии, в каком находилась Европа, трудно было рассчитывать на ее восстановление, в особенности после того, как при Карле Великом она была объединена в одну обширную империю. Но вследствие особенностей правления того времени империя эта распалась на бесчисленное множество мелких самостоятельных владений, а так как каждый правитель жил в своей деревне или своем городе и все его величие, богатство, могущество, мало того, самая его безопасность находились в прямой зависимости от числа жителей, то он и прилагал все старания, чтобы его маленькая страна достигла процветания. Это удалось настолько, что, несмотря на всю беспорядочность управления, на недостаток опыта в делах торговли, приобретенного лишь позднее, на беспрестанные войны и споры, население в большинстве европейских стран было многочисленнее, чем в настоящее время.

Недостаток времени не позволяет мне углубиться в подробное исследование данного вопроса, сошлюсь только на бесчисленные армии крестоносцев, отличавшиеся самым разнородным составом. Пуфендорф говорит, что при Карле IX во Франции было 20 миллионов жителей.

Это уменьшение населения было результатом непрерывного объединения мелких государств. В прежние времена каждая деревня во Франции была столицей, теперь же столица только одна. Каждая часть государства была центром власти, теперь же все тяготеет к центру, этот центр и есть, так сказать, само государство.

ГЛАВА XXV

Продолжение той же темы

Несомненно, в Европе за последние два столетия значительно развилось мореплавание, это, с одной стороны, дало ей новых жителей, но с другой — отняло у нее часть ее населения. Голландия каждый год посылает в Индию много матросов, из них возвращается на родину только две трети — остальные погибают или остаются в Индии. Приблизительно то же происходит со всеми другими народами, занимающимися морской торговлей.

Не следует смотреть на Европу как на отдельное государство, которое одно только

занимается мореплаванием. Такое государство (увеличило бы свое население, потому что соседние народы стали бы посещать его, чтобы принять участие в его мореплавании, и матросы стали бы стекаться к нему со всех сторон. Но Европа, отделенная от остального света религией, обширными морями и пустынями, не может пополнять своего населения этим путем.

ГЛАВА XXVI

Выводы

Из всего сказанного следует вывод, что Европа и теперь еще нуждается в законах, благоприятствующих размножению населения, и если греческие политики постоянно жаловались на слишком большое число граждан, обременяющее республику, то теперешние политики толкуют лишь о том, как бы увеличить их число.

ГЛАВА XXVII

О законе, изданном во Франции для увеличения численности населения

Людовик XIV назначил пенсии лицам, имеющим 10 человек детей, и более значительные пенсии — за 12 человек детей. Но вопрос был вовсе не в том, чтобы поощрять исключительные явления природы, для того чтобы вызвать общее стремление к продолжению рода, необходимо было, по примеру римлян, установить общие награды или общие наказания.

ГЛАВА XXVIII

Как можно восстановить численность народонаселения

Если государство обезлюдело от таких временных обстоятельств, как война, эпидемия или голод, то против этого есть еще средства. Оставшиеся в живых могли сохранить трудоспособность и изобретательность и в своем стремлении загладить следы бедствия могут сделаться еще более искусными работниками в силу самого несчастья, их постигшего. Но зло оказывается почти неизлечимым, если убыль в населении проявляется, как застарелый недуг, вследствие какого-нибудь внутреннего порока или дурного правления. В этом случае люди гибнут от незаметной и привычной болезни. Рожденные в нищете и слабости, под гнетом правительственных насилий и предрассудков, они гибнут, сами часто не сознавая причин своей гибели. Страны, доведенные до упадка деспотизмом или чрезмерными преимуществами духовенства над мирянами, служат тому двумя лучшими примерами.

Бесполезно для восстановления такого государства ждать помощи от детей, которые могут родиться, время для этого прошло: население, окруженное пустыней, лишено энергии и изобретательности. На пространстве, достаточном для прокормления целого народа, с трудом прокармливаются одна семья. Простой народ не может пользоваться даже тем, что создает его нищету, т. е. пустырями, которыми покрыты эти страны. Духовенство, государь, города, вельможи и некоторые из знатнейших граждан постепенно сделались собственниками всей земли. Правда, она невозделана: погибшие семейства оставили им ее как пастбище, тогда как работник не имеет ничего.

В этом положении следует осуществить на всем пространстве страны то, что римляне сделали в одной части своего государства, и поступить при недостатке населения так же, как те поступали при его избытии, т. е. наделить землей все семейства, у которых ничего нет, и

дать им возможность ее возделывать и засеивать. Надел этот должен производиться по мере того, как будут являться желающие, чтобы ни одной минуты не пропадало для работы.

ГЛАВА XXIX О богадельнях

Бедность проистекает не от того, что человек ничего не имеет, а от того, что он не работает. Кто не имеет никакого имущества, но работает, пользуется таким же достатком, как и тот, кто получает сто экю дохода, не работая. Кто ничего не имеет, но владеет каким-нибудь ремеслом, тот не беднее собственника десяти арпанов земли, которую он должен обрабатывать, чтобы жить. Ремесленник, который обучил своих детей своему ремеслу, оставил им в наследство имущество, возросшее пропорционально числу детей. Нельзя сказать того же о человеке, который, имея как средство к жизни десять арпанов земли, разделил их между своими детьми / .

В торговых странах, где многие ничего не имеют, кроме своего ремесла, государство часто оказывается вынужденным

брать на себя попечение о престарелых, больных и сиротах. Благоустроенное государство черпает для этого средства из самой промышленности: одним оно дает работу, на которую они способны, других оно учит работать, что уже есть работа.

Милостыня, подаваемая от времени до времени нищему, отнюдь не исчерпывает обязанностей со стороны государства: на нем лежит долг обеспечить всех граждан верными средствами к жизни: пищей, приличной одеждой, таким образом жизни, который не вредит их здоровью.

Когда Аурунгзеба спросили, почему он не строит богаделен, он ответил: «Я сделаю мою империю настолько богатой, что она не будет нуждаться в богадельнях». Ему следовало бы сказать: «Я начну с того, что сделаю мою империю богатой и построю богадельни».

Богатство государства предполагает развитую промышленность. Невозможно, чтобы среди многочисленных отраслей промышленности не было таких, которые не находились бы в плохом положении и в которых рабочие, следовательно, не испытывали бы состояния временной нужды.

В этом случае государство должно оказать быструю помощь, чтобы облегчить страдания народа и предотвратить возмущение с его стороны. В таких-то обстоятельствах и потребны богадельни или другие подобные им учреждения, которые могли бы предупредить это бедствие.

Но когда беден народ в целом, то бедность отдельных людей является результатом общего бедствия, она, так сказать, и составляет это общее бедствие. Богадельни всего мира не в состоянии уничтожить эту бедность, напротив, лень, к которой они приучают, лишь увеличивает общую бедность, а следовательно, и частную.

Генрих VIII, желая преобразовать английскую церковь, разогнал монахов, которые, будучи сами ленивы, поддерживали лень и в других: благодаря соблюдаемому ими гостеприимству бесчисленное множество праздных людей, дворян и горожан проводило жизнь в скитаниях из одного монастыря в другой. Он уничтожил также и богадельни, где простой народ находил средства к существованию, подобно тому как дворяне находили их в монастырях. После этого преобразования в Англии водворился дух торговли и промышленности.

В Риме благодаря богадельням все пользуются довольством, за исключением тех, кто работает, тех, кто занимается промышленностью или ремеслом, тех, кто имеет земли, тех, кто ведет торговлю.

Я уже сказал, что богатые народы нуждаются в богадельнях, потому, что их богатству угрожают бесчисленные случайности, но и здесь, очевидно, временная помощь несравненно лучше постоянных учреждений, так как зло носит временный характер, то и помощь должна

быть такою же и притом применимой к различным случаям.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Об отношении законов к установленной в стране религии, рассматриваемой в ее обрядах и ее сущности

ГЛАВА I

О религиях вообще

Подобно тому как между различными степенями мрака мы можем распознать мрак наименее густой и между различными безднами — бездны наименее глубокие, мы можем и между ложными религиями искать такие, которые наиболее соответствуют целям общественного блага, такие, которые хотя и не ведут человека к загробному блаженству, но тем не менее могут немало способствовать его земному счастью.

Итак, я буду рассматривать различные существующие на свете религии исключительно в их отношении к тому благу, которое они доставляют гражданскому быту, независимо от того, кроются ли корни их на небе или в земле.

Выступая в этом сочинении не в качестве богослова, а в качестве политического писателя, я могу высказать в нем положения, вполне справедливые только с точки зрения человеческого мышления, так как они вовсе не были рассмотрены по отношению к высшим истинам.

Что касается истинной религии, то потребуется немного беспристрастия, чтобы убедиться в том, что я никогда не искал предпочтения политических интересов ее интересам, но стремился к сочетанию тех и других, а прежде чем сочетать их, необходимо их познать.

Христианская религия, повелевающая людям любить друг друга, желает, конечно, чтобы всякий народ имел наилучшие политические и гражданские законы, потому что после нее они составляют величайшее благо, какое только человек может дать и получить.

ГЛАВА II

Парадокс Бейля

Бейль ¹³⁵ брался доказать, что лучше быть атеистом, чем идолопоклонником, другими словами, что менее опасно вовсе

не иметь религии, чем иметь дурную религию. «Я предпочитаю, — говорит он, — чтобы обо мне сказали, что я не существую, чем говорили, что я дурной человек». Это — софизм, основанный на том, что для человечества вопрос: верят или не верят в существование того или другого человека, не имеет никакого значения, тогда как вера в существование бога весьма полезна. Из понятия его небытия вытекает понятие нашей независимости, или, если мы этого понятия не можем иметь, идея нашего бунта против него. Говорят, что религия не есть обуздывающее начало, потому что она не всегда обуздывает, это то же, что сказать, что и гражданские законы лишены обуздывающей силы. Изложить в обширном сочинении длинную вереницу причиненных религией страданий и не рассказать так же подробно о содеянном ею добре — плохое рассуждение против религии. Если бы я стал рассказывать о всех тех бедствиях, которые причинили человечеству гражданские законы, монархия, республиканский образ правления, я наговорил бы ужасных вещей. Даже если бы религия могла оказаться бесполезной для подданных, она все-таки осталась бы полезной для государей, для которых, как для всех, кто не боится человеческого закона, она составляет единственную узду.

Государя, любящего религию и боящегося ее, можно уподобить льву, когда он слушается руки, которая его ласкает, и голоса, который его укрощает, государя, который боится религии и ненавидит ее, подобен дикому зверю, когда он кусает цепь, которая мешает ему бросаться на проходящих, государя, вовсе не имеющего религии, подобен ужасному животному, которое чувствует свою свободу только тогда, когда терзает и пожирает.

Вопрос вовсе не в том, что лучше: чтобы отдельный человек или целый народ вовсе не имели религии или чтобы они злоупотребляли той, которую имеют. Вопрос заключается в том, какое зло меньше: чтобы люди от времени до времени злоупотребляли религией или чтобы ее у них вовсе не было.

Желая уменьшить ужас, внушаемый атеизмом, слишком уж нападают на идолопоклонство. Несправедливо предполагать, что если древние воздвигали алтари какому-нибудь пороку, то это значило, что они любили этот порок, напротив, это доказывало, что они его ненавидели. Когда лакедемоняне поставили храм Страху, это не значило, что эта воинственная нация молила о ниспослании во время битвы страха в сердца ее граждан. Были божества, которых молили об избавлении от соблазна к преступлению, и были другие, которых молили об отвращении опасности преступления.

ГЛАВА III

О том, что умеренный образ правления более соответствует христианской религии, а деспотический — магометанской

Христианской религии чужд чистый деспотизм, благодаря столь настойчиво предписываемой евангелием кротости она противится неукротимому гневу, побуждающему государя к самоуправству и жестокости.

Так как христианская религия воспрещает многоженство, христианские государи ведут менее замкнутый образ жизни, менее отделены от своих подданных, а следовательно, и сами в большей степени являются людьми, они более расположены к тому, чтобы предписывать себе законы, и более способны сознавать, что не все для них возможно.

Между тем как магометанские государи беспрестанно сеют вокруг себя смерть и сами погибают насильственной смертью, у христиан религия делает государей менее боязливими, а следовательно, и менее жестокими. Государь полагается на своих подданных» а подданные — на своего государя. Это поразительно! Христианская религия, имеющая, невидимому, в виду лишь загробное блаженство, устраивает наше счастье и в этой жизни.

Только христианская религия помешала деспотизму утвердиться в Эфиопии, несмотря на обширность этой империи и ее дурной климат, и водворила внутри Африки нравы Европы и ее законы.

Наследный принц в Эфиопии пользуется правами государя и подает другим подданным пример любви и повиновения. Рядом же в Сеннааре мы видим, что дети государя согласно господствующим там магометанским обычаям содержатся взаперти и по смерти отца умерщвляются по распоряжению правительственного совета в интересах вступающего на престол нового государя.

Если мы обратим внимание, с одной стороны, на беспрестанные умерщвления греческих и римских государей и вождей, а с другой — на истребление народов и городов теми же вождями, вспомним Тимура и Чингис-хана, опустошивших Азию, то увидим, что мы обязаны христианству таким политическим правом во внутреннем правлении и таким международным правом во время войны, за которые человеческая природа не может быть достаточно признательной.

Благодаря действующему у нас международному праву победитель оставляет побежденным народам такие великие блага, как жизнь, свободу, законы, имущество и всегда религию, если только сам не становится жертвой самообмана.

Можно сказать, что отчужденность между народами Европы в настоящее время не

превышает той розни, какая существовала в Римской империи после того, как она стала деспотическим и военным государством, между ее народами и армиями и между отдельными армиями, когда, с одной стороны, армии воевали между собою, а с другой — им отдавали города на разграбление, а земли — для захвата и дележа.

ГЛАВА IV

Следствия характера религии христианской и магометанской

Основываясь только на одном сравнении характера христианской и магометанской религии, следует без дальнейшего обсуждения принять первую и отвергнуть вторую, потому что гораздо очевиднее, что религия должна смягчать нравы людей, чем то, что та или иная религия истинна.

Горе человечеству, когда религия дается завоевателем. Магометанская религия, которая говорит только о мече, продолжает внушать людям тот же дух истребления, который ее создал.

Достоин восхищения рассказ о Саббаконе, одном из царей-пастырей. Бог Фив явился ему в сновидении и приказал лишить жизни всех египетских жрецов. Саббакон рассудил, что боги не желают, чтобы он продолжал царствовать, потому что повелевают ему исполнить то, что всегда было так противно их воле, и удалился в Эфиопию.

ГЛАВА V

О том, что католическая религия более согласуется с монархическим образом правления, а протестантская — с республиканским

В период своего возникновения и первоначального развития в государстве религия обыкновенно согласуется с общим строем правления, потому что как те, кто ее принимает, так и те, кто ее вводит, не имеют иных представлений о гражданском порядке, кроме тех, которые господствуют в государстве, где они родились и выросли.

Когда два века тому назад христианскую религию постигло злополучное разделение на католическую и протестантскую, северные народы приняли протестантство, южные же остались католиками.

Причина этому та, что у северных народов существует и всегда будет существовать дух независимости и свободы, несвойственный южанам, потому религия без видимого главы более соответствует духу независимости этого климата, чем та, которая имеет такого главу.

В странах, где утвердилась протестантская религия, перевороты совершались также согласно с их политическим строем. Лютер, имевший на своей стороне могущественных государей, не мог бы заставить их признать церковный авторитет лица, не облеченного внешними преимуществами власти. Кальвин же, на стороне которого находились жители республики или горожане, оттесненные на задний план в монархиях, легко мог обойтись без преимуществ и высших чинов.

Каждая из этих двух религий могла почитать себя наиболее совершенной: потому что кальвинистская более сообразовалась с тем, что говорил Иисус Христос, а лютеранская — с тем, как действовали апостолы.

ГЛАВА VI

Другой парадокс Бейля

Бейль, надругавшись над всеми религиями вообще, поносит и христианство, он

осмеливается утверждать, будто истинные христиане не в состоянии основать жизнеспособное государство. Почему же нет? Это были бы граждане, превосходно понимающие свои обязанности и прилагающие все старание, чтобы их выполнять, они бы отлично сознавали право естественной обороны, чем требовательнее относились бы они к своим религиозным обязанностям, тем лучше они помнили бы о своих обязанностях к отечеству. Христианские начала, глубоко запечатленные в их сердцах, были бы несравненно действеннее ложной чести монархии, человеческих добродетелей республик и раблепного страха деспотических государств.

Удивительно, что приходится обвинять этого великого человека в непонимании собственной религии, в неумении отличить порядок установления христианства от самого христианства и предписания евангелия от его советов. Когда законодатель вместо того, чтобы издавать законы, дает советы, это значит, что он понимает, что если бы его советы были облечены в форму законов, они противоречили бы духу его законов.

ГЛАВА VII

О законах совершенства в религии

Человеческие законы, обращающиеся к уму, должны давать предписания, а не советы. Религия, обращающаяся к сердцу, должна давать много советов и мало предписаний.

Когда, например, она дает правила не для хорошего, а для наилучшего, не для блага, а для совершенства, надо, чтобы

это были советы, а не законы, потому что совершенство не касается всех людей или всех вещей. Кроме того, если это законы, то для того, чтобы заставить людей соблюдать их, потребуется бесконечное множество других законов. Безбрачие было советом христианства, когда его сделали законом для известной категории людей, возникла необходимость в постепенном издании новых законов, чтобы принудить людей к соблюдению этого закона. Законодатель утомил и самого себя, и общество, понуждая к исполнению таких предписаний, которые людьми, любящими совершенство, были бы исполнены как совет.

ГЛАВА VIII

О согласовании законов нравственности с законами религии

В стране, имевшей несчастье получить свою религию не от бога, необходимо все-таки, чтобы религия находилась в согласии с нравственностью, потому что даже ложная религия служит наилучшим ручательством за человеческую честность.

Основные правила религии Пегю заключаются в том, чтобы не убивать, не красть, избегать любострастия, не делать ничего неприятного ближнему, напротив, делать ему, насколько возможно, добро. При соблюдении этих правил, как уверены жители Пегю, можно спастись во всякой вере, вот почему, хотя гордые и бедные, они кротки и сострадательны к несчастным.

ГЛАВА IX

О ессеях

Ессеи давали обет соблюдать справедливость по отношению к людям, не делать никому зла, даже по долгу повиновения, ненавидеть несправедливых, быть верными данному слову, повелевать со скромностью, держать всегда сторону правды, избегать всякой незаконной прибыли.

ГЛАВА X

О секте стоиков

Различные философские секты у древних можно рассматривать как своего рода религии. Между ними не было ни одной, правила которой были бы более достойны человека и более пригодны для воспитания добродетельных людей, чем школы стоиков. Если бы я мог на минуту забыть, что я христианин, я бы признал уничтожение школы Зенона одним из величайших несчастий, постигших человечество.

Эта секта впадала в преувеличение лишь в таких вещах, которые требуют душевного величия: в презрении к наслаждениям и страданиям.

Она одна умела воспитывать истинных граждан, она одна создавала великих людей, она одна создавала великих императоров.

Оставьте на минуту в стороне истины откровения — и вы не найдете во всей природе ничего величественнее Антонинов. Даже сам Юлиан — да, Юлиан (эта невольная похвала не сделает меня, конечно, соучастником его отступничества) — после него не было государя, более достойного управлять людьми.

Видя одну тщету в богатстве, в человеческом величии, в скорби, огорчениях и удовольствиях, стоики в то же время были поглощены неустанной заботой о счастье людей и об исполнении своих общественных обязанностей. Казалось, они полагали, что этот священный дух, присутствие которого они чувствовали в себе, есть своего рода благое провидение, бодрствующее над человечеством.

Рожденные для общества, они считали своим уделом трудиться для него, и это было им тем менее в тягость, что награду они носили в самих себе. Находя все свое счастье в своей философии, они, казалось, могли увеличить его только счастьем других.

ГЛАВА XI

О созерцании

Так как назначение людей состоит в том, чтобы сохранять себя, питать, одевать и принимать участие в общественной деятельности, то религия не должна слишком поощрять их к созерцательной жизни.

Магометане приобретают склонность к созерцанию путем привычки: 5 раз в день становятся они на молитву, причем от них требуется, чтобы они каждый раз оставляли, так сказать, за порогом все помышления о земном, и это воспитывает в них дух умозрения. К этому следует еще добавить равнодушие ко всему окружающему, которое дает им вера в неизменность судьбы.

Если к этому добавляются еще и другие причины, способствующие их отчуждению от жизни, если, например, суровое правление и законы о земельной собственности поддерживают в них сознание непрочности земного благополучия, — тогда уже все погибло.

Религия гебров сделала когда-то персидское государство цветущим и исправила в нем вредные следствия деспотизма, в наши же дни магометанская религия губит его.

ГЛАВА XII

О покаянии

Следует, чтобы покаяние сопровождалось идеей труда, а не праздности, идеей добра, а не чего-то необыкновенного, идеей воздержания, а не корысти.

ГЛАВА XIII

О неискупимых преступлениях

Одно место в книгах первосвященников, приводимое Цицероном, позволяет думать, что римляне признавали некоторые преступления не подлежащими искуплению. На этом Зосима основывает свой рассказ, дающий повод истолковывать в неблагоприятном смысле побуждения, руководившие Константином при его переходе в христианство, отсюда и горькая насмешка Юлиана над обращением Константина в его книге о цезарях.

Языческая религия, воспрещавшая лишь некоторые грубые преступления, удерживавшая руку, но предоставлявшая полную свободу сердцу, могла допускать такие преступления, которые нельзя было искупить. Но религия, которая охватывает все страсти, которая одинаково ревниво относится как к действиям, так и к желаниям и помыслам, которая связывает нас не немногими цепями, а бесчисленными нитями, которая отвергает человеческое правосудие и вводит новое, которая по природе своей постоянно ведет от раскаяния к любви и от любви к раскаянию, которая между судьей и преступником ставит великого посредника, а между праведником и посредником — великого судью, — такая религия не должна допускать неискупимых преступлений. Но хотя она всем внушает страх и надежду, она все-таки дает чувствовать, что если и нет преступления, по природе своей неискупимого, то таким преступлением может быть вся жизнь человека, что очень опасно испытывать, божественное милосердие все новыми преступлениями и новыми просьбами о прощении, что забота о старых долгах, никогда не погашаемых перед господом, должна удерживать нас от новых, дабы не переполнить меры и не переступить пределов отеческого милосердия.

ГЛАВА XIV

Об отношении силы религии к силе гражданских законов

Так как религия и гражданские законы должны главным образом стремиться к тому, чтобы делать людей добрыми гражданами, то, следовательно, если первая уклоняется от этой цели, вторые должны сильнее к ней стремиться, и наоборот, другими словами, чем менее обуздывающей силы в религии, тем более должны обуздывать законы.

Так, в Японии, где господствующая религия почти не имеет догматов и не обещает ни рая, ни ада, законы, чтобы восполнить этот недостаток, отличаются крайней строгостью и соблюдаются с необыкновенной точностью.

Когда религия устанавливает догмат неизбежности человеческих поступков, законы должны быть строже и общественное управление бдительнее обыкновенного, так как они должны определять поведение людей, которые без того легко поддаются природным влечениям. Другое дело, когда религия устанавливает догмат свободы.

Душевная лень породила магометанское учение о предопределении, которое в свою очередь порождает душевную лень. Говорят: так определено богом — тут делать нечего! В таком случае людей, усыпленных религией, должен будить закон.

Когда религия осуждает то, что гражданские законы должны допускать, появляется опасность, как бы гражданские законы в свою очередь не допустили чего-нибудь такого, что религия должна осудить. Первое свидетельствует о недостатке гармонии и правильности в представлениях, проявляющемся во втором.

Так, например, татары Чингис-хана, у которых считалось грехом и даже уголовным преступлением положить нож в огонь, опереться на бич, ударить лошадь уздечкой, разбить одну кость другою, не считали грехом нарушить данное слово, похитить чужое имущество,

оскорбить человека или убить его. Короче, законы, побуждающие видеть необходимое в том, что само по себе безразлично, имеют то неудобство, что побуждают видеть безразличное в том, что необходимо.

Жители Формозы верят в нечто вроде ада, в котором наказываются лишь те, которые не ходили нагими в известное время года, носили полотняную одежду вместо шелковой, ловили устриц и в делах своих не советовались с пением птиц. Вместе с тем они не считают за грех пьянство и разврат, они даже верят, что распутство их детей приятно богам.

Если религия признает умершего праведником вследствие каких-либо случайных причин, она расточает без пользы сильнейшее из всех человеческих побуждений. Индусы уверены, что воды Ганга обладают освящающей силой, что люди, умершие на его берегах, избавлены от наказаний в будущей жизни и ведут существование, исполненное наслаждений. Поэтому из самых отдаленных мест посылают урны с пеплом умерших, чтобы бросить их в Ганг. Что нужды в том, будет человек жить добродетельно или нет, — был бы только прах его брошен в Ганг!

Понятие о месте посмертных наград необходимо предполагает и понятие о месте посмертных наказаний, коль скоро можно рассчитывать на первые без опасения вторых, гражданские законы теряют силу. Люди, вполне уверенные в посмертной награде, ускользают от законодателя. В них слишком велико презрение к смерти. Чем может закон обуздать человека, который уверен, что величайшее из наказаний будет для него лишь минутой наступления блаженства!

ГЛАВА XV

Каким образом иногда ложные религии исправляются гражданскими законами

Уважение к старине, простодушие или суеверие приводили иногда к таинствам и обрядам, оскорблявшим чувство стыдливости. Примеры тому не редки. Аристотель говорит, что в таких случаях закон разрешает, чтобы отцы семейств совершали в храмах эти таинства вместо своих жен и детей. Удивительный закон, охраняющий нравы от воздействия религии!

Август запретил молодым людям обоюбого пола участвовать в каких бы то ни было ночных церемониях, если их не сопровождал кто-либо из старших родственников, и когда он восстановил празднества в честь Пана, то воспротивился тому, чтобы молодые люди бегали нагими.

ГЛАВА XVI

Каким образом недостатки политических учреждений исправляются законами религии

С другой стороны, религия может оказать поддержку гражданскому порядку, когда законы бессильны это сделать.

Так, например, если в государстве часто возникают междоусобные войны, религия может оказать большую пользу, постановив, что в определенной области этого государства должен соблюдаться постоянный мир. У греков эляне в качестве жрецов Аполлона пользовались вечным миром. В Японии город Меако, почитаемый святым городом, не знает войны в силу постановления, поддерживаемого религией. Эта империя, которая стоит как бы одинокой на свете, которая не пользуется и не хочет пользоваться никакою помощью со стороны чужеземцев, поддерживает в своих пределах торговлю, не страдающую от войны,

В государствах, где вопросы о войне не решаются на общем совещании, где закон лишен всяких средств к прекращению и предупреждению войн, религия устанавливает

периоды мира или перемирий, чтобы дать народу возможность заниматься теми работами, без которых государство не может существовать, каковы посев и тому подобные работы.

Все неприязненные действия между арабскими племенами ежегодно прекращались на четыре месяца, малейшее нарушение мира в это время почиталось кощунством. Когда каждый феодал имел во Франции право войны и мира, религия устанавливала в определенные времена года особые перемирия.

ГЛАВА XVII

Продолжение той же темы

Если в государстве много поводов к ненависти, необходимо, чтобы религия имела много средств к примирению. Арабы, народ разбойничий, часто наносили друг другу оскорбления и несправедливости. Магомет издал закон: «Если кто прощает кровь брата, он может взыскать с преступника убытки, но кто причинит зло обидчику, после того как получил от него удовлетворение, тот будет подвергнут жестоким мукам в день судный».

У германцев ненависть и вражда передавались близким родственникам по наследству, но не были вечными.

Убийство искупалось известным количеством скота, вся семья убитого получала таким образом удовлетворение. «И это очень полезно, — говорит Тацит, — потому что вражда у свободного народа представляет большую опасность». Я полагаю, что в этих примирениях участвовали жрецы, пользовавшиеся у них большим влиянием.

У малайцев, которые не знают примирения, убийца, уверенный, что не избегнет возмездия со стороны родственников и друзей убитого, впадает обыкновенно в исступление, бросается на встречных и наносит им раны или убивает их.

ГЛАВА XVIII

Каким образом законы религии имеют действие гражданских законов

Первые греки жили мелкими, часто рассеянными на большом пространстве племенами, промышляли пиратством на море и насилием на суше, не имели ни гражданского порядка, ни законов. Подвиги Геркулеса и Тезея дают нам представление о состоянии этого нарождающегося народа. Что могла сделать религия более того, что она сделала, чтобы внушить ему отвращение к убийству? Она утверждала, что человек, умерший насильственной смертью, сохраняет гнев против убийцы, наводит на него смущение и ужас и добивается его удаления из тех мест, которые посещал убитый. Нельзя было ни коснуться преступника, ни вступить с ним в разговор, не осквернив себя или не потеряв права быть свидетелем в суде. Преступник изгонялся из города, после чего там совершались очистительные жертвоприношения.

ГЛАВА XIX

О том, что не столько истинность или ложность догмата, сколько применение его людьми во благо или во зло делает его полезным или вредным в гражданском обществе

Самые истинные и самые священные догматы могут иметь очень дурные последствия, если они не приведены в связь с общественными началами, наоборот, наиболее ложные догматы могут иметь превосходные последствия, если они находятся в согласии с этими началами.

Религия Конфуция[130] отрицает бессмертие души, последователи Зенона также не верят в него. И что же? Оба вероучения вывели из дурного начала хоть и неверные, но превосходные для общества заключения.

Религия Тао и Будды верит в бессмертие души, но из этого столь святого догмата выводит ужасные заключения.

Почти во всем свете и во все времена верование в бессмертие души, дурно понятое, побуждало жен, рабов, подданных и друзей умершего лишать себя Жизни, чтобы и в ином мире служить предмету своего почитания или любви. Так делалось в Вест-Индии, а также у датчан, так делается еще и поныне в Японии, в Макассаре и во многих других местностях земного шара.

Эти обычаи обязаны своим происхождением не столько догмату бессмертия души, сколько догмату воскресения тела, из которого сделан вывод, что человек после смерти сохраняет свои чувства, потребности и даже страсти. С этой точки зрения догмат бессмертия производит на человека необыкновенно сильное впечатление, потому что представление о простой перемене места пребывания доступнее нашему уму и приятнее нашему сердцу, чем представление о нашем видоизменении.

Недостаточно, чтобы религия установила догмат, надо еще, чтобы она давала ему надлежащее направление, что превосходно исполнила христианская религия в отношении догматов, о которых идет речь. Она внушает нам надежду на состояние, в которое мы верим, а не на то состояние, которое мы чувствуем и знаем. Все в ней, не исключая и воскресения тела, ведет нас к духовным представлениям.

ГЛАВА XX

Продолжение той же темы

Священные книги древних персов учили: «Если хотите быть святыми, просвещайте детей ваших, потому что все их добрые дела зачтутся вам». Они давали совет рано жениться, потому что дети в день судный будут служить как бы мостом и у кого не будет детей, те не смогут его пройти. Эти догматы были ложны, но вместе с тем очень полезны.

ГЛАВА XXI

О переселении душ

Догмат бессмертия души делится на три ветви: чистого бессмертия, простой перемены местопребывания и переселения душ, т. е. на систему христиан, систему скифов и систему индусов. Я говорил выше о двух первых, что касается третьей, то так как она находилась под влиянием и хороших и дурных руководителей, то и принесла в Индии как хорошие, так и дурные последствия. Она приучает людей относиться с некоторым ужасом к пролитию крови, вследствие чего убийства в Индии очень редки, и хотя в ней никого не наказывают смертью, все живут спокойно.

С другой стороны, индийские жены сжигают себя по смерти мужей, таким образом, здесь одни только невинные подвергаются насильственной смерти.

ГЛАВА XXII

О том, как опасно, когда религия внушает отвращение к безразличным вещам

Известные представления о чести, установленные религиозными предрассудками в

Индии, делают то, что различные касты гнушаются друг друга. Представления эти основаны исключительно на религии, причем семейные отличия не переходят в отличия гражданские, иной индус почтет для себя бесчестием есть за одним столом со своим царем.

Отличия этого рода, соединенные с известным отвращением к другим людям, совершенно не соответствуют тем чувствам, которые должны вытекать из различия классов и которые у нас поддерживают любовь к низшим.

Законы религии должны внушать презрение к одному лишь пороку и прежде всего не отвращать людей от любви и сострадания к другим людям.

Магометанскую и индусскую религии исповедует бесчисленное множество народов, но индусы ненавидят магометан за то, что они едят мясо коровы, а магометане — индусов за то, что те едят свинину.

ГЛАВА XXIII

О праздниках

Когда, религия предписывает прекращение работы, она должна иметь в виду более потребности людей, чем величие чтимого ею существа.

Слишком большое количество праздников в Афинах было большим неудобством: у этого господствующего народа, к которому должны были обращаться за решением своих тяжб все города Греции, не хватало времени для ведения дел.

Вводя празднование воскресного дня, Константин предназначал свой указ для городов, но не для деревень: он понимал, что если работа городов полезна, то сельская работа необходима.

По тем же причинам в странах, живущих преимущественно торговлей, количество праздников должно сообразоваться с условиями этой торговли. Географическое положение протестантских и католических стран требует от первых большего количества работы, чем от вторых, и потому сокращение числа праздников было более уместно в протестантских странах, чем в католических.

Дампьер замечает, что народные развлечения значительно видоизменяются в зависимости от климата. Так как жаркий климат производит много нежных плодов, то дикари, имея возможность без большого труда добывать все необходимое для своего существования, употребляют и больше времени на увеселения. Индейцы, живущие в холодном климате, не располагают таким досугом: для них необходимы постоянные занятия рыбной ловлей и охотой, поэтому у них меньше танцев, музыки и пиров. Какая бы религия ни утвердилась у этих народов, она должна считаться со всеми этими обстоятельствами при установлении праздников.

ГЛАВА XXIV

О местных религиозных законах

В различных религиях содержится много местных законов. Когда Монтесума так настойчиво утверждал, что религия испанцев хороша для их страны, а мексиканская хороша для Мексики, он не говорил ничего нелепого, потому что, действительно, мексиканские законодатели не могли не принять во внимание того, что ранее их было установлено природой.

Вера в переселение душ вполне соответствует климату Индии. Чрезмерный зной сжигает поля, на них можно прокормить лишь ничтожное количество скота, и постоянно грозит опасность, что его не хватит для возделывания земли, коровы размножаются медленно и подвержены многим болезням. Поэтому закон религии, охраняющий их, весьма

полезен как мера, поддерживающая благосостояние страны.

В то время как луга выжигаются солнцем, рис и овощи благодаря орошению растут прекрасно. Закон религии, разрешающий только эту пищу, следовательно, очень полезен для населения этих стран.

Мясо домашних животных здесь безвкусно, молоко же и масло, которые они дают, составляют для населения одно из средств его пропитания. Значит закон, воспрещающий убивать и есть коров, не лишен основания для Индии.

В стенах города Афин жило многочисленное население, окрестные же земли были бесплодны. Согласно с этим существовало религиозное правило, что приносящие богам известные незначительные дары чествуют их более, чем те, кто приносит им в жертву быков.

ГЛАВА XXV

Неудобства перенесения религии из одной страны в другую

Из сказанного следует, что перенесение религии из одной страны в другую очень часто представляет большие неудобства.

«Свиньи должны быть очень мало распространены в Аравии, — говорит де Буленвилье. — Эта страна почти лишена лесов, и в ней нет почти ничего, что могло бы служить пищей этим животным. Кроме того избыток соли в воде и пище делает население ее очень восприимчивым к кожным болезням». Местный закон, воспрещающий употребление свиного мяса, не был бы приемлем в других странах, где свиное мясо составляет почти всеобщую и в некотором роде необходимую пищу.

Присоединяю к этому еще одно соображение. Санкторий заметил, что употребляемое нами свиное мясо дает очень слабую испарину и даже препятствует испарению всякой другой пищи. Он нашел, что это уменьшение испарения достигает одной трети нормального. Между тем известно, что недостаточное испарение причиняет или усиливает кожные болезни. Употребление свиного мяса должно быть, следовательно, воспрещено в таких климатах, где часто встречаются эти болезни, как в Палестине, Аравии, Египте и Ливии.

ГЛАВА XXVI

Продолжение той же темы

Шарден говорит, что в Персии нет ни одной судоходной реки, кроме Куры, которая протекает на окраине государства, поэтому древний закон гебров, запрещавший плавание по рекам, не представлял никаких неудобств для этой страны, тогда как в другой стране он мог бы разрушить торговлю.

Частые омовения весьма употребительны в жарких странах, потому-то магометанская и индийская религии и предписывают их. В Индии считается весьма богоугодным делом молиться, стоя в проточной воде, но как исполнять все эти обряды в других климатах?

Когда религия, основанная на свойствах известного климата, слишком резко противоречила климату другой страны, она не могла утвердиться в этой последней, и если ее там и вводили, то впоследствии она все же изгонялась. С точки зрения человеческих понятий кажется, что климатом определяются границы распространения как христианской, так и магометанской религии.

Из всего оказанного следует, что всего лучше, чтобы религия имела особые догматы и культ общего характера. Законы, относящиеся к обрядам культа, не должны быть подробными, так, например, они должны говорить об аскетизме вообще, а не о частных его видах. Христианство исполнено в этом отношении здравого смысла: воздержание в нем составляет предмет божественного права, тогда как частные формы воздержания составляют

предмет общественного благоустройства и могут изменяться в зависимости от обстоятельств.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О законах в их отношении к вводимой в отдельных странах религии и ее внешнему благоустройству

ГЛАВА I

О религиозном чувстве

И благочестивый человек, и безбожник постоянно говорят о религии, но первый говорит о том, что любит, а второй о том, чего боится.

ГЛАВА II

О причинах приверженности к той или другой религии

В различных религиях приверженность к ним людей, их исповедующих, вызывается не одинаковыми побуждениями, в этом отношении многое зависит от того, каким способом устанавливается согласие между религией и направлением мыслей и чувств людей.

Мы чрезвычайно склонны к идолопоклонству, хотя и мало расположены к идолопоклонническим религиям, мы мало склонны к духовным представлениям и, однако, очень привязаны к религиям, которые требуют от нас поклонения духовному существу. Это счастливое чувство происходит отчасти от того внутреннего удовлетворения, которое мы находим в сознании нашей интеллектуальной силы, побудившей нас избрать такую религию, которая выводит божество из униженного состояния, созданного для него другими религиями. Мы смотрим на идолопоклонство как на религию грубых народов, а на религию, имеющую своим предметом духовное существо, как на религию просвещенных народов.

Когда с идеей высшего духовного существа, составляющей догмат, мы можем соединить и чувственные представления, входящие в область культа, то это вызывает у нас большую привязанность к религии, потому что побуждения, о которых мы только что говорили, сочетаются в данном случае с нашей естественной склонностью к чувственным предметам. Поэтому католики, у которых этот род культа более развит, чем у протестантов, сильнее привязаны к своей религии, чем протестанты к своей, и проявляют более рвения в ее распространении.

Когда жители Эфеса узнали, что постановлением Вселенского собора пречистую деву разрешено называть *богоматерью*, они пришли в неописуемый восторг, целовали у епископов руки и обнимали их колени при несущихся со всех сторон радостных криках.

Если с духовной религией соединяется еще представление об избрании ее божеством, о превосходстве исповедующих ее перед теми, кто ее не исповедует, то это также сильно нас к ней привязывает. Магометане не были бы столь ревностными мусульманами, если бы не существовало, с одной стороны, народов-идолопоклонников, которые заставляют их смотреть на себя как на мстителей за поруганное единство божества, а с другой — христиан, чтобы внушить им уверенность в том, что бог оказывает предпочтение исламу.

Религия, соединенная со многими обрядами, больше привязывает к себе, чем та, в которой обрядов мало: человек склонен привязываться к тому, чем он наиболее занят, доказательством служит несокрушимое религиозное упорство магометан и евреев и та легкость, с какой меняют религию варварские и дикие народы, которые, будучи заняты исключительно охотой и войной, не обременяют себя религиозными обрядами.

Люди вообще очень склонны к надежде и страху, религия без рая и ада не может им нравиться. Это доказывается той легкостью, с которой иноземные религии утвердились в Японии, и той ревностью и любовью, с которой они были там приняты.

Чтобы привязать к себе, религия должна учить безупречной нравственности. Будучи плутами в частности, люди в общем — народ очень честный. Они любят то, что нравственно, и если бы дело не шло о столь важном предмете, я бы сказал, что это всего лучше обнаруживается на сцене, так как можно быть вполне уверенным, что на ней понравишься народу, если станешь выражать чувства, одобряемые нравственностью, и оскорбишь его выражением чувств, которые нравственность порицает.

Если внешний культ отличается пышностью, нам это нравится и очень привязывает нас к религии. Роскошь храмов и духовенства производит на нас сильное впечатление, так что даже самая народная нищета служит мотивом, привязывающим народ к той самой религии, которая служила предлогом для виновников этой нищеты.

ГЛАВА III О храмах

Почти все просвещенные народы живут в домах, поэтому естественно их желание построить и для бога дом, в котором они могли бы ему поклоняться и прибегать, & нему со своими опасениями ил, и надеждами.

Действительно, нигде человек не находит большего утешения, как в таком месте, где божество предполагается постоянно присутствующим и где он в соединении с другими верующими открывает перед богом свои прегрешения и свои печали.

Но эта столь естественная мысль свойственна лишь народам, возделывающим землю, никогда не строят храмов народы, которые сами не имеют домов.

Вот почему Чингис-хан выказал такое презрение к мечетям. Расспросив магометан об их вере, он одобрил все их догматы, за исключением обязательного путешествия в Мекку, Он никак не мог понять, почему нельзя везде одинаково поклоняться богу. Татары не жили в домах и потому не знали храмов.

Народы, не имеющие храмов, бывают мало привязаны к своей религии. Вот почему татары во все времена отличались такой веротерпимостью, вот почему варвары, покорившие Римскую империю, без всяких колебаний приняли христианство, вот почему дикари Америки так мало привязаны к своей вере и так ревностно относятся к нашей, с тех пор как наши миссионеры построили им в Парагвае церкви.

Так как божество есть прибежище несчастных, а на свете нет людей несчастнее преступников, то естественно было прийти к заключению, что храм есть их убежище. Это понятие казалось наиболее естественным у греков, у которых убийцы, изгоняемые из своего города и из человеческого общества, казалось, не имели другого дома, кроме храма, и иных защитников, кроме богов.

Сначала это относилось только к неумышленным убийцам, но когда к ним присоединили и настоящих преступников, то получилось грубое противоречие: ведь если последние оскорбили людей, то тем более они оскорбили богов!

Эти убежища стали в Греции весьма многочисленными. Храмы, говорит Тацит, были переполнены несостоятельными должниками и злонамеренными рабами. Охрана безопасности доставляла властям большие затруднения, народ покровительствовал преступлениям, точно это были религиозные обряды, наконец, сенат вынужден был ограничить число таких убежищ.

Законы Моисея отличались большой мудростью. Неумышленные убийцы почитались невинными, но их следовало скрыть от глаз родственников убитого, и потому для них полагалось убежище. Настоящие преступники не заслуживали убежища и потому не имели

его. У евреев была лишь переносимая с места на место передвижная скиния, исключавшая всякую мысль об убежище. Правда, они должны были иметь храм, но преступники, которые стали бы стекаться в него со всех сторон, могли бы мешать богослужению. С другой стороны, если бы убийц стали изгонять из отечества, как у греков, то можно было бы опасаться, что они станут поклоняться иноземным богам. Все эти соображения побудили евреев избрать в качестве убежищ отдельные города, в которых преступники должны были оставаться до смерти первосвященника.

ГЛАВА IV

О священнослужителях

Первые люди, говорит Порфирий, приносили в жертву одни лишь травы. При столь простом богослужении всякий мог быть первосвященником в своем семействе.

Естественное желание угодить богам породило увеличение числа обрядов. Следствием этого было то, что люди, занимавшиеся земледелием, оказались не в состоянии исполнять все эти обряды во всех их подробностях.

Богам были посвящены особые места, при них потребовалось держать служителей, которые заботились бы о них, подобно тому как всякий гражданин заботится о своем доме и хозяйстве. Поэтому-то народы, не имеющие жрецов, обыкновенно находятся в варварском состоянии. Такими в прежнее время были педалийцы, а в настоящее время еще остаются волгуски.

Лица, посвященные божеству, должны были пользоваться общим уважением, в особенности у народов, выработавших известное понятие телесной чистоты, которая необходима для приближающихся к местам, излюбленным богами, и находится в зависимости от исполнения известных обрядов.

Служение богам требовало особого внимания, и потому большая часть народов нашла нужным выделить духовенство в особое сословие. Так, у египтян, евреев и персов божеству были посвящены известные семейства, в которых обязанности жреческого служения переходили из поколения в поколение. Были даже религии, которые не только удалили духовенство от всех светских дел, но и устранили от него все семейные заботы, таково обыкновение главной ветви христианской религии.

Не стану говорить здесь о последствиях закона, о celibате. Очевидно, он мог бы сделаться вредным, если бы численность духовенства приняла чрезмерно большие размеры в ущерб количеству мирян.

По свойству человеческого разума мы любим в религии все, что предполагает усилие, точно так же как в области нравственных понятий любим отвлеченно все то, что носит характер строгой непреклонности. Celibat наиболее нравился народам, для которых он, казалось бы, был наименее пригоден и которым угрожал самыми неприятными последствиями. На юге Европы, где по свойству климата закон celibата всего труднее исполним, он остался в силе, в северной же Европе, где страсти менее живы, он был отменен. Мало того, в странах с редким населением он был принят, в странах с многочисленным населением — отвергнут. Само собою разумеется, что все эти размышления касаются слишком большого распространения celibата, а не самого celibата.

ГЛАВА V

О пределах, которыми закон должен ограничить богатство духовенства

Отдельные роды мирян могут вымирать, следовательно, и их имущества не могут быть закреплены за ними навеки. Духовенство составляет как бы один род, который никогда не

вымирает, следовательно, и его имущество связано с ним навеки и не может перейти в другие руки.

Роды мирян могут расти, необходимо, чтобы и их имущества могли расти вместе с ними. Духовенство составляет род, который не должен увеличиваться, следовательно, и размеры его имущества должны быть ограничены.

Мы сохранили предписания книги Левит относительно имущества духовенства, за исключением предписаний, которые касаются ограничения размеров этого имущества. Действительно, у нас не известны пределы, за которыми не дозволяется дальнейшее обогащение религиозной общины.

Эти неограниченные приобретения кажутся народам такими безрассудными, что того, кто стал бы их защищать, сочли бы за безумного.

Гражданские законы иногда встречают препятствия к устранению укоренившихся злоупотреблений, если эти последние находятся в связи с предметами, которые законы должны уважать. В этом случае косвенные меры более соответствуют благоразумию законодателя, чем такие, которые непосредственно направлены на самый предмет. Вместо того чтобы запрещать духовенству приобретения, следует сделать так, чтобы оно само утратило желание приобретать, т. е. оставить право, но устранить факт.

В некоторых странах Европы было установлено в пользу сеньоров право на вознаграждение при переходе недвижимого имущества к церкви по праву «мертвой руки». Интерес побудил государей в свою очередь установить пошлину на основании так называемого права погашения для тех же случаев. В Кастилии, где этого права не существует, духовенство завладело всем. В Арагоне, где отчасти действует право погашения, его приобретения не так велики. Во Франции, где установлены и право погашения и право вознаграждения, его приобретения еще менее значительны, и можно сказать, что Франция отчасти обязана своим благосостоянием действию этих двух пошлин. Увеличьте их и, если возможно, остановите право «мертвой руки».

Признайте священными и неприкосновенными старинные владения духовенства, необходимые для него. Пусть они будут так же неподвижны и вечны, как *оно* само, но заставьте его возратить его новейшие приобретения.

Допустите нарушение правила, когда это правило стало злоупотреблением, терпите злоупотребление, после того как оно вошло в правило.

В Риме еще помнят меморандум, посланный туда по поводу некоторых споров с духовенством, В нем выставлено было следующее правило: «Духовенство должно принимать участие в государственных расходах, что бы ни говорил на этот счет ветхий завет». Из этого заключили, что автор меморандума лучше знаком с языком вымогательства, чем с языком религии.

ГЛАВА VI **О монастырях**

Простой здравый смысл указывает нам, что не следует, чтобы эти никогда не уничтожающиеся учреждения продавали свои земли в пожизненное владение или заключали займы на условиях пожизненной ренты, если не хотят, чтобы они сделались наследниками всех тех, кто не имеет родственников или не желает их иметь. Эти господа ведут игру против народа, но они же держат и банк против него.

ГЛАВА VII **О роскоши, порождаемой суеверием**

«Повинны перед богами в нечестии, — говорит Платон, — те, которые отрицают их существование, или же, хоть и признают их, но утверждают, что боги не вмешиваются в земные дела, или же, наконец, думают, что их легко умиловать жертвами. Все эти три мнения одинаково пагубны». Голос разума никогда не произносил в делах религии ничего рассудительнее этих слов Платона.

Великолепие внешнего богопочитания имеет много точек соприкосновения с государственным устройством. В хороших республиках была уничтожена не только роскошь, порождаемая тщеславием, но и роскошь, порождаемая суеверием, и в религию были внесены законы экономии. Таковы были многие законы Солона, многие законы Платона о погребении, принятые Цицероном, наконец, некоторые законы Нумы о жертвоприношениях.

«Птицы, — говорит Цицерон, — и изображения, сделанные в течение одного дня, составляют весьма угодные богам дары».

«Мы приносим самые простые жертвы, — говорит один спартаец, — чтобы иметь возможность ежедневно воздавать честь богам».

Усердие, которое человек должен влагать в служение божеству, совсем не связано с великолепием этого служения.

«Не станем предлагать ему наших богатств, — прекрасно говорит Платон, — если не хотим обнаружить перед ним нашего пристрастия к предметам, которые оно нас учит презирать».

Как должны смотреть боги на дары нечестивых, если и добродетельный человек стыдится принимать подарки от человека бесчестного?»

Религия не должна под предлогом даров брать у народа то, что у него осталось после покрытия государственных нужд. Целомудренные и благочестивые люди, говорит Платон, должны приносить жертвы, подобные им самим.

Религия также не должна поощрять излишних расходов на погребение. Что может быть естественнее уничтожения имущественных различий в таком деле и в такие минуты, когда все состояния делаются равными?

ГЛАВА VIII

О первосвященстве

Если религия имеет много священнослужителей, естественно, чтобы они имели начальника, т. е. чтобы было установлено первосвященство. В монархиях, где государственные чины должны быть особенно четко разграничены и где не следует сосредоточивать всю власть в одних руках, отделение первосвященства от светской власти полезно. Но в этом нет такой надобности при деспотическом правлении, природе которого свойственно сосредоточение всей власти в одном лице. Здесь, однако, может случиться, что государь станет относиться к религии так же, как к своим законам, т. е. как к проявлениям своей воли. Для предупреждения этого неудобства необходимы памятники религии, например, священные книги, которые определяют и устанавливают ее. Персидский шах есть глава религии, но коран служит для нее уставом. Китайский император есть верховный первосвященник, но существуют книги, которые находятся в руках всех, предписания которых и для него обязательны. Тщетно пытался один из императоров отменить их — они восторжествовали над тиранией.

ГЛАВА IX

О веротерпимости

Мы говорим здесь с точки зрения политики, а не с точки зрения богословия, но и для богословов далеко не одно и то же — терпеть религию или одобрять ее.

Если законы государства находят нужным признать терпимыми многие религии, необходимо, чтобы они обязали эти последние соблюдать терпимость и по отношению друг к другу. Можно принять за общее правило, что религия, которую притесняют, в свою очередь обнаруживает склонность притеснять. Как только случай позволит ей освободиться от притеснения, она нападает на религию, которая ее притесняла, не как на религию, а как на тиранию.

Поэтому полезно, чтобы закон обязывал эти различные религии не нарушать спокойствия не только государства, но и друг друга. Если гражданин ограничивается только тем, что не производит волнения в государстве, он еще не удовлетворяет требованиям закона. Необходимо, чтобы он не нарушал спокойствия ни одного какого бы то ни было гражданина.

ГЛАВА X

Продолжение той же темы

Так как только нетерпимые религии ревностно стремятся водвориться в чужих странах (ибо религия, которая может терпеть другие религии, мало заботится о своем распространении), то в тех случаях, когда государство вполне довольное своей религией, гражданский закон поступит очень хорошо, воспретив водворение в стране иной религии.

Вот основное правило для политических законов в деле религии: когда государство может вполне свободно принимать или не принимать у себя новую религию, не надо допускать, чтобы она водворилась в нем, но раз она уже водворилась, надо ее терпеть.

ГЛАВА XI

О перемене религии

Государь, предпринимающий в своем государстве уничтожение или перемену господствующей религии, подвергается большой опасности. Если правление его деспотическое, он рискует вызвать этим революцию скорее, чем каким бы то ни было другим насилием, ибо последнее в государствах этого рода никогда не бывает новостью. Революция происходит оттого, что государство не в состоянии переменить веры, нравов и обычаев сразу и так же быстро, как государь может издать свой указ о введении новой религии.

Кроме того, старая вера тесно связана с государственным устройством страны, а новая чужда ему, старая вера соответствует климату, а новая часто отказывается принимать его во внимание. Мало того, граждане получают отвращение к своим законам, проникаются презрением к существующему правительству, твердая уверенность в истинности одной религии заменяется сомнением в истинности обеих. Словом, государство приобретает, по крайней мере на некоторое время, дурных граждан и дурных верующих.

ГЛАВА XII

Об уголовных законах

Следует избегать применения уголовных законов в вопросах религии. Правда, они внушают страх, но так как религия имеет свои уголовные законы, которые также внушают страх, то один страх подавляется другим, и от их противоречивого действия душа человека ожесточается.

Религия располагает столь великими угрозами и обещаниями, что, когда они овладевают нашим сознанием, какие бы средства ни употребляли гражданские власти, чтобы заставить нас от нее отказаться, нам кажется, что, отнимая ее, нам ничего не оставляют, а оставляя, ничего не отнимают.

Те, кто вызывает в душе человека эти высокие чувства, приближая его к тому моменту, когда они приобретают для него наибольшее значение, всего менее могут рассчитывать, что он откажется от своих религиозных убеждений. В борьбе с религией вернее действуют всякого рода милости, жизненные удобства, надежда на богатство — вообще не то, что возбуждает подозрительность, а то, что дает забвение, не то, что приводит в негодование, а то, что побуждает к равнодушию, когда новые страсти начинают воздействовать на нашу душу, а те, которые вызываются религией, молчат. Общее правило: в деле перемены религии можно добиться большего уговорами, чем наказаниями.

Свойства человеческого духа обнаруживались и по отношению к формам наказаний, которые в этих случаях применялись. Стоит только вспомнить о религиозных гонениях в Японии, когда жестокие казни вызывали более сильное негодование, чем медленно действующие наказания, которые более утомляют чувство, чем возмущают его, и которые, однако, труднее переносятся именно потому, что кажутся менее тяжелыми.

Словом, в истории мы находим достаточно доказательств тому, что карательные законы в данном случае достигали только одного результата — физического истребления.

ГЛАВА XIII

Почтительнейшее заявление инквизиторам Испании и Португалии

Восемнадцатилетняя еврейка, сожженная на последнем аутодафе в Лиссабоне, послужила поводом к составлению нижеследующего заявления. Но мне кажется, никогда не было написано ничего более бесполезного: когда приходится доказывать столь очевидные истины, можно быть заранее уверенным, что никого не убедишь.

Автор объявляет, что, хотя он и еврей, но уважает христианскую веру и достаточно любит ее, чтобы лишить нехристианских государей благовидного предлога к ее преследованию.

«Вы жалуетесь, — говорит он инквизиторам, — что японский император приказывает сжигать на медленном огне всех христиан в своих владениях. Но он вам ответит: мы поступаем с вами, которые веруют не так, как мы, так же, как вы поступаете с теми из вас, которые веруют не так, как вы. Вы можете жаловаться только на собственную слабость, которая мешает вам истребить нас и дает нам возможность истреблять вас.

Но надо признаться, что вы несравненно более жестоки, чем японский император. Вы убиваете нас, которые веруют в то, во что и вы веруете, за то, что мы не веруем во все то, во что вы веруете. Мы исповедуем веру, которая, как вам известно, была в прежнее время угодна богу. Мы думаем, что бог и теперь еще любит ее, а вы — что он ее более не любит, и потому, что вы так думаете, вы предаете огню и мечу тех, кто держится столь простительного заблуждения, что бог продолжает любить то, что он любил.

Вы жестоки с нами, но еще более жестоки с нашими детьми. Вы сжигаете их, потому что они следуют наставлениям тех, кого согласно требованию естественного закона и законов всех народов они должны чтить наравне с божеством.

Вы лишаете себя преимущества, которое дает вам над магометанами способ, которым они распространяли свою веру. Когда они хвалятся числом ее последователей, вы возражаете, что эти последователи приобретены силой и что мусульмане распространили свою религию мечом, зачем же вы водворяете вашу огнем?

Когда вы призываете нас к себе, мы указываем вам на тот источник, своим происхождением от которого вы так гордитесь. Вы отвечаете нам, что ваша религия новая, но имеет божественное происхождение, и вы доказываете это тем, что она была

распространена языческими гонениями и кровью мучеников. Но теперь вы берете на себя роль Диоклетиана и заставляете нас принять вашу роль.

Мы закликаем вас не всемогущим богом, которому и вы, и мы служим, но Христом, который, как вы нам говорите, принял образ человеческий, чтобы показать вам пример, которому вы могли бы следовать, — мы закликаем вас поступать с нами так, как поступал бы он сам, если бы находился еще на земле. Вы требуете от нас, чтобы мы были христианами, а сами не хотите быть ими.

Но если вы не хотите быть христианами, то будьте по крайней мере людьми, поступайте с нами так, как вы поступали бы, если бы вами управлял только слабый свет правосудия, который дала нам природа, и у вас не было бы ни религии, чтобы руководить вами, ни откровения, чтобы просвещать вас.

Если небо так возлюбило вас, что открыло вам истину, то этим оно даровало вам великую благодать, но разве детям, получившим наследие отца, прилично ненавидеть детей, которые его не получили?

Если вы обладаете этой истиной, не скрывайте ее от нас вашим способом предлагать ее нам. Свойство истины — ее власть над человеческим сердцем и умом, а не то бессилие, которое вы сами признаете, заставляя нас принять ее под угрозой казней.

Если вы благоразумны, вам не следует лишать нас жизни за то, что мы не хотим вас обманывать. Если ваш Христос есть сын божий, мы надеемся, что он вознаградит нас за то, что мы не хотим осквернять его таинства, мы надеемся, что бог, которому служим и мы, и вы, не накажет нас за то, что мы подвергаемся смерти ради веры, которую он нам некогда дал, только потому, что мы и теперь еще верим, что это он нам дал ее.

Вы живете в таком веке, когда свет просвещения достиг невиданной до сих пор силы, когда философия озарила умы и распространилось нравственное учение вашего евангелия, когда лучше определены взаимные права людей и авторитет совести одного человека над совестью другого человека. Поэтому если вы не откажетесь от ваших старых предрассудков, — предрассудки же эти, если вы не остерегаетесь их, превращаются в страсти, — то придется признать, что вы неисправимы, не доступны ни просвещению, ни наставлению, и останется только пожалеть несчастный народ, который вручает власть над собою таким людям, как вы.

Хотите, чтобы мы чистосердечно высказали вам нашу мысль? Вы смотрите на нас скорее как на ваших личных врагов, чем как на врагов вашей веры, если бы вы действительно любили свою веру, вы не позволили бы грубому невежеству исказить ее.

Мы должны предупредить вас, что если когда-нибудь в будущем кто-либо осмелится утверждать, что в наш век народы Европы были народами цивилизованными, то ему укажут на вас в доказательство того, что они были варварами, и представление о вас будет такого рода, что покроет позором ваш век и вызовет ненависть ко всем вашим современникам».

ГЛАВА XIV

Почему так ненавидят христианскую религию в Япония

Я уже говорил о том, как жестоки души японцев. В стойкости христиан, когда дело идет об отречении от веры, японские власти усмотрели большую опасность, они сочли ее признаком величайшей дерзости.

Японский закон строго карает малейшее неповиновение. Приказано было отречься от христианской религии, не отречься от нее значило ослушаться. Виновные в этом преступлении были наказаны, и упорство в ослушании считалось заслуживающим нового наказания.

Наказание, по понятиям японцев, есть возмездие за оскорбление, нанесенное государю. Радостное пение наших мучеников они приняли за злой умысел против микадо. Название мученика приводило власти в негодование, по их понятиям, оно означало мятежника, и они

употребляли все усилия, чтобы никого так не называли. Тогда всеми овладела душевная тревога, и началась страшная борьба между судами, которые приговаривали к наказанию, и обвиняемыми, которые страдали, борьба между гражданскими законами и законами религии.

ГЛАВА XV

О распространении религии

Народы Востока, за исключением магометан, полагают, что все религии сами по себе безразличны. Если они и опасаются введения новой религии, то только в смысле государственной перемены. У японцев, где существует много сект и где государство так долго имело духовного главу, никогда не возникает споров о вере. То же мы видим и у сиамцев. Калмыки идут еще дальше: для них терпимость по отношению ко всем религиям есть дело совести. В Калькутте принято как государственный принцип, что все религии хороши.

Но из этого еще не следует, чтобы религия, принесенная из страны очень отдаленной, с совершенно другим климатом, другими законами, нравами и обычаями, могла в новом месте иметь тот успех, который, казалось бы, должна обеспечить ее святость. Менее всего это вероятно в крупных деспотических государствах. Здесь сначала терпят иностранцев, потому что не обращают никакого внимания на то, что не противоречит представлениям о власти государя. В этих странах люди не знают самых простых вещей, и потому европеец может снискать расположение к себе, сообщив полезные сведения. Но это лишь начало. Как только он приобретет некоторый успех или возникнет какой-нибудь спор, или же окажутся затронутыми чьи-либо интересы, все меняется. Так как подобное государство по своей природе нуждается прежде всего в спокойствии и малейшее волнение может его ниспровергнуть, то в первую очередь изгоняется новая религия и ее проповедники. Если к тому же еще обнаруживаются раздоры между проповедниками, то возникает отвращение к самой религии, которая допускает разногласия даже между теми, кто ее предлагает.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О законах с точки зрения их отношения к различным разрядам вопросов, входящих в область их постановлений

ГЛАВА I

Идея этой книги

Люди управляются различными законами: правом естественным, божественным правом, которое есть право религии, правом церковным, иначе — каноническим, которое есть право религиозной дисциплины, правом международным, которое можно рассматривать как вселенское гражданское право, в том смысле, что каждый народ есть гражданин вселенной, общим государственным правом, которое имеет своим предметом человеческую мудрость, создавшую все человеческие общества, частным государственным правом, имеющим в виду каждое отдельное общество, правом завоевания, которое основано на представлении, что один народ хотел, мог или должен был совершить насилие над другим народом, гражданским правом отдельных обществ, посредством которого гражданин может защищать свое имущество и жизнь против всякого другого гражданина, наконец, семейным правом, которое является следствием разделения общества на отдельные семейства, требующие особого управления.

Существуют, следовательно, различные разряды законов, и высшая задача

человеческого разума состоит в том, чтобы точным образом определить, к какому из названных разрядов по преимуществу относятся те или другие вопросы, подлежащие определению закона, дабы не внести беспорядка в те начала, которые должны управлять людьми.

ГЛАВА II

О божественных и человеческих законах

Не следует ни делать предметом постановлений божественного закона то, что относится к законам человеческим, ни решать посредством человеческого закона то, что подлежит законам божественным.

Эти два рода законов отличаются один от другого своим происхождением, своей целью и своей природой.

Все согласны в том, что природа человеческих законов отличается от природы религиозных законов. Это есть великий принцип, но он в свою очередь подчинен другим принципам, которые следует определить.

1. Человеческим законам свойственно от природы подчиняться всем видоизменяющимся обстоятельствам действительности и следовать за всеми изменениями воли людей, напротив, свойство религиозных законов — никогда не изменяться. Постановления человеческих законов относятся к благу, установления религии — к высшему благу. Благо может иметь какую-то иную цель, потому что существует много различных благ, но высшее благо едино и, следовательно, изменяться не может. Законы можно изменять, потому что они признаются законами только тогда, когда они хороши, но установления религии всегда считаются наилучшими.

2. Есть государства, где законы ничего не значат и служат лишь выражением прихотливой и изменчивой воли государя. Если бы в таких государствах религиозные законы были однородны с человеческими законами, то они также не имели бы никакого значения. Между тем для общества необходимо, чтобы существовало что-то постоянное, это постоянное и есть религия.

3. Сила религии покоится главным образом на вере в нее, а сила человеческих законов — на страхе перед ними. Древность существования благоприятствует религии, степень веры часто соразмеряется с отдаленностью предмета, в который мы верим, ибо наш ум при этом бывает свободен от побочных понятий той отдаленной эпохи, которые могли бы противоречить нашим верованиям. Человеческим законам, напротив, дает преимущество новизна их происхождения. Она указывает на особое, живое внимание законодателя, направленное на то, чтобы добиться их исполнения.

ГЛАВА III

О гражданских законах, противоречащих естественному праву

«Если раб, — говорит Платон, — защищаясь, убьет свободного человека, его следует судить как отцеубийцу». Вот гражданский закон, который карает за естественную самозащиту.

Закон, согласно которому при Генрихе VIII выносился обвинительный приговор над человеком без очной ставки со свидетелями, противоречит естественной самозащите. Действительно, для того чтобы осудить человека, необходимо, чтобы свидетели удостоверились, что человек, против которого они показывают, и обвиняемый — одно и то же лицо, и чтобы обвиняемый имел право сказать: тот, о ком вы говорите, вовсе не я.

Закон того же царствования, осуждавший всякую девушку, которая состояла с

кем-либо в недозволенной связи и не объявляла о том королю до вступления с этим человеком в брак, нарушал естественную защиту стыдливости. В этом случае так же неразумно требовать от девушки признания, как и требовать от мужчины, чтобы он не защищался, когда жизни его угрожает опасность.

Закон Генриха II, осуждавший на смерть девушку в случае гибели ее ребенка, если она не объявила властям о своей беременности, не менее противоречит естественной защите. Было бы достаточно обязать ее объявить о том одной из своих ближайших родственниц, которая позаботилась бы о ребенке.

Какое другое признание могла бы она сделать под пыткой естественной стыдливости? Воспитание только усилило в ней сознание необходимости сохранять это чувство стыда, и в эти ми-нуты у нее едва ли оставалось самое понятие об утрате жизни.

Много говорилось об английском законе, который позволял семилетней девочке избирать себе мужа. Закон этот был возмутителен в двух отношениях: он совершенно упускал из виду как время, определенное природой для умственной зрелости, так и время, определенное ею для зрелости физической.

У римлян отец мог заставить дочь развестись с мужем, хотя бы брак был заключен с его согласия. Между тем совсем не согласно с природой, чтобы развод мог состояться по воле третьего лица.

Если развод и оправдывается природой, то лишь при условии согласия обеих сторон или по крайней мере одной из них, если же нет согласия ни той, ни другой стороны, развод является чем-то чудовищным. Наконец, право развода может быть предоставлено только самим лицам, которые испытывают на себе неудобство брака и которые знают время, когда им всего лучше освободиться от этого неудобства.

ГЛАВА IV

Продолжение той же темы

Бургундский король Гундобад постановил, что жена или сын вора, которые не донесут о совершенном им преступлении, должны быть обращены в рабство. Закон этот противоречил природе. Могла ли жена быть обвинительницей мужа? Мог ли сын сделаться обвинителем отца? Чтобы наказать одно преступное действие, он предписывал другое, еще более преступное.

Закон Ресессунда разрешал детям женщины, повинной в прелюбодеянии, или детям ее мужа выступить против нее обвинителями и подвергнуть домашних рабов допросу с применением пытки. Этот закон был также несправедлив, ибо он ниспровергал в целях охранения нравственности самую природу, от которой ведет свое начало нравственность.

Мы с удовольствием смотрим в наших театрах на молодого героя, для которого мысль о том, чтобы обнаружить преступление мачехи, кажется столь же ужасной, как и самое ее преступление. Его обвиняют, судят, приговаривают, изгоняют, клеймят позором, а он в смущении едва решается остановиться на мысли об ужасном происхождении Федры. Он покидает все, что ему дорого, оставляет предмет самой нежной своей привязанности — все, что говорит его сердцу, все, что может вызвать его негодование, и предает себя мщению богов, которого совсем не заслужил. Что доставляет нам при этом такое удовольствие? Голос природы, которому мы внимаем, — голос самый привлекательный в мире.

ГЛАВА V

Случаи, к которым можно применять принципы гражданского права, видоизменяя при этом принципы естественного права

В Афинах был закон, который обязывал сына кормить неимущего отца. Но он делал исключение для детей, рожденных от куртизанки, для детей, целомудрие которых отец нарушил, сделав их предметом постыдного торга, и для детей, которых отец не научил никакому ремеслу, которое давало бы им средства к пропитанию.

Закон имел в виду в первом случае, что так как отцовство подлежит сомнению, то и естественные обязательства по отношению к отцу теряют свою определенность, во втором случае, что отец опозорил тех, кому дал жизнь, и причинил детям самое большое зло, какое только мог, лишив их принадлежащего им положения в обществе, в третьем случае, что он сделал невыносимо тяжелой их жизнь, ибо они лишь с большим трудом могли поддерживать свое существование. Закон здесь смотрел на отца и сына как на двух граждан и в своих постановлениях руководился исключительно соображениями политического и гражданского характера. Он полагал, что хорошей республике прежде всего необходимы добрые нравы.

Я думаю, что закон Солона был хорош лишь в двух первых случаях, а именно, когда природа оставляла сына в неведении, кто именно его отец, и когда она даже как бы повелевала сыну не признавать отца, но нельзя одобрить этого закона в третьем случае, когда отец нарушал только гражданское предписание.

ГЛАВА VI

О том, что порядок наследования покоится на началах политического или гражданского права, а не естественного права

Закон Вокония воспрещал назначать наследницей жену и даже единственную дочь. Никогда еще не было более несправедливого закона, говорит святой Августин. Формула Ильфа называет нечестивым обычаем, лишаящий дочерей наследства после их отцов. Юстиниан называет варварским право наследования мужчин в ущерб дочерям. Эти понятия были следствием того, что на право наследования детей после отцов смотрели как на вывод из естественного права, чего с действительности нет.

Естественный закон требует от отцов, чтобы они кормили своих детей, но не обязывает делать их своими наследниками. Раздел имущества, законы, касающиеся этого раздела, наследование после лица, участвовавшего в этом разделе, — все это может быть урегулировано только обществом, т. е. политическими или гражданскими законами.

Правда, соображения политического или гражданского порядка часто (но не всегда) требуют, чтобы дети наследовали после родителей.

Наши законы о феодах могли иметь известное основание, когда они устанавливали, что старший сын или ближайший мужской родственник получал все, а дочери — ничего. Равно могли иметь основание и лангобардские законы, определявшие, что сестры, побочные дети и прочие родственники, — а за неимением их казна — должны принимать участие в наследстве вместе с дочерьми.

Некоторыми китайскими династиями было принято за правило, что императору должны наследовать его братья и что дети ему не наследуют. Если к составлению такого закона побуждало желание иметь государем человека, обладающего известной опытностью, опасение последствий несовершеннолетия императора, намерение предотвратить постоянное занятие престола детьми вследствие происков евнухов, — этот порядок наследования мог вполне соответствовать цели. Некоторые писатели, считавшие братьев этих государей узурпаторами, руководствовались в своих суждениях понятиями, заимствованными из законов наших стран.

Согласно обычаю, существовавшему в Нумидии, царю Гале наследовал брат его Эльзаций, а не сын Масинисса. Еще и в настоящее время у берберских арабов, где каждое селение имеет своего вождя, наследником ему в силу этого древнего обычая избирается дядя или иной родственник.

Есть монархии чисто избирательные, и, поскольку определение порядка наследования

есть дело политических или гражданских законов, монархии эти сами должны решать, в каких случаях рассудок требует, чтобы наследовали дети, и в каких наследование должно быть предоставлено другим родственникам.

Там, где существует многоженство, у государя бывает много детей. В одних странах их бывает больше, в других меньше. Есть государства, где содержание детей государя было бы не по силам народу. В них естественно было утвердиться порядку, устраняющему от престолонаследия детей государя в пользу детей его сестры.

Слишком большое количество детей подвергает государство опасности страшных междоусобий. Порядок престолонаследия, предоставляющий корону детям сестры, у которой их будет не более, чем мог бы иметь государь при одной жене, предотвращает это неудобство.

Есть народы, у которых соображения государственной пользы или какое-либо религиозное правило требуют, чтобы престол принадлежал неизменно одному и тому же роду. Таким же побуждением в Индии служит привязанность к своей касте и страх утратить принадлежность к ней. Это привело к мнению, что наследника следует брать из детей старшей сестры государя, чтобы иметь всегда государей царской крови.

Общее правило, кормление детей есть обязанность, установленная естественным правом, предоставление им наследства есть обязанность, возлагаемая гражданским или государственным правом. Отсюда различия в постановлениях относительно незаконнорожденных детей в разных странах, так как постановления эти следуют за гражданскими или политическими законами каждой отдельной страны.

ГЛАВА VII

О том, что не следует разрешать вопроса на основании предписаний религии, когда дело идет о предписаниях естественного закона

Абиссинцы соблюдают 50-дневный очень строгий пост, который до такой степени ослабляет их, что они после него долго не в состоянии ничего делать, и турки, пользуясь этим, не упускают случая нападать на них после поста. Религии в интересах естественной защиты следовало бы ограничить этот обычай.

Евреям было предписано соблюдать субботу, но они дошли при этом до такого безрассудства, что не сочли возможным защищаться, когда враги выбрали этот день для нападения на них.

Камбиз, осаждая Пелузий, выставил в первом ряду множество животных, считавшихся у египтян священными, и гарнизон поэтому не решался стрелять. Для кого не очевидно, что требования естественной самозащиты выше всех предписаний!

ГЛАВА VIII

О том, что не следует подчинять принципам так называемого канонического права то, что регулируется принципами гражданского права

По римскому гражданскому праву человек, похитивший из священного места вещь, принадлежащую частному лицу, подлежал наказанию только за кражу, по праву каноническому он подвергался наказанию за святотатство. Каноническое право имеет в виду место, гражданское право — вещь. Но обращать внимание только на место значит упускать из виду как природу и определение краж, так и природу и определение святотатства.

Как муж может требовать развода по причине неверности жены, так и жена в прежнее время могла требовать развода по причине неверности мужа. Обычай этот, противный

римским законам, проник в церковные суды, принимавшие к руководству лишь правила канонического права. И действительно, если относиться к браку с точки зрения исключительно духовной, в связи с представлениями о будущей жизни, оба случая нарушения брака будут тождественны, но политические и гражданские законы почти у всех народов с полным основанием различают эти два случая. Они требуют от женщины скромности и воздержания в такой мере, в какой вовсе не требуют их от мужчины, потому что потеря стыдливости предполагает у женщины отречение от всех добродетелей, потому что жена, нарушившая брачные законы, выходит из состояния естественной зависимости, потому что природа отмечает неверность жен ясными признаками, не говоря уже о том, что рожденные в прелюбодеянии дети жены по необходимости достаются мужу и поступают на его попечение, тогда как рожденные в прелюбодеянии дети мужа не достаются жене и не поступают на ее попечение.

ГЛАВА IX

О том, что вопросы, которые должны быть подчинены принципам гражданского права, редко могут быть подчинены принципам религиозных законов

Законы религии более величественны, законы гражданские обладают большей широтой.

Законы совершенства, заимствованные из религии, имеют в виду не столько качества общества, в котором они соблюдаются, сколько качества отдельного человека, который их соблюдает. Гражданские законы, напротив, имеют в виду более нравственное достоинство людей вообще, чем отдельного человека.

Таким образом, как бы почтенны ни были сами по себе понятия, вытекающие непосредственно из религии, они не всегда должны служить руководящим началом для гражданских законов, потому что эти последние имеют иное руководящее начало — благо общества в его целом.

Римляне издавали постановления для охранения в республике нравственности женщин, это были постановления политического характера. Когда утвердилась монархия, они стали издавать по тому же предмету гражданские законы, придерживаясь при этом принципов гражданского управления. После принятия христианства вновь появившиеся законы имели уже менее связи с чистотой нравов вообще, чем со святостью брака.

Союз двух полов рассматривался уже не столько с гражданской, сколько с духовной точки зрения.

Во-первых, по римскому закону муж, принявший жену в свой дом после того, как она была обвинена в прелюбодеянии, подвергался наказанию как ее соучастник в разврате. Юстиниан, руководствуясь иным взглядом, постановил, что муж может в продолжение двух лет взять жену из монастыря.

Если жена не получала никаких сведений о муже, который находился на войне, она могла в прежние времена беспрепятственно вступить в новый брак, потому что имела право на получение развода. Закон Константина потребовал, чтобы она ждала четыре года, после чего могла послать начальнику мужа письменное требование о расторжении брака, если муж возвращался позднее, он уже не мог обвинять ее в прелюбодеянии. Но Юстиниан постановил, что, сколько бы времени ни прошло после отлучки мужа, жена не могла вступить в новый брак, если только не представляла доказательства его смерти в форме удостоверения в том его военного начальника под присягой. Юстиниан имел при этом в виду нерасторжимость брака, но можно сказать, что он придавал ей чрезмерное значение. Он требовал положительного доказательства там, где было совершенно достаточно доказательства отрицательного, он ставил трудно выполнимое требование представления

отчета о судьбе человека, находящегося в отдаленной стране и подвергающегося всякого рода случайностям, он предполагал преступление, именно дезертирство мужа, когда всего естественнее было бы прийти к заключению, что его нет в живых, он погрешал против общественного блага, лишая женщину права вступить в брак, он нарушал ее частные интересы, подвергая ее бесчисленным опасностям.

Закон Юстиниана, принимавший за один из поводов к разводу согласие мужа и жены на вступление в монастырь, не имел ничего общего с основными началами гражданского права. Развод следует признать в порядке вещей, если причины его кроются в таких препятствиях, которые нельзя было предвидеть до брака, но желание сохранить целомудрие можно было предвидеть, потому что оно заключено в нас самих. Этот закон покровительствует непостоянству в таком состоянии, которое по природе своей должно быть постоянным, он нарушает основное начало развода, которое терпит расторжение брака только в виду надежды на новый брак. Наконец, даже с точки зрения чисто религиозной он совершает заклятие богу без жертвы.

ГЛАВА X

В каком случае должно следовать гражданскому закону, который разрешает, а не закону религии, который воспрещает

Когда религия, воспрещающая многоженство, проникает в страну, где оно дозволено, то исключительно с точки зрения политической нельзя утверждать, что закон должен допустить принятие новой религии человеком, имеющим несколько жен, если только власти или муж не вознаградили их, возвратив им, тем или другим способом, их прежнее гражданское состояние, иначе они оказались бы в самом плачевном положении: они, которые повиновались только законам, лишились бы важнейших общественных преимуществ.

ГЛАВА XI

Не следует подчинять человеческие суды правилам судов, имеющих в виду загробную жизнь

Суд инквизиции, учрежденный христианскими монахами на основании представления о суде над кающимися грешниками, противен всякому гражданскому порядку. Он вызвал против себя всеобщее негодование и уступил бы протесту, если бы сторонники его не воспользовались этим самым протестом в своих интересах.

Этот суд невыносим при всех образах правления. В монархиях он только создает доносчиков и изменников, в республиках плодит бесчестных людей, в деспотическом государстве является таким же разрушителем, как и само это государство.

ГЛАВА XII

Продолжение той же темы

Одно из злоупотреблений этого суда состоит в том, что из двух обвиняемых в одинаковых преступлениях тот, кто отрицает преступление, приговаривается к смерти, а тот, кто сознается в нем, избавляется от смертной казни. Это основано на монашеских понятиях, согласно которым несознающийся считается нераскаянным и осужденным грешником, а сознающийся — кающимся и спасенным. Но такое толкование не может быть применено к человеческому суду. Человеческое правосудие, которое смотрит на одни только поступки,

располагает по отношению к людям лишь одним условием для оправдания — условием невинности. Божественное правосудие, которое читает мысли человека, имеет их два — условие невинности и условие раскаяния.

ГЛАВА XIII

В каких случаях следует относительно брака держаться законов религии и в каких — гражданских законов

Во всех странах и во все времена мы встречаемся с вмешательством религии в брачные дела. Коль скоро известные отношения считались нечистыми или недозволенными, и в то же время были необходимы, приходилось прибегать к религии, чтобы в одних случаях их узаконить, а в других — отвергнуть. С другой стороны, необходимо было подчинить правилам гражданских законов брак, как такое человеческое действие, в котором общество заинтересовано более, чем в каком-либо другом.

Все, что касается существа брака, — его форма, способ его заключения, сообщаемое им плодородие, которое почитается у всех народов благословением, не всегда сопровождающим брак, но составляющим проявление особой, высшей благодати, — все это подлежит ведению религии.

Последствия брачного союза по отношению к имуществу, взаимные выгоды супругов, все, что имеет отношение к новой семье, к семье, из которой она вышла, и семье, которая должна от него произойти, — все это касается гражданских законов.

Так как одна из главнейших целей брака заключается в том, чтобы устранить всю неопределенность, связанную с незаконными сожителем-ми, то религия налагает на него свою печать, а гражданские законы присоединяют свою с целью окончательно, насколько это возможно, установить его подлинность. Таким образом, кроме тех условий, которых требует религия для установления действительности брака, гражданские законы могут со своей стороны требовать еще других.

Власть эту дает гражданским законам то обстоятельство, что сообщаемые ими признаки суть добавочные, а не противоречащие. Религиозный закон требует известных обрядов, гражданский закон — согласия родителей, таким образом, гражданский закон требует в этом отношении несколько больше, чем закон религиозный, но не требует ничего такого, что было бы противно этому последнему.

Отсюда следует, что разрешение вопроса — будет ли союз нерасторжимым или нет, принадлежит религиозному закону, потому что если бы религиозные законы постановили, что брачные узы нерасторжимы, а гражданские — что они могут быть расторгнуты, то получилось бы два противоречивых определения.

Иногда признаки, сообщаемые браку гражданскими законами, не являются абсолютно необходимыми. Сюда относятся постановления закона, которые вместо расторжения брака ограничиваются наказанием супругов.

У римлян законы Папия объявляли все воспрещенные ими браки незаконными и подвергали за них только наказаниям, сенатское же решение, состоявшееся по поводу речи императора Марка Антонина, отменило эти законы. Не стало ни браков, ни жен, ни приданого, ни мужей. Гражданский закон сообразуется с обстоятельствами, обращая внимание в одних случаях преимущественно на исправление зла, в других — на его предупреждение.

ГЛАВА XIV

В каких случаях браки между родственниками должны подчиняться законам природы и в каких — требованиям гражданских законов

В деле воспрещения браков между родственниками весьма трудно определить с точностью ту границу, на которой прекращается действие законов природы и наступает действие гражданских законов. Для этого необходимо установить руководящие начала.

Брак сына с матерью ниспровергает всякий естественный порядок: сын должен питать безграничное почтение к матери, а жена к мужу, брак матери с сыном извратил бы естественное состояние обоих.

Кроме того, природа дала женщине способность иметь детей в более раннем возрасте, чем мужчине, по той же причине женщина теряет эту способность ранее мужчины. Если бы был дозволен брак между матерью и сыном, то почти всегда случалось бы, что мужчина сохранял бы еще способность служить продолжению рода, после того как женщина эту способность уже утратила.

Брак между отцом и дочерью также противоречит природе, хотя и в меньшей мере, ибо не представляет двух последних препятствий. Потому-то татары, которые могут жениться на дочерях, никогда не вступают в брак с матерями, как мы это видим в донесениях.

Всегда считалось естественным, чтобы родители наблюдали за целомудрием детей. Вместе с обязанностью устраивать будущее детей на родителей ложится обязанность сохранять их тело возможно совершенным, а их душу — наименее развращенной, т. е. делать все, что наиболее способствует возбуждению желаний и развитию нежности. В постоянной заботе об охране нравов детей родители, естественно, должны удалять от них все, что может их развратить. Брак не есть развращение, возразят на это, конечно, но прежде вступления в брак надо уговаривать, надо заставить полюбить себя, пади обольстить. Вот это-то обольщение и должно было казаться отвратительным.

Явилась таким образом необходимость создать непреодолимую преграду между воспитывающими и воспитываемыми, избегать всякого рода развращения даже по законным побуждениям, почему родители и стараются удалять дочерей своих от общения и близкого знакомства с людьми, которые должны вступить с ними в брак.

Отвращение, вызываемое мыслью о кровосмешении между братом и сестрой, должно было произойти из того же источника. Достаточно со стороны отцов и матерей желания сохранить нравы детей и дома свои чистыми, чтобы побудить их поселить в детях страх ко всему, что ведет к сближению между двумя полами.

Запрещение браков между двоюродными братьями и сестрами того же происхождения. В первобытные времена, т. е. во времена священные, в те века, когда люди не знали роскоши, все *детиставались в доме и устраивались в нем*, так как достаточно было очень малого дома для большого семейства. Дети двух братьев, или двоюродные братья, почитались всеми наравне с родными братьями и сами так смотрели друг на друга. Отвращение к браку между родными братьями и сестрами распространялось и на двоюродных братьев и сестер.

Причины эти так могущественны и естественны, что они действовали почти повсеместно на земле, независимо от сношений между народами. Не римляне, конечно, внушили жителям Формозы, что браки между родственниками в четвертой степени являются кровосмешением, не римляне поведали об этом арабам и научили тому же малдивов.

Правда, некоторые народы не отвергали браков между родителями и детьми и между братьями и сестрами, но, как уж было замечено в первой книге, одаренные разумом существа не всегда следуют своим законам. Кто бы мог думать, что часто причиной того, что люди впадали в эти заблуждения, были религиозные понятия! Если ассирийцы и персы женились на своих матерях, то первые делали это из религиозного благоговения к Семирамиде, а вторые потому, что религия Зороастра предпочитала эти браки другим. Если египтяне женились на сестрах, то это опять-таки было заблуждением египетской религии, которая посвящала эти браки Изиде. Так как религия по природе своей побуждает нас к напряжению наших сил для совершения великих и трудных дел, то не следует считать вещи естественными только потому, что они освящены ложной религией.

Приняв за основное начало, что браки между родителями и детьми и между братьями и сестрами запрещены в интересах сохранения естественного целомудрия в семье, мы можем сделать отсюда вывод о том, какие именно браки воспрещаются естественным законом и какие могут быть воспрещены только гражданским законом.

Так как дети живут или считаются живущими в доме отца, и, следовательно, в одном доме живут и зять с тещей, и тесть с невесткой или падчерицей, то браки между ними воспрещены законами природы. В этом случае фикция родства имеет то же значение, что и действительное родство, потому что имеет ту же причину. Гражданский закон не может и не должен допускать таких браков.

Есть народы, у которых, как я уже сказал, на двоюродных братьев и сестер смотрят как на родных братьев и сестер, потому что те и другие живут в одном и том же доме, у других народов такого обычая нет. У первых браки между двоюродными братьями и сестрами следует рассматривать как противные природе, у вторых — нет.

Законы природы не могут быть местными законами. Поэтому, когда эти браки воспрещены или дозволены, они, смотря по обстоятельствам, бывают воспрещены или дозволены гражданским законом.

Далеко не всегда шурин и золовка живут в одном доме, следовательно, цель сохранения целомудрия в доме вовсе не требует воспрещения брака между ними, и закон, воспрещающий или позволяющий такой брак, не есть закон природы, но закон гражданский, который подчиняется обстоятельствам и зависит от обычаев каждой отдельной страны: это те случаи, когда законы находятся в зависимости от нравов и обычаев.

Гражданские законы воспрещают браки, когда в силу обычаев, действующих в данной стране, браки эти оказываются в таких же условиях, как и те, которые воспрещены законами природы, и разрешают их, когда они не находятся в этих условиях. Запрещения, налагаемые законами природы, не подлежат изменениям, потому что зависят от неизменяющихся обстоятельств: отец, мать и дети всегда живут в одном доме. Но запрещения гражданских законов случайны, потому что зависят от случайных обстоятельств: двоюродные братья и сестры и другие родственники живут в одном доме случайно.

Этим объясняется, почему законы Моисея, египтян и многих других народов дозволяют браки между шурином и золовкой, тогда как те же браки запрещены у других народов.

В Индии существуют вполне естественные основания к разрешению этих браков. На дядю в этой стране смотрят как на отца, он обязан содержать и пристраивать племянников, как собственных детей. Таков уже нрав этого доброго и человеколюбивого народа. Этот закон, или обычай, породил другой: муж, потерявший жену, всегда женится на ее сестре, и это совершенно естественно, потому что вторая жена, став матерью детей своей сестры, не будет им злой мачехой.

ГЛАВА XV

Не следует подчинять принципам государственного права то, что находится в зависимости от принципов гражданского права

Подобно тому как люди отказались от естественной независимости, чтобы жить под политическими законами, они отказались и от естественной общности имуществ, чтобы жить под гражданскими законами.

Первые из этих законов дали им свободу, вторые — собственность. Не следует решать по законам свободы, являющейся, как мы уже сказали, господством гражданского общества, вопросов, которые должны решаться по законам собственности. Если говорят, что благо частное должно уступать благу общественному, то это лишь ложное умозаключение. Правило это имеет место только в том случае, когда дело идет о господстве гражданского общества, т. е. о свободе гражданина, но оно неуместно в применении к вопросам

собственности, потому что общественное благо всегда требует, чтобы каждый неизменно сохранял право на собственность, обеспеченное ему гражданскими законами.

Цицерон утверждал, что действие аграрных законов было пагубно, потому что гражданский порядок был установлен единственно с той целью, чтобы всякий мог сохранить свое имущество.

Итак, в деле общественного блага примем за правило, что благо это никогда не может состоять в том, чтобы лишить человека имущества или даже самой ничтожной части его посредством политического закона или распоряжения. В этом случае следует в точности держаться гражданского закона, составляющего верховную охрану собственности.

Поэтому, когда общество нуждается в имуществе частного лица, не следует прибегать к строгости политического закона. В этих случаях должен одерживать верх гражданский закон, который, как добрый отец, с одинаковой любовью взирает на все общество и на каждого его члена в отдельности.

Если правительство захочет построить общественное здание или проложить новую дорогу, необходимо, чтобы оно возместило все убытки частных лиц. Общество в этом отношении есть как бы частное лицо, вступающее в сделку с другим частным лицом. Достаточно уже того, что оно может заставить гражданина продать свое имущество, лишая его этим дарованной ему гражданскими законами привилегии, по которой никто не может принуждать его к отчуждению его собственности.

Народы, разрушившие Римскую империю, некоторое время злоупотребляли завоеванием, но дух свободы заставил и их вернуться к справедливости: они стали пользоваться самыми варварскими правами с умеренностью, и те, которые сомневаются в этом, пусть прочтут прекрасное сочинение Бома-шуара[137], писавшего о юриспруденции в XII веке.

В его время исправление больших дорог производилось так же, как и теперь. Он говорит, что, когда большая дорога не могла быть восстановлена, пролагали новую возможно ближе к старой, но при этом вознаграждали частных собственников за счет тех лиц, которым проведение дороги доставляло какие-нибудь выгоды. Итак, в то время дела эти решались гражданским законодательством, тогда как теперь они решаются государственным правом.

ГЛАВА XVI

О том, что не следует применять постановлений гражданского права к случаям, решение которых зависит от государственного права

Мы сможем глубоко понять все относящиеся к данной теме вопросы, если только не станем смешивать правил, вытекающих из собственности граждан, с правилами, порожаемыми свободой граждан.

Допустимо ли отчуждение государственных имуществ или нет? Ответ на этот вопрос должно дать государственное право, а не гражданские законы. Этот вопрос не должны решать гражданские законы, потому что государственные имущества так же необходимы для содержания государства, как необходимы государству гражданские законы для определения правил распоряжения имуществами.

Таким образом, если отчуждается государственное имущество, государство вынуждено создать новый фонд для приобретения другого имущества. Но эта мера опять-таки нарушает государственный порядок, потому что согласно природе самого предмета с образованием нового государственного имущества подданным придется платить более, а государю получать менее прежнего, короче, государственные имущества необходимы, а отчуждение их нет.

Порядок престолонаследия в монархиях имеет своим основанием благо государства, которое требует прочного установления этого порядка для предотвращения зол,

свойственных, как я уже говорил, деспотическому правлению, в котором все изменчиво, потому что все произвольно.

Порядок престолонаследия устанавливается не в интересах царствующего дома, но в интересах государства, которое требует существования царствующего дома. Закон, определяющий порядок наследования для частных лиц, есть гражданский закон и имеет предметом интересы частных лиц. Закон же, определяющий порядок престолонаследия в монархии, есть политический закон и имеет предметом своим благо и сохранение государства.

Из этого следует, что если государственное право установит порядок престолонаследия в государстве и этот порядок сам собою прекратится, то в таком случае будет бессмысленно предъявлять права на престолонаследие на основании гражданского закона какого бы то ни было народа. Одно общество не может предписывать законов другому. Гражданские законы римлян в этом случае так же мало применимы, как и всякие другие гражданские законы. Сами римляне не прибегали к ним, когда судили государей, правила же, которым они следовали в последнем случае, так гнусны, что отнюдь не следует воскрешать их.

Из этого следует также, что если бы государственное право заставило какой-либо род отказаться от престолонаследия, то было бы бессмысленно добиваться восстановления его прав при помощи гражданских законов. Права восстановления существуют в законе и могут иметь силу против тех, кто находится под властью этого закона, но они недействительны против лиц, которые сами поставлены для установления закона и живут для закона.

Смешно притязание на решение правовых вопросов, касающихся государств, народов и всего мира, на основании правил, по которым, говоря словами Цицерона, решается спор между частными лицами о праве на кровельный желоб.

ГЛАВА XVII

Продолжение той же темы

Об остракизме следует судить на основании указаний государственного, а не гражданского права. Обычай этот далеко не ложится позорным пятном на народное правление, напротив, он скорее свидетельствует о его мягкости.

Мы легко поняли бы это, если бы изгнание не было у нас карательной мерой, и мы были бы в состоянии отделить понятие остракизма от понятия наказания, Аристотель говорит нам, что все были согласны в том, что обычай этот заключал в себе нечто гуманное и согласное с народными воззрениями. Если в те отдаленные времена и в тех странах, где применялись эти приговоры, их не находили чудовищными, то, конечно, не нам, смотрящим на вещи издалека, судить об этом деле иначе, чем судили обвинители, судьи и сами осужденные.

Если затем мы обратим внимание на то, что народный приговор покрывал славой гражданина, против которого был направлен, что, когда этим обычаем злоупотребили, применив его к человеку без всяких заслуг, его перестали употреблять, — мы убедимся, как ошибочно было наше мнение на этот счет и как прекрасен был закон, который предупреждал возможность дурных последствий славы гражданина, покрывая его новой славой.

ГЛАВА XVIII

О том, что когда законы кажутся противоречащими один другому(следует рассмотреть, одного ли они порядка

В Риме дозволено было передавать на время свою жену другому. Плутарх положительно утверждает это. Известно, что Катон уступил на время свою жену Гортензию,

а Катон уж отнюдь не принадлежал к числу тех, кто нарушал законы своей страны.

С другой стороны, муж, терпевший распутное поведение своей жены, не предававший ее суду или принимавший ее назад после обвинения ее по суду, подвергался наказанию. Эти законы кажутся противоречащими друг другу, но в действительности противоречия нет. Закон, разрешивший римлянину отдавать свою жену на время другому, имеет, очевидно, лаке демонское происхождение, целью его было доставлять республике людей хорошей породы, если позволено будет так выразиться, другой же закон охранял чистоту нравов. Первый был законом политическим, а второй — гражданским.

ГЛАВА XIX

О том, что не следует применять гражданских законов к вопросам, решение которых подлежит семейным законам

Закон вестготов ставил рабам в обязанность связать мужчину и женщину, застигнутых ими при совершении прелюбодеяния, и доставить их мужу и судье — закон ужасный, так как он возлагал на этих низких людей заботу о мщении общественном, семейном и частном.

Этот закон годился бы только для восточных сералей, где раб, поставленный стражем, считается нарушителем порядка, коль скоро порядок нарушен. Там раб останавливает преступников не столько для суда над ними, сколько для суда над собою, чтобы по рассмотрении всех обстоятельств дела могли решить, не заслуживает ли он снятия подозрения в нерадении. Но там, где женщин не держат под замком, нельзя не признать безумным, когда их — хозяек, которые управляют домом, — гражданский закон подчиняет инквизиционному преследованию со стороны их собственных рабов.

Это могло быть допустимо, самое большее, лишь в некоторых случаях в качестве частного семейного закона, но никогда — в качестве гражданского закона.

ГЛАВА XX

О том, что не следует решать по гражданским законам вопросов, относящихся к международному праву

Свобода заключается главным образом в том, чтобы человека не принуждали совершать действия, которых закон ему не предписывает. Это состояние возможно только потому, что мы управляемся гражданскими законами. Следовательно, мы свободны, ибо мы живем под властью гражданских законов.

Но государи в своих взаимных отношениях не подчиняются гражданским законам, следовательно, они не свободны. Они управляются силой и могут постоянно совершать насилия или сами им подвергаться, а отсюда вытекает, что договоры, заключенные ими по принуждению, столько же обязательны для них, как и те, которые они заключили добровольно. Если мы, живущие под властью гражданских законов, берем на себя по принуждению обязательство, которого закон от нас не требует, то можем с помощью закона нарушить его. Но государь, который постоянно находится в положении насилующего, не может жаловаться на договор, навязанный ему силой. Это то же, как если б он стал жаловаться на свое естественное состояние или захотел бы быть государем над другими государями, так чтобы другие государи сделались гражданами по отношению к нему. Иными словами, все это противно природе вещей.

ГЛАВА XXI

О том, что не следует решать по принципам государственного права вопросов, относящихся к международному праву

Начала государственного права требуют, чтобы всякий человек подчинялся уголовному и гражданскому суду той страны, в которой он находится, и нарушения им законов этой страны выносились бы на рассмотрение ее государя.

Международным правом установлено, чтобы государи посылали друг к другу послов, причем по самой природе вещей не могло быть допущено, чтобы послы находились в зависимости от государя, к которому они посланы, или подчинялись его судам. Они — голос посланного их государя, и этот голос должен быть свободен. Никакие препятствия не должны стеснять их действий. Они могут часто не правиться, потому что говорят от имени лица независимого. Можно было бы приписать им преступление, если бы их разрешалось наказывать за преступления, можно было бы начислить на них долги, если бы их разрешалось задерживать за долги. Если бы послы не были независимы, создалось бы противоречие: государь — лицо, которое по самой природе отличается гордостью, говорил бы устами человека, который должен всего бояться. Поэтому относительно послов следует держаться соображений, заимствованных из международного, а не государственного права. Если же они злоупотребляют своим положением представителя, то их лишают этого положения, отсылая обратно на родину. Можно даже принести на них жалобу их государю, который в таком случае становится их судьей или соучастником.

ГЛАВА XXII

Несчастливая участь инки Атуальпа

Установленные нами выше начала были жестоко нарушены испанцами. Инку Атуальпа можно было судить только на основании международного права, они судили его на основании государственного и гражданского права. Они обвинили его в лишении жизни некоторых из его подданных, в многоженстве и т. д. Но верхом их безрассудства было то, что они осудили его на основании государственных и гражданских законов не его, а своей страны.

ГЛАВА XXIII

О том, что если почему-либо политический закон действует на государство разрушительно, следует применить другой закон, который охранял бы государство, и этот новый закон становится иногда законом международным

Когда политический закон, установивший порядок престолонаследия в государстве, начинает оказывать разрушительное действие на политический организм, для которого он был создан, не следует опасаться того, что другой политический закон может изменить этот порядок. Этот второй закон не только не будет противоречить первому, но в основе своей будет вполне с ним согласен, потому что оба закона исходят из одного и того же принципа: *благо народа есть верховный закон.*

Я уже говорил, что крупное государство, подчинившись другому, обессиливает этим и себя, и даже то государство, от которого зависит. В интересах каждого государства, чтобы его глава пребывал в нем, чтобы управление государственными доходами совершалось правильно, чтобы монета государства не уходила из его пределов для обогащения другой страны. Важно, чтобы тот, кто правит государством, не увлекался иноземными порядками, они менее пригодны, чем те, которые уже укоренились в стране. К тому же люди обыкновенно крепко держатся своих законов и обычаев, потому что в них заключается благополучие всякого народа, и их редко удается изменить без больших потрясений и кровопролитий, как это доказывает история всех стран.

Отсюда следует, что если наследник престола крупного государства является правителем другого крупного государства, первое может отстранить его от престолонаследия, потому что для обоих государств полезно, чтобы порядок престолонаследия был изменен. Так, русский закон, изданный в начале царствования императрицы Елизаветы, очень благоразумно лишил права занимать престол всякого наследника, являющегося государем другой монархии, а португальский закон отвергает всякого иностранца, который мог бы получить престол по праву крови.

Но если нация может отстранить от престолонаследия, то г еще большим основанием она может потребовать отречения от престола. Если она опасается, что известный брачный союз по своим последствиям может послужить угрозой для ее независимости или повести к разделу ее территории, она вполне может заставить вступающих в брак отказаться за себя лично и за свое потомство от всех прав, которые они могут иметь на ее престол. Тот, кто отказывается, и те, за которых отказываются, не имеют оснований жаловаться, ведь государство могло бы устранить их от престола и путем издания соответствующего закона.

ГЛАВА XXIV

О том, что полицейские правила относятся к иной области, чем прочие гражданские законы

Есть преступники, которых власть наказывает, и есть такие, которых она исправляет. По отношению к первым закон проявляет свою власть, по отношению ко вторым — свой авторитет, первые исключаются из общества, вторых заставляют жить согласно порядку, установленному в обществе.

В деятельности полиции карает скорее власть, чем закон, в деятельности уголовного суда наказывает скорее закон, чем власть. Ведению полиции подлежат повседневные дела, касающиеся обыкновенно мелочей и потому не требующие формальностей. Действия полиции быстры и касаются поступков, повторяющихся изо дня в день, поэтому она не может налагать суровых наказаний. Она постоянно занята подробностями, и крупные нарушения закона не входят в ее компетенцию. Она руководствуется больше распоряжениями, чем законами. Ее служащие находятся всегда на глазах у начальства, поэтому, если они впадают в крайности, виновато это последнее. Итак, не следует смешивать крупных нарушений закона с мелкими нарушениями полицейских правил, это вещи разного порядка.

Из сказанного следует заключить, что совершенно противно природе вещей, если ношение огнестрельного оружия наказуется как уголовное преступление, так что злоупотребляющий оружием не подвергается большей ответственности, чем тот, кто его только носит при себе, как мы это видим в одной итальянской республике[138].

Из сказанного следует еще, что столь прославлены!! поступок одного императора, который приказал посадить на кол булочника, уличенного им в обмане, ость поступок султана, не умеющего чинить правосудие без того, чтобы не выйти из его пределов.

ГЛАВА XXV

О том, что не должно следовать общим положениям гражданского права в таких делах, которые должны быть подчинены частным правилам, вытекающим из особенностей их природы

Хорош ли закон, признающий недействительными все гражданские обязательства для матросов корабля на время плавания? Франсуа Пнрар говорит, что в его время закон этот не соблюдался португальцами, по действовал у французов. Люди, соединившиеся лишь на

короткое время, не нуждающиеся ни в чем, потому что государь обеспечивает все их потребности, люди, не имеющие другой цели, кроме своего путешествия, не находящиеся более в обществе, но сделавшиеся гражданами корабля, не должны нести обязательств, которые введены лишь с целью облегчить перенесение тяг остей гражданского общества.

Такой же смысл имел закон, действовавший на острове Родосе еще в те времена, когда существовало только каботажное[139] плавание. Закон этот определял, что людям, оставшимся на корабле во время бури, принадлежит и корабль, и груз, а те, которые его покинули, не получают ничего.

КНИГА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Римское законодательство о наследстве

Настоящая тема затрагивает учреждения глубокой древности, и, чтобы проникнуть в суть дела, да будет мне дозволено обратиться к первым римским законам за сведениями, которых, сколько мне известно, до сих пор в них не примечали.

Известно, что Ромул разделил земли своего маленького государства между его гражданами. Мне кажется, что это обстоятельство и послужило основанием для римских законов о наследстве.

Закон раздела земель требовал, чтобы собственность одного рода не переходила в другой род. В связи с этим закон установил только две линии наследников, дети и вес нисходящие потомки, которые жили под властью отца и которых называли «своими наследниками», а за неимением их, ближайшие родственники по мужской линии, которых называли «агнатами».

Отсюда следовало также, что родственники по женской линии, которых называли «когнатами», не должны были наследовать, ибо они перенесли бы имущество в другой род. Соответствующий закон действительно существовал.

Отсюда следовало еще, что ни дети не должны были наследовать матери, ни мать детям, так как и это повело бы к переходу имущества из одного рода в другой. Поэтому-то мы не находим такого закона среди законов двенадцати таблиц, они допускали к наследованию только агнатов, а сын и мать не были между собою агнатами.

Но пол наследника, был ли он «свой наследник» или за неимением такового ближайший агнат, в расчет не принимался: так как родственники со стороны матери не наследовали, то хотя бы наследница и вышла замуж, имущество ее возвращалось в тот род, из которого вышло. Вот почему законы двенадцати таблиц не различают наследников по их полу.

Из этого происходило, что, хотя внуки от сына и наследовали деду, внуки от дочери ему не наследовали. Чтобы устранить переход имущества в чужой род, агнатам оказывалось предпочтение перед когнатами, так что наследовала после отца дочь, а не ее дети.

Итак, у первых римлян женщины наследовали, если это было согласно с законом о разделе земель, и не наследовали в случаях противоречия с этим законом.

Таковы были законы о наследстве у первых римлян. Так как законы эти находились в естественной зависимости от государственного устройства и вели свое происхождение от раздела земель, то, очевидно, они были не иноземного происхождения и не принадлежали к числу законов, принесенных из греческих городов римскими уполномоченными.

Дионисий Галикарнасский говорит, что Сервий Туллий восстановил законы Ромула и Нумы о разделе земель, которые были отменены, и издал новые, чтобы придать больше силы древним законам. Таким образом, не подлежит сомнению, что законы о наследстве,

происшедшие от этого раздела земель, были делом трех названных законодателей.

Так как порядок наследования был установлен в связи с политическим законом, гражданин не должен был нарушать его проявлением своей частной воли. Это значит, что в первые времена Рима не должно было быть дозволено распоряжение имуществом посредством завещания. Было бы, однако, жестоко лишать человека возможности делать благодеяния в последние минуты жизни, поэтому найден был способ к примирению в этом отношении закона с волей частного лица: дозволено было располагать своим имуществом с разрешения народного собрания, причем всякое завещание приобретало, так сказать, значение акта законодательной власти.

Законы двенадцати таблиц позволяли завещателю избирать своим наследником любого гражданина. Причина, почему римские законы так сильно ограничивали число наследующих не по завещанию, заключалась в законе о разделе земель, а причина, почему они так расширили права завещателя, состояла в том, что так как отец имел право продать своих детей, то, казалось, он еще с большим основанием мог лишать их своего имущества. Последствия, значит, были различны, потому что вытекали из разных принципов. Таков дух римских законов в этом случае.

Древние законы в Афинах не позволяли гражданам составлять завещания. Солоп разрешил завещания только бездетным гражданам. Римские же законодатели, проникнутые идеей родительской власти, дозволили передачу имущества по завещанию даже в ущерб детям. Надо признаться, что древние афинские законы были последовательнее римских. Неограниченное разрешение завещаний у римлян мало-помалу уничтожило политическое установление раздела земель. Оно более, чем какие-либо другие причины, произвело роковое различие между бедностью и богатством. Многие участки соединились в одних руках, некоторые из граждан имели слишком много, у бесчисленного множества других не было ничего. Поэтому народ, постоянно лишаемый своих участков, то и дело требовал передела земель. Он требовал его и тогда, когда умеренность, бережливость и бедность были отличительными чертами римлян, и тогда, когда роскошь была доведена до крайности.

Так как завещание было по сути дела законом, который принимался народным собранием, то граждане, находившиеся на войне, тем самым были лишены способности завещать. Народ предоставил воинам право делать завещательные распоряжения в присутствии нескольких их товарищей, как бы перед самим народным собранием.

Большие народные собрания происходили только 2 раза в год, к тому же с увеличением населения увеличилось и количество дел. Поэтому сочли уместным дозволить всем гражданам делать свои завещания в присутствии нескольких совершеннолетних римских граждан, которые представляли народное собрание. Приглашалось пять граждан, перед которыми наследник «покупал» у завещателя его семейство, т. е. наследство. Другой гражданин держал весы для взвешивания уплачиваемого металла, так как римляне тогда не имели еще монеты.

Можно предположить, что эти пять граждан представляли пять классов народа и что при этом не считали шестого класса, состоявшего из людей, у которых не было собственности.

Нельзя согласиться с Юстинианом, что эти продажи были мнимые, они сделались мнимыми, но вначале не были такими. Большая часть законов, которыми впоследствии определялись правила составления завещания, носит следы своего происхождения от действительной продажи. Доказательства можно найти во «Фрагментах» Ульпиана. Глухие, немые, расточители не могли делать завещаний, глухие — потому что не могли слышать слов покупателя наследства, немые — потому что не могли произнести формулы назначения, расточители — потому что всякое управление делами было им воспрещено и они не могли продавать своего наследства. Я не упоминаю о других примерах.

Совершаемые в народном собрании завещания были скорее актами государственного, чем гражданского права, скорее актами публичного права, чем частного. Отсюда вытекало, что отец не мог позволить сыну, состоящему под его властью, сделать завещание.

У большинства народов завещания не подлежат большим формальностям, чем обыкновенные договоры, потому что и те, и другие суть не что иное, как выражение воли совершающего акт, и одинаково относятся к частному праву. Но у римлян завещания вытекали из публичного права и потому были обставлены большими формальностями, чем другие юридические акты. Это сохранилось донныне в тех французских провинциях, где действует римское право.

Так как завещания, как я уже сказал, были народными законами, они должны были иметь силу приказания и требовали выражений, называемых *прямыми* и *повелительными*. Отсюда произошло правило, что отказывать и передавать свое наследство можно только в выражениях повелительных. Поэтому, если в известных случаях допускались субституция или распоряжение о переходе наследства от одного лица к третьему, то никогда не допускался фидеикомис, т. е. нельзя было поручить кому-либо в форме просьбы передать третьему лицу все наследство или часть его.

Когда отец не назначал сына наследником и не лишал его наследства, завещание теряло свою силу. Но оно считалось действительным в тех случаях, когда отец не лишал наследства и не назначал своей наследницей дочь. Я понимаю, почему так происходило. Когда отец не назначал сына своим наследником и не лишал наследства его, он причинял этим ущерб своему внуку, который по закону должен был наследовать после своего отца. Но, не назначая своей наследницей дочь и не лишая ее наследства, он не причинял никакого ущерба детям дочери, которые не могли наследовать по закону после своей матери, так как они не были ни своими наследниками, ни агнатами.

Законы первых римлян о наследствах, следовавшие единственно духу закона о разделе земель, недостаточно ограничили богатство женщин и тем самым оставили открытой дверь для роскоши, которая всегда неразрывно связана с их богатством. Это зло начали сознавать в период между второй и третьей пуническими войнами. Тогда был издан закон Вокония. Ввиду того, что закон этот был вызван весьма важными причинами, что до нас дошло мало относящихся к нему памятников и что до сих пор о нем говорилось весьма смутно, я постараюсь его разъяснить.

Цицерон сохранил нам один отрывок этого закона, в котором запрещается назначать женщину наследницей, все равно, будет она замужем или нет.

Эпитоме Тита Ливия, в котором говорится об этом законе, сообщает нам не более, чем Цицерон. Судя по тому, что АО Цицерон и святой Августин, можно заключить, что это запрещение распространялось на дочь и даже на единственную дочь.

Катон старший употребил все свое влияние, чтобы добиться принятия этого закона. Авл Геллий приводит отрывок из речи, произнесенной им по этому поводу. Не допуская женщин к наследованию, он хотел устранить причины роскоши, подобно тому как, взяв на себя защиту закона Оппия, он хотел остановить самую роскошь.

В институциях Юстиниана и Теофила упоминается одна глава из закона Вокония, ограничивавшая право делать завещания. Всякий, кто прочтет этих авторов, придет к заключению, что названная глава имела целью избежать такого уменьшения наследства вследствие завещательных распоряжений, которое могло бы заставить наследника вовсе отказаться от принятия наследства. Но не в этом заключалась сущность закона Вокония. Мы уже видели, что целью его было воспрепятствовать получению женщинами какого бы то ни было наследства. Именно таков смысл той главы этого закона, которая ограничивает завещательные права. Если бы разрешалось неограниченно распоряжаться имуществом по завещанию, то женщины могли бы получать в форме отказов то, чего не могли приобретать как наследство.

Закон Вокония имел целью предупредить слишком большое скопление богатств в руках женщин. Таким образом, женщин следовало лишать крупных наследств, а не таких, которых было недостаточно для роскошного образа жизни. Закон определял известную сумму для выдачи женщинам, которых он лишал наследства. Цицерон, который сообщает нам этот факт, ничего не говорит о размерах этой суммы, Дион говорит, что она составляла

100 тысяч сестерций.

Закон Вокония имел целью подчинить известным правилам богатство, а не бедность, поэтому мы и находим у Цицерона, что его постановления касались только тех граждан, которые были внесены в списки ценза.

Это обстоятельство послужило предлогом к обходу закона. Известно, что римляне были большие формалисты, и мы уже говорили, что республике свойственно держаться буквы закона. Находились отцы, которые не записывались в ценз, чтобы только сохранить за собою возможность передачи наследства дочери, а преторы не считали закон Вокония нарушенным, если не нарушалась его буква.

Некто по имени Аний Азел назначил свою единственную дочь своей наследницей. Он мог это сделать, говорит Цицерон, закон Вокония не служил тому препятствием, потому что Аний Азел не был внесен в ценз. Веррес, будучи претором, лишил дочь Азела наследства, и Цицерон настаивает на том, что Веррес был подкуплен, потому что иначе он не нарушил бы порядка, которому следовали другие преторы.

Какие же это были граждане, которые не попадали в ценз, охватывавший всех граждан? Согласно установлению Сервия Туллия, приводимому Дионисием Галикарнасским, всякого гражданина, не записавшегося в ценз, следовало обращать в рабство. Сам Цицерон говорит, что такой человек терял свободу. Зонара говорит то же самое. По-видимому, существовала разница между невнесением в ценз по смыслу закона Вокония и невнесением в ценз по смыслу закона Сервия Туллия. Граждане, не записавшиеся в первые пять классов, в которых они распределялись соответственно размеру имущества, считались вне ценза по закону Вокония. Те же, которые не были внесены ни в один из шести классов или не были отнесены цензорами к числу так называемых *aerarii*, были вне ценза по закону Сервия Туллия.

Сила природы такова, что отцы, только чтобы обойти закон Вокония, соглашались на позорное зачисление в шестой класс вместе с пролетариями и теми, которые несли подушную подать, соглашались, быть может, даже поступить в цензорские списки.

Мы уже сказали, что римское законодательство не допускало фидеикомисов. Надежда избежать закона Вокония ввела в употребление фидеикомисы. При этом имущество передавалось по завещанию человеку, которого закон признавал способным наследовать, с просьбой передать наследство третьему лицу, не имевшему законных прав на наследование. Действия этого нового способа распоряжаться своим имуществом были весьма различны. Находились люди, которые передавали наследство, и в этом отношении замечателен поступок Секста Педуция. Он получил по завещанию огромное наследство, и кроме него не было на свете человека, который знал бы, что оно завещано для передачи, но он отправился к вдове завещателя и отдал ей все имущество ее мужа.

Другие сохраняли наследство за собой, как поступил П. Секстилий Руф, этот пример приобрел известность благодаря Цицерону, сославшемуся на него в своих спорах с эпикурейцами. «В годы моей молодости, — говорит он, — Секстилий обратился ко мне с просьбой сопровождать его к его друзьям, чтобы посоветоваться с ними, следует ли ему передать наследство Квинта Фадия Галла его дочери Фадии. Он созвал много молодых людей и несколько очень важных особ, и ни один из них не считал, что он должен дать Фадии более того, чем ей следовало по закону Вокония. Таким образом, Секстилий получил большое наследство, из которого ему не досталось бы ни одной сестерции, если бы он предпочел то, что было справедливо и благородно, тому, что было выгодно. Я могу поверить, — добавляет Цицерон, — что вы отдали бы наследство, я даже могу поверить, что его отдал бы сам Эпикур, но вы поступили бы против ваших правил». Здесь я хочу сделать несколько замечаний.

Таково уж бедственное состояние человека, что законодатель бывает вынужден издавать законы, которые идут вразрез с естественными человеческими чувствами. Таков был и закон Вокония. Дело в том, что постановления законодателей предназначаются более для общества, чем для гражданина, и более для гражданина, чем для человека. Названный закон приносил в жертву и гражданина, и человека и имел в виду только одно государство.

Человек просит своего друга передать наследство его дочери. Закон пренебрегает естественными чувствами завещателя, он пренебрегает и чувством почтения дочери к отцу, — он не принимает во внимание и ужасного положения человека, которому поручена передача наследства. Передавая его, он становится дурным гражданином, удерживая его — бесчестным человеком. Только люди с добрыми нравами думали о том, чтобы обойти закон, только честным людям можно было поручить обойти его, потому что для этого надо было одержать победу над алчностью и сластолюбием — победу, которая под силу одним честным людям. Быть может, было бы слишком строго считать их на этом основании дурными гражданами. Можно даже предположить, что законодатель в значительной мере достиг бы своей цели, если бы его закон был такого свойства, что только честным людям приходилось бы обходить его.

В то время, когда был создан закон Вокония, нравы сохраняли еще следы древней чистоты. Иногда общественное сознание склоняли в пользу закона и требовали присяги в его исполнении, так что честность вступала, так сказать, в борьбу с нечестностью. Впоследствии, однако, развращение нравов достигло того, что фидеикомисы, вероятно, еще с большим трудом достигали своей цели — уклонения от предписаний закона, чем самый закон — своей цели, т. е. соблюдения своих предписаний. Междоусобия погубили бесчисленное множество граждан. Рим при Августе почти опустел, приходилось его снова заселять. Были изданы законы Папия, в которых были использованы все средства, чтобы поощрить гражданина вступать в брак и иметь детей. Одним из главных средств было увеличение надежды на получение наследства для тех, которые повиновались этому закону, и уменьшение этой надежды для тех, которые отказывались следовать ему. Если закон Вокония объявлял женщин неспособными к наследованию, Папиев закон в известных случаях снимал с них это запрещение.

Женщины, особенно те, которые имели детей, снова получили возможность наследовать по завещанию своих мужей.

Если у них были дети, они могли наследовать по завещанию посторонних лиц. Все это нарушало постановления закона Вокония, замечательно, однако, что полностью от духа этого закона не отказались. Например, закон Папия разрешал мужчине, имевшему ребенка, наследовать по завещанию постороннего лица все его имущество. Но женщине он предоставлял то же преимущество только в том случае, если она имела троих детей.

Надо заметить, что закон Папия предоставил женщинам, имеющим троих детей, право наследования только по завещаниям посторонних лиц, что же касается наследования после родственников, то он оставил в полной силе древние законы и закон Вокония. Но этот порядок не удержался.

Рим, доведенный до гибели скоплением в нем богатств всех народов, мало-помалу утратил прежние нравы, уж не было больше и речи об обуздании роскоши женщин. Авл Геллий, живший при Адриане, говорит, что в его время закон Вокония был почти уничтожен: богатство римских граждан сделало его излишним. Из сентенций Павла, жившего при Нигере, и из фрагментов Ульпиана, современника Александра Севера, мы узнаем также, что сестры со стороны отца могли уже наследовать и что только для более отдаленных родственников существовали еще запрещения закона Вокония.

Древние законы Рима начали казаться суровыми. Преторы следовали лишь указаниям справедливости, умеренности и благоразумия.

Мы видели, что по древним римским законам матери не имели права наследовать после детей. Закон Вокония послужил новым основанием к устранению их от этого наследования. Но император Клавдий предоставил матери право наследовать после детей, как бы в виде утешения в понесенной утрате. Сенатское постановление Тертулиана, состоявшееся при Адриане, предоставило это право свободнорожденным женщинам, если они имели троих детей, и вольноотпущенным, если они имели их не менее четырех. Ясно, что это сенатское постановление было лишь расширением закона Папия, который на таком же условии предоставил женщинам право наследования по завещанию посторонних лиц. Наконец,

Юстиниан дал им право наследования независимо от числа детей. Те же самые причины, которые привели к ограничению закона, служившего для женщины препятствием к наследованию, мало-помалу уничтожили и закон, стеснявший наследование для родственников по женской линии. Между тем эти законы вполне отвечали духу хорошей республики, в которой следует наблюдать, чтобы женщина не пользовалась с целью роскоши ни богатствами, которые имеет, ни расчетом на богатства, которые может получить. Наоборот, так как роскошь в монархиях делает брак обременительным и соединенным с большими расходами, необходимо привлекать к нему богатством, которое женщина может принести, и надеждою на богатства, которые она может впоследствии доставить. Поэтому, после того как в Риме утвердилась монархия, весь порядок наследования изменился. Преторы стали признавать наследниками родственников жены, если не было родственников со стороны мужа, тогда как по старым законам родственники жены никогда не наследовали. Сенатское определение Орфития разрешило детям наследование после матери, а императоры Валентиниан, Феодосии и Аркадий разрешили внукам со стороны дочери наследовать после деда. Наконец, император Юстиниан уничтожил последние следы древнего права наследования. Он установил три разряда наследников—нисходящий, восходящий и боковой— без всякого различия между мужчиной и женщиной, между родственниками по мужской и женской линии и отменил все различия, которые по этому предмету еще существовали. Он думал, что следует самой природе, уклоняясь от всего того, что он называл путаницей древней юриспруденции.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О происхождении и изменениях гражданских законов у французов

*Петь захотела душа, как тела изменяются в виды
Новые*
Овидий, Метаморфозы

ГЛАВА I

О различном характере законов у германских народов

Выйдя из родной страны, франки поручили мудрым людям из своего народа составление книги салических законов. Племя рипуарских франков, присоединившееся при Хлодвиге к племени салических франков, сохранило свои обычаи, и Теодорих, король Австразии, приказал записать эти обычаи. Он собрал также обычаи подвластных ему баварцев и аллеманотз. После того как Германия была обессилена выходом из нее столь многих народов, франки, покорив страны, лежавшие перед ними, отступили, чтобы установить свое господство над лесами своих предков. Тюрингенский кодекс был дан, по-видимому, тем же Теодорихом, так как тюрингенцы также были его подданными. Фризы были покорены Карлом Мартеллом и Пипином, и их законы были созданы не раньше этой эпохи. Карл Великий, который первый укротил саксов, дал им те законы, которые мы знаем. Стоит прочесть два последних свода, чтобы убедиться, что они вышли из рук победителя. Вестготы, Бургундии и лангобарды, основав свои государства, записали свои законы, но не для того, чтобы сделать свои обычаи обязательными для покоренных народов, а для того, чтобы самим соблюдать их.

В этих законах салических и рипуарских франков, в законах алеманов, баварцев, тюрингенцев и фризов замечается удивительная простота. В них мы находим своеобразную суровость и настроение духа, не ослабленное каким-либо посторонним влиянием. Они мало изменились, потому что все эти народы, за исключением франков, остались в Германии. Сами франки основали в Германии значительную часть своих владений, и потому их законы

оставались вполне германскими. Иначе обстояло с законами вестготов, лангобардов и бургундов; они в значительной мере утратили свой первоначальный характер, потому что народы эти, поселившись на новых местах, сами во многом изменили свой характер. Существование бургундского королевства было слишком непродолжительно, чтобы законы народа-завоевателя могли подвергнуться большим изменениям. Гундобад и Сигизмунд, собравшие обычаи этого народа, были почти последними его королями. Законы лангобардов были скорее дополнены, чем изменены. За законами Ротаря последовали законы Гримуальда, Луитпранда, Рахиса, Айстульфа, но они не приняли новой формы. Иначе обстояло с законами вестготов; вестготские короли видоизменяли их сами и поручали видоизменять их духовенству.

Короли первой династии исключили из законов салических и рипуарских то, что никак не могло быть согласовано с христианством, но оставили неприкосновенной их сущность. Нельзя сказать того же о законах вестготов.

Законы бургундов и в особенности вестготов допускали телесные наказания. Законы салических и рипуарских франков отвергли их; эти законы лучше сохранили свой характер.

Бургунды и вестготы, владения которых подвергались большим опасностям, искали сближения с коренными жителями и ввели у них самые беспристрастные законы. Но франкские короли, уверенные в своем могуществе, не делали таких послаблений.

Саксы, находившиеся под властью франков, отличались неукротимым нравом и обнаруживали упорную склонность к восстаниям; поэтому на их законах отразилась суровость победителя, чего мы не видим в других кодексах варваров.

В законах саксов дух германских законов обнаруживается в денежных штрафах, а дух победителя — в телесных наказаниях.

Преступления, совершенные саксами в пределах их страны, подлежали телесным наказаниям. Дух германских законов сохранялся только в наказаниях за преступления, совершенные вне пределов их территории.

Закон объявляет, что за свои преступления они никогда не будут пользоваться миром, и отказывает им даже в церковном убежище.

Епископы пользовались очень большим влиянием при дворе вестготских королей; важнейшие дела решались на соборах. Мы обязаны вестготскому кодексу всеми правилами, принципами и понятиями современной инквизиции, и впоследствии монахи полностью применяли к евреям законы, составленные некогда епископами.

Законы Гундобада, предназначенные для бургундов, представляются в общем довольно справедливыми. Законы Ротаря и других лангобардских государей обнаруживают еще более благоразумия. Но законы вестготов, законы Ресессуипда, Шендасуинда и Эгиги производят впечатление ребяческих, неумелых и бессмысленных; они не достигают цели, исполнены риторики и лишены смысла; легкомысленные по содержанию, они чудовищны по слогу.

ГЛАВА II

О том, что все законы варваров были личными законами

Все эти законы варваров имели ту особенность, что не были приурочены к какой-либо определенной территории. Франк судился по закону франков, аллеман — по закону аллеманов, бургунд — по закону бургундскому и римлянин — по римскому. В те времена не только никто не помышлял о том, чтобы внести единообразие в законы народа-победителя, но никому даже не приходило в голову стать законодателем побежденного народа.

Причину этому я нахожу в нравах германских народов. Народы эти были разъединены болотами, озерами и лесами. Мы видим еще у Цезаря, что они любили жить особняком. Страх перед римлянами заставил их объединиться. Каждый человек в этой смеси племен должен был судиться по обычаям своего племени. Все эти народы в отдельности были свободны и независимы и, соединившись, сохранили еще свою независимость. Отечество у

них было общее, а государства — отдельные; территория — одна, а племена — разные. Дух партикуляризма, отличавший эти народы, прежде чем они оставили свою страну, был ими перенесен и в завоеванные ими страны. Этот обычай мы находим установленным в формулах Маркульфа, в сводах законов варваров, особенно в законах рипуаров, в декретах королей первой династии, откуда произошли капитулярии, изданные по этому предмету при второй династии. Дети следовали закону отца, жены — закону мужа, вдовы возвращались к закону, который имели до замужества, вольноотпущенники следовали закону патрона. Но это еще не все: всякий мог избрать себе закон по собственному желанию. Постановление Лотаря I требовало, чтобы такой выбор объявлялся публично.

ГЛАВА III

Основное различие между салическими законами и законами вестготов и бургундов

Я уже сказал, что законы бургундов и вестготов были беспристрастны; но не таков был салический закон: он установил между франками и римлянами самые оскорбительные различия. За убийство франка, варвара или человека, живущего под защитой салического закона, уплачивался его родственникам штраф в 200 солидов, за римлянина-собственника — штраф в 100 солидов и только 45 солидов — за римлянина-данника. За убийство франка — королевского вассала уплачивалось 600 солидов, а за римлянина—сотрапезника короля — только 300 солидов. Итак, закон устанавливал жестокое различие между сеньором-франком и сеньором-римлянином, а равно и между франком и римлянином низших классов.

Этого мало. Если кто, собрав сообщников, нападал на франка в его собственном доме и убивал его, то платил по определению салического закона штраф в 600 солидов. Но за нападение на римлянина или вольноотпущенника уплачивалась лишь половина этого штрафа. По тому же закону, если римлянин заключал франка в оковы, то должен был платить штраф в 30 солидов; но если франк заключал в оковы римлянина, то уплачивал только 15 солидов. Франк, ограбленный римлянином, получал 62, 5 солида пени, а римлянин, ограбленный франком, — только 30. Все это было весьма тягостно для римлян.

И при всем том один знаменитый писатель¹³⁹ излагает свой особый взгляд на водворение франков в Галлии, исходя из предположения, что франки были лучшими друзьями римлян. Итак, те самые франки, которые причиняли римлянам самые ужасные бедствия и сами терпели от них такие же бедствия, были лучшими их друзьями? Франки, подчинившие себе римлян силой оружия и затем хладнокровно угнетавшие их силой своих законов, были их лучшими друзьями? Поистине они были столько же друзьями римлян, сколько татары, покорившие Китай, были друзьями китайцев.

Если несколько католических епископов задумало использовать франков для истребления королей-ариан, то следует ли из этого, что они хотели жить под властью варварских народов? Можно ли из этого заключить, что франки оказывали особое внимание римлянам? Я бы вывел из всего этого совсем иное заключение, а именно: чем более франки были уверены в римлянах, тем менее они щадили их.

Но аббат Дюбо черпал свои сведения из непригодных для историка источников — у поэтов и ораторов. Нельзя строить целую систему на произведениях, исполненных тщеславия.

ГЛАВА IV

Каким образом римское право исчезло в франкских землях и сохранилось в землях готских и бургундских

Сказанное мною выше послужит к уяснению некоторых обстоятельств, которые до сих пор были покрыты совершенным мраком.

Страна, которую теперь называют Францией, управлялась при королях первой династии римским правом, или кодексом Феодосия, а также разными законами варваров 140, которые ее населяли.

Во владениях франков салический закон предназначался для франков, а кодекс Феодосия — для римлян. Во владениях вестготов спорные дела между римлянами разрешались на основании компиляции кодекса Феодосия, составленной по приказанию Алариха, а спорные дела между вестготами — на основании народных обычаев, записанных по распоряжению Эрика.

Но почему в государстве франков салические законы сделались почти господствующими, а римское право мало-помалу исчезло, тогда как во владениях вестготов распространилось и сделалось всеобщим римское право?

Я говорю, что римское право вышло из употребления у франков по причине тех преимуществ, которыми пользовался франк, варвар и вообще всякий, кто жил под властью салического закона. Все стремились отказаться от римского права и принять салическое. Римское право сохранило только духовенство, потому что перемена не представляла для него никаких выгод. Различие состояний и общественного положения заключалось лишь в различных размерах штрафа, как я это объясню ниже. Особыми законами были установлены штрафы для духовенства, столь же выгодные, как и те, которыми пользовались франки; поэтому оно и сохранило римское право, которое не представляло для него никаких неудобств и более соответствовало его положению, как произведение христианских императоров.

С другой стороны, в странах, завоеванных вестготами, вестготский закон не давал вестготам никаких преимуществ перед римлянами. Римляне не были заинтересованы в том, чтобы перейти из-под власти одного закона под власть другого, поэтому они сохранили свои законы и не приняли законов вестготов.

Все это подтверждается последующими событиями. Закон Гундобада отличался беспристрастием и не давал никаких преимуществ бургундам перед римлянами. Из предисловия к этому закону можно заключить, что он был составлен для бургундов, но вместе с тем и для решения дел, возникающих между римлянами и бургундами. В этом последнем случае состав суда был смешанный: одна половина его состояла из римлян, другая — из бургундов. Порядок этот был нужен по особым соображениям, основанным на политических отношениях того времени. Римское право продолжало существовать в Бургундии для решения споров, возникавших между римлянами. Эти последние в отличие от римлян, живших в государстве франков, не имели никаких оснований отвергать свой закон, тем более что салический закон не был введен в Бургундии, если судить по знаменитому письму Агобарда к Людовику Благодетелю.

Агобард просил этого государя ввести салический закон в Бургундии, следовательно, закон этот не был там введен. Таким образом, римское право сохранилось и сохраняется донныне во многих провинциях, находившихся некогда в зависимости от этого королевства.

Римское право и закон готов удержались также в стране, занятой когда-то готами. Салический закон никогда в ней не был принят. После того как Пипин и Карл Мартелл изгнали оттуда сарацин, города и провинции, подчинившиеся этим государям, просили оставить им их законы и получили на то согласие, что вскоре и заставило всех смотреть на римское право как на действующий и территориальный закон в этих странах вопреки обычаю тех времен, по которому все законы имели личный характер.

Это доказывается эдиктом Карла Лысого, данным в Писте в 864 году. В нем отличаются страны, подлежащие суду по римскому праву, от стран, в которых римское право не было принято.

Эдикт этот доказывает, во-первых, что были страны, в которых судились по римскому закону, и были такие, в которых по этому закону не судились; во-вторых, что страны, в

которых судились по римскому закону, были те самые, где по настоящее время существует этот закон, как это видно из того же эдикта. Таким образом, различие между провинциями Франции, следовавшими обычному праву, и теми, которые следовали писаному праву, было установлено уже во время этого эдикта.

Я говорил, что в начале существования монархии все законы были личными, и если пистский эдикт отличает страны, в которых действовало римское право, от стран, в которых оно не действовало, то это значит, что в последних почти все предпочитали жить под властью закона какого-либо из варварских народов и не оставалось почти никого, кто отдавал бы предпочтение римскому праву; что в странах, где господствовал римский закон, было мало людей, которые предпочитали бы ему законы варваров.

Я знаю, что вещи, о которых я здесь говорю, новы; но, если они верны, они очень древни. В сущности, не все ли равно, кто их высказывает — я, или Валуа, или Биньоны?

ГЛАВА V

Продолжение той же темы

Закон Гундобада долго действовал в Бургундии совместно с римским законом; он употреблялся там еще во время Людовика Благочестивого; письмо Агобарда не оставляет на этот счет никаких сомнений. Точно так же, хотя пистский эдикт и называет страну, которая была занята вестготами, страной римского закона, закон вестготов продолжал действовать в ней, что доказывается постановлениями съезда в Труа при Людовике Косноязычном в 878 году, т. е. 14 лет спустя после пистского эдикта.

Впоследствии, однако, законы готов и бургундов погибли в их собственных странах по общим причинам, которыми обуславливалось повсеместное исчезновение личных законов варваров.

ГЛАВА VI

Каким образом римское право сохранилось в стране лангобардов

Все подчиняется открытым мною принципам. Закон лангобардов был беспристрастен, и римляне не были заинтересованы в том, чтобы оставить свой закон и принять закон лангобардов. Причина, побуждавшая римлян, которые находились под властью франков, избрать салический закон, не имела места в Италии, и римское право удержалось в ней рядом с законом лангобардов.

Вышло даже так, что этот последний закон уступил место римскому праву и перестал быть заколом господствующего народа. Хотя он и продолжал быть законом высшего дворянства, по после того как большая часть городов преобразовалась в республики, это дворянство пришло в упадок или было истреблено. Граждане новых республик совсем не были расположены принять закон, который признавал обычай судебного поединка и установления которого имели много общего с нравами и обычаями рыцарства. Так как духовенство, которое и тогда, и в последующее время было в Италии столь могущественно, почти все признавало авторитет римского закона, то число последователей лангобардского закона должно было постоянно уменьшаться.

Кроме того, закон лангобардов не обладал величием римского права, которое вызывало в итальянцах воспоминание о господстве Рима над всей вселенной; ему недоставало широты римского права. Закон лангобардов и римский закон могли теперь служить лишь к тому, чтобы пополнить статуты городов, ставших республиками. По что в состоянии было сделать это лучше: закон ли лангобардов, постановления которого касались лишь немногих случаев, или римский закон, охватывавший все случаи?

ГЛАВА VII

Каким образом римское право исчезло в Испании

Иначе обстояло дело в Испании. Закон вестготов в ней восторжествовал, а римское право погибло. Шендасуинд и Ресессуинд отменили римские законы и не позволили даже ссылаться на них в судах. Кроме того, Ресессуинд был автором закона, отменившего запрещение браков между готами и римлянами. Ясно, что оба закона проникнуты одним и тем же духом. Ресессуинд хотел устранить главнейшие поводы к разделению, существовавшему между готами и римлянами; считалось, что ничто их так не разъединяло, как запрещение вступать между собою в браки и разрешение жить под властью разных законов.

Но хотя вестготские короли и отменили римское право, оно продолжало существовать в их владениях в Южной Галлии. Эти области, удаленные от центра монархии, пользовались большой независимостью. Из истории Вамбы, вступившего на престол в 672 году, видно, что в них туземное население взяло верх, поэтому и римский закон пользовался здесь большим авторитетом, чем готский. Испанские законы не соответствовали ни нравам населения, ни положению, в котором оно находилось. Быть может также, народ упорно держался римского закона потому, что соединял с ним идею своей свободы. Мало того, законы Шендасуинда и Ресессуинда заключали в себе жестокие предписания против евреев; между тем евреи были очень могущественны в Южной Галлии. Автор истории короля Вамбы называет эти провинции непотребным домом евреев. Сарацины пришли сюда, потому что их призвали; кто мог призвать их, кроме евреев или римлян? Готы первые подверглись угнетению, потому что были господствующим народом. Прокопий сообщает, что бедственное положение заставляло их уходить из Нарбоннской Галлии в Испанию. Несомненно, что во время этих несчастий они скрылись в тех областях Испании, которые еще защищались. Таким образом, число последователей вестготского закона в Южной Галлии сильно уменьшилось.

ГЛАВА VIII

Ложный капитулярий

Пришло же в голову жалкому компилятору Бенуа Левиту преобразовать вестготский закон, воспрещавший употребление римского права, в капитулярий, приписанный впоследствии Карлу Великому! Из этого частного закона он сделал закон общий, как бы желая истребить римское право во всем свете.

ГЛАВА IX

Как исчезли законы варваров и капитулярии

Законы салические, рипуарские, бургундские и вестготские вышли мало-помалу из употребления у франков. Вот как это произошло.

После того как первые феодалы сделались наследственными и распространилась система подчиненных им феодалов, возникло множество обычаев, к которым эти законы не были применимы. Правда, удержан был их дух, который заключался в том, чтобы решать большинство дел наложением штрафов; но так как ценность денег, несомненно, изменилась, то изменились и размеры денежных штрафов, и мы находим множество хартий, в которых сеньоры определяют величину этих штрафов, уплачиваемых в их малых судах. Таким образом, они следовали духу закона, хотя и не следовали самому закону.

Кроме того, так как Франция делилась на бесчисленное множество мелких владений, которые признавали феодальную зависимость предпочтительно перед зависимостью политической, было очень трудно обеспечить авторитет какого-либо одного закона. В самом деле, не было возможности заставить исполнять его. Уже вышел из употребления обычай посылать в провинции чрезвычайных королевских уполномоченных для наблюдения за отправлением суда и политическими делами. На основании королевских хартий создается даже впечатление, что государи сами лишали себя этого права при установлении новых феодов. Таким образом, после того как почти вся территория оказалась покрытой феодами, нельзя уж было более использовать этих уполномоченных; не было более общего закона, потому что не было никого, кто мог бы заставить соблюдать этот общий закон.

Законы салические, бургундские и вестготские находились в большом пренебрежении к концу царствования государей второй династии, а в начале третьей о них уже почти ничего не было слышно.

При государях двух первых династий часто созывались народные собрания, т. е. собрания сеньюров и епископов (о коммунах не было еще и речи). В этих собраниях старались определить положение духовенства — сословия, которое образовывалось, так сказать, под защитой победителя и само устанавливало свои прерогативы. Законы, принимавшиеся в этих собраниях, и были тем, что мы называем капитуляриями. Такой порядок имел четыре следствия: установились законы о феодах, и значительная часть церковных имуществ стала управляться по этим законам; духовенство еще более обособилось и стало относиться пренебрежительно к законодательным преобразованиям, если только оно само не являлось в них в роли единственного преобразователя; были составлены сборники постановлений соборов и папских декреталий; духовенство приняло эти законы, как бы происходящие из более чистого источника. Со времени учреждения крупных феонов государи, как я уже сказал, не посылали более своих уполномоченных в провинции для наблюдения за исполнением изданных ими законов. Таким образом, при государях третьей династии не было уже более речи о капитуляриях.

ГЛАВА X

Продолжение той же темы

Много капитуляриев было присоединено к лангобардским, салическим и баварским законам. Ученые пытались найти этому причину. Она заключается в существовании самого дела. Капитулярии были разного рода. Одни из них относились к политическому управлению, другие — к экономическому, большая часть — к управлению церковному, некоторые — к управлению гражданскому. Эти последние были присоединены к гражданскому закону, т. е. к законам отдельных народов. Поэтому-то в капитуляриях и говорится, что в них не постановлено ничего, что было бы противно римскому закону. Действительно, те из них, которые относились к управлению экономическому, церковному или политическому, просто не имели никакого отношения к римскому закону; а те, которые касались гражданского управления, занимались единственно законами варваров, которые они разъясняли, исправляли, расширяли и урезывали. Но капитулярии эти, присоединенные к личным законам, вызвали, мне кажется, пренебрежительное отношение к капитуляриям в целом. В эпоху невежества краткое изложение того или другого творения часто приводит к гибели самого творения.

ГЛАВА XI

Другие причины упадка законов варваров, римского права и капитуляриев

Когда германские народы покорили Римскую империю, они познакомились с письменностью и в подражание римлянам записали свои обычаи и составили из них своды. Несчастные царствования после Карла Великого, нашествия норманнов и междоусобные войны снова повергли победоносные народы в тот мрак, из которого они вышли. Они снова стали неграмотными, что в свою очередь привело во Франции и в Германии к забвению записанных законов варваров, римского права и капитуляриев. Употребление письма лучше сохранилось в Италии, где господствовали папы и греческие императоры, находились цветущие города и велась почти вся торговля того времени. Соседство Италии было причиной, почему римское право лучше, чем в других местах, сохранилось в странах Галлии, подчиненных в прежнее время готам и бургундам, тем более что оно было в них территориальным законом и составляло своего рода привилегию. По-видимому, неграмотность привела и в Испании к гибели законодательства вестготов. Вследствие гибели стольких законодательств всюду образовались правовые обычаи.

Личные законы перестали существовать. Штрафы и то, что называли *freda*, стали определяться более обычаями, чем текстом законов. Таким образом, если при основании монархий был сделан переход от германских обычаев к писаным законам, то несколько столетий спустя снова вернулись от писаных законов к неписаным обычаям.

ГЛАВА XII

О местных обычаях, переворот в законах варваров и римском праве

Из многих памятников видно, что местные обычаи существовали уже при королях первой и второй династии. В этих памятниках говорится о *местном* обычае, о *древнем обыкновении*, об *обычае* вообще, о *законах и обычаях*. Некоторые авторы полагали, что обычаями назывались законы варваров, а законом — римское право. Я докажу ошибочность этого мнения. Король Пипин издал повеление, чтобы везде, где не окажется соответствующего закона, следовали обычаю, но чтобы обычаю не оказывалось предпочтения перед законом. Но говорить, что римскому праву оказывалось предпочтение перед законами варваров, значит ниспровергать все древние памятники и в первую очередь самые эти законы варваров, которые постоянно говорят противоположное.

Законы варваров не только не были обычаями, но эти самые законы как личные ввели в употребление обычаи. Салический закон, например, был личным законом; но в странах, заселенных по преимуществу салическими франками, при всех своих свойствах чисто личного закона он становился законом территориальным по отношению к этим салическим франкам и оставался личным только для франков, живших в других местах. Если же там, где салический закон был законом территориальным, оказалось бы много бургундов, аллеманов и даже римлян, которые имели бы часто спорные дела, то эти последние стали бы решаться по законам этих народов и большое количество решений, вынесенных согласно тем или иным из этих законов, должно было ввести в стране новые обычаи. Это отлично объясняет смысл постановления Пипина. Обычаи эти, естественно, могли быть усвоены самими местными франками в тех случаях, для которых не давали решения салические законы; но из этого еще не следовало, чтобы новые обычаи могли взять верх над салическими законами.

Таким образом, в каждой области существовал господствующий закон вместе с вновь принятыми обычаями, которые служили дополнением к господствующему закону, если только ему не противоречили.

Они могли даже дополнять закон, который не был территориальным. Поясним это на том же примере. Если бы в таком месте, где салический закон имел значение территориального, был судим бургунд по бургундскому закону и в этом последнем не нашлось бы подходящего к случаю постановления, то, несомненно, решение вынесено было

бы на основании местного юридического обычая.

Во время короля Пипина действующее обычное право имело менее силы, чем законы; по вскоре затем обычай уничтожил законы. А так как вновь появляющиеся постановления суть лекарства, указывающие на существование болезни, то можно думать, что уже во время Пипина начали предпочитать обычаи законам.

Сказанное служит объяснением тому, каким образом римское право уже с первых времен начало делаться правом территориальным, как то видно из пистского эдикта, и каким образом продолжал оставаться в употреблении совместно с ним и готский закон, как то подтверждается собранием в Труа, о котором я говорил выше.

Римский закон сделался общим личным законом, а готский — частным личным законом; следовательно, римский закон был законом территориальным. Но каким образом произошло, что невежество повсеместно уничтожило личные законы варваров, тогда как римское право продолжало существовать как территориальный закон в вестготских и бургундских провинциях? Я отвечаю на это, что римский закон постигла приблизительно та же участь, что и другие личные законы; иначе мы и теперь еще имели бы кодекс Феодосия в тех провинциях, в которых римский закон был законом территориальным, вместо действующих у них законов Юстиниана. В этих провинциях осталось почти лишь одно название областей римского или писаного права да та любовь к нему, которую питают народы к своему закону, особенно когда смотрят на него как на привилегию, да несколько постановлений римского права, сохранившихся в памяти людей. Но и этого было достаточно, чтобы компиляция Юстиниана при появлении своем была принята в провинциях, находившихся под властью готов и бургундов, как писанный закон, тогда как в исконных владениях франков ее приняли только как писанный разум.

ГЛАВА XIII

Различие между законом салическим, или законом салических франков, и законом рипуарских франков и других варваров

Салический закон не допускал употребления отрицательных доказательств, т. е. по салическому закону истец или обвинитель должен был представить доказательства своего иска или обвинения, а обвиняемый не мог ограничиться отрицанием обвинения, что вполне согласно с законами народов почти всего света.

Закон рипуарских франков был проникнут совсем иным духом: он довольствовался отрицательными доказательствами, и ответчик или обвиняемый мог в большинстве случаев оправдать себя, присягнув вместе с определенным числом свидетелей, что он не совершал того, в чем его обвиняют. Число свидетелей, которые должны были приносить клятву, соответствовало важности дела и достигало иногда 72. Законы аллеманов, баварцев, тюрингенцев, фризов, саксов, лангобардов и бургундов были основаны на тех же началах.

Я сказал, что салический закон не допускал отрицательных доказательств. Был, однако, один случай, когда он допускал их; по и в этом случае он не ограничивался ими, требуя также и положительных доказательств. Истец представлял к допросу своих свидетелей, чтобы обосновать свой иск; ответчик представлял своих в свое оправдание; а судья определял истинность тех и других показаний. Этот порядок ведения дела был совершенно отличен от порядка, принятого законами рипуаров и других варваров, по которым обвиняемый оправдывался тем, что клялся в своей невинности и приводил с собой своих родственников, которые клялись, что он сказал правду. Последние законы пригодны были только для народа, обладавшего простосердечием и некоторой прирожденной искренностью. Законодателю приходилось при этом принимать меры к предупреждению возможных злоупотреблений, как мы это сейчас увидим.

ГЛАВА XIV

Другое различие

Салический закон вовсе не допускал доказательства посредством поединка; законы же рипуаров и почти всех варваров принимали его. Мне кажется, что закон о поединке был естественным последствием и поправкой закона, установившего порядок отрицательных доказательств. Когда истец видел, что требование его хотят несправедливо обойти посредством присяги, что оставалось ему, воину, которого готовились обличить во лжи, как не искать удовлетворения за понесенную обиду и за принесение ложной присяги? Салический закон, вовсе не допускавший отрицательных доказательств, не нуждался в доказательстве посредством поединка и не принимал его. Но законы рипуаров и других варваров, допускавшие употребление отрицательных доказательств, должны были принять и доказательство поединком.

Я предлагаю прочитать два знаменитых распоряжения бургундского короля Гундобада по этому предмету; они затрагивают самую суть дела. Выражаясь словами закона варваров, надо было вырвать присягу из рук человека, который хотел употребить ее во зло.

У лангобардов закон Ротаря допускал случаи, в которых человека, очистившего себя присягой, следовало освободить от поединка. Обычай этот распространился; ниже мы увидим, какие бедствия он породил и как оказалось необходимым вернуться к старой судебной практике.

ГЛАВА XV

Оговорка

Я не говорю, чтобы в изменениях, которым подверглись законы варваров, в распоряжениях, которые были к ним присоединены, и в собраниях капитуляриев нельзя было найти какого-нибудь текста, в котором доказательство поединком встречалось бы не как следствие отрицательного доказательства. На протяжении многих веков особые обстоятельства могли побудить к изданию каких-либо частных законов в этом смысле; но я говорю об общем духе германских законов, об их природе и происхождении; я говорю о древних обычаях этих народов, на которые эти законы указывают и которые они утверждают. Здесь только об этом и идет речь.

ГЛАВА XVI

О доказательстве кипятком, установленном салическим законом

Салический закон допускал доказательство кипятком; но так как испытание это было очень мучительно, то закон принял меру к его смягчению: он разрешал лицу, вызванному в суд для учинения доказательства кипятком, выкупить с согласия противной стороны свою руку. Обвинитель за известную определенную законом сумму мог удовольствоваться присягой свидетелей, которые удостоверили бы, что обвиняемый не совершил возводимого на него преступления. Это был особый случай в салическом законе, допускавший отрицательное доказательство.

Доказательство кипятком имело, таким образом, договорный характер. Закон его терпел, но не предписывал. Он определял известное вознаграждение в пользу обвинителя, если этот последний предоставлял обвиняемому возможность защищаться посредством отрицательного доказательства. Обвинитель мог удовольствоваться клятвой обвиняемого, точно так же, как мог простить ему его вину или причиненную им обиду.

Закон допустил эту смягчающую меру, чтобы до вынесения приговора стороны, одна — под страхом ужасного испытания, а другая — ввиду небольшого немедленного вознаграждения, прекратили свой спор и покончили распрю. Ясно, что после этого отрицательного доказательства другого уже не требовалось, так что обычай поединка не мог быть следствием этого особого постановления салического закона.

ГЛАВА XVII

Образ мыслей наших предков

Как не удивляться тому, что наши предки ставили, таким образом, честь, благосостояние и жизнь граждан в зависимость от обстоятельств, имевших отношение не столько к рассудку, сколько к случайности; что они беспрестанно прибегали к доказательствам, которые ничего не доказывали и не были связаны ни с невиновностью, ни с преступлением!

Германцы, никогда не испытывавшие порабощения, пользовались неограниченной свободой. Их роды вели между собою войны из-за убийства, кражи или оскорбления. Впоследствии обычай этот был видоизменен, и войны этого рода были подчинены определенным правилам: они совершались по распоряжению и под наблюдением властей, что было, конечно, лучше неограниченного произвола в нанесении вреда друг другу.

Подобно тому как в наше время турки в своих междоусобиях считают первую победу за решение божьего суда, германские народы в своих частных распрях принимали исход битвы за приговор провидения, всегда готового покарать преступника или узурпатора.

Тацит рассказывает, что, когда какой-либо германский народ намеревался начать войну с другим, он старался захватить пленника для единоборства с одним из своих людей. По результату поединка судили об исходе предстоящей войны. Народы, полагавшие, что посредством поединка можно регулировать общественные дела, могли, конечно, думать, что этим способом можно регулировать и частные распри.

Бургундский король Гундобад более, чем какой-либо иной король, поощрял обычай поединка. Этот государь в самом тексте закона приводит его мотивы: «Это, — говорит он, — делается с той целью, чтобы наши подданные не приносили более присяги в сомнительных случаях и не впадали в клятвopреступление в случаях, не подлежащих сомнению». Таким образом, в то время как духовенство объявляло нечестивым закон, дозволявший единоборство, бургундское законодательство считало святотатством закон, устанавливавший присягу.

Доказательство поединком имело некоторое основание, почерпнутое из опыта. У народа воинственного трусость предполагает существование других пороков. Она доказывает, что человек не усвоил того воспитания, которое ему дали, что он остался нечувствительным к голосу чести и не подчиняется руководству тех начал, которые управляют действиями других людей. Она обнаруживает, что человек не страшится презрения людей и не ставит ни во что их уважение. Если он принадлежит к хорошему роду, он обыкновенно не бывает лишен ловкости, соединенной с силой, и силы, которая должна быть соединена с мужеством. Придавая высокое значение чести, он должен всю жизнь свою посвятить развитию в себе путем упражнения таких качеств, без которых завоевать честь невозможно. Кроме того, у воинственного народа, ценящего силу, храбрость и удаль, наиболее гнусными преступлениями почитаются такие, в основе которых лежит обман, хитрость и лукавство, т. е. трусость.

Что касается испытания огнем, то после того как обвиняемый клал руку на раскаленное железо или опускал ее в кипяток, ее завязывали в мешок, к которому прикладывали печать. Если по прошествии трех дней рука не сохраняла следов ожога, человека объявляли невиновным. Для всякого ясно, что у народа, привычного к употреблению оружия, грубая и мозолистая кожа не должна была страдать от раскаленного железа или кипятка настолько,

чтобы следы сохранились по прошествии трех дней. Противное служило признаком того, что подвергшийся испытанию был человек изнеженный. Наши крестьяне свободно ворочают раскаленное железо своими мозолистыми руками. Что касается женщин, то руки рабочих женщин могли так же легко вынести прикосновение к раскаленному железу. Женщины высших классов не имели недостатка в воинах, готовых выступить в их защиту. Среднего же класса вовсе не было у народа, не знавшего роскоши.

Согласно тюрингенскому закону женщина, обвиняемая в прелюбодеянии, могла быть приговорена к испытанию кипятком только в том случае, если у нее не было защитника. Закон же рипуаров допускал это испытание лишь при отсутствии свидетелей для оправдания подсудимого. Но женщина, которую не хотел защищать ни один из родственников, или мужчина, который не в состоянии был представить никакого удостоверения в своей честности, почитались уже этим самым изобличенными.

Итак, я говорю, что в условиях того времени, когда применялся судебный поединок и испытание раскаленным железом и кипятком, существовало столь тесное согласие между законами и правами, что эти несправедливые законы причиняли менее несправедливостей, чем можно было бы ожидать; что последствия были более невинны, чем причины; что они более оскорбляли справедливость, чем нарушали право, и были скорее неразумны, чем стеснительны.

ГЛАВА XVIII

Каким образом получил распространение обычай судебного поединка

Из письма Агобарда к Людовику Благочестивому можно заключить, что доказательство поединком не было в обычае у франков. Изложив этому государю, какие злоупотребления проистекают из закона Гупдобада, Агобард просит, чтобы в Бургундии суд производился по закону франков. Известно, однако, что в то время во Франции применялся судебный поединок; это подало повод к недоумению. Надо, однако, вспомнить то, что я сказал выше, а именно, что закон салических франков отвергал это доказательство, тогда как закон рипуарских франков принимал его.

По, несмотря на протесты духовенства, обычай судебного поединка все более и более распространялся во Франции; и я докажу сейчас, что само духовенство в значительной мере тому способствовало.

Доказательство этому дает нам закон лангобардов. «С давних пор повелся отвратительный обычай (говорится в предисловии к закону Оттопа II), чтобы в случае иска о подделке грамоты па какое-либо наследственное имущество предьявитель грамоты удостоверял подлинность ее присягой на евангелии и затем без всякого судебного приговора делался собственником наследства. Таким образом, клятвопреступники с полной уверенностью могли приобретать имущество». При коронации императора Оттопа I в Риме все итальянские сеньоры на соборе, созванном папою Иоанном XII, громогласно потребовали от императора издания закона против такого недостойного злоупотребления. Папа с императором рассудили, что дело это следует передать на обсуждение собора, который должен был вскоре затем собраться в Равенне. Здесь сеньоры возобновили свои требования с еще большим шумом, но под предлогом отсутствия некоторых лиц дело было снова отложено. Когда Оттон II и Конрад, король бургундский, прибыли затем в Италию, между ними и итальянскими сеньорами состоялось в Вероне совещание, и вследствие неотступных требований со стороны сеньоров император со всеобщего согласия издал закон, определявший, что в случаях спора о наследстве, если одна из сторон сошлется на грамоту, а другая станет настаивать на ее подложности, дело должно быть решено поединком; что то же правило будет соблюдаться по отношению к феодам; что этот закон распространяется и па церкви, которые должны будут вступать в поединок в лице своих защитников.

Из этого видно, что дворянство требовало доказательства поединком ввиду неудобства,

соединенного с доказательством, принятым церковью; что, несмотря на настояния этого дворянства, на вопиющие злоупотребления и на авторитет Оттона, прибывшего в Италию во всеоружии власти, духовенство настояло на своем на двух соборах; что, после того как совместные усилия дворянства и государей заставили духовенство уступить, обычай судебного поединка должен был получить значение дворянской привилегии, оплота против несправедливости и способа обеспечения прав собственности; что с этой минуты употребление судебного поединка должно было все более распространяться. И произошло это в то время, когда императоры были могущественны, а папы слабы, в то время, когда Оттоны приходили в Рим, чтобы восстановить достоинство империи.

Здесь я приведу одно соображение в подтверждение высказанной мною выше мысли, что установление отрицательных доказательств влекло за собой практику судебного поединка. Злоупотребление, на которое жаловались Оттонам, состояло в том, что человек, которому возражали, что его грамота подложная, защищался посредством отрицательного доказательства, присягая на евангелии, что она подлинная. Что же было сделано против злоупотребления законом, подвергшимся искажению? Был восстановлен обычай поединка.

Я поспешил сослаться на закон Оттона II с целью дать ясное представление о существовавших в те времена расприх между духовенством и мирянами; но еще раньше было вынесено постановление Лотаря I, который ввиду тех же жалоб и распрей, желая оградить право собственности, определил, чтобы нотариус давал присягу в том, что его грамота не была подложной, и чтобы в том случае, если нотариуса уже не было в живых, отбирали присягу у свидетелей, которые ее подписали. Но зло тем не менее оставалось в силе, и пришлось прибегнуть к указанному выше средству.

Я нахожу, что еще раньше на общих собраниях, созывавшихся Карлом Великим, этому государю указывалось на то, что при существовавшем порядке вещей было очень трудно избежать клятвоступления со стороны обвинителя или обвиняемого и что поэтому было бы лучше восстановить судебный поединок, что он и сделал.

У бургундов обычай судебного поединка получил распространение, а употребление присяги было ограничено. Теодорих, король Италии, отменил поединок у остготов. Законы Шендасуинда и Ресессуинда, казалась, стремились истребить самое понятие о нем. Но в Нарбоннской области эти законы так слабо укоренились, что в ней смотрели на поединок как на преимущественное право готов.

Лангобарды, покорившие Италию после истребления остготов греками, вновь принесли в эту страну обычай поединка; но первые их законы его ограничивали. Карл Великий, Людовик Благочестивый и Оттоны издали различные общие постановления, которые мы находим включенными в лангобардские законы и присоединенными к салическим законам. Законы эти распространили обычай поединка сначала на уголовные, а потом и на гражданские дела. Невидимому, часто недоумевали, как поступить: отрицательное доказательство присягой имело свои неудобства, доказательство поединком — свои; следовало тому или другому, смотря по тому, которые из этих неудобств производили более сильное впечатление на умы.

С одной стороны, духовенству приятно было видеть, что миряне со всеми светскими делами прибегают к церкви и алтарю; с другой — гордое дворянство любило отстаивать свои права мечом.

Я отнюдь не хочу сказать, чтобы духовенство ввело обычай, на который жаловалось дворянство: обычай этот вытекал из духа варварских законов и из установления отрицательных доказательств. Но так как судебный порядок, который мог обеспечить безнаказанность для столь многих преступлений, вызывал мысль о необходимости прибегнуть к святости церкви, чтобы привести в смущение виновных и заставить трепетать клятвоступников, то духовенство поддержало этот обычай и соединенный с ним порядок суда, хотя во всех других случаях оно было против отрицательных доказательств. Мы видим у Бомануара, что отрицательные доказательства никогда не допускались в церковных судах, и это, без сомнения, немало способствовало их падению, а также ослабляло значение

постановлений по этому предмету в законах варваров.

Связь между отрицательными доказательствами и судебным поединком, о которой я так много говорил, станет еще более ясной, если мы обратим внимание на то, что светские суды приняли оба способа доказательства, духовные же суды отвергли и тот, и другой.

Давая предпочтение доказательству поединком, народ подчинялся своему военному гению, ибо, по мере того как укоренялось употребление судебного поединка в смысле божьего суда, уничтожались испытания крестом, холодной и кипящею водою, на которые также смотрели как на суд божий.

Карл Великий повелел, чтобы в случае, если возникнут несогласия между его детьми, спор был решен посредством испытания крестом. Людовик Благочестивый ограничил этот род суда областью духовных дел, а его сын Лотарь отменил его для всех случаев. Он отменил также и испытание холодной водою.

Я не хочу сказать, чтобы в то время, когда было так мало общепринятых обычаев, испытания эти не были в употреблении в некоторых церквях, тем более что о них упоминается в одной из грамот Филиппа-Августа; я говорю только, что они были малоупотребительны. Бомануар, живший во время Людовика Святого и несколько позже, перечисляя различные роды доказательств, говорит о судебном поединке, но умалчивает об остальных, указанных выше.

ГЛАВА XIX

Еще одна причина, почему были забыты римские и салические законы и капитулярии

Я уже говорил о том, почему салические и римские законы и капитулярии утратили свою силу; прибавлю еще, что широкое распространение доказательства посредством поединка было тому главною причиною.

Салические законы, не допускавшие этого обычая, сделались как бы бесполезными и исчезли; исчезли и римские законы, которые также не допускали его. Все внимание устремилось на то, чтобы дать надлежащее развитие закону о судебном поединке и установить юридические нормы для его практического применения. Постановления капитуляриев оказались не менее бесполезными. Таким образом, множество законов утратило свою силу, причем нельзя точно указать, когда именно это случилось; о них забыли, и мы не видим других, которые заняли бы их место.

В этих условиях народ не нуждался в писаных законах, и эти писанные законы легко приходили в забвение.

Как только происходило какое-нибудь разногласие между сторонами, постановлялось решить его поединком. Для этого не требовалось особых талантов.

Все гражданские и уголовные иски сводятся к фактам; по поводу этих фактов стороны и вступали в поединок; поединком решалось не только существо дела, но и его побочные обстоятельства и частные решения, как говорит Бомануар, подтверждающий это примерами.

Я прихожу к выводу, что в начале правления третьей династии вся юриспруденция сводилась к судебной процедуре и все было подчинено понятию чести. Если кто-либо не подчинялся судье, судья предъявлял к нему иск за оскорбление. В Бурже если кто-либо не являлся на вызов прево, то прево ему объявлял: «Я посылаю за тобой, и ты пренебрег моим зовом; ты ответишь за это презрение ко мне», — и они вступали в поединок. Людовик Толстый отменил этот обычай.

Судебный поединок применялся в Орлеане ко всем долговым взысканиям. Людовик Младший постановил, что обычай этот сохраняет силу лишь в таких случаях, когда иск превышает 5 солидов. Но этот указ имел значение только местного закона, так как при Людовике Святом для применения этого обычая достаточно было, чтобы иск превышал 12 динариев. Бомануар слышал от одного высокопоставленного судьи, что во Франции

существовал некогда дурной обычай, допускавший наем на определенное время заместителя, который дрался на поединке во всех делах нанимателя. Очевидно, обычай судебного поединка имел в это время чрезвычайно широкое распространение.

ГЛАВА XX

Происхождение понятия чести

В законах варваров встречаются загадочные определения. Закон фризов назначает лишь полсолида композиции в пользу побитого палкой; нет такой ничтожной раны, за которую он не назначал бы большего штрафа. Согласно салическому закону свободнорожденный, нанесший свободнорожденному три удара палкой, платит 3 солила; за пролитие при этом крови он подвергается такому же наказанию, как и за нанесение раны железом, и платит 15 солидов; наказание соразмеряется с величиной нанесенных ран. Закон лангобардов определял различные штрафы за один, за два, за три или четыре удара. В настоящее время один удар стоит 100 тысяч.

Постановление Карла Великого, включенное в закон лангобардов, требует, чтобы те, кому оно разрешает поединок, дрались на палках. Может быть, это была уступка духовенству; а, может быть, также, что, поскольку поединок вводился в более широкое употребление, его хотели сделать менее кровопролитным. Капитулярий Людовика Благочестивого предоставляет участникам на выбор палку или оружие. Впоследствии на палках дрались только одни крепостные.

Я вижу, как уже в то время возникают и начинают выработываться отдельные представления, входящие в наше понятие о чести. Обвинитель начинал с объявления перед судьей, что такой-то совершил такое-то действие, на что обвиняемый отвечал, что обвинитель солгал; тогда судья назначал поединок. Установленное правило требовало, чтобы обличение во лжи разрешалось поединком.

Раз человек объявил, что будет драться, он уже не мог отступить; в противном случае суд приговаривал его к штрафу. Отсюда возникло правило, что если человек дал слово, честь не позволяет взять его назад.

Дворяне дрались на конях и своим оружием, а простолюдины— пешие и палками. Отсюда установилось понятие, что палка есть орудие оскорбления, потому что, если человека побили палкой, с ним обошлись, как с простолудином.

Только простолюдины дрались с открытым лицом; следовательно, только они могли получать удары по лицу. Пощечина сделалась оскорблением, которое необходимо было смыть кровью, потому что с человеком, получившим ее, обошлись, как с простолудином.

Германские пароды были не менее, а даже более, чем мы, щекотливы в вопросах чести. Так, самые отдаленные родственники принимали у них живейшее участие в делах по оскорблениям; понятие чести лежит в основе всех их кодексов. Закон лангобардов требует, чтобы человек, побивший в сопровождении своих людей другого, застигнутого им врасплох человека, с целью его опозорить или сделать смешным, платил половину той композиции, которая следовала бы с него, если б он его убил; если по тем же побуждениям он его связал, то платил три четверти этой пени.

Итак, мы можем сказать, что предки наши были чрезвычайно чувствительны к оскорблениям; но что оскорбления особого рода, состоящие из ударов известным орудием по известной части тела, наносимых известным образом, не были им еще известны. Все это соединялось в одном оскорблении быть побитым, и в этом случае степень оскорбления определялась степенью злоупотребления.

ГЛАВА XXI

Другие соображения относительно вопросов чести у германцев

«У германцев, — говорит Тацит, — считалось большим позором оставить свой щит на поле сражения, и многие после такого несчастья лишили себя жизни». Поэтому древний салический закон определяет 15 солидов композиции в пользу человека, про которого кто-нибудь скажет с целью оскорбить его, что он бросил свой щит.

Карл Великий, делая исправления в салическом законе, установил для такого случая лишь 3 солида композиции. Нельзя, конечно, заподозрить этого государя в желании ослабить военную дисциплину. Очевидно, что сделанное им изменение было вызвано изменением в способе вооружения; известно, что изменениями вида оружия были порождены многие обычаи.

ГЛАВА XXII

О нравах в связи с обычаем поединка

Наша связь с женщиной основана на наслаждении, доставляемом чувственными удовольствиями, на счастье любить и быть любимым, а также на желании нравиться женщинам, так как они превосходные судьи в некоторых вопросах, касающихся личных достоинств человека. Это желание нравиться вообще и бывает причиной того ухаживания за женщиной, которое далеко еще не является любовью, но представляет собой тонкий, легкий и постоянный любовный обман.

Смотря по обстоятельствам, различным для всякой нации и для всякого века, любовь руководится одним из названных мотивов преимущественно перед двумя другими, и я полагаю, что во времена господства у нас поединков должен был преобладать дух ухаживания.

Я нахожу в законе лангобардов, что, в случае если один из противников имел при себе волшебные травы, судья их отбирал у него и заставлял присягать, что никаких трав у него больше нет. Закон этот не мог иметь иного основания, кроме господствующего мнения; страх, который, как говорят, породил так много измышлений, нашел силой воображения и эти чары. Так как на поединок противники являлись в полном вооружении, и тяжелое наступательное и оборонительное оружие известного закала и силы давало громадные преимущества, то мнение о заколдованном оружии некоторых борцов должно было кружить головы очень многим.

Отсюда возникла идея рыцарства, полная чудес, проникшая во все умы. В романах появились рыцари, волшебники, феи, крылатые или одаренные разумом кони, неуязвимые люди; чародеи, интересующиеся рождением знатных людей или их воспитанием; очарованные дворцы или дворцы, освобожденные от чар, — целый новый мир в мире действительности; естественный порядок вещей остался уделом одной пошлой толпы.

Рыцари, всегда вооруженные, в стране, полной замков, крепостей и разбойников, приобретали славу преследованием несправедливых и защитой слабых. Отсюда в наших романах опять-таки ухаживание, основанное на идее любви, соединенной с идеей силы и покровительства.

Так возникло ухаживание в эпоху, когда воображение создало необыкновенных людей, которые, видя добродетель, соединенную с красотой и слабостью, стали обнаруживать стремление подвергать себя ради нее опасностям и желание нравиться ей в обычных житейских отношениях.

Наши рыцарские романы поощряли это желание нравиться и развили в одной части Европы тот дух ухаживания, который, можно сказать, был мало знаком древним.

Необычайная роскошь необъятого города Рима направляла мысль к представлениям о чувственных наслаждениях. Известное представление о мирной деревенской жизни у греков породило описания чувств любви. Представление о рыцарях — защитниках женской

добродетели и красоты привело к идее ухаживания за женщиной.

Этот дух еще более упрочился благодаря обычаю турниров, которые, соединив права мужества и любви, придали ухаживанию за женщиной еще большее значение.

ГЛАВА XXIII

О юридических правилах судебного поединка

Быть может небезынтересно будет взглянуть, каким образом чудовищный обычай судебного поединка был подведен под определенные начала и подчинен столь своеобразному уставу судопроизводства. Человек по природе обладает рассудительностью, поэтому он подчиняет правилам даже свои предрассудки. Ничто не могло быть более противно здравому смыслу, чем судебный поединок; но раз он был принят, его применяли с соблюдением известного благоразумия.

Чтобы вполне понять юриспруденцию тех времен, необходимо внимательно прочесть уставы Людовика Святого, который произвел столь большие изменения в судопроизводстве. Дефонтен был современником этого государя; Бомануар писал после него; другие жили позднее. Следы древнего порядка надо, следовательно, искать в тех исправлениях, которым он был подвергнут.

ГЛАВА XXIV

Правила судебного поединка

Когда в одном и том же деле являлось несколько обвинителей, то по взаимному их соглашению ведение дела предоставлялось одному из них. Если же они к такому соглашению не приходили, судья, которому надлежало производить разбор дела, назначал, кому из них вести его.

Если дворянин привлекал к суду простолюдина, он должен был являться на бой пешим, с палкой и щитом; если же он являлся верхом и в дворянском вооружении, у него отбирали лошадь и оружие, оставляли в одной рубашке, и в этом виде он должен был драться с простолюдином.

Перед поединком суд делал три громогласных объявления: одним предписывалось, чтобы удалились родственники сторон; вторым — чтобы окружающий народ не нарушал молчания; третьим воспрещалось оказание помощи одной из сторон под страхом тяжких наказаний — даже смерти, если бы один из противников был побежден вследствие такого вмешательства.

Судебные служители охраняли огороженную площадь поединка, и если одна из сторон предлагала мир, тщательно замечали положение обоих противников в эту минуту, чтобы в том случае, если примирение не состоится, поставить их в то же положение, в котором они находились раньше.

В тех случаях, когда поединок был следствием обвинения в преступлении или неправом суде, мир не мог быть заключен без согласия сеньора; если же одна из сторон была побеждена, мир был возможен только с разрешения графа, что соответствовало нашему помилованию.

Но если преступление было уголовное и сеньор, будучи подкуплен, соглашался на мир, он платил штраф в 60 ливров и принадлежащее ему право наказания преступника переходило к графу.

Далеко не каждый мог сделать или принять вызов на поединок. Таким после надлежащего удостоверения дозволялось выставять за себя своего представителя. Чтобы побудить последнего более ревностно защищать представляемую им сторону, ему отрубали

кисть руки, если он оставался побежденным.

В прошлом столетии издавались законы о смертной казни за дуэль; было бы, быть может, совершенно достаточно лишать воина его занятия отсечением у него кисти руки, так как обыкновенно для человека нет ничего печальнее, как дожить до утраты своего звания.

Когда в случаях уголовного преступления поединок совершался через заместителей, тяжущиеся ставились в таком месте, откуда им не было видно бойцов. Каждый из них был опоясан веревкой, которая должна была служить для него орудием казни, если его боец будет побежден.

Побежденный в поединке не всегда еще проигрывал дело. Если, например, поединком решалось какое-либо частное определение, побежденный терял только то, что было предметом этого частного определения.

ГЛАВА XXV

О пределах, в которых допускалось применение судебного поединка

В случаях принятия вызова по какому-нибудь маловажному гражданскому иску сеньор заставлял противников отказаться от поединка.

В случае общеизвестного факта, например, если был убит человек на рынке, на глазах толпы, не требовалось ни доказательства посредством свидетелей, ни доказательства посредством поединка; судья выносил приговор на основании общеизвестности факта.

Если на суде сеньора часто повторялись тождественные решения и таким образом обычай делался хорошо известным, сеньор, чтобы не вводить изменения в обычаях в зависимости от исхода поединка, отказывал сторонам в этом последнем.

Вызывать на поединок можно было только за себя, за члена своего рода или за своего сеньора.

Если обвиняемый был оправдан по суду, другой родственник не мог требовать поединка. В противном случае дело могло бы тянуться до бесконечности.

Если человек, за смерть которого родственники хотели мстить, оказывался в живых, о поединке не могло быть более речи, равно как и в том случае, когда вследствие установленного алиби обнаруживалась невозможность самого факта.

Если убитый перед смертью объявлял невинным человека, на которого пало подозрение в убийстве, и при этом называл другого, поединок не мог иметь места; но если он при этом никого не называл, его объявление принималось за свидетельство прощения своему убийце, и тогда преследование вступало в силу, а дворяне в таком случае могли даже вступать между собой в войну.

Если во время этой войны один из родственников делал или принимал вызов на поединок, то право войны прекращалось: предполагалось, что стороны имеют намерение вести дело обыкновенным судебным порядком, и та из них, которая стала бы продолжать войну, была бы приговорена к возмещению убытков.

Итак, применение судебного поединка представляло ту выгоду, что оно могло общественную усобицу обратить в частную распрю, восстановить авторитет суда и вернуть в сферу гражданских отношений людей, которые признавали только международное право.

Если, с одной стороны, бесчисленное множество разумных вещей ведется самым безрассудным образом, то, с другой стороны, встречаются и безрассудства, которые проводятся очень разумно.

Когда обвиняемый в преступлении неопровержимо доказывал, что преступление совершено самим обвинителем, то вызова на поединок не допускалось, потому что всякий преступник предпочтет сомнительный исход поединка несомненному наказанию.

Поединок не применялся в делах, решаемых третейским судом или церковными судами, а равно и в спорах о вдовьей части.

«Женищина, — говорит Бомануар, — не может вступать в единоборство». Если

женщина вызывала кого-нибудь на поединок, не называя при этом своего заместителя, вызов не принимался. Для этого требовалось, кроме того, полномочие со стороны ее барона, т. е. мужа; но для привлечения ее к суду такого полномочия не требовалось.

Если истец или ответчик были моложе 15 лет, поединок не разрешался; впрочем, он мог назначаться по делам мало-летних, если опекун или заведующий имуществом малолетнего принимал на себя риск, соединенный с этой формой судопроизводства.

Вот, по-моему, те случаи, когда поединок допускался для крепостного: он мог вступать в единоборство с другим крепостным, со свободным и даже с дворянином, если его вызывали; но если он сам вызывал дворянина, последний мог отказаться от поединка, даже сеньор крепостного имел право отозвать его из суда. Крепостной мог на основании грамоты сеньора или на основании обычая вступать в поединок со всяким свободным человеком, «церковь настаивала на этом праве для своих крепостных, усматривая в нем знак особого к себе почтения.

ГЛАВА XXVI

О судебном поединке между одной из сторон и одним из свидетелей

Бомануар говорит, что если тяжущийся усматривал опасность в показании свидетеля, то мог отвести следующего свидетеля, объявив судьям, что противная сторона поставила ложного свидетеля и клеветника; если свидетель хотел продолжить спор, то делал вызов. Этим устранялся вопрос о судебном расследовании, потому что если свидетель терпел поражение, это служило доказательством того, что сторона поставила ложного свидетеля, и она считалась проигравшей.

Не следовало допускать второго свидетеля до присяги, потому что он дал бы свое показание, и дело было бы решено показанием двух свидетелей; если же был остановлен второй свидетель, показание первого становилось бесполезным.

После того как второй свидетель отвергался, сторона не могла уже представлять других свидетелей и проигрывала; ко если не было вызова на поединок, можно было представлять других свидетелей.

Бомануар говорит, что свидетель, прежде чем дать показание, мог сказать своей стороне: «Я не хочу ни драться из-за вашей ссоры, ни судиться из-за моей; но если вы согласны защищать меня, то я охотно скажу правду». Тогда тяжущийся должен был драться за своего свидетеля, и хотя ему не отсекали руку в случае победы противника, свидетель его отвергался.

Я полагаю, что порядок этот представлял собой видоизменение древнего обычая, и основываюсь на том, что обычай вызова на поединок свидетелей мы находим в баварском и бургундском законодательствах без каких-либо ограничений.

Я уже говорил о постановлении Гундобада, против которого так сильно восставали Агобард и св. Авит. «Если обвиняемый, — говорит этот государь, — представляет свидетелей, готовых показать под присягой, что он не совершил преступления, обвинитель может вызвать на поединок одного из свидетелей; ибо справедливо, чтобы тот, кто вызвался дать присягу и объявил, что знает правду, не отказывался постоять за нее на поединке». Таким образом, этот король не допускал со стороны свидетелей никаких отговорок, которые позволяли бы им уклониться от поединка.

ГЛАВА XXVII

О судебном поединке между одной из сторон и одним из пэров сеньора. Апелляция на неправоое решение

Так как решение дела поединком было по природе своей решением окончательным, несовместимым с новым приговором и судебным преследованием, то апелляция в смысле, установленном римским и каноническим законодательствами, т. е. обращение к суду высшей инстанции за пересмотром постановления низшей, была во Франции неизвестна.

Воинственная нация, руководствовавшаяся единственно правилами чести, не знала этих форм судопроизводства; следуя неизменно одному и тому же духу, она и против судей принимала те самые меры, какими располагала против сторон.

Апелляция у этого народа состояла в вызове на единоборство оружием, чтобы решить дело кровью, а не в приглашении на чернильную брань, с которой познакомились лишь впоследствии.

Потому-то Людовик Святой творит в своих Установлениях, что апелляция есть измена и беззаконие, а Бомануар — что человек, прежде чем обвинять своего сеньора в каком-либо посягательстве на него, должен был заявить ему, что покидает его феода, и уже потом вызвать его на суд сеньора-сюзерена и предложить ему поединок. Таким же образом и сеньор должен был отказаться от своих прав на вассала, если вызывал его на суд графа.

Апелляция на неправое решение своего сеньора была равносильна утверждению, что его решение лживо и злонамеренно; но обращение к нему с такими словами было, так сказать, преступлением и изменой со стороны вассала.

Поэтому вместо апелляции на неправое решение сеньора, который учреждал и ведал суд, апеллировали на решение пэров, которые этот суд составляли. Этим устранялось обвинение в измене, ибо истец наносил оскорбление лишь своим пэрам, которым всегда мог дать удовлетворение.

Обвинение пэров в неправом решении подвергало тяжущегося немалым опасностям. Если он ждал постановления и произнесения приговора, ему приходилось выходить на поединок со всеми пэрами, которые обязывались решить дело по справедливости; если он высказывал недовольство раньше, чем все судьи произносили свое мнение, ему приходилось драться с теми из них, которые были одного мнения. Чтоб избегнуть этой опасности, он обращался к сеньору с просьбой приказать, чтобы каждый пэр произносил громко свое мнение, и как только один из них его высказывал, то, прежде чем второй успевал сделать то же, тяжущийся объявлял его лжецом, злонамеренным и клеветником. В таком случае ему приходилось драться только с одним этим судьей.

Дефонтен предлагал, чтобы прежде обжалования неправого решения давали высказать свое мнение трем судьям; но он не говорит, чтобы следовало выходить со всеми тремя на поединок, и еще того менее — о случаях, в которых приходилось бы драться со всеми, кто объявлял, что они одного с ними мнения. Различия эти происходят оттого, что в то время не существовало обычаев вполне тождественных. Бомануар говорит о том, что происходило в Клермонском графстве, а Дефонтен — о том, каких порядков держались в Вермандуа.

Когда один из пэров или держателей феонов объявлял, что готов защищать приговор, судья требовал формального вызова и, кроме того, брал с жалобщика обеспечение в том, что он не откажется от своей апелляции; но с пэра обеспечения не бралось, так как он был человеком сеньора и обязан был или защищать приговор, или уплатить сеньору 60 ливров штрафа.

Если жалобщик не мог доказать несправедливости приговора, то платил сеньору 60 ливров штрафа и по стольку же пэру, против которого апеллировал, и каждому из пэров, открыто согласившихся с приговором.

Человек, арестованный по сильному подозрению в преступлении, за которое полагалась смертная казнь, и затем подвергшийся осуждению, не мог обжаловать неправого решения, потому что это делалось бы всегда с целью продлить жизнь или покончить дело миром.

Если кто-либо утверждал, что приговор суда был лживым и злонамеренным, и не вызывался доказать это, т. е. выйти па поединок, то за произнесение этих непристойных слов его приговаривали к уплате штрафа в 10 солидов, если он был дворянин, и в 5 солидов, если

он был простолюдин.

Судей или пэров, побежденных на поединке, не подвергали смертной казни и не отсекали им членов; жалобщик же наказывался смертью, если дело было уголовного характера.

Этот способ обвинения феодалов в неправом решении имел целью устранить от обвинения самого сеньора. Когда сеньор не имел пэров или имел их в недостаточном числе, он мог на свой счёт пригласить пэров сеньора-сюзерена. Но эти пэры не были обязаны чинить суд, они могли объявить, что прибыли только для подачи совета. Если в этом особом случае сеньор сам чинил суд и произносил решение, то он же должен был и принимать вызов по обвинению в неправом суде.

Если сеньор был так беден, что не мог пригласить пэров от своего сюзерена» или пренебрегал этим правом, или же сюзерен ему их не давал, то так как он не мог судить один и никто не обязан был являться перед судом, который не мог выносить решений, дела поступали в суд сюзерена.

Я полагаю, что это было одной из главных причин отделения суда от феода, откуда образовалось впоследствии правило французских юристов: *одно дело феода, другое — суд*. Так как было бесчисленное множество феодалов, которые, не имея подвластных им людей, не могли отправлять суда, то все дела поступали в суд их сюзерена. Таким образом, они потеряли право суда, потому что не имели ни возможности, ни желания пользоваться им.

Все судьи, участвовавшие в вынесении приговора, должны были присутствовать и при его объявлении, чтобы в случае если тяжущийся, желая обжаловать решение, обратился к ним с вопросом: согласны ли они с вынесенным решением, они могли ответить утвердительно, «ибо, — говорит Дефонтен, — таково требование вежливости и законности, не допускающих ни уклонения от ответа, ни отсрочки». Я полагаю, что по этим же побуждениям возник до сих пор сохранившийся в Англии обычай, требующий единогласного мнения присяжных для вынесения смертного приговора.

Приходилось, следовательно, объявить свое согласие с мнением большинства. Если же происходило разделение голосов, приговор выносился в случае преступления в пользу обвиняемого, в случае преследования за долги — в пользу должника, в делах о наследстве—в пользу ответчика.

Пэр, говорит Дефонтен, не имел права отказываться судить, если их будет всего четверо или пока они не будут все налицо, или пока не присоединятся к ним мудрейшие из них. Это было бы то же, как если бы он сказал во время битвы, что не станет помогать своему сеньору, потому что тот имеет при себе лишь часть своих людей. Но сеньор, конечно, должен был поддержать честь своего суда и привлекать в него самых доблестных и разумных из своих людей. Я привожу это место, чтобы показать, что обязанностью вассала было драться и судить, причем обязанность эта была такого рода, что судить значило драться.

Сеньор, который судился в собственном суде со своим вассалом и проиграл дело, мог обжаловать неправое решение одного из своих людей. Но ввиду того почтения, которым вассал обязан был сеньору в силу данной присяги в верности, и благосклонного отношения, которым сеньор обязан был своему вассалу в силу принятия этой присяги, допускалось следующее различие: сеньор или говорил вообще, что приговор был лживым и несправедливым, или же обвинял непосредственно своего вассала в преступном нарушении долга. В первом случае он оскорблял собственный суд и в некотором роде самого себя, а потому и не мог требовать поединка; во втором — он мог его требовать, потому что посягал на честь своего вассала, причем в интересах общественного спокойствия; тот из них, который был побежден, лишался жизни и имущества.

Это различие, необходимое в настоящем особом случае, было распространено и на другие случаи. Бомануар говорит, что если жалующийся на неправое решение обращался к одному из держателей феодалов с личным обвинением, дело разрешалось поединком; но если он отвергал только приговор, то спор решался поединком или судом по выбору пэра, к

которому обращена была апелляция. Но так как в эпоху Бомануара господствовало стремление к ограничению судебного поединка и в то же время предоставленная пэру свобода отстаивать или не отстаивать приговор поединком противоречила установленным понятиям о чести и об обязанностях вассала защищать суд сеньора, то я и полагаю, что приведенное у Бомануара различие было новой формой судопроизводства у французов.

Я не говорю, что все обжалования неправого решения оканчивались поединком. С этой формой апелляции произошло то же, что и со всеми другими. Я уже указывал в главе XXV на исключения, когда суд сюзерена решал, быть или не быть поединку.

Постановления королевского суда не подлежали обжалованию; король не имел себе равного, и никто не мог обращаться к нему с вызовом; не было никого выше его, и никто не мог обжаловать его решения.

Этот основной закон, необходимый как закон политический, ограничивал так же, как гражданский закон, злоупотребления судебной практики тех времен. Когда сеньор опасался апелляции на решение своего суда или узнавал, что ее готовятся предъявить, то, если это было против интересов правосудия, он мог просить о присылке к нему людей из королевского суда, приговор которых не подлежал апелляции. Так, Дефонтен говорит, что король Филипп послал весь свой совет в суд корбийского аббата для решения одного дела.

Если сеньор не мог иметь королевских судей, он еще мог перенести свой суд в суд короля, если только он зависел непосредственно от короля; если же между ними находились еще посредствующие сеньоры, он обращался к своему сеньору-сюзерену и, переходя от сеньора к сеньору, достигал короля.

Итак, хотя в те времена не существовало ни на практике, ни даже в идее апелляции в современном смысле, можно было тем не менее обращаться к правосудию короля, ибо король всегда был источником, из которого исходили все реки, и океаном, в который они возвращались.

ГЛАВА XXVIII

Об апелляции по поводу отказа в правосудии

Жалоба на отказ в правосудии подавалась в тех случаях, когда на суде сеньора затягивали решение дела, уклонялись от вынесения решения или отказывали сторонам в правосудии.

Хотя при королях второй династии граф и имел много подчиненных, но подчинение это относилось только к личности, а не к их юрисдикции. На своих съездах, ассизах или заседаниях чиновники эти, как и графы, выносили окончательные решения. Вся разница состояла в распределении судебной власти. Так, например, граф мог приговорить к смерти, решить вопрос о личной свободе или о возвращении имущества, тогда как сотник не мог решать таких дел.

На том же основании существовали дела высшего порядка, которые подлежали решению короля. Это были дела, непосредственно затрагивавшие политические отношения. Сюда принадлежали, например, споры между епископами, аббатами и другими знатными людьми, которых судил король вместе со своими важнейшими вассалами.

Мнение некоторых авторов, будто существовала апелляция на графа королевскому посланному, *missus dominicus*, не имеет основания: граф и *missus* имели равную, независимую одна от другой юрисдикцию; вся разница состояла в том, что *missus* проводил свои заседания в продолжение четырех месяцев в году, а граф — в продолжение остальных восьми.

Тот, кто, будучи раз осужден в заседании уголовного суда, просил о новом рассмотрении дела и снова его проигрывал, платил 15 солидов пени или получал 15 ударов от судей, решивших дело.

Когда графы или королевские посланные видели, что они не в силах справиться с

крупными сеньорами, то обязывали представить поруки в том, что они явятся в королевский суд; делалось это для рассмотрения дела, а не для его пересмотра. Из капитулярия в Меце я вижу, что была установлена апелляция на неправоое решение лишь в королевский суд; все же другие апелляции были отменены, и за подачу их полагалось наказание.

Если кто-либо не хотел подчиниться приговору графских судей (эшевенов) и не подавал жалобы на их решение, он подвергался тюремному заключению, пока не подчинится этому приговору. Если же он подавал жалобу, то под надежной стражей препровождался для разбора своего дела в королевский суд.

О жалобе на отказ в правосудии в те времена не могло быть и речи. Мало того, что никто не жаловался на то, что графы и другие лица, имевшие право открытия судебных съездов, неисправно производили свой суд; напротив, жаловались на слишком большое их усердие в этом деле. Существует множество указов, воспреещающих графам и другим судебным чиновникам открывать заседания суда более 3 раз в году. Приходилось не столько взыскивать за их нерадение, сколько сдерживать их неумеренное рвение.

Но после того как образовалось бесчисленное множество мелких владений и были установлены различные степени вассальных отношений, небрежное исполнением некоторыми вассалами их судебных функций породило апелляции этого рода, тем более, что связанные с ними штрафы давали сеньору-сюзерену значительный доход.

С распространением обычая судебного поединка стали встречаться такие местности и обстоятельства, когда трудно было собирать пэров и когда вследствие этого отправление правосудия приходило в упадок. Таким образом появились жалобы на отказ в правосудии, и эти жалобы часто бывали замечательными моментами в нашей истории, потому что в те времена войны в большинстве случаев возникали по поводу нарушения государственного права, тогда как в современных войнах обыкновенно причиной или поводом к ним служит нарушение международного права.

Бомануар говорит, что в случае отказа в правосудии никогда не было поединка, и вот почему: нельзя было вызывать на поединок самого сеньора вследствие того уважения, которым он пользовался; нельзя было вызывать и пэров сеньора, так как дело само по себе было ясно и требовалось только сосчитать дни, полагающиеся для вызова в суд, или другие сроки; к тому же не было никакого решения, а следовательно, не могло быть и неправоого решения. Наконец, проступок пэров причинял оскорбление сеньору как стороне; а поединок сеньора со своими пэрами был против всяких правил.

Но так как в суде сюзерена отказ в правосудии доказывался свидетелями, можно было вызвать на поединок свидетелей, не нанося этим оскорбления ни сеньору, ни его суду.

1. Когда отказ в правосудии происходил по вине людей сеньора или его пэров вследствие того, что они замедлили с разбирательством дела или уклонились от вынесения приговора по прошествии установленных сроков, жалоба подавалась сюзерену против пэров сеньора, которые, если проигрывали дело, платили штраф своему сеньору. При этом сеньор не мог оказать никакой помощи своим людям, напротив, он налагал арест на их феодалы, пока каждый из них не уплачивал ему штраф в 60 ливров.

2. Когда отказ в правосудии происходил по вине сеньора, что случалось, когда в его суде не доставало людей для вынесения приговора или когда он не собирал своих людей, или никого не уполномочивал собрать их, то обращались с жалобой к сеньору-сюзерену; но в силу почтения, следуемого сеньору, вызывалась на суд к сроку сторона, а не сеньор.

Сеньор вызывал свой суд в суд сюзерена, и, если выигрывал по иску об отказе в правосудии, дело возвращалось к нему и ему платили 60 ливров штрафа; но если жалоба на отказ в правосудии подтверждалась, его наказывали лишением права суда по спорному делу, которое поступало на разбирательство по существу в трибунал сюзерена. В сущности жалоба об отказе в правосудии приносилась лишь с этой целью.

3. В случае иска вассала к своему сеньору, который должен был разбираться в суде того же сеньора (что могло случаться только в делах о феодалах), истец по истечении всех сроков вызывал самого сеньора в суд перед «добрыми людьми» через посредство своего государя,

от которого нужно было иметь на то разрешение. Вызов производился не через пэров, потому что пэры не могли вызвать в суд своего сеньора, но могли делать это только от имени сеньора.

Иногда за жалобой на отказ в правосудии следовала жалоба на неправый суд, если сеньор выносил решение по делу после того, как уже миновали положенные сроки.

Вассал, несправедливо обвинявший своего сеньора в отказе в правосудии, платил ему штраф, размер которого определялся сеньором произвольно.

Жители Гента подали королю жалобу по поводу отказа в правосудии на графа фландрского, отсрочившего постановление решения по их делу на своем суде. При рассмотрении жалобы оказалось, что им соблюдены были сроки даже более короткие, чем те, на которые давал ему право местный обычай. Гентцам было отказано в иске, и граф фландрский приказал конфисковать у них имущества на сумму 60 тысяч ливров. Они снова обратились в королевский суд, прося уменьшить размер штрафа; на это последовало решение, что граф мог взять этот штраф и даже больший, если бы хотел. Бомануар принимал участие в вынесении этих решений.

4. В делах, которые сеньор мог иметь против своего вассала во всем, что касалось личности и чести этого последнего или его имущества, не принадлежавшего к феоде, не могло быть речи об апелляционной жалобе на отказ в правосудии, ибо дело в таком случае подлежало не суду сеньора, а суду того, от кого сеньор зависел. «Вассалы, — говорит Дефонтен, — не могут быть судьями личности своего сеньора».

Я постарался дать ясное понятие обо всех этих отношениях, которые у современных им авторов освещены до такой степени сбивчиво и туманно, что, поистине, извлечь их из того хаоса, в котором они находятся, значит открыть их заново.

ГЛАВА XXIX

Эпоха Людовика Святого

Людовик Святой отменил судебный поединок в своих владениях, как это видно из изданного им по этому случаю указа и из его Установлений, но он оставил их в силе в судах своих баронов, за исключением случаев жалобы на неправое решение.

Раньше нельзя было апеллировать на неправое решение суда своего сеньора без требования поединка с судьями, которые произнесли приговор. Но Людовик Святой ввел в употребление апелляцию без поединка, и перемена эта была своего рода переворотом.

Он объявил, что нельзя апеллировать на неправое решение сеньориальных судов в его владениях, потому что такая апелляция равняется преступлению — государственной измене. И действительно, если она почиталась чем-то вроде измены по отношению к сеньору, то тем более было оснований считать ее изменой по отношению к королю. Вместе с тем он допускал просьбы о пересмотре судебных решений, но не потому, чтобы такие решения были несправедливы и злонамеренны, а потому, что они причиняли кому-либо ущерб. С другой стороны, он требовал, чтобы жалобы на решения баронских судов подавались не иначе, как в форме апелляции на неправое решение.

Итак, Установления не допускали жалобы на неправый суд в пределах королевских владений. Можно было просить у того же суда о пересмотре решения, и, в случае если королевский судья (балби) отказывал в просьбе, король позволял подавать апелляцию в королевский суд или, скорее, согласно указаниям отдельных статей Установлений, подавать ему прошение о пересмотре дела, или челобитную.

Что касается сеньориальных судов, то, допуская относительно их жалобы на неправый суд, Людовик Святой требовал, чтобы они поступали в королевский трибунал или суд сеньора-сюзерена и решались в них не поединком, а показаниями свидетелей согласно процессуальным правилам, им самим на этот предмет установленным.

Таким образом, и в тех случаях, когда допускалась жалоба на неправое решение, как,

например, в сеньориальных судах, и в тех, когда она не допускалась, например в судах королевских владений, открывалась возможность апеллировать, не подвергаясь случайностям поединка.

Дефонтен сообщает нам о двух таких впервые им виденных разбирательствах с устранением судебного поединка: одно в Сен-Кантене, который находился во владениях короля; другое в Понтье, где граф, присутствовавший на суде, сослался на старый порядок судопроизводства; но оба дела были решены по новому закону.

Может быть, спросят, почему Людовик Святой установил в судах своих баронов иной порядок судопроизводства, чем в трибуналах своих собственных владений. Причина была следующая. Людовик Святой, создавая новый порядок суда в своих владениях, не встречал никаких препятствий к выполнению своих намерений; но он должен был обходиться осторожнее с сеньорами, пользовавшимися в этом случае старинной прерогативой, а именно, что дела никогда не переносились из их судов, если только одна из сторон не решалась подать жалобу на неправо решение. Людовик Святой, сохранив обычай жалобы на неправо решение, определил, чтобы эта последняя обходилась без поединка. Другими словами, чтобы сделать перемену менее чувствительной, он уничтожил суть дела, но сохранил название.

Новый порядок не был принят повсеместно в сеньориальных судах. Бомануар говорит, что в его время суд производился двумя способами: по королевским Установлениям и по старым порядкам; сеньоры имели право выбрать тот или иной способ; но, начав дело по одному из этих способов, нельзя уже было перейти к другому. Он прибавляет, что граф клер-моиский следовал новому порядку судопроизводства, тогда как его вассалы держались старого. Но и граф, если бы пожелал, мог восстановить у себя старый порядок, иначе он пользовался бы меньшей властью, чем его вассалы.

Надо еще знать, что Франция делилась в то время на области, находившиеся во владении короля, и на так называемые области баронов, или баронии (по терминологии Установлений: область, подчиненная королю, и область, не подчиненная королю). Издавая указы для областей, состоящих в их владении, короли опирались исключительно на свою власть. Но когда эти указы могли иметь отношение и к областям их баронов, то составлялись по соглашению с этими последними или скреплялись их подписью или печатью. В противном случае бароны принимали или не принимали их, смотря по тому, находили ли они их соответствующими интересам своих сеньорий или нет. Меньшие вассалы состояли в таких же отношениях к более крупным вассалам. Установления были обнародованы без согласия сеньоров, хотя и относились к предметам, имевшим для них большое значение; поэтому они и были приняты только теми сеньорами, которые сочли это для себя выгодным. Сын Людовика Святого Робер принял их в своем Клермонском графстве, а его вассалы сочли применение их в своих владениях неудобным.

ГЛАВА XXX

Замечание по поводу апелляций

Понятно, что апелляция, которая были вызовом на поединок, должна была подаваться тут же на месте. «Кто оставляет суд, не обжаловав решения, — говорит Бомануар, — теряет право апелляции и признает справедливость приговора». Порядок этот сохранился и после того, как было ограничено употребление судебного поединка.

ГЛАВА XXXI

Продолжение той же темы

Простолюдин не мог подавать жалобы на неправо решение суда своего сеньора. Это

мы узнаем у Дефонтена; правило это подтверждается Установлениями. «Поэтому, — говорит еще Дефектен, — нет между тобою, сеньор, и твоим мужиком иного судьи, кроме бога».

Такое устранение простолюдина от права жалобы на неправый суд было прямым следствием обычая судебного поединка. Это настолько верно, что если простолудин в силу полученной грамоты или обычая имел право вступать в поединок, то располагал также и правом подавать жалобу на неправое решение суда сеньора, хотя бы лица, решившие его дело, и были рыцарского звания. Дефектен дает наставление, как избежать скандального поединка рыцаря с простолудином, подавшим жалобу на его неправый суд.

После того как судебный поединок начал выходить из употребления и стало распространяться употребление новых апелляций, возникла мысль, что нет разумного основания лишать простолюдина тех средств защиты против несправедливостей суда сеньора, которыми пользуется человек свободного состояния, и парламент стал принимать апелляции простолюдина наравне с апелляциями свободного человека.

ГЛАВА XXXII

Продолжение той же темы

В случае жалобы вассала на неправое решение суда его сеньора последний является лично на суд сеньора-сюзерена, чтобы защищать решение своего суда. Также и при апелляции на отказ в правосудии вызванная на суд сеньора-сюзерена сторона являлась со своим сеньором, чтобы, в случае если обвинение останется недоказанным, сеньор мог восстановить свое право суда.

Впоследствии, когда при введении всякого рода апелляций правило, соблюдавшееся в этих двух специальных случаях, сделалось общим для всех дел, не могло не казаться странным, что сеньор должен был проводить жизнь в чужих судах, а не в своем, и по чужим, а не по своим делам. Филипп Валуа постановил вызывать только королевских судей (бальи); а когда употребление апелляции еще более распространилось, защита апелляционных жалоб была предоставлена сторонам: дело судьи стало делом стороны.

Я уже говорил, что при жалобе на отказ в правосудии сеньор терял только право разбирательства данного дела на своем суде; но если вчинялся иск против самого сеньора как стороны, что стало повторяться очень часто, сеньор платил королю или сеньору-сюзерену, которым подавалась апелляция, штраф в 60 ливров. Отсюда, после того как апелляция вошла во всеобщее употребление, произошел обычай брать с сеньора штраф при отмене приговора его судьи. Обычай этот долго существовал, был подтвержден указом в Руссильоне и исчез, наконец, в силу своей бессмысленности.

ГЛАВА XXXIII

Продолжение той же темы

В практике судебного поединка тот, кто выдвигал против одного из судей обвинение в неправоем решении, мог в зависимости от исхода поединка проиграть свой иск, но не мог его выиграть. Действительно, сторона, в пользу которой состоялся приговор, не могла его лишиться вследствие вмешательства третьего лица. Для этого необходимо было, чтобы жалобщик, победивший в поединке, вступил в поединок и со стороною не для того, чтобы определить, хорош или дурен приговор (о приговоре уж не было более речи, так как поединок уничтожил его), но чтобы решить вопрос о законности или незаконности жалобы. Поединок происходил только по поводу этого нового обстоятельства. Отсюда, невидимому, произошла наша формула произнесения приговора: *суд уничтожает апелляцию; суд уничтожает апелляцию и то, на что эта апелляция была подана.*

И действительно, если подавший апелляцию на неправый суд был побежден, уничтожалась апелляция; если же он оставался победителем, уничтожался приговор и сама апелляция; приходилось выносить новое решение.

Это настолько верно, что в тех случаях, когда дело решалось судебным следствием, формула эта не употреблялась. Де ла Рош-Флавен говорит нам, что следственная палата не могла пользоваться этой формулой в первое время своего существования.

ГЛАВА XXXIV

Каким образом судопроизводство сделалось тайным

Поединки ввели в употребление публичное судопроизводство. Обвинение и защита были известны всем. «Свидетели, — говорит Бомануар, — должны показывать перед всеми».

Комментатор Бутилье говорит, что слышал от старых законоведов-практиков и читал в рукописных актах старинных процессов, что в старину во Франции уголовные разбирательства совершались публично, в формах, мало отличающихся от публичного суда у римлян. Этот порядок находился в связи с распространенной в те времена неграмотностью. Употребление письма закрепляет на бумаге мысли и делает возможным установление тайны; но без письма эти же самые мысли может закреплять одно только публичное судопроизводство.

Так как легко могли возникать сомнения относительно того, что люди постановили на суде или разбирали перед другими людьми, то на каждом заседании суда приходилось восстанавливать все это в памяти посредством процедуры, носившей название свидетельского удостоверения. В этом случае вызов свидетелей на поединок не допускался, иначе дела, никогда не приходили бы к концу.

Впоследствии вошел в употребление способ тайного судебного разбирательства. Прежде все совершалось публично, теперь же все стало скрытым: допросы, дознания, вторичный опрос свидетелей, очные ставки, заключения обвинительной власти; этот самый обычай действует и в настоящее время. Первый способ судопроизводства соответствовал образу правления того времени, тогда как новый был более свойствен образцу правления, установившемуся впоследствии.

Комментатор Бутилье приурочивает это изменение ко времени появления указа 1539 года. Я полагаю, что оно совершалось, мало-помалу распространяясь от сеньории к сеньории по мере того, как сеньоры оставляли старые формы суда, а новые, заимствуемые из Установлений Людовика Святого, постепенно совершенствовались. Действительно, Бомануар говорит, что свидетелей выслушивали публично только в тех случаях, в которых допускался поединок; в других же случаях их допрашивали секретно и показания записывали. Таким образом, судопроизводство стало тайным, после того как вышел из употребления судебный поединок.

ГЛАВА XXXV

О судебных издержках

В старое время во Франции вовсе не приговаривали к уплате судебных издержек в светских судах. Сторона, проигравшая дело, несла достаточное наказание в виде штрафов, которые она уплачивала сеньору и его пэрам. Способ решения дел судебным поединком в случаях преступлений приводил к тому, что неправая сторона лишалась жизни и имущества и, следовательно, не могла нести большего наказания; в других же случаях судебного поединка взимались штрафы, размер которых иногда точно определялся законом, а иногда предоставлялся на усмотрение сеньора и которые в достаточной степени внушали страх

перед судебным процессом. Так же обстояло и с такими делами, которые разрешались не поединком. Так как наибольшие выгоды получал при этом сеньор, то он же нес и важнейшие расходы всякий раз, когда нужно было созвать пэров или поставить их в условия, благоприятные для производства суда. К тому же дела оканчивались па месте и почти всегда без промедления, без того бесконечного письмоводства, которое развилось впоследствии, и потому не было нужды в вознаграждении сторон за издержки.

Введение апелляции должно было, естественно, повлечь за собой и введение судебных издержек. Так, Дефонтен говорит, что в тех случаях, когда подавалась апелляция на основании писаного закона, т. е. когда следовали новым законам Людовика Святого, платились издержки; но при обыкновенном порядке судопроизводства, не допускавшем апелляции без жалобы на неправый суд, никаких издержек не взыскивалось, давалась лишь пеня и право на владение предметом спора в течение года и дня, если дело возвращалось к сеньору.

Но когда новые, более легкие способы апелляции умножили число апелляционных жалоб; когда вследствие частого употребления апелляции от одного суда к другому стороны были поставлены в необходимость беспрестанно отлучаться из места своего жительства; когда новое искусство судопроизводства умножило число тяжб и сделало их бесконечными; когда достигло большой утонченности умение уклоняться от самых законных требований; когда сутяга понял, как ему следует убежать, чтоб только заставить за собою следовать; когда положение истца стало разорительным, а положение ответчика — спокойным; когда доказательства стали исчезать в целых томах слов и писаний; когда суды переполнились помощниками правосудия, недостойными вершить правосудие; когда недобросовестность нашла советчиков там, где не находила опоры, — тогда оказалось необходимым удерживать ябедников страхом издержек. Они должны были платить их за решение и за те уловки, которые употребляли, чтобы его избегнуть. Общее постановление по этому предмету принадлежит Карлу Красивому.

ГЛАВА XXXVI

О государственном обвинителе

По салическим и рипуарским законам, а также по законам других варваров преступления наказывались денежными штрафами; поэтому у этих народов и не было государственной обвинительной власти, обязанной преследовать преступления, как это делается у нас. Действительно, в те времена все сводилось к вознаграждению за убытки; всякий иск был, так сказать, гражданским делом, и всякое частное лицо могло предъявлять его. С другой стороны, и римское право в способах преследования преступлений держалось народных форм, которые не могли быть согласованы с представлением о государственной обвинительной власти.

Обычай судебного поединка не менее противоречил этому представлению, ибо кто бы согласился, взяв на себя роль государственного обвинителя, драться на поединке за всех против всех?

Я нахожу в одном сборнике формул, которые Муратори включил в собрание лангобардских законов, что во время второй династии существовал защитник общественных интересов. Но стоит прочесть этот сборник, чтобы убедиться в совершенном отсутствии сходства между этим чиновником и тем, что мы теперь называем обвинительной властью, т. е. нашими генеральными прокурорами и прокурорами короля или сеньоров. Первые были публичными охранительными органами скорее в смысле политическом и семейном, чем гражданском. Мы действительно не видим из этих формул, чтобы на этого защитника общественных интересов возлагалась обязанность преследовать преступления, вступать в дела несовершеннолетних, церковей или определять состояние лиц.

Я сказал, что установление звания государственного обвинителя противоречило

обычаю судебного поединка. Тем не менее я нахожу в одной из указанных формул такого защитника общественных интересов, которому предоставляется свобода выходить на поединок. Муратори поместил ее непосредственно за узаконением Генриха I, для которого она была составлена. В этом узаконении говорится, что, «если кто убьет отца, брата, племянника или иного родственника, тот лишается наследства после них, которое переходит к другим родственникам, его же собственное поступает в казну». В таком-то предъявленном к наследству иске со стороны казны и предоставлялась защитнику общественных интересов свобода отстаивать право казны поединком. Случай этот входил в общее правило.

Мы видим в этих формулах, что защитник общественных интересов выступает против того, кто, поймав вора, не доставил его графу; кто вызвал возмущение или собрал толпу против графа; кто спас жизнь человека в то время, как граф повелел ему предать его смертной казни. Он выступал против церковного поверенного, от которого граф потребовал выдачи вора и который не исполнил этого требования, против человека, открывшего государеву тайну чужеземцам; против того, кто с оружием в руках преследовал императорского посланного; против того, кто пренебрег распоряжениями императора, — такой человек подвергался преследованию со стороны императорского поверенного или самого императора; против того, кто отказался принять монету государя. Наконец, этот защитник общественных интересов требовал выдачи вещей, которые закон присуждал казне.

Но мы не встречаем защитника общественных интересов в делах о преследовании преступлений даже в таких случаях, когда дело идет о поединках, о пожарах, об убийстве судьи па суде, о состоянии лиц, о свободе и крепостной зависимости.

Эти формулы составлены не только для законов лангобардов, но и для приложенных к ним капитуляриев; поэтому не подлежит сомнению, что по рассматриваемому предмету они дают нам все делопроизводство за время второй династии.

Ясно, что эти защитники общественных интересов должны были исчезнуть вместе со второй династией, подобно королевским посланным в провинциях, по той причине, что не стало ни общего закона, ни общей государственной казны; что не было больше графов в провинциях, не было их судебных заседаний, а следовательно, не было и этого рода чиновников, главное назначение которых состояло в поддержании авторитета графа.

Применение поединка, получившего более широкое распространение при третьей династии, не допустило учреждения публичных обвинителей. Поэтому Бутилье, говоря в своей «*Summa ruralis*» о судебных чиновниках, упоминает только о бальи, о людях феодального владельца и сержантах. По Установлениям и Бомануару можно ознакомиться с порядком судебного преследования в те времена.

В законах Якова II, короля Майорки, я нахожу впервые должность королевского прокурора с теми функциями, какие она выполняет у нас. Очевидно, прокуроры эти появились здесь лишь после изменения судебных форм у нас.

ГЛАВА XXXVII

Каким образом Установления Людовика Святого вышли из употребления

Установлениям суждено было родиться, состариться и умереть в очень короткий период времени.

Я позволю себе несколько размышлений по этому поводу. Кодекс, известный у нас под названием Установлений Людовика Святого, никогда не предназначался к тому, чтобы служить законом для всего королевства, хотя об этом и говорится в предисловии к нему. Компиляция эта есть общий кодекс, заключающий в себе постановления по всем гражданским делам, распоряжения о переходе имущества по завещанию и дарению, о приданом и преимуществах, предоставляемых женщинам, о выгодах и прерогативах феодалов, о соблюдении благочиния и т. д. Но давать общее уложение гражданских законов в такое

время, когда каждый город, каждое местечко или деревня имели свои обычаи, значило стремиться к внезапному ниспровержению всех частных законов, которым люди следовали в различных областях королевства. Создать из всех частных обычаев одно общее обычное право было бы большой неосмотрительностью даже в наше время, когда государи встречаются повсюду беспрекословное повиновение. Если верно правило, что не следует менять существующего, когда происходящие от этого неудобства равняются выгодам, то еще менее следует это делать, когда выгоды ничтожны, а неудобства очень велики. Приняв во внимание положение государства в то время, когда каждый был опьянен идеей собственной неограниченной власти и собственного могущества, мы должны будем согласиться, что намерение повсеместно изменить принятые законы и обычаи не могли даже прийти в голову правителям.

Все мною сказанное доказывает также, что кодекс Установлений не был утвержден в парламенте баронами и судьями государства, как то говорится в одной цитируемой Дюканжем рукописи, хранящейся в амьенской ратуше. Из других рукописей видно, что кодекс этот был дан Людовиком Святым в 1270 году, перед отъездом в Тунис. Но это неверно, так как Людовик Святой отправился в Тунис в 1269 году, как то заметил Дюканж, заключивший отсюда; что кодекс этот был обнародован в отсутствие короля. Я же утверждаю, что это невозможно. Как мог король избрать время своего отсутствия для осуществления такого дела, которое могло посеять семена раздора и породить не перемены, а перевороты? Это преобразование более, чем всякое другое, нуждалось в непосредственном надзоре короля и ни в коем случае не было делом слабого регентства, состоявшего к тому же из сеньоров, заинтересованных в его неудаче. Это были: Матье, аббат Сен— Дети и Симон Клермонский, граф де Нэль, а на случай их смерти — Филипп, епископ Эвре, и Жан, граф де Понтье. Мы уже видели, что граф де Понтье воспротивился введению нового судопроизводства в своей сеньории.

В-третьих, я считаю весьма вероятным, что дошедший до нас кодекс есть нечто совершенно отличное от Установлений Людовика Святого по предмету судопроизводства. Этот кодекс ссылается на Установления, следовательно, он есть сочинение об Установлениях, а не самые Установления. Кроме того, Бомануар, который часто упоминает об Установлениях Людовика Святого, ссылается лишь на частные установления этого государя, а не на эту компиляцию Установлений. Дефонтен, писавший при жизни того же государя, рассказывает о двух первых случаях применения Установлений в деле судопроизводства как о давнем факте. Следовательно, Установления Людовика Святого предшествовали компиляции, о которой идет речь и которая, если принять во внимание ошибочные вступления, помещенные каким-то невеждой во введении, могла появиться, строго говоря, лишь в последний год жизни Людовика Святого или даже после смерти этого государя.

ГЛАВА XXXVIII

Продолжение той же темы

Что же, наконец, представляет собой эта компиляция, которая носит у нас название Установлений Людовика Святого, этот темный, запутанный и двусмысленный кодекс, представляющий собою смесь французского законодательства с римскими законами; этот кодекс, в котором мы слышим как бы голос законодателя, а встречаем ученого юриста; в котором находим полный свод юриспруденции, предусматривающий все случаи и все положения гражданского права? Для объяснения необходимо будет перенестись в те отдаленные времена.

Людовик Святой, видя злоупотребления судебной практики своего времени, старался внушить своим народам отвращение к ней. Он издал ряд уставов для судов в своих владениях и для судов своих баронов. Достигнутый им успех был так велик, что Бомануар,

писавший вскоре после смерти этого государя, говорит нам, что порядок суда, установленный Людовиком Святым, применялся в очень многих сеньориальных судах.

Таким образом, этот государь достиг своей цели, хотя его уставы для сеньориальных судов были составлены не с тем, чтобы создать один общий закон для всего королевства, но с тем, чтобы дать образец, которому всякий мог бы следовать и даже был бы в этом заинтересован. Он устранил зло, показав нечто лучшее. Когда в его судах и судах сеньоров увидели новый способ судопроизводства, более естественный и разумный, более согласный с началами нравственности и религии, с требованиями общественного спокойствия и личной и имущественной безопасности, его приняли, а прежний бросили.

Убеждать, когда не следует принуждать, руководить, когда не следует повелевать, — вот высшее искусство. Разум обладает естественной властью; эту власть можно даже назвать тиранической. Ему оказывают сопротивление, но это сопротивление — его побед?.; подождите еще немного, и человек вынужден будет вернуться к нему.

Желая ослабить пристрастие к французской юриспруденции, Людовик Святой приказал перевести книги римского права, чтобы познакомить с ними законоведов своего времени. Дефонтен, который был первым нашим практическим юристом-писателем, много пользовался ими. Его сочинения составляют в некотором роде смешение старинной французской юриспруденции, законов, или установлений Людовика Святого и римских законов. Бомануар мало пользовался римскими законами; но он согласовал старинную французскую юриспруденцию с уставами Людовика Святого.

И вот в духе этих двух сочинений, и в особенности книги Дефонтена, какой-то балли, как я думаю, написал книгу по юриспруденции, которую мы называем Установлениями. В заглавии этой книги говорится, что она составлена согласно обычаям Парижа, Орлеана и баронского суда; а в предисловии — что в ней идет речь об обычаях всего королевства, а также Анжу и баронского суда. По-видимому, книга эта была составлена для Парижа, Орлеана и Анжу, подобно тому как сочинения Бомануара и Дефонтена предназначались для Клермона и Вермандуа. А так как из книги Бомануара можно заключить, что многие законы Людовика Святого проникли в баронские суды, то составитель имел основание утверждать, что его книга относится также, и к баронским судам.

Ясно, что автор этой книги составил компиляцию из обычаев страны и законов и установлений Людовика Святого. Это очень ценное произведение, потому что оно содержит старинные обычаи Анжу и Установления Людовика Святого в том виде, как они применялись тогда на практике, а также удержавшиеся еще в судебной практике остатки старинного французского судопроизводства.

Разница между этим произведением и произведениями Дефонтена и Бомануара состоит в том, что в нем изложение ведется в повелительном тоне, как бы от лица законодателя; это и понятно, так как оно было смесью писанных обычаев и законов.

Компиляция эта имела тот внутренний порок, что представляла собой пестрый кодекс, в котором французское законодательство было перемешано с римскими законами; рядом стояли вещи, не имевшие между собой ничего общего и часто противоречивые.

Я знаю, что французские суды феодалов, или пэров, приговоры без права апелляции к другому суду, вынесение приговора по формуле: *я осуждаю* или *я оправдываю* — все это было сходно с формами народного суда в Риме; но это старинное судопроизводство было мало употребительно, его заменило позднейшее, введенное императорами. Это последнее употребляется повсюду в рассматриваемой компиляции для упорядочения, ограничения, исправления и распространения французского судопроизводства.

ГЛАВА XXXIX Продолжение той же темы

Судебные формы, введенные Людовиком Святым, вышли из употребления. Этот

государь имел в виду не столько сущность предмета, т. е. наилучший способ суда, сколько наилучший способ замены старых порядков суда. Первой целью было заставить отказаться от старого судопроизводства; второй — создать новое. Но как только обнаружилось неудобства этого нового судопроизводства, оно было заменено другим.

Таким образом, законы Людовика Святого не столько изменили французское законодательство, сколько дали возможность изменить его. Они открыли новые суды или, скорее, пути к ним, и когда стало легко достигнуть суда, пользующегося всеобщим авторитетом, решения, отвечавшие раньше лишь обычаям той или другой сеньории, теперь образовали новую юстицию, носившую всеобщий характер. С помощью Установлений удалось достигнуть общих решений, которых раньше в королевстве совсем не было; и после того как здание было выстроено, убрали леса.

Таким образом, законы Людовика Святого привели к результатам, которых нельзя было ждать от образцового законодательства. Иногда необходим целый ряд веков, чтобы подготовить какое-либо изменение; но события достигают зрелости — и совершается переворот.

Парламент стал последней инстанцией почти по всем делам в королевстве. Раньше его разбирательству подлежали лишь дела между герцогами, графами, баронами, епископами, аббатами или между королем и его вассалами в силу близости этих дел скорее к политическому, чем к гражданскому порядку. Впоследствии оказалось необходимым проводить заседания парламента в одном месте и держать его постоянно в сборе. Наконец, учреждены были многие парламенты, чтобы они были в состоянии решать все дела.

Как только парламент сделался постоянным учреждением, начали компилировать его решения. Жан де Монлюк в царствование Филиппа Красивого составил из них сборник, который в настоящее время носит название *старинных протоколов* *(les registres Olim).

ГЛАВА XL

Каким образом было введено судопроизводство декреталий

Как могло случиться, что при отмене действующих форм судопроизводства новые формы были заимствованы преимущественно из канонического, а не из римского права? Произошло это потому, что церковные суды, следовавшие формам канонического права, были у всех на виду, тогда как не было известно ни одного суда, который следовал бы формам римского — права. К тому же пределы духовной и светской юрисдикции были в те времена очень неопределенны. Были лица, обращавшиеся по своим делам безразлично и в те, и в другие суды, и были вопросы, которые безразлично рассматривались в тех и других. По-видимому, светская юрисдикция сохранила за собой исключительно лишь суд по делам, связанным с феодами, и по преступлениям, совершенным мирянами, в случаях, не касающихся вопросов веры; ибо мы видим, что дела, касающиеся договоров и условий, хотя и подлежали ведению светских судов, тем не менее по соглашению сторон могли рассматриваться церковными судами, которые, не имея законного права заставить светский суд приводить в исполнение свои решения, добивались повиновения этим решениям угрозой церковного отлучения. При таких условиях светские суды, задумав изменить существующий порядок судопроизводства, приняли тот порядок, который существовал в церковных судах, потому что он был известен. Они не приняли судопроизводства по римскому праву, потому что совсем его не знали; ибо в практических вопросах мы знаем только то, что применяется нами на практике.

ГЛАВА XLI

Приливы и отливы духовной и светской юрисдикции

Так как гражданская власть находилась в руках бесчисленного множества сеньоров, церковной юрисдикции ничего не стоило расширять с каждым днем свои пределы; но, подрывая значение сеньориального суда, церковный суд тем самым способствовал расширению королевской юрисдикции, которая мало-помалу ограничила деятельность церковного суда и поставила ее в более тесные границы. Парламент, принявший в свое судопроизводство все, что нашел хорошего и полезного в церковных судах, скоро увидел и все их злоупотребления; но так как королевская юрисдикция усиливалась с каждым днем, то параллельно с этим возрастала для нее и возможность исправления злоупотреблений, которые были действительно нестерпимы. Не перечисляя их здесь, сошлюсь на Бомануара,

Бутилье и указы наших королей, а сам отмечу только те из них, которые имели наиболее прямое отношение к общественному благосостоянию. Мы узнаем об этих злоупотреблениях из приговоров, которыми они были отменены. Их породило темное невежество; но появился проблеск света — и они исчезли. Из молчания духовенства следует заключить, что оно само пошло навстречу реформе, и это, принимая во внимание природу человека, заслуживает похвалы. Всякий человек, не уделивший перед смертью части своего имущества церкви, что называлось *умереть без покаяния*, лишался святого причастия и погребения. Если кто-либо умирал без завещания, родственники умершего должны были обратиться к епископу с просьбой о назначении третейского суда для определения совместно с ними той части имущества, которую умерший должен был бы дать церкви, если бы оставил завещание. Новобрачные не могли провести вместе первой ночи и даже двух следующих, не купив на то разрешения. Выбор падал именно на эти три ночи, потому что от последующих нельзя было ожидать большого дохода. Парламент исправил все это. В глоссарии французского права Ранье мы находим парламентский приговор против епископа Амьен-ского, вынесенный по этому поводу.

Я возвращаюсь к началу этой главы. Когда в том или другом столетии, в том или другом правительстве мы видим, как одни сословия стремятся к увеличению своей власти за счет других, мы легко можем впасть в ошибку, приняв их действия за несомненное доказательство их порочности. Таково уж несчастное положение человека, что великие люди редко отличаются умеренностью; а так как всегда легче подчиняться своей силе, чем ее обуздывать, то, быть может, именно поэтому среди людей выдающихся бывает легче найти людей очень добродетельных, чем очень благоразумных.

Человек находит величайшее наслаждение в господстве над другими людьми. Даже те, кто любит добро, так сильно любят самих себя, что нет человека столь несчастного, чтобы он не доверял своим добрым намерениям; и сказать правду, действия наши находятся в зависимости от такого множества различных обстоятельств, что в тысячу раз легче делать добро, чем делать это добро хорошо.

ГЛАВА XLII

Возрождение римского права и последствия этого возрождения. Изменения в судах

После того как около 1137 года были найдены Дигесты Юстиниана, римское право как бы воскресло к новой жизни..

В Италии возникли новые школы, в которых его преподавали; тогда имели уже Кодекс Юстиниана и Новеллы. Я уже говорил, что это право сделалось настолько популярным, что затмило закон лангобардов.

Благодаря итальянским ученым право Юстиниана проникло и во Францию, где раньше знали только кодекс Феодосия, так как законы Юстиниана были составлены уже после водворения варваров в Галлии. Это право встретило некоторое противодействие; тем не

менее оно удержалось вопреки отлучениям пап, покровительствовавших своим канонам. Людовик Святой старался распространить уважение к нему с помощью сделанных по его распоряжению переводов книг Юстиниана, которые в рукописях хранятся еще в наших библиотеках; из них, как я уже сказал, было сделано много заимствований при составлении Установлений. Филипп Красивый ввел преподавание законов Юстиниана, но только в качестве «писаного разума», в областях, управляемых обычаями; в тех же областях, в которых действовало римское право, они были приняты как закон.

Я уже сказал выше, что судопроизводство посредством судебного поединка не требовало от судей больших знаний. Дела решались согласно местному обычаю и немногим простым обычаям, переходившим по преданию. Во время Бомануара суд производился двумя различными способами: в одних местах судили пэры, в других — бальи. В первом случае пэры судили по обычаю своего судебного округа; во втором — на этот обычай указывали бальи, сведущие лица или старики. Все это не требовало никакого письмоводства, никаких способностей и никакого изучения. Но когда появился запутанный кодекс Установлений и другие произведения юриспруденции, когда было переведено римское право и началось преподавание его в школах, когда положено было начало искусству делопроизводства и законоведения, когда появились стряпчие и юристы, — тогда пэры и старшины не были уже более в состоянии чинить суд. Пэры стали уклоняться от исполнения обязанностей судей, да и сеньоры неохотно созывали их; к тому же судебные разбирательства превратились из блистательных действий, приятных дворянству, занимательных для военных людей, в судебную процедуру, которой они не знали да и знать не хотели. Суды пэров стали выходить из употребления, а суды бальи — распространяться. Стачала бальи не судили сами; они производили дознание и произносили приговор, вынесенный старшинами; но так как старшины не в состоянии были теперь судить, стали судить сами бальи.

Это изменение облегчалось тем, что у всех на глазах имелась практика церковных судей: каноническое право и новое гражданское право одинаково содействовали устранению пэров.

Таким образом, был утрачен обычай, при котором судья никогда не судил один. Обычай этот неизменно соблюдался до тех пор в монархии, как на то указывают салические законы, капитулярии и первые авторы, писавшие о судебной практике в эпоху королей третьей династии. Злоупотребление в противоположном смысле, встречавшееся только в местных судах, было ограничено и в некотором роде исправлено учреждением во многих местах должности помощника судьи, с которым судья совещался и который заменил прежних старшин. Судье также вменялось в обязанность в случаях, которые могли повлечь за собой применение телесного наказания, пригласить двух ученых экспертов; наконец, злоупотребление это потеряло всякую силу благодаря чрезвычайным облегчениям в подаче апелляции.

ГЛАВА XLIII

Продолжение той же темы

Итак, вовсе не закон воспретил сеньору иметь свой суд и не закон отменил деятельность пэров в этих судах; не было такого закона, который предписал бы учреждение бальи и предоставил им право суда. Все это совершилось мало-помалу силой обстоятельств. Знание римского права, судебных решений, собраний вновь записанных обычаев — все это требовало изучения, на которое неграмотные дворяне и народ были неспособны.

Единственный указ, который мы имеем по этому предмету, обязывает сеньоров избирать своих бальи из мирян. Совершенно ошибочно смотрели на этот указ как на закон, создавший должность бальи, тогда как он не говорит больше того, что в нем сказано. К тому же он определяет точный смысл своего предписания приведением мотивов. «Для того, —

говорится в этом указе, — чтобы бальи можно было подвергать наказанию за нарушение ими своих обязанностей, необходимо брать их из мирян». Привилегии духовенства в те времена хорошо известны.

Не следует думать, чтобы права, которыми сеньоры некогда пользовались и которыми они в настоящее время уже не пользуются, были у них отняты, как приобретенные захватом. Многие из этих прав они утратили по нерадению, а другие были ими оставлены потому, что различные перемены, происшедшие в течение многих веков, сделали существование этих прав невозможным.

ГЛАВА XLIV

О доказательстве посредством свидетелей

Судьи, не имевшие иных правил, кроме обычаев, обыкновенно по всякому возникавшему на суде вопросу справлялись о них через свидетелей.

Когда судебный поединок начал выходить из употребления, стали прибегать к письменным расследованиям. Но словесное доказательство, записанное на бумаге, всегда остается только словесным доказательством, и порядок этот вел только к увеличению расходов по производству дела. Тогда изданы были уставы, которые сделали большую часть расследований бесполезной. Введены были официальные книги записей, которыми доказывалась большая часть требуемых фактов, как, например, дворянское происхождение лица, его возраст, законное рождение, брак. Запись — свидетель, которого трудно подкупить. Были также изложены письме обычаи. Все это было очень разумно. Легче справиться в метрической записи о родившихся, действительно ли Петр сын Павла, чем искать тому доказательства путем долгих расспросов. Если в какой-либо стране имеется очень много обычаев, легче записать их все и составить из них один свод, чем обязывать частное лицо доказывать существование каждого отдельного обычая. Наконец, был издан знаменитый указ, воспрещавший принимать доказательства через свидетелей по взысканию долгов свыше 100 ливров, если не было хоть начала доказательства на письме.

ГЛАВА XLV

Обычное право Франции

Франция управлялась, как я уже сказал, неписаными обычаями, а частные обычаи всякого сеньориального владения составляли его гражданское право. Всякое сеньориальное владение имело свое особое гражданское право, говорит Бомануар, настолько особое, что этот автор, на которого следует смотреть как на крупное светило того времени, предполагает, что во всем королевстве не было двух сеньориальных владений, которые управлялись бы вполне тождественными законами.

Это чрезвычайное разнообразие имело две причины. Относительно одной я напомним только то, что было много сказано по этому поводу в главе о местных обычаях; что касается второй, то она заключается в различных обстоятельствах судебного поединка: беспрестанно возникающие непредвиденные случаи должны были, естественно, вводить в употребление и новые обычаи.

Эти обычаи хранились в памяти стариков; но затем мало-помалу образовались законы, или писанные обычаи.

1. В начале правления третьей династии короли давали частные и даже общие хартии порядком, который был объяснен мною выше. Сюда принадлежат установления Филиппа-Августа и те, которые были даны Людовиком Святым. Таким же образом крупные сеньоры по соглашению со своими вассалами, соображаясь с обстоятельствами, давали на

судебных заседаниях в своих герцогствах и графствах известные хартии, или установления. Таковы были, например, постановления Жоффруа, графа Бретани, по вопросу о разделе дворянских имений; обычаи Нормандии, дарованные герцогом Раулем; обычаи Шампани, дарованные королем Тибо; законы Симона де Монфора и другие. Это дало начало некоторым писаным законам, которые были даже более общими, чем имевшиеся раньше.

2. В начале правления королей третьей династии почти весь простой народ состоял в крепостной зависимости. Короли и сеньоры по многим причинам вынуждены были освободить его.

Сеньоры, освобождая своих крепостных, дали им собственность; надо было дать им также гражданские законы, которые определяли бы правила владения этой собственностью. Освободив своих крепостных, сеньоры лишили себя их имущества; надо было определить те повинности, которые они выговорили в свою пользу как возмещение за уступленное ими имущество. Те и другие отношения были упорядочены освободительными хартиями. Эти хартии составили часть наших обычаев и получили письменную редакцию.

В царствование Людовика Святого и последующих государей законоведы-практики, как Дефонтен, Бомануар и другие, изложили на письме обычаи своих судебных округов. Целью их было скорее изложить порядок судопроизводства, чем записать обычаи того времени относительно распоряжения имуществом. Но мы находим у них все, и хотя авторитет этих неофициальных авторов был основан единственно на верности и общеизвестности всего, о чем они говорили, они, несомненно, много способствовали возрождению нашего французского права. Таково было в те времена наше писаное обычное право.

Вот событие, составившее эпоху: Карл VII и его преемники предписали составить записи различных местных обычаев во всем королевстве, причем требовалось соблюдение известных формальностей. Так как их записи составлялись по провинциям, и из каждого сеньориального владения доставлялись в генеральное собрание провинции писанные и неписанные обычаи всех ее населенных пунктов, то была предпринята попытка обобщить эти обычаи, насколько это было возможно без нарушения частных интересов, которые были оговорены. Таким образом, наше обычное право получило три отличительных признака: оно было записано, обобщено и получило санкцию королевской власти.

Многие из этих обычаев впоследствии были подвергнуты новой редакции, причем в них было внесено много изменений: исключено все то, что оказалось несовместимым с действующей юриспруденцией, и прибавлено много такого, что было заимствовано из этой юриспруденции.

Хотя у нас принято думать, что обычное право как бы составляет противоположность римскому праву, так что эти два права делят на две части нашу территорию, тем не менее справедливо, что многие положения римского права вошли в наши обычаи, в особенности при новой их редакции, во времена, не очень отдаленные от наших, когда это право было предметом изучения для всех тех, кто готовился к занятию гражданских должностей; когда еще не кичились неведением того, что нужно знать, и знанием того, чего знать не следует; когда проникательность ума служила более для изучения профессии, чем для ее исполнения; и когда постоянная погоня за развлечениями не была отличительным признаком даже женщин.

Мне следовало бы еще более углубиться в рассматриваемый предмет и, войдя во все его подробности, проследить те едва заметные изменения, которые со времени введения апелляции образовали обширное целое нашей французской юриспруденции. Но в таком случае мне пришлось бы в одно большое сочинение включить другое такое же; я же поступаю подобно тому археологу, который, оставив свою страну, приехал в Египет, бросил взгляд на пирамиды — и вернулся домой.

О способе составления законов

ГЛАВА I О духе законодателя

Я уже сказал, что дух умеренности должен быть духом законодателя, и, мне кажется, все это сочинение — написано мною лишь с целью доказать эту мысль. Политическое благо, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами, и вот пример тому.

Для свободы необходимы судебные формальности; но число их может быть так велико, что они станут препятствовать целям тех самых законов, которые их установили. Дела будут тянуться без конца; собственность станет неустойчивой; собственность одной стороны станут отдавать другой без расследования или разорять и ту, и другую бесконечными расследованиями.

При этом граждане потеряют свободу и безопасность, обвинитель не будет иметь возможности доказать обвинение, а обвиняемый — оправдаться.

ГЛАВА II Продолжение той же темы

Цецилий у Авла Геллия, рассуждая о законах двенадцати таблиц, которые позволяли кредитору рассекать на куски несостоятельного должника, находил этому закону оправдание в самой его жестокости, удерживавшей от займов не по средствам. Если так, то самые жестокие законы должны считаться наилучшими; добро будет состоять в крайности, и все отношения между вещами должны быть ниспровергнуты.

ГЛАВА III О том, что законы, казалось бы отступающие от намерений законодателя, в действительности часто с ними совпадают

Закон Солона, объявлявший бесчестным всякого, кто во время народной смуты не пристанет ни к одной из партий, казался очень странным; но необходимо обратить внимание на условия, в которых находилась в то время Греция. Она делилась на очень мелкие государства, и можно было опасаться, что в республике, терзаемой гражданской усобицей, наиболее благоразумные люди останутся в стороне и дело дойдет до крайностей.

Во время смут, которые происходили в этих мелких государствах, большинство граждан принимало участие в распрях или производило их. В наших крупных монархиях партии состояются из небольшого количества людей, а народ предпочитает бездействие. В этом последнем случае будет совершенно естественно уговаривать мятежников, чтобы они пристали к большинству граждан, а не предлагать большинству, чтобы оно пристало к мятежникам; тогда как в первом случае следует стараться, чтобы небольшое число людей благоразумных и спокойных соединилось с мятежниками. Так брожение одной жидкости может быть остановлено одной каплей другой жидкости.

ГЛАВА IV О законах, противоречащих намерениям законодателя

Есть законы, действие которых законодатель так плохо предусмотрел, что. они

оказались противными поставленной им перед собой цели. Французский закон, постановивший, что если умрет один из двух соискателей на бенефиций, то он достанется тому, кто остался в живых, конечно, имел в виду прекращение тяжб; но результат получился совершенно противоположный: мы видим, как духовенство вступает между собою в драку и грызню не на жизнь, а на смерть не хуже английских догов.

ГЛАВА V

Продолжение той же темы

Закон, о котором я хочу говорить здесь, заключается в следующей клятве, сохраненной Эсхилом. «Клянусь никогда не разрушать города, принадлежащего к союзу амфикиононов, и не отводить от него проточную воду. Если какой-либо народ осмелится сделать что-нибудь подобное, я объявлю ему войну и разрушу его города». Последний пункт этого закона, невидимому подтверждающий его, в действительности ему противоречит. Амфикион хочет, чтобы никогда не разрушали греческих городов, а между тем его закон отворяет дверь к разрушению этих городов. Чтобы установить между греками истинные понятия о международном праве, следовало приучить их к мысли, что уничтожение греческого города есть нечто ужасное, и что нельзя разрушать даже города разрушителей. Амфикионов закон был справедлив, но не разумен. Это доказывается самими фактами злоупотребления этим законом. Разве Филипп не добился полномочия на уничтожение городов под предлогом, что они нарушили законы греков? Амфикион мог назначить другие наказания: определить, например, чтобы известное число городских начальников или предводителей войска того города, который посягнул на целость другого, было наказано смертью; чтобы народ, виновный в разрушении города, был лишен на известное время преимуществ, которыми пользовались греки; чтобы он платил штраф, пока разрушенный им город не будет восстановлен. Но прежде всего закон должен был бы обратить внимание на вознаграждение за убытки.

ГЛАВА VI

О том, что законы, кажущиеся одинаковыми, не всегда имеют одинаковое действие

Цезарь воспретил римлянам хранить у себя в доме более 60 сестерций. В Риме закон этот считался вполне целесообразным для примирения кредиторов с должниками, потому что, побуждая богатых давать в долг бедным, он доставлял бедным возможность удовлетворять богатых. Тот же закон, изданный во Франции во время системы Ло, имел очень пагубные последствия, потому что был издан при самых ужасных обстоятельствах. После того как частные лица были лишены всех средств к помещению денег, этот закон лишал их возможности хранить деньги у себя, что равнялось насильственной их конфискации. Цезарь издал свой закон с целью увеличить обращение денег в народе; французский же министр издал свой, чтобы соединить деньги в одних руках. Первый давал за деньги земли или ипотеки на частных лиц; второй предлагал за деньги бумаги, которые не имели никакой ценности и по своей природе не могли ее иметь на том только основании, что закон обязывал принимать их.

ГЛАВА VII

Продолжение той же темы. Необходимость осмотрительности при составлении законов

Закон об остракизме существовал в Афинах, Аргосе и Сиракузах. В Сиракузах он послужил причиной многих бедствий, потому что был составлен без соблюдения требований благоразумия. Здесь знатнейшие граждане изгоняли друг друга, беря в руку лист фигового дерева, так что все граждане, обладавшие какими-либо достоинствами, оказались отстраненными от дел. В Афинах, где законодатель сознавал границы, которых он должен был – держаться в законе об остракизме, остракизм был прекрасным делом. Ему никогда не подвергали больше одного лица за один раз, причем требовалось столь большое число голосов, что трудно было подвергнуть изгнанию человека, отсутствие которого не было необходимо.

Далее, приговаривать к изгнанию можно было только раз в пять лет; и действительно, так как остракизм применяли лишь к знатнейшим людям, которые подавали своим согражданам повод к опасению, он не мог быть повседневной мерой.

ГЛАВА VIII

О том, что законы, казалось бы одинаковые, не всегда создавались по одинаковым побуждениям

Во Франции была принята большая часть римских законов о субституциях, но самые субституции основаны в этой стране совсем на другом побуждении, чем у римлян. У римлян наследование было соединено с известными жертвоприношениями, которые должен был совершать наследник и которые определялись жреческим правом. Отсюда произошло то, что римляне считали для себя бесчестие умереть без наследника, назначали своими наследниками своих рабов и изобрели субституции. «Вульгарная субституция», изобретенная раньше всех других и применявшаяся лишь в случаях отказа законного наследника от наследства, служит очевидным тому доказательством. Цель ее состояла не в том, чтобы увековечить наследство в роде, носящем общее имя, но в том, чтобы найти человека, который принял бы наследство.

ГЛАВА IX

О том, что греческие и римские законы карали самоубийство по различным побуждениям

«Человек, — говорит Платон, — убивший существо, тесно с ним связанное, т. е. самого себя, не по приказанию власти и не во избежание позора, а по малодушию, будет наказан». Римский закон карал это деяние, если оно имело причиной не душевную слабость, не отвращение к жизни, не бессилие в перенесении страданий, но отчаяние вследствие совершенного преступления. Римский закон оправдывал человека в том случае, когда греческий обвинял, и, наоборот, обвинял его, когда греческий оправдывал.

Образцом для Платона служили установления лакедемонян с их абсолютными распоряжениями властей, с их отношением к позору как к величайшему из несчастий и к малодушию как к величайшему из преступлений. Римский закон отверг все эти прекрасные понятия; он был лишь финансовым законом.

Во времена республики в Риме вовсе не было закона, который наказывал бы самоубийц; поступок этот историки всегда одобряли, и нет примеров, чтобы за него карали.

Во времена первых императоров знатные римские роды беспрестанно истреблялись по судебным приговорам. Тогда вошло в обычай предупреждать приговор добровольной смертью. В этом видели большое преимущество, потому что лишившему себя жизни могли быть воздаваемы погребальные почести и завещание его сохраняло свою силу. Так было

потому, что в Риме не существовало еще гражданского закона против самоубийц. Но когда алчность императоров сравнилась с их жестокостью, они отняли право распоряжения своим имуществом у тех, от которых хотели отделаться, и объявили преступлением лишение себя жизни вследствие угрызений совести по поводу совершения другого преступления.

Подтверждением того, что действительно таковы были побуждения, руководившие императорами, служит их согласие на то, чтобы имущество самоубийц не подвергалось конфискации в случаях, когда преступление, побудившее к самоубийству, не влекло за собою конфискации.

ГЛАВА X

О том, что законы, казалось бы противоречащие друг другу, иногда бывают родственны по духу

В настоящее время, когда вызывают человека в суд, входят в его дом; у римлян это не допускалось.

Вызов в суд считался у них актом насилия, чем-то вроде лишения свободы; и нельзя было войти в дом человека, чтобы вызвать его в суд, подобно тому как в настоящее время нельзя арестовать человека у него в доме иначе, как по приговору за частные долги.

Римские законы наравне с нашими признают тот принцип, что дом всякого гражданина есть его убежище и что в этом убежище недопустимо против него никакое насилие.

ГЛАВА XI

Каким образом можно сравнивать два различных закона

Во Франции за лжесвидетельство полагается смертная казнь; в Англии же этого нет. Чтобы решить, который из этих двух законов лучше, следует добавить следующее; во Франции применяется допрос преступника при помощи пытки, в Англии же пытки нет. И еще надо сказать, что во Франции обвиняемый не представляет своих свидетелей и редко случается, чтобы принимались от него так называемые оправдывающие факты; в Англии же свидетельские показания принимаются от той и от другой стороны. Три французских закона составляют одно последовательное и тесно связанное целое; три английских закона представляют не меньшее единство и связь. Английский закон, не допускающий при допросе пытки обвиняемого, не может возлагать больших надежд на добровольное признание подсудимого, поэтому он созывает со всех сторон свидетелей и не решается запугивать их угрозой смертной казни. Французский закон, располагающий столь сильным дополнительным средством, менее боится запугивать свидетелей; напротив, здравый смысл требует, чтобы он внушал им страх; он выслушивает свидетелей только одной стороны, т. е. тех, которых представляет обвинительная власть, и судьба обвиняемого зависит единственно от их показаний. Но в Англии, где выслушиваются свидетели двух сторон и дело, так сказать, решается спором между ними, ложное показание представляет, быть может, меньшую опасность; обвиняемому дается средство защиты против ложного показания, тогда, как французский закон ему такого средства не дает. Итак, чтобы решить, которые из этих законов лучше отвечают требованиям разума, не следует сравнивать их друг с другом по отдельности, необходимо сопоставлять их между собой во всей их совокупности.

ГЛАВА XII

О том, что законы, кажущиеся одинаковыми, иногда бывают в действительности различны

Греческие и римские законы подвергали укрывателя краденых вещей одинаковому наказанию с вором. Французский закон делает то же самое. Первые были благоразумны, последний же нет. У римлян и греков вор приговаривался к денежному штрафу, а потому и укрыватель должен был нести то же наказание; ибо всякий, кто каким бы то ни было образом способствует причинению убытка, должен его возместить. Но у нас воровство наказывается смертью и потому нельзя, не впадая в крайность, карать укрывателя наравне с вором. Кто покупает краденое, очень часто может делать это совершенно неумышленно; кто крадет, тот всегда виновен. Один препятствует обнаружению уже совершенного преступления, другой совершает его; первый совершенно пассивен, второй — активен. Вору приходится преодолевать большие препятствия и оказывать более продолжительное и ожесточенное противодействие закону.

Юристы в своих суждениях шли еще дальше: они смотрели на укрывателей как на преступников более гнусных, чем воры. «Без укрывателей, — говорили они, — нельзя было бы долго скрывать покражи». Повторяю, этот взгляд мог быть верен, пока за воровство полагался денежный штраф; когда дело шло об убытках, укрыватель обыкновенно скорее мог возместить их. Но после того как денежный штраф был заменен смертной казнью, следовало бы руководствоваться в этом деле, другими принципами.

ГЛАВА XIII

О том, что никогда не следует рассматривать законы независимо от цели, ради которой они были созданы. Римские законы о краже

Когда у римлян вор попадался с поличным, прежде чем успевал спрятать украденное, то кража называлась явною; если же вора обнаруживали лишь впоследствии, то кража называлась неявною.

Законы двенадцати таблиц предписывали наказывать явного вора розгами и обращать в рабство, если он был совершеннолетним, или только наказывать розгами, если он был несовершеннолетним. Неявного вора тот же закон приговаривал лишь к уплате двойной стоимости украденной вещи.

После того как закон Порция отменил наказание граждан розгами и обращение их в рабство, явного вора приговаривали к уплате штрафа, вчетверо превышающего стоимость украденного, тогда как неявный вор продолжал платить штраф, превышающий эту стоимость вдвое.

Кажется странным, что законы эти устанавливали такую разницу в оценке этих двух преступлений и в размере определенных за них наказаний. Действительно, был ли вор пойман прежде или после того, как относил украденное в предназначенное место, обстоятельство это несколько не изменяло сущности преступления. Для меня не подлежит сомнению, что вся теория римских законов о краже была заимствована из лакедемонских установлений. Ликург, желая развить в своих согражданах ловкость, хитрость и предприимчивость, требовал, чтобы детей заставляли упражняться в воровстве и жестоко секли тех из них, которые дадут себя поймать. Это и было причиной, почему у греков, а вслед за ними и у римлян установилось столь большое различие между явной и неявной кражей.

У римлян раба за воровство сбрасывали с Тарпейской скалы. В этом случае не было речи о лакедемонских установлениях, так как законы Ликурга о воровстве предназначались не для рабов, но в этом пункте отступление от них было равносильно точному их исполнению.

В Риме, если несовершеннолетний попадался в воровстве, претор приказывал наказывать его розгами по своему усмотрению, как это делалось у лакедемонян. Все это велось издавна. Лакедемоняне заимствовали эти обычаи у критян. Платон, желая доказать, что учреждения

критян были созданы для войны, ссылается на «способность этого народа переносить боль в бою и в случаях кражи, требующих скрытности».

Так как гражданские законы находятся в зависимости от государственного строя, ибо они предназначаются для общества, то было бы полезно, прежде чем ввести закон одного народа — у другого, предварительно рассмотреть, имеют ли оба народа одинаковые установления и одинаковое государственное право.

Таким образом, когда законы о воровстве перешли от критян к лакедемонянам, то так как одновременно лакедемоняне усвоили образ правления и государственное устройство критян, законы эти оказались одинаково разумными у обоих народов. Но когда из Лакедемона эти же законы были перенесены в Рим, где нашли иное государственное устройство, они остались в нем навсегда чужими, не связанными с другими гражданскими законами римлян.

ГЛАВА XIV

О том, что не следует рассматривать законы независимо от обстоятельств, при которых они были созданы

В Афинах существовал закон, требовавший, чтобы в случае осады города предавали смерти всех жителей, которые были бесполезны для его защиты. Это был отвратительный политический закон, являвшийся следствием отвратительного международного права. У греков население покоренного города теряло гражданскую свободу и продавалось в рабство; взятие города влекло за собой совершенное его разрушение. Все это порождало не только отчаянное сопротивление и бесчеловечные действия, но иногда и ужасные законы.

Согласно постановлениям римских законов врачей наказывали за нерадение и неспособность. В этом случае закон осуждал на ссылку врача, занимающего более или менее значительное положение, и на смертную казнь — врача низшего разряда. Наши законы относятся к делу иначе. Римские законы возникли при иных условиях, чем паши, В Риме лечением занимался всякий, кто хотел. У нас же врачи обязаны проходить курс учения и приобретать известные степени. Поэтому предполагается, что они сведущи в своем искусстве.

ГЛАВА XV

О том, что иногда бывает полезно, чтобы закон сам себя исправлял

Законы двенадцати таблиц разрешали убить ночного вора, а также и дневного, если этот последний защищался во время преследования, но требовал, чтобы человек, убивающий вора, при этом кричал и звал граждан. И действительно, необходимо, чтобы закон, допускающий самосуд, всегда ставил такое требование. Это крик невинности, которая в момент действия призывает свидетелей и судей. Надо, чтобы народ был осведомлен об этом действии, осведомлен в ту самую минуту, когда оно происходит, когда все говорит о нем: вид человека, выражение лица, проявление страстей, молчание, когда каждое слово осуждает или оправдывает. Закон, который может стать в столь резкое противоречие с требованиями безопасности и свободы граждан, должен приводиться в исполнение в их присутствии.

ГЛАВА XVI

Что именно следует иметь в виду при составлении законов

Люди, настолько одаренные, что имеют возможность составлять законы для своего или

чужого народа, должны соблюдать известные правила при составлении этих законов. Слог их должен быть сжатым. Законы двенадцати таблиц служат образцом точности: дети заучивали их на память. Новеллы же Юстиниана столь многословны, что пришлось их сократить.

Слог законов должен быть простым. Прямые выражения всегда доступнее пониманию, чем изысканные. Поэтому законы Восточной римской империи лишены величия; государи говорят в них, как риторы. На законы, отличающиеся напыщенным слогом, обыкновенно смотрят как на плод тщеславия.

Существенное условие — чтобы слова закона вызывали у всех людей одни и те же понятия. Кардинал де Ришелье соглашался, что можно обвинять министра перед королем; но он требовал, чтобы обвинитель подвергался наказанию, если обвинение, им доказанное, не было важным. Это должно было помешать всякому обвинять самого Ришелье в чем бы то ни было, потому что понятие важного совершенно относительное, и то, что важно для одного, неважно для другого.

Закон Гонория наказывал смертью того, кто покупал вольноотпущенника, как раба, или же причинял ему беспокойство. Не следовало употреблять столь неопределенное выражение. Понятие причиняемого человеку беспокойства всецело зависит от степени его впечатлительности.

Если закон устанавливает какое-либо наказание, следует по возможности избегать выражения его в денежной форме. Множество обстоятельств влияет на колебания ценности монеты, и, сохраняя свое наименование, она перестает быть тем, чем была прежде. Всем знаком рассказ о наглом римлянине, который давал пощечины всем встречным и предлагал получить 12 солидов согласно определению законов двенадцати таблиц.

Если в законе были точно определены известные понятия, не следует более возвращаться к неясным выражениям. В уголовном законе Людовика XIV после точного перечисления всех случаев, подлежащих ведению королевского суда, прибавлено: «и те, которые во все времена разбирались королевскими судьями», — определение, заставляющее вернуться к тому самому произволу, от которого только что избавились.

Карл VII говорит, что дошло до его сведения, что стороны вопреки обычному праву в тех областях королевства, в которых это право действует, подают апелляцию через три, четыре и шесть месяцев после состоявшегося решения; он предписывает апеллировать без всякого промедления, если только не было подлога или обмана со стороны прокурора или важного и очевидного повода к оказанию содействия жалобщику. Конец этого закона уничтожил его начало и сделал это так основательно, что впоследствии подавали апелляцию по прошествии 30 лет.

Закон лангобардов не допускает, чтобы женщина, надевшая монашеское платье, хотя бы и не принявшая еще пострижения, могла выйти замуж; «ибо, — говорит он, — если мужчина, обменявшись только кольцом с женщиной, не может, не совершив преступления, вступить в брак с другой женщиной, то тем менее — женщина, посвятившая себя богу или пресвятой деве...» Я говорю, что в законах следует заключать от реального к реальному, а не от реального к иносказательному и не от иносказательного к реальному.

Закон Константина постановляет считать достаточным показание одного епископа и не опрашивать прочих свидетелей. Этот государь избрал очень короткий путь: он судил о делах по людям и о людях — по их званию.

Законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначаются для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства.

Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то всего лучше обходиться без них. Такие подробности влекут за собою новые подробности.

Не следует делать изменений в законе без достаточного к тому основания. Юстиниан постановил, что жена может развестись с мужем, не теряя при этом своего приданого, если муж в продолжение двух лет не мог исполнять своих супружеских обязанностей. Затем он

изменил свой закон, предоставив несчастному трехлетний срок. Но в подобном случае два года стоят трех, а три года стоят не больше двух.

Когда приводится мотивировка закона, нужно, чтобы мотивировка эта была достойна закона. Один из римских законов постановляет, что слепой не может вести дела на суде, потому что не видит знаков судебной власти. Можно подумать, что нарочно приведен столь плохой резон, когда есть так много других, основательных.

Юрист Павел говорит, что дитя родится на седьмом месяце вполне сформировавшимся и что пифагоровы числа, по-видимому, доказывают это. Странно, что о таких вещах судят на основании пифагоровых чисел!

Некоторые французские юристы утверждали, что во всякой вновь завоеванной стране король становится собственником церковных регалий на том основании, что королевская корона имеет круглую форму. Я не стану спорить здесь о правах короля и о том, должны ли в данном случае требования гражданского и церковного закона уступить требованиям политического закона; я скажу только, что в защиту столь почтенных прав следует приводить более серьезные основания. Где это видано, чтоб на форме знака королевского достоинства основывали реальные права этого достоинства?

Давила говорит, что руанский парламент объявил Карла IX совершеннолетним, как только ему пошел четырнадцатый год, потому что закон требует, чтобы время считалось с точностью до минуты, когда дело идет о возвращении имущества малолетнего или об управлении этим имуществом, но что начатый год считается за полный, когда дело касается приобретения почета. Я вовсе не думаю порицать постановление, которое, невидимому, не представляло до сих пор неудобств; скажу только, что основание, приведенное канцлером де Лопиталем, неверно: управление народами далеко нельзя назвать одной почестью.

Что касается презумпций, то презумпция закона лучше презумпции человека. Французский закон считает подложными все документы, подписанные купцом за десять дней, предшествующих банкротству; такова презумпция закона. Римский закон налагал наказание на мужа, который оставлял у себя жену после совершенного ею прелюбодеяния, если только он не руководствовался опасением за исход процесса или пренебрежением к собственному позору; такова презумпция относительно человека. Надо было, чтобы судья сделал презумпцию относительно мотивов, руководивших действиями мужа, и чтобы он пришел к определенному решению на основании неясных умозаключений. Когда презумпцию делает судья, то приговор становится произвольным; когда же презумпцию делает закон, он дает судье постоянное правило.

Закон Платона, как я уже говорил, требовал наказания человека, лишившего себя жизни не с целью избежать позора, но по малодушию. Это был дурной закон в том смысле, что он требовал от судьи заключения о мотивах в том единственном случае, когда их нельзя было узнать через признание виновного.

Подобно тому, как бесполезные законы ослабляют действие необходимых законов, законы, от исполнения которых можно уклониться, ослабляют действие законодательства.

Закон должен оказывать свое действие, и не следует допускать изменения его под каким-либо особым условием.

У римлян закон Фальцидия предписывал, чтобы наследник всегда получал четвертую часть наследства; другой закон предоставил завещателю право воспретить наследнику удержание этой четвертой части. Это значило издеваться над законом, потому что закон Фальцидия становился таким образом бесполезным: если завещатель был за своего наследника, последний не нуждался в законе Фальцидия; если же он был против своего наследника, то лишал его возможности пользоваться этим законом.

Следует остерегаться давать законам такую форму, которая противна природе вещей. В проскрипции принца Оранского Филипп II обещает тому, кто умертвит его, или наследникам убийцы двадцать пять тысяч экю и дворянство — обещает словом короля и служителя божия. Дворянство за такое дело! И такое дело, предписываемое от имени служителя божия! Все это одинаково ниспровергает понятие чести, нравственности и религии.

Редко встречается надобность запрещать действия, в которых нет ничего дурного, только ради представления чего-то более совершенного.

Законам должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью. В вестготском законе находится забавное постановление, обязывавшее евреев есть всякую пищу, приготовленную со свининой, хотя и разрешавшее им не есть самого свиного мяса. Это было большой жестокостью: евреев подчиняли закону, который был противен их собственному закону, и оставляли им из этого последнего лишь то, что могло служить их отличительным признаком.

ГЛАВА XVII

Дурной способ издания законов

Римские императоры, подобно нашим государям, выражали свою волю в декретах и эдиктах; но, — чего не делают наши государи, — они позволяли судьям и частным лицам обращаться к ним с письменными вопросами по поводу их тяжб; ответы императоров на эти вопросы носили название рескриптов. Папские декреталии тоже были, собственно говоря, такими рескриптами. Очевидно, что это плохой род законодательства. Те, кто требует издания законов таким образом, — плохие руководители для законодателя; факты у них всегда изложены дурно. «Траян, — говорит Юлий Капитолии, — часто отказывал в этого рода рескриптах, чтобы отдельного решения или особой милости не распространяли на все случаи». Макрин решил уничтожить все эти рескрипты. Он не мог переносить, чтобы ответы Коммода, Каракаллы и других невежественных императоров рассматривались как законы. Юстиниан был иного мнения и наполнил ими свою компиляцию.

Я хотел бы, чтобы те, кто читает римские законы, надлежащим образом отличали этот род гипотез от сенатских определений, народных постановлений, общих конституций императоров и всех законов, основанных на природе вещей, непостоянстве женщин, слабости несовершеннолетних и общественном благе.

ГЛАВА XVIII

Об идеях единообразия

Есть известные понятия единообразия, которые овладевают иногда «великими умами (ибо они влияли на Карла Великого), но неизменно поражают мелкие умы. Последние находят в них некоторого рода совершенство, которое они постигают, так как невозможно его не видеть: одинаковый вес в полиции, одинаковая мера в торговле, одинаковые законы в государстве, одинаковая религия во всех его частях. Но всегда ли это, без исключения, бывает уместно? Зло от перемены всегда ли бывает менее зла от терпения существующего порядка? Не состоит ли скорее величие гения в том, чтобы распознать, в каком случае нужно единообразие и в каком — различие? В Китае китайцы управляются по китайским обычаям, а татары — по татарским. При всем том этот народ более, чем какой-либо другой, ценит спокойствие. Если только граждане подчиняются законам, важно ли, чтобы они подчинялись непременно одинаковому закону?

ГЛАВА XIX

О законодателях

Аристотелем руководила то зависть к Платону, то пристрастие к Александру. Платона

возмущала тирания афинского народа. Макиавелли преклонялся перед своим идолом — герцогом де Валентинуа. Томас Мор[142], который говорил более о том, что прочел, чем о том, что думал, хотел, чтобы все государства управлялись с простотой, господствовавшей в греческих городах. Гаррингтон не хотел знать ничего, кроме английской республики, между тем как множество других писателей усматривали беспорядок всюду, где только не находили короны монарха. Законы всегда сталкиваются со страстями и предрассудками законодателя. Иногда они проходят сквозь эти последние, принимая от них лишь некоторую окраску; иногда же задерживаются ими и с ними сливаются.

КНИГА ТРИДЦАТАЯ

Теория феодальных законов франков в их отношении к установлению монархии

ГЛАВА I

О феодальных законах

Я счел бы свое сочинение неполным, если бы умолчал о событии, которое совершилось на свете всего раз и, быть может, никогда уж более не повторится, — если б я ничего не сказал о законах, которые внезапно появились во всей Европе, хотя и не были связаны с законами, известными до тех пор,—о законах, которые причинили бесконечно много добра и зла, которые при передаче поместий сохраняли права их прежних владельцев, которые, предоставив многим лицам различные права на одни и те же вещи и на одних и тех же людей, уменьшили тяжесть прав в их совокупности, которые провели различные ограничения в чрезмерно обширных государствах, которые создали порядок, стремящийся к анархии, и анархию, обнаруживающую склонность к порядку и гармонии.

Все это потребовало бы особого сочинения, но ввиду характера настоящей книги я изложил эти законы скорее такими, как я их увидел, чем такими, как я их истолковал.

Феодальные законы представляют прекрасное зрелище. Перед нами высится древний дуб, еще издали мы видим его листву, подойдя ближе, видим его ствол, но мы не видим его корней, чтобы найти их, нужно углубиться в землю.

ГЛАВА II

Об источниках феодального права

Народы, покорившие Римскую империю, вышли из Германии. Хотя из древних авторов лишь немногие оставили нам описание их нравов, мы имеем двух, значение которых очень велико. Цезарь, который вел войну с германцами, описал их нравы и на этих нравах основал некоторые из своих предприятий. Несколько страниц Цезаря по этому предмету стоят томов.

Тацит написал особое сочинение о нравах германцев. Это сочинение коротко, но оно принадлежит Тациту, который обо всем говорил коротко, потому что все видел.

Эти два писателя находятся в такой гармонии с имеющимися у нас кодексами законов варваров, что, читая Цезаря и Тацита, мы повсюду находим эти кодексы, а читая эти кодексы, повсюду находим Цезаря и Тацита.

Хотя при изучении феодальных законов я и чувствую себя как бы в темном лабиринте с бесчисленными дорогами и поворотами, мне все же кажется, что я держу в руках конец нити и могу двигаться вперед.

ГЛАВА III

О происхождении вассальных отношений

Цезарь говорит, что «германцы не обнаруживали привязанности к земледелию, что большая их часть питалась молоком, сыром и мясом, что никто не имел собственных земель и границ, что государи и начальники каждого племени раздавали отдельным лицам участки земли, как и где хотели, заставляя их на следующий год переходить на новые места». Тацит говорит, что «всякий вождь держал при себе отряд людей, которые были к нему привязаны и за ним следовали». Этот автор дает им на своем языке соответствующее их положению название спутников. Между ними существовало удивительное соревнование в приобретении отличий у своего вождя, и такое же соревнование существовало между вождями в отношении числа и храбрости их спутников. «Быть всегда окруженными толпой избранных молодых людей, — добавляет Тацит, — составляет их достоинство и могущество, украшение во время мира и оплот во время войны. Превосходство перед другими в числе и храбрости спутников дает славу в своем племени и у соседних народов, доставляет подарки и привлекает со всех сторон посольства. Часто известность решает вопрос о войне. Считается постыдным для вождя, если он в бою уступает своим спутникам в мужестве, точно так же считается постыдным для его спутников, если они уступают своему вождю в доблести, вечный позор тому, кто переживет его. Самая священная из всех обязанностей, это — защищать его. Если одно государство пребывает в мире, вожди идут в другие, которые ведут войну: этим они сохраняют себе большое число друзей. Последние получают от них боевого коня и грозный дротик. Не изысканная, но обильная пища служит для них как бы жалованьем. Вождь поддерживает свою щедрость только посредством войны и грабежа. Их гораздо труднее убедить обрабатывать землю и ждать жатвы, чем бросить вызов противнику и получать раны в бою. Они не станут приобретать потом того, что могут добыть кровью».

Итак, у германцев были вассалы, но не было феодалов. Феодалов не было потому, что у государей не было земли, которую они могли бы раздавать, или, скорее, их феодалами были боевые кони, оружие и пиры. У них были вассалы, потому что были верные люди, связанные словом и обязавшиеся вести войну, они несли приблизительно ту же службу, какая впоследствии полагалась за владение феодалом.

ГЛАВА IV Продолжение той же темы

«Когда один из вождей, — говорит Цезарь, — объявлял народному собранию, что он задумал какое-либо военное предприятие, и требовал, чтобы за ним следовали, то те, которые одобряли вождя и предприятие, вставали и предлагали свою помощь. Толпа хвалила их за это. Но если они не исполняли своих обязанностей, они теряли общественное доверие, и на них смотрели, как на отступников и изменников».

То, что говорит здесь Цезарь, вместе с тем, что мы сказали в предыдущей главе, следуя Тациту, составляет зародыш истории первой династии.

Не следует удивляться, что короли для всякого вновь предпринимаемого похода должны были составлять новые армии, привлекать убеждением на свою службу новые дружины и вербовать новых воинов, что для того, чтобы много приобретать, им приходилось много раздавать, что они постоянно приобретали достававшиеся им при дележе земли и добычу и постоянно раздавали эти земли и эту добычу, что их владения постоянно увеличивались и вновь уменьшались, что отец, давая одному из своих детей королевство, присоединял к нему всегда сокровищницу, что королевская сокровищница всегда рассматривалась как необходимая принадлежность монархии и что король не мог без согласия других королей дать из нее что-либо постороннему человеку, даже в приданое за дочерью. Монархия приводилась в движение посредством механизма, который приходилось

постоянно заводить вновь.

ГЛАВА V

О завоеваниях франков

Неверно, будто франки, вступив в Галлию, заняли все ее земли и обратили их в феодалы. Некоторые ученые[143] держались этого мнения потому, что к концу второй династии почти все земли сделались феодалами различных степеней или стали в зависимость от феодалов, но на то были особые причины, о которых я скажу ниже.

Выводимое отсюда заключение, будто и варвары издали общее постановление с целью повсеместного прикрепления населения к земле, так же ложно, как и самая посылка. Предположим, что в те времена, когда феодалы подлежали отмене, все земли королевства были феодалами или состояли в зависимости от феодалов и все жители королевства были вассалами или крепостными вассалов, так как владеющий имуществом обладает и властью, то король, постоянно располагающий всеми феодалами, т. е. единственной в то время собственностью, имел бы такую же неограниченную власть, какую имеет в настоящее время турецкий султан, что противоречит всей истории.

ГЛАВА VI

О готах, бургундах и франках

Галлия была занята германскими народами. Вестготы захватили Нарбоннскую область и почти весь юг, бургунды утвердились на востоке, а франки покорили приблизительно все остальное.

Нет сомнения, что эти варвары сохранили в завоеванных ими странах нравы, склонности и обычаи своей страны, потому что народ не может сразу изменить своего образа мыслей и действий. В Германии эти народы мало занимались обработкой земли. Из Цезаря и Тацита видно, что у них был очень распространен пастушеский образ жизни, поэтому и в их кодексах почти всегда идет речь о стадах. Рорикон, франкский историк, написавший историю своего народа, был пастухом.

ГЛАВА VII

Различные способы раздела земель

После того как готы и бургунды под разными предлогами проникли внутрь империи, римляне, чтобы остановить их грабежи, вынуждены были обеспечить им средства к существованию. Сначала они снабжали их хлебом, но потом предпочли наделить их землей. Императоры или действовавшие от их имени римские власти вступали с этими народами в соглашение касательно раздела территории, как то видно из хроник и кодексов вестготов и бургундов.

Франки действовали иначе. В законах салических и рипуарских франков мы не находим никаких следов такого раздела земель. Они завоевали страну и взяли, что хотели, но они упорядочили взаимоотношения только между собой.

Поэтому следует отличать образ действий бургундов и вестготов в Галлии, тех же вестготов в Испании, вспомогательных войск под начальством Августа и Одоакра в Италии от образа действий франков в Галлии и вандалов в Африке. Первые заключали договоры с прежними жителями и согласно этим договорам делили с ними землю, вторые же ничего подобного не делали.

ГЛАВА VIII

Продолжение той же темы

О том, какой широкий характер носил захват римских земель варварами, можно судить на основании законов вестготов и бургундов об уступке этим двум народам двух третей земли, но эти две трети отводились им только в определенных, предназначенных для них местностях.

В законе бургундов Гундобад говорит, что его народ при своем расселении получил две трети земель, а во втором добавлении к тому же закону сказано, что те, кто впредь будет селиться в стране, не получают более половины земли. Следовательно, не все земли были с самого начала поделены между римлянами и бургундами.

В текстах обоих постановлений мы находим одни и те же выражения, следовательно, постановления эти объясняются одно другим, и так как нельзя понимать второго в смысле общего раздела земель, то и первому нельзя приписывать этого значения.

Франки соблюдали такую же умеренность, как и бургунды: они не отняли у римлян всего, что было завоевано. Да и на что им было столько земли? Они взяли то, что им было нужно, а прочее оставили.

ГЛАВА IX

Надлежащее применение законов бургундов и вестготов о разделе земель

Следует иметь в виду, что разделы эти предпринимались не по произволу тирании, но с намерением прийти на помощь потребностям обоих народов, которые должны были населять одну и ту же страну.

Закон бургундов требует, чтобы всякий бургунд был принят у римлянина в качестве гостя. Это вполне соответствовало нравам германцев, которые, по свидетельству Тацита, более всех других народов любили оказывать гостеприимство.

Закон требует, чтобы бургунд получал две трети земли и одну треть крепостных людей. В этом случае закон следовал духу обоих народов и сообразовался со способом добывания средств к жизни, принятым у каждого из них. Бургунд, занимавшийся скотоводством, нуждался в большом количестве земли с малым числом крепостных людей, тогда как обширные земледельческие работы римлянина требовали меньшего количества земли, но большего числа крепостных. Леса были поделены пополам, так как потребности в этом отношении были одинаковы.

Из бургундского кодекса видно, что у каждого римлянина помещался варвар. Раздел, следовательно, не был всеобщим, но число римлян, уступавших часть земли, равнялось числу бургундов, которые ее получали. Римлянину наносился возможно малый ущерб. Бургунд, как воин, охотник и пастух, не пренебрегал невозделанными землями, римлянин же сохранял за собой земли, наиболее удобные для обработки, стада бургунда удобряли поля римлянина.

ГЛАВА X

О крепостной зависимости

В законе бургундов сказано, что, поселившись в Галлии, народ этот получил две трети земель и одну треть крепостных. Крепостная зависимость, следовательно, существовала в

этой части Галлии прежде переселения бургундов.

Законы бургундов в своих постановлениях, относящихся к обоим народам, точным образом различают у того и у другого благородных, свободных и крепостных. Крепостная зависимость, следовательно, не была особенностью римлян, а свобода и знатность — особенностью варваров.

Те же законы говорят, что если бургундский вольноотпущенник не заплатит определенной суммы своему господину и не получит трети от римлянина, то будет всегда считаться принадлежащим к семейству своего господина. Римский собственник был, следовательно, свободен, потому что не принадлежал к чужому семейству, он был свободен, потому что треть земли была признаком свободы.

Стоит только развернуть салические и рипуарские законы, чтобы убедиться, что римляне не находились в крепостной зависимости ни у франков, ни у других завоевателей Галлии.

Система графа де Буленвилье грешит в одном существенном пункте: в ней остается недоказанным, что франки издали общее постановление, которое ставило римлян в положение, близкое к рабству.

Так как его сочинение написано безыскусственно, с простосердечием, искренностью и неопытностью, свойственными старой аристократии, из которой он вышел, то всякий может распознать прекрасные мысли, которые он высказывает, и ошибки, в которые он впадает. Поэтому я не стану разбирать это сочинение. Скажу только, что у графа де Буленвилье было больше ума, чем просвещения, и больше просвещения, чем знания, но все-таки к этому знанию не следует относиться пренебрежительно, потому что великие моменты нашей истории и нашего законодательства были ему очень хорошо известны.

Граф де Буленвилье и аббат Дюбо составили каждый свою систему, причем одна из этих систем походит на заговор против третьего сословия, а другая — па заговор против дворянства. Когда Солнце предоставило Фаэтону управлять своей колесницей, оно сказало ему, «Если подынешься слишком высоко, то сожжешь небесное жилище, если спустишься слишком низко — превратишь в пепел землю. Не слишком уклоняйся вправо, чтобы не попасть в созвездие Змея, но и не удаляйся слишком влево, а то попадешь в созвездие Жертвенника: держись между тем и другим».

ГЛАВА XI Продолжение той же темы

Мнение о том, что после покорения Галлии варварами было создано одно общее постановление о крепостной зависимости, возникло в связи с существованием во Франции к началу воцарения королей третьей династии необыкновенно многочисленного сословия несвободных людей, так как ученые не заметили, что это состояние развилось постепенно, то и вообразили, что в покрытые мраком времена был создан общий закон, которого на самом деле никогда не было.

В начале царствования королей первой династии мы видим бесчисленное множество свободных людей как среди франков, так и среди римлян, но число крепостных столь быстро росло, что в начале царствования третьей династии все земледельцы и почти все горожане были закрепощены, и если в начале первой династии в городах существовало приблизительно то же управление, что и при римлянах, — сословие граждан, сенат и суды, то в начале существования третьей династии мы находим только сеньора и крепостных.

Во время своих набегов франки, бургунды и готы забирали золото, серебро, домашнюю утварь, одежду, мужчин, женщин, мальчиков — сколько могли с собой захватить. Все это свозилось в одно место и затем делилось между воинами. Вся история доказывает, что после первого водворения, т. е. после первых опустошений, победители вступили в соглашение с жителями и оставили неприкосновенными все их политические и гражданские права. Таково

было международное право того времени: все отбиралось во время войны, все уступалось во время мира. Если б это было иначе, то каким образом могло попасть в салические и бургундские законы столько противоречивых постановлений относительно общего несвободного состояния людей?

Но чего не сделало завоевание, то сделало международное право, которое продолжало существовать после завоевания. Сопротивление, восстания, взятие городов влекли за собой закрепощение населения. А так как кроме войн, которые вели между собой различные народы-завоеватели, франки беспрестанно вели междоусобные войны между братьями или племянниками, порождаемые различными разделами монархии, причем применялось всегда международное право, то закрепощение приняло во Франции более общий характер, чем в какой-либо другой стране. В этом, я полагаю, и заключается одна из причин того различия, которое существует между нашими, французскими, законами и законами Италии и Испании относительно сеньориальных прав.

Завоевание совершилось очень быстро, применявшееся при этом международное право способствовало закрепощению свободных людей. Употребление этого же права на протяжении многих столетий привело к чрезвычайно широкому распространению закрепощения.

Теодорих, подозревая измену со стороны жителей Оверни, сказал франкам своего удела, «Следуйте за мной, я поведу вас в страну, где вы найдете в изобилии золото, серебро, пленников, одежду и стада, и вы переселите всех жителей этой страны в вашу страну».

После мира, заключенного между Гонтраном и Хилытериком, войско, осаждавшее Бурж, получив приказание вернуться назад, захватило с собой столько добычи, что в стране почти не осталось ни людей, ни скота.

Посылая войска в Галлию, Теодорих, король Италии, стремившийся в своей политике выделиться среди всех других варварских королей, писал военачальнику: «Я хочу, чтобы следовали римским законам и чтобы ты возвращал беглых рабов их господам: защитник свободы никогда не должен потворствовать уклонению от рабства. Пусть другие короли находят удовольствие в грабежах и в разрушении взятых ими городов: мы же хотим побеждать так, чтобы наши подданные сожалели, что не подчинились нам раньше». Очевидно, он хотел сделать ненавистными франкских и бургундских королей и намекал на их международное право.

Это право сохранилось и при второй династии. Согласно хроникам города Меца, Пипин вернулся во Францию из аквитанского похода с несметным множеством богатств и людей.

В доказательство я мог бы привести еще очень много других авторитетных источников, а так как все эти бедствия вызывали глубокое чувство сострадания, и многие благочестивые епископы, видя пленников, связанных по двое, отдавали для выкупа их церковные деньги и даже продавали священные сосуды, используя для этого благочестивых монахов, то наилучшие объяснения по этому предмету мы находим в жизнеописаниях святых. Хотя и можно иногда упрекнуть авторов этих жизнеописаний в излишнем легковерии относительно таких обстоятельств, которые были, конечно, божьим делом, если только совершались по его промыслу, тем не менее они дают много весьма поучительного относительно нравов и обычаев тех времен.

Когда смотришь на памятники нашей истории и законодательства, то кажется, что перед тобой одно море и что море это не имеет даже берегов. Все эти холодные, сухие, безвкусные и жесткие писания нужно прочесть, нужно проглотить, подобно тому как в мифе Сатурн глотал камни.

Громадное количество земель, обрабатывавшихся в прежнее время свободными людьми, обратились в неотчуждаемую собственность. После того как страна лишилась свободных людей, которые ее населяли, те, у кого было много крепостных, захватили и заставили уступить себе целые области, основав там селения, как это можно видеть из различных документов. С другой стороны, свободные ремесленники должны были

продолжать свои занятия уже на положении крепостных, таким образом, рабство возвращало ремеслам и земледелию то, что у них было отнято.

Вошло в употребление, чтобы собственник отдавал свою землю церкви и получал ее обратно за оброчную плату, предполагалось, что посредством этой зависимости он делался причастным святости церкви.

ГЛАВА XII

О том, что земли, поделенные между варварами, не облагались налогом

Народы простые, бедные, свободные, воинственные и пастушеские, не знавшие промышленности, связанные с землей только своими тростниковыми хижинами, следовали за своими вождами ради добычи, а не для того, чтобы платить или взимать подати. Искусство вымогательства податей возникает всегда позже, после того как люди познают благословение, приносимое другими искусствами.

Временная подать по кувшину вина с арпана земли, представлявшая собой одно из насилий Хильперика и Фредегонды, падала на одних римлян, в самом деле, не франки рвали при этом податные списки, а духовенство, которое в те времена состояло из одних римлян. Этой податью облагались главным образом жители городов, города же в то время почти все были населены римлянами.

Григорий Турский рассказывает, что после смерти Хильперика один судья должен был искать спасения в церкви, потому что в царствование этого государя он облагал податями франков, которые во время Хильдеберта считались свободнорожденными: *«Multos de Francisqui, tempore Childeberti regis, ingenuifuerant, publicotributosubegit»*. Следовательно, франки, которые не были крепостными, вовсе не платили податей.

Человек, хорошо знающий грамматику, не может не прийти в ужас при виде толкования, которое дает этим словам аббат Дюбо. Он замечает, что вольноотпущенники а те времена также назывались свободнорожденными, и латинское слово *ingenui* переводит *affranchis detributs* (свободные от податей). Выражение это употребительно во французском языке, подобно выражениям *affranchis desoins* (свободные от забот), *affranchis de peines* (свободные от трудов), но на латинском языке выражения *ingenui tributis*, *libertini tributis*, *manumissitributorum* звучали бы чудовищно.

Парфений, говорит Григорий Турский, думал, что франки убьют его за то, что он обложил их налогами. Аббат Дюбо, стесняемый этим свидетельством, спокойно утверждает то, что требуется доказать: это, говорит он, было произвольное увеличение налога.

Из закона вестготов видно, что, если варвар приобретал землю у римлянина, судья обязывал его продать ее, так как она должна была оставаться обложенной налогами. Варвары, следовательно, не платили земельного налога.

Аббат Дюбо, которому в соответствии с его теорией нужно было, чтобы вестготы платили налоги, оставляет в стороне буквальный и внутренний смысл закона и открывает, единственно силой собственной фантазии, что в промежуток времени между водворением готов и появлением этого закона произошло увеличение налогов, распространившееся на одних только римлян. Но столь произвольное обращение с фактами допускается только одному о. Гардуину.

Аббат Дюбо обращается к кодексу Юстиниана в поисках законов, доказывающих, что военные бенефиции у римлян облагались налогом, откуда заключает, что то же самое было с феодами или бенефициями у франков. Но мнение, будто наши феодалы ведут свое начало от указанного учреждения римлян, в настоящее время отвергнуто, оно и могло быть принято только в те времена, когда знали историю Рима, но очень мало знали нашу и когда наши древние памятники были, так сказать, еще покрыты пылью веков.

Напрасно аббат Дюбо ссылается на Кассиодора и на события в Италии и в той части Галлии, которая была подчинена Теодориху, чтобы познакомить нас с тем, что было в

обычае у франков. Все это вещи, которых не следует смешивать. Я покажу когда-нибудь в особом сочинении, что строй остготской монархии был совершенно иным, чем строй всех прочих монархий, основанных в те времена другими варварскими народами, что не только нельзя сказать, чтобы тот или другой порядок был в обычае у франков, потому что мы находим его у остготов, но, напротив, есть положительное основание думать, что то, что было в употреблении у остготов, не было в употреблении у франков.

Людам с обширной эрудицией труднее всего бывает отыскивать требующиеся им доказательства там, где они действительно находятся, или, говоря языком астрономов, определять истинное положение солнца.

Аббат Дюбо злоупотребляет капитуляриями, а также историей и законами варварских народов. Когда он хочет доказать, что франки платили налоги, он применяет к свободным людям то, что применимо только к крепостным, а когда он говорит об их войске, то применяет к крепостным то, что могло относиться только к свободным.

ГЛАВА XIII

Какого рода повинности несли римляне и галлы во франкской монархии

Я мог бы исследовать, продолжали ли побежденные римляне и галлы платить повинности, которые они несли при императорах. Но, чтобы скорее прийти к цели, скажу только, что если они их и платили сначала, то скоро были от них избавлены и что эти повинности были заменены военной службой. Признаюсь, для меня остается совсем непонятным, каким образом франки, которые были столь ревностными сторонниками чрезмерных налогов, как бы сразу отказались от них.

Один капитулярий Людовика Благодетельного превосходно объясняет нам положение свободных людей во франкской монархии. Толпы готов и иберов, бежавшие от притеснения мавров, были приняты во владениях Людовика. В договоре с ними было постановлено, что они, как и прочие свободные люди, будут выходить на войну со своим графом, будут в походе содержать караулы и делать объезды под начальством того же графа и будут давать посланным короля и посланникам, отправляющимся от королевского двора или едущим ко двору, лошадей и подводы, что затем их нельзя будет понуждать к уплате иных повинностей и с ними будут поступать, как с прочими свободными людьми.

Нельзя сказать, чтобы это были новые обычаи, введенные в начале второй династии, они относятся по крайней мере к середине или концу первой династии. Капитулярий 864 года положительно говорит, что по древнему обычаю свободные люди несли воинскую службу и, кроме того, оплачивали лошадей и повозки, о чем мы говорили выше, это составляло их специальную повинность, от которой, как я докажу это ниже, были избавлены владельцы феодалов.

Мало того. Существовало постановление, воспрещавшее облагать этих свободных людей налогами. Кто из них имел четыре двора, должен был всегда выходить на войну, того, кто имел только три двора, присоединяли к свободному человеку с одним двором, последний платил первому четверть всех расходов и оставался дома. Таким же порядком соединяли двух свободных людей, из которых каждый имел два двора. Тот из них, кто оставался дома, платил половину расходов тому, который уходил в поход.

Кроме того, у нас существует бесчисленное множество грамот, которыми предоставлялись права феодала землям и округам, находившимся во владении свободных людей. О них мне придется еще много говорить ниже. Эти земли были освобождены от всех повинностей, уплачиваемых графу и другим чиновникам короля, а так как в грамотах подробно перечисляются все эти повинности, но вовсе не упоминается о податях, то очевидно, что последние не взимались.

Естественно предположить, что римская система налогов сама собой исчезла в монархии франков. Это было очень запутанное искусство, не соответствовавшее ни

понятиям, ни строю жизни этих бесхитростных народов. Если бы татары наводнили в настоящее время Европу, какого бы труда стоило втолковать им, что такое наш откупщик государственных налогов!

Неизвестный автор жизнеописания Людовика Благочестивого, рассказывая о графах и других франкских чиновниках, поставленных Карлом Великим в Аквитании, сообщает, что этот государь поручил им охрану границы, военную власть и управление имуществами короны. Это дает нам понятие о доходах государя во время второй династии. Государь сохранял за собою коронные владения, которые обрабатывались его рабами, но подушная подать и другие налоги, которые во времена императоров взимались с лица и имущества свободных людей, были заменены обязательством защищать границы и выходить на войну.

Мы читаем в той же истории, что, когда Людовик Благочестивый посетил своего отца в Германии и последний спросил его, как мог он, король, дойти до такой бедности, Людовик отвечал, что он король только по имени и что почти все его коронные имущества находятся в руках сеньоров, тогда Карл Великий, опасаясь, что этот молодой государь может лишиться их расположения, если станет отнимать у них то, что так легкомысленно им отдал, отрядил для восстановления порядка своих уполномоченных.

Епископы писали Людовику, брату Карла Лысого: «Имейте попечение о ваших землях, чтобы во время путешествий вам не приходилось постоянно останавливаться в домах духовенства и отягощать его крепостных подводами»,

«Делайте так, — говорили они еще, — чтобы у вас было на что жить и принимать послов». Очевидно, что источником доходов королей были их коронные имущества.

ГЛАВА XIV О так называемом *цензе*

Когда варвары покинули свою родину, они задумали записать свои обычаи, но так как оказывалось затруднительным писать германские слова латинскими буквами, то эти законы были изложены по латыни.

При смуте, происходившей в период завоевания и распространения его, многие понятия изменились в самой своей сущности, чтобы выразить их, приходилось пользоваться древними латинскими словами, которые были ближе всего к новым обычаям. Таким образом, то, что вызывало представление о древнем римском *цензе*, получило наименование *sensus*, *tributum*, а то, что не имело никакого отношения к этим представлениям, выражали, как могли, германским словом, написанным латинскими буквами. Так образовалось слово *fredum*, о котором мне придется много говорить в следующих главах.

Так как слова *sensus* и *tributum* получили произвольное употребление, то истинное значение их за время первой и второй династий стало неясным, и новейшие авторы 144, имевшие свои особые системы, найдя это слово в сочинениях тех времен, решили, что то, что называли тогда *sensus*, было вполне тождественно с римским *цензом*. Затем они вывели заключение, что наши короли первых двух династий просто сменили римских императоров и не внесли никаких перемен в их способ управления, а так как известные пошлины, которые взимались при второй династии, вследствие каких-то случайностей и видоизменений обратились в пошлины другого рода, то они решили, что первые были римским *цензом*, вместе с тем, заключив на основании современных постановлений, что коронные имущества были безусловно неотчуждаемы, они сказали, что названные пошлины, образовавшиеся из римского *ценза* и не вошедшие в состав коронных имуществ, были просто узурпацией. Умалчиваю о прочих заключениях.

Переносить в давно минувшие века все понятия своего времени — значит обращаться к обильному источнику заблуждений. Тем, кто хочет переделать на новый лад древние времена, я повторю сказанное египетскими жрецами Солону: «О, афиняне! вы не более, как дети».

ГЛАВА XV

О том, что так называемый *ценз* взимался только с крепостных, но не со свободных людей

Король, духовенство и сеньоры взимали установленные подати с крепостных каждый на своей земле. Я доказываю это в отношении короля капитулярием *deVillis*, в отношении духовенства — законами варваров, в отношении сеньоров — постановлениями Карла Великого по этому предмету.

Подати эти носили название *sensus*, это были хозяйственные, а не казенные сборы, исключительно частные оброки, а не общественные повинности.

Я говорю, что так называемый *sensus* представлял собой подать, взимаемую с крепостных. Я доказываю это формулой Маркульфа, которая включает в себе королевское разрешение вступать в число церковнослужителей всякому человеку, если только он свободнорожденный и не внесен в цензовый список. Я доказываю это также поручением, которое Карл Великий дает одному из своих графов, отправиться в страну саксов и объявить им свободу вследствие того, что они приняли христианство. Собственно говоря, это грамота дарования свободы. Этот государь возвращает саксам их первоначальную гражданскую свободу и освобождает их от уплаты *ценза*. Быть крепостным и платить *ценз*, быть свободным и не платить его означало, следовательно, одно и то же.

Своего рода жалованные грамоты того же государя в пользу испанцев, принятых в состав французской монархии, воспрещают графам требовать от них какого бы то ни было *ценза* и отнимать у них их земли. Известно, что с прибывавшими во Францию иностранцами обращались, как с крепостными, но Карл Великий, который хотел, чтобы на них смотрели, как на свободных людей, ибо предоставлял им право собственности на принадлежавшие им земли, запрещал требовать с них *ценз*.

Капитулярий Карла Лысого в пользу тех же испанцев предписывает, чтобы с ними поступали так же, как с прочими франками, и запрещает требовать с них *ценз*, следовательно, свободные люди его не платили.

30-я статья пистского эдикта устраняет злоупотребление, посредством которого многие королевские и церковные крестьяне продавали духовенству или другим людям своего звания принадлежащие к их дворам земли, оставляя за собой лишь малую хижину, так что не с кого было получать *ценз*. Было постановлено восстановить первоначальный порядок. *Ценз* был, следовательно, податью рабов. Отсюда же следует, что в монархии не существовало общего *ценза*, это доказывается мнимыми источниками. Какой иной смысл может иметь такой капитулярий: «Мы желаем, чтобы королевский *ценз* взыскивали везде, где его взыскивали на законном основании в прежнее время»? Что может означать другой капитулярий Карла Великого, который предписывает королевским посланным в провинциях произвести точное расследование всех *цензов*, исстари взимаемых в пользу короля? Что означает капитулярий, в котором Карл делает распоряжение относительно различных *цензов*, уплачиваемых теми, с кого их взыскивают? Как понимать следующий, в котором говорится: «Если кто приобрел податную землю, с которой мы всегда взимали *ценз*...», или еще другой, наконец, в котором Карл Лысый говорит о землях, облагаемых *цензом*, где *ценз* издревле принадлежал королю?

Некоторые тексты как бы противоречат мне, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они в действительности подтверждают мною сказанное. Мы видели выше, что свободные люди в монархии несли только повинность по поставке подвод. Последний из приведенных мною капитуляриев называет эту повинность *цензом*, но противопоставляет ее *цензу*, платимому крепостными.

Далее, пистский эдикт говорит о свободных людях, которые должны были платить королевский *ценз* с головы и с дома и которые продали себя в рабство во время голода. Король требовал их выкупа. Дело в том, что отпущенные на волю королевской грамотой

обыкновенно еще не приобретали этим полной и совершенной свободы, они платили подушную подать, *censum in capite*, и вот об этих-то людях и идет здесь речь.

Итак, следует совершенно оставить мысль об общем и повсеместном цензе римского происхождения, от которого, как это предполагают, получили свое начало путем захвата и сеньориальные повинности. То, что называли во французской монархии цензом, было, независимо от злоупотребления этим словом, особой повинностью, взимаемой с крепостных их господами.

Прошу читателя простить меня за то, что я утомил его столь многочисленными цитатами. Я был бы более кратким, если бы передо мной не находилась постоянно книга аббата Дюбо *Установление французской монархии в Галлии*. Ничто так не препятствует развитию знаний, как дурное сочинение знаменитого автора, потому что в таком случае, прежде чем объяснить, бывает необходимо еще вывести из заблуждения.

ГЛАВА XVI

О лендах или вассалах

Я уже говорил о добровольцах, сопровождавших германских вождей в их предприятиях. Этот обычай сохранился и после завоевания. Тацит называет их спутниками, салический закон — людьми, связанными с государем обетом верности, формулы Маркульфа — королевскими антрустионами, наши первые историки — левдами и верными, а последующие — вассалами и сеньорами.

В салических и рипуарских законах бесчисленное множество постановлений относится к франкам и лишь немногие — к антрустионам. Постановления об этих антрустионах совершенно отличны от тех, которые относятся к остальным франкам, везде определяются имущественные отношения франков, но ничего не говорится об имуществе антрустионов. Происходило это оттого, что имущественные отношения в этом последнем случае определялись скорее государственным, чем гражданским законом, и что самое имущество было военным жребием, а не семейным наследием.

Имущества, предназначенные для левдов, носили у разных авторов и в разные времена названия фискальных имуществ, бенефициев, почетных имуществ, феодалов.

Не подлежит сомнению, что вначале феодалы не были неотъемлемой собственностью. У Григория Турского мы находим, что у Сунегизила и Галломана было отнято все имущество, которое они держали от казны, и оставлено только то, которое принадлежало им как собственностью. Гонтран, возведя на престол племянника своего Хильдеберта, на тайном совещании указал ему на тех, кому он должен был дать феодалы и у кого он должен был их отнять. В одной из формул Маркульфа король дает в обмен не только бенефиции, которыми располагает его фиск, но и такие, которые находятся в чужих руках. Закон лангобардов противопоставляет бенефиции собственности. Историки, формулы, кодексы разных варварских народов, все дошедшие до нас памятники единогласно подтверждают это. Наконец, составители книги о феодалах говорят нам, что сначала сеньоры могли отбирать феодалы по произволу, затем обеспечивали владение в течение одного года, а впоследствии отдавали их в пожизненное владение.

ГЛАВА XVII

О военной службе свободных людей

Два рода людей обязаны были нести военную службу: левды, вассалы или подвассалы, которых к этому обязывало владение феодалом, и свободные люди — франки, римляне и галлы, которые служили под начальством графа и выходили на войну под

предводительством его самого или подчиненных ему начальников.

Свободными людьми назывались те, которые, с одной стороны, не имели ни бенефициев, ни феодалов, а с другой стороны, не находились в крепостном состоянии. Земли, которыми они владели, назывались аллодами.

Графы собирали свободных людей и вели их на войну. Под их властью состояли военачальники, которых они называли викариями. Так как все свободные люди делились на сотни, которые составляли то, что называлось бургом, то графам были подчинены еще другие начальники, которых называли сотниками и которые вели на войну свободных людей бурга, или свои сотни.

Это деление на сотни было введено после водворения франков в Галлии Хлотарем и Хильдебертом с целью обязать каждый отдельный округ нести ответственность за произведенные в нем кражи. Это видно из декретов этих государей. Сходный порядок соблюдается еще в настоящее время в Англии.

Подобно тому как графы водили на войну свободных людей, левды водили своих вассалов и подвассалов, а епископы, аббаты или их доверенные — своих.

Положение епископов было довольно затруднительным, и они сами недоумевали, как из него выйти. Они просили Карла Великого более не понуждать их ходить на войну, а когда им это было разрешено, стали жаловаться, что их лишают общественного уважения, так что этот государь вынужден был перед ними оправдываться. Как бы то ни было, я не вижу, чтобы в то время, когда они перестали ходить на войну, их вассалы выступали под предводительством графа, напротив, видно, что короли или епископы избирали одного из верных, который ими предводительствовал.

В одной капитулярии Людовика Благочестивого король различает три рода вассалов: вассалов короля, вассалов епископов и вассалов графа. Вассалы ленда или сеньора ходили на войну под предводительством графа только в том случае, если исполнение какой-либо должности при дворе короля не позволяло левду самому вести своих вассалов.

Но кто водил на войну левдов? Вне всякого сомнения — король, который всегда находился во главе своих верных. Поэтому-то мы видим, что в капитуляриях вассалы короля всегда противопоставляются вассалам епископов. Наши мужественные, гордые и великодушные короли находились в войске вовсе не для того, чтобы стоять во главе церковных отрядов, конечно, не этого рода людей предпочитали они, чтобы победить или умереть вместе.

Но эти левды также водили с собой своих вассалов и подвассалов, и это ясно видно из капитулярии Карла Великого, в котором он предписывает, чтобы всякий свободный человек, имеющий четыре двора, будет ли то собственность или бенефиций, выступал против неприятеля или следовал за своим сеньором. Очевидно, Карл Великий хочет сказать, что тот, кто имел только собственную землю, вступал в войско графа, а кто держал бенефиций от сеньора, шел с этим последним.

Между тем аббат Дюбо утверждает, будто во всех тех случаях, когда в капитуляриях говорится о людях, зависевших от какого-либо отдельного сеньора, имеются в виду крепостные, и он основывает это на законе вестготов и на их обычаях. Было бы лучше взять за основание самые капитулярии. Только что приведенный мною утверждает как раз противоположное. В договоре Карла Лысого с братьями также говорится о свободных людях, которые могут по желанию избрать сеньора или короля, и это распоряжение находится в согласии с многими другими.

Итак, можно сказать, что существовало три рода войск: войска левдов, или верных людей короля, которые имели у себя других, зависимых от них верных людей, войска епископов, или других представителей церкви и их вассалов, и, наконец, войска графа, который вел свободных людей.

Я не говорю, чтобы вассалы не могли быть подчинены графу как частные начальники, находящиеся в зависимости от общего начальника.

Мы видим даже, что граф и королевские посланные могли взыскивать с них штраф за

неисполнение связанных с их феодами обязательств.

Точно так же в тех случаях, когда королевские вассалы совершали грабежи, они подлежали наказанию, налагаемому графом, если только не предпочитали наказания от короля.

ГЛАВА XVIII О двойной службе

Один из основных принципов монархии состоит в том, что подчинение военной власти лица должно соединяться с подчинением и его гражданской юрисдикции. Поэтому и капитулярий Людовика Благочестивого от 815 года ставит рядом военную власть графа и его гражданскую юрисдикцию по отношению к свободным людям, поэтому и суды графа, водившего на войну свободных людей, носили название судов свободных людей, отсюда, несомненно, ведет свое начало то правило, что только на суде самого графа, а не его чиновников могли разбираться вопросы о свободе. Точно так же графы не водили на войну вассалов епископов и аббатов, потому что они не подлежали его гражданской юрисдикции, не водили они на войну и подвассалов левдов, поэтому в глоссарии английских законов значится, что те, кого саксы называли *copies*, у норманнов назывались графами и товарищами (*comptes, compagnons*), так как они делились с королем судебными штрафами, поэтому мы видим во все времена, что обязанность всякого вассала в отношении его сеньора состояла в том, чтобы ходить с ним на войну и судить своих пэров в его суде.

Одна из причин, почему право чинить суд соединялось с правом водить на войну, заключалась в том, что тот, кто водил на войну, взыскивал в то же время казенные пошлыны, состоявшие в некоторых повинностях по поставке подвод свободными людьми и в известных судебных пошлынах, о которых я скажу ниже.

Сеньоры имели право суда в своем феоде на том же самом основании, на котором графы имели его в своем графстве, говоря точнее, в своих изменениях, происходивших в разные времена, графства следовали изменениям, которые происходили в феодах: графства и феоды управлялись по одному общему плану и на основании одних и тех же понятий. Одним словом, графы в своих графствах были левдами, а левды в своих владениях были графами.

Мнение, что графы — это судебные чины, а герцоги — чины военные, было ошибочным, и те и другие были одинаково и военными и гражданскими чинами. Вся разница состояла в том, что герцогу было подчинено несколько графов, хотя некоторые графы не подчинялись никакому герцогу, как мы узнаем из хроники Фредегара.

Могут подумать, что правление у франков было в то время крайне суровым, так как в одних и тех же руках соединялась власть военная, гражданская и даже фискальная, что составляет, как я уже говорил в предыдущих книгах, один из отличительных признаков деспотизма.

Но не следует думать, что графы решали дела одни и чинили суд, подобно турецким пашам, они разбирали дела в своего рода судебных заседаниях, ассизах, на которые призывались нотабли.

Чтобы дать ясное представление о том, что говорится о суде в формулах, законах варваров и капитуляриях, я скажу, что обязанности графа, гравииона и сотника были одни и те же, что судьями, рахимбургам и эшевенами Боши под разными именами одни и те же лица, это были помощники графа, обыкновенно в числе семи. Но так как требовалось не менее двенадцати человек для вынесения приговора, граф пополнял недостающее число нотаблями.

Кому бы ни принадлежало право суда — королю, графу, гравииону, сотнику, сеньорам или духовенству, — они никогда не судили одни. Обычай этот, вышедший из германских лесов, удержался и после того, как феоды приняли новую форму.

Что касается фискальной власти, то она была такого рода, что граф не мог ею

злоупотреблять. Повинности, уплачиваемые государю свободными людьми, были чрезвычайно просты и, как я уже сказал, состояли только в поставке некоторых подвод для определенных общественных нужд, относительно же судебных пошлин существовали законы, предупреждавшие злоупотребления.

ГЛАВА XIX

О композициях у варварских народов

Так как более или менее углубленное понимание нашего государственного права невозможно без основательного знания законов и нравов германских народов, то я несколько остановлюсь на исследовании этих нравов и законов.

Судя по Тациту, германцы знали только два преступления, каравшиеся смертной казнью, они вешали изменников и топили трусов, это считалось у них единственными преступлениями общественного характера. Если человек причинял вред другому, то за обиженного или понесшего ущерб вступались его родственники, и вражда прекращалась удовлетворением. Удовлетворение это принадлежало обиженному, если он мог получить его, а также его родственникам, если оскорбление или обида были нанесены всем им вообще или когда вследствие смерти обиженного или понесшего ущерб удовлетворение переходило к ним по праву.

Судя по тому, что говорит Тацит, удовлетворение это совершалось по обоюдному соглашению между сторонами. Поэтому в законах варваров оно и носит название композиции, т. е. соглашения, сделки.

Только у одних фризов, насколько мне известно, закон предоставлял враждующим семьям полную свободу в удовлетворении их природных страстей, не стесняемые никаким политическим или гражданским законом, они могли по произволу предаваться мести до получения полного удовлетворения. Но и этот закон был смягчен: было постановлено, что тот, смерти которого добивались, может иметь мир в своем доме, на пути в церковь и из церкви, а равно по дороге от места суда.

Компиляторы салических законов приводят древний обычай франков, по которому человек, вырвавший мертвое тело с целью ограбления, изгонялся из общества, пока родственники умершего не давали согласия на его возвращение, а так как до получения этого согласия воспрещалось всем и каждому и даже жене виновного давать ему хлеба и пускать его в дом, то такой изгнанник находился в отношении к другим и другие люди находились в отношении к нему в первобытном состоянии, пока таковое не прекращалось посредством композиции.

Вместе с тем мы видим, что мудрые люди у различных варварских народов пришли к мысли о том, чтобы самим совершать то, что так медленно и с такими опасностями досталось путем взаимного соглашения сторон. Они обратили внимание на установление справедливой композиции в пользу потерпевшего вред или оскорбление. Все законы варваров представляют в этом отношении удивительную точность, в них проводится тонкое различие между отдельными случаями и тщательно взвешиваются все обстоятельства. Закон ставит себя в положение обиженного и требует для него такого удовлетворения, какого он сам потребовал бы по зрелом размышлении,

Благодаря введению этих законов германские народы вышли из того первобытного состояния, в котором они, невидимому, находились еще во время Тацита.

Ротарь в законе лангобардов объявляет, что он увеличил размер штрафов, налагаемых древним обычаем за нанесение ран, чтобы раненый получил удовлетворение и могла прекратиться неприязнь. Действительно, после того как этот первоначально бедный народ обогатился при покорении Италии, прежние размеры штрафов оказались ничтожными и примирения прекратились. Я не сомневаюсь в том, что то же соображение побудило предводителей и других победоносных народов к составлению различных законодательных

кодексов, сохранившихся по настоящее время.

Основной композицией был штраф, который убийца уплачивал родственникам убитого. Различие в сословном положении соответствующим образом отражалось на размерах штрафа. Так, например, по закону англов за смерть эделинга полагалось шестьсот солидов композиции, за свободного человека — двести, а за крепостного — тридцать. Таким образом, высокая композиция, которой оплачивалась жизнь человека, составляла одно из важнейших его преимуществ, потому что у народов, склонных к насилиям, она возвышала его личность и обеспечивала большую безопасность.

В этом убеждает нас закон баварцев: он перечисляет имена баварских семейств, получавших двойную композицию, потому что они были первыми после Агилольфингов. Агилольфинги были герцогского рода, и из них избирались герцоги, они получали композицию, вчетверо превышавшую обычную. Композиция за жизнь герцога превосходила на одну треть ту, которая полагалась Агилольфингам. «Так как он герцог, — говорит закон, — ему воздается большая честь, чем его родственникам».

Все эти композиции были установлены в денежной форме. Но так как народы эти имели мало денег — в особенности пока они жили в Германии, — то можно было уплачивать штраф скотом, хлебом, домашней утварью, оружием, собаками, ловчими птицами, землями и пр. Часто закон определял даже цену этим вещам, и это объясняет, каким образом при столь малом количестве денег у них могло быть так много денежных штрафов.

Итак, эти законы старались со всей точностью разграничить различные роды вины, оскорблений и преступлений, чтобы всякий мог точным образом определить меру понесенного им убытка или оскорбления и следуемого ему вознаграждения, главное же, чтобы никто не рассчитывал на получение большего.

С этой точки зрения понятно, что тот, кто мстил, после того как получил удовлетворение, совершал большое преступление. Преступление это носило не только частный, но и общественный характер: это было пренебрежение самим законом, и законодатели не оставили его без наказания.

Было еще другое преступление, которое считалось особенно опасным в то время, когда эти народы, получив гражданское управление, отчасти утратили дух независимости, а короли стремились дать государству лучший порядок управления. Преступление это заключалось в нежелании давать удовлетворение и в нежелании получать его. Мы находим в разных кодексах варваров/что законодатели обязывали к тому и Другому. Действительно, кто отказывался от получения удовлетворения, тот хотел тем самым сохранить за собой право мести, а кто отказывался дать его, тот оставлял обиженному его право мести. В этом отношении мудрые люди исправили германские установления, которые призывали, но не обязывали к уплате композиции.

Я только что упомянул о тексте салического закона, которым законодатель предоставлял на усмотрение обиженного принимать или не принимать удовлетворение, это тот самый закон, который воспрещал человеку, ограбившему труп, всякие сношения с людьми, пока родственники умершего, получив композицию, не испросят провинившемуся разрешения снова жить среди людей. Почтение к священным предметам сделало то, что составители салических законов в этом случае не коснулись древнего обычая.

Было бы несправедливо определять композицию в пользу родственников вора, убитого в момент совершения кражи, или родственников жены, отосланной мужем после развода по причине нарушения ею супружеской верности. Закон баварцев не устанавливал композиции в подобных случаях и наказывал родственников, если они пытались мстить за обиду.

В кодексах варваров нередко приходится встречать композиции за действия произвольные. Закон лангобардов почти всегда носил разумный характер: он требовал в таком случае, чтобы размер композиции предоставлялся великодушию платящего и чтобы родственники после этого не смели мстить ему.

Хлотарь II издал очень мудрый закон, воспрещавший обокраденному получать композицию втайне и без постановления судьи. Мы сейчас увидим мотивы этого закона.

ГЛАВА XX

О том, что впоследствии называли судом сеньора

Кроме композиции, которую приходилось платить родственникам за убийство, убытки и оскорбления, нужно было еще платить известную пошлину, которая в кодексах варваров носит название *fredum*. Мне придется много говорить о ней, чтобы дать о ней некоторое понятие, я скажу, что она была вознаграждением за покровительство, оказываемое против права мести. И в настоящее время на шведском языке слово *fred* означает мир.

У этих буйных народов чинить суд — значило не более как оказывать защиту обидчику против мести со стороны обиженного, чтобы заставить этого последнего принять следуемое ему удовлетворение, таким образом, у германцев в противоположность всем другим народам суд существовал для ограждения преступника со стороны лица, от него пострадавшего.

Законы варваров представляют случаи, когда требование этого *fredum* было обязательно. В тех же случаях, когда родственники не могли мстить, *fredum* не взималось. И действительно, где не было мести, там не могло быть и права на покровительство против мести. Так, по закону лангобардов тот, кто случайно убивал свободного человека, уплачивал соответствующую композицию, но не платил *fredum*: невольное убийство исключало право родственников на мщение. Так, по закону рипуариев, если человек был убит куском дерева или каким-либо предметом, сделанным руками человека, этот предмет или этот кусок дерева рассматривались как виновники смерти, и родственники убитого брали их для своего употребления, но не могли требовать *fredum*.

Точно так же, если человека убивало животное, тот же закон определял композицию без *fredum*, потому что родственники убитого не несли обиды.

Наконец, по салическому закону, если совершал проступок ребенок, не достигший двенадцатилетнего возраста, то с него взималась композиция без *fredum*, так как он не мог еще носить оружия и, следовательно, не отвечал условию, при котором потерпевшая сторона или родственники могли требовать мести.

Виновный платил *fredum* за свое спокойствие и безопасность, которых он лишился по собственной вине и которые мог вернуть через покровительство закона, но ребенок не лишался безопасности: он не был взрослым человеком и потому не мог быть исключен из человеческого общества.

Fredum было местной пошлиной в пользу судьи данного округа. Но закон рипуариев запрещал ему взыскивать *fredum* самому, он требовал, чтобы сторона, в пользу которой решено было дело, получила эту пошлину и представила в казну, чтобы мир, как говорит закон, оставался вечным среди рипуариев.

Размер *fredum* соответствовал значению оказываемого покровительства, так, *fredum* за покровительство, оказываемое королю, было выше *fredumza* покровительство, оказываемое графу и другим судьям.

Я уже вижу начатки суда сеньоров. Феодалы, как видно из бесчисленного множества памятников, составляли обширные территории. Я уже доказал, что короли не брали ничего с земель, доставшихся по разделу франкам, еще менее притязаний могли они предъявлять на какие-либо сборы с феодалов. Те, кто их получил, имели самые широкие права пользования ими и извлекали из них все плоды и все доходы, а так как один из наиболее значительных доходов составляли судебные пошлины (*freda*), взимаемые по обычаям франков, то и выходило, что тот, кто имел феодал, имел также право суда в нем, право это проявлялось в получении композиции в пользу родственников и пошлин в пользу сеньора. Оно было не чем иным, как правом взыскивать законные композиции и требовать законные пошлины.

О том, что феодалы действительно пользовались этим правом, свидетельствуют формулы, заключающие в себе закрепление или передачу феодала в вечное владение левду или верному, или же предоставление привилегий церквам, владеющим феодалами. То же

доказывается бесчисленным множеством грамот, в которых судьям или чиновникам короля запрещается въезжать на чужие территории для совершения каких бы то ни было судебных действий и для взыскания каких бы то ни было судебных доходов. Когда королевские судьи уже не могли более ничего взыскивать в каком-либо округе, они в него не въезжали, отправление их обязанностей переходило к тем, под чьей властью оставался этот округ.

Королевским судьям воспрещается обязывать стороны представлять поручительство в том, что они явятся на суд, следовательно, делать это мог тот, кто владел территорией. Посланные короля не могли требовать постоя, оно и понятно, так как на них не лежало более никаких обязанностей.

Итак, суд в старых и новых феодах составлял право, неотделимое от самого феода, право на доход, составлявшее часть самого феода. Во все времена на него так и смотрели, откуда произошло правило, что право суда во Франции есть право вотчинное.

Некоторые полагали, что право суда возникло в результате освобождения королями и сеньорами своих крепостных. Но не одни германские народы и те, которые от них произошли, освободили своих рабов, и в то же время только они одни учредили вотчинный суд. Кроме того, мы видим из формул Маркульфа, что и свободные люди первое время зависели от этих судов. Следовательно, крепостные были подведомственны этим судам, потому что находились на данной территории, но они не могли дать начало феодам, потому что сами были частью феода.

Другие избрали еще более краткий путь: сеньоры насильственно присвоили себе право суда, сказали они,— и этим все было сказано. Но разве одни только народы германского происхождения захватили права государей? История достаточно убедительно доказывает нам, что и другие народы посягали на своих государей, но мы еще не видим, чтобы это служило поводом к возникновению так называемого суда сеньора. Происхождение его следует поэтому искать в обычаях германцев.

Здесь я предлагаю познакомиться с мнением Луазо о том, какими способами сеньоры постепенно развили и захватили в свои руки различные судебные права. Из того, что он говорит, следовало бы заключить, что это был самый хитрый на свете народ, что они крали не так, как грабят воины, но так, как обкрадывают друг друга сельские судьи и прокуроры, можно подумать, что эти воины во всех отдельных провинциях королевства и в столь многих королевствах выработали одну общую систему политики. Луазо заставляет их рассуждать подобно тому, как он сам рассуждает у себя в кабинете.

Повторяю: если суд не был принадлежностью феода, то почему мы видим повсюду, что обязанности, соединенные? с владением феодем, состояли в службе королю или сеньору в их судах и в их войнах?

ГЛАВА XXI О территориальном церковном суде

Церкви приобрели весьма значительное имущество. Мы знаем, что короли давали им обширные поместья, т.е. обширные феоды, и находим с самого начала в этих владениях особые суды. Откуда могла получить свое начало столь необычайная привилегия? Она была в природе самого предмета. Церковное имущество имело эту привилегию, потому что оно не было лишено ее. Церкви давали недвижимое имущество, оставляя за ним те же права, которые оно имело бы, если бы досталось левду. Поэтому владение им обязывало к той же службе, на которую государство получило бы право, если бы отдало его мирянину.

Таким образом, церкви имели право на своей территории требовать уплаты композиций и взыскивать *fredum*, а так как неизбежным последствием этих прав было еще другое право, по которому королевским чиновникам запрещалось въезжать на чужую территорию для взыскания этих *freda* и совершать на ней какие бы то ни было судебные действия, то право духовенства на производство суда в пределах его территории получило на языке формул,

грамот и капитуляриев наименование *иммунитета*.

Закон рипуариев запрещает церковным вольноотпущенным собираться для производства суда где-либо, кроме церкви, в которой они получали свободу. Следовательно, церкви имели право суда даже над свободными людьми и созывали свои судебные заседания с первых времен монархии.

Я нахожу в жизнеописаниях святых, что Хлодвиг дал одному благочестивому человеку власть над территорией площадью в шесть лье, причем освободил ее от чьей бы то ни было юрисдикции. Я думаю, что это вымысел, но вымысел очень древний. В данном случае как действительность, так и вымыслы отражают нравы и законы того времени, нас же интересуют здесь именно эти нравы и законы.

Хлотарь II приказал епископам и крупным сеньорам, имевшим земли в отдаленных странах, избрать на местах лиц, которые должны чинить суд и получать доходы от этого.

Тот же государь разграничивает компетенцию своих чиновников и церковных судей. Капитулярий Карла Великого от 802 года указывает епископам и аббатам, какие именно качества должны иметь назначаемые ими судебные чиновники. Другой капитулярий того же государя запрещает королевским чиновникам вмешиваться в суд над людьми, обрабатывающими земли духовенства, если только эти люди не укрылись в церковных владениях обманном образом с целью уклониться от общественных повинностей. Собравшиеся в Реймсе епископы объявили, что иммунитет церковей распространяется на их вассалов. Капитулярий Карла Великого от 806 года предоставляет церквам право уголовного и гражданского суда над всеми обитателями их территории. Наконец, капитулярий Карла Лысого разграничивает судебные права короля, сеньоров и церковей. На этом я и покончу с вопросом о церковном суде.

ГЛАВА XXII

О том, что порядок судебной юрисдикции установился еще до конца второй династии

Утверждали, будто в период смут при второй династии вассалы могли присвоить себе право суда в своих феодах. Те, кто так говорил, предпочли обобщение исследованию, конечно, легче было сказать, что вассалы вовсе не владели, чем установить, каким образом они владели. Но право суда не было результатом захвата: оно ведет свое начало от древнейших установлений, а не от их распада.

«Кто убьет свободного человека,— говорится в законе баварцев,— тот уплатит композицию его родственникам, если таковые окажутся, если же их не будет, то — герцогу или тому, кому убитый препоручил себя во время своей жизни». Известно, что значило препоручать себя за получение бенефиция.

«Тот, у кого похитили раба,— говорит закон аллеманов,— отправится к государю, которому подчинен похититель, чтобы получить следуемую композицию».

«Если сотник,— говорится в декрете Хильдеберта,— найдет вора не в своей, а в чужой сотне или в области наших верных, и не изгонит его оттуда, то он будет считаться виновным вместо вора или же должен будет очистить себя присягой». Из этого следует, что существовала разница между областью сотников и областью верных.

Этот декрет Хильдеберта служит объяснением постановления Хлотаря от того же года, вынесенного по такому же случаю и при тех же обстоятельствах, и отличается от первого только способом выражения. Постановление называет *intruste* то, что в декрете носит наименование *interminis fidelium nostrorum*. Биньон и Дюканж, полагавшие, что *intruste* означало владение другого короля, впали в этом случае в заблуждение.

В одном постановлении короля Италии Пипина, которое предназначалось столько же для франков, сколько для лангобардов, государь этот, определив наказание графам и другим королевским чиновникам за нарушение обязанностей при отправлении правосудия или за

проволочку в решении дел, предписывает, чтобы в тех случаях, когда франк или лангобард, имея феодал, не станет чинить суда, судья того округа, к которому он принадлежит, временно отстранял его от распоряжения феодалом и на этот срок отправлял в нем суд сам или через поверенного.

Один из капитуляриев Карла Великого доказывает нам, что короли не повсеместно взимали *fredum*. Из другого капитулярия того же государя видно, что в то время уже существовали правила феодальных отношений и феодальные суды. Далее, капитулярий Людовика Благочестивого постановляет, что в тех случаях, когда владелец феодала сам не чинит суда или препятствует в том другим, обращающиеся к нему за правосудием могут жить постоем в его доме, пока не последует решение их дела. Укажу еще на два капитулярия Карла Лысого: один от 861 года, в котором мы находим установление частных юрисдикции с их судьями и чиновниками, другой от 864 года, в котором государь этот различает собственные владения от владений частных лиц.

Мы вовсе не знаем первоначальной уступки феодалов, потому что феодалы произошли от известного нам раздела земель между победителями. Поэтому нельзя доказать на основании первоначальных договоров, что право суда было с самого начала соединено с феодалом. Но если в формулах, подтверждающих право на эти феодалы или закрепляющих их за владельцами на вечные времена, мы находим, как было сказано, что они уже имели право суда, то необходимо признать, что это право суда принадлежало феодалу по самой его природе и было одной из важнейших его прерогатив.

Мы имеем больше памятников, указывающих на введение вотчинного церковного суда на церковной территории, чем памятников, свидетельствующих о действии того же вотчинного суда в бенефициях или феодалах левдов или верных. Это объясняется двумя причинами: во-первых, большая часть дошедших до нас памятников была собрана и сохранена монахами в интересах их монастырей, во-вторых, церковные владения, образовавшиеся путем особых уступок и, так сказать, наперекор установленному порядку, предполагали существование соответствующих документов, тогда как уступка земель левдам, как следствие общего политического строя, делала ненужным получение, а тем более сохранение специальных документов. Часто даже случалось, что короли довольствовались при этом простой формой передачи посредством скипетра, как это можно видеть в жизнеописании св. Мавра.

Но третья формула Маркульфа служит для нас достаточным доказательством того, что привилегия иммунитета, а следовательно, и суда была общей для представителей церкви и мирян, так как она была установлена для тех и других. То же следует сказать и об узаконении Хлотаря II.

ГЛАВА XXIII

Общее понятие о книге аббата Дюбо «Установление французской монархии в Галлии»

Прежде чем закончить эту книгу, я считаю полезным подвергнуть некоторому исследованию произведение аббата Дюбо, потому что мои понятия постоянно противоречат тем, которые он высказывает, так что если он нашел истину, то я ее не нашел.

Это произведение ввело многих в заблуждение, потому что написано с большим искусством, потому что в нем постоянно предполагается то, что следует доказать, потому что, чем менее оно представляет доказательств, тем более дает вероятностей, потому что бесчисленное множество предположений выдается в нем за принципы и из них в виде заключения выводятся другие предположения. Читатель забывает о своих сомнениях и начинает верить. Л так как колоссальная эрудиция автора выразилась не в его системе, а лишь в ряде подробностей, то ум отвлекается этими подробностями и не занимается более главным. К тому же такое множество исследований не позволяет думать, чтобы ничего не

было найдено. Продолжительность путешествия заставляет думать, что цель его, наконец, достигнута.

Но, присмотревшись внимательно, находишь перед собой невероятных размеров колосса на глиняных ногах, и именно потому он так безмерно велик, что у него глиняные ноги. Если бы система аббата Дюбо была построена на прочной основе, ему незачем было бы доказывать ее на протяжении трех скучных томов, он нашел бы все, что ему было нужно, в самом предмете, не вдаваясь в беспрестанные поиски того, что лежит от него очень далеко,— сам разум включил бы эту истину в цепь других истин. История и наши законы сказали бы ему: «Не берите на себя так много труда: мы будем свидетельствовать за вас».

ГЛАВА XXIV

Продолжение той же темы. Размышление по поводу основы системы

Аббат Дюбо хочет устранить всякое представление о том, что франки вошли в Галлию как победители. По его мнению, наши короли, призванные народами, просто заняли место римских императоров и получили их права.

Утверждение это неприменимо ни к тому времени, когда Хлодвиг, войдя в Галлию, грабил и захватывал ее города, ни к тому, когда он, разбив римского наместника Сиагрия, покорил страну, которой тот управлял, оно может, следовательно, относиться только к тому времени, когда Хлодвиг уже завладел с помощью оружия значительной частью Галлии, после чего народ с любовью избрал его и призвал к владычеству над остальной страной. Недостаточно, чтобы он был принят, необходимо, чтобы он был призван: аббату Дюбо необходимо доказать, что народы предпочли власть Хлодвига власти римлян или власти своих собственных законов. Между тем римляне в той части Галлии, которая еще не была покорена варварами, делились, по мнению аббата Дюбо, на две группы: одни повиновались римским начальникам, другие же, принадлежавшие к арморийскому союзу, прогнали их, чтобы защищаться против варварских народов собственными силами и управляться собственными законами. Доказывает ли аббат Дюбо, что римляне, которые оставались еще подчиненными Риму, призвали Хлодвига? Нисколько. Доказывает ли он, что арморийская республика призвала Хлодвига или хотя бы заключила какой-либо договор с ним? И этого нет. Он не только ничего не может сказать нам о судьбе этой республики, но не может даже доказать ее существование, и хотя он прослеживает ее со времени Гонория до завоеваний Хлодвига и с удивительным искусством относит к ней все события того времени, ее совсем не видно у древних авторов. И действительно, одно дело доказать, опираясь на цитату из Зосима, что при Гонории арморийская страна и другие галльские провинции восстали и образовали нечто вроде республики, а другое — обнаружить, что, несмотря на неоднократно производившееся умиротворение Галлии, арморийцы продолжали составлять отдельную республику, существовавшую до завоеваний Хлодвига. Между тем, чтобы установить свою систему, аббат Дюбо нуждался в очень сильных и очень точных доказательствах: когда мы видим, что завоеватель входит в государство и подчиняет себе значительную его часть благодаря своему могуществу и насилиям, что по прошествии некоторого времени вся страна оказывается в его руках и история не говорит, как это случилось, — есть сильное основание думать, что дело кончилось так же, как и началось.

Если это положение остается недоказанным, очевидно, что вся система аббата Дюбо разрушается до самого основания, и каждый раз, как он будет делать какой-либо вывод, исходя из положения, что Галлия не была покорена франками, но что франки были призваны римлянами, положение это можно будет отвергнуть.

Аббат Дюбо хочет доказать свое основное положение ссылкой на римские звания, которые были присвоены Хлодвигу, он утверждает, будто Хлодвиг наследовал своему отцу Хильд ерику в должности начальника войск. Но эта должность составляет его собственное изобретение. Письмо св. Ремигия к Хлодвигу, на которое ссылается автор, содержит в себе

лишь поздравление короля со вступлением его на престол. Когда цель документа известна, зачем приписывать ему другую, которой он не имеет?

К концу своего правления Хлодвиг получил от императора Анастасия звание консула. Но какие права приобретал он этим званием, которое давалось всего на один год? Есть основание думать, говорит аббат Дюбо, что император Анастасий в том же дипломе сделал Хлодвигу проконсулом. А я скажу, что есть основание думать, что он этого не сделал. По отношению к ни на чем не основанному положению авторитет отрицающего равносителен авторитету утверждающего. Кроме того, у меня есть и основание для отрицания: Григорий Турский, который говорит о консульстве, ничего не сообщает о проконсульстве, если бы предположение аббата Дюбо было справедливо, Хлодвиг не мог бы занимать эту должность более шести месяцев, так как он умер полтора года спустя после того, как был назначен консулом, а проконсульская должность не была наследственным званием. Наконец, когда Хлодвиг был назначен консулом и, если угодно, проконсулом, он был уже властелином монархии и все его права были прочно установлены.

Другое доказательство, приводимое аббатом Дюбо, — это осуществленная императором Юстинианом передача всех имперских прав на Галлию детям и внукам Хлодвигу. Я мог бы многое сказать по поводу этой передачи. О значении, которое придавали ей франкские короли, можно судить на основании того, как они исполнили ее условия. К тому же они были господами Галлии, ее признанными государями. Юстиниан не владел в ней ни пядью земли. Западная империя была уже давно уничтожена, а восточный император не имел на Галлию никаких прав, кроме прав представителя западного императора, это были права на права. Монархия франков была уже основана, новые порядки уже вступили в силу, взаимные отношения лиц и населявших монархию народов были приведены к соглашению, каждому народу были даны свои законы, получившие даже письменную редакцию. Какое значение могла иметь эта посторонняя уступка прав уже установившемуся учреждению?

Для чего понадобились аббату Дюбо разглагольствования всех этих епископов, которые среди беспорядка и смятения, среди полного разрушения государства и опустошений завоевания стараются льстить победителю? Что доказывает лесть, кроме слабости того, кто вынужден льстить? О чем свидетельствуют красноречие и поэзия, кроме умения применять эти искусства?

Кого не удивит Григорий Турский, когда после рассказа об убийствах, совершенных Хлодвигом, он говорит, что бог тем не менее ежедневно поражал его врагов, потому что он ходил по путям божьим? Кто сомневается в том, что духовенство было очень радо обращению Хлодвигу и что оно извлекло из этого большие выгоды? Но кто может, с другой стороны, сомневаться и в том, что народы подверглись всем бедствиям завоевания и что римское правительство уступило место правительству германцев? Франки не хотели, да и не могли все изменить, вообще говоря, редко кто из завоевателей был одержим этой манией. Но для того, чтобы все выводы аббата Дюбо были верны, необходимо, чтобы франки не только ничего не изменили у римлян, но еще и изменились сами.

Следуя методу аббата Дюбо, я мог бы доказать, что греки вовсе не покорили Персии. Сначала я стал бы говорить о договорах, которые некоторые из их городов заключили с персами, я сказал бы о греках, которые были на жалованье у персов, подобно тому как франки были на жалованье у римлян, что если Александр вошел в страну персов, если он осадил, взял и разрушил город Тир, то это было частное дело, подобно победе над Сиагрием. Взгляните, как еврейский первосвященник выходит к нему навстречу, прислушайтесь к оракулу Юпитера Аммона, вспомните, что было предсказано о нем в Гордии, посмотрите, как все города выбегают, так сказать, к нему навстречу, как являются к нему толпою сатрапы и знать. Он одевается по-персидски, это — консульское одеяние Хлодвигу. Разве Дарий не предлагал ему половину своего государства? Разве Дарий не был убит как тиран? Не оплакивают ли мать и жена Дария смерть Александра? Разве Квинт Курций, Арриан и Плутарх были современниками Александра? Не Наградило ли нас книгопечатание познаниями, которых не доставало этим авторам? Такова история *Установления*

ГЛАВА XXV О французском дворянстве

Аббат Дюбо утверждает, что в первое время существования нашей монархии у франков было только одно сословие граждан. Это утверждение одинаково оскорбительно и для наших знатнейших родов, и для трех великих династий, последовательно одна за другой царствовавших над нами. Итак, начало их величия не теряется во мраке времен? Итак, история может осветить столетия, в продолжение которых они принадлежали к простым родам? Итак, Хильперик, Пипин и Гуго Капет могли быть дворянами только в том случае, если они происходили от римлян и саксов, т. е. от народов порабощенных?

Аббат Дюбо основывает свое мнение на салических законах. Из этих законов, говорит он, ясно, что у франков вовсе не было двух сословий граждан. Они назначали композиции в двести солидов за смерть всякого франка без различия, но между римлянами различали королевского сотрапезника, римлянина-собственника и податного римлянина: за первого назначалась композиция в триста солидов, за второго — в сто, за третьего — только в сорок пять солидов. А так как в размерах композиций состоял главный признак различия сословий, то аббат Дюбо и заключил, что у франков было только одно сословие граждан, а у римлян — три.

Удивительно, как эта самая ошибка аббата Дюбо не открыла ему его заблуждения. В самом деле, было бы очень странно, если бы сословие благородных у римлян, жившее под владычеством франков, получало более высокую композицию и пользовалось большим значением, чем славнейшие из франков и величайшие из их предводителей.

Можно ли поверить, чтобы народ-победитель проявлял так мало уважения к самому себе и так много — к народу, им побежденному? Кроме того, аббат Дюбо ссылается на законы других варваров, доказывающие, что у них имелись различные сословия граждан. Было бы очень странно, если бы франки составляли исключение из этого общего правила. Уж это одно должно было навести его на мысль, что он неверно понял или неверно применил тексты салического закона, что в действительности и было.

Из этого закона мы узнаем, что композиция за смерть антрустиона, т. е. верного или вассала короля, составляла шестьсот солидов, а за римлянина, сотрапезника короля, — только триста солидов. Там же находим, что композиция за смерть простого франка составляла двести солидов, а за простого римлянина — только сто. Кроме того, за податного римлянина, нечто вроде крепостного или вольноотпущенного, уплачивалась композиция в сорок пять солидов, но я не буду говорить о ней, как и о композиции за франка-крепостного или вольноотпущенного, так как здесь нет речи об этом третьем разряде.

Что же делает аббат Дюбо? Он умалчивает о высшем общественном сословии у франков, т. е. о статье закона, относящейся к антрустионам, и затем, сравнивая простого франка, за смерть которого полагалась композиция в двести солидов, с римлянами так называемых им трех сословий, за которых платились композиции различных размеров, он делает заключение, что у франков было только одно сословие граждан, а у римлян — три.

Если у франков был только один класс граждан, то, казалось бы, и у бургундов не должно было быть иначе, так как их королевство составило одну из главнейших частей нашей монархии, между тем в их кодексах существуют три композиции, одна для бургундов и римлян из сословия благородных, другая для бургундов и римлян среднего состояния и третья для людей низшего состояния из обоих народов. Аббат Дюбо совсем не упомянул об этом законе.

Нельзя не удивляться, когда видишь, как он уклоняется от наступающих на него со всех сторон противоречий. Заговорят ли о знати, сеньорах и дворянах, он отвечает, что то были частные, а не сословные различия, формы вежливости, а не юридические

преимущества, что люди, о которых говорят, принадлежали к совету короля, что это даже могли быть римляне, но что во всяком случае у франков было только одно сословие граждан.

С другой стороны, если говорится где-нибудь о франке низшего сословия, то он утверждает, что это крепостной. Так он толкует и декрет Хильдеберта. Считаю нужным дать некоторые пояснения по поводу этого декрета. Аббат Дюбо сделал его знаменитым, потому что воспользовался им с целью доказать два положения: во-первых, что все композиции, какие только мы находим в законах варваров, были лишь гражданскими возмещениями, дополнительными к телесным наказаниям,— положение, ниспровергающее все наши древние памятники, во-вторых, что все свободные люди подлежали прямому и непосредственному суду короля, чему опять-таки противоречит бесчисленное множество сочинений и авторитетов, которые знакомят нас с судебными порядками тех времен. В этом декрете, вынесенном в народном собрании, говорится, что если судья найдет заведомого вора, то, в случае если это будет франк (*Francus*), его следует отослать к королю, если же это будет лицо меньшего достоинства (*debilior persona*), то — тут же повесить. Аббат Дюбо слово *Francus* переводит — свободный человек, а *debilior persona* — крепостной. Оставим на время в стороне слово *Francus* и начнем с рассмотрения, как следует понимать слова *debilior persona*, в буквальном Переводе — *более слабое лицо*. Я утверждаю, что на каждом языке всякое сравнение необходимо предполагает три степени: высшую, среднюю и меньшую. Если бы здесь речь шла только о свободных людях и крепостных, то сказали бы *крепостной*, а не *более слабый человек*. Таким образом, *debilior persona* вовсе не означает здесь крепостного человека, но человека, ниже которого должен стоять крепостной. Если так, то *Francus* будет означать не свободную, а могущественного человека. И слово *Francus* имеет здесь действительно этот смысл, потому что среди франков всегда находились люди, которые пользовались в государстве большим могуществом и с которыми судье или графу трудно было справиться. Объяснение это находится в согласии с большим числом капитуляриев, в которых приводятся случаи, когда преступников можно было отсылать на суд короля и когда этого нельзя было делать.

В жизнеописании Людовика Благочестивого, написанном Теганом, говорится, что епископы были главными виновниками унижения этого государя — в особенности те из них, которые раньше были крепостными, и те, которые родились среди варваров. Теган обращается к Гебону, которого этот государь вывел из рабства и сделал реймским архиепископом, с такими словами: «Какую награду получил император за столько благодеяний! Он сделал тебя свободным, но не благородным, благородным он не мог тебя сделать, даровав тебе свободу».

Эта речь, столь ясно доказывающая существование двух разрядов граждан, нисколько не затрудняет аббата Дюбо. Он отвечает так: «Это вовсе не значит, что Людовик Благочестивый не мог возвести Гебона в звание благородного. Гебон, как реймский архиепископ, принадлежал к высшему классу, стоявшему над благородными». Предоставляю читателю решить, сказано ли это в приведенном месте, пусть он сам судит, идет ли здесь речь о первенствующем значении духовенства сравнительно с дворянством. «Это место доказывает только, — продолжает аббат Дюбо,— что свободнорожденные граждане назывались людьми благородными, согласно общепринятым обычаям благородный и свободнорожденный человек долгое время означали одно и то же». Как! Только потому, что в новейшие времена некоторые буржуа получили звание благородных, цитата из жизнеописания Людовика Благочестивого становится применимой к этим людям? «Может быть также,— добавляет он,— Гебон был рабом вовсе не у франков, а у саксов или у какого-либо другого германского народа, где граждане делились на несколько разрядов». Итак, по причине *может быть* аббата Дюбо следует считать, что у франков не было дворянства. Но он никогда еще не употреблял так некстати слово *может быть*. Мы сейчас видели, что Теган, говоря о епископах, которые противодействовали Людовику Благочестивому, различает тех, которые вышли из крепостных, и тех, которые происходили от варваров. Гебон принадлежал к первым, а не к последним. К тому же я не понимаю, как

можно говорить, что крепостной, как Гебон, мог быть саксом или германцем: крепостной не имеет семейства, а следовательно, и народности. Людовик Благочестивый отпустил Гебона на волю, а так как вольноотпущенники принимали закон своего господина, то и Гебон стал франком, а не саксом или германцем.

Я напал, теперь же стану защищаться. Мне скажут: сословие антрустионов, конечно, составляло особый разряд граждан, отличный от простых свободных, но так как феодалы сначала были временными, а затем пожизненными, то и не могло образоваться наследственного дворянства за невозможностью присвоить прерогативы наследственному владению. Это самое возражение, несомненно, и внушило де Валуа мысль, что у франков был один разряд граждан,— мысль, которую заимствовал у него аббат Дюбо, чтобы затем исказить ее плохими доказательствами. Как бы то ни было, не аббат Дюбо мог сделать это возражение, иначе, признав существование трех разрядов римского дворянства и звание королевского сотрапезника для первого из них, он не сказал бы, что звание это означало родовое дворянство более, чем означало его звание антрустиона. Но я должен дать прямой ответ. Антрустионы, или верные, были таковыми не потому, что имели феодал, наоборот — им давали феодал потому, что они были антрустионами, или верными. Следует вспомнить, что я говорил в первых главах этой книги: они еще не владели в то время постоянно одним и тем же феодалом, как это было впоследствии, но если они лишались одного феодала, то взамен его им давали другой, так как феодалы давались в зависимости от происхождения человека, так как они давались часто и в народных собраниях и, наконец, так как было столько же в интересах дворян получать их, как в интересах короля их давать. Эти роды отличались своим званием верных и преимущественным правом компенсации за феодал. Я укажу в следующей книге, каким образом благодаря обстоятельствам того времени свободные люди могли иногда пользоваться этим великим преимуществом и, следовательно, вступать в сословие дворян. Этого не было во время Гонтрана и его племянника Хильдеберта, но это было при Карле Великом. Тем не менее, хотя со времен этого государя свободные люди не считались неспособными к владению феодалом, отпущенные на волю крепостные, как это, невидимому, следует из приведенной выше цитаты из Тегана, были совершенно лишены этого права. Аббат Дюбо, ссылающийся даже на Турцию с целью дать нам понятие о том, чем была древняя французская знать, быть может, заметит на это, что в Турции никогда не жаловались на предоставление почестей и дарование высоких званий людям низкого происхождения, как жаловались на это в царствование

Людовика Благочестивого и Карла Лысого. Но на это не жаловались в эпоху Карла Великого, потому что этот государь всегда отличал старые роды от новых, чего не делали Людовик Благочестивый и Карл Лысый.

Общество не должно забывать, что обязано аббату Дюбо многими превосходными сочинениями, и должно судить о нем по этим прекрасным его произведениям, а не по книге, о которой мы здесь говорим. В ней аббат Дюбо допустил большие ошибки, потому что больше имел в виду графа де Буленвилье, чем разрабатываемый предмет. Из всей моей критики я выведу одно размышление: если этот великий человек заблуждался, то чего только не могу опасаться я?

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Теория феодального права франков в его отношении к изменениям, происходившим в их монархии

ГЛАВА I

Изменения в должностях и феодалах

Сначала графы посылались в округа только на один год. Но вскоре они стали покупать право продления своей должности. Мы находим пример тому уже в царствование внуков Хлодвига. Некто Пеоний, граф в городе Оксерре, послал сына своего Муммола с деньгами к Гоитрану, чтобы получить разрешение на дальнейшее пребывание в своей должности. Сын отдал эти деньги за себя и таким образом получил место отца, Короли уже тогда начинали торговать своими милостями.

Хотя по законам королевства феоды и подлежали возврату, их, однако, не давали и не отбирали назад по капризу или произволу. Предмет этот принадлежал обыкновенно к одному из главных вопросов, разрешаемых в народных собраниях. Само собой разумеется, что и в настоящем случае, как и в предыдущем, подкуп оказывал свое действие и что за деньги можно было продлить владение феодом, так же как и графством.

Я покажу дальше, что кроме пожалований, делаемых государями на время, были такие, которые делались навсегда. Однажды двор задумал отменить сделанные ранее пожалования, это вызвало всеобщее недовольство, следствием которого был знаменитый в истории Франции переворот, начавшийся удивительным зрелищем казни Брунгильды.

Прежде всего кажется непонятным, каким образом эта королева, дочь, сестра, мать столь многих королей, знаменитая еще теперь созданиями, достойными римского эдила или проконсула, одаренная от природы удивительной способностью к большим делам, обладающая достоинствами, которые так долго пользовались уважением,— каким образом могла она вдруг подвергнуться столь продолжительным, постыдным и жестоким мучениям по распоряжению короля, не пользовавшегося большим уважением у своего народа,— если только не предположить, что была какая-то особая причина нерасположения к ней со стороны самого народа. Хлотарь упрекал ее в смерти десяти королей, но между ними двое были убиты по его приказанию, а из остальных некоторые пали жертвой судьбы или злобы другой королевы, и народ, который позволил Фредегонде спокойно умереть в ее постели и даже воспротивился ее наказанию за ужасные преступления, мог бы, казалось, остаться равнодушным к преступлениям Брунгильды. Посадив на верблюда, ее возили перед всем войском: очевидно, войско было нерасположено к ней. Фредегар говорит, что Претории, любимец Брунгильды, отбирал имущество сеньоров и пополнял им казну, что он унижал дворянство и что никто не мог быть уверен в том, что он сохранит за собой свою должность. В войске был составлен против него заговор, и он был заколот кинжалом в собственной палатке. Брунгильда, мстя за его смерть или преследуя те же цели, становилась с каждым днем все более и более ненавистна народу. Хлотарь хотел царствовать один, был исполнен самых мстительных чувств, он был уверен, что погибнет, если только дети Брунгильды одержат верх. Поэтому он вступил в заговор против самого себя. Вследствие ли своей неспособности или потому, что его принуждали к тому обстоятельства, он выступил обвинителем Брунгильды и проявил на этой королеве пример жестокости.

Душой заговора против Брунгильды был Варнахар. Он был назначен майордомом Бургундии и потребовал от Хлотаря обязательства, что тот сохранит за ним это место до самой его смерти. Таким образом, майордом вышел из положения, в котором находились французские сеньоры, и власть эта начала становиться независимой от власти королевской.

Более всего встревожило народ пагубное правление Брунгильды. Пока законы сохраняли свою силу, никто не мог жаловаться на отнятие у него феода, ибо закон не давал их навсегда, но когда раздачей феодов стали руководить алчность, происки и подкупы, то поднялись жалобы на несправедливое отнятие того, что часто было приобретено не лучшим способом. Быть может, не было бы возражений против отнятия феодов, если бы к тому побуждали мотивы общественного блага. Но дело в том, что ссылались на общественное благо, и в то же время не скрывался подкуп, предъявлялись права казны, чтобы затем расточать казенное имущество по произволу, пожалования перестали быть наградой за оказанные или ожидаемые услуги. Руководствуясь порочными побуждениями, Брунгильда хотела исправить злоупотребления прежней испорченности. Ее прихоти вовсе не были прихотями слабого ума. Левды и высшие чины были уверены, что она их погубит,— и

потому погубили ее.

Без сомнения, мы располагаем далеко не всеми актами, обнародованными в то время, а сообщения хроник, составители которых знали об истории своего времени не более того, что знают в настоящее время сельские жители о нашей, отличаются крайней скудостью. У нас, однако, есть постановление Хлотаря, обнародованное на соборе в Париже с целью исправления злоупотреблений, из него видно, — что государь этот прекратил жалобы, вызвавшие переворот. С одной стороны, он подтверждает все пожалования, сделанные или подтвержденные его предшественниками, а другой — постановляет, чтобы все отнятое у его лендов, или верных, было им возвращено.

Это не было единственной уступкой короля на том соборе. Он потребовал исправления всех нарушений привилегий духовенства и ограничил влияние двора на избрание епископов. Он также изменил фискальные порядки, отменив все вновь введенные повинности и все дорожные пошлины, установленные после смерти Гонтрапа, Сигиберта и Хильперика, словом, он отменял все, что было сделано за время регентства Фредегонды и Брунгильды: он запретил, чтобы его стада паслись в лесах частных лиц. Мы сейчас увидим, что его преобразования этим еще не ограничились и были распространены на гражданские дела.

ГЛАВА II

Каким образом было преобразовано гражданское управление

До сих пор мы видели, как нация обнаруживала нетерпение и легкомыслие в деле выбора своих повелителей и в своих суждениях об их поведении, видели, как она улаживала их взаимные распри и понуждала их к миру. Но теперь нация совершила то, чего мы еще не видели, она обратила внимание на свое настоящее положение, подвергла хладнокровному рассмотрению свои законы, исправила их недостатки, остановила насилия и установила нормы власти.

Мужественное, отважное и дерзкое правление Фредегонды и Брунгильды не столько удивило нацию, сколько послужило для нее предупреждением. Фредегонда защищала свои злобные деяния такими же злобными деяниями, оправдывала отравления и убийства отравлениями же и убийствами, поведение ее было такого рода, что ее посягательства имели более частный, чем общественный характер. Фредегонда делала больше зла, Брунгильда более заставила его опасаться. Во время этого кризиса нация не ограничилась приведением в порядок феодального управления, она захотела также обеспечить порядок своего гражданского управления, так как это последнее находилось в состоянии еще большего развращения, чем первое, развращения, тем более опасного, что оно было застарелым и в некотором роде было более связано со злоупотреблениями нравов, чем со злоупотреблениями законов.

Хроника Григория Турского и другие памятники обнаруживают перед нами, с одной стороны, жестокую и дикую нацию, с другой — не менее жестоких и диких королей. Они были убийцами, они были несправедливыми и жестокими, потому что весь народ был таким. Если христианство иногда как бы укрощало их, то лишь посредством того страха, который оно внушает виновным. Церкви защищались от них чудесами и знаменами своих святых. Короли не были святотатцами, потому что боялись наказаний за святотатство, но в то же* время — в порыве гнева или хладнокровно — они совершали всевозможные преступления и несправедливости, потому что эти преступления и несправедливости не вызывали у них представления о непосредственном вмешательстве карающего божества, как в первом случае. Франки, как я сказал, терпели королей-убийц, потому что сами были убийцами. Их не поражали насилия и грабительства их королей, потому что они сами были такими же грабителями и насильниками. Правда, существовали законы, но короли делали их бесполезными своими грамотами, так называемыми прецепциями, ниспровергавшими эти самые законы. Это было нечто вроде рескриптов римских императоров, — неизвестно

только, у них ли франки заимствовали этот обычай или изобрели его сами, следуя влечениям собственной природы. Мы узнаем от Григория Турского, что они совершенно хладнокровно совершали убийства и казнили обвиняемых, даже не выслушав их. Они выдавали прецепции на заключение противозаконных браков, на завладение чужим наследством, на устранение прав родителей, на вступление в брак с монахинями. Правда, они не издавали законов по одним личным побуждениям, но зато останавливали действие существующих законов.

Эдикт Хлотаря отменил все эти несправедливости. Никого нельзя было более осуждать, не выслушав его предварительно, родственники должны были всегда наследовать согласно правилам, установленным законом, все прецепции относительно замужества дочерей, вдов и монахинь были объявлены недействительными и определены строгие наказания тем, которые получали эти прецепции и пользовались ими. Мы имели бы, быть может, более точные сведения о том, что именно постановлял эдикт об этих прецепциях, если бы его статьи с 13-й по 15-ю не сделались жертвой времени. До нас дошли только первые слова 13-й статьи, в которых предписывается соблюдение прецепции, что, конечно, не может относиться к тем из них, которые были отменены этим же законом. Мы имеем другое постановление того же государя, которое имеет отношение к его эдикту и исправляет одно за другим все злоупотребления прецепции.

Правда, Балюз, не найдя на этом постановлении обозначения времени и места его издания, приписал его Хлотарю I, между тем как оно принадлежит Хлотарю II, что я могу подтвердить следующими тремя доводами.

1. В нем сказано, что король сохраняет за церквами их иммунитеты, дарованные его отцом и дедом. Какие иммунитеты мог даровать церквам Хильдерик, дед Хлотаря I, который не был христианином и жил до основания монархии? Другое дело, если мы припишем этот декрет Хлотарю II, дедом которого был этот самый Хлотарь I, даровавший церквам несметные имущества, чтоб только искупить смерть своего сына Крамна, сожженного им с женою и детьми.

2. Злоупотребления, исправление которых было предпринято этим постановлением, не только продолжали существовать после смерти Хлотаря I, но и достигли самой высокой степени во время слабого правления Гоитрана, жестокого правления Хильдерика и ужасного регентства Фредегонды и Брунгильды. Каким образом могла нация переносить без всякой жалобы все эти постоянно возобновлявшиеся несправедливости, после того как они были торжественно отменены? Почему еще в то время не поступила она так, как поступила впоследствии, когда принудила Хильдерика II, возобновившего прежние насилия, предписать, чтобы на суде следовали закону и обычаям по примеру прежних времен?

3. Наконец, это постановление, имевшее целью прекращение неудовольствий, не может принадлежать Хлотарю I, так как в его царствование в королевстве не было никаких жалоб по этому поводу, а власть короля очень укрепилась, в особенности в то время, к которому относят издание этого постановления, с другой стороны, оно вполне соответствует событиям, происшедшим в царствование Хлотаря II и имевшим своим последствием переворот в политическом положении королевства. Следует искать объяснения истории в законах, а объяснения законов — в истории.

ГЛАВА III **Власть майордомов**

Я сказал, что Хлотарь II обязался не лишать Варнахара должности майордома в продолжение его жизни. Этот переворот имел еще другое действие: прежде майордом был управляющим короля, теперь же он стал управляющим королевства, прежде его избирал король, теперь же избирала нация. До этого переворота Протория назначил майордомом Теодорих, Ландериха — Фредегонда, но затем право избрания стало принадлежать нации.

Итак, не следует смешивать, как это делают некоторые авторы, последних майордомов

с теми, которые занимали эту должность до смерти Брунгильды, майордомов короля с майордомами королевства. Из закона бургундов видно, что у них должность майордома не принадлежала к числу первых в королевстве, не принадлежала она к высшим должностям и у первых франкских королей.

Хлотарь закрепил должности и феодалы за их владельцами, а когда после смерти Варнахара он обратился к собравшимся в Труа сеньорам с вопросом, кого они желают избрать майордомом, они все воскликнули, что выбирать не станут, что, препоручая себя его благосклонности, отдаются в его распоряжение.

Дагоберт, подобно отцу, объединил всю монархию в своих руках, народ доверился ему и не назначил ему майордома. Чувствуя себя свободным и к тому же уверенный вследствие одержанных им побед в собственной силе, он пошел по стопам Брунгильды. Но он потерпел в этом неудачу: левды Австралии были разбиты славянами и разошлись по домам, а пограничные земли Австразии сделались добычей варваров.

Тогда он решился предложить австразийцам уступить Австразию вместе с казной своему сыну Сигиберту, а управление государством и дворцом отдать в руки Кельнского епископа Куниберта и герцога Адальгиза. Фредегар не сообщает подробностей принятых в то время условий, но король утвердил их все своими грамотами, и Австразия была немедленно освобождена от всякой опасности.

Дагоберт, чувствуя приближение смерти, препоручил Эге свою жену Нантехильду и своего сына Хлодвига. Левды Нейстрии и Бургундии избрали этого молодого принца своим королем. Эга и Нантехильда управляли дворцом, они возвратили все имущества, отнятые Дагобертом, и жалобы прекратились в Нейстрии и Бургундии так же, как они перед тем прекратились в Австразии.

По смерти Эги королева Нантехильда убедила бургундских сеньоров избрать своим майордомом Флоахата. Последний разослал епископам и крупнейшим сеньорам Бургундского королевства письма, в которых обещал им сохранить за ними навсегда, т. е. пожизненно, их почетные звания и должности. Он подтвердил свое слово присягой, и автор книги о королевских майордомах ведет с этого времени начало управления королевства майордомами.

Фредегар, бургунд по рождению, сообщает больше подробностей о бургундских майордомах во времена описываемого нами переворота, чем о майордомах Австразии и Нейстрии, но договоры, заключенные в Бургундии, были по тем же причинам заключены и в Нейстрии и Австразии.

Народ полагал, что гораздо безопаснее иметь могущественного майордома, которого он сам избирал и которому мог предписывать условия, чем могущественного короля, власть которого была наследственной.

ГЛАВА IV

Как относилась нация к майордомам

Образ правления, при котором нация, имевшая короля, сама избирала человека, которому вручалась королевская власть, кажется весьма необычайным, но, независимо от обстоятельств того времени, я полагаю, что франки вынесли относящиеся сюда понятия из очень отдаленной эпохи.

Они происходили от германцев, о которых Тацит говорит, что при выборе короля они руководствовались благородством его происхождения, а при выборе вождя — его доблестью. Вот прообраз наследственных королей первой династии и выборных майордомов.

Не подлежит сомнению, что те вожди, которые вставали в народной собрании и предлагали вести на какое-либо предприятие тех, кто захочет за ними следовать, в большинстве случаев соединяли в своем лице авторитет короля с могуществом майордома.

Их благородное происхождение сообщало им королевское достоинство, а их доблесть, побуждавшая многих добровольцев следовать за ними, как за своими вождями, сообщала им могущество майордомов. Так, в силу своего королевского достоинства наши первые короли председательствовали в судах и собраниях и издавали законы с согласия этих собраний, а в качестве герцогов или вождей они предпринимали походы и предводительствовали армиями.

Чтобы понять тот дух, который руководил первыми франками в этом отношении, достаточно познакомиться с поведением Арбогаста, родом франка, которому Валентиниан поручил начальство над войском. Он заключил императора во дворце и запретил кому бы то ни было говорить с ним о гражданских или военных делах. Он сделал то же самое, что впоследствии делали Пипины.

ГЛАВА V

Каким образом майордомы получили начальство над войском

Пока короли предводительствовали войском, нации и в голову не приходило выбирать себе военачальника. Хлодвиг и его четыре сына стояли во главе французов и вели их от победы к победе. Теобальд, сын Теодеберта, государь юный, слабый и болезненный, первый из королей остался во время войны в своем дворце. Он отказался отправиться в поход в Италию против Нарсеса и, к своему огорчению, должен был видеть, как франки избрали себе двух вождей, которые и повели их в этот поход. Из четырех сыновей Хлотаря I Гонтран наиболее пренебрегал своими обязанностями военачальника. Другие короли следовали его примеру, а во избежание опасности от передачи командования войском в чужие руки они назначали многих предводителей или герцогов.

Отсюда произошли бесчисленные неудобства: не стало дисциплины, исчез дух повиновения, войско губило только собственную страну и оказывалось обремененным добычей прежде, чем достигало неприятельских владений. У Григория Турского мы находим живое описание всех этих бедствий. «Как можем мы победить, — говорит Гонтран, — если мы не в состоянии удержать и того, что приобрели наши отцы? Наш народ уже не тот, что был прежде». Странное дело! Этот упадок начался уже при внуках Хлодвига.

Поэтому было естественно остановиться на избрании одного единственного вождя, который имел бы власть над бесчисленным множеством сеньоров и левдов, не признававших более своих обязательств, — вождя, который восстановил бы военную дисциплину и повел бы против неприятеля нацию, умевшую теперь воевать только против собственной страны. Власть эта была предоставлена майордомам.

Первоначально должность майордомов состояла в управлении королевскими имуществами. Им также принадлежало политическое управление феодами, эти обязанности они сначала исполняли совместно с другими должностными лицами, а потом одни. Затем им принадлежало управление военными делами и командование войсками, две последние должности были по необходимости связаны с двумя первыми. В те времена было труднее собрать войско, чем им предводительствовать, и кто мог обладать в этом деле большим авторитетом, как не тот, кто раздавал милости? Эту независимую и воинственную нацию приходилось больше призывать, чем принуждать, давать феоды или хоть надежду на получение феодов, оставшихся свободными / после смерти владельцев, беспрестанно награждать, заставлять опасаться предпочтений. Следовательно, тот, кто заведовал дворцом, должен был и начальствовать над войсками.

ГЛАВА VI

Второй период упадка королей первой династии

После казни Брунгильды майордомы управляли королевством под властью королей, и, хотя они руководили военными действиями, короли стояли, во главе войск, а майордом и народ сражались под их начальством. Но победа герцога Пипина над Теодорихом и его майордомом завершила унижение королей, победа же, одержанная Карлом Мартеллом над Хильдериком и его майордомом Ренфридом, подтвердила это унижение. Австрия дважды одержала верх над Нейстрией и Бургундией, а так как звание майордомов Австрии сделалось как бы принадлежностью рода Пипинов, то эти майордомы возвысились над всеми остальными, и этот дом — над всеми другими домами. Опасаясь, чтобы какое-нибудь влиятельное лицо не овладело особой государя с целью произвести смуту, победители стали держать его во дворце как бы в тюрьме и только раз в год показывали его народу. Оттуда он издавал указы, — но то были указы майордома, он отвечал послам, но то были ответы майордома. Историки того времени говорят нам, что майордомы управляли королями, которые были им подчинены.

Пристрастие народа к роду Пипина было так велико, что он избрал майордомом одного из его внуков, который был еще ребенком, и поставил его над известным Дагобертом, как призрак над другим призраком.

ГЛАВА VII

Важнейшие должности и феодалы при майордомах

Майордомы никогда не думали о том, чтобы восстановить принцип сменяемости лиц на занимаемых ими местах и должностях, господство их было основано на покровительстве, которое они в этом отношении оказывали знати, и назначения на высшие должности были по-прежнему пожизненными, так что обычай этот все более и более укоренялся.

Но я хочу сделать несколько особых замечаний по поводу феодалов. Я не сомневаюсь, что уже к рассматриваемому времени они в большинстве случаев сделались наследственными,

В договоре, заключенном в Андели, Гонтран и его племянник Хильдеберт обязались утвердить за левдами и церквами пожалования королей, их предшественников, королевам же, дочерям и вдовам королей дозволялось располагать по завещанию и на вечные времена имуществом, полученным ими от казны.

Маркульф писал свои формулы во времена майордомов. Во многих из них мы находим королевские пожалования лицу и его наследникам, и так как формулы эти отражают повседневные явления действительности, то и служат доказательством, что при последних королях первой династии часть феодалов уже переходила к наследникам. Понятие о неотчуждаемости государственной собственности было совершенно чуждо тому времени. Оно возникло лишь очень недавно, и его тогда еще не знали ни в теории, ни на практике.

Мы скоро увидим фактические подтверждения этого, и, если я укажу на такое время, когда не стало больше ни военных бенефициев, ни иного фонда для содержания войска, необходимо будет признать, что старые бенефиции были отчуждены. Так было во время Карла Мартелла, основавшего новые феодалы, которые следует строго отличать от старых.

Начав раздачу имущества на вечные времена, — вследствие ли подкупов, проникших в государственное управление, или вследствие самого государственного строя, обязывавшего королей постоянно раздавать награды, — короли, естественно, должны были предпочесть раздавать на вечные времена феодалы, чем графства: лишая себя немногих земель, они не несли большой потери, тогда как, отказываясь от первых в государстве должностей, они отказывались от собственной власти.

ГЛАВА VIII

Каким образом аллоды обратились в феодалы

Способ обращения аллода в феоде приведен в одной из формул Маркульфа. Собственник отдавал свою землю королю и получал ее от него обратно для пользования или в качестве бенефиция и указывал королю своих наследников.

Чтобы найти причины, побуждавшие к такому извращению сущности аллода, мне приходится разыскивать как бы во мраке времен древние прерогативы дворянства, покрытые пылью, кровью и потом одиннадцати веков.

Те, кто владел феоде, пользовались очень большими преимуществами. Они пользовались более высокой композицией за причиненные обиды, чем свободные люди. Из формул Маркульфа можно заключить, что композиция в шестьсот солидов, уплачиваемая убийцей, составляла привилегию королевского вассала. Она была установлена салическим законом и законом рипуариев, но, назначая шестьсот солидов за смерть королевского вассала, оба эти закона определяли только двести солидов за смерть свободнорожденного, франка, варвара или человека, живущего под властью салического закона, и только сто солидов за жизнь римлянина.

Но это не была единственная привилегия королевских вассалов. Надо знать, что если кто-либо, будучи вызван в суд, не являлся или оказывал неповиновение постановлениям суда, то его призывали к суду короля, если же он не являлся и на суд короля, то лишался королевского покровительства, и никто не имел права ни принять его у себя, ни дать ему хлеба. Если он был простого звания, все его имущество подвергалось конфискации, но если он был вассалом короля, то его имущество конфискации не подлежало. Неявка на суд почиталась доказательством виновности простого франка, но не вассала короля, и тогда как первый за малейшее преступление подвергался испытанию кипятком, второго приговаривали к этому испытанию только в случае убийства. Наконец, нельзя было заставлять королевского вассала приносить на суде присягу против другого вассала. Число этих привилегий непрерывно увеличивалось, и капитулярий Карломана оказывает честь королевским вассалам, предоставляя им право приносить присягу не лично, а через своих вассалов. Кроме того, если владелец феода не являлся в войско, он в наказание должен был воздерживаться от мяса и вина столько времени, сколько он отсутствовал на службе, но если свободный человек не следовал за графом, то платил штраф в шестьдесят солидов, а до тех пор, пока не уплачивал его, должен был состоять в крепостной зависимости.

Итак, легко понять, что франки, которые не были вассалами короля, и тем более римляне, старались ими сделаться, а чтобы не лишиться своих владений, они ввели обычай отдавать свой аллод королю, получать его от короля обратно как феоде и указывать ему своих наследников. Обычай этот упрочился и получил особенно широкое распространение в смутное время второй династии, когда всякий нуждался в защитнике и искал союза с прочими сеньорами, чтобы войти, так сказать, в феодальную монархию, так как политической монархии более не существовало.

Так продолжалось и во время третьей династии, как это видно из многих грамот, в одних случаях собственник отдавал свой аллод и получал его в том же акте обратно, в других — объявлял его аллодом и затем признавал феоде. Феоды эти назывались *возвратными феодами*.

Из этого еще не следует, что владельцы феодов проявляли отеческую заботу при управлении феодами, хотя свободные люди и очень старались получить феоды, они обращались с этого рода имуществами подобно тому, как в наше время хозяйничают в имениях, находящихся в пожизненном пользовании. Это-то и побудило Карла Великого, самого бдительного и внимательного из всех наших государей, издать целый ряд распоряжений с целью воспрепятствовать разорению феодов их владельцами за счет обогащения имений, составлявших их собственность. Это доказывает только, что в его время бенефиции в большинстве случаев были еще пожизненными и что, следовательно, о них заботились менее, чем об аллодах. Но, несмотря на это, положение королевского вассала

предпочитали положению свободного человека. Желание располагать известной частью феода могло иметь свои причины, но никто не хотел терять соединенного с ним достоинства.

Я знаю, что Карл Великий жалуется в одном из капитуляриев, что в некоторых местах встречались люди, которые отдавали свои феоды в собственность и затем выкупали их как собственность. Но я вовсе не говорю, что собственность не предпочитали пожизненному пользованию, я говорю только, что когда представлялась возможность обратить аллод в феодал с правом передачи его наследникам, что составляет предмет приведенной выше формулы, то это было очень выгодно делать.

ГЛАВА IX

Каким образом церковные имущества были обращены в феодалы

Государственные имущества не должны были иметь иного назначения, кроме того, чтобы служить королевской казной для пожалований с целью привлечения франков к новым предприятиям, которые в свою очередь опять-таки увеличивали государственные имущества. Это, как я сказал, вполне соответствовало духу нации, но пожалования приняли иное направление. До нас дошла речь Хильдерика, внука Хлодвига, в которой он уже в то время жалуется, что почти все его имущества были отданы церквам, «Наша казна обеднела, — говорит он, — наши богатства перешли к церквам. Епископы одни господствуют, они на высоте, а мы — уж нет».

Следствием этого было то, что майордомы, не дерзавшие трогать сеньоров, обобрали церкви. Один из поводов, приведенных Пипином для вторжения в Нейстрию, заключался в том, что его призвало духовенство для обуздания королей, т. е. майордомов, которые лишали церковь всего ее имущества.

Майордомы Австразии, т. е. дом Пипинов, проявляли в отношении к церкви больше умеренности, чем майордомы Нейстрии и Бургундии. Это ясно видно из наших хроник, в которых монахи не могут нахвалиться благочестием и щедростью Пипина. Они сами заняли первые места в церкви. «Ворон ворону глаз не выклюет», — говорил Хильдерик епископам.

Пипин покорил Нейстрию и Бургундию, и так как он предпринимал уничтожение майордомов и королей под предлогом защиты церковей от притеснений, то уже не мог обирать эти последние, так как это противоречило бы принятой им па себя роли и показало бы всем, что он издевается над нацией, впрочем, завоевание двух больших королевств и уничтожение противной партии доставили ему достаточно средств, чтобы удовлетворить своих военачальников.

Пипин сделался господином монархии, покровительствуя духовенству, сын его, Карл Мартелл, мог держаться у власти, только притесняя это духовенство. Видя, что часть королевских и казенных имуществ была роздана в пожизненное владение и в собственность знати и что духовенство, получая дарения от богатых и бедных, приобрело значительную часть даже аллодиальных земель, он отобрал у церковей их имущества, а так как феодалов первоначального раздела уже почти не оставалось, он вторично образовал феодалы. Он захватил для себя и для своих военачальников церковные имущества и самые церкви и прекратил злоупотребление, которое в отличие от обычных бедствий было тем легче искоренить, что оно достигло крайних пределов.

ГЛАВА X

Богатства духовенства

Духовенство получало так много, что за время трех династий все имущество государства, вероятно, много раз прошло через его руки. Но если короли, знать и народ

находили возможным отдавать духовенству все свое имущество, то они находили поводы и брать его обратно. Во время первой династии благочестие побуждало людей к созиданию церквей, а военный дух — к раздаче их военным людям, которые делили церковные земли между своими детьми. Сколько частновладельческих земель вышло из имуществ, первоначально предназначавшихся для содержания духовенства! Короли второй династии осыпали его своими щедротами. Но затем приходят норманны, которые все грабят и опустошают, больше всего преследуют они священников и монахов, ищут аббатств и не пропускают ни одного святого места: они приписывали духовенству уничтожение их идолов и все насилия Карла Великого, которые заставили их искать убежища на севере. Это вызвало в них такую ненависть, что промежуток в сорок или пятьдесят лет не мог погасить ее. При таком положении вещей какую массу имуществ потеряло духовенство! Едва оставалось достаточное число духовных лиц, чтобы требовать их возврата. Таким образом, благочестивые чувства третьей династии имели достаточно поводов к пожертвованиям вкладами и землями. Повсеместно распространенные в то время верования могли бы лишиться мирян всего их имущества, если бы только они обладали достаточной честностью. Но если духовенство было одержимо честолюбием, не лишены были его и миряне: если умирающий дарил, наследник пытался взять подаренное назад. Не было конца спорам между сеньорами и епископами, дворянами и аббатами, и надо думать, что борьба эта была духовенству не по силам, так как оно вынуждено было отдаваться под покровительство некоторых сеньоров, которые недолгое время его защищали, а потом сами начинали притеснять.

Лучший порядок гражданских отношений, утвердившийся за время третьей династии, давал духовенству возможность увеличивать свои имущества. Но вот появились кальвинисты и обратили в монету все золото и серебро, найденное ими в церквях. Как могло быть духовенство уверено в сохранности своего имущества, когда оно не было уверено в своем существовании? Оно занималось обсуждением спорных вопросов, а у него жгли архивы. Что пользы было требовать от разоренного дворянства возвращения того, чего у него уже не было или что было уже тысячу раз заложено и перезаложено? Духовенство всегда приобретало и всегда возвращало, но приобретает оно и поныне.

ГЛАВА XI

Состояние Европы времен Карла Мартелла

Карл Мартелл, предпринявший ограбление духовенства, находился для этого в самых благоприятных условиях: его любили и боялись военные люди, о которых он заботился, а предлогом послужили его войны с сарацинами. Сколько бы духовенство его ни ненавидело, он в нем не нуждался, папа, которому он был необходим, простирал к нему свои объятия, известно знаменитое посольство, посланное к нему Григорием III. Эти две власти заключили между собой тесный союз, потому что не могли обойтись одна без другой: папа искал во франках опоры против лангобардов и греков, Карл Мартелл нуждался в папе, чтобы унижить греков, привести в затруднение лангобардов, приобрести большее уважение в своем королевстве и утвердить за собой права, которые он имел, и права, на которые он и его дети могли иметь притязания. Итак, он не мог потерпеть неудачи в своем предприятии.

Святой Евхарий, епископ Орлеанский, имел видение, поразившее князей. Необходимо упомянуть здесь о письме, написанном собравшимися в Реймсе епископами Людовику Немецкому, который вступил во владения Карла Лысого, письмо это дает нам ясное представление о положении вещей и настроении умов в то время. В нем говорится, что «святой Евхарий, перенесенный на небо, видел, как Карл Мартелл мучится в преисподней по велению святых, которые должны присутствовать с Иисусом Христом на страшном суде, что он был приговорен к этому наказанию еще при жизни за то, что отобрал у церкви их имущество и тем самым принял на себя грехи тех, от кого имущество это перешло к церкви, что король Пипин созвал по этому случаю собор и приказал возвратить церквям все, что он

только мог взять обратно из церковных имуществ, а так как вследствие его раздоров с Вайфаром, герцогом Аквитанским, могла быть получена обратно только часть отобранного у церквей имущества, то он приказал на недостающую часть его составить в пользу церквей грамоты на временное пользование доходами и вместе с тем установил, чтобы миряне платили десятину с церковных имений, которыми они владели, и по 12 динариев с каждого дома, что Карл Великий не раздавал церковных имуществ — напротив, он издал капитулярий, в котором обязался за себя и за своих наследников никогда не раздавать церковных имуществ, что все ими утверждаемое доказывается письменными свидетельствами и что многие из них сами слышали, как все это рассказывалось Людовику Благочестивому, отцу обоих королей».

Распоряжение короля Пипина, о котором говорят епископы, состоялось на соборе в Лептине. Церкви оно было выгодно в том отношении, что лица, получившие ее имущество, сохраняли его лишь на правах временного пользования, она же, кроме того, получала с них десятину и по 12 динариев с каждого принадлежавшего ей жилища. Однако это был только паллиатив, зло продолжало существовать.

Но и эта мера встретила противодействие, и Пипин вынужден был составить другой капитулярий, которым предписывал владельцам этих бенефициев платить указанную десятину и подать и даже содержать в порядке епископские и монастырские строения под страхом лишения самых имуществ. Карл Великий возобновил распоряжения Пипина.

То, что епископы говорят в том же письме, будто Карл Великий обещал за себя и своих наследников не раздавать более церковных имуществ военным, подтверждается капитулярием этого государя, данным в Аахене в 803 году с целью рассеять возникшие на этот счет опасения духовенства, но сделанные раньше пожалования остались в силе. Епископы справедливо добавляют, что Людовик Благочестивый следовал примеру Карла Великого и вовсе не раздавал церковных имений военным людям.

Между тем прежние злоупотребления усилились и дошли до того, что при детях Людовика Благочестивого миряне ставили и прогоняли священников в своих церквях, не испрашивая на то согласия епископа. Церкви подвергались разделу между наследниками, а в тех случаях, когда их держали в неподобающем виде, епископы не имели иных средств воздействия, кроме удаления из (них мощей).

Капитулярий, данный в Компьене, определяет, что посланный короля имеет право осматривать все монастыри вместе с епископами, с ведома и в присутствии их владельцев. Это общее правило доказывает, что злоупотребление было всеобщим.

Происходило это не оттого, что не было законов, определяющих возврат церковных имуществ, когда папа упрекнул епископов в их небрежном отношении к восстановлению монастырей, они написали Карлу Лысому, что этот упрек их не касается, потому что они ни в чем неповинны, и обратили его внимание на все то, что было им обещано, решено и определено на столь многих народных собраниях. Последних они действительно насчитывают девять.

Так тянулся спор, пока нашествие норманнов не водворило согласие.

ГЛАВА XII

Установление десятины

Постановления короля Пипина дали церкви скорее надежду на облегчение, чем действительное облегчение, и если Карл Мартелл нашел все общественное достояние в руках духовенства, то Карл Великий нашел имущество духовенства в руках военных. Нельзя было заставить этих последних вернуть то, что им было дано, к тому же обстоятельства того времени делали это еще менее исполнимым, чем когда-либо. С другой стороны, нельзя было оставить христианство погибнуть от недостатка в церковнослужителях, храмах и просвещении.

Это побудило Карла Великого установить десятину — новый род имущества, который имел для духовенства то удобство, что составлял исключительно достояние церкви, так что впоследствии можно было легко установить злоупотребления им.

Некоторые приписывали этому учреждению более отдаленное происхождение, но источники, на которых основывают это мнение, утверждают, мне кажется, противное. В конституции Хлотаря говорится только, что определенные десятины не будут вовсе взиматься с церковных имуществ. Итак, церковь в то время была далека от того, чтобы взимать десятины, все, чего она добивалась, — это не платить их. Второй собор в Маконе, состоявшийся в 585 году, предписывая сбор десятины, действительно говорит, что в старое время платили десятину, но он говорит также, что в его время ее более не платили.

Никто, конечно, не сомневается, что и до Карла Великого читали Библию и проповедовали пожертвования и приношения, следуя книге Левит. Я говорю только, что до этого государя уплату десятины могли только проповедовать, но она не была еще установлена.

Я уже упоминал, что постановления, состоявшиеся при короле Пипине, обязывали тех, кто владел церковными имуществами на праве феодалов, платить десятину и поддерживать в исправности церковные здания. Заставить высших представителей нации посредством закона, справедливость которого была неоспорима, служить примером для других — это было уже много.

Карл Великий сделал еще больше: из капитулярия de Villis мы видим, что он принял обязательство уплачивать десятину со своих собственных земель, это был другой великий пример.

Но простой народ не очень-то склонен отказываться от соблюдения собственных интересов под влиянием примера. Франкфуртский собор представил ему более веское побуждение к платежу десятины. На этом соборе был принят капитулярий, в котором говорилось, что во время последнего голода находили много пустых колосьев, что демоны пожирали зерно и что можно было слышать, как они порицали людей за неплатеж десятины. Поэтому всем владельцам церковных имений предписывалось платить десятину, а вскоре этого потребовали и от всех остальных.

Намерение Карла Великого сначала не удалось: повинность эта казалась слишком обременительной. У евреев десятина входила в общий план основания их государства, здесь же десятина была бременем, не связанным с учреждениями монархии. Из постановлений, приложенных к закону лангобардов, можно видеть, с какими трудностями было соединено включение десятин в гражданское законодательство, по различным соборным канонам можно судить, какие затруднения доставлял сбор их церковному законодательству.

Народ согласился, наконец, платить десятину с условием сохранения за собой права ее выкупа. Постановления Людовика Благочестивого и сына его, императора Лотаря, не разрешили этого.

Законы Карла Великого об установлении десятины были делом необходимости. Побуждением для них служила только религия, а отнюдь не суеверие.

Его знаменитое разделение десятины на четыре части — для содержания церквей, для бедных, для епископа и для церковнослужителей — доказывает, что он хотел вернуть церкви ту устойчивость и крепость, которые она утратила.

Его завещание обнаруживает желание загладить зло, причиненное Карлом Мартеллом, его дедом. Он разделил все свое движимое имущество на три равные части и хотел, чтобы две из них были подразделены на двадцать одну часть — по одной на каждую из двадцати одной митрополии его империи, чтобы каждая из этих последних частей была в свою очередь разделена между митрополией и зависевшими от нее епископствами. Остающуюся затем треть он делил на четыре части: одну отдавал своим детям и внукам, другую присоединял к двум уже распределенным частям, а две остальные предназначал на богоугодные дела. Казалось, он смотрел на колоссальный дар, приносимый им церкви, не как на акт благочестия, а как на акт политического возмездия.

ГЛАВА XIII

О выборах в епископствах и аббатствах

После того как церкви обеднели, короли перестали пользоваться своими избирательными правами в епархиях и других церковных бенефициях. У них было теперь меньше забот по назначению священнослужителей, и соискатели реже обращались к содействию их власти. В этом церковь получала как бы вознаграждение за те имущества, которые были у нее отняты.

Если Людовик Благочестивый действительно предоставил римскому народу право избрания пап, то это было одним из проявлений господствующего духа того времени, который требовал, чтобы по отношению к римскому престолу поступали так же, как и по отношению к другим.

ГЛАВА XIV

О феодах Карла Мартелла

Не могу сказать, жаловал ли Карл Мартелл церковные имущества в пожизненное или в вечное пользование. Знаю только, что во время Карла Великого и Лотаря I существовали этого рода имущества, переходившие к наследникам и поступавшие в раздел между ними.

Кроме того, я вижу, что часть их была отдана на правах аллодов, а другая — на правах феодов.

Я уже говорил, что не только владельцы феодов, но и собственники аллодов были обязаны нести военную службу. Несомненно, это и послужило отчасти причиной того, что Карл Мартелл раздавал эти имущества одинаково и в качестве аллодов и в качестве феодов.

ГЛАВА XV

Продолжение той же темы

Следует заметить, что так как феоды обращались в церковные имения, а церковные имения — в феоды, то те и другие приобрели черты взаимного сходства. Так, церковные имущества стали пользоваться привилегиями феодов, а феоды — привилегиями церковных имуществ, в том числе — почетными правами церкви, возникшими в рассматриваемое время. А так как эти, права всегда были соединены с правом высшего суда, в особенности с тем, что мы теперь называем феодом, то из этого следует, что вотчинный суд был установлен одновременно с этими правами.

ГЛАВА XVI

Слияние должности майордома с королевским званием. Вторая династия

Следуя порядку изложения предмета по его содержанию, я нарушил хронологический порядок, — говорил о Карле Великом прежде, чем сказать о знаменитой эпохе, которую составляет переход короны к Каролингам при короле Пипине, — событие, которое, с точки зрения отступления от обычного течения вещей, быть может, обращает на себя более внимания теперь, чем в то время.

Короли совсем не имели власти, но имели имя, сан короля был наследственным, а

должность майордома — выборной. Хотя майордомы в последнее время сажали на престол того из Меровингов, кого хотели, они никогда не брали короля из другого рода, так что древний закон, предоставлявший корону определенному роду, неизменно хранился в сердцах франков. Личность короля была почти неизвестна в монархии, но королевский сан был хорошо известен всем. Сын Карла Мартелла Пипин полагал, что следует соединить оба достоинства, причем оставалось сомнение по поводу того, будет ли новая монархия наследственной или нет, а этого было достаточно для того, кто к королевскому достоинству присоединял сильную власть. Таким образом, власть майордома соединилась с властью короля. В слиянии этих двух властей произошло своего рода примирение. Должность майордома была выборной, королевский сан — наследственным, корона в начале правления второй династии была избирательной, потому что народ избирал, она сделалась наследственной, потому что он избирал короля всегда из одного и того же рода.

Лекуант вопреки свидетельству всех памятников отрицает, что папа дал свое разрешение на столь важную перемену, и подкрепляет свое мнение, между прочим, тем соображением, что в противном случае папа совершил бы несправедливость. Удивительно, что историк основывает свое суждение о том, как люди поступали, на том, как они должны были поступать! Если бы все так рассуждали, то не было бы и истории.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что с той минуты, как герцог Пипин одержал победу, его род сделался царствующим, а род Меровингов перестал быть таковым. Коронация его внука Пипина внесла лишь ту перемену, что одним обрядом стало больше и одним призраком меньше. Все, что он приобрел, это — знаки королевского достоинства, в государстве же не произошло никакой перемены.

Я говорю это, чтобы установить момент переворота, чтобы не впадали в заблуждение, принимая за переворот то, что было лишь его следствием.

Когда в начале правления третьей династии короновался Гуго Капет, перемена была значительнее, потому что государство от анархии перешло к правлению, каково бы ни было это правление, но когда корону принимал Пипин, страна получила то же правление, какое и имела.

Когда был коронован Пипин, он переименовал только имя, когда же коронован был Гуго Капет, изменилась самая сущность дела, так как присоединение к короне большого феода прекратило анархию.

Когда был коронован королем Пипин, королевское достоинство было присоединено к самой важной в государстве должности, когда был коронован Гуго Капет, достоинство короля было присоединено к самому крупному феоде.

ГЛАВА XVII

Особенность в избрании королей второй династии

Из формулы коронования Пипина видно, что Карл и Кар-ломан были также помазаны миром и благословлены и что французские сеньоры обязались под страхом интердикта и церковного отлучения никогда не избирать короля из другого рода.

Из завещания Карла Великого и Людовика Благочестивого следует заключить, что франки избирали себе королем одного из королевских детей, что вполне отвечает только что приведенному условию. Когда же императорское достоинство перешло к другому дому, избирательное право, которое было ограниченным и условным, сделалось простым и безусловным, и старая конституция подверглась, таким образом, изменению.

Чувствуя приближение смерти, Пипин созвал духовных и светских сеньоров в Сен-Дени и разделил свое королевство между своими двумя сыновьями — Карлом и Карломаном. Хотя акты этого собрания не дошли до нас, мы находим известие о том, что на нем происходило, в старом историческом сборнике, изданном Канизием, и в Мецских анналах, как это было указано Балюзом. Я нахожу здесь два некоторым образом

противоречащих друг другу обстоятельства: во-первых, что Пипин произвел раздел с согласия своих вельмож, и, во-вторых, что он сделал это в силу своего родительского права. Это доказывает то, о чем я уже говорил, а именно, что право народа при этой династии заключалось в избрании короля из королевской семьи. Собственно говоря, это было скорее правом исключения, чем правом избрания.

Это своеобразное право выбора подтверждается памятниками второй династии. Сюда принадлежит и капитулярий Карла Великого о разделе империи между тремя его сыновьями, в котором, определив их доли, он говорит, что *«если один из трех братьев будет иметь сына, которого народ захочет избрать наследником его отцу, дяди его должны будут подчиниться этому»*.

Это самое распоряжение содержится в разделе, произведенном Людовиком Благочестивым между его тремя сыновьями — Пипином, Людовиком и Карлом — в 837 году на Аахенском съезде, и еще в другом разделе того же государя, произведенном 20 годами раньше между Лотарем, Пипином и Людовиком. Можно также сослаться на присягу Людовика Косноязычного, принесенную при его коронации в Компьене. *«Я, Людовик, поставленный королем милостью божиею и избранием народа, обещаю...»* Сказанное мною подтверждается актами съезда в Валенсе, созванного в 890 году для избрания Людовика, сына Бозона, королем Арля. Людовик был избран, и в качестве главных поводов к его избранию было выставлено то, что он происходил из императорской семьи, что Карл Толстый сообщил ему достоинство короля и что император Арнульф утвердил его в этом достоинстве силой своего скипетра и присылкой к нему своих посланников. Арльское королевство, подобно другим отделившимся или зависимым от империи Карла Великого королевствам, было избирательным и наследственным.

ГЛАВА XVIII **Карл Великий**

Карл Великий старался сдерживать власть дворянства в надлежащих пределах и противодействовать насилиям со стороны духовенства и свободных людей. Он настолько умерил притязания государственных сословий, что привел эти последние в равновесие, а сам остался их господином. Все было объединено силой его гения. Он постоянно водил знать то в один, то в другой поход, не оставляя ей времени для каких-либо замыслов, заставляя ее служить собственным целям. Империя держалась величием своего главы: Карл был великим государем и еще более великим человеком. Короли, его дети, были первыми его подданными, орудием его власти, образцом послушания. Он издал прекрасные постановления, более того, он заставил исполнять их. Его гений проникал во все части империи. В законах этого государя мы находим дух предусмотрительности, которая все постигает, и силу, которая все за собой увлекает. Поводы к уклонению подданных от исполнения своих обязанностей устранялись, нерадение подвергалось наказанию, против злоупотреблений принимались исправительные или предупредительные меры. Он умел наказывать, но еще лучше он умел прощать. Человек обширных замыслов, он осуществлял их с величайшей простотой, никто еще не обладал в такой мере искусством совершать величайшие дела легко и трудные — быстро. Он постоянно объезжал свою обширную империю, вникая во все, что только встречал. Дела появлялись со всех сторон, и он везде их оканчивал.

Ни один государь не умел так пренебрегать опасностями, и ни один не умел так избегать их. Он бравировал ими, в частности теми, которым почти всегда подвергаются великие завоеватели: я имею в виду заговоры. Этот удивительный государь был крайне умерен, он отличался мягким характером, был прост в обращении и любил общество своих придворных. Он был, быть может, слишком доступен женским чарам, но государь, который сам всем управлял и провел всю жизнь в трудах, заслуживает некоторого извинения. Он

соблюдал удивительный порядок в своих расходах и управлял своим имуществом благоразумно, внимательно и расчетливо, любой отец семейства мог бы поучиться из его законов, как следует управлять своим домом. В его капитуляриях виден тот чистый и священный источник, из которого он черпал свои богатства. Скажу еще только одно: он приказывал продавать яйца с птичьих дворов своих имений и излишнюю траву из своих садов, а между тем он разделил между своими пародами все богатства лангобардов и несметные сокровища гуннов, ограбивших весь свет.

ГЛАВА XIX

Продолжение той же темы

Карл Великий и первые его преемники опасались, чтобы посылаемые ими в отдаленные провинции правители не стали обнаруживать наклонности к крамоле, они полагали, что встретят более покорности в духовных лицах и потому основали в Германии большое число епископских кафедр и присоединили к ним крупные феодалы. Из некоторых хартий можно заключить, что статьи, заключавшие в себе прерогативы этих феодалов, не отличались от тех, которыми обыкновенно сопровождалось такого рода пожалования, хотя в настоящее время главные духовные лица в Германии и облечены верховною властью. Как бы то ни было, но они служили для императоров как бы аванпостами против саксов. На что не могли рассчитывать императоры со стороны беспечных и нерадивых левдов, того, как им казалось, они должны были достигнуть благодаря ревности и деятельному вниманию епископов, которые не только не могли восстановить против них подчиненные народы, но, напротив, сами нуждались в их защите против этих народов.

ГЛАВА XX

Людовик Благочестивый

Август, когда был в Египте, приказал вскрыть гроб Александра. Его спросили, не желает ли он, чтобы вскрыли и гробы Птолемея, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов. Так и в истории второй династии мы ищем Пипина и Карла Великого, мы хотим видеть королей, а не мертвецов.

Государь, который был игрушкой своих страстей и даже жертвой собственных добродетелей, государь, который никогда не признавал ни своих сил, ни своих слабостей, не умел внушить к себе ни страха, ни любви, который с незначительными пороками сердца соединял всевозможные недостатки ума, — государь этот принял в свои руки те бразды империи, которые держал Карл Великий.

В то время, когда весь мир оплакивает его отца, когда все в изумлении взывают к Карлу и не находят его, — торопясь занять его место, Людовик посылает перед собой своих поверенных с приказанием арестовать тех, кто способствовал непристойному поведению его сестер. Это вызвало ряд кровавых трагедий и было проявлением крайне неблагоприятной поспешности. Он начал мстить за семейные преступления, прежде чем прибыл во дворец, и возбуждать против себя умы, прежде чем сделался господином.

Он приказал выколоть глаза королю Италии Бернару, своему племяннику, который явился к нему с мольбой о прощении и умер несколько дней спустя. Тогда число его врагов увеличилось. Вызванный этим страх побудил его заставить своих братьев постричься в монахи. Следствием было дальнейшее увеличение числа его врагов. Два последних действия вызвали против него особенно сильные упреки, стали говорить, что он нарушил присягу и торжественные обеты, которые дал отцу при своей коронации.

По смерти императрицы Гирменгарды, от которой он имел троих детей, он женился на

Юдифи, и от нее у него родился сын. Вслед за тем, соединяя снисходительность старого мужа со слабостями старого короля, он внес в свою семью беспорядок, повлекший за собою падение монархии.

Он беспрестанно менял доли своих детей, а между тем эти разделы каждый раз скреплялись присягой его, его детей и сеньоров. Это значило искушать верность своих подданных, вносить путаницу, сомнения и двусмысленность в их долг повиновения, это значило смешивать различные права государей, да еще в такое время, когда крепости были редки и главнейшим оплотом власти служила верность данному и принятому слову.

Дети императора, стремясь удержать за собой полученное ими по разделу, обращались за содействием к духовенству, причем предоставляли ему неслыханные до тех пор права. Но права эти были лишь благовидным способом, чтобы добиться поручительства церкви в деле, для которого хотели получить ее одобрение. Агобард обращал внимание Людовика Благочестивого на то, что он послал Лотаря в Рим для провозглашения его императором, что он произвел раздел между детьми, испросив на то небесное благословение трехдневным постом и молитвой. Что мог сделать суеверный государь, против которого выступило само суеверие? Понятно, какой удар был нанесен верховной власти, один раз — заключением этого государя в темницу, другой — его публичным покаянием. Хотели унижить короля — и унизили королевский сан.

С первого взгляда трудно понять, каким образом государь, обладавший многими хорошими качествами, не чуждый просвещения, по природе своей любивший добро, короче — сын Карла Великого, мог иметь врагов столь многочисленных, столь неистовых и непримиримых, столь страстных в своем желании оскорбить его, наглых в стремлении его унижить и решительных в намерении его погубить, и эти враги два раза погубили бы его безвозвратно, если б его дети, в действительности более честные, чем они, могли следовать какому-либо плану и прийти к какому-либо соглашению.

ГЛАВА XXI

Продолжение той же темы

Сила, сообщенная нации Карлом Великим, еще сохранялась при Людовике Благочестивом (настолько, что государство могло поддерживать свое величие и уважение к себе со стороны чужеземцев. Государь не отличался сильным умом, но нация была воинственна. Авторитет власти падал внутри государства, но извне казался по-прежнему прочным.

Карл Мартелл, Пипин и Карл Великий один за другим управляли монархией. Первый потакал алчности военных, два других — алчности духовенства, Людовик Благочестивый вызвал неудовольствие и в том, и в другом сословии.

Сообразно государственному строю Франции вся власть находилась в руках короля, дворянства и духовенства. Карл Мартелл, Пипин и Карл Великий иногда соединяли свои интересы с интересами одной из этих сторон, чтобы обуздать третью, но чаще всего действовали заодно с обеими, Людовик же Благочестивый разошелся с обоими сословиями. Он восстановил против себя епископов постановлениями, которые они считали слишком суровыми, потому что он шел в них дальше, чем они сами хотели. Бывают очень хорошие законы, несвоевременно изданные. Епископы, привыкшие в то время ходить на войну против сарацин и саксов, были чужды монашеского духа. С другой стороны, потеряв всякое доверие к своему дворянству, государь этот лишал его должностей, устранял от двора, возвышал людей из ничтожества и призывал чужеземцев. Он отделился от этих двух сословий и был ими покинут.

ГЛАВА XXII

Продолжение той же темы

Но больше всего ослабило монархию то, что Людовик Благочестивый расточил имущества короны. В этом случае следует выслушать Нитара, одного из наших наиболее рассудительных историков, внука Карла Великого, принадлежавшего к партии Людовика Благочестивого и писавшего историю по приказанию Карла Лысого,

Он говорит, что «в продолжение некоторого времени некто Адельгард имел столь сильное влияние на государя, что тот подчинялся во всем его воле, что по внушению этого любимца он раздавал казенные имущества всем, кто только желал, и этим привел государство в совершенный упадок». Итак, он сделал во всем государстве то, что раньше, как я уже сказал, сделал в Аквитании. Но тогда ошибка его была исправлена Карлом Великим, теперь же исправить ее было некому.

Государство было доведено до того истощения, в котором нашел его Карл Мартелл, когда сделался майордомом, и обстоятельства были такого рода, что не могло быть и речи о восстановлении порядка каким-нибудь энергичным мероприятием власти.

Казна оказалась до такой степени истощенной, что при Карле Лысом пришлось отменить все почетные должности, безопасность приобреталась только за деньги. Когда можно было уничтожить норманнов, им за деньги давали возможность уйти, и первый совет, какой Гинкмар дает Людовику Косноязычному, — потребовать у народного собрания средств для содержания своего дома.

ГЛАВА XXIII

Продолжение той же темы

Духовенству пришлось раскаяться в покровительстве, оказанном им детям Людовика Благочестивого. Этот государь, как я уже говорил, никогда не раздавал мирянам прецепций на церковные имущества, тогда как Лотарь в Италии и Пипин в Аквитании скоро перестали следовать в этом отношении примеру Карла Великого и пошли по стопам Карла Мартелла. Духовенство прибегло к защите императора против его детей, но оно само ослабило ту власть, к которой теперь взывало. Аквитания согласилась на некоторые уступки, но Италия отказала в повиновении.

Междоусобные войны, омрачавшие царствование Людовика Благочестивого, были лишь началом тех, которые последовали после его смерти. Три брата — Лотарь, Людовик и Карл — старались каждый со своей стороны привлечь знатных людей в свою партию и создать себе приверженцев. Тем, которые соглашались за ними следовать, они давали прецепций на церковные имущества, и, чтобы расположить к себе дворянство, они предоставили ему грабить духовенство.

Из капитуляриев мы видим, что эти государи должны были уступать назойливым требованиям своих сторонников и что у них часто вырывали насильно то, чего они не хотели давать добровольно. Из этих источников видно также, что само духовенство считало, что оно терпит притеснения более со стороны дворянства, чем со стороны королей. Невидимому, Карл Лысый более других посягал на имущество духовенства, потому ли что был против него наиболее раздражен за то, что из-за этого имущества оно унизило его отца, или потому что он был трусливее других. Как бы то ни было, капитулярии свидетельствуют о постоянных распрях между духовенством, которое требовало своего имущества, и дворянством, которое отказывалось, уклонялось или откладывало его возвращение, тогда как короли находились между двумя противниками. Положение вещей в то время представляет поистине жалкое зрелище. Одновременно Людовик Благочестивый раздавал церквям обширные имущества короны, а его дети делили имущество духовенства между мирянами. Часто одна и та же рука основывала новые аббатства и грабила старые. Духовенство не

имело прочного положения. У него отбирали имущество, оно приобретало его снова, но корона всегда только теряла.

К концу царствования Карла Лысого и в последующее время не было больше речи о расприх между духовенством и мирянами по вопросу о возвращении церковных имуществ. Правда, епископы приносили еще от времени до времени Карлу Лысому жалобы по этому поводу. Мы находим их в капитулярии 856 года и в письме духовенства к Людовику Немецкому от 858 года, но, делая предложения и ссылаясь на обещания, от исполнения которых противная сторона уже так часто уклонялась, они, видимо, сами не надеялись на их осуществление. Речь шла только об исправлении в общем зла, причиненного церкви и государству. Короли обязались впредь не отнимать у левдов их свободных людей и не давать более прецепций на церковное имущество, так что духовенство и дворянство, казалось, снова пришли к соглашению на почве обоюдных интересов.

Много способствовали прекращению этой распри, как я уже сказал, страшные опустошения, произведенные норманнами.

Короли с каждым днем все более утрачивали общественное доверие и по тем причинам, о которых я говорил, и по многим другим, о которых я скажу в дальнейшем, в конце концов они не нашли ничего лучшего, как отдаться в руки духовенства. Но это духовенство ослабило королей и в свою очередь было ими ослаблено.

Напрасно Карл Лысый и его преемники зывали к духовенству, чтобы оно поддержало государство и воспрепятствовало его падению, напрасно старались они воспользоваться уважением, которое народы питали к этому сословию, чтобы поддержать уважение к себе самим, напрасно старались повысить авторитет своих законов, опираясь на авторитет канонов, напрасно присоединяли церковные наказания к наказаниям гражданским, напрасно с целью создать противовес власти графа давали они всякому епископу звание их посланного в провинции, — духовенство было не в силах исправить содеянное им зло, и поразительное несчастье, о котором я скоро скажу, привело к тому, что корона упала на землю.

ГЛАВА XXIV

О том, что свободные люди приобрели право владеть феодами

Я уже говорил, что свободные люди выходили на войну под предводительством своего графа, а вассалы — под предводительством своего сеньора. Благодаря этому государственные сословия взаимно друг друга уравнивали, и хотя левды имели подвластных себе вассалов, их могли сдерживать графы, которые стояли во главе всех свободных людей монархии.

Первоначально эти свободные люди не могли коммендоваться с получением феонов, но впоследствии им было предоставлено это право. Я считаю, что это произошло в период между царствованием Гонтрана и Карла Великого. Я доказываю это сравнением договора в Андели, заключенного между Гонтраном, Хильдебертом и королевой Брунгильдой, с разделом, совершенным Карлом Великим между его детьми, и с аналогичным разделом Людовика Благодетельного. Эти три документа содержат почти одинаковые постановления относительно вассалов, и так как в них разрешаются почти одинаковые вопросы приблизительно при одинаковых условиях, то все эти три трактата по духу и букве в этом отношении почти тождественны.

Но что касается свободных людей, то тут различие между этими источниками весьма существенно. Договор в Андели совсем не упоминает о том, чтобы они могли коммендоваться с получением феода, тогда как в актах о разделе Карла Великого и Людовика Благодетельного есть особые статьи, по которым им предоставляется это право. Из этого следует заключить, что после договора в Андели вошел в употребление новый обычай, предоставивший свободным людям это важное преимущество.

Это должно было произойти в то время, когда Карл Мартелл, раздав церковные

имущества своим воинам частью в качестве феодалов, частью в качестве аллодов, произвел своего рода переворот в феодальных законах. По всей вероятности, благородные, имевшие уже феоды, нашли для себя более выгодным получать новые пожалования на правах аллода, а свободные люди были очень счастливы уже тем, что могли получать их на правах феодала.

ГЛАВА XXV

Главная причина упадка второй династии. Перемена в аллодиальной системе.

В акте о разделе, упомянутом в предшествующей главе, Карл Великий постановил, чтобы после его смерти вассалы получали бенефиции в своем, а не в чужом королевстве, но сохраняли свои аллоды, в каком бы королевстве эти последние ни находились. Он добавляет, что всякий свободный человек может по смерти своего сеньора коммендоваться за феодал в любом из трех королевств, точно так же как и тот, кто никогда не имел сеньора. Те же распоряжения мы находим в акте о разделе, совершенном Людовиком Благочестивым между его детьми в 817 году.

Хотя свободные люди коммендовались за феодал, войско графа от этого не стало слабее, так как по-прежнему требовалось, чтобы свободный человек нес повинность за свой аллод и ставил людей на службу по одному с четырех дворов или чтобы ставил человека, который исполнял бы его обязанности. Когда же в это дело вкрадывались злоупотребления, то их исправляли, как это видно из постановлений Карла Великого и короля Италии Пипина, взаимно объясняющих друг друга.

Мнение историков, что битва при Фонтене была причиной падения монархии, совершенно верно, но я позволю себе указать на некоторые роковые последствия этого события.

Во-первых, вскоре после этой битвы три брата — Лотарь, Людовик и Карл — заключили между собой договор, в этом договоре я нахожу статьи, которые должны были изменить весь государственный строй французов.

В манифесте, сообщавшем народу ту часть договора, которая его касалась, Карл говорит, что всякому свободному человеку предоставляется избирать своим сеньором, кого он захочет, — короля или кого-либо из сеньоров. До этого договора свободный человек мог коммендоваться за феодал, но его аллод всегда находился под непосредственной властью короля, т. е. был подчинен юрисдикции графа, от сеньора же он зависел лишь в отношении феодала, который от него получил. Но со времени этого договора всякий свободный человек мог подчинить свой аллод королю или другому сеньору по своему свободному выбору. При этом речь шла не о тех, кто коммендовался за феодал, а о тех, кто хотел обратить свой аллод в феодал и, так сказать, выходил из-под гражданской юрисдикции, вступая под власть короля или сеньора по собственному выбору.

Таким образом, люди, которые в прежнее время находились ягд властью одного лишь короля в качестве свободных, выступающих на войну под предводительством графа, незаметным образом стали вассалами друг друга, так как всякий свободный человек мог избирать себе сеньором, кого хотел, — короля или другого сеньора.

Во-вторых, когда человек обращал в феодал землю, которая находилась в его вечном владении, то этот феодал не мог быть более пожизненным. Поэтому вскоре за тем был издан общий закон о передаче феодалов детям их владельцев, он принадлежал Карлу Лысому, одному из трех государей, принявших договор.

Сказанное мною о том, что всякий человек в монархии со времени договора между тремя братьями имел право выбирать себе сеньором по желанию короля или другого сеньора, подтверждается многими позднейшими актами.

Во времена Карла Великого, когда вассал получал что-либо от сеньора, то не мог уже более его покинуть, если бы даже полученная вещь стоила не более одного солида. Но при

Карле Лысом вассалы могли безнаказанно следовать своим интересам и влечениям, и этот государь выражается на этот счет так решительно, что кажется, будто он скорее предлагает им пользоваться этой свободой, чем ограничивать ее. Во время Карла Великого бенефиции были скорее формой личной зависимости, чем формой зависимости имущественной, впоследствии они сделались более имущественными, чем личными.

ГЛАВА XXVI

Изменения в системе феодалов

Феодалы претерпели не меньшие изменения, чем аллоды. Из капитулярия, данного в Компьене при короле Пипине, видно, что те, кто получал бенефиции от короля, сами частично раздавали их своим вассалам, но что отделенные таким образом части все же составляли одно целое. Отбирая все, король отбирал и их, если умирал левд, вассал терял приобретенный от него феодал. Являлся новый владетель бенефиция, который ставил своих подвассалов. Таким образом, феодал второй степени не зависел от феодала первой степени, зависело только лицо. С одной стороны, подвассал возвращался к королю, потому что те был навсегда связан с вассалом, феодал второй степени также возвращался к королю, потому что он входил в состав феодала и не был самостоятельной частью его.

Таковы были подвассальные отношения в то время, когда феодалы носили временный характер, они остались такими и после того, как феодалы сделались пожизненными, но положение изменилось, когда феодалы первой и второй степени стали переходить к наследникам. То, что раньше находилось в непосредственной зависимости от короля, теперь зависело от него через посредство третьих лиц, и королевская власть, так сказать, отдалась на одну-две ступени, а часто и более.

Из книг о феодалах видно, что, хотя королевские вассалы могли давать земли как феодалы, т. е. как королевские феодалы второй степени, эти подвассалы или мелкие вассалы вассалов уже не могли раздавать феодалов, так что все, что они давали, они в любое время могли взять обратно. Кроме того, подобная уступка не переходила к детям на правах феодала, потому что не считалась совершенной по законам о феодалах.

Если мы сравним подвассальные отношения той эпохи, когда два миланских сенатора писали свои Книги о феодалах с подвассальными отношениями эпохи короля Пипина, то найдем, что феодалы второй степени дольше сохранялись в своем первоначальном виде, чем феодалы первой степени.

Но уже тогда, когда писали эти два сенатора, существовали исключения из правила, настолько общие, что само правило было ими почти уничтожено. Так, если человек, получивший свой феодал от малого вассала, сопровождал этого последнего в походе в Рим, то приобретал все права вассала, точно так же, если он ссужал малого вассала деньгами, чтобы получить от него феодал, малый вассал не мог взять у него феодал обратно и не мог даже помешать ему передать свой феодал сыну впредь до возвращения ему денег. Наконец, это правило перестало соблюдаться миланским сенатом.

ГЛАВА XXVII

Другое изменение в системе феодалов

При Карле Великом все должны были являться по призыву на любую войну под страхом тяжких наказаний. При этом не принималось никаких отговорок, и сам граф подвергся бы наказанию, если бы освободил кого-нибудь от этой обязанности. Но договор трех братьев допустил в этом случае исключение, которое, так сказать, вырвало дворянство из рук короля, обязанность следовать на войну за королем сохранялась только на случай

оборонительной войны, в других войнах предоставлялось всякому идти за своим сеньором или заниматься собственными делами. Этот договор связан с другим, заключенным на пять лет ранее между Карлом Лысым и Людовиком Немецким. По тому договору оба брата освобождали своих вассалов от обязанности следовать за собой в случае, если они будут воевать друг с другом. Они присягнули в этом сами и заставили присягнуть оба войска.

Гибель 100 тысяч французов в битве при Фонтене внушила оставшемуся еще дворянству мысль, что частные распри его королей по поводу раздела могут привести к совершенному его уничтожению, что честолюбие и зависть правителей прольют всю кровь, какая только оставалась в стране. Поэтому издан был закон о том, что дворяне не обязаны следовать за своими государями на войну иначе, как в случае защиты государства от иноземного нашествия. Закон этот соблюдался в продолжение многих столетий.

ГЛАВА XXVIII

Изменения в высших должностях и феодах

Казалось, все приняло ложное направление и стало разлагаться. Я уже говорил, что первоначально многие феодалы были отчуждены в вечное владение, но то были отдельные случаи, в общем же феодалы сохраняли свою природу, и если корона теряла одни феодалы, то заменяла их другими. Я говорил также, что корона никогда еще не делала наследственными высшие должности.

Но Карл Лысый издал общее постановление, коснувшееся и высших должностей, и феодалов. В своих капитуляриях он установил, что графства будут передаваться по наследству детям графов, и распространил это распоряжение на феодалы.

Мы сейчас увидим, что оно было еще более расширено, так что крупные должности и феодалы стали переходить к более отдаленным родственникам. В результате большинство сеньоров, зависевших раньше от короны непосредственно, оказалось лишь в косвенной зависимости от нее. Те самые графы, которые в прежнее время чинили суд в королевских судебных собраниях и водили свободных людей на войну, теперь заняли место между королем и его свободными людьми, и королевская власть отдалилась еще на одну ступень,

Мало того, из капитуляриев можно заключить, что у графов были бенефиции, соединенные с их графствами, и зависевшие от них вассалы. Когда графства сделались наследственными, эти вассалы графа перестали быть непосредственными вассалами короля, могущество же графов увеличилось, потому что, имея своих вассалов, они получили возможность приобретать через них новых вассалов.

Чтобы лучше понять, до какой степени этот порядок способствовал ослаблению власти в конце второй династии, стоит только обратить внимание на положение вещей в начале третьей династии, когда размножение феодалов второй степени привело крупных вассалов в отчаяние.

В королевстве существовал обычай, что старшие братья после раздела имущества с младшими принимали от них оммаж, так что господствующий сеньор держал их уже как вассалов второй степени. Филипп-Август, герцог Бургундский, графы Неверский, Булонский, Сен-Польский, Дампьерский и другие сеньоры объявили, что впредь феодалы при разделе их между наследниками или по какому-либо иному поводу будут всегда считаться зависимыми от одного и того же сеньора, без всякого посредствующего сеньора. Хотя этот указ и не получил общего применения, потому что, как я уже сказал в другом месте, издание общих указов было в то время немыслимо, тем не менее на его основе возникли многие из наших обычаев.

ГЛАВА XXIX

О природе феодалов после царствования Карла Лысого

Как я уже сказал, Карл Лысый постановил, чтобы, в случае если лицо, занимающее крупную должность, или владетель феода оставит после себя сына, должность или феодал переходили к этому последнему. Было бы затруднительно проследить развитие возникших отсюда злоупотреблений и практическое применение этого закона в отдельных странах. Я нахожу в книгах о феодах, что в начале царствования императора Конрада II феодалы в подвластных ему странах не переходили к внукам, они переходили только к тому из детей последнего владельца, которого избирал сам сеньор. Таким образом, феодалы давались как бы по выбору, который делал сеньор между детьми бывшего владельца.

В главе XVII этой книги я объяснил, каким образом при второй династии корона сделалась в одних отношениях избирательной, а в других — наследственной. Она была наследственной, потому что королей брали всегда из этой династии, а также потому, что (наследовали дети, она была избирательной, потому что народ избирал короля из детей. Так как все явления между собою связаны и один политический закон всегда имеет нечто общее с другим политическим законом, то в наследовании феодалов держались того же направления, как и в наследовании короны. Поэтому феодалы переходили к детям и по праву преемства и по праву выбора, всякий феодал, подобно короне, стал избирательным и наследственным.

Этого предоставленного сеньору права выбора не существовало при авторах книг о феодалах, т. е. в царствование императора Фридриха I.

ГЛАВА XXX **Продолжение той же темы**

В книгах о феодалах говорится, что, когда император Конрад отправлялся в Рим, верные, находившиеся на его службе, просили его издать закон, по которому феодалы, переходившие к детям, могли бы переходить и к внукам, и чтобы человек, брат которого умер, не оставив законных наследников, мог наследовать его феодал, принадлежавший их общему отцу. Просьба эта была исполнена.

К этому добавлено (причем не следует забывать, что те, кто это сообщает, жили во время императора Фридриха I), «что, согласно мнению, которого всегда держались старые юристы, наследование феодалов по боковой линии не может идти далее родных братьев, хотя в позднейшее время оно стало переходить до седьмого колена, а по новому праву, по прямой линии,—до бесконечности». Так закон Конрада получал мало-помалу дальнейшее распространение.

Если мы примем все это во внимание, то простое чтение французской истории покажет нам, что вечное владение феодалами утвердилось во Франции раньше, чем в Германии. В начале царствования императора Конрада II, в 1024 году, положение вещей в Германии оставалось еще таким, каким оно было в царствование Карла Лысого, умершего в 877 году. Но во Франции со времени царствования Карла Лысого произошли столь важные изменения, что Карл Простоватый оказался не в силах отстоять свои несомненные права на империю от притязаний чужеземного дома, а во время Гуго Капета правящая династия, лишившаяся всех своих коронных владений, не могла даже удержаться на престоле.

Слабоумие Карла Лысого ослабило все французское государство. Что же касается государства его брата Людовика Немецкого, то, так как этот государь и некоторые из его преемников обладали большими достоинствами, то оно дольше сохранило свою силу. А может быть также и то, что флегматический темперамент и, если позволительно так выразиться, малая подвижность духа немецкой нации помогли ей противостоять тому порядку вещей, в силу которого феодалы как бы по естественному влечению удерживались в одних и тех же родах.

Добавлю, что германское государство не подверглось тому опустошению, почти

уничтожению, которое постигло Францию вследствие своеобразной войны, какую вели против нее норманны и сарацины. В Германии было менее богатств, менее городов, которые можно было бы разграбить, менее морских берегов для совершения набегов, более болот и лесов, служивших препятствием к передвижению. Государя, которым не угрожала постоянно гибель государства, менее нуждались в своих вассалах, т. е. менее от них зависели. Пожалуй, если бы германские императоры были избавлены от необходимости стремиться в Рим для коронования и делать постоянные походы в Италию, то феодалы еще дольше сохранились бы в ней в своем первоначальном виде.

ГЛАВА XXXI

Каким образом императорский сан был утрачен домом Карла Великого

Имперское достоинство, уже перешедшее раз помимо линии Карла Лысого к незаконнорожденным потомкам Людовика Немецкого, перешло еще раз в чужой дом вследствие избрания императором Конрада, герцога Франконского в 912 году. Линия, царствовавшая во Франции, могла с трудом отстаивать свои селения и еще того менее — имперское достоинство. До нас дошло соглашение, состоявшееся между Карлом Простоватым и императором Генрихом I, преемником Конрада. Это так называемый боннский договор. Оба государя встретились на корабле посреди Рейна и поклялись друг другу в вечной дружбе. Был найден довольно удачный *mezzotermine*: Карл принял титул короля Западной Франции, а Генрих — титул короля Восточной Франции. Карл заключил договор с королем Германии, а не с императором.

ГЛАВА XXXII

Каким образом французская корона перешла к дому Гуго Капета

Наследственность феодалов и повсеместное распространение феодалов второй степени привели к уничтожению политического образа правления и к замене его феодальным. Из бесчисленного множества вассалов у королей остались лишь немногие, от которых зависели все остальные. Короли почти утратили всякую непосредственную власть: проходя через такое множество других властей, и к тому же властей сильных, королевская власть останавливалась или терялась, не достигнув цели. Столь могущественные вассалы отказывались повиноваться и опирались при этом на своих же подвассалов. Короли, лишённые коронных имуществ, сохранившие только свои города — Реймс и Лан, — находились в их власти. Дерево слишком широко раскинуло свои ветви, и вершина его засохла. Королевство оказалось без домена, подобно империи [143] в настоящее время, и вот корону получил один из наиболее могущественных вассалов.

Норманны опустошали королевство, та своих плотах или небольших лодках они входили в устья рек, поднимались вверх по течению и разоряли страну вдоль обоих берегов. Орлеан и Париж задерживали этих разбойников, так что они не могли двигаться дальше ни по Сене, ни по Луаре. Гуго Капет, владевший этими двумя городами, держал в своих руках два ключа от жалких остатков королевства. Ему вручили корону, которую он один только мог защищать, подобно тому как сан императора был впоследствии отдан дому, который остановил расширение турецких границ.

Дом Карла Великого утратил императорское достоинство еще в то время, когда наследственность феодала допускалась лишь в виде особого снисхождения. У немцев феодалы стали наследственными еще позже, чем у французов. Поэтому сан императора, рассматриваемый как феодал, стал избирательным. Напротив, когда корона Франции из дома Карла Великого перешла в дом Капета, феодалы уже были в этом королевстве

наследственными, поэтому и корона, как крупный феод, стала наследственной.

Впрочем, сильно заблуждались те, кто приписывал этому перевороту все изменения — как современные ему, так и последующие, в действительности, все сводится к двум событиям: к смене царствующего дома и соединению короны с крупнейшим феодом.

ГЛАВА XXXIII О некоторых последствиях вечного владения феодами

Как следствие вечного владения феодами у французов установилось право старшинства или первородства. Этого права не знали во времена первой династии: государство делилось между братьями, аллод — также, а феоды временные или пожизненные не могли быть предметом раздела, поскольку они не подлежали наследованию.

При второй династии Людовик Благочестивый, носивший титул императора и передавший его старшему своему сыну Лотарю, задумал в силу этого титула предоставить ему старшинство над младшими братьями. Оба короля должны были ежегодно посещать императора, приносить ему подарки, в свою очередь получать от него подарки, но более значительные, и совещаться с ним об общих делах. Это и дало Лотарю повод к притязаниям, в которых он имел так мало успеха. Когда Агобард писал в защиту Лотаря, то ссылаясь на распоряжение самого императора, принявшего сына в соправители империи после обращения к божьему указанию посредством трехдневного поста, святой литургии, молитв и милостыни, Агобард говорил, что народ принес Лотарю присягу и не может ее нарушить, что отец посылал его в Рим для утверждения в новом звании папой. Он настаивает на всем этом, только не на праве старшинства. Правда, он говорит, что император, дав доли младшим детям, оказал предпочтение старшему, но говорить о предпочтении, оказанном старшему, значило утверждать одновременно, что император мог предпочесть и младших.

Но когда феоды стали наследственными, право старшинства утвердилось в наследовании феонов и на том же основании в наследовании короны, которая была крупным феодом. Древний закон, которым руководствовались при разделах, перестал существовать. С феодами соединены были обязанности службы, и необходимо было, чтобы владелец феода мог исполнять эти обязанности, поэтому установлено было право первородства и соображения феодального права взяли верх над соображениями права государственного и гражданского.

Так как феоды стали переходить к детям владельца, то сеньоры лишились права располагать ими. Чтобы вознаградить себя за это, они ввели пошлину, которая получила название выкупной пошлины и о которой говорят наши обычаи, сначала она взималась по прямой линии, по позже по обычаю только по боковым.

Вскоре затем феоды стали передавать посторонним лицам как родовое имущество. Отсюда возникла пошлина, носившая название *пошлины с продажи феодального владения* и существовавшая почти во всем королевстве. Сначала размер ее определялся произвольно, но после того как сделки этого рода вошли во всеобщее употребление, размер ее был установлен особо в каждой отдельной стране.

Выкупная пошлина взималась при всяком переходе наследства, первоначально даже в прямой линии. Наиболее распространенный обычай определял ее в размере годового дохода. Она была обременительна и стеснительна для вассала и наносила, так сказать, ущерб самому феоду, поэтому в актах вассальной зависимости вассал часто выговаривал себе обещание сеньора брать выкупную пошлину лишь в форме определенной суммы денег, которая вследствие происшедших изменений монеты сделалась ничтожной. Таким образом, выкупная пошлина в настоящее время утратила почти всякое значение, тогда как пошлина с продажи феодального владения осталась в полном своем объеме. Так как пошлина эта не касалась ни вассала, ни его наследников и была явлением случайным, которого нельзя было ни предвидеть, ни ожидать, то насчет ее и не вступали в соглашения, а продолжали взимать

ее в виде определенной части цены.

Когда феоды были пожизненными, нельзя было отдавать часть своего феода в качестве феода второй степени на вечные времена, человек, имеющий имущество в пожизненном пользовании, не мог, конечно, распоряжаться правом собственности на него. Но когда феоды сделались неотъемлемыми, такие сделки были дозволены с некоторыми ограничениями, которые полагались обычаями. Это называлось пользоваться своим феодом.

После того как вечное владение феодами положило начало выкупной пошине, дочери получили возможность наследовать феоды за отсутствием наследников мужского пола. Отдавая феоде дочери, сеньор увеличивал число случаев выкупа, так как муж обязан был платить его наравне с женой. Это установление было неприменимо к коране: не находясь ни от кого в зависимости, она не могла подлежать и праву выкупа.

Дочь Вильгельма V, графа Тулузского, не наследовала ему. Впоследствии Алиенора наследовала Аквитанию, а Матильда — Нормандию, право дочерей на наследование настолько уже утвердилось в то время, что Людовик Младший после расторжения своего брака с Алиенорой, не задумываясь, отдал ей Гиень, а так как два последних случая последовали очень скоро за первым, то надо думать, что общий закон, разрешавший женщинам наследовать феоды, был введен в Тулузском графстве позже, чем в других областях королевства.

Государственное устройство различных европейских государств соответствовало положению феодов в то время, когда эти государства были основаны. Женщины не наследовали ни во французском королевстве, ни в империи, потому что в период основания этих двух монархий женщины не наследовали в феодах, но они участвовали в престолонаследии в государствах, основанных после того, как установилось вечное владение феодами. Так было в государствах, образовавшихся в результате нормандских завоеваний или войн с маврами, наконец, так было в таких государствах, которые возникли вне немецких пределов и в более близкие к нам времена и как бы возродились благодаря принятию христианства.

Когда феоды были временными, их давали людям, которые в состоянии были нести соединенную с этим службу, причем не могло быть и речи о несовершеннолетних. Но когда владение феодами сделалось вечным, сеньоры стали брать их в свои руки до наступления совершеннолетия вассала с целью увеличить свои доходы или дать воспитаннику военное образование. Это и есть то, что наши обычаи обозначают термином *la garde noble*. Учреждение это основано на иных началах, чем опека, и не имеет с ней ничего общего.

Когда феоды были пожизненными, то желающие приобрести их совершали акт коммандации, и действительная передача, совершавшаяся посредством скипетра, устанавливала феоде, подобно тому как это теперь делается посредством оммажа. Мы не видим, чтобы графы и даже уполномоченные короля принимали оммаж в провинциях. Об этом ничего не говорится и в инструкциях, которые давались этим чиновникам и сохранялись в капитуляриях. Правда, они приводили иногда всех подданных к присяге на верность, но эта присяга очень мало походила на установившийся впоследствии оммаж. Она стала лишь его придатком, который то предшествовал этому изъявлению, то следовал за ним, мог совсем отсутствовать и во всяком случае был менее торжественен и совершенно отличен от него.

Графы и королевские посланные требовали также иногда от вассалов, верность которых подвергалась сомнению, удостоверения, носившего название *firmitas*, но это удостоверение не могло быть оммажем, так как государи давали его друг Другу.

Если аббат Сугерий говорит о кафедре Дагоберта, с которой, согласно древним свидетельствам, французские короли обыкновенно принимали от сеньоров оммаж, то очевидно, что он в этом случае следует языку и понятиям своего времени.

Когда феоды стали переходить по наследству, порядок признания вассала, носивший в первые времена случайный характер, принял строго определенные формы, он стал совершаться с большим блеском и с соблюдением больших формальностей, потому что должен был увековечить память о взаимных обязанностях сеньора и вассала.

Я допускаю, что оммаж получил начало при короле Пипине, когда, как я уже сказал, много бенефициев было роздано в вечное владение, но я допускаю это с большой оговоркой и только на основании предположения, что составители древних франкских летописей не были невеждами и не описали церемониал принесения присяги в верности герцогом баварским Тассильоном Пипину на основании обычаев, которые применялись в их время.

ГЛАВА XXXIV Продолжение той же темы

Пока феодалы были временными или пожизненными, они имели отношение только к государственному праву, поэтому о них так мало говорится в гражданских законах того времени. Но после того как они стали наследственными и появилась возможность передавать их посредством дарения, продажи и отказа по завещанию, они сделались предметом не только государственного, но и гражданского права. Феодал как обязательство нести военную службу имел отношение к государственному праву, как род имущества, находящегося в обороте, он составлял предмет гражданского права. Отсюда возникли гражданские законы о феодалах.

Когда феодалы сделались наследственными, законы о наследовании должны были принять в основание начало вечного владения феодалами. Таким образом, вопреки определению римского права и салического закона установилось начало французского права: *Propresnerementpoint*, т. е. собственность не наследуется в восходящей линии. Феодалная повинность подлежала исполнению, но дед и двоюродный дед были бы плохими вассалами для сеньора. Поэтому правило это первоначально применялось только к феодалам, как мы это узнаем от Бутилье,

Когда феодалы сделались наследственными, сеньоры, на которых лежала забота о том, чтобы исполнялась феодалная повинность, стали требовать, чтобы дочери, к которым феодал переходил по наследству, а иногда, как я думаю, и мужские наследники не вступали в брак без их согласия, так что брачные договоры у дворян получили значение одновременно и феодалного, и гражданского акта. В подобном акте, совершаемом на глазах у сеньора, делались распоряжения относительно наследования в будущем с таким расчетом, чтобы наследники могли исполнять связанные с феодалом обязательства. Поэтому первоначально только одни дворяне могли посредством брачного контракта свободно распоряжаться порядком наследования в будущем, как это уже заметили Бойе и Офрерий.

Было бы излишне говорить о том, что основанный на старинном праве родственников выкуп родового имущества, составляющий тайну французской старинной юриспруденции, о которой по недостатку времени я не стану здесь распространяться, не мог иметь применения к феодалам, прежде чем владение ими сделалось вечным.

Italiam, Italiam [146] ... Я заканчиваю рассуждение о феодалах там, откуда большая часть авторов его начинала.

ПРИМЕЧАНИЯ

О ДУХЕ ЗАКОНОВ

Работа Монтескье «О духе законов» — основное произведение французского мыслителя, систематизирующее его философские, социологические, исторические,

экономические и юридические взгляды. Над ним Монтескье работал около 20 лет — с 1728 по 1748 г. Женевское издание труда опубликовано в 1748 г.. Труд вошел во все собрания сочинений Монтескье. В основу настоящего издания положен перевод А. Г. Горнфельда — М. М. Ковалевского 1900 г., просмотренный и исправленный А. И. Рубиным по французским изданиям сочинений Монтескье.

27 Платон (ок. 427—ок. 347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник объективного идеализма, представитель реакционной афинской рабовладельческой аристократии. Платон много занимался проблемами государства. Созданное им «идеальное государство» было, по словам Маркса, афинской идеализацией египетского кастового строя. Монтескье интересуют главным образом политические идеи Платона.

28 Сократ (ок. 469—ок. 399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, противник афинской демократии. Сократ излагал свои взгляды в устной форме, интересуясь главным образом этическими проблемами. Любимым учеником Сократа был Платон, всячески идеализировавший своего учителя. В этом смысле Монтескье говорит о временах Сократа в Предисловии к работе «О духе законов».-159. Примечания составлены Р. С. Миндлинной. Используются некоторые примечания, имеющиеся в издании Л. Ф. Пантелева, 1900 г.

29 Гоббс (1588-1679 гг.) — выдающийся английский философ, современник английской буржуазной революции, представитель механистического и метафизического материализма. Труды Гоббса «О гражданине», «Левиафан» и др. специально посвящены вопросам права и государства. По утверждению Гоббса, государству предшествовало «естественное состояние», в котором происходила «война всех против всех» и царствовал принцип — «человек человеку волк». В результате общественного договора образовалось государство, которое Гоббс называет именем мифического чудовища — «Левиафан». Монтескье, как и все французские просветители, положительно оценивает учение Гоббса об общественном договоре. Вместе с тем он под верг Гоббса критике за характеристику естественного состояния как войны всех против всех..

30 См. «Размышления о причинах величия и падения римлян», гл. IX.

31 Ксенофонт (ок. 430 — ок. 355 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, ученик Сократа, противник демократии. Монтескье интересуется Ксенофонтom как автором и политическим деятелем, высказавшим ряд ценных суждений об отдельных событиях древней истории.

32 Солон (ок. 638 — ок. 558 гг. до н. э.) — древнегреческий законодатель, впоследствии причисленный к «семи мудрецам». Он провел реформу, освободившую должников от долговых обязательств. Она была направлена против крупных землевладельцев (эпатридов). Впредь запрещалось закабаление личности и продажа в рабство. По введенной им конституции все население делилось на четыре класса по имущественному цензу. Этим были уничтожены политические привилегии эпатридов. Монтескье подчеркивает демократический характер реформ Солона.

33 Говоря об аристократии. Монтескье всегда имеет в виду Венецию.

34 Прежде сенаторы назначались консулами.

35 В данном случае Монтескье имеет в виду французскую монархию.

36 Здесь Монтескье имеет в виду Францию.

37 Говоря о деспотизме, Монтескье имеет в виду восточные государства, в частности Турцию.

38 Имеется в виду Кромвель.

39 Выражение «порядочный человек» (Гнопее Ботте) в XVII — XVIII вв. означало человека дворянского происхождения.

40 Имеется в виду утопический роман «История севарамбов» французского писателя XVII в. Вераса дАлле, рисующего общество, в котором частная собственность заменена общественной, нет, сословий и труд обязателен для всех, но наряду с этим сохраняется

монархическая власть. Идея этого романа перекликается с социальными идеями эпоха Просвещения.

41 См. «Размышления о причинах величия и падения римлян», гл. I. Монтескье неправильно считал сабинян и самнитян потомками спартанцев.

42 Т.е. иезуитам.

43 Теофраст (ок. 370 — 285 гг. до н.э.) — древнегреческий ученый и философ, ученик Аристотеля. Работы Теофраста сыграли большую роль в истории ботаники.

44 Страбон (ок. 65 г. до н.э. — ок. 25 г. н.э.) — известный историк и географ древнего мира, много путешествовал по Ближнему Востоку, Греции и Италии. До нас дошла его «География» в 17 книгах, представляющая сборник сведений по географии древнего мира. Монтескье особенно интересовался Страбоном в связи со своей теорией общественного развития.

45 Сенека (ок. 4 г. до н.э. — 65 г. н.э.) — римский философ-стоик. Особенно его интересовали этические проблемы. Главное в его учении проповедь «апатии», т. е. безразличия к славе, богатству, ко всем жизненным наслаждениям. Борясь с материализмом, Сенека распространял реакционные — космополитические идеи равнодушия к родине.

46 В Риме должностные лица назначались на год, а сенаторы — пожизненно.

47 На юге Франции совершеннолетие считалось с 25 лет.

48 Здесь, так же как и в следующей, XI главе, Монтескье имеет в виду французскую монархию.

49 Имеются в виду стрельцы.

50 Бантам — государство на о. Ява, возникшее в XV в. В конце XVII в. оно было завоевано голландцами.

51 Воден Жан (1530-1596 гг.) — выдающийся французский мыслитель, идеолог абсолютизма, экономист и теоретик государственного права. Воден утверждал, что основной причиной государственных переворотов является имущественное неравенство, выступал против фанатизма католической партии, в защиту веротерпимости. Количественная теория денег Бодена, а также его географический подход к истории оказали сильное влияние на Монтескье.

52 Здесь Монтескье имеет в виду Англию.

53 Император Август лишил сенаторов, проконсулов и губернаторов права носить оружие.

54 Макиавелли Никколо (1469-1527 гг.) — итальянский политический деятель, писатель, историк и социолог, один из виднейших идеологов буржуазии, сторонник централизованного абсолютистского государства и сильной диктаторской власти. Макиавелли провозгласил основой политики буржуазные имущественные интересы, резко выступал против теократической идеи происхождения государства. Его теория оправдания любых методов в борьбе за установление сильной государственной власти (вероломство, насилие, аморализм) сделала Макиавелли символом беспринципной буржуазной политики. Монтескье высоко оценивает Макиавелли, но не согласен с методами макиавеллизма.

55 Здесь речь идет прежде всего о Франции.

56 См. Размышления о причинах величия и падения римлян», гл. XVII.

57 Монтескье имеет в виду Англию.

58 Во Франции парламенты иногда приговаривали детей лиц, осужденных на смертную казнь, к изгнанию.

59 Сейоны жили на территории современной Швеции.

60 Здесь у Монтескье ошибка. Имеются в виду не самнитяне, а су-ниты народ Сарматии.

61 Монтескье, очевидно, хотел выразить мысль, что умеренные монархии погибают от централизации. Говоря о Китае. Монтескье имеет в виду французскую монархию.

62 По-видимому, Монтескье намекает на политику Людовика XIV.

63 Речь идет, очевидно, не о народе, а об отдельных римских военачальниках, которые,

по свидетельству Тита Ливия, после поражения в битве при Каннах ушли из Рима, чтобы поступить на военную службу в другом государстве.

64 В первом случае имеются в виду республики древней Греции, во втором римская республика.

65 Французской и испанской монархии XVI—XVII вв.

66 Т е этрусские. Монтескье всегда называет этрусков тосканцами.

67 Имеется в виду Людовик XIV.

68 По-видимому, Генуя, которая вчадела Корсикой.

69 Монтескье имеет в виду Венецию.

70 Сидней Алджернон (1622-1683 гг.) — английский политический деятель. В гражданской войне 1642-1648 гг. стал на сторону парламента. Разойдясь с Кромвелем, в 1651 г. эмигрировал. После возвращения в 1677 г. в Англию, в момент нарастания новой парламентской оппозиции сделался одним из вождей вигов и в 1679 г. был избран в парламент. Будучи незаконно обвинен в заговоре против Карла.

71 Это то, что получило название права уео.

72 Должностные лица, ежегодно избираемые народом.

73 Римские должностные лица могли быть обвинены только по окончании срока своей службы.

74 Гаррингтон Джеме (1611-1677 гг.) — современник английской буржуазной революции XVII в. В сочинении «Осеапа» он выступает как выразитель интересов обуржуазившегося дворянства и сторонник республиканского строя, который может гарантировать «новому» дворянству сохранение привилегий и земельных владений, дарованных ему буржуазной революцией.

75 Имеется в виду Франция.

76 Слово готический Монтескье употребляет как синоним слова германский.

77 Диодор Сицилийский (ок. 80—29 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, написавший всемирную историю с древнейших времен до середины I в. до н. э., состоящую из 40 книг. В них излагается преимущественно греческая история.

78 Русской императрицы Анны Ивановны (1693-1740 гг.).

79 Имеется в виду Иван Долгорукий.

80 Т. е. во Франции.

81 Монтескье имеет в виду Францию.

82 Т. е. Швейцария.

83 Т. е. с крепостных.

84 В Англии.

85 Во Франции.

86 Во Франции.

87 Штрафы и конфискации составляли значительную часть доходов откупщиков.

88 Государственные провинции во Франции имели право сами определять цифру своих налогов. Так было до Людовика XIV, после которого двор сам стал назначать сумму сбора.

89 Монтескье имеет в виду китайских императоров.

90 Т. е. во Франции.

91 Монтескье имеет в виду Англию, Францию и Голландию.

92 Войны за испанское наследство.

93 Конфуций и его школа.

94 Мильтон Джон (1608-1674 гг.) — английский поэт и публицист. Участник английской буржуазной революции XVII в. Его публицистические произведения наполнены духом революционного патриотизма. В «Иконоборце» он проводит идею права народа привлекать к суду монарха и даже казнить его. Защищая установление республиканского строя в Англии. Мильтон, однако, был против дальнейшего развития революции, Мильтон — идеолог английского пуританизма, он проповедовал принципы нравственного совершенствования и религиозного воспитания. Взгляды Мильтона оказали влияние на

французское просветительство XVIII в., в том числе и на Монтескье.

95 Т.е. германцы.

96 Монтескье говорит здесь о туземных народах Америки.

97 Григорий Турский (ок. 540—594 гг.) — историк. Главное его произведение «История франков» в Ю книгах является одним из основных источников для изучения истории франков в V — VI вв» в период Меровингов. Труды Григория Турского не отличаются, однако, достоверностью: в некоторых случаях в интересах католической церкви он фальсифицировал факты.

98 В VI главе XI книги. В ней Монтескье говорит об английском народе.

99 Здесь автор намекает на две английские буржуазные партии: то-риев и вигов.

100 Намек на влияние Людовика XIV на английский двор и на изгнание Якова II.

101 Намек на Францию XVIII в.

102 Автор имеет в виду займы и государственный долг.

103 Имеется в виду Ирландия.

104 Во времена царствования Тюдоров.

105 Монтескье намекает на католицизм.

106 Т. е. посредством насилия или несправедливых законов.

107 Ювенал Децим Юний (ок. 60-140 гг.) — древнеримский поэт-сатирик. Ювенал бичевал пороки римского общества, высмеивал высокопоставленных лиц и императоров. Наряду с этим он рисовал картину безотрадной жизни низших классов, пребывавших в нищете и бесправии.

108 Гораций Флакк Квинт (65-8 гг. до н. э.) — выдающийся римский поэт. В ранних лирических стихах (эподах) Горация видны республиканские тенденции, но затем он становится идеологом политики Августа. Угодничество Горация, «ползающего на брюхе перед Августом», — отмечал Энгельс. Сатиры и эподы, в которых Гораций отражает современные ему события, изящны по форме и отличаются тонким юмором.

109 Микеланджело Буонарроти (1475-1564) — выдающийся итальянский скульптор, художник, архитектор и поэт эпохи Возрождения; создатель ряда монументальных произведений искусства, насыщенных глубокой выразительностью, гуманизмом и верой в человека. Одно из лучших его творений — статуя Давида изображает народного борца, готового умереть за интересы родины.

110 Рафаэль Санти (1483-1520) — гениальный итальянский художник эпохи Возрождения, гуманист, автор выдающихся творений, оставивших глубокий след на всем последующем развитии живописи. Отличительная черта его картин благородная простота, которую отметил Монтескье, когда писал о художественной манере Рафаэля (см. стр. 751). Его мадонны необычайно просты и вместе с тем изящны, гармоничны. В них выражен идеал материнства. Среди них — шедевр мирового искусства «Сикстинская мадонна».

111 Имеется в виду Франция.

112 Под великой хартией англичан. Монтескье имеет в виду «Великую хартию вольностей» — акт, навязанный английской феодальной знатью королю Иоанну Безземельному и подписанный им 15 июня 1215 г. Целью хартии была охрана интересов феодалов от усиливавшейся королевской власти. Ряд пунктов хартии ограничивал судебные нрава короля. Основкрепостным крестьянам — хартия не дала ной массе населения Англии никаких прав.

113 Секст Эмпирик (II в. н. э.) — греческий философ, представитель распространенного в период разложения рабовладельческого строя скептицизма, Признавая ценность одной только практики, он недооценивал роли абстрактного мышления. Секст Эмпирик считал, что вещи непознаваемы. Это, по его мнению, освобождает человека от суждений, дает ему полный покой и свободу от сомнений. Монтескье обращается к Сексту Эмпирику как свидетелю древности.

114 Эратосфен (276-196 гг. до н. э.) — греческий математик, астроном, географ и филолог. Он первый вычислил длину земной окружности.

- 115 Имеются в виду поэмы Гомера «Одиссея» и «Илиада».
- 116 Речь идет о евреях, подвергавшихся варварским гонениям.
- 117 Т.е. англичане, французы, голландцы.
- 118 Здесь речь идет об индийских компаниях, основанных в Англии, Голландии и Франции.
- 119 Монополией в древнем праве именовалось всякое не дозволенно» законом общество.
- 120 Т.е. конкурировать,
- 121 В 1744 г.
- 122 «Система Ло» — названа по имени французского буржуазного экономиста и банкира Джона Ло, ставшего в 1719 г. министром финансов и известного своими спекуляциями на бирже. Сущность этой «системы» заключалась в выпуске не обеспеченных золотом банкнот, который создавал почву для биржевых спекуляций.
- 123 Елизавета Петровна (1709-1761 гг.) — императрица России.
- 124 Надо понимать в смысле учета денег.
- 125 Т.е. банкноты.
- 126 Т.е. акции.
- 127 Свидетельство государственной ренты.
- 128 Т.е. примеру Англии.
- 129 Ввиду накопления процентов на проценты.
- 130 См. «О духе законов», кн. одиннадцатая, гл. XIX.
- 131 Т.е. новых законов о долгах.
- 132 Отрывок из первой книги поэмы Лукреция «О природе вещей».
- 133 Петти Уильям (1623-1687 гг.) — английский экономист, «отец английской политической экономии» (Маркс). В своих работах Петти заложил основы трудовой теории стоимости. Буржуазный строй Петти рассматривал как естественный строй общества и на этом основании требовал подчинения политики задачам капиталистического развития. Монтескье тщательно изучал экономистов XVII и XVIII вв. и в том числе Петти.
- 134 Т.е. германских народов.
- 135 Бейль Пьер (1647-1706 гг.) — французский мыслитель, предшественник просветительства, проложивший путь французскому атеизму и Материализму. «Бстественный свет разума» он противопоставил религии и ее догматам. Огромное значение имел «Исторический и критический словарь» Бейля. Стоя на позиции скептицизма, Бейль обосновывал независимость нравственности от веры и доказывал, как писал Маркс, что возможно существование общества, состоящего из одних только атеистов, что атеист может быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство». Монтескье высоко оценивал деятельность Бейля как просветителя, но критиковал его за непримиримое отношение к религии.
- 136 Конфуций (Кун-цзы) (551—479 гг. до н. э.) — древнекитайский философ. Идеи Конфуция оказали значительное влияние на китайское общество и проникли в другие страны. Конфуцианство было первой идеалистической системой в Китае, против которой была направлена критика древнекитайских материалистов. От древней религии конфуцианство заимствовало веру в духов, в небо как верховное божество, культ предков. Последующие идеалистические течения в Китае опирались на конфуцианство. Проповедью нравственного совершенствования, «воспитания добродетелей» внушалась трудящимся эксплуатируемым массам покорность классовому гнету.
- 137 Бомануар Филипп (1250-1296 гг.) — французский юрист, живший и писавший не в XII в., как указывает Монтескье, а в XIII в. Бомануар сторонник монархического государственного строя. Основной его труд «Сойдите? еl изаез «e1 Веаиуоз» («Обычай Бовуази») представляет описание местного обычного права феодальной Франции в XI—XII вв. Монтескье неоднократно ссылается на труд Бомануара.
- 138 Имеется в виду Венеция.

139 Монтескье имеет в виду французского историка Жана Батиста Дюбо (1670-1742 гг.), автора «Критической истории установления французской монархии в Галлии». В этой работе Дюбо отрицал факт завоевания Галлии франками и насильственного подчинения ими местного населения. По его мнению, в Галлии имела место исключительно мирная ассимиляция германцев с галло-римлянами. Эту точку зрения Дюбо критикует Монтескье.

140 франков, вестготов и бургундов.

141 Союз амфикионов (амфикиония) — так называлось в древней Греции объединение представителей различных городов и племен для защиты святилищ и сокровищ этих святилищ. Эти союзы некоторое время имели влияние и на международные отношения, так как на общих собраниях амфикионов рассматривались не только вопросы культа, но и международных отношений. 644.

142 Мор Томас (1478-1535 гг.) — основоположник утопического социализма, автор романа «Утопия», получившего широкую известность. Томас Мор уделял немало внимания критике порядков в современной ему Англии. Монтескье обращался к Морю как к выдающемуся политическому деятелю и писателю, не замечая, однако, роли Мора как противника эксплуататорского строя и сторонника общественной собственности,

143 Речь идет о французском историке графе Буленвиле (1658-1722 гг.), который считал, что франки явились завоевателями Галлии.

144 Монтескье имеет в виду Дюбо и всех тех, кто разделял его точку зрения.

145 Германской империи.

146 «Энеида» Вергилия, кн. III, стих.

III. Монтескье

БИБЛИОГРАФИЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОНТЕСКЬЕ*

* Библиография составлена А. П. Примакивским

Произведения Монтескье пользовались в России заслуженным вниманием, они широко распространялись как в оригинальных, так и в переводных изданиях, много комментировались, оказывали большое прогрессивное влияние. Некоторые произведения французского мыслителя на протяжении истекших двух столетий переводились на русский язык по нескольку раз.

В XVIII в. в России «Персидские письма» Монтескье переводил Анитиох Кантемир, однако его перевод не сохранился. В переводе Федора Пospelова «Персидские письма» были опубликованы в 1789 г., а в 1792 г. в двух частях вышли в свет в переводе Ефима Рознотовского. Отрывки из писем печатались в русских журналах уже с 1782 г., так, например, «Письмо Узбек к Мирзе в Испагань» помещено в журнале «Утра» за 1782 г. В XIX в. «Персидские письма» вышли в издании «Библиотека европейских писателей и мыслителей» (1884-1885). Позднее письма были изданы Павлом Первовым в серии «Пантеон литературы» (Спб. 1892 г.), затем — в издательстве Л. Ф. Пантелеева (Спб. 1892 г.). Известно, что переводом «Писем» Монтескье занимался В. М. Гаршин. В XX в. «Персидские письма» были изданы только после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1936 г. в Москве,

Труд Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» издан в России в переводе Алексея Поленова под названием «Размышления о причинах величия Римского народа и его упадка» (Спб. 1769 г.) и затем в 1893 г. — под названием «Рассуждения о причинах возвышения и упадка Римлян» (с подробными примечаниями по истории и римским древностям В. И. Безобразова-Монигетти).

Первый русский перевод произведения Монтескье «О духе законов» был выполнен по поручению Академии наук В. Крамаренковым и издан под названием «О разуме законов, сочинение господина Монтескюя». В начале этой книги, выдержавшей два издания (т. I, Спб, 1775 и 1801 гг.), помещено «Разрешение Разума законов, сочиненное господином Далам-бертом, служащее к продолжению похвалы господину Монтескюю». В университетской типографии у Н. И. Новикова были изданы «Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов или уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в императорском Московском университете» (М. 1782 г.). В 1809-1814 гг. в Москве и Санкт-Петербурге Дмитрием Языковым был издан в четырех частях перевод этого произведения Монтескье под названием «О существе законов». В 1839 и 1862 гг. в переводе Е. Корнеева была дважды опубликована первая часть этого труда под названием «Дух законов, творение знаменитого французского писателя де Монтескю».

В книге А. Фуллье «Отрывки из сочинений великих философов», переведенной с французского П. Николаевым в 1895 г., помещены следующие отрывки из произведения «О духе законов»: I. Об отношениях законов к различным существам, II. Положительные законы. III. Демократическое правительство. IV. Жизненные принципы различных правительств. Необходимость добродетели в демократии. V. Предрассудки чести составляют опору монархического правительства. VI. Добродетель в демократических государствах. VII. Деспотизм. VIII. Теория разделения трех властей (законодательной, исполнительной и судебной). IX. Рабство. X. Суровость наказаний и ее неудобства. XI. О дуэли.

Отрывки из книги «О духе законов» помещены также в монографии Л. Сорелч «Монтескье», переведенной с французского М. Г. Васильевским (Спб. 1898, стр. 180—207). В издании Л. Ф. Пантелеева в 1900 г. вышел в свет перевод «О духе законов» под редакцией А. Г. Горнфельда со вступительной статьей М. М. Ковалевского. Полное название этого перевода: «О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д., к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся исследования, о законах французских и о законах феодальных». В 1924 г. перевод отрывка из сочинения Монтескье «О духе законов» — «О законах вообще» — был помещен в «Книге для чтения по истории философии» (т. I).

Многие произведения Монтескье, менее известные, чем упомянутые, также привлекли к себе внимание русских читателей XVIII — XX столетий. В 1769 г. в переводе С. Башилова был издан сборник произведений Монтескье, куда вошли: «Лисимах», «Разговор Силлы с Евкратом», «Опыт о вкусе в делах естества и искусства». Затем «Лисимах» в переводе С. Башилова был переиздан в 1800 г. в Петербурге. В 1770 г. вышла в свет книга «Храм Книдийский г. Монтескиеву, оставшийся отрывок брачной песни Императору Галлиену». Это произведение было опубликовано также в 1804 г. в Москве под названием «Храм Венеры на острове Книде». «Разговор Силлы с Евкратом» (в переводе кн. Ф. Н. Голицына) опубликован также в «Опыте трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете» (1783, часть VI). «Арсас и Исмения, восточная повесть из сочинений Монтескюя», появившаяся впервые в 1787(8) г. в переводе Николая Страхова, была затем опубликована под названием «Арсас и Исмения, сочинение Мон-тескю» в переводе Егора Чилиева в 1810 г. В 1803 г. в Москве был издан перевод с французского сочинения г. Жерарда «О вкусе (в трех частях) с приобщением рассуждений о том же предмете ДАламберта, Вольтера и Монтескю».

«Опыт о вкусе в произведениях природы и художеств, или рассуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и изящных художеств, из сочинений г-на Монтескье» был издан в переводе А. Воейковой в 1805 г.

«Почтительнейшее заявление инквизиторам Испании и Португалии» Монтескье было напечатано издательством «Правда» в Варшаве в 1906 г. Подборка высказываний «Из «Мыслей» Монтескье» опубликована в «Библиотеке европейских писателей и мыслителей» в 1885 г.

Имеются свидетельства о широком распространении среди русских читателей XIX в. переводов произведений Монтескье. Сочинения Монтескье находились во многих частных библиотеках России наряду с произведениями Вольтера, Дидро и других французских «вольнодумцев».